

This is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC) project:

Куфтин, Б. А. (1953). Археологические раскопки в Триалети. Изд-во Академии наук Грузинской ССР

The DSCC is part of the Ancient World Digital Library hosted by the [Institute for the Study of the Ancient World Library](#).

Digital South Caucasus Collection

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from the Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: <http://dcaa.hosting.nyu.edu/takedown-notice>.

Б. А. КУФТИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАСКОПКИ
в
ГРИАДЕТИ

SU 1002

141
KUF

2) СИ. Майвани
Института истории

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
институт истории

Б. А. Куфтин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ТРИАЛЕТИ

I

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
1941

Тбилиси

ACADEMY OF SCIENCES OF THE GEORGIAN SSR
THE INSTITUTE OF HISTORY

B. A. Kuftin

Archaeological Excavations in Trialeti

I

An Attempt to Periodize Archaeological Materials

PUBLISHING HOUSE OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE GEORGIAN SSR
Tbilisi

1941

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამოცემლობა
016306006 016306006

ბ. კუფტინი

არქეოლოგიური გათხები თრიალეთში

I

ძეგლების პერიოდიზაციის ცდა

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამოცემლობა
1941

თბილისი

Напечатано по распоряжению Президиума
Академии Наук Грузинской ССР

ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ДЖАВАХИШВИЛИ

Редактор акад. С. Н. Джанашвила

Deutsche Akademie der Wissenschaften
w: 705 (62) zu Berlin
— Institut für Vor- und Frühgeschichte —
Berlin W 8, Leipziger Straße 3-4
Telefon 22.04.41

О ГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Введение. К вопросу об установлении в Грузии и на Южном Кавказе памятников ранней поры медно-бронзового производства I. Обзор инвентаря рядовых могильников железной и поздне-бронзовой эпохи Цалкинского плоскогорья 1. Могильники, современные сасанидской эпохе 2. Погребения, синхроничные римской и парфянской эпохам 3. Могильник, синхроничный эллинистической или поздне-ахеменидской эпохе 4. Богатое погребение ахеменидской эпохи на р. Алгети 5. Могильник ранне-ахеменидской эпохи 6. Могильники, синхроничные мидо-персидской и поздне-ванской эпохе 7. Могильники Ванской эпохи 8. Могильники эпохи поздней бронзы и первого появления железа 9. Могильник бронзовой эпохи с кругами из камней II. Курганные культуры Триалети в эпохи средней и позднего этапа древней бронзы 1. Курганные погребения эпохи крупных государственных образований в Малой Азии и Месопотамии в середине 2-го тысячелетия до нашей эры 2. Курганные погребения древне-бронзовой эпохи III. Погребения энеолитической эпохи и нижний культурный слой циклопических крепостей Заключение Հ Յ Ա Յ Ց Archaeological excavations in Trialeti An attempt to periodize the archaeological materials (summary) Литературные ссылки и примечания Указатели I. Предметный II. Географический III. Именной IV. Лингвистический Список иллюстраций на отдельных таблицах Таблицы	1— 2 3— 19 20— 77 20— 24 24— 30 30— 34 34— 41 41— 48 48— 50 50— 64 65— 75 75— 77 78—105 79—100 101—105 106—118 119—135 136—154 155—171 173—202 203—219 203—211 212—214 215—218 219 220—231 233—491
--	--

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическими работами Цалкинской археологической экспедиции, организованной Отделом охраны памятников культуры Управления по делам искусств при Совнаркоме Грузинской ССР совместно с Историческим отделом Гос. Музея Грузии* в Цалкинском районе в течение пяти лет 1936—1940 гг. собран большого научного значения материал, освещающий совершенно по новому древнейшее прошлое Грузии. Находясь в стадии разработки и подготовки к подробной публикации, этот материал, однако, не может по своему исключительно значению, резко изменяющему привычные для Южного Кавказа хронологические нормы и исторические концепции, оставаться так долго вне непосредственного воздействия на научные представления, на интерпретацию накопленных музейных коллекций и на ход дальнейших археологических исследований. В то же время, вскрытые нами неизвестные до сих пор культурные пласты, прежде чем стать достоянием исторического познания, должны найти свое определенное хронологическое место в историческом процессе, превратясь из археологического объекта в исторические памятники. Но вопросы хронологизации, являющиеся первоочередной и специфической задачей археологии, как науки исторической, становятся наиболее сложными особенно для такой страны, как Кавказ, который, при недостаточной разработанности вопросов его древнейшей истории, по самому характеру своей природы и географическому положению, является страной крупных противоположностей: одновременно, естественным барьером между странами восточной Европы и Передней Азии, средоточием реликтовых форм, долго сохранявшихся в замкнутых горных районах, и, наряду с этим, проводником культурных течений с юга на север.

Сложное переплетение своеобразных этнических типов и стадиальных состояний заставляет особенно осторожно подходить здесь к типологической синхронизации отдельных культурных проявлений и требует применения всей сложной и разносторонней методики археологического анализа, в котором историческая концепция, т. е. образ целой исторической системы со всеми конкретными взаимоотношениями общественно-хозяйственных типов и темпов развития на отдельных участках огромной территории Передней Азии и Средиземноморья, должна занять место важнейшего корректива, способствующего правильному выявлению реальных соотношений между археологическими фактами. Действительно, без этого учета направлений и путей культурной преемственности и форм взаимодействия отдельных обществ друг на друга, оказывается часто невозможным решить, следует ли видеть в сходных группах явлений на различных территориях продукты стадиальных соотношений или же междуобщественных сношений, иначе сказать, насколько рассматриваемые факты являются хронологически независимыми, последовательными или одновременными, а от этого зависит самая возможность исторической синхронизации однородных проявлений в различных частях исторической системы.

* В руководимых мною работах экспедиции в различное время принимали участие: В. Х. Глонти в 1938—1940 годах, Д. П. Гордеев в 1937 и 1940 г., М. М. Иващенко в 1936—1937 г., О. Д. Кирова в 1938 году, С. И. Надимашвили в 1936 и 1940 гг. и А. Н. Склифасовский в 1938—1940 гг.

Но поскольку историческая концепция сама зависит от всей совокупности исторических фактов, каждая новая значительная археологическая находка, получившая свое определенное хронологическое место, корректирует со своей стороны и изменяет ранее сложившиеся представления об исторической конфигурации целого.

Предстоит еще примирить целый ряд крупных противоречий между вскрываемой археологией грубыми фактов и существующим недоучетом роли Грузии и Кавказа в процессе формирования и развития древнего переднеазиатского культурного мира в целом, прежде чем удастся получить вполне надежные опоры для абсолютной датировки памятников древнего культурного расцвета Триалети, Цалки, Парзвана, Табискури, Гуджарети, — может быть и шире, всей древней Гогарены (классических авторов) в эпоху медно-бронзовой и бронзовой индустрии Южного Кавказа.

Все сказанное и заставляет нас, не дожидаясь полной публикации материалов Цалкинской археологической экспедиции и связанного с их разработкой исследовательского аппарата, сделать хотя бы краткий обзор добытых здесь нами фактов в стратиграфическом разрезе. Надо сказать, что и эта последняя задача не оказывается простой, т. к., по самому характеру наших памятников, именно искусственно погребенных, их последовательность во времени не является, за редкими исключениями, непосредственно данной, и относительная хронология погребальных комплексов опять-таки требует в большинстве случаев обращения к вопросу об абсолютном их возрасте, что связано с привлечением сложного аппарата, который мы в данной работе стремились избежать. Ведь Грузия и Южный Кавказ в целом археологически еще слишком недостаточно изучены и не дают нужного количества опорных точек для хронологизации. Их приходится находить и пересматривать заново, преодолевая часто укоренившиеся предубеждения, как общесторического, так и частного характера. Поэтому естественна будет в данном кратком очерке некоторая недоказанность и проблематичность, в частях, предлагаемой, невольно изолированной, периодизации нашего материала, хотя последний и претендует на отведенные ему исторические места, поскольку значительная полнота хронологических вариантов в основной своей части получена нами преимущественно с одной ограниченной площади будущего искусственного водоема Храмгэсстрой, причем неслучайность и устойчивость целого ряда послекурганных комплексов подтверждается значительным распространением их на территории всего Южного Кавказа часто в поразительно тождественных формах. Что же касается нокавказского Двуречья, то они входят уже в тот период истории и археологии Грузии, курганных комплексов, который принадлежит к наименее изученным и требует не только теоретического, но и дальнейшего материального своего выявления.

Поэтому, чтобы сделать более убедительным обзор наших материалов, относящихся к периоду древнейшего расцвета Триалетского культурного очага, в их хронологической последовательности, будет полезно остановиться на некоторых положениях, добытых в результате хронологизации ряда других археологических находок, как известных ранее, так и полученных в связи с проведенными нами археологическими исследованиями в других районах Грузии, преодолевая при этом существующую тенденцию к омоложению групп районов Грузии в ее реальных проявлениях, несмотря на наличие обратных, правда, чисто теоретических, крайне отвлеченных, не обоснованных пока археологическими фактами представлений о кавказских источниках древнейшей переднеазиатской металлургии.

ВВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ В ГРУЗИИ И НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ ПОРЫ МЕДНО-БРОНЗОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Огромный рост за последние годы археологических исследований на территории Грузии, Азербайджана и Армении успел в значительной мере обновить старый археологический материал, на базисе которого были созданы руководящие представления о месте, занимаемом Южным Кавказом и Грузией в общей археологической картине Евразии. Однако эти новые факты не успели еще, в большей своей части, войти в научный обиход. Попрежнему остаются необработанными, на основе корректирующих раскопок, и неопубликованными старые фонды Музеев Тбилиси, Еревана, Баку, краеведческих музеев Кавказа и кавказские собрания Центральных Музеев Москвы и Ленинграда.

До сих пор ощущается отсутствие документации в отношении таких классических объектов, как могильник Кобани, Фаскау Кумбулты и др. в Северной Осетии, как Самтаврский могильник у Мцхеты, давший уже в раскопках 1938—40 года под общим руководством акад. И. А. Джавахишвили перекрывающий все прежнее материал, как могильник Редкина Лагеря (1), могильник Кизил Ванка и др. Непересмотренными поэтому остаются созданные на основе этих памятников хронологические периодизации, суммарные и неубедительные, несмотря на остроумно выдвинутые еще Шантром (2) и Вирховым (3) хронологические опоры для проанализированного ими материала. Получившиеся у обоих авторитетных ученых убеждения, что расцвет металлической индустрии на Кавказском хребте и в Грузии начинается внезапно лишь на рубеже I и II тысячелетий до нашей эры, вместе с появлением железа, и что предшествующих периодов развития чистой бронзы и меди здесь не было или почти не было, остается до сих пор непреодоленным.

Противопоставленная этим авторам хронологическая концепция Жак де Моргана (4), также считавшего невозможным утверждать состояние бронзы на Южном Кавказе (5), (хотя он сам и отнес сюда, совершенно ошибочно, одну раскопанную им могилу в сел. Ахтала (6), которая должна быть датирована временем не ранее II века до нашей эры), не может привлечь внимание по ее фактической необоснованности, поскольку Морган, несмотря на разностороннюю эрудицию и личную большую работу по раскопке Талышинских, Борчалинских и Лелварских могильников, не опирается на конкретный анализ памятников, а основывается лишь на отвлеченных соображениях, явно расходящихся с им же добытыми материалами. Вводя в более сильной степени, чем Шантр и Вирхов, в трактовку материала принцип этнических различий, особенно в последнем своем большом труде (7), полагая, что появлением железа Южная Месопотамия обязана Кавказу и пользуясь так называемой длинной хронологией, в ее еще старой форме, относящей царство Саргона Аккадского ко времени около 3750 года до нашей эры, вместо общепринятой теперь даты около 2700 до нашей эры (8), Жак де Морган непомерно раздвинул границы железной эпохи на

Южном Кавказе, начав ее за 2500—3000 лет до нашей эры. Внутри получившегося таким образом промежутка он, опять-таки по чисто отвлеченным соображениям, распределил все известные ему памятники Кавказа, начиная с Редкина Лагеря и кончая позднейшими Лелварскими могилами с железным оружием, которые он, синхронизовав с Кобанью и почти правильно датировав VI—VII веком до нашей эры, оторвал в то же время, непомерно, промежутком в две тысячи лет от могил Редкина Лагеря (9). В результате получилась, в резком противоречии с постулируемым им самим тесным производственным общением Южного Кавказа с культурными центрами Месопотамии, картина полного хозяйствственно-общественного застоя на Южном Кавказе, как раз в эпоху наиболее значительного творческого его участия в истории древнего мира.

Таким образом, представление Моргана о внезапном появлении железо-бронзовой индустрии на Южном Кавказе без предшествующих состояний бронзового и медно-бронзового производства является той же заменой известной частью неизвестного целого, что и у Шантра, с которым он полемизирует, но перенесенной в совершенно абстрактную хронологическую сетку.

Такое положение вещей и в настоящее время не на много продвинулось вперед. Нижним хронологическим пунктом закавказской бронзы остается дата, обоснованная Шантром и Вирховым для Кобани и поддержанная позднее анализом поздне-микенских и хеттско-ванских соответствий в художественных формах калакентских поясов Гернесом (10) и Фармаковским (11), а также в последнее время Пржеворским (12), в связи с подробным анализом клада бронзовых топоров западно-грузинского типа в Орду, и Ганчаром (13), давшим в ряде работ типологическую синхронизацию опубликованных памятников по геокультурным группам и отодвинувшим глубже поднятую несколько Фармаковским дату поясов, в связи с новым уточнением датировки субмикенской эпохи 1250—1000 лет до нашей эры.

Явившаяся в 1926 году новым опорным пунктом для хронологии Южного Кавказа сердоликовая буса (14) с именем Ададнира (по палеографическим данным видимо 1-го или 2-го) из раскопок Реслера в 1895 г. в одном из курганов близ Ходжалы подтвердила в значительной степени общую правильность хронологических соображений Шантра, Вирхова и Фармаковского, приобщив к указанной синхронической системе новую большую группу археологических памятников Азербайджана (15). Развернувшись одновременно с этим под руководством академика И. И. Мещанинова археологические исследования на территории Азербайджана и Армении выдвинули еще один принцип для хронологизации археологических памятников Южного Кавказа—увязку последних в их комплексном понимании с зафиксированным многочисленными эпиграфическими свидетельствами процессом ванской экспансии в северные страны. Типологическому анализу отдельных предметов и их групп было противопоставлено историческое рассмотрение сложных объектов хозяйствственно-общественной жизни в целом, например могильников, в связи с поселениями и крепостями, в освещении их конкретно историческими событиями и с учетом географической обстановки. Значение этого принципа оказалось настолько велико, что с точки зрения сложившейся исторической концепции пришлось пересмотреть и вопрос о непосредственной датировке Ходжалинских курганов помостью даты изготовления ассирийской бусы, поскольку само наличие этой бусы в погребении Южного Кавказа требовало уяснения исторической ситуации, давшей возможность ей туда попасть. Таким образом, дата могилы, связанная с военными походами урартов, была отодвинута от вероятного времени надписи на бусе (1310—1281) на полтысячелетия вперед.

Время ванской экспансии в области Южного Кавказа становится таким образом центральной осью при исследовании памятников рубежа I и II тысячелетий до нашей эры. Вместе с этим начинает проявляться у местных исследователей излишнее стремление хронологически стягивать к освещенной надписями ванской эпохе различные культурно-исторические проявления других эпох, как существующие территориальные варианты одного

времени, причем конкретно-исторические связи внутри больших систем разрываются ссылками на сходство одностадиальных явлений. Так, в IV томе Советской Археологии культуры расписной керамики Южного Кавказа, несомненно являющейся ветвью древнейшей Месопотамской, с замечательным сосудом из Шах-Тахты в центре, рассматривается на том же фоне истории Ванского царства, в угоду чего реальная перспектива переворачивается.

В результате получается странная картина: В то время как территория Северного Кавказа, несомненно культурно зависимая от Южного Кавказа и сильных культурных течений, шедших через Кавказ со стороны переднеазиатских культурных очагов, дает богатый материал для освещения всей хронологической последовательности развития, начиная от неолита и ранних этапов металлического производства, вплоть до оформления скифского общества, на Южном Кавказе оказывается синхронизированным с кобанской бронзой и ванской эпохой чуть не целиком весь археологический материал, предшествующий греко-римскому времени. Даже Ялойлу-Тапинскую культуру римской эпохи в Кахетии, несмотря на веские аргументы А. А. Иессена (16), подтвержденные вполне монетной находкой Е. А. Пахомова (17), было стремление рассматривать в полном отрыве от других синхроничных ей культурных проявлений на территории Грузии и остального Кавказа, связывая ее с бронзовыми культурами Ирана и М. Азии, в противоречии со всем инвентарем, следуя лишь ошибочным заключениям не видевших материала Тальгрена (18) и Ганчара (19).

Смелая попытка Пржеворского (20) вывести наконец за эти хронологические пределы археологию Южного Кавказа и указать присущее ей место в общей картине культурно-исторического воздействия древнейших центров передне-азиатской цивилизации в эпоху меди на территорию восточной Европы терпит неудачу только потому, что ему недостаточно знаком самый материал, слабо опубликованный и требующий специальной проработки при неравномерной его достоверности. Дав по существу правильную оценку территории Южного Кавказа, как особой провинции древне-восточного культурного мира в эпоху распространения расписной керамики типа Эламской и Месопотамской стиля 1 bis и 2-го стиля, и проследив наличие обоих этих стилистических и хронологических типов в керамике Южного Кавказа, Пржеворский переоценил прежде всего документальность металлического инвентаря из Кизил Ванка, несомненно в значительной своей части не связанного с тем древним этапом кизилванской керамики, которую он проанализировал. В этом отношении и ссылка на отмеченное Т. Пассек и Б. Латыниным (21) сходство с Кизил Ванком случайного комплекса медно-бронзового инвентаря из каменного ящика в Ордубадском районе, с втульчатым копьем и височным кольцом с змеевидной перетяжкой, скорее могло указывать на происхождение Кизил Ванского бронзового инвентаря из более поздних могил, так же, как об этом свидетельствует и кинжал передне-азиатского типа (22), второй половины II-го тысячелетия до нашей эры.

Второй ошибкой было согласиться с мнением С. Везенденка (23), что инвентарь из группы могил, раскопанных Евг. Пчелиной (24) в Сагурамо, помещается между неолитом и бронзой. Приводимые для этого основания, как сходство булавок с кизилванскими, в большей мере способны установить молодость последних, чем обратно, поскольку булавки с четырьмя выступами и маленьким круглым отверстием указываются самой Е. Пчелиной среди разновременного инвентаря Кобанских могильников и находят также аналогию среди булавок, связанных с инвентарем даже эллинистической эпохи (булавка из Уплис Цихе Гос. Муз. Груз. инв. 104—13, с позднего типа привеской в виде головки барабана), а булавки с щелевидным ромбическим отверстием, известные из более поздних могил нижнего этажа Самтавро (25), например, могила Байэрна 582, хорошо датируются находками в позднейших слоях Каркемыша (26), связанных с разрушением города в 604 году до нашей эры. Бусы из соответствующих могил в Сагурамо, только благодаря полноте, с какой они здесь, в отличие от других случаев, собраны, дают несколько своеобразную картину по своему ассортименту, но в действительности они никак не могут быть отнесены вглубь за грани-

иу времени могил Редкина Лагеря и нижнего яруса Сamtавро, т. к., напротив, они содержат в своем составе бусы из прозрачного светло-голубого стекла, для которых Е. Пчелина указывает полные аналогии даже в бусах греко-римского Египта, Пантикалея и других памятников плюс—минус нашей эры, а также и бусы из гищера, которые обычны для могильников этого же времени. Особенно существенно, что в инвентаре могилы 4-ой, давали ранее середины 1-го тысячелетия до нашей эры. В таком случае и характерные признаки даты раскопанного ею могильника, находит единственную аналогию в больших кубанских курганах древней поры металла, на самом деле должны сравниваться с совершенно подобными же привесками из ожерелья урнового погребения № 4, того же района, из раскопок Г. С. Читая в 1924 году, опубликованными О. Везенденком (27) и относящимися несомненно, как показывает хотя бы фаллическая привеска из греко-римского Египта, к эллинистической эпохе.

Что же касается материала булавок, сделанных, по определению проф. почвоведа Д. Г. Виленского (24), из чистой меди, то этому факту нельзя вовсе придавать решающее значение при суждении о возрасте могильника, так как известно не мало случаев отливки из чистой меди даже более ответственных предметов, как оружие (топоры) в эпоху полного развития бронзы в Грузии, что объясняется, повидимому, перерывами в доставке олова, не добывавшегося на месте (28), тем более что знакомство с оловом хозяев могильника доказывается присутствием в том же 4-ом погребении бус из чистого олова.

Повидимому, главным поводом для ошибочного отнесения Везенденком Сагурамских погребений к эпохе между неолитом и бронзой было отсутствие в могилах железа и присутствие осколков обсидиана. Но первое объясняется только тем, что ни одна из вскрытых могил не заключала в себе вообще оружия, осколки же обсидиана о возрасте погребения ничего сказать не могут, поскольку они неоднократно были зарегистрированы в каменных ящиках Мцхетских могильников первых веков нашей эры (29).

Таким образом, предполагавшийся Пржеворским (30) связанным с выявленными им этапами расписной керамики Южного Кавказа металлический инвентарь ничего общего с ней не имеет. Расписная керамика первого этапа Пржеворского из раскопок Чарковского в 1896 году на реке Занге близ несуществующего теперь сел. Тазакенд не сопровождается совсем, как это видно по его дневнику (31), каким-либо металлическим инвентарем. При этом грунтовые могилы, содержащие эту керамику, отличаются по своему устройству, что отмечает и П. С. Уварова (31), согласно бывшему в ее распоряжении дневнику Чарковского от соседних могил типа каменных ящиков, с черной лощеной посудой и бронзовым оружием. Значительно большая древность первых сказывается, между прочим, в полном почти исчезновении всяких следов человеческих костей, кроме, иногда, эмали зубов, в то время как в могилах второго рода кости обычно сохраняются. Труднее сказать, как обстояло дело с подобными могилами, там же, у сел. Гая-Хараба (32), откуда происходят семь расписных и ряд черных лощеных сосудов, аналогичных сборам Чарковского, но, скорее всего, упоминаемые и там два рода могил, грунтовых и ящичных, соответствуют также двум этим и хронологически различным типам керамики.

Расписная керамика Чарковского, как и добытая у сел. Гая-Хараба, сопоставляемая Пржеворским с 1-ым эламским стилем *bis*, отличается, однако, тяжелой ручной лепкой, красноглиняным обжигом и красной обмазкой под черной росписью. Сосуды представлены тремя главными формами (33): массивными мисками округло-вздутой формы, с наибольшим диаметром в нижней половине сосуда, широко-горлыми горшками и сферическими кратерами с отогнутым венчиком на короткой шейке. Роспись образует более или менее широкий фриз, разделенный часто на ряд метоп, заполненных фигурами сходящихся вершинами черных треугольников, косой сеткой, шахматным узором, вложенными параллельно

один в другой углами и пр. Весьма распространенной характерной чертой орнамента является концовочная кайма под фризом из ряда спиральных завитков, отмеченных еще Франкфуртом (33) на ереванском сосуде. Если основной узор этой посуды (в частности и мотив сложенных вершинами треугольников) действительно тяготеет к энеолитическим образцам Элама и Месопотамии, рисунок каймы находит себе аналогии только в малоазийской керамике ранне-бронзовой эпохи на сосудах совершенно иных форм из III слоя Алишарского холма. Это заставляет рассматривать закавказскую продукцию данного типа как совершенно своеобразную фацию расписной керамики Передней Азии, развившуюся в области контакта южно-месопотамских и западных течений. Для определения абсолютного хронологического возраста этой керамики мы не имеем еще достаточных данных, но по отношению к бихромной керамике Кизил Банк 1, она несомненно является более древним этапом.

Могильник, давший керамику, которую Пржеворский сопоставляет со вторым Эламским стилем, близ Кизил Банка, подвергся в 1926 году двойной контрольной раскопке (34) акад. И. И. Мещанинова и А. А. Миллера. В пяти могилах с коллективными погребениями без следов железа, раскопанных под руководством акад. И. И. Мещанинова, расписные сосуды находились, вместе с черными лощенными и темными сосудами, в сопровождении медно-бронзового (35) инвентаря: кинжалных клинков с плоским язычком и крутыми плечиками и стержневых стрел, обычного типа — с длинными бородками и выпуклой осью, доходящей до конца острия. Однако, характер расписной керамики заметно отличен от первоначально добытой там Федоровым (36) группы сосудов, за некоторыми исключениями, например сосуда со змеей, представленного у А. А. Спицина на рис. 40, по росписи и грубой лепке особенно близкого вновь найденным акад. И. И. Мещаниновым сосудам №№ 87, 88, 126 (по полевой нумерации) (37). Роспись керамики последней группы, которую, в отличие от первой, Кизил Банк 1, можно обозначать, как Кизил Банк 1 *bis*, отличается большей неряшливостью, графической сухостью и сделана матовыми красками (черной и красно-коричневой, каждой отдельно или в комбинации), положенными часто на шероховатую неслаженную поверхность сосуда. Узор почти исключительно состоит из ряда заштрихованных косой сеткой треугольников, подымавшихся вверх вершинами к шейке от средней линии корпуса. Характерного для второго эламского стиля расположения узора метопами, отмечаемого на керамике Кизил Банк 1, здесь уже не наблюдается. Даже наиболее тонко выполненный узкогорлый кувшинчик (полевой № 86) с красной поперечно лощеной обмазкой на непокрытых узором частях (рис. 1 б) несет тот же отличный от первой группы орнамент. Иной является и форма сосудов, представленных в новых могилах более узкогорлыми и высокими кувшинами, за счет более широких сосудов без ручек и чашек в сборах Федорова. Полной новостью для Кизил Банка 1 являются кувшин (рис. 1 а) с тонкой ручкой (полевой № 137) и сосуды в форме чайников (рис. 1 в) с шишковидными выступами на месте ручки и своеобразным взвытым у основания и горизонтально-желобчатым, в конце, коленчатым

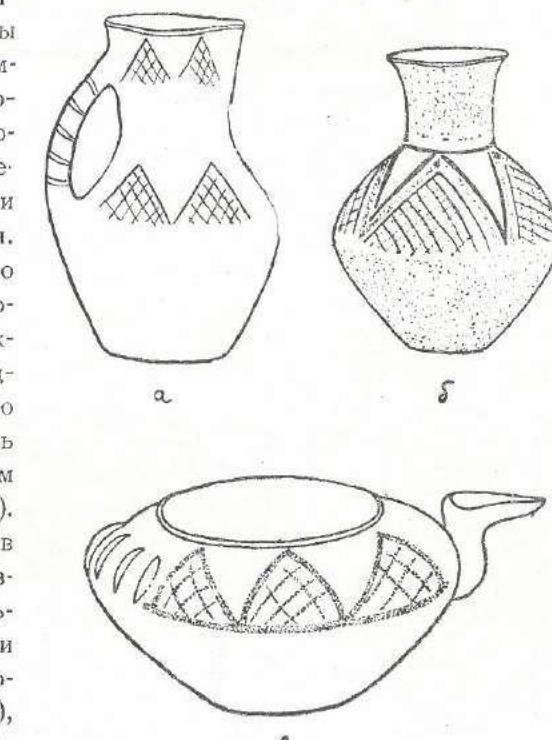

Рис. 1. Расписная полихромная керамика из Кизил Банка, стиля 1 *bis*. (Баку, Аз. Гос. Музей). В $\frac{1}{4}$ натуральн. величины.

носиком. Эти „чайники“, найденные одновременно в темно-глиняных и светлых расписных вариантах, принадлежат к хорошо выраженной группе подобных изделий, получивших широкое распространение в одну определенную эпоху, особенно на территории Ирана. Наиболее восточным известным мне образом является светло-глиняный „чайник“ без ручки из среднего слоя культуры III южного кургана близ Мерва в Туркменистане из раскопок Пумпелли (38). В Дамгане подобные сосуды встречены в некрополе периода III в Тепе Гиссаре и датируются автором первой половины 2-го тысячелетия до нашей эры (39). В

западном Иране найдена замечательная группа „чайников“ этого типа, но с маленькой петельчатой ручкой, близкая средне-минойским каменным и глиняным формам (40), с прекрасной сложной красочной росписью (стилизованные изображения животных) непосредственно на глиняной поверхности, без ангоба. Эти сосуды происходят из некрополя В с железным оружием в Тепе Сиалк (41) и датируются автором, на основании отсутствия следов ассирийского искусства, эпохой XII–XI века до нашей эры. Нахodka в этом же могильнике металлического „чайника“, в частности луристанского типа, с полушарными вазутиями у основания носика, заставляет особенно склоняться видеть в подобных металлических формах прототипы глиняных. Совершенно подобный же ассортимент керамики типа Кизил Ванк 1 и 1 bis в полном составе, обнаружен и в других районах Южного Кавказа, например, в бассейне р. Абараана близ Эчмиадзина, подобно тому как и образцы типа тазакендской керамики встречаются также и в Нахичеванском районе, указывая тем, что мы действительно имеем здесь не территориальные варианты, а различные хронологические этапы в развитии расписной керамики Южного Кавказа.

А. А. Миллером раскопаны были в Кизил Ванке в том же 1926 году две могилы, в виде крупных каменных ящиков тоже с коллективными, видимо, разновременными погребениями, имевшими в своем инвентаре железные ножи, плоскую бронзовую стрелку, обсидиановые широкие и короткие наконечники стрел с прямоугольно-выемчатым основанием, бронзовые и железные браслеты, булавки бронзовые без отверстий, лунницы, бусы сердоликовые, голубые пастовые и белые цилиндрические (42). Расписная керамика еще далее

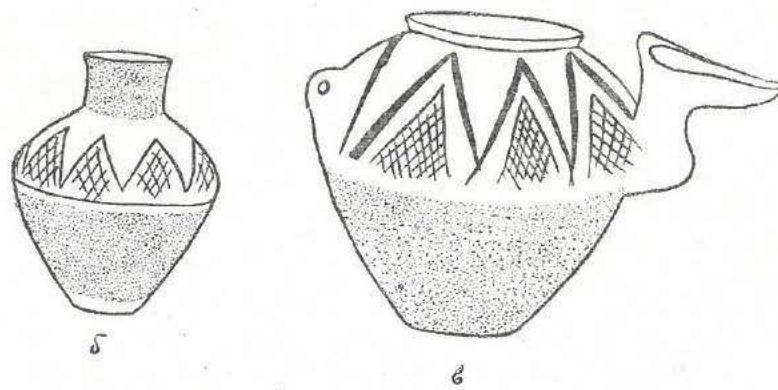
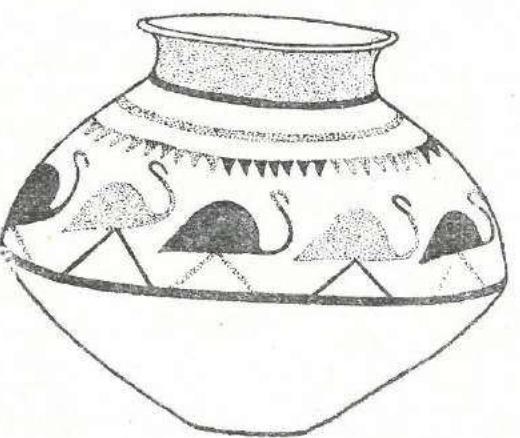

Рис. 2. Расписная полихромная керамика, стиля Кизил Ванк 1 и 1 bis, из Эчмиадзина (Ереван, Музей Армении).

а

б

в

отстоит от Кизил Ванской 1. Это чашки с продырявленным ушком, плоско-конической формы тарелки с таким же ушком, широкогорлые низкие кувшинообразные кружки с крепкими ручками, снабженными по верхнему наружному краю выступами, чтобы не скользили в руке и пр. Вместо „чайников“ появляются широкие горшки с узким косо поставленным трубчатым носиком, продырявленной ручкой и упором для пальца в виде грибовидной площадки над ней, типа, который продолжает с этого времени господствовать на территории Азербайджана вплоть до кувшинных погребений поздне эллинистической эпохи.

Характер росписи резко меняется сравнительно с предыдущей группой Кизил Ванк 1 bis и отличается сочностью кисти, наносящей глянцевой краской крупный узор, в виде углов и ромбов на нижнюю половину сосуда, в противоположность предыдущим группам. Эта третья стадия кизилванской расписной керамики, Кизил Ванк 2, скорее всего может быть датирована эпохой ванской экспансии и мидийским временем. Однако, керамическая роспись не прекратила и после этого в Азербайджане своего существования. Действительно, к северо-востоку отсюда на территории Мильской степи у Кала-Тапа (43) при погребении в светло-глиняных урнах были находмы довольно крупные, хорошей лепки на гончарном круге, широкогорлые сосуды с двумя петельчатыми ручками на плечиках, расписанные матовым красно-окристальным или коричневым узором из комбинации растительных и геометрических мотивов, обнаруживающих полную самостоятельность от трех вышеупомянутых стилистических типов кизилванской керамики. С формальной точки зрения здесь обнаруживаются скорее некоторые совпадения в мотивах росписи с последней хеттской монохромной (черный или коричневый рисунок по светлому фону) керамикой Малой Азии (Алишарский холм, слой IV) (44), хотя время кувшинных погребений уже

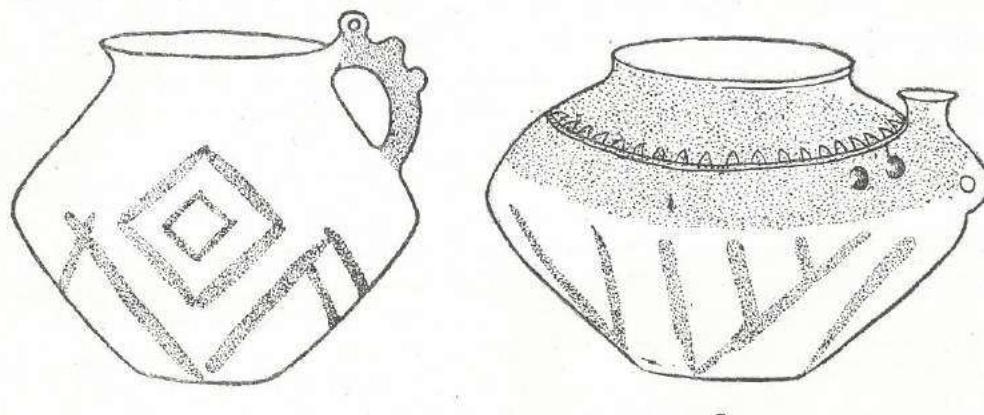

Рис. 3. Расписная керамика из Кизил Ванка, стиля 2 (Баку, Азербайджанский Музей). В $\frac{1}{4}$ натуральной величины.

Рис. 4. Схематичное изображение расписанного сосуда из кувшинного погребения в Кала-Тапе (Мильская степь) (Баку, Азгос. Музей, инв. 1133:3423). В $\frac{1}{4}$ натуральной величины.

совершенно иное. По связи кувшинных погребений Мильской степи с другими группами кувшинных погребений долины Куры, датируемых, согласно исследованиям Е. А. Пахомова, монетами эллинистического времени, можно с уверенностью сказать, как это заметил и Герцфельд для Ирана, что расписная керамика дожила в Азербайджане почти до начала нашей эры.

Сделанный нами, таким образом, краткий и далеко неполный обзор расписной керамики восточных частей Южного Кавказа не допускает возможности сводить всю ее в целом к какому-то одному, хотя бы и длительному моменту, а указывает на огромный путь ее исторического развития. Но при этом начальные ее стадии не могут быть естественно отнесены ко времени, когда представленные на Кавказе ее ранние типы уже исчезли совсем с территории Ирана и Месопотамии, где древняя распись 2-го эlamского стиля и ее переработка в Джемдет Наср удерживалась даже на севере не далее эпохи Саргона Аккадского.

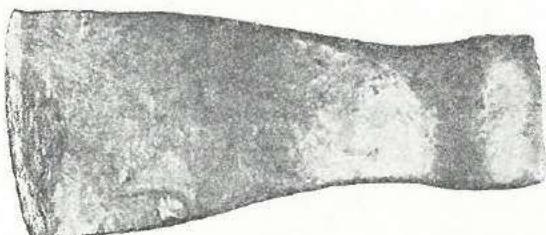

Рис. 5. Медный топор из Загэса (Гос. Музей Грузии). В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

Замечательные раскопки последних лет Пенсильванской экспедиции холма Тепе-Гавра (45) к северо-востоку от Хорсабада с колоссальной непрерывной последовательностью двадцати шести структурных фаз от нескольких стадий неолита и древнейших архитектурных памятников IV тысячелетия до хуррийской культуры XVII—XIV века, и новые раскопки на озере Ване в 1939 г. показывают, что указанная преемственность имела возможность осуществляться через эти близлежащие к Кавказу территории верхней Месопотамии не позднее III тысячелетия до нашей эры.

К сожалению, указанный выше обычай ограничиваться в эпоху распространения древнейшего, именно тазакендского типа, расписной керамики на Южном Кавказе положением в могилу только сосудов, лишает нас возможности синхронизовать с этой керамикой иного характера инвентарь, полученный с территории, куда расписная керамика не проникла. В то же время изучение накопившегося музеиного материала и исследования, проводимые мною в последние годы в отдельных пунктах Западной Грузии, с целью обнаружения и изучения более ранних стадий металлического производства, уже дают некоторый материал, позволяющий перейти рубикон возникновения Кобанской культуры поздней бронзы на Кавказе.

Наиболее ранним и замечательным свидетельством культурного общения стран, расположенных в долине средней Куры, с Месопотамским югом еще в шумерскую эпоху может служить находка в ЗАГЭС'е в 1928 году на глубине 10 метров медного топора и копья со следами проковочной обработки. Оба предмета, один из которых — топор — находится в Гос. Музее Грузии и другой — копье, приобретенное в 1928 году археологом Я. И. Гуммелем, хранится в Ханларском Музее, несомненно относятся к одному и тому же культурному слою, если не к одному комплексу. Топор (рис. 5) принадлежит к типу топоров из древнейших Кубанских курганов, уступая Майкопскому (рис. 6) только в величине, и исходит по своей форме от древнейших сумерских прототипов, предшествовавших в южной Месопотамии боевым топорам, типа царских гробниц в Уре с трубчатым выступающим вниз обухом. В глиняных моделях (47) этот топор известен из раскопок в Уре и Джемдет Насре в слое с окрашенной керамикой. Проникновение этого топора, который исчезает в Месопотамии вскоре после появления трубчато-обушенных топоров, на север могло происходить, следовательно, очень рано, одновременно с расписной керамикой, отражение которой заметно и в культуре древне-кубанских курганов, именно в кургане станицы Костромской, содержавшем сосуд со следами зооморфной красочной росписи (48), к сожалению, плохо сохранившейся.

Рис. 6. Медный топор из большого Майкопского кургана (Эрмитаж).

Копье (рис. 7 а) с массивным стержнем, загнутым на конце в крючок, дальше, чем топор отстоит от шумерских образцов (рис. 9 а) (49), к которым ближе медное копье из дольменных курганов станицы Пролетарской, бывшей „Царской“ (50), и другое ниже упоминаемое медное копье „из Тифлиса“ Московского Исторического Музея, но подходит к синхроничным ему иранским формам, из которых полнее всего совпадает с медным копьем (Н. 1040) из 2-го слоя Топе Гиссар (51), с более длинным стержнем (рис. 8 б). Судя по данным Е. Шмидта, этот вариант копья в Топе Гиссаре несколько древнее другого варианта, из 3-го слоя, у которого шип дифференцирован от остального копейного стержня, как мы это видим и на копье из Астерабадского клада (52) и других погребений в Тюренг-Тепе (53). Специфической формой подобных копий с недифференцированным шипом являются копья с тонким стержнем и выемчатым основанием лезвия кипрской средней бронзы (МС I—II) (54). Наряду с ними на Кипре еще в 1883 году было найдено медное копье (рис. 8 а) с кованым коротким шипом (55), совершенно тождественное Загесскому. В коллекции Грузинского Общества распространения грамотности (теперь в Гос. Музее Грузии инв. 2-36:68) имеется еще экземпляр подобного медного копья (к сожалению без точного указания на место находки) вдвое большей величины чем загесское и с очень развитым шипом, превышающим половину длины всего копья. В этом отношении данное копье — еще ближе гиссарскому 2-го слоя и даже крупнее его.

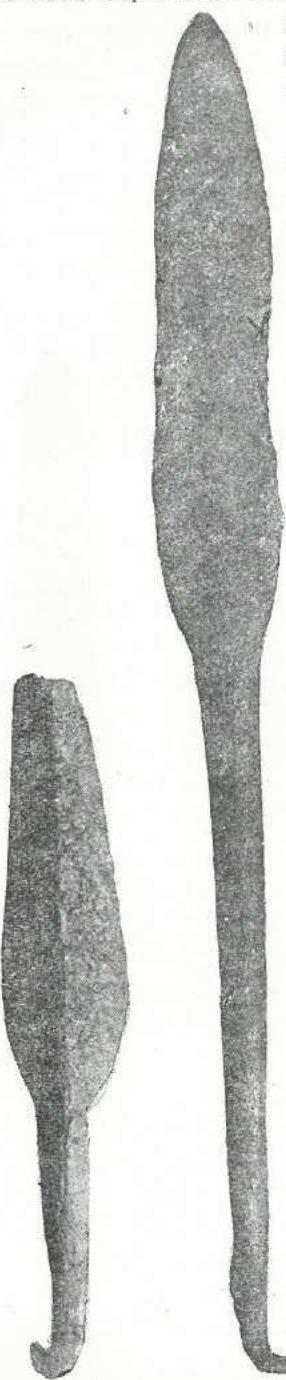

Рис. 7. Медные копья: а) Загес (Ханларский Музей) и б) Грузинск. Общ. распространения грамотности (Госуд. Музей Грузии, 2-36:68). В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

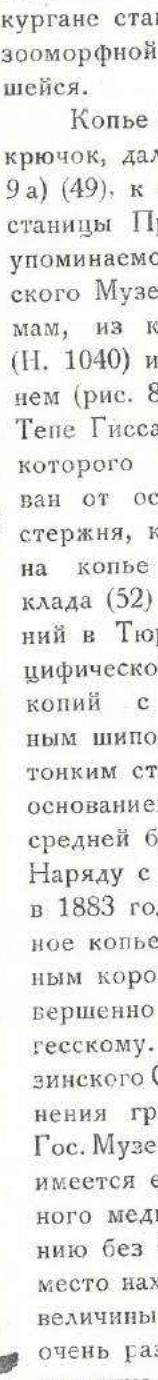
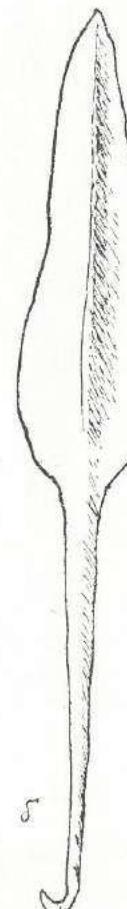

Рис. 7. Медные копья: а) Загес (Ханларский Музей) и б) Грузинск. Общ. распространения грамотности (Госуд. Музей Грузии, 2-36:68). В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

Рис. 8. Медные копья: а) остров Кипр (по Диоссо); б) Иран, Топе Гиссар 2 (по Е. Шмидту). В $\frac{1}{2}$ натур. величины.

Еще замечательнее третье медное копье (рис. 9 б), также происходящее с территории Грузии; именно, приобретенное в Тбилиси в 1904 году копье Исторического Музея в

Москве (№ 1397). Это копье, также вдвое превышающее по величине загэсское, отличается от него тем, что длинный черенок его резко распадается на две части (массивный четырехгранный заостренный шип для древка и утончающийся в направлении к основанию листа круглый стержень), совершенно подобно тому как мы это видим на копьях из Каркемыша, эпохи ящичных погребений (56) и на их шумерских прототипах (с восьмигранным стержнем)

из Ура, рубежа IV—III тысячелетий до нашей эры (рис. 9 в, а) и, с другой стороны, на медных копьях Северного Кавказа из дольменного кургана станицы Пролетарской (бывшей Царской), станицы Воздвиженской и других. Тбилисское копье указывает, таким образом, путь, по которому южно-месопотамские формы ранней эпохи металла могли проникать на северный склон Кавказского хребта.

К этой же культурной ступени следует отнести, как это зорко

отметил А. А. Иессен (57), и тяжелое медное долото с четырехгранным шипом и

округло-восьмигранным стержнем Кутаисского музея из сел. Зекари Маяковского района (рис. 10 а), полностью совпадающее с соответствующими формами ранней стадии бронзы на Северном Кавказе, как например, долотом из архаичного комплекса (с прекрасным большого размера каменным топором, каменным "пестом" и пр.) из кургана станицы Летницкой (Эрмитаж), а также Воздвиженской и др.

Таким образом, все эти замечательные находки, взаимно дополняя одна другую, позволяют установить существование в Грузии ранней бронзовой, т. е. медной эпохи во всяком случае во второй половине 3-го тысячелетия до нашей эры.

Другой группой памятников, можем только что рассмотренной, но тяготеющей к образцам древнего металлического производства на территории Грузии, являются обнаруженные в области распространения Кобанской культуры, еще в мо-

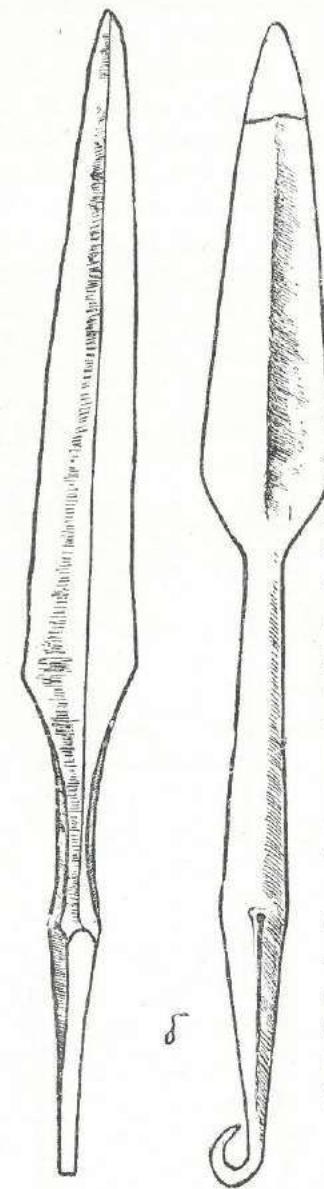

Рис. 9. Медные копья: а) Шумер. Царские погребения Ура (по Г. Чайльду); б) Тбилиси (Москва. Исторический Музей). Около $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

мент ее первого выявления в могильниках Северной Осетии, комплексы изделий, резко отличных от собственно кобанских. Я разумею находки в могильниках сел. Кумбулты, Фаскау, Корца, Чми и др. примитивных плоских клинков с вытянутым в стержень основанием для насадки, трубчатообушеных и вислообушеных топоров с круглым отверстием, изделий с рельефно-шнуровой литейной орнаментацией, вместо более обычной для кобанской

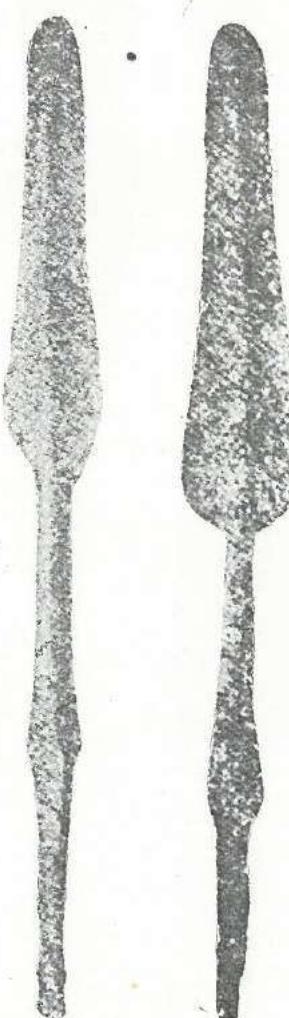

Рис. 9. в) Медные копья из Каркемыша (по Д. Хогарту).

бронзы гравировки, то есть тот комплекс изделий, который первые исследователи, обманутые собственной неряшливостью раскопок многоярусных могильников, с впусками погребениями в коллективных гробницах и с нередкой укладкой в могилу новому покойнику найденных древних металлических предметов, отнесли к эпохам, последующим за Кобанью (58). Так Шантр включил, по преимуществу, эту древнюю группу вещей, наряду с действительно позднейшими, в хронологический отдел, названный им "скифо-византийским". Уварова, на основании подобных же совершенно ошибочных представлений, провела свою периодизацию инвентаря северо-осетинских могильников, представив его в почти перевернутом расположении. Еще дальше уходили в этом направлении Толстой и Кондаков, которые вообще перенесли всю кавказскую археологию, начиная с дольменов, в эпоху "переселения народов", поскольку на территории древних могильников и в дольменах находились были пантикопейские, римские и византийские монеты. Работа по выявлению так безнадежно утерянного древнейшего слоя до сих пор не проведена с достаточной четкостью. А. А. Иессен (59) в своем недавнем исследовании по истории древнейшей металлургии на Кавказе не затронул этот материал, как связанный с погребениями, а не кладами, но судя по приложенной карте, им учтен более древний хронологический возраст этого слоя. Напротив, Тальгрен (60), по прежнему, считает этот древний комплекс более молодым, сравнительно с основным кобанским, ощущая однако живущую в нем древнюю местную традицию. Ганчар же (61), не возражая против даты Тальгрена, напротив, видит в длинновтульчатых топорах результат распространения на горный Кавказ могучей передне-азиатской культурной волны, прервавшей свое дальнейшее существование под воздействием киммеро-скифского вторжения в VIII веке до нашей эры.

К сожалению, настоящее состояние музейных материалов, лишенных, в большей своей части, помогильных записей, не позволяет проверить в конкретных подробностях это крупное недоразумение. Проведенное мною в 1933 году покомплексное изучение всего археологического материала Музея Грузии и ряда местных краеведческих Музеев, с учетом степени достоверности отдельных сочетаний, позволило лишь в известной мере выделить древние пласти, отчелив их от более новых и совсем позднейших (62).

Наибольший интерес в этом отношении представляет комплекс предметов, найденный в верховьях реки Квирилы в сел. Сачхере. Состоит комплекс из двух частей, доставленных в Музей в 1910 и 1929 годах. Основная его часть добыта, как удалось мне выяснить на месте, раскопкой могильника, расположенного в саду и винограднике Гавр. Гамкрелидзе. Раскопку, вернее добычу металлических вещей с полным игнорированием керамики провел, по поручению Такайшили (63), хозяин участка, взрывший всю площадь под виноградник. Присутствие могил римского времени, в частности глиняного саркофага, внесли в собранный с могильника инвентарь предметы эллинистической и римской эпохи: бронзовые браслеты с ромбическим массивным расширением посередине, привески в виде головки барана

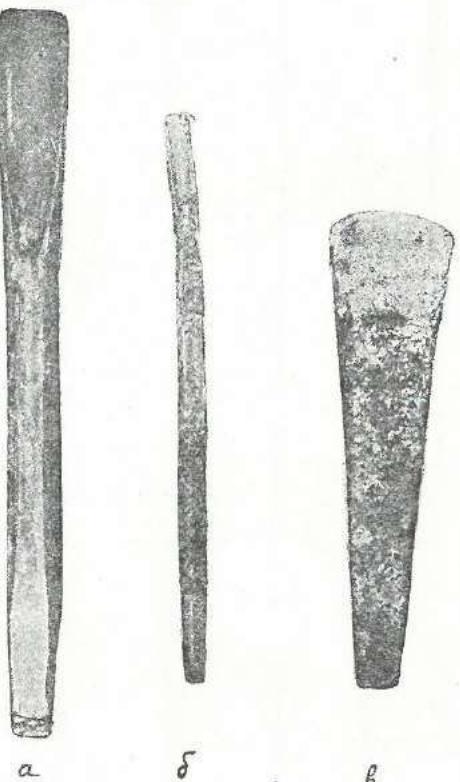

Рис. 10. Медные орудия из Зап. Грузии: а) долото из Зекари, Маяковский р-н (Кутаисский музей); б и в) долото и тесло из Сачхере (Гос. Музей Грузии). В $\frac{2}{3}$ натур. велич.

позднего типа, бронзовую проволочную фибулу с подвязанным к ней приёмником, типа золотой фибулы из склепа в Херсонесе и бронзовой из гробницы в Ольвии, которую В. В. Фармаковский датирует II—I веком до н. э., а Альмгрен I веком до н. э. (64). Это обстоятельство в связи с вышеуказанным общим предубеждением в отношении типа основных вещей могильника заставили считать в Археологическом Отделе этот комплекс позднейшим.

Однако состав его древней части, как удалось мне подтвердить контрольной раскопкой десяти могил, может быть правильно освещен только при отнесении его к средней стадии бронзы, частью к концу медной эпохи. Лишь тогда становится понятным присутствие в нем гигантских булавок (рис. 11) с петлевидно закрученной головкой (*Schleifennadel*). Этого типа булавка, древнейший прототип которой известен из гробниц периода Негады в Египте (65), получила распространение в эпоху меди по восточному Средиземноморью (рис. 12) и сопутствует на Кипре и в Дунайских странах (в 1-ую унетицкую ступень бронзы), куда она также проникает в это время, вышеописанным медным копьем „кипрского“ типа (66). В Гиссарлыке находка таких булавок (рис. 12, 5) относится ко 2-му городу Трои (67).

Рис. 11. Булавки из могильника эпохи средней бронзы в Сачхере (Гос. Музей Грузии). В $\frac{2}{7}$ натуральной величины.

На неслучайность этих соответствий указывает и другой характерный тип сачхерских булавок, переходящих и на Северный Кавказ (68), с тонкой Т-образной головкой, находящий свою аналогию в серебряной булавке (рис. 13) (69) энеолитического могильника в Ремеделло-Сотто близ Брешии в Италии, которую Гернес ошибочно считает грубым подражанием выше рассмотренным медным образцам III-го тысячелетия с острова Кипра, тогда как скорее ее можно сопоставить с Кипрскими же булавками вилочной формы и электроновыми булавками из погребения Т. М. в Алака Эйюк (70).

[14]

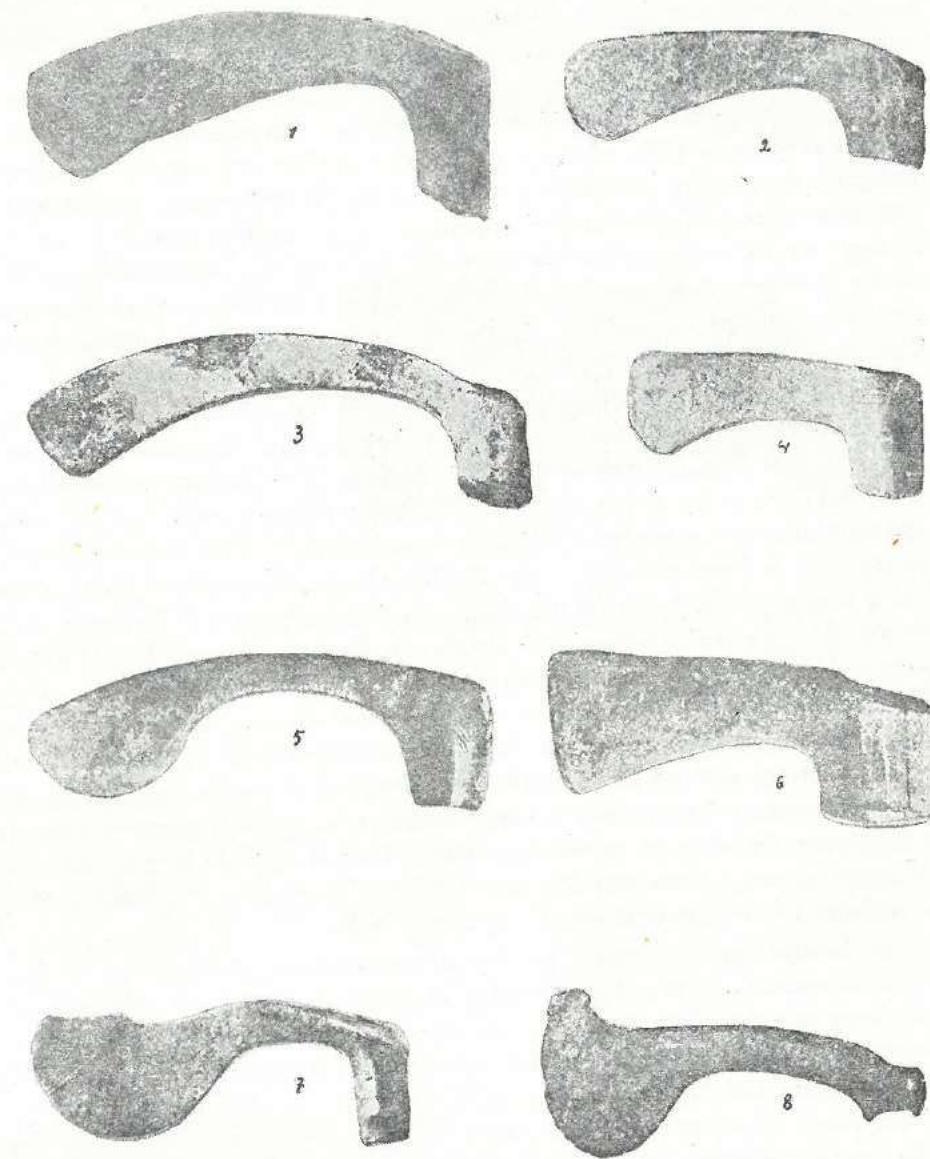

Рис. 14. Медные трубчатообувные топоры: 1) Карсская область; 2, 3 и 4) Сачхер; 5 и 6) Стубло (Волынь); 7) Сев. Кавказ; 8) Западная Грузия. В $\frac{2}{3}$ натуральной величины.

(72) характеризует древнейший слой дольменных погребений в Абхазии, соответствующий времени построения самих дольменов.

Проведенное мною исследование абхазских дольменов в 1937 году дало возможность статиграфически отделить друг от друга три различных периода в использовании дольменов как погребальных камер. Верхний слой оказался датированным колхидскими монетами, средний, отделенный от него стерильным пластом слоистой глины, представлял своеобразный бронзовый комплекс, частью докобанской эпохи (73), и, наконец, нижний являлся медно-бронзовым.

зовым с замечательной заменой олова сурьмой от 5 до 10 проц. в ряде образцов. Это последнее совершенно неожиданное обстоятельство, не имевшее до сих пор предшественников, кладет особенно резкую границу между обоими нижними слоями дольменных погребений, позволяя в дальнейшем надеяться этим путем выявить соответствующий культурный слой на более широкой территории. Именно к этому-то слою оказались принадлежащими узкие вислообушные топоры и топоры другого типа с прямым обухом (рис. 16 а), но достаточно еще узкие, соответствующие повидимому глиняной форме Эрмитажа, опубликованной А. А. Иессеном (74), орудия в форме крюков или вил с загнутыми концами (тройных, двойных и одинарных) со втулками, украшенными литым шнуром или орнаментом, кованые наконечники копий и плоские лезвия ножей с вытянутым в ширину основанием. К этому же слою относится вытянутой формы треугольная стрелка из светлого кремня с выступающими за основание бородками и коротким стерженьком типа Очемчирского селища (75).

Время этого комплекса, совпадающего со строительством дольменов, определяется тяготением его к курганным дольменным гробницам станицы Пролетарской (бывшей Царской), к сачхерскому комплексу и наконец к культуре вислообушного топора восточной Европы с древнейшим его представителем из энеолитического слоя с расписной керамикой в Румынии (Кукутени В) (76). Наибольшую близость к грузинским и северо-осетинским находкам трубчатообушных и вислообушных топоров проявляют топоры из Стубло в Волыни (рис. 14 а, б), найденные в 1927 году в кладе, сравнительный анализ которого, сделанный В. Антоньевичем (77), показал явную зависимость их от шумерских прототипов (рис. 15), а также и от прямолезвийных эламских (78). Несомненная принадлежность клада к унетицкой ступени средне-европейской бронзы, подтверждая в свою очередь вышеуказанное отношение сачхерских булавок (с петлевидно-закрученной головкой) к их европейским аналогам, позволяет отнести нижнюю границу и грузинских форм к рубежу II и III тысячелетий до нашей эры.

Особое направление в развитии грузинских бронзовых топоров обнаруживает находка (рис. 16 б) в Горийском районе в сел. Меджврисхеви, двух широколопастных медных топоров (олова 0,33 проц.), находившихся вместе с замечательной бронзовой кованой чашей (рис. 17), в форме правильного отреза человеческого черепа овальной формы. На внутренней поверхности дна чаши имеется изображение птицы (рис. 18), гравированное кинжалом, то есть острой, узкой стамеской, передвигаемой последовательными поворотами вокруг то одного, то другого ее угла. Принадлежность чаши с великолепной тонкой блестящей черноватой патиной к одному комплексу с архаичными топорами подтверждается следами приставшей к ее дну ярко зеленой патины топоров, лежавших под ней.

Приведенные свидетельства о длительной культурной жизни Грузии в эпохи древней и средней бронзы заставляют нас искать на месте и непосредственных предшественников кобанской поздней бронзы, являющейся, повидимому, колхидской, не только по территории основного своего распространения, но и по происхождению. Я рассмотрел в другом месте (28) этот во-

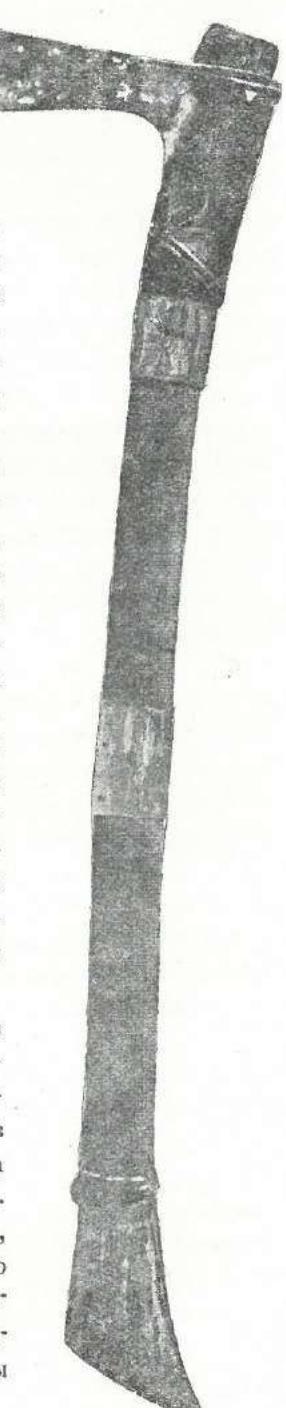

Рис. 15. Бронзовый топор с рукоятью из царского погребения в Уре.

прос и ошибочность недавно выдвинутой венским археологом Ганчаром (79) гипотезы о развитии кобанского топора на северном Кавказе, непосредственно из "кавказско-южно-русских" каменных прототипов. Этому предположению, помимо хронологического разрыва, противоречат и чисто формальные обстоятельства (28). Напротив, на территории Колхида и Лазики мы действительно находим показателей местного происхождения этого топора. Я имею в виду одну группу медно-бронзовых топоров, существующих в двух вариантах с круглым и овальным отверстием и являющихся по своему типу, с оформленным уже шестигранным перехватом туловища, как бы двумя последовательными фазами в развитии ранних прототипов кобанских топоров. К первому варианту принадлежат два топора Новороссийского музея, найденные в 1917 году близ сел. Пиленкова. Десять таких же топоров (длиною 16 см), один из которых хранится в Сухумском музее, было найдено зимой 1935 года в Гаграх, при постройке санатория Чай-Грузия. Топор второго варианта, этого же типа, с более резко оформленной лопастью происходит из Махунцети и находится в Батумском музее.

Район распространения этих топоров вместе с кобанской бронзой идет и далее на юг в Карскую область, откуда доставлен академиком Б. Н. Тураевым подобного рода топор, хранящийся ныне в Эрмитаже. До известной степени эта группа топоров генетически родственна, в ином направлении, замечательному бронзовому топору (олова 6,83 проц.), необычной для Кавказа формы, найденному в 1935 году в Грма-Геле в гор. Тбилиси на кирпичном заводе № 2 и приобретенному мною для Гос. Музея Грузии в 1937 году. Как было выяснено на месте, топор находился вместе с человеческими kostями в глиняном каше, который к моменту осмотра был уже далеко пройден от места погребения. Топор этот (рис. 20), судя по форме и величине (21 см общей длины и 14 см ширины лопасти), представляет собою парадную боевую секиру

а

б

Рис. 16. Медные топоры: а) Кюр-Дере (Сухумский район); б) Меджврисхеви (Горийский район). В 1/2 натуральной величины.

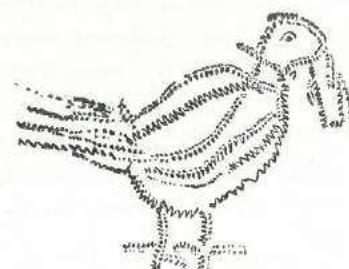

Рис. 17. Изображение птицы, внутри чаши из Меджврисхеви. В нат. велич.

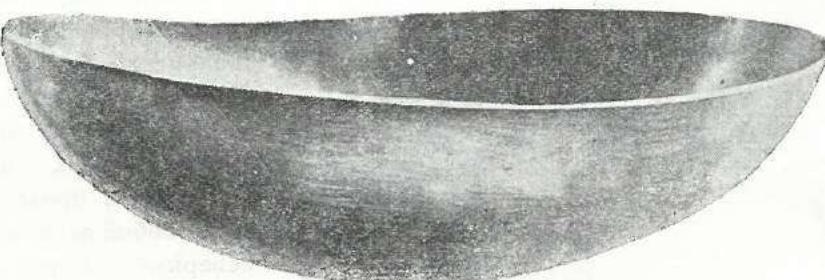

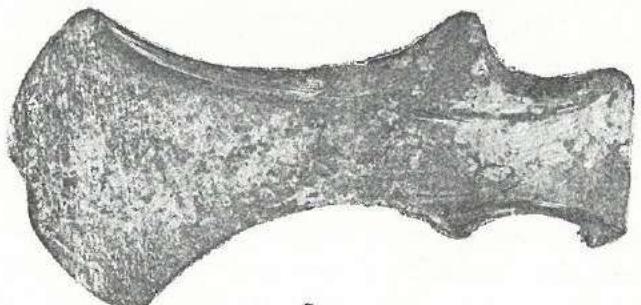
Рис. 18. Бронзовая чаша из Меджврисхеви (Гос. Музей Грузии 10—25: 8). В 3/4 натуральной величины.

с опущенным обухом и выдвинутым кверху изогнутым шестигранным туловищем, расширяющимся в вееро-образное лезвие. Обух украшен рельефным кружевом с орнаментом. Не-

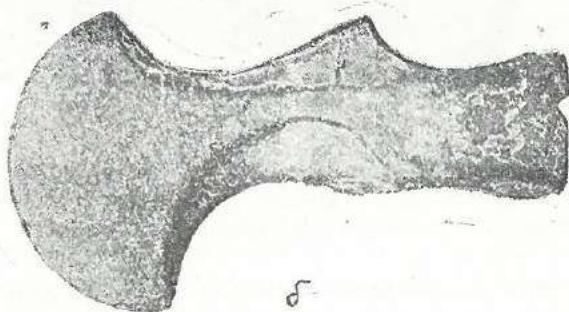
смотря на специфичность формы, связь с предыдущей западно-грузинской группой топоров подчеркивается приемами лепки формы с резко выраженным желобчатым отжимом в нижней выемке топора под лопастью и в мысообразном выступе сверху. С другой стороны

по общему соотношению обуха с выдвинутой вверх лопастью топор этот как бы является развитием, через касситский топор Лувра (80), более скромной прямолинейно очерченной формы тоже бронзового топора из VI слоя в Теле Гавра (81), датируемого саргонидской эпохой, то есть первой половиной III тысячелетия до нашей эры.

Следовательно и в области южных склонов Кавказского хребта удается установить длительный процесс развития медно-бронзового производства, тесно связанного с Месопотамским югом и Средиземноморьем, начиная с древнейших его стадий. К сожалению, разница в составе инвентаря южно-закавказских и западно-грузинских погребений этого времени, представленных в одном случае только керамикой, в другом—преимущественно металлическими изделиями, в сильной мере затрудняют их синхронизацию. Необходимо было искать счастливые случаи, чтобы преодолеть этот разрыв. Такого рода случаи представились возможность провести систематические исследования в Триалети, занимающем и гео-

а

б

Рис. 19. Медные топоры из Западной Грузии: а) Гагры (Абхазский Музей); б) Макунети (Батумский Музей). В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

графически промежуточную область между районами с расписной керамикой древнего типа и известными нам пунктами Западной Грузии и Северной Осетии (Рионо-Терекский водораздел) с находками древнейших медно-бронзовых изделий.

Главное, что делало, в этом смысле, Триалети особенно интересным для

нас, это то, что именно эта область, согласно имевшимся уже данным проф. Л. М. Меликset - Бекова (82), является районом распространения мегалитических памятников и представляет собой наиболее северный аванпост густого продвижения по бассейну р. Храми или Кции, вплоть до Бакуриани, циклических крепостей,

Рис. 20. Бронзовый топор из Грма-Геле в Тбилиси (Гос. Музей Грузии). В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

предшествовавших в южных частях Южного Кавказа ванской экспансии и связанных там с районом распространения окрашенной керамики. В то же время Цалка—Триалети давно уже обращала на себя внимание очень ранним интенсивным производством обсидиановых орудий (83) в эпоху задолго до первого появления металла.

Действительно, первая же осуществленная, наконец, нами в 1936 году на средства, отпущенные Храмгэсстроем, детальная разведка Цалкинского плоскогорья поставила нас сразу перед лицом замечательного факта, что Триалети, кроме всего сказанного, является районом распространения совершенно особого до той поры неизвестного во всем Куро-Аракском Двуречье типа древней расписной керамики (рис. 89 и табл. LXXV), сходной в некоторых отношениях со 2 эламским стилем и связанной здесь с крупными погребальными курганами, самое существование которых в Грузии никем даже не подозревалось.

Это обстоятельство совсем по новому осветило древнейшее историческое значение края и привело нас, наряду с вышеупомянутыми исследованиями дольменов Абхазии и Сачхерского могильника, к подробному изучению именно этого района в поисках ответа на поставленные нами вопросы о древнейших корнях культурной жизни Грузии вместе со всем Южным Кавказом.

I

ОБЗОР ИНВЕНТАРЯ РЯДОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЖЕЛЕЗНОЙ И ПОЗДНЕ-БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ ЦАЛКИНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

Краткое обозрение инвентаря рядовых могильников, раскопанных экспедицией в Триалети, имеет в данном случае целью не только проследить последовательную смену форм материальной культуры и характер погребений на протяжении полутора тысячелетия в пределах одной узкой территории, но подойти, также и этим путем, к установлению возраста тех совершенно новых культурных ансамблей, которые обнаружены нами в курганах Грузии и впервые представили в неожиданном блеске эпоху древней расписной керамики на Кавказе. Поэтому рассматривать инвентарь погребений нам придется не в порядке историческом, а обратно, начиная от наиболее молодых могильников и постепенно идя вглубь, с тем чтобы, заполнив таким образом, беспрерывной цепью памятников весь период времени поздней и древней железной эпохи и поздней бронзовой, наконец подойти к несоприкасающейся ни с одним из могильных комплексов загадочной курганной культуре периода средней и древней бронзы и достичь на конец энеолитического слоя.

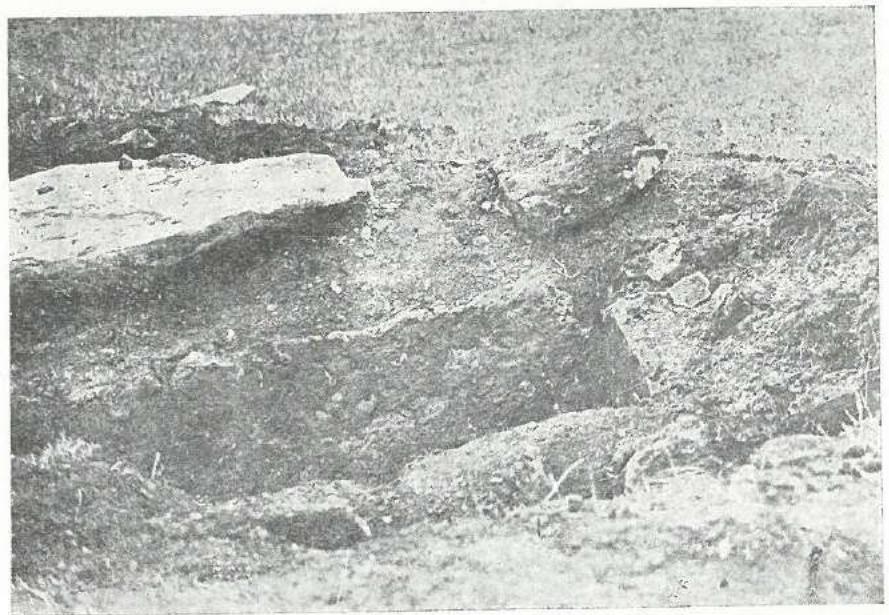

Рис. 21. Каменный ящик сасанидской эпохи близ сел. Санта (Цалкинск. р-н).

плексов загадочной курганной культуре периода средней и древней бронзы и достичь на конец энеолитического слоя.

1. Могильники современные сасанидской эпохе

Погребения этого времени исследовались только в первый год работ экспедиции. Позднее уже нам не пришлось продолжить их изучение, вследствие необходимости сосредоточить внимание на более древних памятниках района. К этому времени относятся три

могильника, не лежащие непосредственно на территории затопления. Все они были затронуты раскопками в 1936 году: а) могильник у заброшенной недостроенной шоссейной дороги из Санты в сел. Джиниси, в одном километре от сел. Санты, выше истока ручья Нерон Дереси, б) могильник в северо-западной части сел. Бармаксы и в) могильник на спуске большой шоссейной дороги со стороны Манглиси в Бармаксы, в 2-х километрах от моста через реку Храми. Подобные же, видимо, могильники, судя по неполному отчету Такайшвили и материалам из его раскопок в Музее Грузии (84), имеются еще и в других местах Триалети, в частности у сел. Геряк.

Покойники положены в каменные ящики, которые легко узнаются по своей, большей частью, удлиненной форме, от 2-1,7 метра длины и 0,55-0,4 метра ширины, из нетолстых каменных плит, обыкновенно, в количестве шести штук. Покрыты ящики одним или двумя плоскими камнями неправильной формы. Характерна ориентировка головных концов ящиков на юго-запад (Санта, Манглисское шоссе) или на запад (Бармаксы). Костяки взрослых обыкновенно лежат на левом боку с подогнутыми незначительно ногами и поднятыми к лицу руками, иногда же на спине тоже с согнутыми ногами (рис. 22). Детей находим погребенными до трех вместе в одном маленьком ящике (рис. 23). В одном случае ящик более широкой формы, 1,72×0,87 метров (рис. 21), заключал в себе датированное сасанидской монетой коллективное, вторичное, захоронение четырех человек: четыре черепа лежали в разных частях ящика и отдельно груда костей.

У погребенных мужчин наблюдалась часто искусственная деформация головы в сторону уплощения лба и вытягивания затылочной части черепа. Следы деформации имелись и на черепах детей различного возраста. Для погребального инвентаря типично полное отсутствие глиняной посуды, ни разу нами не встреченной, если не считать грубо вылепленного из глины светильника в форме ступки в углу одной могилы (рис. 22). Очень часто костяки погребенных, особенно мужчин, не сопровождались никаким инвентарем. Относимые нами к этой эпохе железные предметы (рис. 24) принадлежат к случайным находкам крестьян.

Представление об инвентаре женского погребения дает могила, датированная сасанидской серебряной монетой царя Кавада, что позволяет отнести погребение к VI веку нашей эры. Здесь мы находим железную фибулу (рис. 25), являющуюся, по форме S-видно согнутой дужки, переработкой в железном материале поздне-римских арбалетных фибул. Подобные же фибулы были находимы Байэрном в могилах

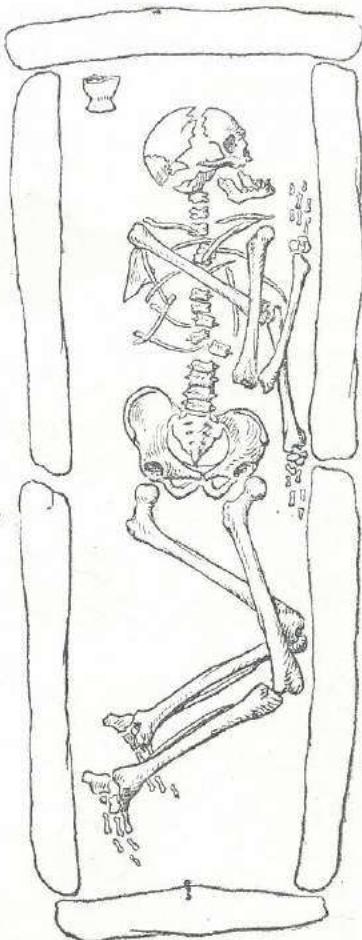

Рис. 22. Погребение сасанидской эпохи у шоссе на Бармаксы (Цалкинск. р-н).

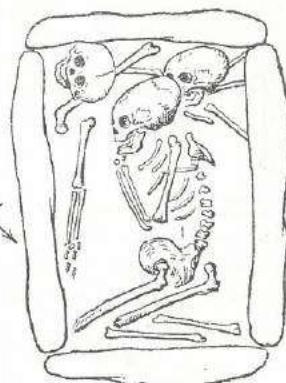

Рис. 23. Коллективное погребение детей с искусственно деформированными черепами у шоссе на Бармаксы. В 1/15 nat. велич.

верхнего этажа Самтавро, к сожалению, без указания в каких именно погребениях, но судя по находке такой же точно фибулы в Карснис-хеви близ Загэса (85), в могильнике из каменных ящиков, именно в ящичных погребениях. Инвентарь последних в Карснис-хеви вполне совпадает с нашим. Это обстоятельство позволяет датировать и этот последний могильник эпохой не ранее V и не позднее VII века нашей эры, что совпадает и с наблюдавшимся Байэрном (86) налеканием каменного ящика на черепичную гробницу, представляющую род погребений в общем одновременной с ящиками эпохи, но ранее, повидимому, закончивших свое существование.

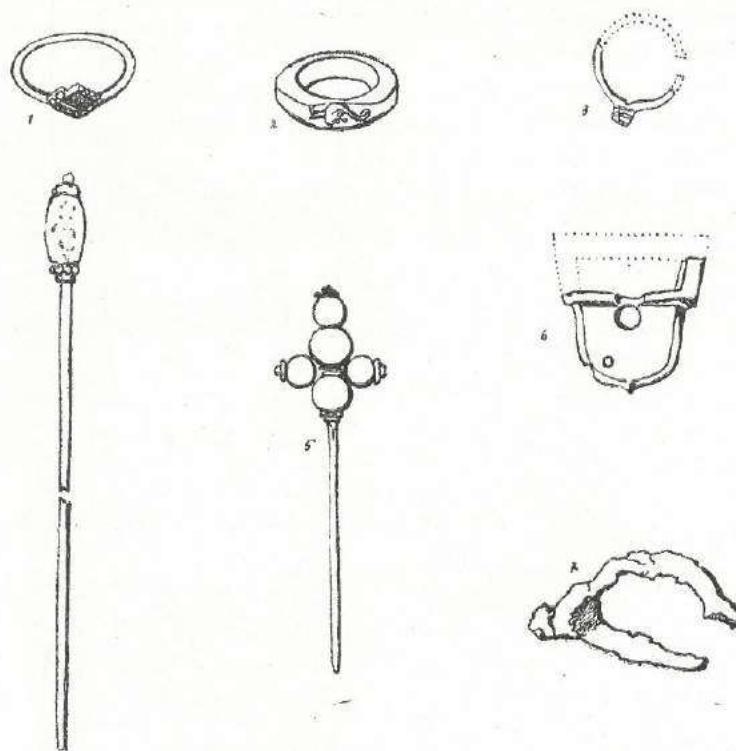

Рис. 24. Железное оружие: боевой топорик и меч (Цалкинский район).

Рис. 25. Украшения из погребения сасанидской эпохи близ села Санта (Цалк. р-н) 1, 2. Перстни, серебряный и сердоликовый с геммой; 3. Серьга бронзовая; 4, 5. Булавки бронзовые с перламутровой и гранатовой головками; 6. Пряжка бронзовая; 7. Фибула железная; 1, 2, 4, 5 и 7 из одного погребения с монетой царя Кавада. В 2/3 натуральной велич.

придающими головкам сходство с плодами мака или граната, являющимися символами многосемянного плодородия. Булавки с головками из граненых стеклянных бус, найденные Такайшвили на Цалке, также находят полные аналогии в вышеупомянутых могильниках других мест. К этой же эпохе следует отнести, повидимому, и булавку с железным стержнем и бронзовой фигуркой петушка на его конце, которую Такайшвили (84) нашел в детском ящичном погребении на Цалке в сел. Геряк.

[22]

Серьги (рис. 25, 3) представляют собой незамкнутое колечко из тонкой бронзовой проволоки с массивным кубической формы нарости, имитирующим древнюю зернь или бусинку более ценных одновременных экземпляров. Перстень из тонкой серебряной проволоки имеет припаянное гнездо ромбической формы для камня также с имитацией бордюра из зерни (рис. 25, 1). Характерными для подобных могил являются найденные здесь перстни, выточенные из целого куска красивого розового сердолика с площадкой для геммы и с вырезанным на ней, в одном случае, изображением итицы, журавля или аиста (табл. V и VI). Сходные перстни без гемм имеются в инвентаре Самтаврского могильника у Байэрна (89) и в соответствующих нашим каменных ящиках в Мцхете у Такайшвили (90), а перстни халцедоновые с геммами были находимы в могильнике Камунты и известны вообще среди перстней сасанидской эпохи с характерными изображениями (91). Бусы встречены нами в небольшом числе — мелкие из темного „бутылочных“ тонов синего, зеленого и желтоватого стекла, кеприльской формы. Сердоликовые бусы единичны, редки и отличаются грубой формой и очень плохой отделкой.

Одновременность с этим датированным монетой погребением и ряда других соседних могил подтверждается находкой в одной из них бронзовой пряжки (рис. 25, 6), типичной для ряда могильников этой эпохи с удаленными территориями, повидимому, питавшихся тем же самым широким импортом подобных изделий, как это мы можем видеть также из сравнения с другими предметами, например, пряжки с костыльком вместо дужки и ременных наконечников из Мцхета у Такайшвили и соответствующих находок на Черноморском побережье Северного Кавказа или в могильниках крымских готов (92), если не указывать дальнейших соответствий. Так в точности нашего типа пряжки с четырехугольной дужкой и сплошным щитком, заканчивающимся мысиком, имеются в бронзовых и серебряном экземплярах из могильника на Черноморском побережье Северного Кавказа у Тонкого мыса, между Новороссийском и Геленджиком, который датируется, по сходству инвентаря с могильниками крымских готов, заключающими монеты, и поздними катакомбными погребениями Херсонеса, тем же V—VII веком нашей эры (93), как наши цалкинские, а также мцхетские.

Поэтому особенно замечательно значительное своеобразие грузинских могильников этого времени, как в Триалети, так и в других указанных местах, сравнительно с северо-кавказскими и крымскими, что сказывается например в отсутствии в это время обычая класть в Грузии с покойником глиняную посуду (за редкими исключениями), в наличии характерных булавок с камнями для скрепления женского головного убора, неизвестных совсем в синхроничных могильниках вне Грузии и южного Кавказа, в распространенности здесь резного камня: печатей-гемм и целых перстней, вырезанных из сердолика и, напротив в редкости браслетов, почти не представленных в инвентаре соответствующих погребений как на Цалке, так и в Самтавро.

[23]

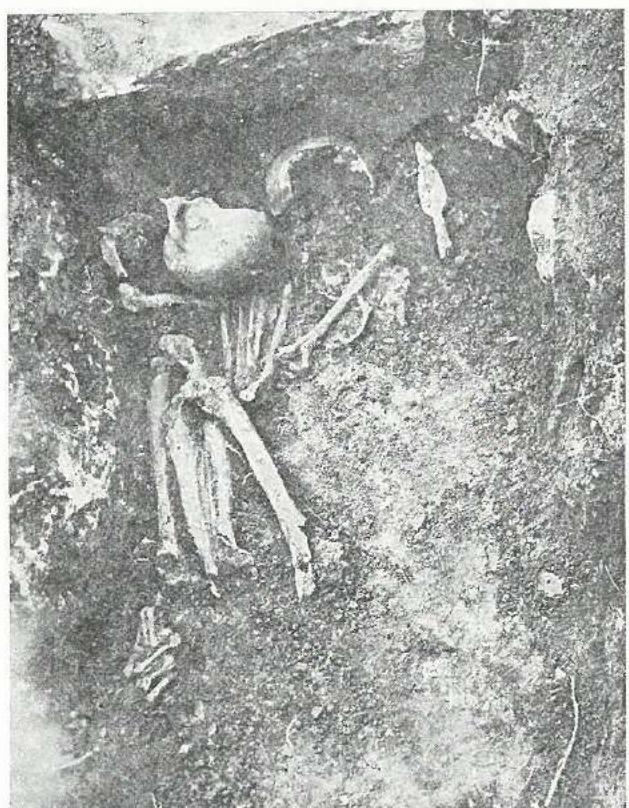

Рис. 26 а. Ящичное погребение римской эпохи у сел. Таш-Баш (Цалкинский р-н).

Все эти особенности инвентаря заурядных женских погребений, несмотря на их бедность, обнаруживают, достаточно определенно, характерные черты костюма грузинок указанной эпохи: употребление накидок или покрывал, скрепляемых фибулами, продолжающими позднеримские традиции; головной убор, украшенный тонкими булавками с головками из камней, как это мы находим до сих пор в грузинском тавсакрави с особой булавкой (киндзистави маскулави) на лбу; наконец восточная мода на резной камень и, особенно, сердоликовые перстни, неизвестные на западе.

Близок по времени описываемым могильникам Триалети и золотой перстень, найденный случайно в местности, называемой Саномерская Хараба, близ развалин старой грузинской церкви. Этот перстень с двумя сердцевидными и одним круглым посередине гнездом для камней (рис. 27, 4) в точности повторяет перстень, из сел. Агаяни Горийского района (Музей Грузии, инв. 16—28), найденный вместе с позднего типа золотой монетой Константина Великого и туземным подражанием ей (94), в одном из глиняных саркофагов, время употребления которых, следовательно, совпадает в Грузии с ящичными погребениями, хотя саркофаги эти и напоминают „поздне-аввилонские“ (95) различных форм, как например, в виде футляра или башмака (Музей в Зугдиди) или в виде ванны с крышкой, как находки в Мцхете и Урбниси (96).

2. Погребения, синхроничные римской и парфянской эпохам

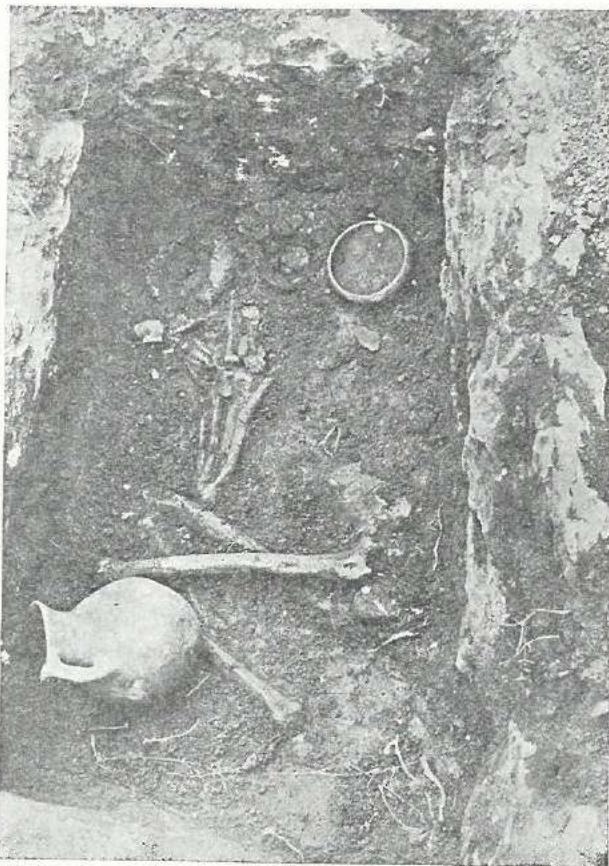
Погребения этого времени принадлежат к наименее изученным на Цалке. Вскрытые нами отдельные каменные ящики в селениях Таш-Баш, Сафар-Хараба, Санта дали лишь мало характерный инвентарь римской эпохи: железное оружие, состоящее из наконечников копий, дротиков, топоров и ножей, бронзовые браслеты и светло-глиняную посуду с характерными широкодонными кувшинами. Эти погребения, в отличие от рассмотренной выше группы сасанидской или византийской эпохи, имеют каменные ящики иного вида, меньших размеров $1,1-1,2 \times 0,7-0,8$ метров, сложенных, большей частью, из четырех плит и ориентированных нередко головным концом на юго-восток. Покойники находятся в них в сильно скорченном положении на правом боку с двумя, тремя сосудами у колен и головы (рис. 26 а, б).

Рис. 26 б. Ящичное погребение римской эпохи у сел.

Таш-Баш (Цалкинский р-н).

эпохи: железное оружие, состоящее из наконечников копий, дротиков, топоров и ножей, бронзовые браслеты и светло-глиняную посуду с характерными широкодонными кувшинами. Эти погребения, в отличие от рассмотренной выше группы сасанидской или византийской эпохи, имеют каменные ящики иного вида, меньших размеров $1,1-1,2 \times 0,7-0,8$ метров, сложенных, большей частью, из четырех плит и ориентированных нередко головным концом на юго-восток. Покойники находятся в них в сильно скорченном положении на правом боку с двумя, тремя сосудами у колен и головы (рис. 26 а, б).

Но кроме подобных ящичных погребений, на Цалке практиковались в это время спорадически и грунтовые погребения именно в каменных насыпях древних курганов. Плохая сохранность костей этих погребений затрудняет сказать о них что-либо определенное. Только случайно находимый при раскопках курганов мелкий групповой инвентарь: бусы, бронзовые колокольчики, железные перстни с геммами (рис. 27) в сопровождении следов человеческих костей и разбитой светло-глиняной посуды позволяют датировать время этих погребений. Такого рода находки были сделаны в ряде различных курганов.

Наиболее интересной находкой в этом роде, но без явной связи с человеческими kostями, возможно окончательно истлевшими, является находка в камнях насыпи кургана XXIII близ Бешташена миниатюрного плоскодонного амфорисковидного сосудика, покрытого густой синей стекловидной глазурью (табл. XX₂). Внутри сосудика находились серебряная монета, оказавшаяся римским денарием императора Августа, или же, может быть „ранним подражанием“ ему с близкой подлиннику передачей легенды и изображений, но с добавлением на реверсе, в поле между Диоскурами над их щитами, маленького равноконечного крестика, отмеченного Е. М. Придиком и на двух денариях имп. Августа из Бори (97), сердоликовая крупная грубо обработанная буса, покрытая орнаментом, наведенным по ней особым белым очень прочным стекловидным лаком, и бисер.

Судя по монете и бусе, использующей указанный прием орнаментации, правда, продолжавший жить некоторое время и позднее — в сасанидскую эпоху (98), эту находку синего глазурованного сосудика следует отнести к первым векам нашей эры.

К несколько более раннему времени парфянской эпохи относится могильник, повидимому, существующий близ самого Храмгэса, около сел. Розенберга (бывший Александерсгильф), где Л. Б. Шульцем было открыто, еще в прошлом веке, среди ряда других, интересное, по своему инвентарю, погребение (99). По данным Шульца, использованным в свое время Уваровой при описании коллекций Кавказского Музея, раскопанные им здесь погребения находились в хорошо сложенных характерных коротких ящиках, $1,16 \times 0,79$ метра размером, вполне соответствующих, по своей форме и величине, отмеченным и нами в Триалети погребениям римской и эллинистической эпохи.

К инвентарю интересующего нас погребения принадлежит большая четырехугольная ажурная бронзовая поясная бляха (рис. 28), с изображением фантастического животного, того самого типа богато орнаментированных блях, который оказался, несмотря на все своеобразие и большое количество находок в Грузии, не поддающимся точной датировке, ввиду того, что все известные находки этих блях являлись случайными и не связанными с погребениями. Последнее обстоятельство заставляло даже иногда сомневаться в подлинности таких блях и подозревать в этих содержательных изделиях археологическую подделку.

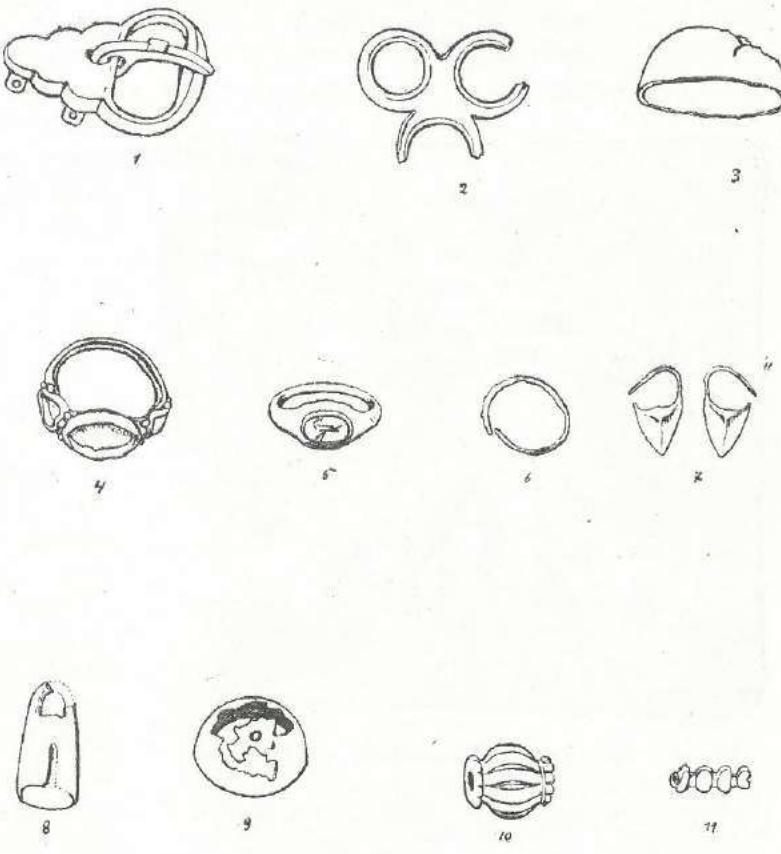

Рис. 27. Мелкий инвентарь римской эпохи из погребений и вкладов в насыпи курганов (Цалкин. р-н): 1—3, 6—9 — бронзовые; 5 — железный перстень с геммой; 4 — золотой перстень; 10—11 — бусы из стекловидной пасты. В $\frac{1}{2}$ натуральной величины. 1, 3, 5, 6 из кург. XV, 2 из кург. VIII; 8—11 из кург. VII.

ку (100). Однако, подвергнув еще в 1934 году специальному изучению коллекцию подобных блях Государственного Музея Грузии и бывшего музея Общества истории и этнографии, мне удалось их вполне реабилитировать, датировав эллинистической эпохой.

Ключ к датировке дает находка Шульца, сопоставленная с несколько менее ясно документированным комплексом Вейсенгофа (Гос. Музей Грузии, инв. 66-08: 68-96), с такими же двумя бляхами (рис. 29) из Манглиси, где на большем платце имеется некрополь с каменными ящиками эллинистической эпохи (101). Обе эти находки, сделанные в Триалети, в противовес мнению М. И. Ростовцева (102) о принадлежности подобных блях специально Центральному и Северному Кавказу, тяготеют, как и бляхи Армянского этнографического общества (по уверению Лалаяна), из Ахалкалакского уезда, к значительно, более южному пределу распространения этих древних художественных памятников, хотя, может быть, и прав был Такайшвили (103) полагавший, на основании наибольшего числа находок этих блях в Дигории, Имеретии и Раче, местом их производства ущелья Квирилы и верхнего Риона, где по его данным такие бляхи были найдены и в погребениях, именно в каменных ящиках, сел. Кацхи и Сачхере (104).

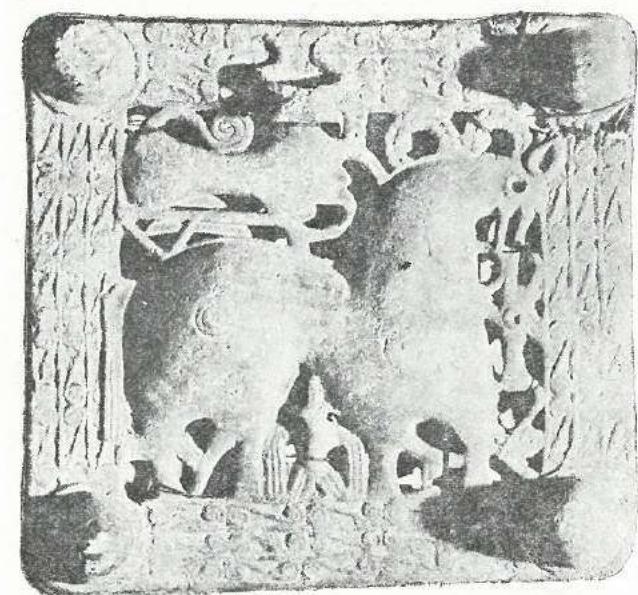

Рис. 28. Бронзовая поясная бляха из яничного погребения близ Розенберга (Храмгæс). Раскопка Шульца (Гос. Музей Грузии). В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

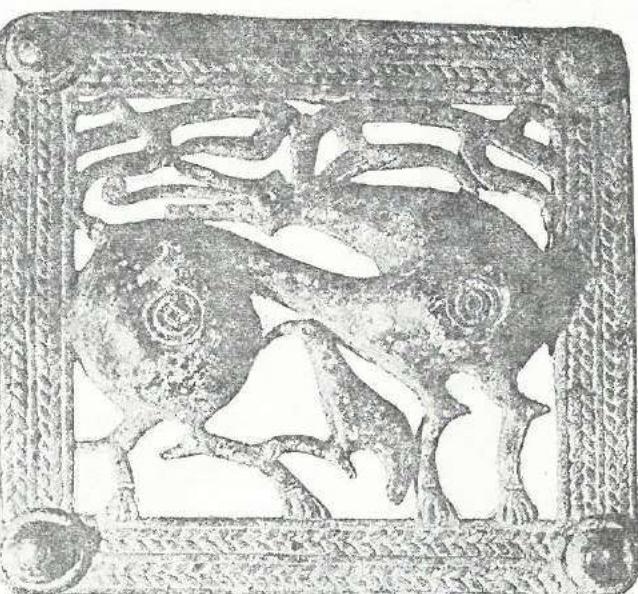
Сопоставив инвентари, связанные с цалкинской бляхой и с манглисскими, нетрудно убедиться не только в их одновременности, но и в соответствии этого инвентаря одному хорошо представленному культурному слою северо-осетинских аулов Рутхи и Комунты, к которым Шантр (105), не приходя оснований, по определению относил подобные бляхи. Сомнения Уваровой в правильности этой локализации были основаны на недостаточной, якобы, достоверности источников Шантра и на том, что ей лично не удалось отыскать в Раче в селении Геби (106) могильника, откуда считались

происходящими замечательные бляхи ее личного собрания, но как убедительно показала Т. Ивановская (107), бляхи этого типа действительно стилистически спаяны (например, трактовкой треугольных бычьих голов с лировидными рогами) (рис. 28 и 31) с происходящими, несомненно, из аулов Кумбулты и Рутхи круглыми подвесками на цепочках, которые в свою очередь соответствуют южно-осетинским подобным же находкам подвесок и блях (сел. Икоти, Музей Грузии, инв. 9-25: 1-4, и сел. Джава, Горийский краеведческий музей) одного технического приема выделки и стиля (рис. 31).

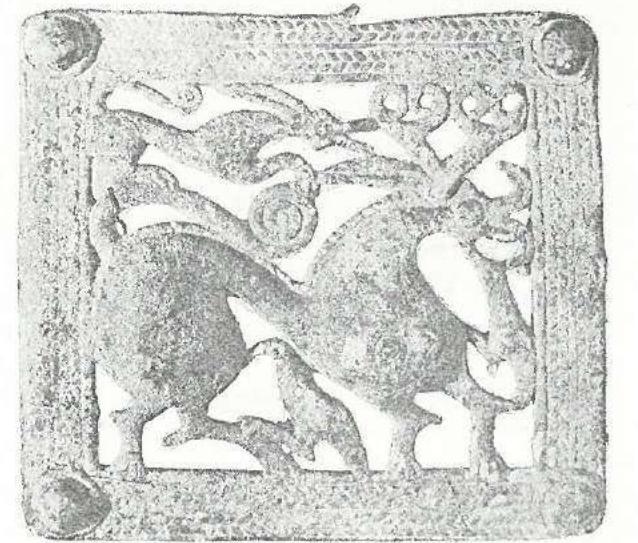
Подкрепленная, таким образом, достоверность цалкинского и манглисского комплексов с бляхами приводят нас к необходимости датировать их на основании сопровождающего эти бляхи инвентаря (рис. 30). К сожалению, принадлежащие к манглисской находке три монеты (инв. 66-08: 81-83) оказались исчезнувшими и, во всяком случае, мне не удалось их увидеть в археологическом отделе Музея Грузии, но, на основании бронзовых фигурок животных (рис. 30, 3 и 4) и птицы, полностью совпадающих с подобными же фигурками из Рутхи, Бори (103), из клада в горшочке у селения Жонети по Военно-Осетинской дороге (инвент. 5-31) с римскими серебряными монетами имп. Адриана, их трудно увести глубже I-го века до нашей эры. Об этом свидетель-

ствуют с другой стороны трехкольчные пряжечки (рис. 30, 8), тождественные с находками в Дидубе с такой же фигуркой животного, шнуровыми ажурными колокольчиками и браслетами эллинистической эпохи, а также с происходящими из раскопок Уваровой (близ аула Корца, в могиле № 2) вместе с железной арбалетной фибулой и зеркальцем, из особого бронзового сплава, типа последних веков до нашей эры (109).

Наконец, полностью соответствует этому времени фаллический подвесной амулетик из голубой пасты (рис. 30, 5), привозного происхождения из греко-римского Египта, как об этом свидетельствует заключающее подобную фигурку ожерелье (110) из разнообразных амулетов, найденное в Керченской гробнице эллинистической эпохи, и другое тоже амулетное ожерелье из Египетского отдела Одесского Музея, датируемое там IV-III в. до нашей эры. Этот амулет не является единственной находкой и в Грузии. Мы видим подобный амулетик в паре с вульвой, из той же египетской пасты, в собрании бус, извлеченных из второго кувшинного погребения, раскопанного Г. С. Читая в 1924 году в Земо-Авчала (111), недалеко от Мцхета. Однородный инвентарь этого и других трех вместе раскопанных кувшинных погребений состоит, главным образом, из разнообразных бус, среди которых основная роль принадлежит стекловидно-пастовыми, характерно ирридирующим после удаления темной поверхности пленки, затем, чечевицеобразным, боченковидным гладким из кручного тонкослоистого стекла, совершенно тождественным Ялойлутапинской культуре, а также характерным для последней же веретенообразным толстослоистым, имитирующим агат, боченковидным продольно-ребристым с поперечным валиком с обоих концов, плоским квадратным пластинчатым и пр., затем гиsherовым шаровидным и овальным, редким (мало характерным) сердоликовым, наконец пастовым и костяным из зубов оленя, упомянутым выше, при сравнении их с сагурамскими находками. Хорошо датирующими являются здесь также округло-конические бронзовые колокольчики с треугольными прорезями, как в манглисском комплексе (рис. 30, 1, 2), в Дигоми (112) (с парфянскими драхмами), и в „сырцовых гробницах“ этой же эпохи в Азербайджане (в раскопках Розенберга), затем железные перстни (4-ое погребение) с сердоликовыми геммами (муха, цветок), подобные цалкинскому перстню из влускного погребения в насыпи Шепякского кургана XV (рис. 27, 5), пастовая гемма с

а

б

Рис. 29. Бронзовые поясные бляхи из могильника близ Манглиси (Гос. Музей Грузии). В $\frac{3}{4}$ натуральной велич.

грубым изображением козла в железной оправе (инв. 34—24: 208, во 2-ом погребении) и наконец трехгранные бронзовые стрелки (инв. 34—24: 259) сильно попорченная и кажущаяся поэтому излишне архаичной для всего этого комплекса. Глиняная посуда, лепленная из светлой отмученной (несколько мажущейся) глины (круглые блюда на кольцевидном поддонье, плоскодонные низкие кувшинчики с ручкой и двуреберным утолщением наружного края венчика), хотя и отличается от более вычурной и богатой формами, предвещающими Ялойлу-Тапинскую фазу, керамики кувшинных погребений Азербайджана, но также характеризуется красно-охристой обмазкой, накладываемой на поверхность сосуда. Близко сходным с Азербайджанскими оказываются и сами погребальные урны из светлой глины с хорошим звенящим обжигом. Поскольку кувшинные погребения Азербайджана, в значительной части, примыкают снизу к Ялойлу-Тапинской культуре, эти соответствия подтверждают со своей стороны синхроничность намеченного ряда памятников.

Установленная, таким образом, нами датировка цалкинского и манглисского комплекса с четыреугольными бляхами идет навстречу и предположениям, высказанным Ростовцевым (113), а также Ганчаром (114), на основании только стилистического анализа этих блях, о времени их бытования, с эпохи появления скифов и до начала нашей эры. Однако, проведенная Ганчаром классификация блях, по ступеням от первой до шестой, во всяком случае, не должна рассматриваться в смысле безусловной хронологической последовательности, поскольку явно одновременные цалкинская и манглисская находки, не уходящие назад за поздне-эллинистическую эпоху, заключают в себе представителей, как по основному сюжету, так и орнаментальному обрамлению (просто шнурами и спиральными валютиами), от „прототипа“, драконовидного оленя с повернутой назад головой, до предпоследней ступени, уже подготовившей переход от фантастического зверя к коню. Этот последний вариант мы видим в вышеупомянутом комплексе из сел. Икоти, по всем признакам вряд ли более молодом, чем оба триалетские.

Во всяком случае мы не имеем еще пока находок, доказывающих более раннее появление одних, а не других форм этих блях, но также не знаем и постулируемых Толстым и Кондаковым (115) золотых образцов высокого стиля в филигранной технике, которую, по мнению этих авторов, имитируют, в грубо ремесленной форме, описываемые бляхи. Относительно последнего предположения надо заметить, что кажущееся его остроумие

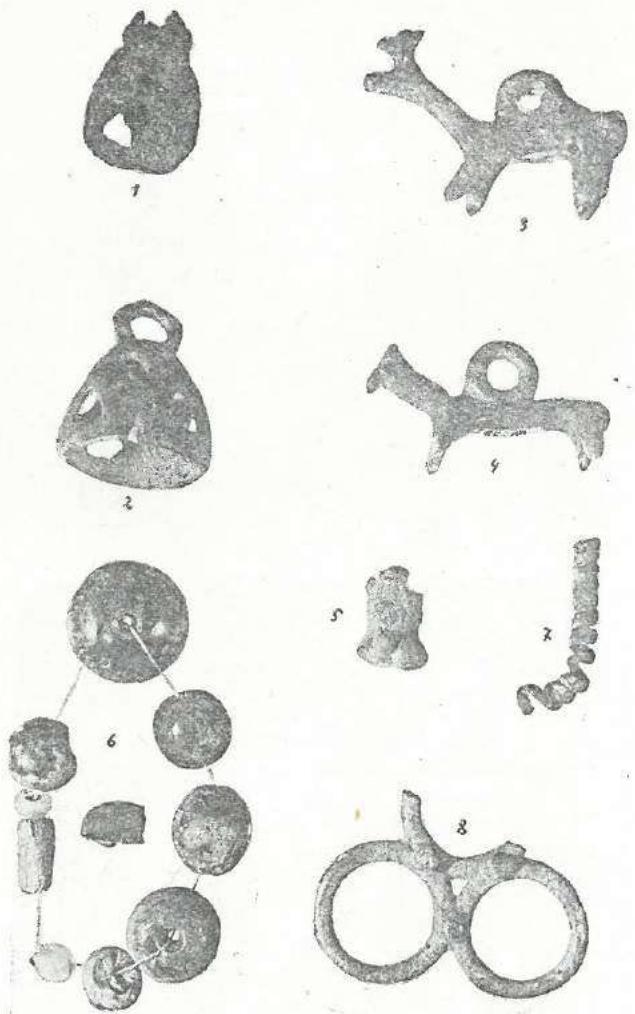

Рис. 30. Мелкий инвентарь из Манглисского комплекса Вейсенгофа с поясными бляхами; 1, 2—Колокольчики бронзовые; 3, 4—Бронзовые фигурные привески; 5—Пастовый фаллический амулет; 6—Бусы; 7—Бронзовые трубчатые спиральные пронизки; 8—Трехкольччатая пряжка бронзовая. В натуральную величину.

происходит от ошибочного понимания технических приемов изготовления этих блях, якобы, сделанных „резьбою и чеканом“ на отлитой пластине, тогда как на самом деле мы имеем здесь изделия, полученные почти вследствие путем отливки по утериваемой восковой модели. В последнем случае кажущееся подражание филиграции явится ее древнейшим аналогом, если не прототипом, осуществлявшим в воске то, что позднее производилось на драгоценном металле, так как изделия этой техники восходят на Кавказе к древним ступеням бронзового производства, как например: богато орнаментированный трубчатообувный топор из Б. Кабарды (116), втулки крюков из абхазских дольменов, булавки из Сачхере, андрюковская булавка, пятигорский кинжал (117) и подобные предметы, если и могущие имитировать золотую филигрань, то только ранней бронзовой эпохи, на что не имеется данных.

Что же касается сюжетных и декоративных мотивов, их происхождение может быть прослежено в зоне контакта скифского звериного стиля с западно-грузинским (поздне-кобанским) и центрально-закавказским (с бронзовыми поясами). Через восточно-скифскую и сарматскую среду, как убедительно показывают сопоставления Тальгрена, грузинские бляхи связываются с изделиями южного Приуралья III—II века до нашей эры, что в свою очередь является косвенной опорой для хронологии рассматриваемых блях. При этом, возможно, действовала здесь и еще особая художественная струя, проявлявшаяся в характерной технике „прорезных животных фигур в рамочном обрамлении“, восходящей к поздне-микенским приемам и хорошо известной в ионийском ориентализирующем стиле этрусских изделий, в частности, в удильных фигурных псалиях (нащечных пластинах), явно связанных с подобными луристанскими формами, и в поясных бляхах средней Италии (118), перекликающихся, по целому ряду признаков, с кавказскими, указанного более позднего времени. Эти обстоятельства позволяют несколько иначе расценить разнообразие изобразительных мотивов на наших бляхах, поскольку мы встречаем их, главным образом, в пределах распространения кобанской бронзы, на рубеже первых государственных образований в Западной Грузии, в сложной культурной среде, успевшей накопить к этому времени достаточно богатый запас изобразительных представлений и живущих не только в одном металле художественных навыков и технических приемов, чтобы можно было относить на долю и личной инициативы, способностей и вкуса отдельных мастерских, все те варианты в композиционном сочетании элементов и смыслов содержания изображений. Одну из своеобразных попыток проникнуть в это последнее, на фоне реконструируемого мировоззрения, мы находим, например, в работе об этих бляхах И. И. Мещанинова (119).

Таким образом, могильные находки Шульца на реке Асурети близ современного Храмгэса и Вейсенгофа в Манглиси, давшие впервые определенный материал—для установления несомненной подлинности ажурных бронзовых блях с зооморфными изображениями (120) и для их точной датировки,—указывают на тесную связь Триалетской Грузии, именно древней Гогарены, в эпоху, предшествующую римской оккупации Южно-Кавказского Двуречья, с территорией Колхиды, собственно со страной, которую Птолемей (IX,5) назы-

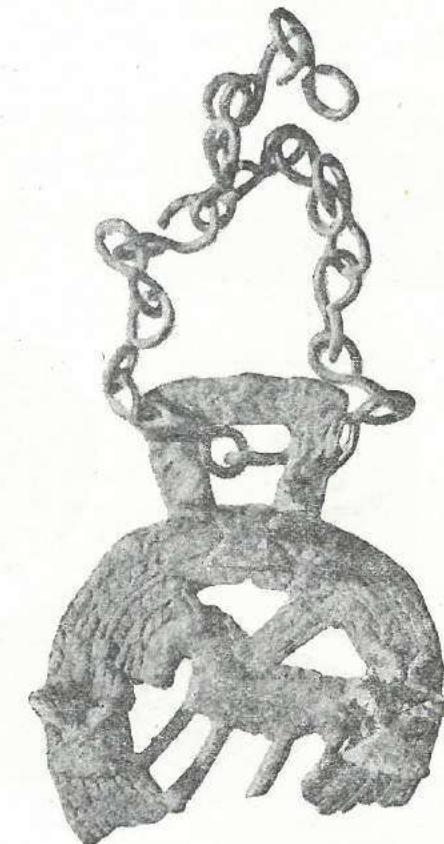

Рис. 31. Бронзовая бляха из с. Икоти (Юго-Осетия, Гос. Музей Грузии). В $\frac{3}{4}$ натуральной величины.

вал Ектикой, а Плиний Секунд (VI, 14) Кегритикой, то есть с бассейном верхнего Риона и Квирилы, где эти бляхи были встречены в наибольшем количестве и где недавно обнаружены вновь экспедицией ИЯИМК им. Н. Я. Марра Грузинской Академии Наук в ряде могильных комплексов, датированных грубым золотым подражанием монете Александра Македонского (106). Повидимому путь их продвижения отсюда на юг шел через Боржомское ущелье в Гуджарети, а может быть и на Бакуриани и Табискурское озеро, где в сел. Баланта в 1940 году также обнаружился могильник с погребениями, заключавшими подобные бляхи с другим соответствующим им инвентарем.

3. Могильник, синхроничный эллинистической или поздне-ахеменидской эпохе

Могильник этого времени был исследован в 1936 и 1937 годах к юго-западу от сел. Санта на берегу оврага Нерон Дереси, который разрушил часть могильника. Оставшаяся

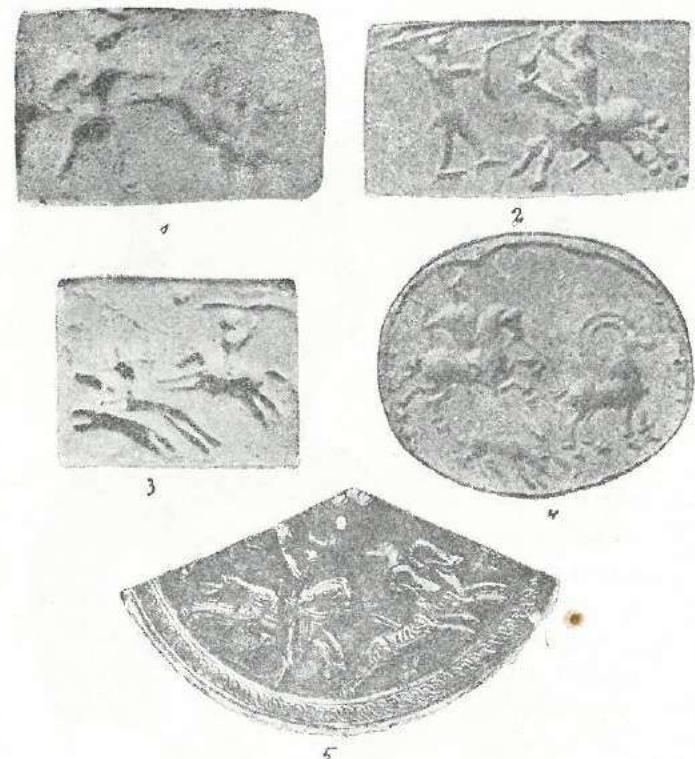

Рис. 32. Печати греко-персидского стиля. 2, 4—Каменная (по Фуртвенглеру); 3, 1—Стеклянные,—из могильников у Нерон-Дереси (Цалкниский район) и у Михета (Байерна); 5—Деталь серебряной бляхи Аму-Дарьинского клада.

его часть прилегала к четырехугольному курганоподобному холмiku, оказавшемуся после исследования основанием защитного сооружения с остатками стен, в 2,4 метра ширины, из двух рядов крупных камней циклопической кладки с забутовкой более мелким камнем между ними. Так как часть могил находилась непосредственно под одной из стен этой крепости, последнюю надо считать, несмотря на архаизм кладки, более молодой и выросшей после образования здесь могильника.

Дальнейшие исследования циклопических крепостей и других мегалитического характера сооружений Триалети указали на возможность еще более молодого возраста некоторых из них. Так раскопки в Нардеванской крепости с волнообразной формы массивными стенами, сложенными из огромных каменных блоков также с забутовкой внутри (табл. I и II) не обнаружили совершенно культурного слоя древнее Руставелевской эпохи. Если это последнее неожиданное обстоятельство повторится еще при

дальнейших систематических раскопках здешних циклопических крепостей и в ряде других случаев, придется искать особых исторических условий, способствовавших применению в Триалети подобных архаических приемов крепостного строительства и много еще веков спустя после эллинистической эпохи.

Погребения оказались все однотипными в характерных коротких „подквадратных“ каменных ящиках, едва превышающих, часто, в длину один метр и шириной 0,7—0,5 метра, сложенных из четырех крупных и добавочных более мелких камней, под массивной покровной плитой неправильной формы около 1,2—1,4×0,9—1,0 метра размером. Покойники втиснуты в эти ящики по одному, в сильно скрученной позе, на правом боку головой на запад, лицом на юг. Есть случаи и двойного погребения в одном ящике, женщины с девочкой лет десяти (см. табл. III).]

Посуда в погребениях не была обязательной, но большую часть имелось от одного до трех сосудиков небольшой величины у затылка и колен покойника. По характеру глины и формам, сосуды разделяются на две группы, пока не обнаруженные в явно совместном нахождении в одних и тех же погребениях: а) темно-глиняные с плотным черепком и лощеной поверхностью узкогорлые кувшинчики, без ручек с яйцевидным округло-заостренным ко дну корпусом, небольшие миски с загнутым внутрь краем и полуширные чашечки (фиалы) с раструбным венчиком (табл. IV) и б) светло-глиняные простые миниатюрные горшочки с ручкой и без ручек и плоскодонные кувшинчики такого же характера. Только эта вторая группа посуды встречена достоверно с другим инвентарем, состоящим, главным образом, из цветных стеклянных бус чистых оттенков (табл. VI): полуупрозрачных синих, голубых опаковых, золоченых и серебряных внутри, красных трубчатых коралловидных, перстней, вырезанных и согнутых из бронзового листа с гравированным щитком (рис. 33, 8), наконец, характерных тонких незамкнутых проволочных бронзовых браслетов с утолщениями и рубчиками на концах, в виде неопределенно стилизованных головок какого-то животного, и влагом посередине (рис. 33, 1, 2 и 3).

Среди бус, найденных в одном погребении, привлекает внимание интересная группа четырехугольных, в форме кирпичиков, пронизок (рис. 33, 7, 9) из полупрозрачного синего стекла, имитирующего по цвету ляпис-лазурь. Верхняя сторона этих пронизок обработана пятью фасетками, нижняя плоская несет на себе высмчатое изображение типа геммы на камне, но полученное не резьбой, а путем отливки или штамповки в горячем состоянии. Изображения представляют собой разнообразные сцены битвы человека с животными (например, с быком или всадника с химерой), сцены конной охоты на бегущих коз, отдельных животных (табл. V) и др.

Совершенно подобная пронизка известна мне из находок Байерна в Самтаврском могильнике с изображением человека, отбивающегося от вставшего на дыбы животного (121), к сожалению без возможности выяснить из какого погребения. Другая такая же, но не синего цвета, пронизка, тоже лишенная связи с могилой, была опубликована Уваровой, как происходящая из северо-осетинского аула Керца, с изображением всадника, сражающегося с пехотинцем, но ее толкованию (122).

Интересуемых пронизок с яркими изобразительными сюжетами, восходящими к излюбленным на востоке мотивам борьбы героя с зверем (Гильгамеша, Геракла с быком), сцен царской охоты, охотничьих животных и пр., возрастает тем более для нас, что они являются важной датировочной опорой, как своеобразные стеклянные, правда, видимо, срав-

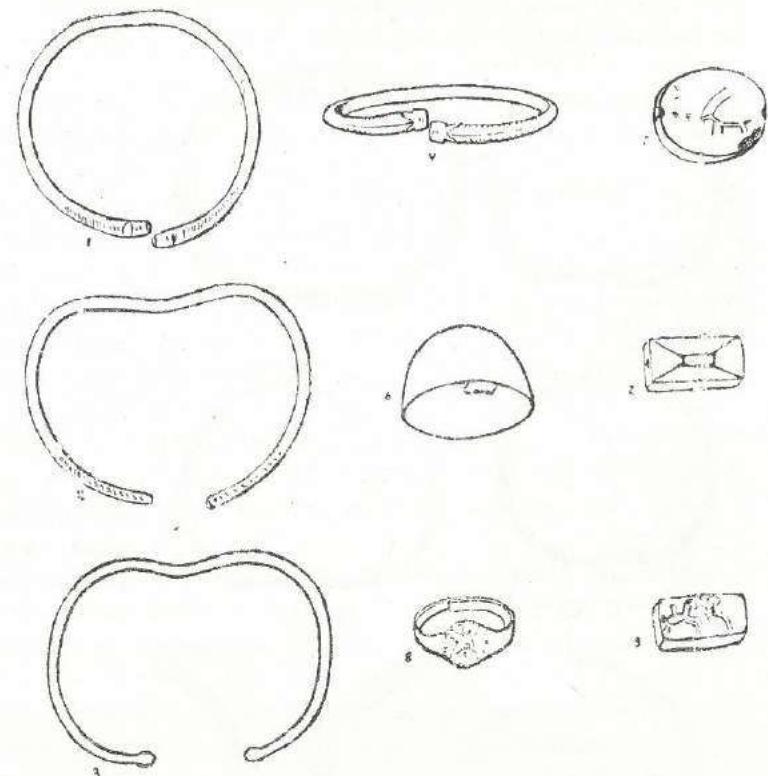

Рис. 33. Украшения из могильника у Нерон-Дереси. В 1/2 натуральной величины. 1—4, 6, 8—Бронза; 7, 9—Синее стекло; 5—Стеатит.

нительно долго бытовавшие имитации такой же формы гемм, греко-персидского происхождения, датируемых V—IV веком до нашей эры (рис. 33). Особено интересны в этом смысле изданные Фуртвенгером (123) и М. И. Максимовой (124) две четырехугольные геммы, одного размера с нашими стеклянными, из голубоватого халцедона с изображением, явно не греческой работы (с незамаскированными следами на одной из них техники *à la bouteille*), борьбы пехотинца, вооруженного копьем и щитом, со всадником—сюжет, повторяющийся и в стеклянной, из аула Корца, а также изданный Фуртвенгером овальный скарабеоид, того же происхождения и времени, со сценой охоты всадника с копьем на горных козлов, как на одной из наших пронизок.

Рис. 34. Бронзовые браслеты из разных мест Грузии: 1, 2—Гурдзхани (Кахетия); 3 и 5—Казбекский могильник; 4 и 6—Кувшинные погребения в Дабла-Гоми (Самтредский район).

ных погребениях, исследованных нами в экспедиции ИЯИМК Грузфилиала Академии Наук в 1936 году в Дабла-Гоми (близ Самтредиа), также с колхидскими монетами (126).

Открытый таким образом, почти одновременно, в разных частях Грузии материал определенной эпохи позволяет нам еще шире рассмотреть соответствующие комплексы на территории Южного Кавказа с целью выделения, помоему новых находок, синхроничных памятников и выявления их отношения к последующим группам. В этом отношении особенная роль принадлежит браслетам указанного типа, поскольку они являются тесно связанными с Южным Кавказом и не проникают совершенно в северо-черноморские греческие колонии. Эти браслеты воспроизводят характерный контур ахеменидских роскошных золотых браслетов, хорошо известных по целому ряду находок, как например, Аму-Дарийский клад, царское погребение в Сузах, раскопанное Морганом, со статерами Мелькарта из Арады, и пр.

На территории Грузии браслеты, почти полностью повторяющие цалкинские, даблагомские и эшерские, известны в ряде комплексов, которые становятся таким образом на свое хронологическое место. При этом удается установить, что восточно-грузинские браслеты, то ленточные, то круглопроволочные с выгибом доживаются до нашей эры, при чем последние создают варианты с коническим расширением концов и прямым обрезом. Таковы, например, браслеты Музея Грузии (рис. 34, 1 и 2) из каменного ящика на ст. Гурдзхани, Кахетинской железной дороги, с железным оружием (наконечники копий, серпы, трезубцы) и светло-глиняной посудой, среди которой имеется трехногая тяжелая чаша с петельчатой ручкой, ведущая к синхроничным ялойлутапинским образцам (Гос. Музей Грузии, инв. 167—13 : 19). Последним соответствует и другая находка из того же могильника, двухпетельчатый сосуд, типа аскоса (127), в форме лежащего поперек бурдюка с перехватом в середине, подобный такому же сосуду (128) из ялойлутапинского погребения № 0, в котором Е. А. Пахомов (129) определил римскую республиканскую монету. Этому же времени соответствует и поясная прорезная из тонкого бронзового листа бляха (инв. 167—13 : 12) из Гурдзханских погребений, аналогичная Борийской (130).

К такому же позднему варианту этих браслетов относится, судя по фотографии, обломок браслета из аула Тли (ошибочно назван булавкой), химический анализ которого показал, что материалом для него послужил сплав типа латуни (19,38 проц. Zn) (131), чему, между прочим, соответствует в известной степени и состав одной из вышерассмотренных ажурных блях со зверем из Кумбулты (132).

Подобными же вариантами разбираемых браслетов являются и браслеты ленточные и круглопроволочные с конически расширенными концами из позднего колхидского погребения, раскопанного Филимоновым (133), откуда происходит известный серебряный сосуд с бюстом на ручке, поздне-эллинистической эпохи.

Находившийся в этом погребении глиняный сосудик, в форме овальной ванночки с перегородкой (134) внутри, любопытно сопоставить с подобным же сосудом, найденным Е. А. Пахомовым в ялойлутапинском слое городища Молла Исаклю в Азербайджане, той же эпохи.

Старше и ближе по форме стоят к нашим браслетам, особенно даблагомским, браслеты из казбегской тройной гробницы, раскопанной Антоновичем (135). Полностью совпадает с даблагомскими (из кувшинных погребений с колхидками) замечательный браслет из этого могильника с головками драконов на концах и парной в середине (рис. 34, 6 и 7) (136). Взаимно соответствуют и браслеты с рядом утолщений вдоль всей проволоки, бронзовые гривны, повторяющие золотые Ахалгорийского клада, миниатюрные колокольчики с расщелиной (типа рис. 27, 8), перстни со щитком и изображением птички с веткой на нем, бусы, например, мелкая синяя с глазками. Светло-глиняная чашка (Гос. Музей Грузии, инв. 373) с загнутыми внутрь краями венчика напоминает такой же формы, но темно-глиняные, цалкинские (табл. IV).

Эта одновременность рассматриваемых триадетских, даблагомских, эшерских погребений с Казбегским могильником подтверждается и тем, что золотые штампованные розетки и полые золотые голубки с петельками (137) из погребений в последнем совершенно подобны находкам в Днепровской группе скифских курганов, например: в Мордвиновском и М. Огузском (138), эпохи расцвета Пантикея середины IV века до нашей эры.

Таким образом, перечисленными соответствиями доказывается существование и в это время весьма однородной моды в женском костюме на значительной территории Грузии. Повторяются одни и те же типы браслетов, перстней, щейных гривен, бус, колокольчико-видных подвесок и пр. при полном отсутствии в это время в рассмотренных могильниках булавок, которые, в районе Кавказского хребта, заменяются продолжающими жить местными бронзовыми дугообразными фибулами, как одночленными, древнего типа, так и позднее вошедшими в употребление с навязываемой на дужку иглой.

В то же время, полученная возможность синхронизовать, на этом основании, удаленные друг от друга памятники позволяет легко заметить одновременную разнородность типов погребального обряда на всей этой территории. Так на Черноморском побережье мы имеем в это время два существующих вместе погребальных обычая: через простую ингумацию, с положением покойника в землю вытянуто на спине, и через сожжение его и захоронение пепла в привозных греческих амфорах. В более глухих материальных частях Колхида, в Дабла Гоми, в Парчханаканеви, в Кутаиси господствует в это время обычай погребать в крупных глиняных урнах, как бы продолжающих собой традицию более древних вторичных урновых захоронений, существовавших ранее в Кобанскую эпоху на Черноморском побережье (28). Связан-ли, в конечном счете, этот тип погребений в Колхиде с древнейшимиprotoхеттскими кувшинными погребениями западной и восточной М. Азии III и II тысячелетия до нашей эры (140), пока невозможно сказать.

В Триалети и в восточных частях средней Куры мы видим скорченные погребения в коротких каменных ящиках. Однако, как говорили выше, обычай кувшинных погребений с конца эллинистической эпохи начинает проникать на некоторое время и в долину средней и нижней Куры, где он зарегистрирован для поздне-эллинистической эпохи в районе Мцхета и в Азербайджане, почти исключительно по правобережью Куры. За время, отделяющее кувшинные погребения восточной Грузии от кувшинных погребений западной Грузии, успели значительно измениться многие черты в инвентаре: появились перстни с вставными камнями (геммами), странным образом, реже стали одеваться браслеты, переменился, как видели в прошлой главе, ассортимент бус. Вместе с этим заметно выросла техника обжига крупной посуды: вместо черных орнаментированных, но слабо обожженных, погребальных урн Колхида, вошли в употребление простые гладкие прекрасно обожженные „квеври“.

В Триалети обычай кувшинных погребений повидимому совсем не проникал.

4. Богатое погребение ахеменидской эпохи на р. Алгети

Говоря о памятниках ахеменидской эпохи, исследованных экспедицией в Триалети, нельзя обойти молчанием замечательную находку, сделанную случайно в июле 1940 года крестьянами близ селения Цинцаро на реке Алгети к востоку от Тетрицаро, хотя о самом погребальном комплексе мы и не имеем полного представления. Доставленные в Музей Грузии предметы, отчасти в целом, отчасти в поломанном уже виде, представляют собою повидимому не всю часть погребального инвентаря, отличавшегося значительным богатством, особенно если учесть возможность утраты некоторых ценных предметов. Согласно сделанному мною опросу Васо Абциаури, на них наткнулись жители сел. Цинцаро во время выемки камня в поле. Подняв большой камень, работавшие заметили в находившемся под ним скоплении камней различные предметы на глубине, не достигавшей одного метра. По утверждению отдельных очевидцев четыре больших камня были уложены, как стенки могилы. Никаких человеческих или иных костей там не заметили. Принадлежность всего принесенного к одному комплексу совершенно очевидна и подтверждается, как свидетельскими показаниями, так и характером предметов. Несмотря на возможное (согласно показанию Васо Абциаури) отсутствие человеческих костей, которые обычно в условиях Триалети плохо сохраняются, уже общий обзор полученного комплекса показывает, что мы имеем дело с погребением, а не кладом. Об этом с полной очевидностью говорит наличие в нем орнаментированных пластинок из электрона (сплава золота с серебром), служивших накладками на рот и глаза покойнику. Из предметов личного одеяния захороненного сохранились четыре перстня, три браслета, две орнаментированные бляшки, нашивавшиеся на ткань, две булавки. Кроме этого с покойником находились двое различных, но однотип-

ных удил и трензели (псалии) от третьих, парных одному из целых вариантов, орнаментированная серебряная обивка с какого-то предмета, бронзовый треножник, одно бронзовое сильно фрагментированное блюдо, два серебряных сосуда с поврежденными краями, сломанная серебряная черпальная ложка и наконец разбитая стеклянная чаша прекрасной работы.

По времени и характеру вновь открытое погребение полностью примыкает к так называемому „Ахалгорийскому кладу“, в котором Я. И. Смирнов (141) вполне основательно подозревал инвентарь богатого женского погребения. Так в точности соответствует Ахалгорийскому кладу тип наших удил (табл. XII и XII bis), при чем одни из них совершенно, во всех деталях, совпадают с одной парой из Ахалгорийского клада (с прямыми троствидными псалиями), хранящейся в Археологическом отделе Музея Грузии (142) за № 20—05: VII—3,4 и изображенной в монографии Я. И. Смирнова на стр. 55. Мы видим здесь то же сцепление мундштучной части из трех двупетельчатых звеньев, то же рубчатое центральное колесико и два звездообразных, с тупыми шишками, боковых колесика, как и у алгетских, тот же прием соединения на каждой стороне с узелкой и поводом, помостью особого кольца, и те же псалии с тремя петлями.

Вторые алгетские удилы, более массивные и грубые, составлены из двух двупетельчатых звеньев и совпадают в этом отношении с другим видом ахалгорийских удил (инв. 20—05: VII—1,2), изображенным в монографии на стр. 53, с тем отличием, что псалии у наших удил, и в данном случае, троствидные, а не пластинчатые, и отсутствуют напускные на удильное звено, рядом с бородавчатыми муфточками, треугольные пластинки.

Также полностью повторяют тип ахалгорийских алгетские перстни с округлыми крупными плоскими щитками-печатями и отходящими от них с двух сторон кругло-проволочными дужками, образующими кольцо сходящимися, но не спаянными, концами. Характер изображений на щитках совершенно однороден в обоих случаях. Это вырезанные вглубь изображения животных и грифонов, при чем тип крылатого грифона с повернутой головой на одном серебряном алгетском перстне совершенно тот же, что на золотом № 29 и серебряном № 18 ахалгорийских перстнях. Трактовка фигуры животного на другом перстне очень близка серебряному ахалгорийскому перстню № 27. Третий алгетский перстень с овальным щитком имеет на себе изображение птицы, приближаясь в этом отношении к таким же по форме, но ленточным, как золотой из Ольвии (144), перстням Казбегского погребения (143) и кувшинных погребений с колхидками в Дабла Гоми (126).

Однако по содержанию изображений и по богатству композиции алгетские перстни (табл. XI) значительно превосходят ахалгорийские. В этом отношении особенно замечен четвертый перстень, где на фоне большой пальмы или кипариса, в центре, и двух птиц, в геральдическом расположении, по сторонам изображен хищный зверь, поедающий добычу (голову животного), совсем как на щитке (рис. 35) одной из известных беотийских фибул (144), эпохи геометрического стиля (VIII века), с которыми вообще имеются любопытные параллели и на втором перстне в фигуре крупного животного (лошади?) и вооруженного копьем человека с треугольным корпусом и маленьными симметрично поднятыми ручками. По приемам построения круп и груди животного с раскрытым ртом, последний перстень, кроме того, в некоторой степени, перекликается с грузинскими поясными бляхами (с образом фантастического зверя) эллинистической эпохи, о которых мы говорили выше,

Рис. 35. Щиток беотийской фибулы (по Монтелиусу).

Два одинаковых электроновых браслета из круглого гладкого прута с цилиндрическими головками, надетыми и прикованными к концам браслета (табл. X), близки паре ахалгорийских запястий из бледного золота с биконическими, лишь имитирующими их напускание на концы стержня, головками, отличаясь, однако, от последних выгибом, характерным для целого ряда ахеменидских браслетов, и, как выше отмечали, для проволочных и ленточных бронзовых браслетов Грузии этой эпохи. Алгетские браслеты сближаются в этом отношении, особенно характером „накладных“ цилиндрических головок, с бронзовыми браслетами казбегского погребения.

Третий алгетский браслет (табл. X), поступивший в Музей от находчиков в намеренно сломанном виде, представляет собою пример своеобразно технически выполненного изделия из массивного серебряного прута, покрытого сверху достаточно толстым свободным слоем бледного золота (прием *à la plaque d'or*), несущим на себе всю орнаментацию браслета. Отличаясь тем же характерным выгибом, этот браслет (толщина 6,5 мм) покрыт весь тонкой миллиметровой чрезвычайно правильной поперечной рубчатостью и заканчивается на концах совершенно той же формы концовками, как ахалгорийские золотые гривы № № 2 и 3, но не с тремя и не с одним, а двумя продольно рубчатыми утолщениями, также отделенными друг от друга двойной поперечной бороздкой.

Совпадает с составом Ахалгорийского клада и наличие в Алгетском погребении серебряной столовой посуды, именно, блюда и чаши-фиалы (табл. VII), из которых вторая, с омфалом, общей своей формой и техническим приемом изготовления, путем вытягивания на вращательном станке (оставившем углубленные точки в центре сосуда), но не орнаментом, особенно близка ахалгорийским образцам, с круглой выпуклостью на дне и тарелкообразно отогнутым краем. Что касается декоративных мотивов алгетских серебряных сосудов, то аналогии им возможно отыскать среди других типичных образцов ахеменидской торевтики. Так тяжелое, прекрасное по строгости стиля, серебряное блюдо (диаметром 22,5 см), гладкое внутри, несет на наружной поверхности характерный резной, а не выбитый, как на ахалгорийских фиалах и на второй фиале из алгетского погребения, орнамент, в виде 28-лучевой звезды или длинно-лепестковой розетки, доходящей остройми концами лепестков, с выступающей продольной жилкой, до резко очерченного канта, за которым следует гладкий отгиб края блюда. Бли же всего это блюдо стоит к серебряному, меньшей величины (D=18,4 см) блюду Луврского Музея, с 10-лучевой розеткой, из находок Жак де-Моргана (145) в Сузах, в погребении с монетами сатрапа Мелькарта из Арада, эпохи Артаксерса III (359—338 г. до нашей эры). Однако по техническим приемам плоскостной, а не только линейной резьбы и негативной трактовке лепестков наше блюдо занимает несколько особое место.

Другой более легкий алгетский сосуд, именно типа неглубокой серебряной фиалы, украшен выступающим снаружи и вогнутым внутри узором, в виде, опять-таки, стилизованного цветка, но с закругленными на конце лепестками, которые образуют, благодаря своим выпуклостям, радиальную ребристость низа сосуда, совершенно как на знаменных скифских, кульбоском и воронежском арибаллах, рубежа IV—III веков до нашей эры. Однако указанное сходство вовсе не может рассматриваться, как обязывающее к синхронизации, так как этот типичный и для эллинистической торевтики мотив восходит к значительно более ранним восточным образцам, как например, к урартской бронзовой чаше (D=22,3 см и H=9,3) с иероглифическим клеймом из Топрак-Кале (146) или Кипрскому сосуду из Идалиона (147), датируемому 6-ым периодом, то есть 500 годами до нашей эры. К этому же и еще более раннему времени восходят и другие черты рассматриваемой группы сосудов. Так бронзовые фиалы с омфалом или умбеликом найдены в Сирии (148) с фибулами VII—VI века до нашей эры, а золотой сосуд с умбеликом и девятью ложковидными высокими выпуклинами из Михалковского клада в Галиции (149), совершенно подобный серебряной ахалгорийской чаше № 14, лишь более низкой, с восемью та-

ками же выпуклинами, относится ко времени поздней венгерской бронзы (синхроничной Гальштатту) едва ли позднее VIII—VII века до нашей эры (150). К этому же типу высоких с выпуклым корпусом фиалов принадлежит и замечательная казбегская чаша с арамейской надписью (151), украшенная теми же ложковидными выступами, в количестве шести (как и золотая фиала с фигурками львов Аму-Дарынского клада) (152), с включенным между ними своеобразным роскошно скомпанованным орнаментальным убранством из характерных элементов: S-видных завитков, кончающихся лебедиными головками, бутонах лотоса и веерообразных пальметок в стиле кафельных украшений Нимрудова дворца. От этих-то более ранних форм находится в зависимости характерная группа патэр ахеменидского времени с ложковидными выпуклинами, втиснутыми между более или менее выраженными лепестками, идущими от центра и замыкаемыми цветками лотоса, в отношении которых сами эти выступы играют роль бутона, связанных с ними в одну гирлянду. Таковы ахалгорийские сосуды № № 62 и 63. Из сравнительного рассмотрения их особенно легко проследить генезис и скрещение указанных мотивов в различных стадиях их выражения, отложившихся, например, одновременно в декоре одного из этих изделий, на замечательном, по изяществу исполнения, ахалгорийском блюде № 62. На внутренней его стороне можно видеть пояс из бутона и остро-лепестковых цветков с тремя изолированными внутри элементами, стиля, очень близкого более ранним ионийским изображениям лотосовой гирлянды на (псевдородосских) милетских вазах, не позднее начала VI века до нашей эры (153). На наружной стороне этого же сосуда и на сосуде № 63 представлены те же элементы, но в вышеуказанной их переработке. К этому последнему типу принадлежит и серебряная патэра с двадцатилепестковым цветком и с двадцатью ложковидными выпуклинами, обрамленными лотосовой гирляндой, из 1-го Прохоровского кургана Южного Приуралья (154). Арамео-персидская надпись на этом сосуде с означением веса, по мнению П. К. Коковцева, палеографически не древнее конца IV века до нашей эры и может определять время патэр лишь условно, в случае признания надписи одновременной с изготовлением самого сосуда. Во всяком случае по своим стилистическим особенностям Прохоровская серебряная патэра свободна от каких-либо влияний греческих мастеров эллинистической эпохи и почти в точности совпадает по орнаменту с серебряными патэрьми, найденными в Армении: одной луврской и другой из Эрцингана (вместе с серебряным ритоном) в собрании Франкса, в Британском Музее.

Две последние, отличающиеся от Прохоровской только числом лепестков (семнадцать вместо двадцати), относятся Дальтоном (155) к V веку до нашей эры. Именно искусственным подражанием этому типу фиал, но более глубокой формы, подобной серебряной фиале (рис. 44) из Дабла Гоми (с греческой орнаментацией кантом из мелких гравированных „овов“), является прекрасный стеклянный сосуд (D=16; h=6 см) тончайшей работы из алгетского погребения (табл. VIII). Этот сосуд, лишенный омфала, действительно имеет на себе совершенно такой же рельефный орнамент, с той лишь разницей, что число лучей в звезде сведено к 14 и отсутствует лотосовая гирлянда, обрамляющая выпуклины на вышеуказанных серебряных образцах.

Место изготовления этого замечательного стеклянного сосуда определить пока трудно. Можно только указать, что стеклянные круглодонные чаши с ложковидными выпуклинами были находмы и на острове Кипре, в Марииане с могильным инвентарем IV века (156).

Всем этим достаточно устанавливается близость Алгетской находки к Ахалгорийскому кладу и вместе с тем подтверждается намечавшееся Я. И. Смирновым отнесение последнего к кругу ахеменидского искусства и к соответствующей эпохе. При этом инвентарь Алгетского погребения дает возможность еще более обогатить вносимое уже Ахалгорийским кладом новое содержание в наши представления об ахеменидской торевтике и ювелирном искусстве.

Действительно среди вещей, доставленных из Алгетского погребения, имеется ряд предметов, не возбуждающих сомнения в своей хронологической одновременности с рассмотренными выше, но представляющими собою категорию вещей, которые не имеют совсем аналогий в составе ни Ахалгорийского клада, ни других соответствующих памятников ахеменидского происхождения. Сюда прежде всего следует отнести своеобразный бронзовый треножник с обломанной верхней частью, от которой сохранилась входящая в треногу через рубчатую бронзовую муфточку часть железного стержня (табл. X).

Треножник представляет собою, как следует из сравнения его с находкой в 34 погребении классической эпохи в Марии на острове Кипре (157), основание высокого светильника. Но вместо простой бронзовой трехногой подставки наличная часть алгетского светильника представляет собою три согнутые в коленях человеческие ноги, соединенные основными концами в одно целое, подобно как на этрусском бронзовом канделябре Мюнхенского музея (рис. 36), который приводит Леман-Гаупт (158) в своем обстоятельном экскурсе о ванских и этрусских канделябрах. Вновь найденная в Алгетском погребении подставка отличается от указанной этрусской непосредственностью своей формы, натуральной простотой и убедительностью композиции. За исключением муфточек, напоминающей растительный плод, здесь нет традиционных для этрусских канделябров растительных мотивов. Конструктивным использованием формы естественно согнутой в колени человеческой ноги избегается в данном случае всякая необходимость прибегать к иным дополнительным аксессуарам, связывающим верхние и нижние части ножек, вроде растительных валют или животных головок, выпускающих из пасти опирающиеся в пол львиные лапы или коровьи копыта, одинаково, как на этрусских, так и на урартских канделябрах, генетически между собой, таким образом, связанных, как это убедительно устанавливает для широкой группы урarto-этрусских соответствий Леман-Гаупт. Алгетский светильник, несмотря на несколько более поздний свой характер, вносит, следовательно, еще новую мотивную струю в хорошо окристаллизовавшийся тип урarto-этрусских канделябров, поразительным образом подтверждая высказанную Леман-Гауптом догадку, что замена звериных ножек человеческими должна была осуществляться первоначально еще в урартском производстве.

Отсутствие вообще в древне-греческой промышленности описываемого типа канделябров, столь обычных в Этруссии, не позволяет подозревать в алгетском светильнике с железным стержнем более позднее заимствование со стороны, а только результат художественной и технической переработки ранее выработавшихся уже местных мотивов.

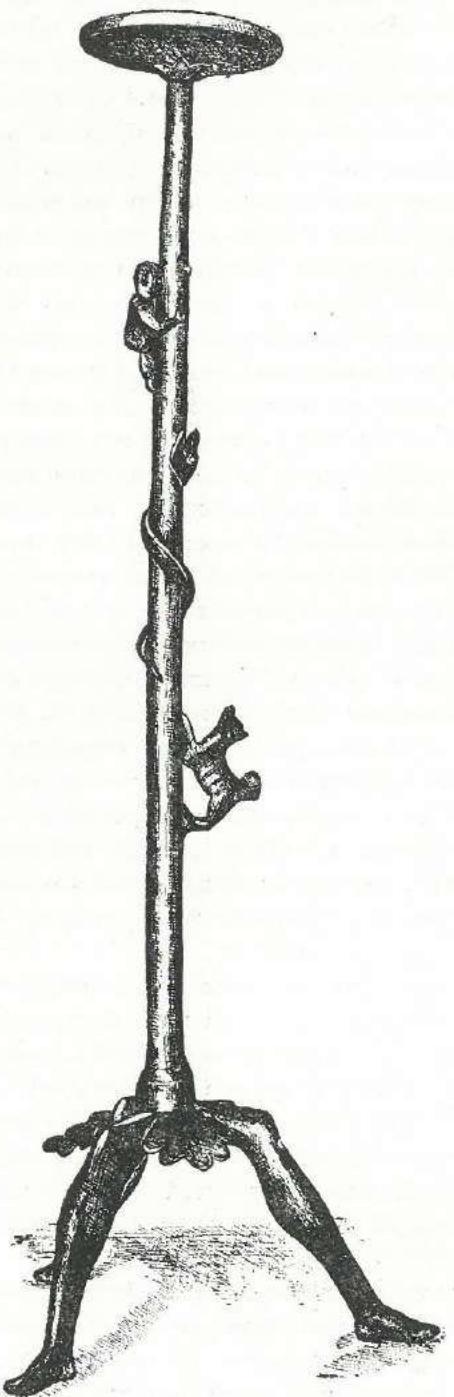

Рис. 36. Бронзовый этрусский канделябр Мюнхенского музея (по Леману-Гаупту).

Другой интересной группой предметов, совершенно не представленных в известных нам ахеменидских памятниках и в Ахалгорийском кладе, являются вышеупомянутые ромбические орнаментированные пластинки из бледного золота, служившие „замыкателями уст и глаз“ покойника (табл. IX). Об этом назначении говорит самая форма предметов, несущих в центре изображение человеческого рта с сжатыми губами и глазами, закрытыми по средней линии, как на золотых масках из Микенских погребений. Сохранились в фрагментированном виде одна накладка на рот и одна на глаз погребенного. Накладка на другой глаз потеряна. Припаянные с нижней поверхности пластинок по две плоские петли служили для пропускания шнура, которым накладки прикреплялись на лице. Орнаментика у обоих пластинок негативна и состоит из одинакового бордюра, полученного густым повторением очерченных выбитой линией S-видных фигур с одной или двумя точками между ними. В накладке на глаза дело этим и ограничивается. На ротовой пластинке кроме этого внешнего бордюра имеется еще внутренний по краю губ из мелких запятых в двух пунктирных линиях. Между двумя бордюрами вокруг рта помещается ряд из 20 фигурок идущих вправо птиц, намеченных выбитым контуром и покрытых точечными ударами.

Назначение птиц, появляющихся также и на большой золотой бляхе Ахалгорийского клада № 57 и на золотой ленте Аму-Дарьинского клада (159) № 47, а также на перстнях Алгетского погребения, Казбегского могильника и Даблагомских урновых погребений, становится понятным до известной степени при сопоставлении ротовой накладки Алгетского погребения с найденными здесь же круглыми нашивными бляшками из тонкого золотого листа, несущими изображение женской головы в богатом коническом головном уборе и в лучевом nimbe, видимо, великой женской мало-азийской и сирийской богини, которой птицы были посвящены.

Таких блях ($D=4,75$ см) в фрагментированном виде сохранилось две: одна из более желтого, другая совсем бледного золота. Их тесная связь и одновременность изготовления с „замыкателями уст и глаз“ устанавливается тождественностью бордюра, с той лишь разницей, что в последнем случае лицевой стороной является позитивное изображение того же в точности орнамента. В этом случае в узоре легко узнается схематическое изображение характерного передне-азиатского шнурка, совершенно такого же, каковой обрамляет и серебряный диск Аму-Дарьинского клада № 24 с изображением конной охоты на козлов и оленей (160) и британский фрагмент бронзового щита из Топрак Кале (161). Изображение лица богини с распущенными прядями волос выполнено в металло-пластическом рельефе посредством штампа, повидимому, по деревянной резьбе.

Принадлежность блях, несущих изображение богини, к одному комплекту со специально изготавляемыми для погребения ротовыми и глазными пластинками свидетельствует о вероятном хтоническом аспекте богини, связанной здесь, подобно греческой Деметре, с культом мертвых. Это указывает на не иранский характер погребального обряда, также как и употребление золотых повязок на рот и глаза, для которых ближайшие аналогии мы находим в царских погребениях второй половины II тысячелетия в Телл Халафе (162), где одна золотая повязка, украшенная голубой эмалью (рис. 37 а), с петлями на концах и с изображением рта находилась на лице погребенного, другая более простая эллиптической формы, также с ушками для шнурка, была положена в соуд с другими драгоценностями покойника, подвергнутого сожжению и захороненного под известной скульптурой большой тронной богини. Довольно часто подобные золотые повязки (рис. 37 б, в) были находимы на острове Кипре в погребениях конца бронзовой эпохи (163).

Если подобные золотые накладки на рот и глаза (в частности в виде соединенных вместе пластинкой золотых кружков) встречались и в Херсонесе Таврическом (рис. 37 г) в римское уже время (164), а также в одном позднем скифском погребении станицы Ярославской (рис. 37 д) на Северном Кавказе (р. Фарс), то их нетипичность там, особенно, в скифской среде, указывает на вероятные южные источники проникновения туда этого обы

чая, в котором можно видеть частичную замену более дорогих и торжественных золотых масок, типа микенских шахтовых гробниц.

Из остальных сильно фрагментированных предметов, принадлежавших Алгетскому погребению, следует упомянуть серебряные подкладочные диски ($D=5,5$ см) с одной или двумя напаянными плоскими петлями (табл. XII), обрывки серебряной обивки, орнаментированной рядами (простыми и в елочку) сильно выпуклых зерновидных листочеков и звездообразными восьми-лучевыми розетками (табл. XII bis), серебряную сильно фрагментированную черпаленную ложку (*cyathus*), типа Борийских (165), с простой кругло-стержневой законченной

кольцом ручкой, стоящей под прямым углом к плоскости самой ложки, гищеровые продолговато-ovalные буски, агатовую буску, сердоликовую резную в форме маковой головки и пр.

Таким образом, погребение близ с. Цинцаро на р. Алгети даже в том неполном виде, в каком оно дошло пока до нас, дает чрезвычайно характерную картину культурной жизни Триалети в ахеменидскую эпоху. Мы встречаемся в это время здесь, как и в средней долине Куры (в Ксанском ущелье), с значительной дифференциацией населения и выделившейся местной знатью, погребаемой часто с царским великолепием. Сравнение алгетской находки с ксанской (Ахалгорийский клад) позволяет думать, что пышный погребальный обряд мог сопутствовать в обоих случаях женским погребениям, так как в комплексе вещей, состоящих из драгоцен-

ных ювелирных изделий и богатой посуды; совершенно отсутствовали какие-либо предметы вооружения, в то время как упряжные ко-

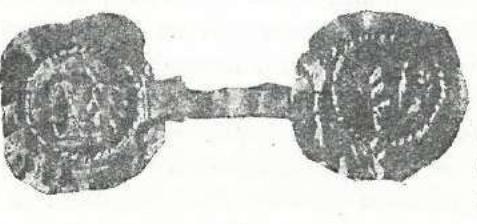

Рис. 37. Золотые накладки на рот и глаза покойника. а—Телл Халаф; б и в—о. Кипр; г—Херсонес-Таврич. и д—станица Ярославская (Северный Кавказ).

ни, судя по найденным удилам, а также конским костям (в одном случае), в ксанском погребении не менее шести, и в алгетском, вероятно, не менее четырех, сопровождали покойницу в могилу. Эта последняя особенность невольно заставляет вспоминать синхроничные скифские погребения с конями и даже подозревать некоторые общие источники этого

обычая, однако при полном исключении возможности видеть в описываемых погребениях какие-либо указания на пребывание в Грузии в это время скифского населения, поскольку такой тесно связанный с конным бытом предмет, как удила, представлен в обоих грузинских памятниках одним крайне своеобразным типом, до сих пор не встреченным нигде более, кроме территории восточной Грузии до Сурами (166). Напротив, эта новая находка бронзовых удил столь специализированной формы в Триалети в погребении ахеменидской эпохи указывает на самостоятельные пути в развитии коневодства в Грузии, во всяком случае с конца II тысячелетия до нашей эры, когда бронзовые удила начинают появляться в археологических находках, и на культивирование крупных и темпераментных пород лошадей, выращиваемых, видимо, в табунных условиях и требующих, поэтому, особой обезды и применения строгих удил вышеописанного характера.

Если для серебряных блюд, различных технических приемов изготовления и орнаментов, близкой иранским образцам, у нас не имеется еще достаточных оснований утверждать безусловно местное их происхождение, хотя большинство подобных находок связано вообще с территорией Грузии и Южного Кавказа, то это, с значительной вероятностью, следует сказать не только относительно перстней с металлическими геммами, отличающихся вместе с ахалгорийскими, при общем сходстве строения, от перстней Амударинского, например, клада одним распространенным в это время в Грузии приемом их изготовления—путем отковки щитка и сгибания дужек в незамкнутое кольцо, но и относительно гладких электроновых браслетов с накованными головками, может быть, и пластированного золотом браслета и, безусловно, относительно орнаментированных золотых бляшек и пластин для рта и глаз, изготовленных, повидимому, непосредственно к погребению. При этом в самом последнем обычай обнаруживается отнюдь не иранские, а развившиеся, в противовес политическому господству Персидского государства, местные черты, тяготеющие, как можно пока установить, в сторону западной Месопотамии, Сирии и даже острова Кипра, проникнутого традициями крито-микенской культуры. В этом же направлении приходится искать и стилистические источники оригинального бронзового треножника для светильника с подставкой из трех человеческих ног, реплику которого мы указали в соответствующих мотивах этрусских канделябров, повторяющих, наряду с целым рядом других металлических изделий—сиренообразных ручек от котлов (167), орнаментированных сосудов, так называемого ориентализирующего стиля в Италии, черты малоазийско-сирийского, а также, насколько уже можно судить, и урартского искусства (168).

5. Могильник ранне-ахеменидской эпохи

Могильник, который я отношу к этому времени, был открыт и изучен нами в 1939 году. Он расположен на правом берегу речки Башкев-Су, около сел. Бешташени, непосредственно за остатками мегалитической крепости (рис. 64). Могильник состоит опять-таки из небольшого размера каменных ящиков, весьма грубо, часто неправильно сложенных из четырех (большей частью) камней и покрытых крупными плитами, которые у большинства могил уничтожены. Размеры ящиков колеблются от $1,5 \times 0,85$ до $0,9 \times 0,5$ метра для взрослых могил. Ориентированы ящики длинной осью, чаще, с востока на запад, головой то в одну, то в другую сторону, но есть ящики и повернутые с севера на юг. Погребения все скорченные на боку с сосудами у головы и ног (рис. 38, табл. XIII). Посуда встречается одновременно двух типов, более грубая темноглиняная и другая тонколепленная светлого глиняного двух разных оттенков, светло-пепельно-серая и желтая, часто с окрашенной красной охрой поверхностью. По форме сосуды разнообразны (табл. XV). Главным образом представлены кувшины и горшки с двумя ручками близ венчика. Характерны кувшины с широким горлом и венчиком вытянутым в носик, реже с трубчатым косо поставленным коротким носиком наверху, двуручные кувшинчики с растребанным венчиком. Встречаются

также характерные глиняные фиалы с раструбным венчиком и плоско-округлой нижней частью. Как эти последние, так и кувшины двуручные и с носиком и двуручные горшки являются уже готовыми формами, которые будут продолжать жить, почти в этом виде, в более позднюю вышерассмотренную парфянскую и римскую эпохи в сырцовых погребениях Ганджинского района (159) и отчасти еще далее на востоке в синхроничных последним кувшинных погребениях.

Прочий инвентарь состоит из железных наконечников копий, ножей, серповидно-согнутых с наложными костяными пластинками на ручках, как в одновременной древней группе скифских курганов VI—V века до нашей эры, например у Холодного Яра близ Смели (кург. XX, XXVIII, XIX и др.) с ахеменидской цилиндрической печатью (170), редких железных топориков (рис. 43 и табл. XVI) и укращений из бронзы и серебра. Характерны бронзовые булавки с отверстием и бронзовыми цепочками, ковероушки, разомкнутые браслеты, оканчивающиеся головками какого-то животного с длинными ушами (рис. 39, 1, 2, 4 и 5) и круглые большие серебряные проволочные височные кольца (рис. 40, 4 и 5). Реже—спиральные перстни (рис. 39, 3), шаровидные бусы (в виде вишен), прекрасно-точены и шлифованные из сердолика, крупные бусы из темной стекловидной пасты (рис. 40, 11). Интерес представляет также присутствие иногда мелких янтарных бус, появление которых зарегистрировано уже для предшествующих эпох Реслером (171) в одном из Ходжалинских курганов, Байэрном (172) в могиле № 581 нижнего этажа в Самтавро и нами здесь в Триалети в одной могиле поздне-бронзовой поры.

Из предметов, дающих более определенные хронологические опоры, можно назвать еще трехгранную бронзовую втульчатую стрелку, к со-

Рис. 38. Погребение в каменном ящике у Бешташской крепости (Цалкинск. р-н) с 5-лучевой серьгой. В $\frac{1}{15}$ нат. велич.

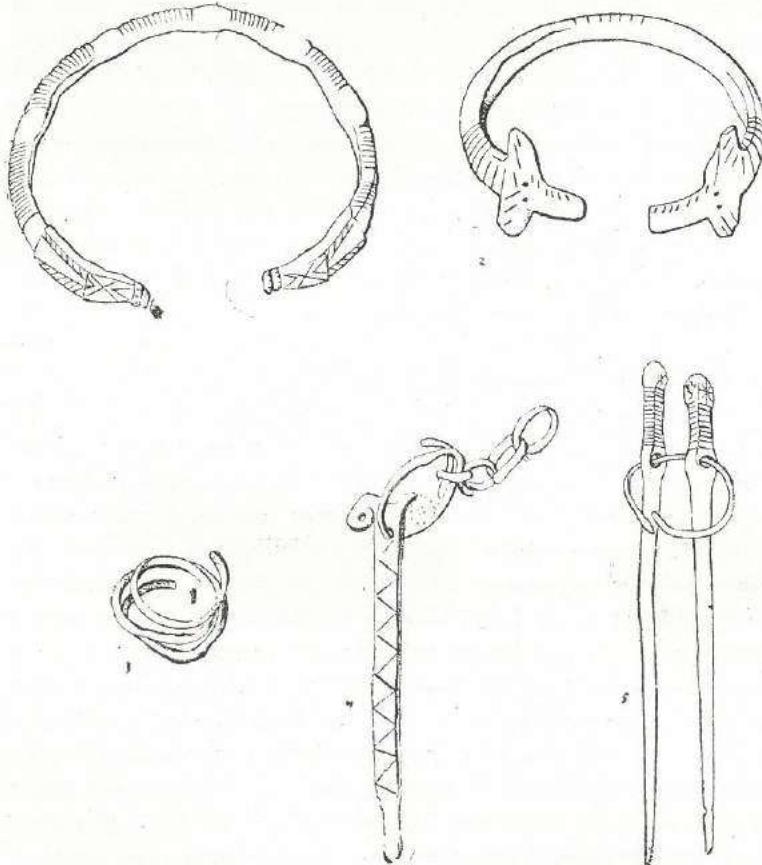

Рис. 39. Бронзовые украшения из левобережного могильника у Бешташской крепости. В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

желению, с обломанной верхней половиной (рис. 41, 1) и две серьги из серебряного сплава, одну с длинным неподвижным стержнем, заканчивающимся гроздем из пяти крупных зерен и другую с пятью расходящимися тонкими лучами с таким же окончанием (рис. 40, 1, 2).

Что касается втульчатой бронзовой стрелки, то появление ее в могильниках Закавказья вообще явление сравнительно не очень частое, и связано скорее с погребениями более древними, содержащими в себе даже бронзовое оружие, как например, в могиле № 48, раскопок А. А. Ивановского (173) близ Калакента, заключавшей бронзовый кинжал с ажурной головкой и 8 трехлезвийных стрел. В Самтавро втульчатая бронзовая стрела двухлезвийная (Байэрн (174) сам, странным образом, пользуясь, видимо, в своем исследовании только рисунком, неверно называет ее четырехлезвийной) с втулкой, достигающей почти остря, и с характерным для одной из древнейших групп втульчатых стрел угловато-ромбическим очертанием листа, найдена в 598-ом грунтовом погребении нижнего яруса могильника.

П. Рай (175) в тщательном обзоре втульчатых бронзовых стрел восточной Европы и Сибири, называемых обыкновенно скифскими, по широкому их распространению на территории, занятой скифами, не учел замечательной находки нескольких сотен этих стрел (рис. 4, г) в поздне-хеттском городе Каркемыше, в слое, относящемся к разрушению его Небухаднесаром в 604 году, и в условиях, показывающих, что именно этого характера стрелы принадлежали защитникам города, а не нападавшим на него (176). Однако это последнее обстоятельство требует несколько иного взгляда на вопрос генезиса и распространения в предскифский и скифский период этих стрел в восточной Европе и на Кавказе тем более, что и раскопка Алишарского холма (177) в Малой Азии свидетельствует о появлении ланцетовидных втульчатых бронзовых стрел с шипом на втулке уже в V-ом, так называемом, фригийском слое, где происходит (178) постепенное замещение ими крито-микенских плоских, по Илиаде *τριγλώχι* (V, 393, XI, 507) и трехгранных бронзовых стрел IV-го слоя, заканчивающегося в XI веке до н. э. Прототипы их родственны альпийским стрелам с шипом на втулке IV периода бронзы (139).

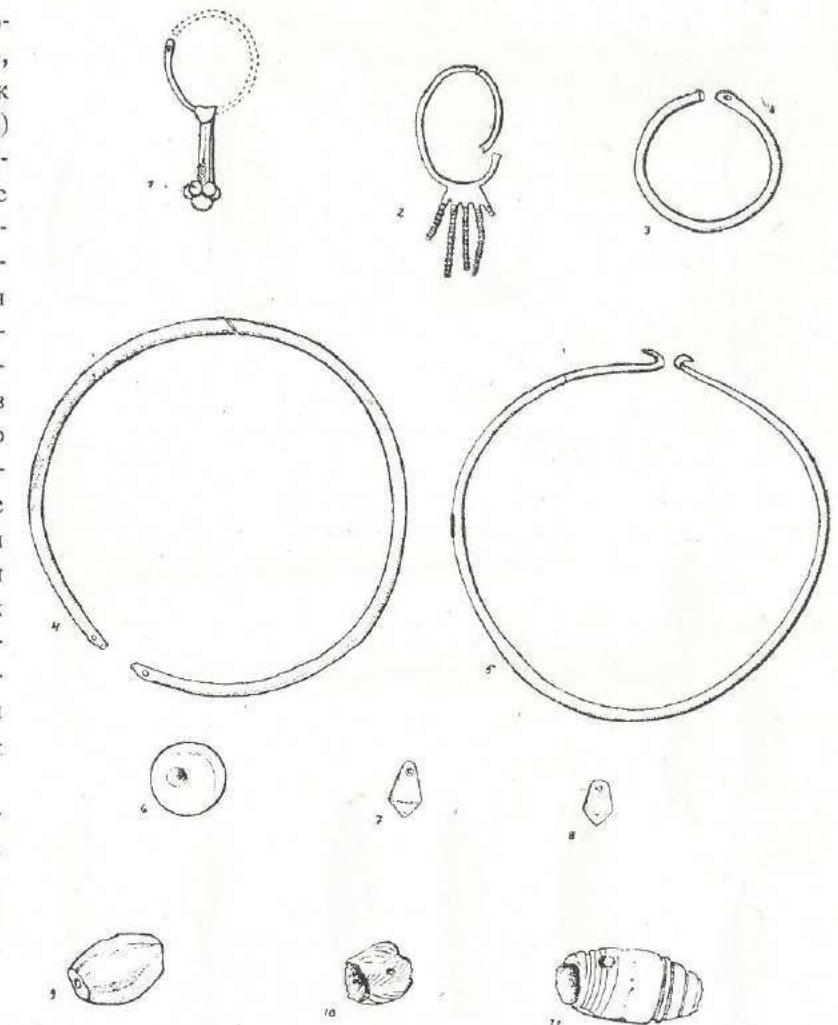

Рис. 40. Серебряные серьги (1, 2) и височные кольца (3—5); бусы сердоликовые (6—8) и стеклянные (9—11). Левобережный могильник у Бешташской крепости. В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

Как показывают находки (179) в восточной Европе, особенно на нижнем Поволжье (напр. Усатовский клад), „скифские“ втульчатые бронзовые стрелы, трехгранные и двулоапастные без шипа и с шипом, появляются приблизительно с рубежа VIII—VII века до нашей эры (180), причем, чисто скифский вариант с шиповидным продолжением одной из сторон лезвия оказывается оформленным, судя, например, по Келермесским курганам и по датированному Е. О. Прушевской (родосской вазой) погребальному комплексу у Шукур Ли-

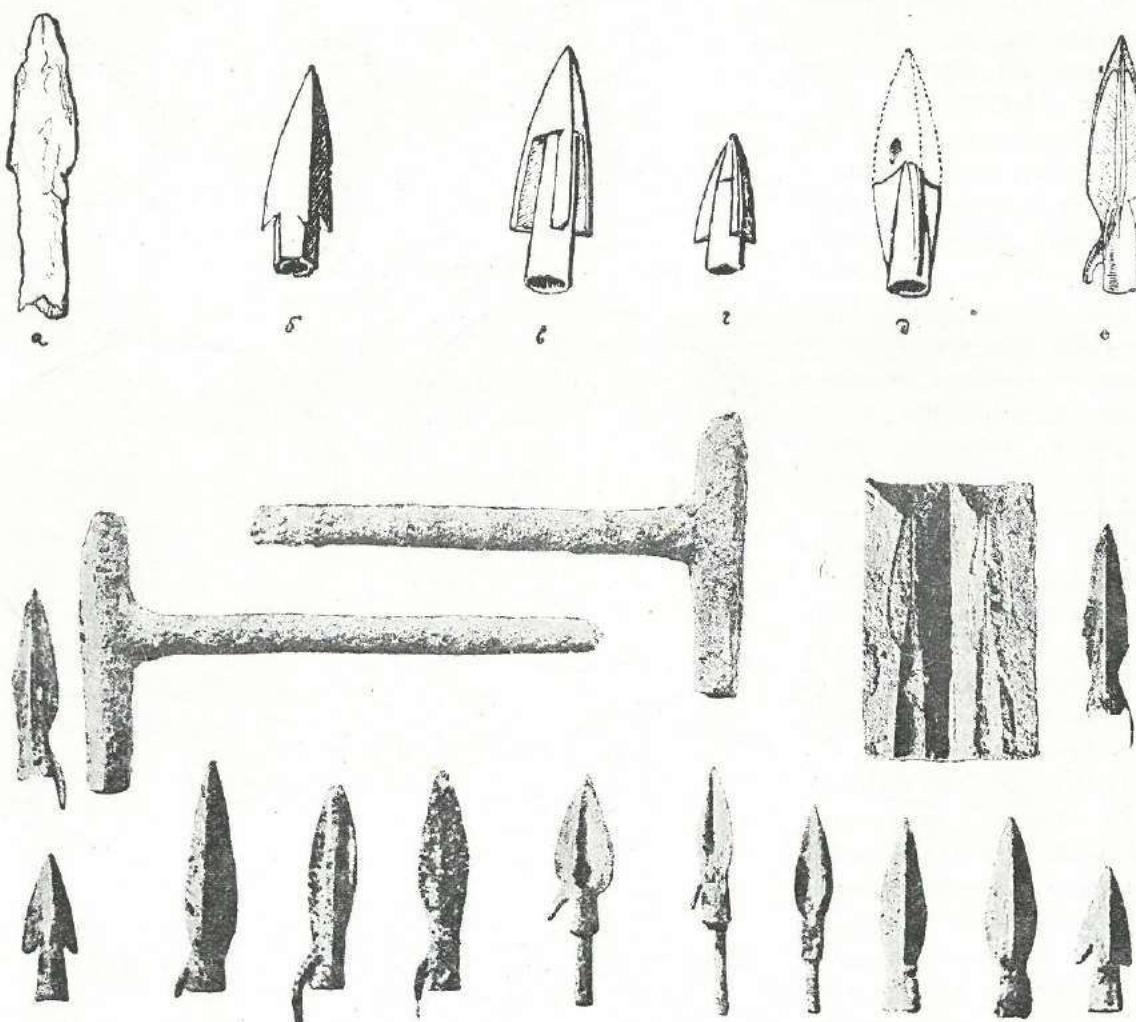

Рис. 41. Наконечники стрел: а) железный, б) костяной, в) и г) бронзовые из погребения с конем у с. Цидамури (Мукхетский р-н), д) бронзовый из погребения у Бешташской крепости, е) бронзовый с р. Алгети. В нат. велич. Наконечники стрел и литьевые формы защитников г. Каркемыша (по Вули). В $\frac{1}{3}$ нат. велич.

мана на Таманском полуострове, к рубежу VII—VI века до нашей эры (181). Замечателен при этом факт широкого освоения на скифской территории характерных методов отливки втульчатых стрел, особенно трехлезвийных, в трехстворчатых формах, приготовляемых из мягкого камня (находки в Приуралье, 182) или из бронзы (сел. Стайки Киевской губ., 183), и повторяющих медную литьевую форму (184), найденную в Малой Азии в Каркемыше, на месте скопления свеже-приготовленных стрел (рис. 41) во дворе древнего дома.

Наша стрелка, к сожалению, с обломанной верхней частью, трехлезвийной формы, с округло выпуклыми, сливающимися внизу с короткой втулкой, лезвиями (без бородки), при-

надлежит, видимо, к сравнительно архаичному типу, уводящему соответствующее погребение несомненно значительно глубже, чем рассмотренный выше могильник у Санты в Нерон-Дереси.

Еще более определенно об этом говорит серьга с пятью лучами (рис. 40). Эта серьга представляет собою очень грубое подражание, из серебряного сплава, прекрасной золотой серьге, филигранной работы (рис. 42 а), указанной Г. Д. Филимоновым (185) в числе предметов, взятых непосредственно им самим из найденного им „Казбегского клада“, перед его разграблением на месте находки, следовательно безусловно синхроничной основной части этого клада. Тальгрен (186), в специальной работе датирующий этот клад, на основании анализа, главным образом, бронзового инвентаря, во всяком случае первой половиной I тысячелетия до нашей эры и „ближе к началу ее“, совершенно почему-то забывает об этой серьге и свидетельстве о ней Г. Д. Филимонова, а также игнорирует и отношение к кладу другой подобной же серьги, найденной Байэрном (187) при исследовании места клада в 1878 году. Однако, несомненное указание Филимонова только еще более подтверждается находкой Байэрном парной (для вышеуказанной) серьги, вместе с другими золотыми поделками и лицевыми бусами (Maskenperlen) (188), которые хорошо известны во многих местах Средиземноморья и происходят, по-видимому, из Египетских мастерских (189). В центральной Европе подобные бусы попадаются в погребениях конца гальштатской и начала латенской эпохи (190), позволяя на этом основании датировать клад эпохой, близкой к середине VI века до нашей эры.

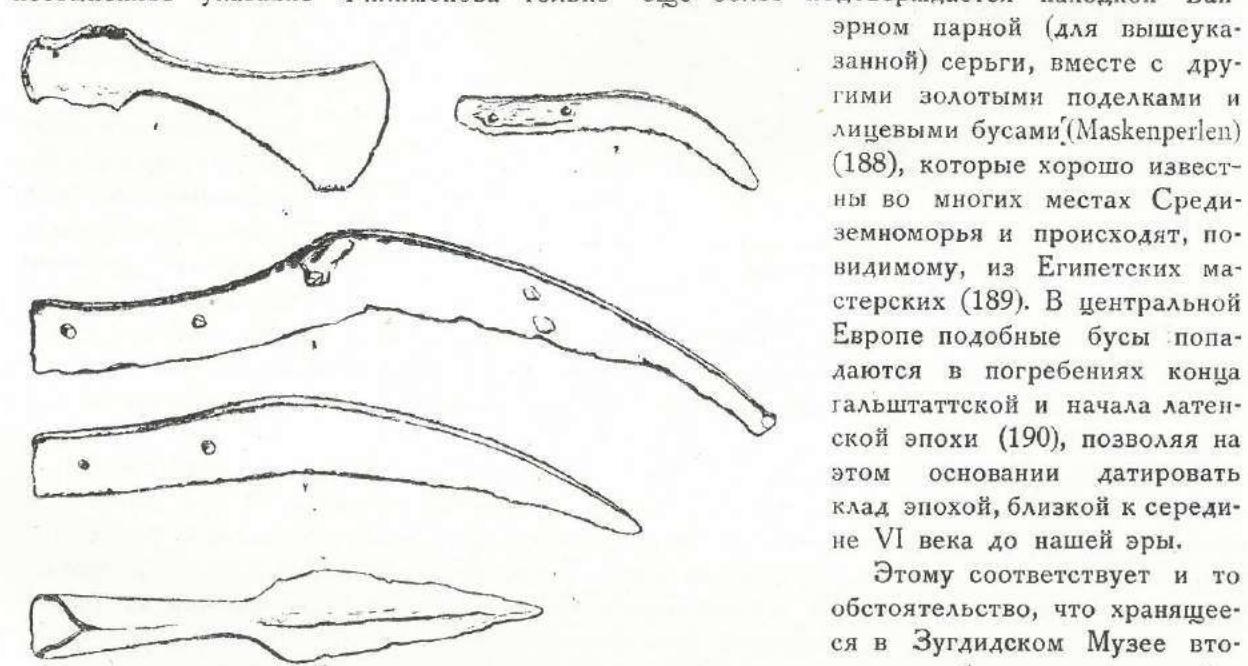

Рис. 42. Казбегские золотые серьги: а) из клада и б) с места клада (по Байэрну). Нат. велич.

Этому соответствует и то обстоятельство, что хранящееся в Зугдидском Музее второе, подобное нашему, грубое серебряное подражание Казбегской золотой серьге с лу-

чами из Читацкали было найдено в кладе с колхидками. Еще две, известные мне, одиночные серебряные серьги подобного типа из сел. Икоти, Горийского уезда (Муз. Грузии, инв. 111—13: 1) и из Бори (191) не связаны с каким-либо определенным комплексом.

Другой тип серебряной серьги (рис. 40, 1) — с четырехшнурным столбиком, кончаящимся головкой из пяти круглых зерен, — встреченный в другом подобном погребении этого же могильника, находит себе также полную аналогию в другой золотой серьге и подобной серебряной, найденным Байэрном (192) вместе с вышеупомянутой (рис. 42 б) и относимым им, по условию находки в священном источнике, к кладу, связанному с последним, а не к могильнику, который, как мы уже видели, датируется несколько более поздним временем, чем клад.

Этой близостью по времени рассматриваемого Бешташенского могильника к Казбегскому кладу объясняется и то, что глиняные чашечки этого могильника уже имеют характерный тип фиал (табл. XV), который повторяется в форме лаблагомской серебряной чаши (рис. 44), замечательного сосуда Казбегского клада с арамейской надписью, стеклянной фиалы из погребения на р. Алгети, бронзовых из Дэвэ Эйюк, серебряной фиалы Франкса (155)

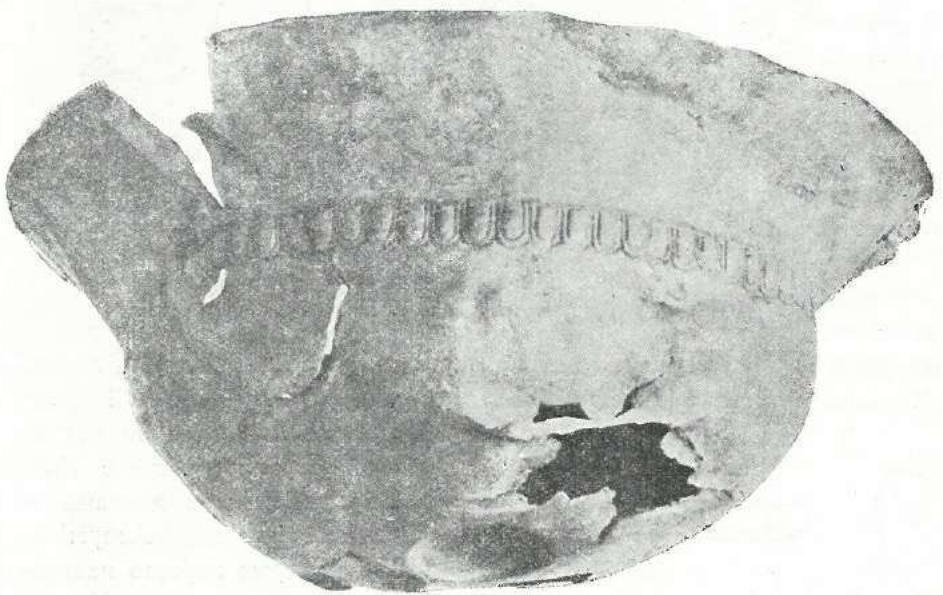

Рис. 44. Серебряная чаша, найденная с кладом колхидских монет в Дабла-Гоми.

ких экземпляров золотых колец из клада с колхидками в Дабла Гоми. Всем этим с достаточной точностью определяется хронологическое место этого могильника как раз в промежутке между Казбегским могильником и Дабла Гоми с одной стороны и, Казбегским кладом, с другой.

Большая архаичность этого могильника у Бешташенской крепости сравнительно с вышерассмотренным Сантиным, таким образом, совершенно очевидна. В нем полностью отсутствуют типичные для последнего тонкие с голубоватой красивой патиной браслеты с выгибом, перстни со щитком, стеклянные геммы и цветные стеклянные бусы и, напротив, характерны бронзовые булавки с отверстиями и туалетными принадлежностями на цепочках, спирально свернутые проволочные кольца, браслеты более массивные и прочий инвентарь, скорее тяготеющий к еще более древнему, предшествующему слою, типа поздней группы Лелварских могильников Моргана. Действительно, некоторые из погребений, раскопанных Жак де Морганом в Лелваре в таких же типичных, как и у нас, коротких каменных ящиках содержали втульчатые бронзовые стрелы (мог. 242), бронзовые височные завитки (194) с лопастями, повторяющие золотые формы Казбегского клада и могильника (195), булавки с цепочками и туалетными принадлежностями (мог. 40, Шайтан

и из ящичного погребения железной эпохи VI—VII века в Рас-Шамре с алебастровыми балзамаами и бронзовыми фибулами того же времени (193).

Наконец, особенно типичные для описываемого могильника большие серебряные круглые височные кольца из проволоки с просверленными отверстиями на сходящихся концах для завязывания (рис. 40, 1), можно рассматривать в качестве прототипов для более мел-

Tag) нашего типа. Совпадают с лелварскими и формы железных наконечников копий и серповидно-кривых ножей с накладными костяными пластинками на плоскую железную сердцевину рукояти.

К тому же времени, как рассматриваемые бешташенские, относятся, повидимому, и бедные инвентарем погребения, раскопанные проф. Л. Меликет-Бековым (196) в Манглиси в подобных же коротких ящиках, с такими же браслетами, булавками и железными ножами с 'костяной' рукоятью. В Дидубе, около механического завода, существовал на древнем культурном слое могильник с погребениями, как этой ахеменидской эпохи (булавка 19—30 : 14 переходного типа к лелварским), так и последующих вплоть до римской.

Большой интерес представляет сравнение нашего инвентаря с инвентарем погребения всадника с конем близ сел. Цидамури, раскопанного Г. С. Читая в 1924 году (197). Это сравнение дает возможность более точно датировать последнее. Действительно, несмотря на разницу погребений, оно синхронично могильнику в каменных ящиках у Бешташенской крепости. Покойник здесьложен просто в грунте, продолжая традицию грунтовых погребений типа нижнего яруса в Самтавро, скорченно на правом боку (рис. 45). В ногах и вдоль спины погребен его конь с железными удилиами во рту. У пояса покойника длинный железный меч, также соответствующий позднему погребению с длинным железным мечом (198) в нижнем ярусе Самтавро Байэрна, точильный бруск и цилиндрической формы гофрированная поперек глиняная кружка с двуручной ручкой. Бронзовые украшения, состоящие из браслета с типичными здесь для ранней ахеменидской эпохи головками животного с длинными назад вытянутыми ушами, цепочки и булавки, повторяют наши экземпляры. Подтверждает датировку и группа четырех втульчатых стрелок (рис. 41, а, б, в) — одной железной, типа Казбегского могильника, одной трехгранной костяной, имитирующей бронзовую, и двух также трехгранных бронзовых, стоящих по формам ближе к нижне-волжской позднеархаической группе и к венгерской находке в Шомолани (201) с фрагментом итальянской фибулы, позволяющим датировать погребение началом VI века до нашей эры.

Иной характер имеет другая синхроничная группа инвентаря в Музее Грузии из Кахетии. Этот небольшой комплекс (Гос. Музей Грузии, инв. 11—25), происходящий из сел. Цинандали Телавского района, не вполне однороден и заключает предметы несомненно и более молодого возраста, как например, светлоглиняная двойная фляга с перетяжкой вышеупомянутого ялойлутапинского типа из Гурджаани, бронзовая фибула с железной сердцевиной и накладной иглой, но также и более древние, относящиеся к названной эпохе: фигуриные привески на цепочке и две булавки на цепочках, из которых одна вполне соответ-

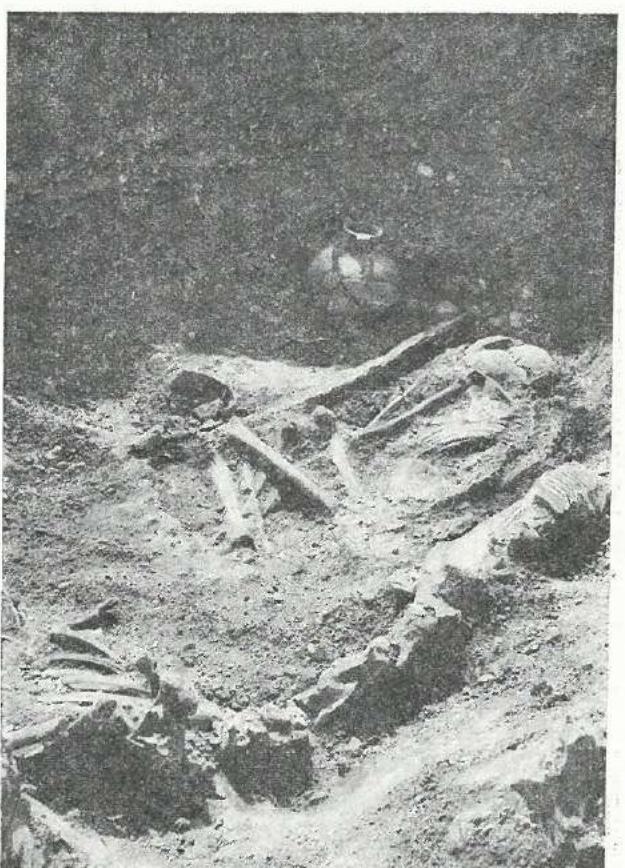

Рис. 45. Погребение с конем у с. Цидамури. Раскопка Г. С. Читая в 1924 г.

ствует нашим, а другая имеет несколько массивную головку, позволяющую в ней видеть зависимость от более древних форм булавок, которые нам предстоит рассмотреть в следующей группе могильников.

6. Могильники, синхроничные мидо-персидской и поздне-ванской эпохе

С этим временем совпадают совершенно правильно датируемые Жак де Морганом III и IV группы лелварских погребений. Действительно, если даже не касаться оставленной самим Морганом (199) впоследствии аргументации, опиравшейся на генезис бронзовых булавок (200), которые, по его мнению, имели прототипом булавку, отливавшуюся в форме, найденной Шлиманом в Гиссарлыке, то наличие в некоторых могилах этой группы, в Джелал-Оглы и в Муси-Иери (мог. 242), втульчатых бронзовых стрел, двулезвийных с шипом на втулке и без шипа с ромбической и лавроволистной формами листом, не позволяет относить это погребение вглубь VII века, когда стрелы этой формы, вообще редкие на Кавказе, начинают появляться в массовом количестве в Малой Азии (в Алишарском холме и в Каркемыше), на о. Кипре, в Греции и в восточной Европе.

Тот же самый предел кладет и типичная для Лелварских погребений Моргана бронзовая фибула с железной привесной иглой, сопровождающая обычно погребения с массивными короткими полушаро-коническими головками и пирамидальными булавками-шильями. Господство бронзовых фибул с привесной иглой в Анатолии (Гордион) и в Сирии (Дэвэ Эйюк) приходится на промежутке времени между VIII и VI веками до нашей эры, а в Западной Грузии и Северной Осетии дугообразные фибулы с железной иглой едва в состоянии вытеснить одночленную фибулу из погребений последних веков до нашей эры.

По наблюдениям Моргана именно к этим двум поздним его группам Лелварских погребений относятся погребения с широкими богато орнаментированными мифологическими охотничими сценами бронзовыми поясами. Этому положению не противоречит находка Ивановского (202) в Калакенте в могиле № 36, заключавшей в себе бронзовый кинжал, замечательного пояса с бегущими от хищников козерогами, так как этот пояс и по стилистическим соображениям относился Б. В. Фармаковским (203) в более раннюю группу,

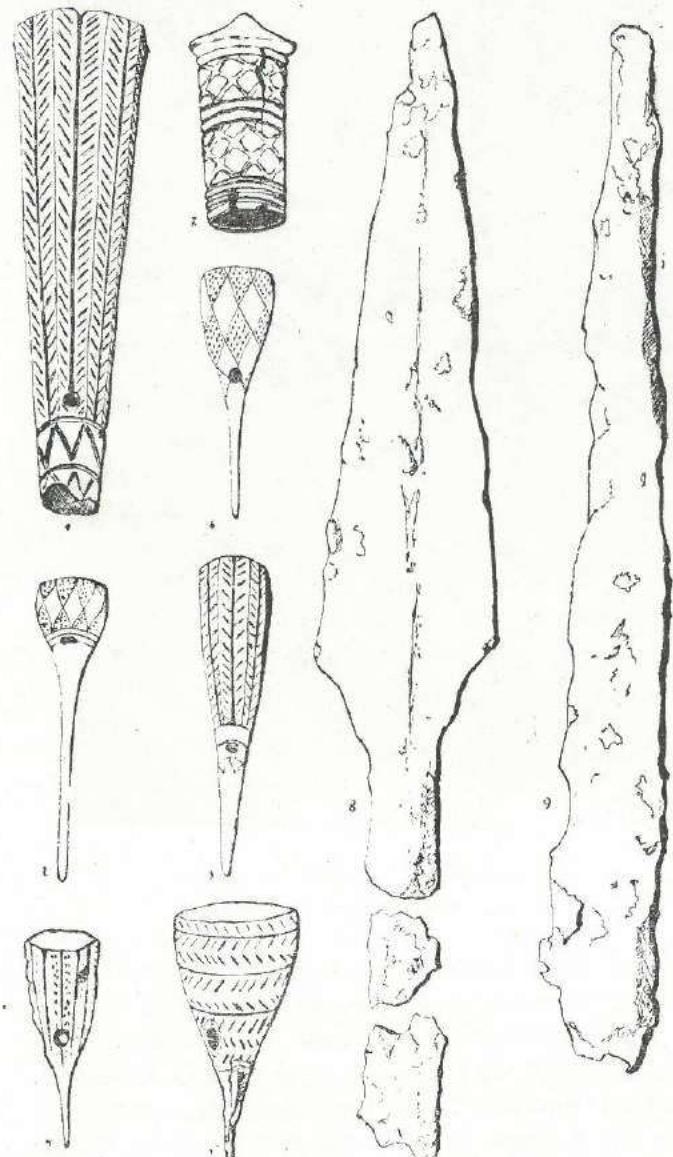

Рис. 46. Инвентарь грунтовых погребений мидийской эпохи из могильников близ с. Бешашен. В $\frac{2}{3}$ нат. величины. 1—6—бронзовые булавки; 7—бронзовое навершие рукояти ножа; 8—9—железные копье и нож.

противоречит находка Ивановского (202) в Калакенте в могиле № 36, заключавшей в себе бронзовый кинжал, замечательного пояса с бегущими от хищников козерогами, так как этот пояс и по стилистическим соображениям относился Б. В. Фармаковским (203) в более раннюю группу,

сравнительно с поясами Реслера из Ходжалинского кургана № 2 и Бэлка (204) из Калакента. Но и помимо этого, сам факт нахождения этого пояса с бронзовым кинжалом вовсе еще не говорит о безусловно более древнем его возрасте сравнительно с лелварскими поясами, так как в точности такой именно бронзовый кинжал найден, по свидетельству Ивановского (205), в могиле № 48, вместе с трехгранными втульчатыми бронзовыми стрелами, отодвигать возраст которых глубже VII в., как мы видели, нет возможности.

Поэтому нельзя просто без всякой аргументации датировать X—IX веками до нашей эры открытые Ф. Реймерсом и Н. Квазерели ящичные погребения у Пинезаури близ Дманиси с инвентарем, вполне совпадающим с III—IV группами лелварских погребений Моргана (206). Могила № 2 этого могильника, содержавшая богато орнаментированный бронзовый пояс, извлеченный в мельчайших обломках, заключала в себе характерный узко-горлый кувшин с широким кругоплечим корпусом, резко сужающимся к небольшому донышку, острореберное круглое блюдо, гнутые из квадратных бронзовых пластинок четырехреберные розетки-бубенчики и обломок железного кинжала с рамочной бронзовой ручкой, как у меча из 74 могилы в Муси-Иери (207), то есть инвентарь, в точности совпадающий с младшей группой Лелвара.

Могильник этой эпохи в Триалети оказался на том же могильном поле, как и выше рассмотренный могильник ранне-ахеменидской эпохи за Бешташенской крепостью, а частью на другой стороне речки Геряк Чай на могильном поле более древнего возраста, конца бронзовой эпохи. В отличие от большинства погребений Лелварских и Пинезаурского могильников, здесь погребения не имеют правильных каменных ящиков и находятся в грунтовых ямах (табл. XVII), лишь обозначенных отдельными камнями, иногда под покровом грубыми плитами. В этом отношении этот могильник напоминает более западный могильник в Ахталае, который Морган относит ко второй своей группе, более древней, или, по второй его гипотезе, связанной с пришлым населением (209), однако описывает он эту группу крайне суммарно и кратко, не указывая разницы в форме предметов, и делая лишь двусмысленное замечание, что железные вещи редки, хотя по существу можно говорить лишь о редкости в этих могилах вообще оружия, которое только и делалось здесь в эту эпоху из железа, а вовсе не о замещении его бронзовым, как можно было бы предположить по контексту. Поэтому и вопрос о большей древности этой части могильника сравнительно с восточным остается у Моргана необоснованным. Странным образом, он даже не упоминает уже в специальной части (210), при описании западного Ахтальского могильника, о существовании грунтовых погребений вообще, хотя их раскопано им было 60, ни зарисовок, ни схем не дает. Поэтому сравнить с ними ближе Бешташенские погребения не удается.

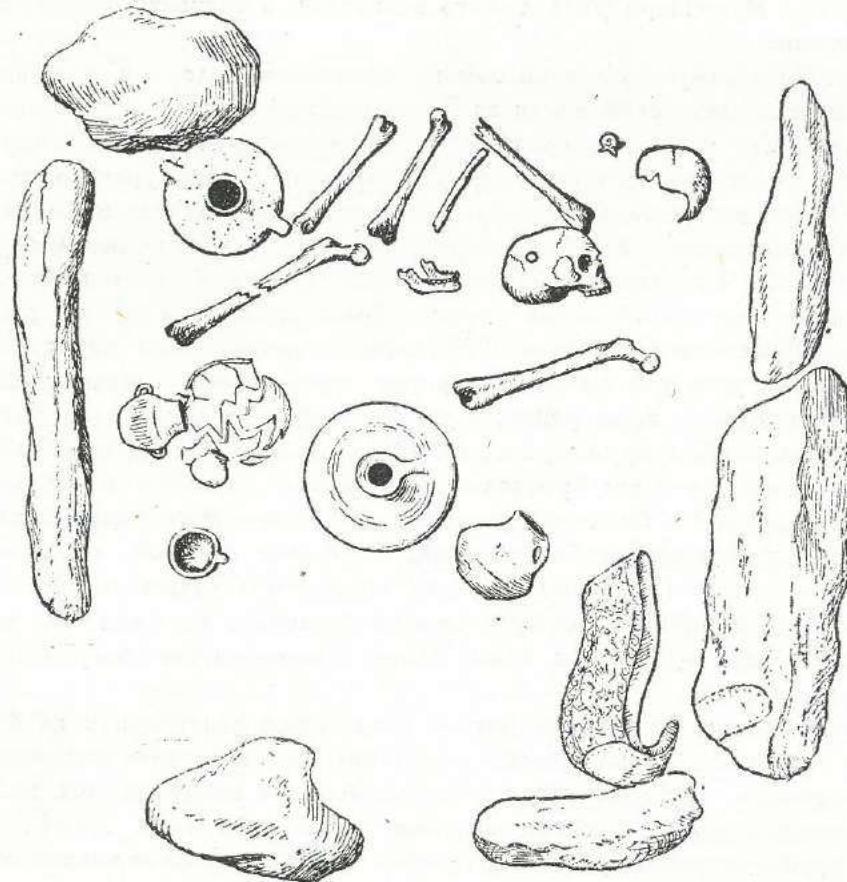
Несмотря на плохую сохранность костей, говорить о скорченном захоронении на боку возможно с достаточной определенностью. Инвентарь состоит из двух—трех глиняных сосудов, почти обязательно, низких, круглых, остро-реберных блюд с выступающим поддоньем и кувшинов, вышеописанного типа с очень крутыми плечиками (табл. XVIII), и очень коротких массивных крупно-головых бронзовых булавок (рис. 46_{1—6}). Совершенно новым предметом является найденное также в этом комплексе бронзовое цилиндрическое навершье (рис. 46₇) для тонкой деревянной трости, неопределенного назначения, очень неожиданным образом напоминающее, в миниатюре, по форме древнее навершье-булаву из Тепе Гиссара (211), совершенно иной эпохи.

В остальном инвентарь очень беден и подобно Пинезаурскому (Дманисскому) могильнику, в отличие от Лелвара, повидимому, не знает фибул, с привесной железной иглой, что объясняется, может быть, более южным районом распространения последней, например, в районе западных берегов Севанского озера, где однако не найдено лелварского типа массивных булавок, тогда как в Грузии этого рода фибулами пользуются лишь в значительно более поздних формах, состоящих часто из железной сердцевины в серебряной

или бронзовой обкладке. На Цалке имеется только один случай находки дугообразной фибулы с навязанной (бронзовой) иглой в сел. Санта. Напротив, характерные булавки проникают и на север от Триалетского хребта, как мы это видим, например, по находкам их в с. Хидистави Горийского р-на (инв. 83—13:4—6). Повидимому зависимыми от этой группы, до некоторой степени, являются и несколько более молодые, своеобразные булавки Кахетии с очень массивным стержнем и овальной головкой, как найденная в сел. Икалто (инв. 5—33) вместе (по свидетельству Г. Гозалишвили) со стеклянными бусами и разомкнутым браслетом, кончающимся головками вышеуказанного типа, характерного для ранней ахеменидской эпохи Грузии.

7. Могильники Ванской эпохи

Сюда прежде всего следует отнести могильник в урочище Маралын Дереси на западном краю сел. Санты. Мы снова находим здесь погребения в каменных ящиках, но неряшливые сложенных из неполного числа камней, с инвентарем, хотя и отличным от только что рассмотренного, лелварского типа, но соприкасающимся с ним по целому ряду ответственных линий. Прежде всего останавливает внимание погребение с богато орнаментированным поясом, уже само наличие которого связывает это погребение с лелварскими, обладавшими широкими орнаментированными поясами. В данном случае погребение в Маралын Дереси оказалось, подобно могиле 36-ой Ивановского (с поясом), бедным по инвентарю. Кроме бронзового спирального перстня и 7 глиня-

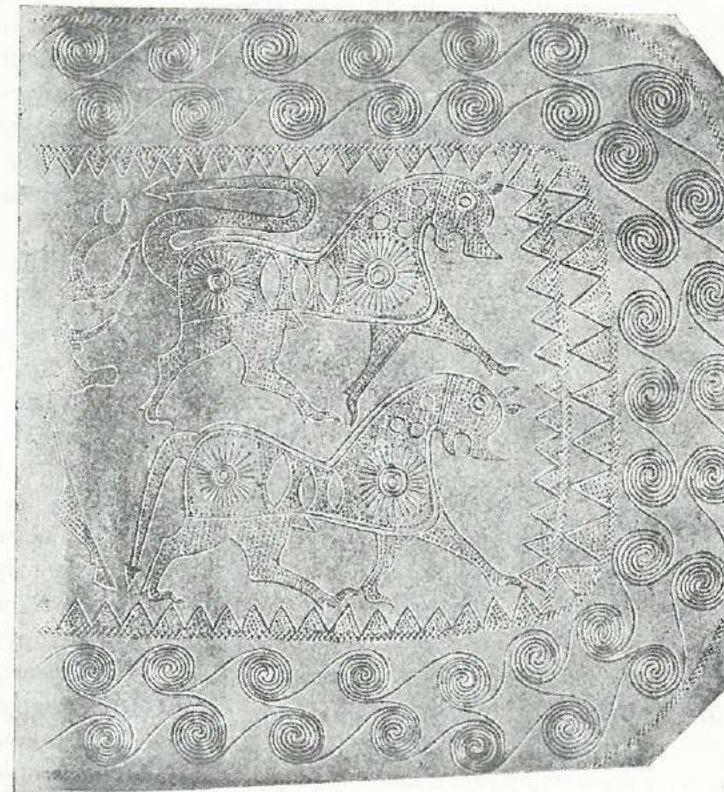
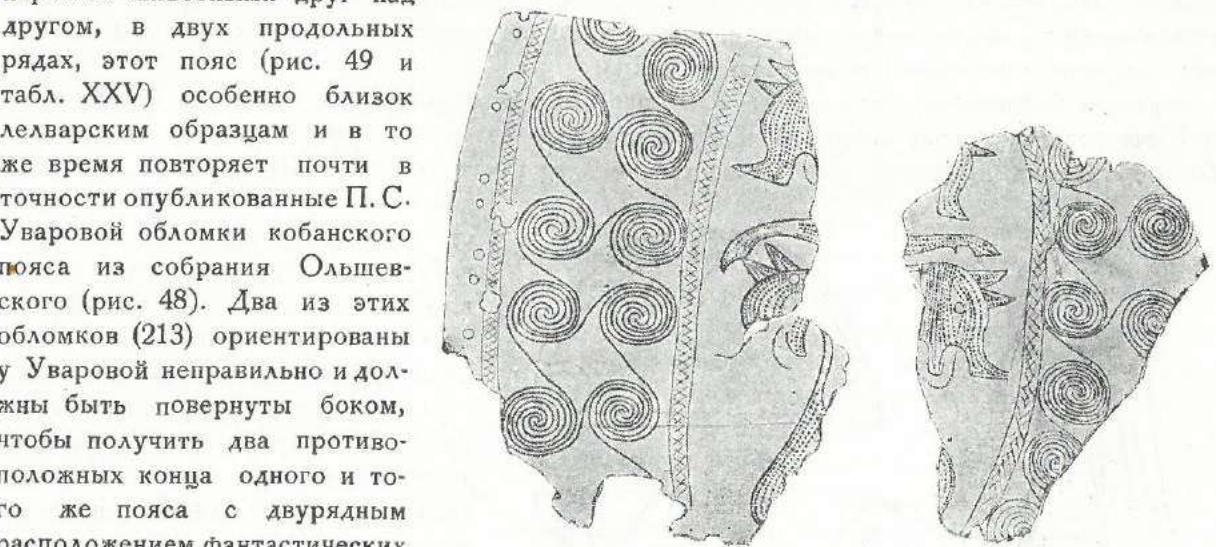

ных сосудов в нем, сверх пояса, ничего не оказалось (рис. 47).

Могила была обставлена каменными плитами только с двух сторон, образуя квадратное пространство 1,4 метра по стенкам. У западной земляной стены находилась груда человеческих костей с тазом, указывающая на захоронение покойника в сидячем положении. Посуда была поставлена в противоположной половине могилы, а пояс лежал отдельно в северо-восточном углу.

По орнаменту бордюров, — мотиву ромбов, образованных спиральным плетением, как на надгробии 5-ой шахтовой гробницы в Микенах, и по изображению охотничьих сцен с парными животными друг над другом, в двух продольных рядах, этот пояс (рис. 49 и табл. XXV) особенно близок лелварским образцам и в то же время повторяет почти в точности опубликованные П. С. Уваровой обломки кобанского пояса из собрания Ольшевского (рис. 48). Два из этих обломков (213) ориентированы у Уваровой неправильно и должны быть повернуты боком, чтобы получить два противоположных конца одного и того же пояса с двурядным расположением фантастических животных с острым выступающим кверху носом, который сразу заставляет убедиться, что мы встречаемся здесь с изображениями, совершенно аналагичными имеющимся на кобанских топорах, а также, в несколько смягченном виде, в воспроизведенной художником Д. Н. Цицишвили орнаментировке бордюров на головке массивной булавки из Пинезаурского могильника (близ Дманиси) и на точно таком же узоре ручки бутафорского меча из Кобани Венского музея (214). К этой же орнаментальной группе относятся и упомянутые фрагменты пояса, собранные Н. Квазерели во второй могиле близ Дманиси. Таким образом, лелварские и цалкинские пояса именно чертами, отличающими их от калакентских с однорядной или напротив многорядной композицией, оказываются полностью входящими в „кобанское искусство“, которое находит в них свое высшее выражение.

Эта связь с Кобанской культурой, устанавливаемая для погребения с поясом из Маралын Дереси, подтверждается и инвентарем других погребений этого могильника (рис. 50). Здесь следует

указать прежде всего на инвентарь погребения № 4, который заключает в себе типичную одночленную кобанской формы фибулу, медно-бронзовую мотыжку, типа западно-грузинского, именно колхидского варианта Кобанской культуры, бронзовый гребешок с пятью зубьями и полумесяцем, выступающим сверху, подобно как на лелварском экземпляре, два бронзовых браслета и железный ножик (табл. XXIII).

Очень характерны бусы (табл. XXI) пастовые и стекловидно-опаковые, среди которых интересны крупные шаровидные бусы палевого оттенка с шишками (рис. 50, 3 и табл. VI), по технике предваряющие более поздние из цветного стекла.

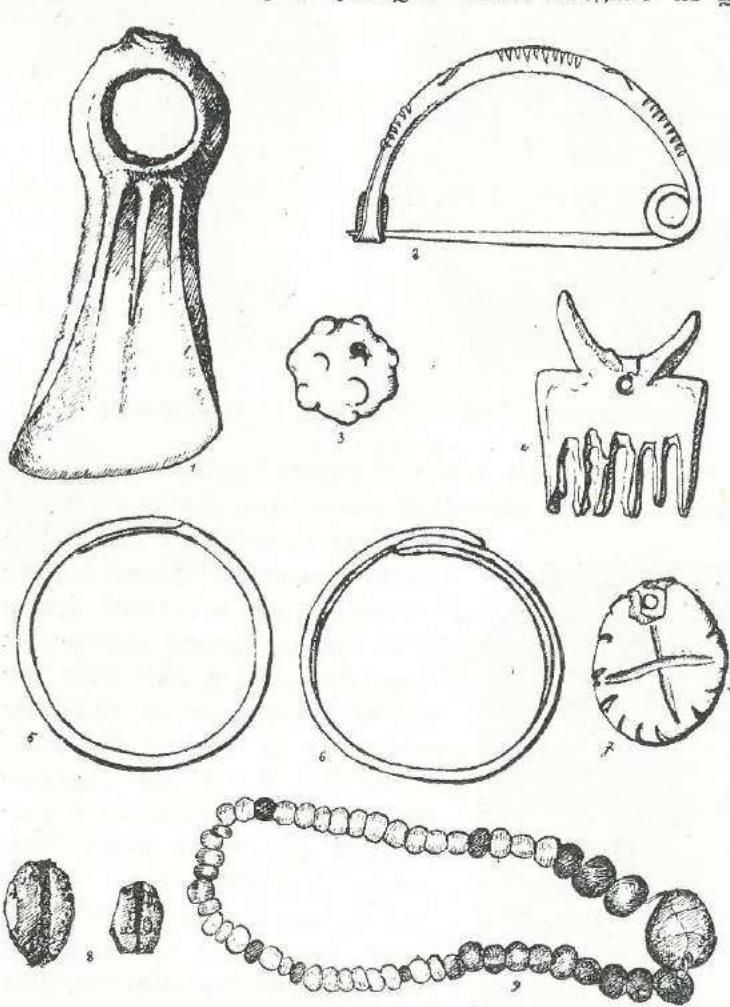

Рис. 50. Инвентарь погребения девочки. Могильник в Маралын-Дереси. 1, 2, 4-6—бронза; 3—стекловидная паста; 7—галька; 8—раковины каури; 9—сердолик. В $\frac{3}{8}$ натуральной величины.

территории современной Грузии уже в урартскую эпоху глазурованной посуды, которую Леман-Гаупт зарегистрировал в Топрак Кале на озере Ван, в виде большого количества фрагментов, особенно донышек, покрытых голубовато-зеленой „эмалью“ (219). В настоящее время работами Мцхетской экспедиции открыто еще несколько подобных кубков, покрытых глазурью, в грунтовых погребениях нижнего яруса. Поэтому можно уже с несомненностью считать, что появление глазурованной глиняной посуды не является только случайностью, а что она могла быть скорее продуктом местного производства. Об этом свидетельствует и характерная форма сосудов, соответствующая принятым в данной местности

также точно буса оказалась здесь вместе с глиняной кружкой, покрытой внутри и снаружи целиком с донышком бледно-зеленой с желтыми полосками глазурью (табл. XXI), отличающейся от глазури ходжалинского блюдечка (215), найденного с бусой Ададниари, совершенно иной техникой толстослойного наложения глазурного теста. Однако по зеленовато голубому с желтым тону, эта кружка напоминает колорит последнего, и замечательных глазурованных черепков (216), найденных Реслером в другом Ходжалинском кургане, а также светлых с зеленоватым отсветом и желтым рисунком глазурованных черепков из синхроничного поздне-ассирийскому государству слоя в Телл-Халафе, которые Г. Шмидт почему-то считает ассирийскими, хотя они грубее ассирийских.

Указанная находка глазурованного глиняного сосуда подтверждает, впервые, правильность свидетельства Байэрна (218), что им в 591-ом погребении нижнего этажа в Самтавро был найден развалившийся при извлечении из могилы горшочек на ножке с ручкой, покрытый серовато-зеленым „лаком“ с оранжевым рисунком, и доказывает вместе с тем появление на

территории современной Грузии уже в урартскую эпоху глазурованной посуды, которую Леман-Гаупт зарегистрировал в Топрак Кале на озере Ван, в виде большого количества фрагментов, особенно донышек, покрытых голубовато-зеленой „эмалью“ (219). В настоящее время работами Мцхетской экспедиции открыто еще несколько подобных кубков, покрытых глазурью, в грунтовых погребениях нижнего яруса. Поэтому можно уже с несомненностью считать, что появление глазурованной глиняной посуды не является только случайностью, а что она могла быть скорее продуктом местного производства. Об этом свидетельствует и характерная форма сосудов, соответствующая принятым в данной местности

типов. В частности, найденный на Цалке глазурованный сосудик полностью повторяет форму особого вида кубков на высокой подножке с округло петлевидной ручкой, какие находятся, как в этом могильнике (рис. 67б), так и в погребениях у Пинезаури, лелварского типа, в одном случае с обсидиановым окошечком на дне.

Местной по происхождению считает глазурь и Жак де Морган, также нашедший в Талыше в сел. Джони горшочек, покрытый голубовато-серой глазурью (220), которую он сравнивает с поздне-эламской и поздне-египетской (221), служившей, очевидно, образцом для подражания, поскольку это доказывает найденная в „дольмене“ № 6 в сел. Чила-Хане местная имитация египетского скарабея (222), хотя, как известно (223) в Эламе и Месопотамии употребление глазури восходит к рубежу III и IV тысячелетий.

К сожалению, составить полное представление об инвентаре погребения с глазурованным сосудом в Джони мне не удалось. Что же касается ходжалинских образцов глазури, то упомянутый фрагмент поливного сосуда с изображением животного принадлежит к группе местных курганов с трупосожжением, для которых характерно присутствие в инвентаре бронзовых поясов и „панцирных ворот“*. В подобном кургане с сожжением (224) № 2 найдены и обломки известного, опубликованного Вирховым, бронзового пояса с изображением героя, борющегося с хищником, и быков, с трактовкой рогов в форме крутого полумесяца, в окружении змей и астральных знаков, как и на нашем поясе. Инвентарь этого кургана состоит: из двух обломков ручек, в виде бараньих головок, от плоских каменных блюд, восходящих по своей форме, через черно-глиняное блюдо из некрополя А в Тебре Сиалк (225), к шумерским прототипам,—блюдам из битума (226), подобной формы, и бронзового круглодонного котла с четырьмя ручками, склеенного по двум горизонтальным швам из трех поясов бронзового листа, совершенно тем же техническим приемом, каким до последнего времени изготавливают еще местами некоторые котлы в Грузии (лично я видел у медника в гор. Поти) и в Северной Осетии, где этот способ применяется особенно для огромного размера праздничных котлов (212).

К посуде, подобным способом изготовленной, принадлежат и бронзовые ситулы, находимые на территории распространения Кобанской бронзы в Грузии и Северной Осетии, нередко с кладами медных слитков и Кобанской бронзы. Помощью этих ситул удается получить лишнюю аргументацию в пользу синхронизации цветущей поры Кобанской бронзы с Ванской эпохой, несмотря на тот факт, что урарты в это время всецело уже заменили в оружии и орудиях бронзу железом, которое заполнило, как известно, в качестве добычи от царя Рузы 1-го после походов Саргона, кладовые Нимруда (227), в то время как в Грузии оно оставалось в это время, сравнительно с бронзой, на заднем плане. Подобные ситулы с характерными ручками, заканчивающимися наверху звериными головками с ушами, были недавно описаны для территории европейской Скифии (228), в связи с находкой таких ситул в Киевском районе в сел. Жаботине, близ гор. Черкас, в Таганче близ Канева и одной еще ранее найденной Бобринским в доскифском кургане XV, вместе с бронзовыми удилами и глиняной ранне-скифской чаркой с высокой петлевидной ручкой, типа близкого к северо-итальянским, культуры Вилланова (186), и еще далее к древним мало-азийским. Эти ситулы рассматривались как западно-европейский вклад, эпохи Гальштатта, в доскифскую культуру Украины в период между VII—VI веком до нашей эры. При правильной датировке ситул, согласующейся с датировкой А. А. Спицина (231) XV кургана близ Смелы, венгерским поздним бронзовым веком (синхроничным Гальштатту) нельзя не видеть односторонности анализа киевских находок, без всякого учета кавказских материалов.

Ситула кургана XV близ Смелы полностью совпадает формой корпуса, совершенно иной чем у гальштатских ситул, с ситулой Музея Грузии инв. 11—28:1, найденной у сел. Шуахеви близ Душети, со слитками бронзы обломком напускной псалии и узкой бронзовой мотыжкой, одинаковой с мотыжкой (рис. 50, 1) из могильника в Маралын Дереси. Украинские ситулы из Жаботина и Таганча, можно сказать, абсолютно не отличимы от ситулы, найден-

ной в Грузии в 1932 году близ сел. Окуреши Лечхумского района с кладом совершенно новых, прекраснейшей работы, бронзовых топоров и других предметов кобанского типа (232). Среди этих предметов в сите находились две бронзовые кружки, подобные опубликованной П. С. Уваровой северо-осетинской из Рутхи, совершенно одной работы и формы с самой ситуей, но не с двумя, а одной ручкой и с перехватом корпуса внизу, в виде ножки, как на глиняных вышеупомянутых кружках, подобных глазурованной из погребений в Моралын-Дереси. На корпусе ряда глиняных экземпляров таких кружек имеется характерная имитация проковки стенок металлических сосудов, в виде косых плоских кантелюров, заставляющих подозревать в бронзовых кружках из Окуреши как бы модели для глиняных этой эпохи.

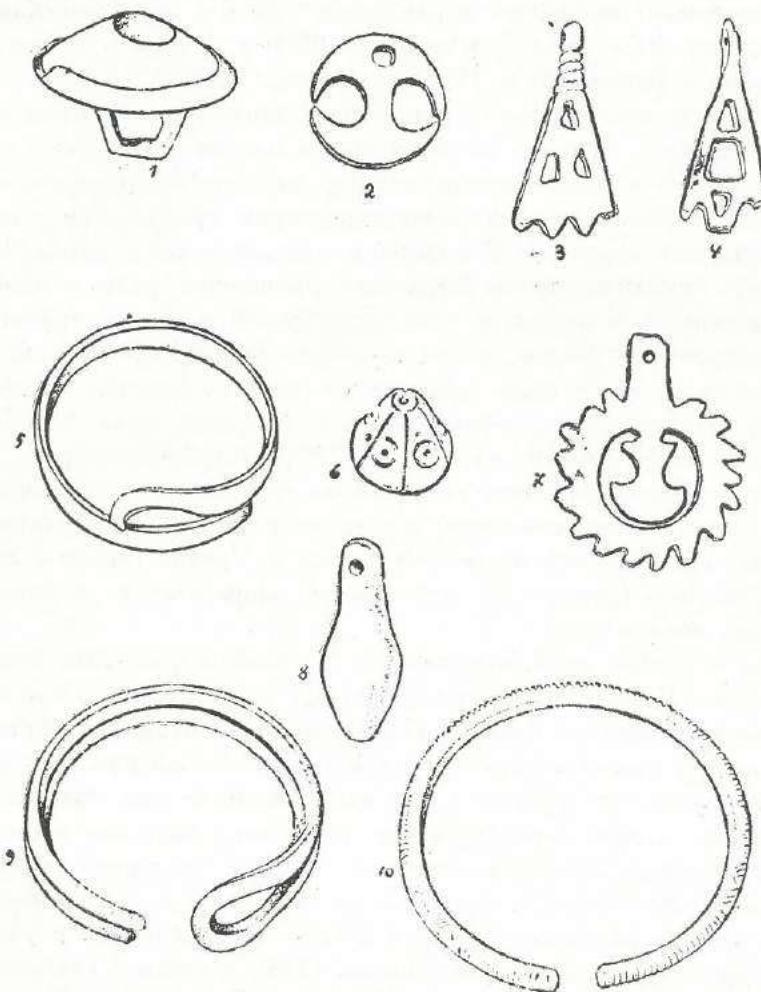

Рис. 51. Мелкий инвентарь из погребений Цинцаройского и Так-Килисинского могильников (Цалкин, р-н) древне-железной эпохи. 6 и частью 1—паста; остальное—бронза. В $\frac{2}{3}$ натур. величины.

ко соответствует упомянутому выше ребристому бронзовому сосуду с иероглифическим знаком из Топрак Кале (146), другой представляет собой вышеупомянутую бронзовую кружку кобанской эпохи, и наконец три обнаруженные среди бус печати, из которых столбчатая из обожженной глины несет изображение львоголовой птицы грифона с месяцем и звездой на поле, совершенно как на одном глиняном отпечатке, найденном в Топрак Кале (234). Наконец керамика могильника в Малаклю, представленная безручными кувшинами с прекрасно обработанной тонко-глазурованной красной поверхностью, выполнена именно в той самой технике вторичной обмазки, на анализе которой подробно останавливается Леман-Гаупт, нашедший подобную посуду в Топрак-Кале (285), частью винокрасных оттенков.

Таким образом, бронзовый кобанского типа сосуд, найденный в Малаклю, получает ту самую датировку, которую удалось установить для этого рода изделий, исходя из западно-европейской хронологической сетки. Это является важной победой не только в вопросе синхронизации Гальштатта с Кобанью, но и в установлении одного из путей, по которому происходило в это время продвижение, хотя бы одного из продуктов южнокавказского металлического производства на Запад. Косвенным образом это подтверждает и нашу датировку могильника Маралын Дереси, устранив, во всяком случае, опасение приумножить возраст комплексов, включающих в себя памятники кобанской культуры.

Вместе с тем становится очевидным факт, что появление железа в Грузии шло не со стороны Кавказского хребта, где, напротив, бронзовое производство обнаруживает явную тенденцию к задержке, а повидимому со стороны классовых обществ Переднего Востока, возможно из Малой Азии, так что гипотеза Жак де Моргана о наступлении железного состояния в Закавказье за $2\frac{1}{2}$ —3 тысячи лет до нашей эры, то есть, следовательно, с полным культурным застоем в дальнейшем за этот долгий промежуток времени, оказывается окончательно устаревшей. Это дает в свою очередь возможность с полным основанием исходить при датировке и грузинских материалов из установленной для Передней Азии средней даты появления железных орудий и оружия (слой в Гезере, в Каркемыше и пр.) XII веком, с указанным учетом условий запаздывания в замене бронзы железом в горных районах, с одной стороны, богатых медными рудами, с другой, дольше сохраняющих замкнутый тип хозяйства.

Возвращаясь теперь к инвентарю могильника Маралын Дереси, обратим внимание, что сопровождающая погребения простая керамика (табл. XIX) имеет значительно иной облик, сравнительно с керамикой вышеупомянутого последующего времени могильного слоя с массивными крупно-головыми булавками. Здесь совершенно отсутствуют низкобортные круглые блюда с выступающим поддоном, отличается форма кувшинов, имеющих, вместо крутоплечего сильно раздутого корпуса, более шаровидный; большим распространением пользуются в рассматриваемом комплексе крупные, овальной формы сосуды с двумя ручками по бокам в самой широкой части корпуса, горшки то с широким, то с более суженным горлом, чашки с „двуушными“ ручками, как в Западной Грузии.

Близкий ассортимент посуды мы находим и в двух других могильниках, совершенно отличных по бронзовому инвентарю и составу бус от этого, но относящихся, в основной

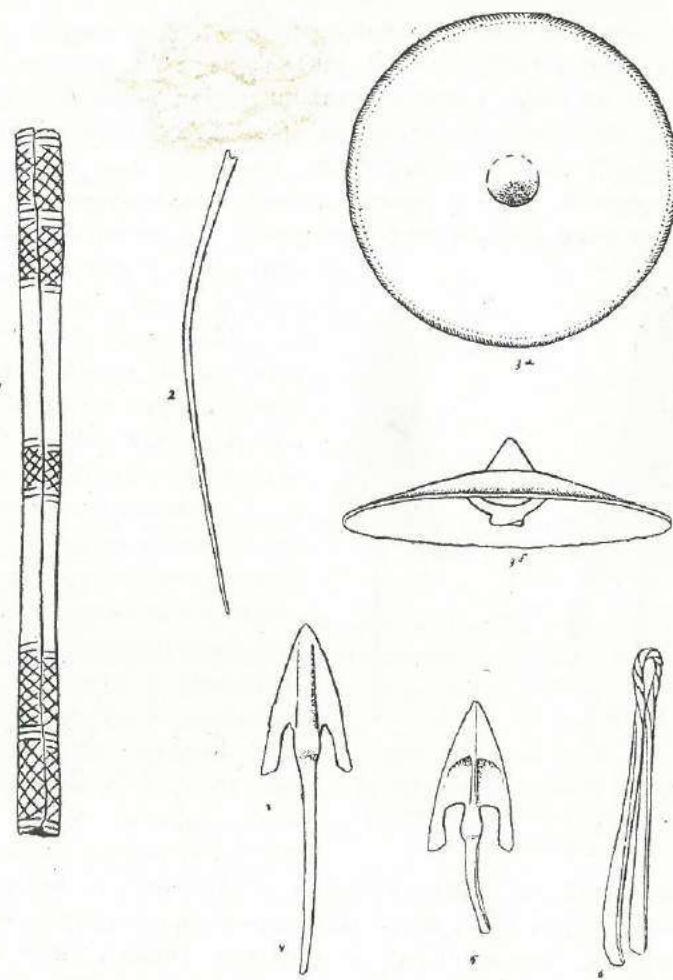

Рис. 52. Бронзовый инвентарь из погребений Так-Килисинского могильника древне-железной эпохи. В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

своей части, к той же самой эпохе. Оба эти могильника, один к востоку от сел. Цинцаро, а другой по сторонам шоссе, ведущего из сел. Гуниа Кала в Даракев, были раскопаны в 1937 году. Инвентарь и характер обоих этих могильников очень похож друг на друга. Они характеризуются довольно глубокими вытянутыми в длину (1,8—1,6×0,7—0,5 метра) каменными ящиками, обыкновенно сложенными из 6 грубых плит и покрытыми сверху двумя плитами. Ориентированы они чаще всего с востока на запад. Большинство ящиков несут на себе признаки старых ограблений, что сказывается в частом отсутствии западной покровной плиты (табл. XXVII, 1) и, несомненно, во вторичном беспорядке внутри могилы.

Однако и в целых снаружи ящиках нередко наблюдаются значительные нарушения в расположении костей покойника, не позволяющие уловить естественные сочленения их между собой (табл. XXVI). Иногда кажется, что имеешь дело со вторичным захоронением костей, но чаще удается установить или первоначально сидячее положение покойника, обычно в восточном конце ящика, или же последующую деструкцию скелета деятельностью грунтовой воды и, может быть, животных еще тогда, когда ящик оставался не заполненным землей. Зато в редких случаях было возможно зарегистрировать несомненно скорченное на боку захоронение покойника в могильной яме (табл. XXVIII), а в одном случае, поверх ямы, у самого края ящика, в котором оказались посуда и кости свиньи (табл. XXVII, 2).

Инвентарь большей частью беден и состоит из железных ножей, копий (табл. XXV), реже кинжалов с бронзовыми частями рукояти (обоймами и ажурной головкой, рис. 55); в одном случае найден был железный меч совместно с бронзовым наконечником копья. Бронзовое оружие вообще редко за исключением стрел, которые принадлежат здесь к общим восточно-южно-кавказским вариантам (табл. XXXIII) длинно-стержневого типа стрел с развитыми узкими, слегка саблевидно согнутыми бородками лезвия и 4-гранным (простым или скрученным) стержнем, обычным для могильников Азербайджана и Армении: 1) с массивным ромбического сечения концом и полуарочными несквозными выемками (рис. 52, 1) и 2) с сильно выступающей осью доходящей до конца стрелы (рис. 52, 2). Среднее положение между указанными занимает вариант этого типа стрел-дротиков из Луристана (рис. 53) с ромбическим сечением без выемок внизу (236).

Найденный в Дабла Гоми и названный условно „западно-грузинским“ вариант подобных стрел (рис. 85, 6), без выраженного ребра, правильно треугольной формы, то есть с прямой линией края и бородки лезвия, и 6-гранным стержнем, совершенно чужд рассматриваемым комплексам, тяготеющим таким образом более к юго-восточным территориям Куро-Аракского Двуречья, чем к северо-западным. О том же говорит встреченный здесь тип удил и характерный предмет мужских погребений—бронзовые навершия для посохов в форме мусульманского купола (табл. XXXIV).

Украшения состоят большей частью из гладких браслетов, согнутых из бронзового прута, нередко перед этим сложенного вдвое (рис. 51, 9), как на руках женских, так и мужских скелетов, реже спиральных перстней, иногда, бронзовых поясов без орнамента (табл. XXVI, 2) и часто большого количества бус.

Среди бус стеклянные очень редки. Главную массу образуют неправильно-округлые сердоликовые, затем бусы в виде зерен различных форм из голубой пасты (табл. XXXIII) и чрезвычайно характерные для этих могильников плоско-призматические, геометрических очертаний, с резным концентрическим кружковым орнаментом на поверхности, бусы типа „домино“, пиленные из совершенно белого материала, видимо тальковой породы (табл. XXXIII).

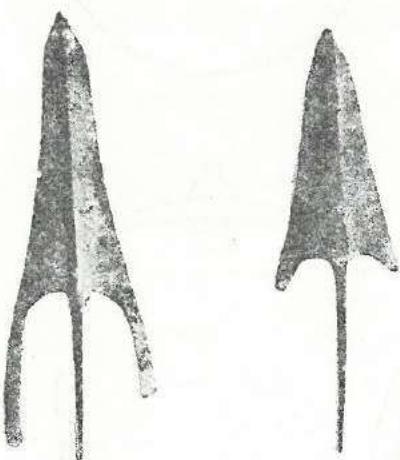

Рис. 53. Бронзовые стрелы из Луристана (по Пржеворскому)
В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

Эти последние бусы настолько типичны, что находка их сразу определяет характер и возраст погребения, так как существовали они, видимо, ограниченный промежуток времени.

Эти бусы до сих пор остаются тесно связанными с районом Триалети. Они почти неизвестны вне его, кроме единичных включений, например, в ожерелье из могилы № 59 Редкина Лагеря (237), в некоторых могилах нижнего этажа в Самтавро и в могильниках Армении у Севанского озера, что, понятно, имеет особенную ценность для вопроса о синхронизации соответствующих памятников. К сожалению только, ни П. С. Уваровой не были учтены в ее каталоге, ни археологическим отделом Музея Грузии не были фотографически зафиксированы таблицы с материалами Байэрна из Редкина Лагеря, соответствующие помогильным его описям 70-ти могил, перед передачей материала в Азербайджанский музей, и теперь невозможно уже установить принадлежность вещей к той или иной могиле (1). Из того, что мне удалось все-таки выяснить, погребение № 59 в Редкином лагере не выделяется по своему инвентарю (головной обруч, бронзовая игла, панцирный чепец из чечевицвидных сурьмяных бус) из круга наиболее характерных и богатых женских погребений Редкина лагеря, которые следовательно не могут никак оказаться древнее описываемой группы Триалетских могильников с белыми тальковыми бусами, поскольку иначе цалкинская буза не могла бы попасть в 59-ое погребение Редкина Лагеря. Тоже можно сказать и о 565-ом погребении Байэрна из нижнего яруса в Самтавро с его характерным инвентарем (рис. 75), поскольку в этой могиле, среди ассортимента бус, близкого описываемым Триалетским могильникам, имеются также и белые бусы из талька, но менее специфического, правда, типа, именно, в виде цилиндрических трубочек, обычно сопутствующих в Триалети бусам „домино“.

Так как белые тальковые бусы типа „домино“ были найдены нами также в 3-ем погребении могильника Маралын Дереси, а в количестве нескольких штук и во 2-ом, можно с значительной вероятностью заключить, что последние погребения синхроничны какому-то этапу в существовании могильников Цинцаройского и на шоссе из Гуниа Кала в Даракев, тем более что и состав глиняной посуды оказывается у них в значительной степени общим.

Действительно характерным керамическим инвентарем в погребениях описываемых могильников (табл. XXIX) являются те же темнобурые и темносерые узкогорлые кувшины с ручкой и шаровидным корпусом, овальные крупные сосуды с суженной цилиндрической шейкой и двумя петельчатыми ручками в самой широкой части сосуда, близкие к этим, по форме, маслобойки, горшки широкогорлые и с суженным горлом без шейки, небольшого размера кружки, то в форме горшочков с ручкой, часто двуушной на верху, то с цилиндро-колоколовидным корпусом. Тарелки и широкие чашки здесь, так же как в могильнике Маралын величины.

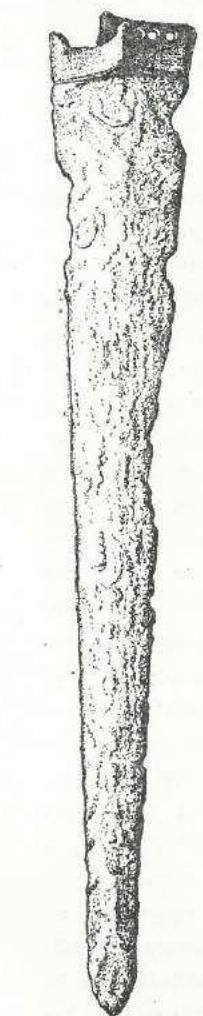

Рис. 54. Железный кинжал с бронзовой ажурной головкой из ящичной камеры в насыпи кургана III. В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

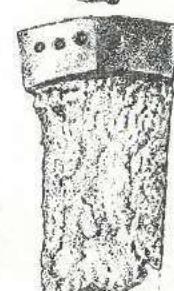

Рис. 55. Железный кинжал с выемчато-рельефной орнаментацией на бронзовой головке. Погребение № 76 Цинцаройского могильника. В $\frac{2}{3}$ нат. величины.

Дереси, совсем необычны. Чрезвычайно типична для этих могильников, кроме того, постоянная примесь к керамике нормального качества одного или нескольких сосудов, резко отличающихся от остальных своей неумелой формой, слабым обжигом и крайне грубым глиняным тестом с огромной примесью крупно-толченого обсидиана. Рассматривая эти две группы сосудов, трудно верить, что они принадлежат одному и тому же времени и наследию. Подобное же явление наблюдалось мною и в ряде других могильников, содержащих белые бусы „домино“. В могильнике Маралын Дереси подобная примесь грубых сосудов встретилась лишь в одном менее типичном погребении. Однако этот факт сам по себе не говорит за большую древность таких могильников, так как несомненно более древние могильники этой территории, которые мы рассмотрим дальше, совершенно лишены этой особенности. Напротив, скорее это может говорить о какой-то произошедшей диференциации в керамическом производстве с сохранением его навыков только у определенной группы мастеров, в то время как некоторая доля потребностей в легко доступной посуде покрывалась домашними крайне примитивными способами, если только не видеть в этой

посуде „на скорую руку“ сосуды, необходимые в погребальном обряде.

Гораздо больше о времени дает металлический инвентарь. Железные кинжалы с бронзовой отделкой рукоятей, заканчивающиеся орнаментированными головками (рис. 54 и 55) являются очевидным дериватом бронзовых кинжалов Севанского плоскогорья, типа, встреченного нами и в Триалети, в более древнем этапе Бешташенского могильника (рис. 71), о котором будет речь ниже. Эти кинжалы свидетельствуют одновременно и о большей молодости описываемых Цалкинских могильников, сравнительно с основной группой поздне-бронзовых и ранне-железных могильников Ганджа-Карабахского и Севанского производственных районов, в то же время и о некоторой родственности с ними, тем более, что их связывает, как говорили выше, также и распространение в тех и других характерных бронзовых стрел и куполовидных наверший для посохов. Поэтому нельзя и сильное вытеснение здесь бронзы железом, так как более быстрый переход к оружию из железа, в эпоху, когда добыча железа и ковка уже освоены, может зависеть также от недостатка в местных медных месторождениях, как мы это и имеем на Ахалкалакском и Цалкинском плоскогорьях, и задерживаться в местах богатых медью и с наложенным посту-

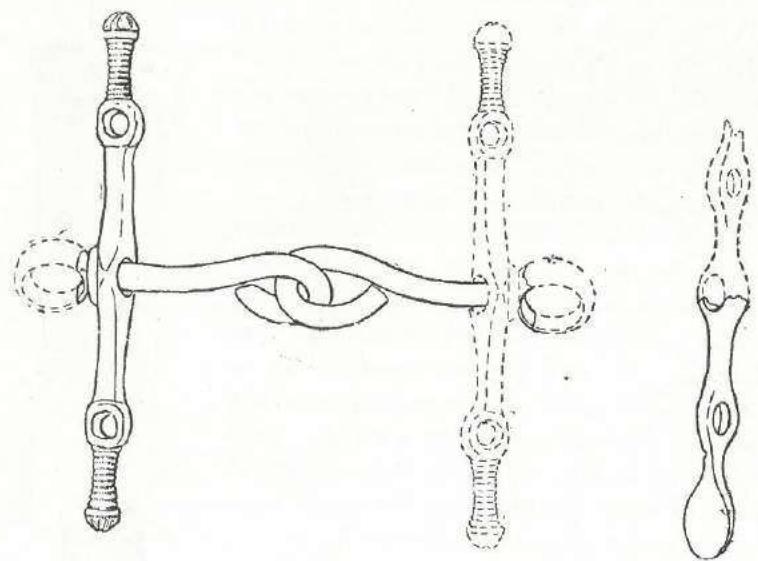
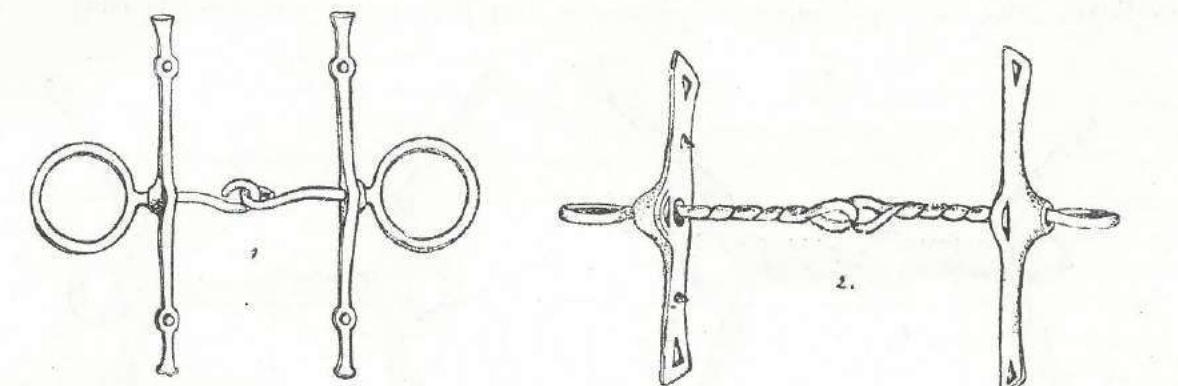

Рис. 56. Бронзовые удила с напускными трензелями из сел. Цинцаро и фрагмент трензеля из погребения 46 Тук-Килисинского могильника. В $\frac{4}{5}$ натур. величины.

племени олова.

Не допускает излишнее омоложение этих более богатых железом могильников и наличие в них указанных вариантов бронзовых стрел (с длинными 4-гранными черенками и длинно-саблевидно-шипастыми лезвиями), не проникающих, по своему географическому распространению, к северу от Триалетского хребта и в Западную Грузию, но обычных в могильниках с бронзовым оружием на Севанском плоскогорье и в юго-восточной части Южного Кавказа.

Наконец мы имеем здесь в могильнике на Гуниакалинском шоссе в погребениях, не выделяющихся от остальных, такую находку, как фрагменты бронзовых удила (рис. 56) с

напускными стержневыми бронзовыми пасалиями (трензелями) и бронзовые вилы (табл. XXX). Те и другие хорошо известны, между прочим и в совместных находках в наиболее типичных и богатых погребениях конца бронзовой эпохи; как например, четверо удила этого типа и трое бронзовых вил в коллективной гробнице кургана Арчадзор-Давшанлы (в Шушинском районе), раскопанном Реслером (238) в 1893 году, удила из Арча-

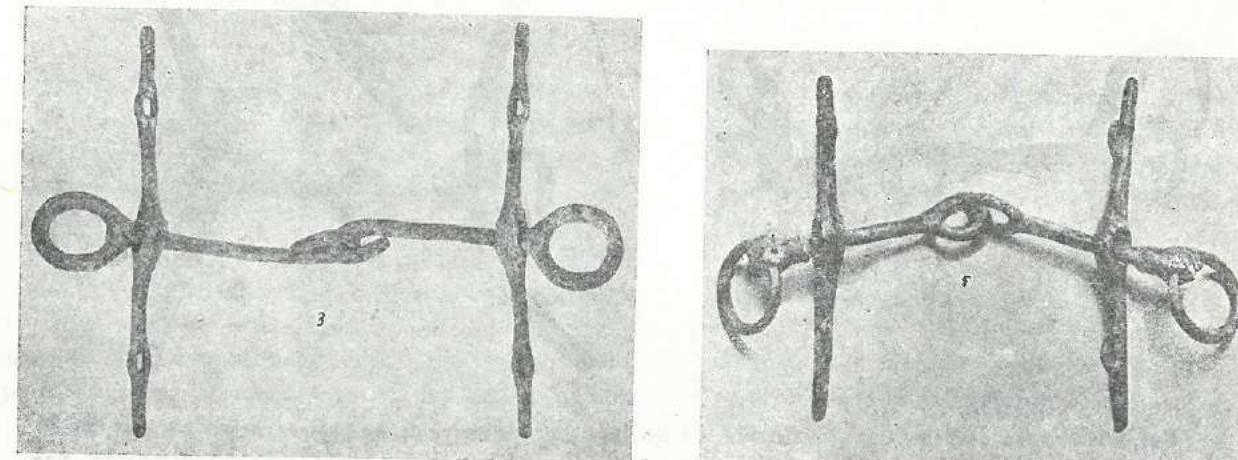

Рис. 57. Удила с напускными трензелями из разных мест: 1—Арчадзор-Ходжали (Уварова 2626, Азгос. Музей); 2—Милены (по Рейхелю); 3—Луристан (по Пржеворскому); 4—Ассур (Берлин V. A 7284); 5—Луристан (по Легрену); 6—отдельный трензель из сел. Зекари (Кутаиси, № 574).

дзора же (рис. 57, 8), или удила в кургане, к югу от Ханлара (бывш. Еленендорфа) (238), с присутствием железных предметов, но, как и Арчадзорский, соприкасающимся, в основ-

ном, по целому ряду предметов (топор-секира, все три кинжала), с первым курганом в Ханларе, раскопанном Я. И. Гуммелем (239). Такие же удила и вилы имеются в раскопках Бэлка (240), вилы с бронзовым оружием в Нор-Баязетских курганах в урочищах Пата-

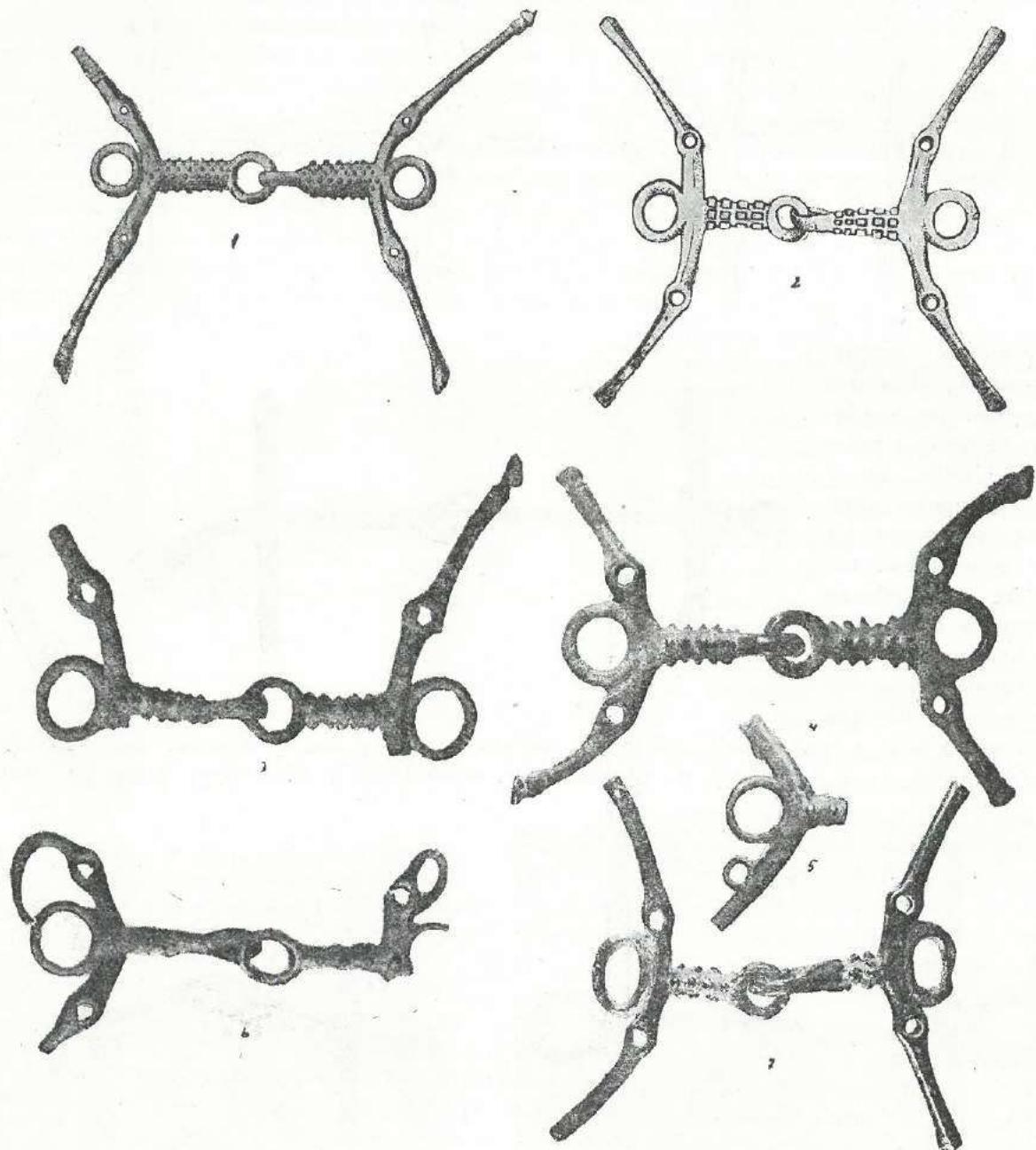

Рис. 58а. Удила с трензелями, отлитыми в одно целое с мундштуком, из разных мест: 1—Афины (Акрополь); 2—Даланлар (Джебр., Азгос. Музей—1193); 3—пос. Свири (Зестафонский р., Кутаисский музей 2524, 2356); 4—Цхавати (Юго-Осетия, Гос. Музей Грузии); 5—Ацхури (Ахалцихский р., Гос. Музей Грузии, 56—14); 7—Грузия (Музей Общ. Ист. и Этн. 805).

шар, Адиаман (241) и наконец замечательные вилы, украшенные скульптурными головками животных,—в первом Сирхавандском кургане Реслера (242), вместе с своеобразными бронзовыми подтоками, украшенными пирамидальными острыми шипами, типа подтоков из недавно опубликованного Я. И. Гуммелем (243) Киркиджанского клада.

Жак де Морганом (244) вилы были найдены под кучей камней, вместе с костями человека и быка („буивола“). В том же совершенно сочетании подобный инвентарь (бронзовые вилы, но невтульчатые, удила с напускными псалиями и кинжал с рамчатой рукоятью, типа, подобного Арчадзорскому и Ханларскому Гуммеля) найден, вместе с железным оружием, в Иране, близ Кашана, в некрополе В холма Тепе Сиалк (245) и датируется автором раскопок, по связи с Луристаном, откуда между прочим происходят совершенно подобные удила (рис. 57₅) (приобретенные в 1930 году Пенсильванским музеем) (246), и отсутствию ассирийских влияний, временем около XII—XI века.

К древней дате приводят и сравнительный анализ удил указанной формы, особенно при сопоставлении их с совершенно другим типом бронзовых удил—с псалиями (трензелями), согнутыми под углом и составляющими одно целое с удильным звеном, покрытым шипами. Эти последние удила также известны по целому ряду находок на территории Грузии (рис. 58₁), как например, удила из сел. Цхавати в Ксанском ущелье (с предметами,

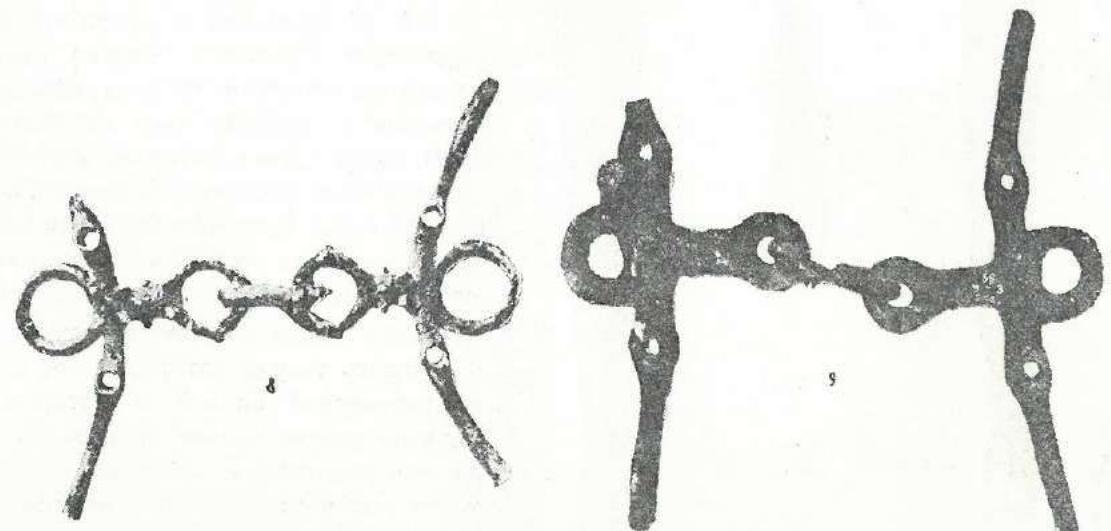

Рис. 58 б. Удила с трензелями, отлитыми в одно целое с мундштуком, из разных мест: 8—Египет (Каирский музей); 9—Нимруд (по Унгеру).

характера Казбекского клада) без достаточного основания, отнесенные Тальгреном (247) к этому кладу, двое удил (248) из селения Свири, Зестафонского района (Кутаисский музей, инв. 2356 и 2524), из сел. Ацхури (Музей Грузии, инв. 56—14) с разновременными предметами, из которых имеет к ним видимо отношение орнаментированная бляха кобанской формы и пр., и с территории Азербайджана как например, из сел. Даланлар (Джебраильск. у.) (Азерб. Гос. Муз., инв. 1193).

Оба эти типа удил известны из находок в Греции, поддающихся точной датировке. В. Рейхель (249) в своем исследовании о гомеровском оружии уже знает эти находки и считает ошибочным рассматривать, в качестве гомеровских, удила, найденные в Афинах (рис. 58₁,₁) на Акрополе в так называемом „персидском мусоре“, в слое от разрушенных храмов архаических эпох, и датируемые, таким образом, самым концом VI века до нашей эры (250) и предлагает для этого другую, более древнюю форму, именно удила Микенской эпохи (Афинский музей, инв. 2553), найденные в Микенах (рис. 57₁) и известные также из находок на западном берегу Малой Азии (Берлинский Музей, Античн. Отдел, инв. М. 150, 151).

Первые удила оказываются точным повторением удил с территории Грузии и Азербайджана (рис. 58₁,₂) с неподвижными под углом согнутыми псалиями, заканчивающимися на одном конце лошадиным копытцем, тогда как вторые, с напускными прямыми псалия-

ми, являются несомненно прототипом Триалетских и других южнокавказских удил, очевидно принадлежащих и здесь к более древней, чем первые, группе. Это подтверждается также находками этих двух типов удил на Переднем Востоке, где они имеют ту же хронологическую последовательность. К первому типу принадлежат, например, бронзовые удила Британского Музея (251), вывезенные Лайардом из Калаха (Нимруда) и датируемые эпохой Саргона, то есть концом VII века до н. э. Они отличаются от грузинских только более короткими звенями ротовой части, соединяемыми поэтому добавочной петлей, и отсутствием копытообразных украшений. Последние однако имеются на другом подобном же ассирийском экземпляре и особенно ясно на Каирском (252), относящемся, видимо, к эпохе ассирийского вторжения в Египет в VII веке (рис. 58, 6, 8, 9). К этому же времени принадлежит и находка таких удил в так называемом поздне-хеттском слое в Сирии (253).

Таким образом, этот тип удил можно считать твердо датированным именно поздне-вансской эпохой, с которой нам удалось уже на основе бронзового сосуда синхронизовать кобанский комплекс в его наиболее блестящем проявлении в кладе из Лечхуми.

К второму типу удил принадлежат два образца из Ассира (Берл. Музей, Передн. Аз. отд., инв. V. A 7281, 7284), чрезвычайно схожие с микенскими и, несомненно, той же эпохи (рис. 57, 4). Наши южнокавказские удила с напускными псалиями более близки луристанскому варианту этого типа (с короткой ротовой частью), особенно, образцу, опубликованному Пржеворским (254) из Варшавского Музея (рис. 57, 3), и отличаются хорошей отделкой. Это обстоятельство заставляет считать их несколько моложе, чем находки в Ассире и датировать приблизительно самим началом I тысячелетия до нашей эры, когда они и в Ассирии еще не успели, судя по барельефным изображениям Ассиризир-

пала II (252), смениться более поздними формами с изогнутыми псалиями. Находки в Так-Килисинском могильнике бронзовых удил без трензелей очевидно объясняются заменой

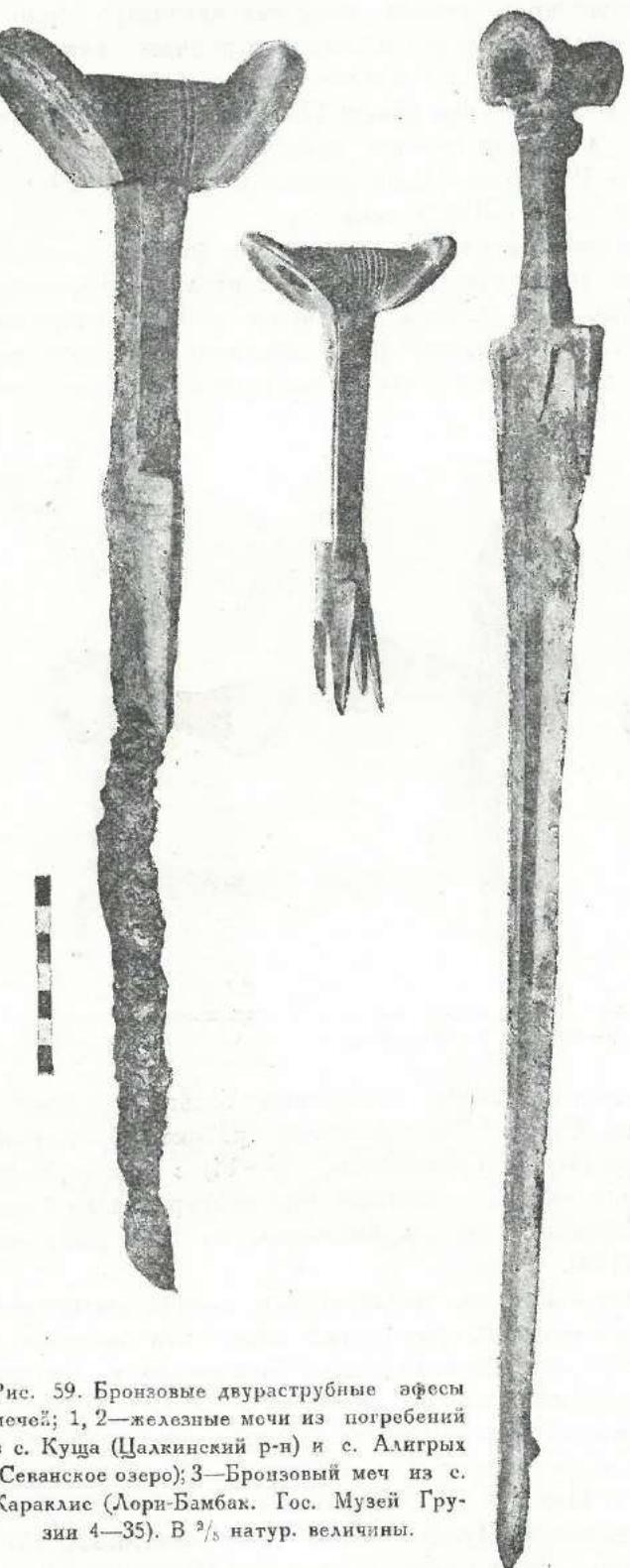

Рис. 59. Бронзовые двурастворные эфесы мечей; 1, 2—железные мочки из погребений в с. Куща (Цалкинский р-н) и с. Алегры (Севанское озеро); 3—бронзовый меч из с. Караклис (Лори-Бамбак. Гос. Музей Грузии 4—35). В 2/3 натур. величины.

пала II (252), смениться более поздними формами с изогнутыми псалиями. Находки в Так-Килисинском могильнике бронзовых удил без трензелей очевидно объясняются заменой

бронзовых трензелей костяными или роговыми, которые разрушаются, как это показывает образец удил на табл. XXXI.

Таким образом, на основании всего вышерассмотренного материала о смене удильных типов, удается установить, что наиболее древние погребения Цалкинского могильника на шоссе из Гуниа-Кала в Даракев могут уходить за начало вансской эпохи, тогда как большая часть остальных могил окажется близкой по времени могильнику в Маралын Дереси. В этом случае выступит с новой силой вышеотмеченная разница в инвентаре этих могильников. Так, бронзовые пояса в Цинцкаройском могильнике принадлежат к более узкому не орнаментированному варианту. Отсутствует здесь весь своеобразный ассортимент крупных бус из желто-палевой и темной стекловидной пасты, столь характерных для погребений в Маралын Дереси с бронзовой одночленной фибулой и медной мотыжкой кобанского типа. Не попадались здесь ни разу и браслеты с змеиными головками, гнутые, четырехреберные розетки, типичные для Сантинского, Лелварских и Пинезаурского могильников.

Все это, мне кажется, говорит за то, что эти последние могильники в совокупности моложе, чем Цинцкаройский и Гуниакалинский, и прилегают к ним, так сказать, сверху. Однако, в то же время, следует принять во внимание и возможность этнических различий между этими могильниками, так как одними хронологическими моментами все-таки нельзя объяснить несомненно более явно выраженную связь одной группы с Кобанской культурой, занимающей бассейн верхней Куры, Риони и Чорохи, и другой с культурой Ганджа-Карабахской и Севанского плоскогорья (кинжалы с ажурной головкой, куполовидные навершия, удила, вилы и пр.).

Скорее всего это может получить объяснение в приливах на горные пастбища Цалки населения с различных сторон, как об этом сообщает для своего времени Вахушти и как это можно наблюдать и теперь, когда на Цалке сходятся скотоводы со стадами из Кахетии, Тушетии, средней Карталинии и из Борчало.

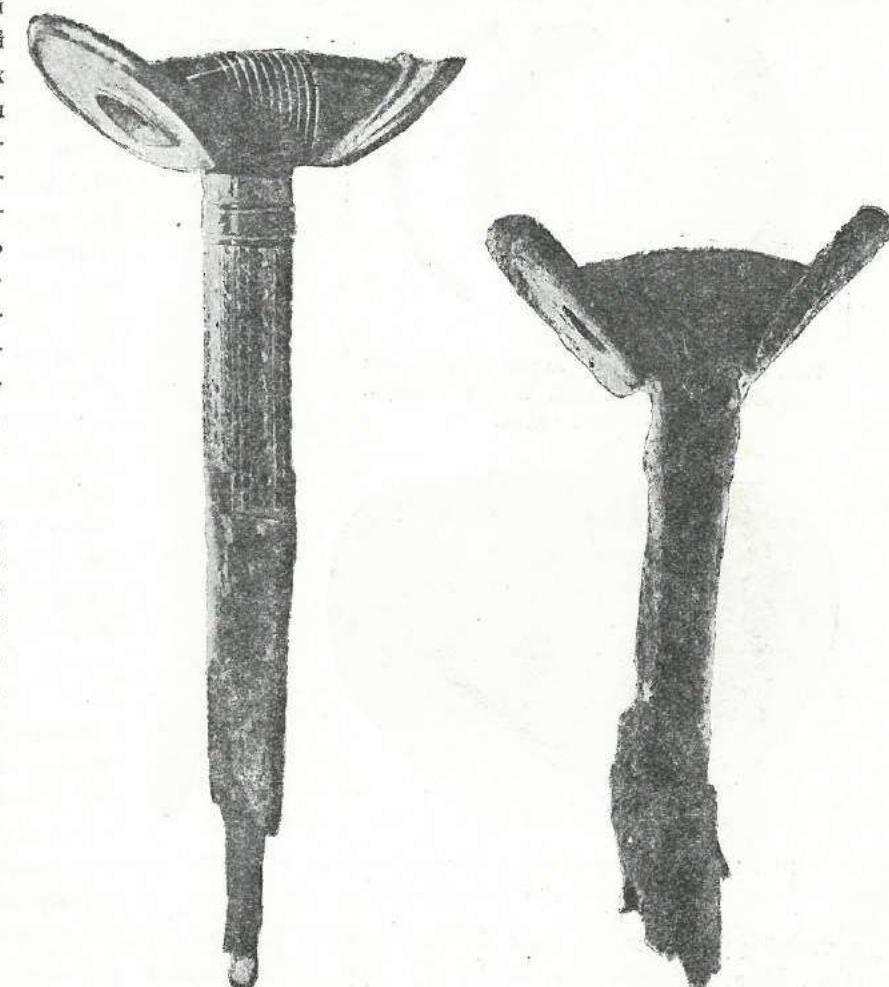

Рис. 60. Бронзовые двурастворчатые эфесы мечей из г. Ани (Гос. Музей Грузии, 2—14) и с. Мхарт (Борчало, Моск. Антроп. Музей).

В этом отношении очень показательна находка, несомненно почти синхроничная рассмотренным, сделанная нами в 1939 году в могильнике у школы селения Кущи (табл. XXXVI). В простой грунтовой, не обложенной камнями, яме находилось мужское погребение, от костяка которого ничего не сохранилось, с инвентарем (табл. XXXVII), состоящим из группы восьми обычных для этого времени длинно-черенковых бронзовых стрел, 2-го варианта (рис. 78₂), с осевым ребром, достигающим вершины (только одна стрела принадлежала к 1-ому варианту (рис. 78₁) с ромбическим концом и полукруглыми выемками), из купольного бронзового (совершенно гладкого) навершия посоха, массивной бронзовой кольцевидной пряжки с

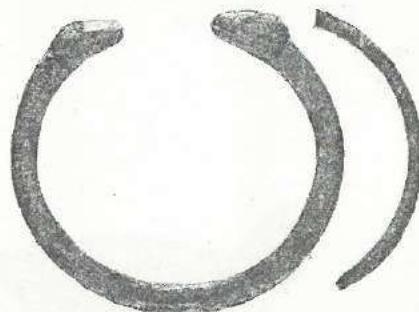

Рис. 61. Бронзовые браслеты с змейными головками из погребений в сел. Мхарт. В $\frac{1}{2}$ nat. велич.

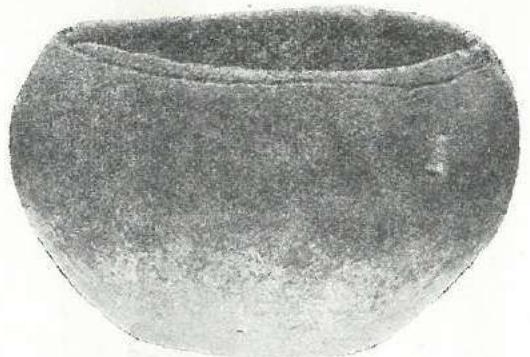

Рис. 62. Железный кинжал и глиняная чаша из погребения в сел. Мхарт.

шнуровой орнаментацией и наконец железного меча с прекрасно обработанной бронзовой рукоятью (рис. 59₁), заканчивающейся характерно-раздвоенной вершиной эфеса, типа талышского меча Жака де Моргана из Хагула-Дере (256). Подобного рода рукояти, имеющие обычно 4-гранный стержень и вильчатое основание, скрепляемое с клинком, известны мне наряду с вышеупомянутой (из Талыша), как происходящие преимущественно из южных частей Южного Кавказа (рис. 60): один наиболее близкий нашему кущинскому железный меч

Рис. 63. Бронзовый меч из Луристана

с такой рукоятью, но еще более высокой работы, найден в районе г. Ани (Гос. Муз. Грузии, инв. 2—14, 1), другой небольшого размера в одиночном погребении в Алигрыхе (рис. 59₂) на Севанском озере (257) и третий в (Бостонский Муз. Мхарт Борчалинского района (Моск. Антроп. Музей). По своеобразному строению эфеса все эти рукояти совпадают с известными Луристанскими образцами бронзовых мечей VII—VI века до нашей эры (рис. 63) (258), с которыми наши несомненно генетически связаны, хотя и отличаются все одними чертами строения вильчатого основания и клинками из железа. Последнее обстоятельство не позволяет рассматривать южнокавказские формы в качестве изделий, просто импортированных с Переднего Востока, тем более, что имеется в Музее Грузии доставленный из под бывш. Караклиса, в 1935 г. любопытный погребальный комплекс (4—35), состоящий из плоского топора-тесла, бронзовых стерженьковых наконечников стрел, навершия древка и бронзового узкого меча, являющегося по строению рукояти явным прототипом всей рассмотренной группы южнокавказских мечей (рис. 59₃).

8. Могильники эпохи поздней бронзы и первого появления железа

К этому времени относится могильник у сел. Бешташени на правом берегу Байбурт или Геряк-чая. Кроме уже упомянутых выше единичных погребений с массивными короткими булавками, типа поздне-лелварских, этот могильник заключает погребения еще двух родов: ящичные и грунтовые. Их хронологическое взаимоотношение довольно ясно. Ящичные погребения возникли видимо на существовавшем более древнем могильнике с грунтовыми погребениями. Однако ящичные погребения, сложенные из шести камней и двух покровных, не повторяют полностью инвентаря уже рассмотренных выше могильников, не содержат столь характерных для последних белых тальковых бус „домино“ и в некоторых отношениях являются как бы переходными от древних грунтовых погребений к другим триалетским могильникам ванской эпохи.

К сожалению, ящичные погребения этого могильника исследованы нами не достаточно, так как большинство из них несет признаки ограблений, мешающих составить о них более точное представление. Для инвентаря этих погребений (таб. XXXVIII), содержащих железо, характерны очень длинные до 30 см узкой пирамидальной формы бронзовые булавки, того самого типа, который Морганом (259) отнесен к наиболее древним погребениям Лелвара, к сожалению им не описанным, за исключением только одного в Муси-Иери с длинным железным мечом, типа меча из могилы 40 в могильнике на шоссе между Гуниа Кала и Даракевым. Эта булавка является несомненно дальнейшим развитием подобной формы, но небольшой величины, булавок из ряда грунтовых погребений этого могильника.

В этого же рода погребениях мы находим блоковидные пряжки-ролики, типа Самтаврских в погребениях нижнего яруса Байэрна, именно в наиболее богатой могиле № 591 с бронзовым тупоконечным и железным мечами и бронзовым кинжалом (рис. 74а), и аналогичные пряжкам-роликам из некоторых грунтовых Бешташенских погребений, а также куполовидные навершия, которые в грунтовых погребениях еще не появляются, а в Самтавро, и вообще к северу от Триалети, повидимому и не были совсем распространены.

Замечательной находкой здесь является железный ножичек с бронзовой обоймой и с, повидимому ему принадлежащей в качестве навершия на рукоятку, бронзовой скульптурной головкой льва, своеобразно стилизованной.

Грунтовые могилы имеют погребения на глубине до 2 метров от поверхности грунта. Ямы иногда покрыты сверху большими камнями в один или два слоя. Часто же камни, в

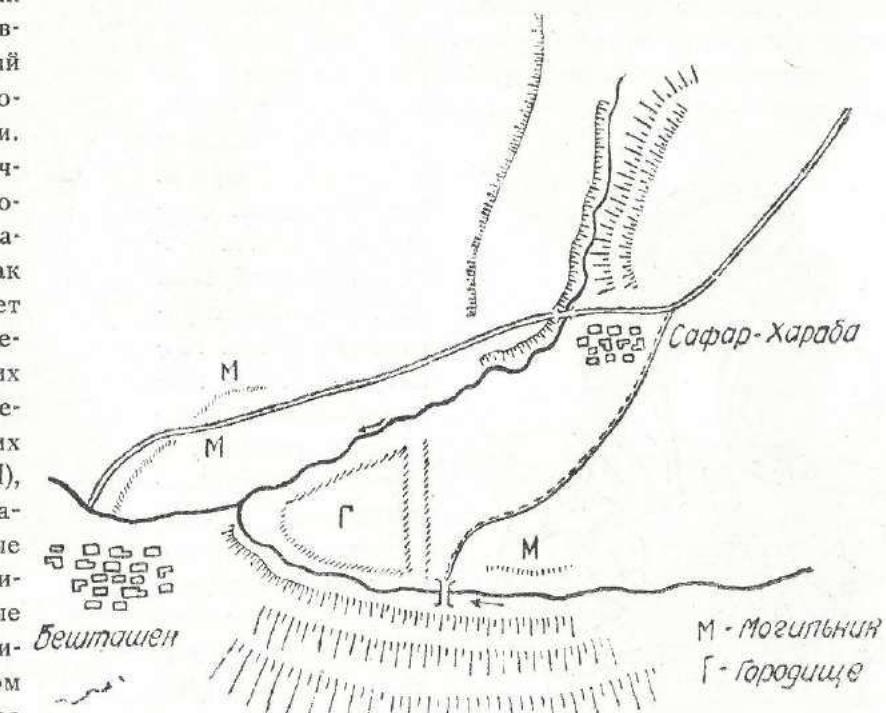

Рис. 64. Ситуационный план Бешташенской крепости и могильников.

виде огромных плит, а иногда каменных столбов, расположены как бы сбоку с северной стороны могилы, заставляя предполагать катакомбный подкоп, установить который с очевидностью, однако, не удалось.

Благодаря очень плохой сохранности костей, иногда почти полному их отсутствию на дне могилы, невозможно было часто выяснить положение покойника, но судя по более благоприятным случаям, он клался, чаще всего, на правом боку (табл. XXXIX), иногда на левом, головой на север и обставлялся посудой и личным инвентарем, который во многих случаях подвергался намеренной порче (копья, кинжалы, даже топоры разламывались) и разбрасывался по дну могилы (табл. XL и XLI).

Глиняная посуда характерна и стойка по составу, который значительно отличает эти по-

гребения от рассмотренных в предыдущем 7-ом разделе. Особенны замечательны и своеобразны богато орнаментированные резным геометрическим и геометризованным животным орнаментом крупные раструбно-конические кубки, полые до самого дна высокой ножки (рис. 66 и табл. LIII). Они напоминают найденный Байэрном (260) подобного рода, но значительно меньшего размера, конический сосуд (рис. 67₁) со следами белой инкрустации по клиновидному и кружковому узору в могиле 601, вместе с кружкой в форме горшочка на высоком поддонье, типа, рассмотренного нами на стр. 53 из могильника в Маралын Дереси, и с бронзовой булавкой с закрученной головкой. К такого же рода сосудам еще более близко по орнаментальному стилю подходит фрагмент полой ножки глиняного кубка из погребения близ селения Гостибе (рис. 68) с бронзовым кинжалом какетинского типа, кобанским топором и бронзовым копьем (261).

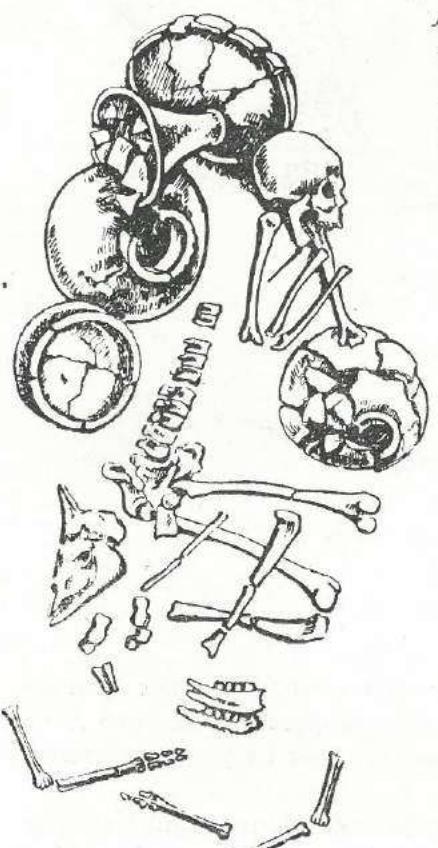

Рис. 65. Погребение 37 эпохи поздней бронзы из могильника на правом берегу р. Геряк-Чай у Бешташени (Цалкинский р-н). В 1/15 нат. велич.

Прочая, более обычна, посуда (табл. XLVIII) заключает в себе совсем не представленные в Цинкаройском и Гуниакалинском могильниках большие плоские глиняные блюда без выступающего поддонья, характерного для подобных блюд более позднего могильника с массивными булавками, широкие крупные чашки с круто выпуклыми стенками и кувшины без ручек с цилиндрическим поперечно-гофрированным горлом (рис. 82) и особой формы корпусом, в виде довольно низкого, но очень широкого сфероида вращения. Овальные или яйцевидной формы сосуды с двумя ручками по бокам не отличаются здесь крупными размерами. „Маслобойки“ яйцевидной

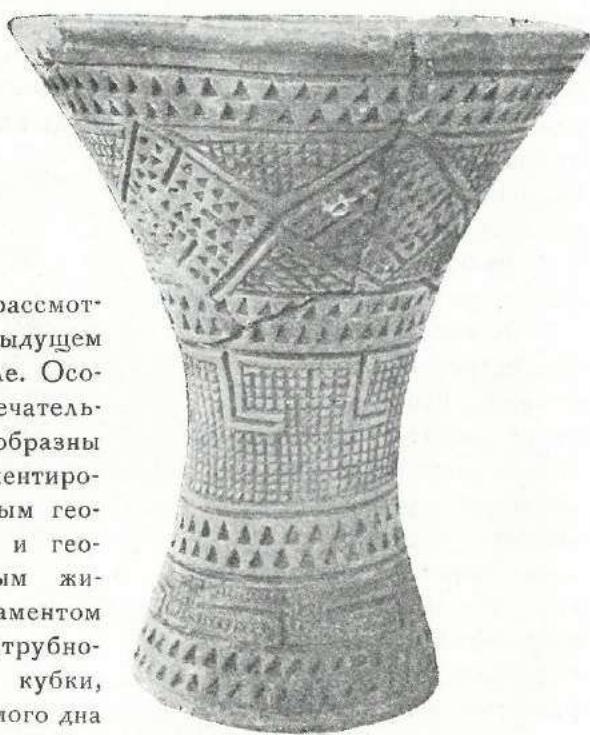

Рис. 66. Глиняный кубок из погребения 31, правобережного Бешташнского могильника, эпохи поздней бронзы.

В 2/3 нат. велич.

формы не имеют ручек, напоминая тем найденную в с. Плависмани (262). Глина наших сосудов обычно серая, часто пепельно-серая, пористая и недостаточно обожженная. Более редкими необычными здесь формами являются широкие крутоплечие сосуды с небольшим горловым отверстием, лишенным совершенно венечного отгиба (табл. II и рис. 83).

Вся эта посуда, в противовес присутствующим здесь вышеупомянутым орнаментированным коническим кубкам, дальше отстоит от керамики самтаврских грунтовых погребений, чем посудный ассортимент выше рассмотренной группы могильников, дающих целый ряд точно совпадающих с нею форм.

Прочий инвентарь состоит, главным образом, из бронзы (табл. XLVII, XLIX, L). Железо встретилось только в одной могиле № 18, именно железный кинжал, с двумя прекрасной работы лощеными черно-бурыми сосудами (рис. 83 и табл. LI). Предметы из бронзы представлены несколькими характерными группами, территориально различными по распространению их на Южном Кавказе. Наиболее обычными являются здесь предметы, близкие к древнейшему слову Самтаврского могильника и Плависмани (262): копья с острореберным стержнем, доходящим до вершины, с крутым снизу очертанием лезвия и широко разомкнутой втулкой (табл. II), треугольные широкие и короткие кинжалные клиники (рис. 77₃), как в Самтаврской могиле 583, с вышеупомянутым копьем и узко пирамидальной продольно-ребристой булавкой (рис. 76). Связывают с нижним этажом Самтавро Бешташнского могильника также плоские треугольной формы бронзовые стрелы и имитирующие их костяные, с отверстием для привязывания к деревку, совершенно так, как на подобного типа стрелах из центральной Европы, где они датируются еще 2-ым периодом бронзы (263). Также повторяют Самтаврские (рис. 85₁ и 86_а) костяные призматические стрелы (рис. 86_б), как в могиле 565 с копьем иного типа, — с литой без расщелины трубкой, снабженной двойным рельефным кольцевым перехватом (рис. 76), пинцеты, вышеупомянутые пряжки-ролики (рис. 79), как в могиле 591 в Самтавро (рис. 74_а), наконец такой своеобразный предмет, неясного назначения, из просверленного круглым отверстием основания оленевого рога с косо срезанным стержнем (рис. 78), который Байэрн, по аналогии с палеолитом, назвал жезлом военачальника („Commandostab“) (264), но который, всего скорее, может быть или подставкой для древка небольшого погребального флагжа или же инструментом для выпрямления древок копий, подобно недавно еще употреблявшимся в Северной Осетии выпрямителям „расткани“ (212) для самодельных железных кос, также из оленевого рога

Рис. 67. Глиняный кубок и кружка-кубышка из погребения № 601 в Мдхете (Байэрна). В 1/3 нат. велич.

Рис. 68. Ножка глиняного кубка из погребения в с. Гостибе (Горийского р-на) (Гос. Музей Грузии). В 1/2 нат. велич.

Но кроме этого, общего с Мцхетой, комплекса вещей имеется примесь, отчасти более молодая, типично колхидо-кобанской группы: бронзовые кинжалные клинки пламевидного контура (рис. 77, 6), целые кинжалы с бронзовой же рукоятью (рис. 72 а и 73), плоско-стержневые (225), вырезываемые из бронзового листа, стрелы (рис. 85, 2), бронзовые булавы с пятью шишками

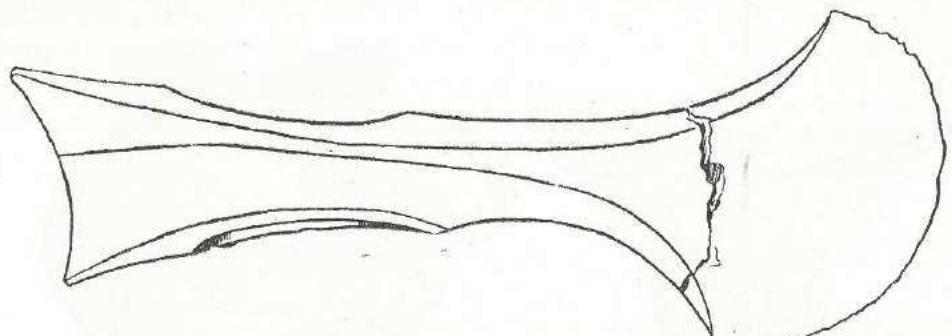

Рис. 69. Топор колхидо-кобанской формы из погребения 11, правобережного Бешашенского могильника, эпохи поздней бронзы (Цалкинский р-н). В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

(рис. 81), поясная пряжка с головкой барана (рис. 70), узкий боевой топор колхидо-кобанского типа (рис. 69). Нахodka последнего (мог. 11) особенно существенна, так как это первый бронзовый топор на этой территории, который дает возможность уточнить границы пересечения районов с двумя главными формами грузинских топоров конца бронзовой эпохи, секировидного восточного и кобанского западного. Наконец, к колхидо-кобанской культурной группе сле-

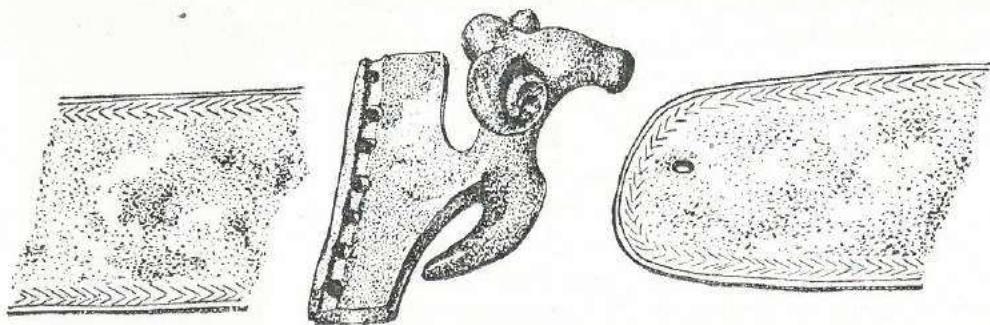

Рис. 70. Поясная бронзовая пряжка кобанской формы из погребения 11, правобережного Бешашенского могильника (Цалкинский р-н). В нат. велич.

дует отнести бронзовый конический шлем, найденный в фрагментированном виде в могиле 13 (табл. XL), поскольку находки подобного типа шлемов были сделаны в Северной Осетии и в Абхазии в кобанском комплексе (265). Наш шлем отличается только присутствием боковых отростков, служивших наушниками.

Наконец, третью группу образует легко обнаруживающаяся здесь примесь вещей, специфических для Ганджа-Карабахского и Севанского производственных районов, конца бронзовой эпохи. Сюда относятся бронзовый кинжал с ажурной головкой (рис. 71) из погребения 11, узкое бронзовое копье и длинный цилиндрический подток к нему (табл. L), шаровидная булава (табл. XLV и XLIX), как в Джалал Оглы (266), бронзовый ролик в форме бронзового молоточка (рис. 79 б), типа, из-

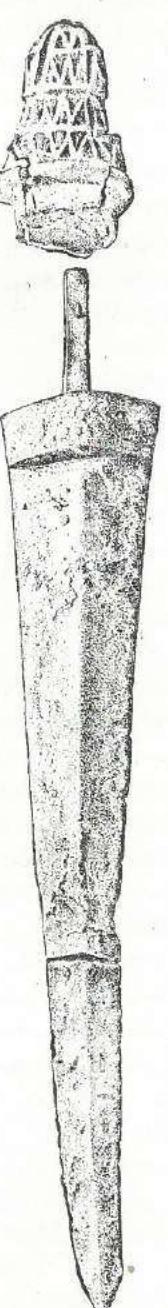

Рис. 71. Бронзовый кинжал с ажурной головкой из погребения 11, правобережного Бешашенского могильника. В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

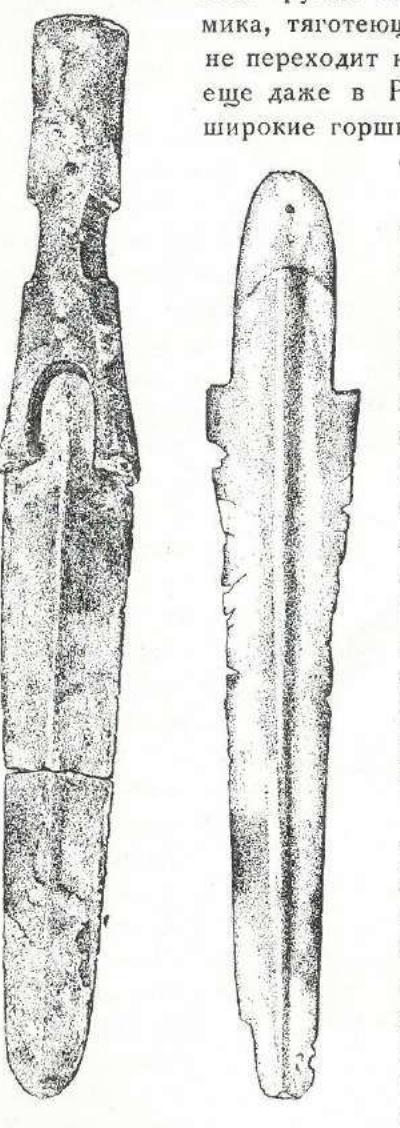
вестного из Ходжалинских курганов, в частности с бусой Ададнираи (267), наконец—плоский бронзовый топор-тесло с округлыми боковыми выемками и суженной пяткой (табл. I), типа 56-ой калакентской могилы Ивановского (268).

Однако на керамике Цалкинских могильников совершенно не отражена указанная связь с азербайджанской поздней бронзой, для которой типична в эту эпоху особая керамическая группа богато инкрустированных белым сосудов. Правда, эта керамика, тяготеющая, как отметила уже Т. С. Пассек (275), к востоку до Ирана, не переходит на западное побережье Севанского озера, но и типичные, еще даже в Редкином Лагере, юго-восточные формы, как например, широкие горшки с грибовидными кнопками у венчика, совсем не находят себе места в могильниках Триалети.

Замечательной особенностью грунтовых погребений Бешашенского могильника является наличие среди их инвентаря серпов, как бронзовых, так и одновременно с ними бытующих деревянных с кремневыми вкладышами, так называемого египетского типа (табл. XLIV и XLV). Бронзовые серпы на Южном Кавказе, странным образом, очень редки и до сих пор при жатве пшеницы-эндема „зандури“ в Грузии (Лечхуми, Рача) серп заменяется деревянными щипцами „шнакви“ (269). Бронзовые серпы были находмы в Бакурцике (инв. 4380), Махарии (Зугд. Музей), Цихисдзери (инв. 93—07) и в Армении (Агвесадзор и Нор-Баязет) (272).

Кремневые серпы, впервые встреченныес в полном составе (табл. XLII), указывают на значительный архаизм содержащих их погребений. Они странным образом почти не представлены в долине Куры, в аналогичных погребениях нижнего этажа Самтаврского могильника, где не были найдены Байэрном также и бронзовые серпы.

Рис. 72. а—бронзовый кинжал с бронзовой рукоятью из погребения 11 и б—бронзовый клинок из погребения 13, правобережного могильника у Бешашени. В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

В то же время в грунтовых погребениях Бешашенского могильника ни разу не встретились бронзовые мечи и даже типологически родственные им кинжалы, той же формы, несмотря на относительное богатство некоторых погребений, содержащих в себе украшения из золота (рис. 84), а также и серебра (табл. I), особенно редкого для могильников этой эпохи на Южном Кавказе и Осетии (270). Это заставляет предполагать чуть большую общую древность рассматриваемых погребений Триалети, сравнительно с байэрновскими погребениями нижнего яруса в Самтавро, содержащими в себе уже дугообразную одночленную фибулу в архаичной форме, с тонкой проволочной простой

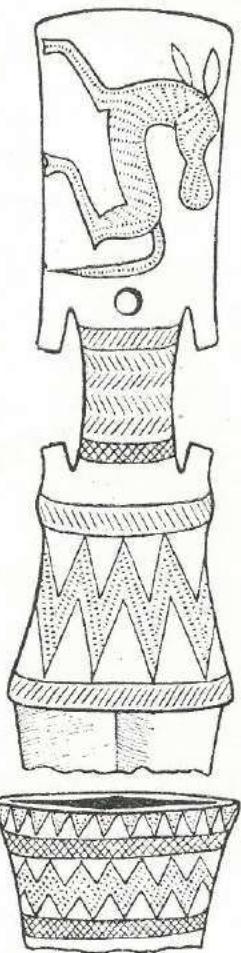

Рис. 73. Бронзовая рукоять из сел. Нигозети (Чиатурский р-н, Кутаисский Музей 2471).

(погр. 600) и витой дужкой (погр. 591) (рис. 74 а, б) и, с синхроничными им в известной мере, погребениями с бронзовыми мечами Алазано-Иорской и Ганджа-Шамхоро-Бамбакской территории. Я не учитываю здесь выделенного впервые А. Н. Каландадзе, в работах Мцхетской экспедиции Академии Наук Груз. ССР, древнейшего слоя могил нижнего яруса в Самтавро.

Значительную близость инвентарь грунтовых погребений Триалети проявляет к кара-

булахскому кургану Ивановского за № 91, с которым Тальгрен (271) сопоставляет клад бронзовых вещей из Квемо Сасирети, чemu Бешташенский могильник, особенно погребение № 13, с двумя бронзовыми удилами и крючьями неясного назначения, подобными квемо-сасиретским, является несомненным подтверждением. Но в Карабулахском кургане имеется ряд вещей, отсутствующих в Бешташенских могилах и в то же время совпадающих с более молодыми Цинцкаройскими, как например, пуговицы из мастики в бронзовой обкладке (табл. XXXIII), находимые также в Арчадзорском (273) кургане и в Ханларских (Еленен-

Рис. 74 а. Инвентарь погребения 591 (частичный) с тупоконечным мечом из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байэрна). В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

Рис. 74 б. Инвентарь погребения 600 из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байэрна). В $\frac{3}{5}$ нат. велич.

дорфских) (274), массивные бронзовые привески в форме сосок (268) (рис. 51,8), тяжелые литые стержневые стрелы 1-го варианта с проходящим до конца острия ребром стержня. Это все говорит, с своей стороны, также о несколько меньшей древности кургана 91, несмотря на присутствие в нем каменных стрел, бытовавших в южных частях Южного Кавказа долго параллельно с бронзовыми черенковыми.

Нижним хронологическим пределом датировки этих могил можно считать границу XII—XI в. до н. э., что вытекает из следующих соображений. Мы уже видели из синхронизации чисто железного комплекса ванской эпохи из Малаклю (Аракат) и лечхумского клада свежих бронзовых топоров колхидо-кобанского типа, что теория Моргана о южнокавказском центре древнейшей железной металлургии не соответствует действительности и что умение

обрабатывать железо проникло на Южный Кавказ с юга, вероятно из древних культурных очагов, бедных собственными медными рудами. В таком случае *terminus post quem* для бронзовых комплексов Южного Кавказа со следами первого появления железных орудий не может находиться ниже времени распространения железного производства в Передней Азии вообще. Известно однако, что в Трои, например, железо начинает получать распространение только в послемиен-

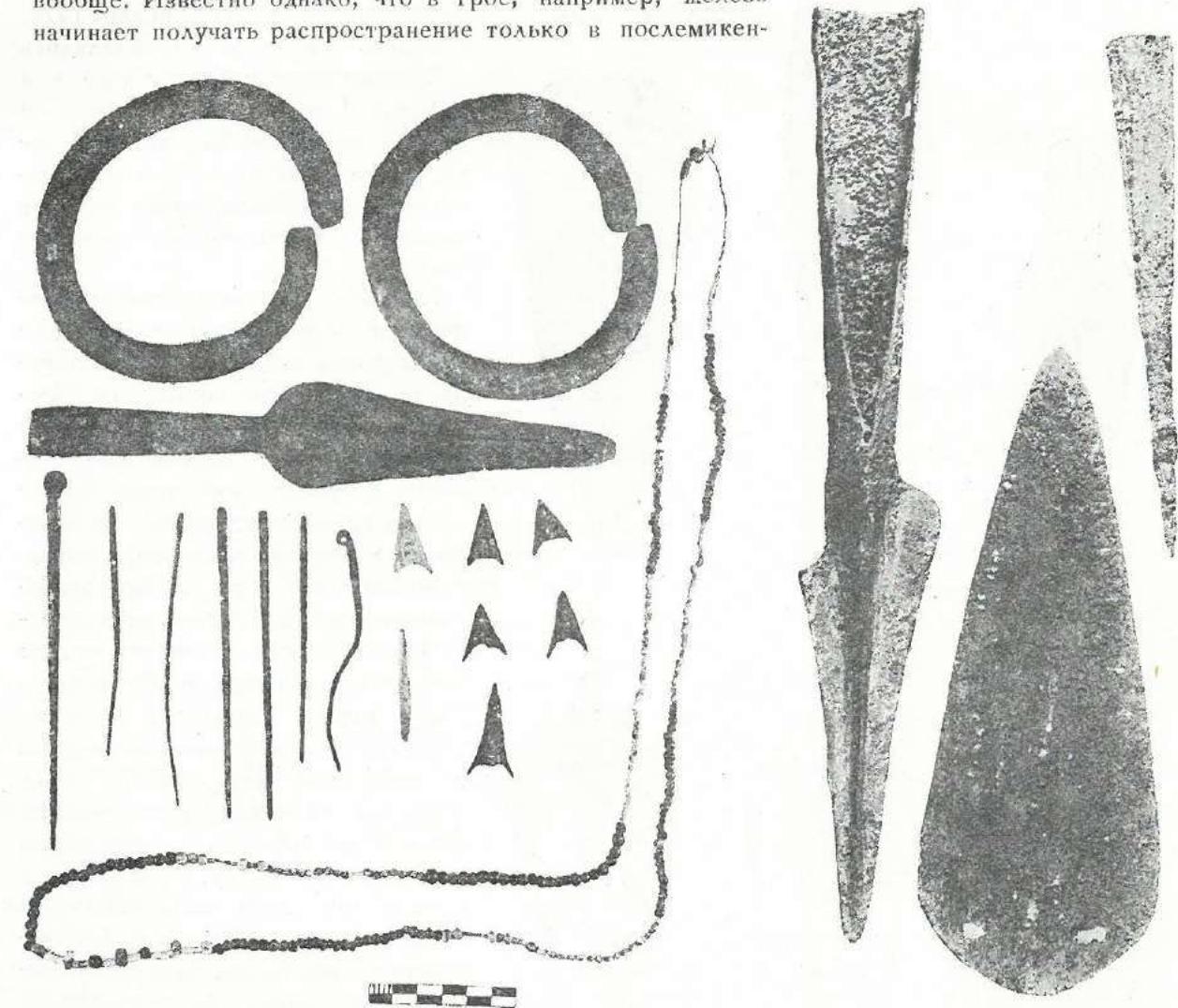

Рис. 75. Инвентарь погребения 565 из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байэрна). В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

Рис. 76. Инвентарь погребения 583 из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байэрна). В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

ское время и проникать оттуда в Европу не ранее XI века. Этому нисколько не противоречит возможная дата первой выплавки железной руды в Греции около 1400 года, как это устанавливается по надписи 263 г. до нашей эры на Паросском камне, относящем знакомство с железом за два столетия до разрушения Трои VI (276), поскольку мы знаем, что внедрение железа в хозяйственный быт населения происходило крайне медленно, и в столь позднее время, как гомеровская эпоха. В Месопотамии железо, известное как выплавленный металл очень рано, долго не имеет совершенно никакого производственного значения, так что в законах Хаммураби о нем не содержится и упоминания, а в Ассирии железо начинает получать широкое распространение лишь в эпоху Ассирийской державы III, то есть в IX веке (277). Раскопки в Сирии дают достаточно точную картину появления железа (278). Так в Гезере железо начинает употребляться для изготовления сельскохозяйственных орудий,

например мотыг, серпов, только с так называемого 3-го семитического слоя, то есть в промежуток между 1200 и 950 годом до нашей эры. Та же картина в Лахише, где железо впервые—только в 4 городе. В Каркемыше железо начинает наблюдаться с 1200 года, а согласно документальным данным Богазкейского архива, по Винклеру (279)

железные изделия поставлялись с Черного моря в Египет еще при Рамзесе II, то есть в XIII веке. В горные же районы Кавказа, как мы видели, железо проникает с значительным опозданием, никак не ранее рубежа I и II тысячелетий до нашей эры.

К этому хронологическому пределу приводят и время оформления топоров колхида-кобанского типа на территории восточного Черноморья. Два иностранных археолога (280), почти одновременно недавно проработавшие вновь вопрос о кобанском типе топора, совершившие на различных основаниях зафиксировали одну и ту же дату их появления в конце II тысячелетия до нашей эры. Но если вспомнить старые аргументы Шантра и Вирхова, в свете новых данных о развитии и географическом распространении дугообразных фибул (281), тесно связанных на территории Северной Осетии и Абхазии с находками кобанских топоров, потребуется снизить эту дату, поскольку само существование греческого (субмикенского) прототипа кавказской фибулы приходится на промежуток XII—X века до нашей эры. В то же время последнее обстоятельство не позволяет согласиться с мнением Калитинского (282) о первом проникновении фибулы на Кавказ только с появлением древне-греческих колоний на Черном море, так как у греков к этому времени фибулы совсем уже вышли из употребления, пережив перед этим ряд трансформаций (особенно в форме замочной пластины), не получивших никакого отражения на кавказской фибуле. Принесению на Кавказ фибулы гре-

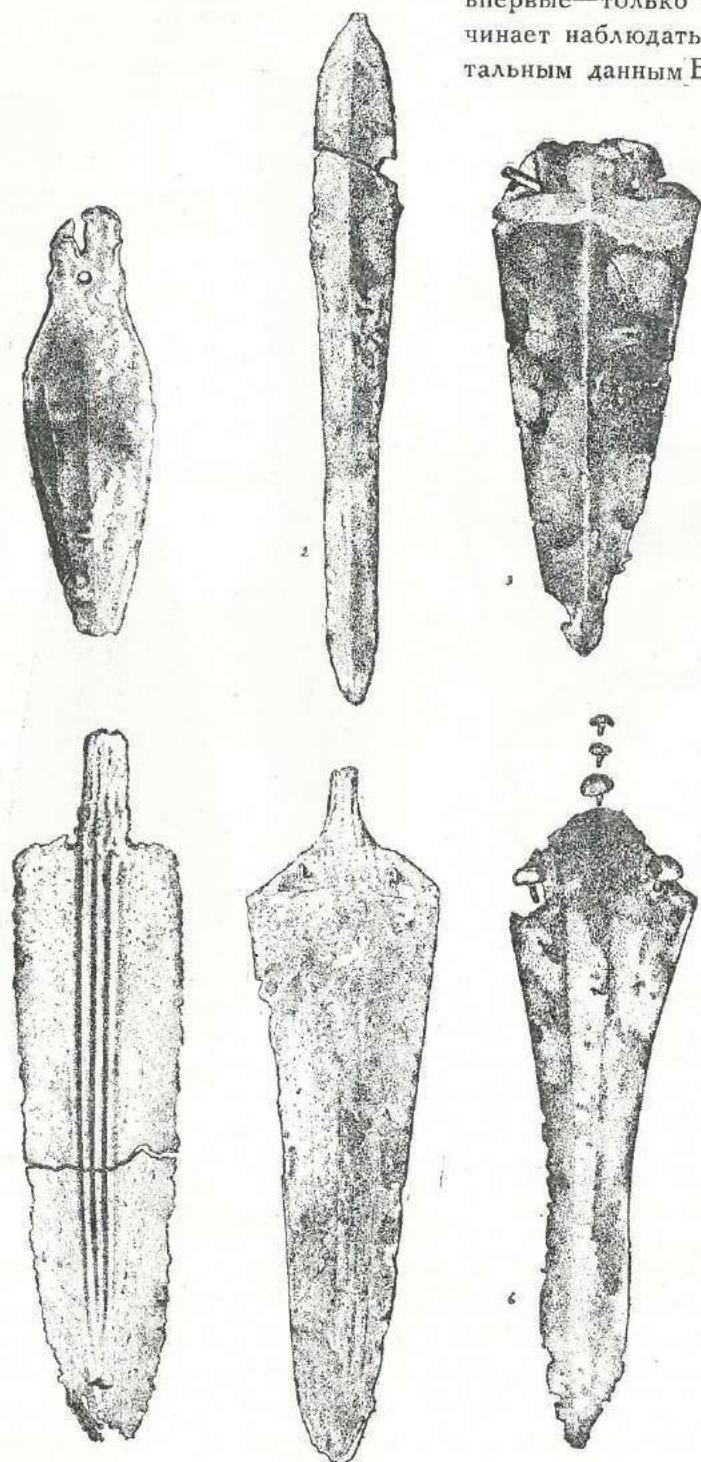

Рис. 77. Бронзовые кинжалные клинки из погребений в Триалети: 1—под насыпью кургана XVIII; 2—под насыпью кургана III; 3, 6—погребение 4 могильника на правом берегу Геряк-Чай у Бешташени; 4, 5—погребение 20 и 21, того же могильника. В $1/3$ нат. велич.

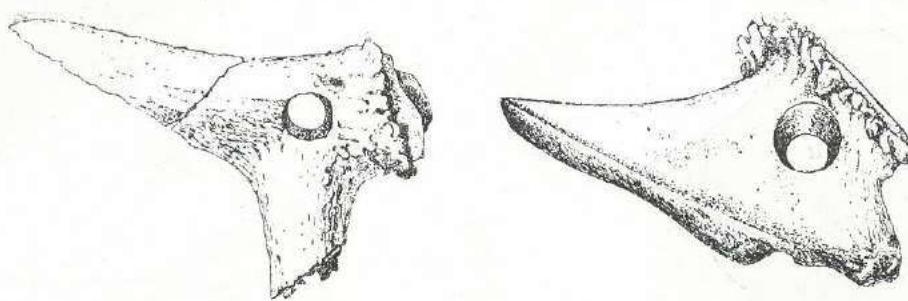

Рис. 78. Обрезы оснований оленевого рога с круглыми отверстиями. В $2/3$ нат. велич. 1—Самтавро (по Байэрну); 2—погребение 19, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинский р-н).

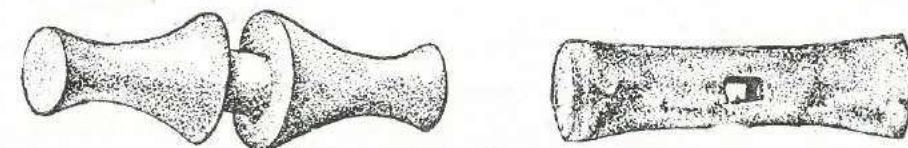

Рис. 79. Бронзовые ролики для подвесных ремней портупеи из погребений 34 и 19, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинский р-н). В нат. велич.

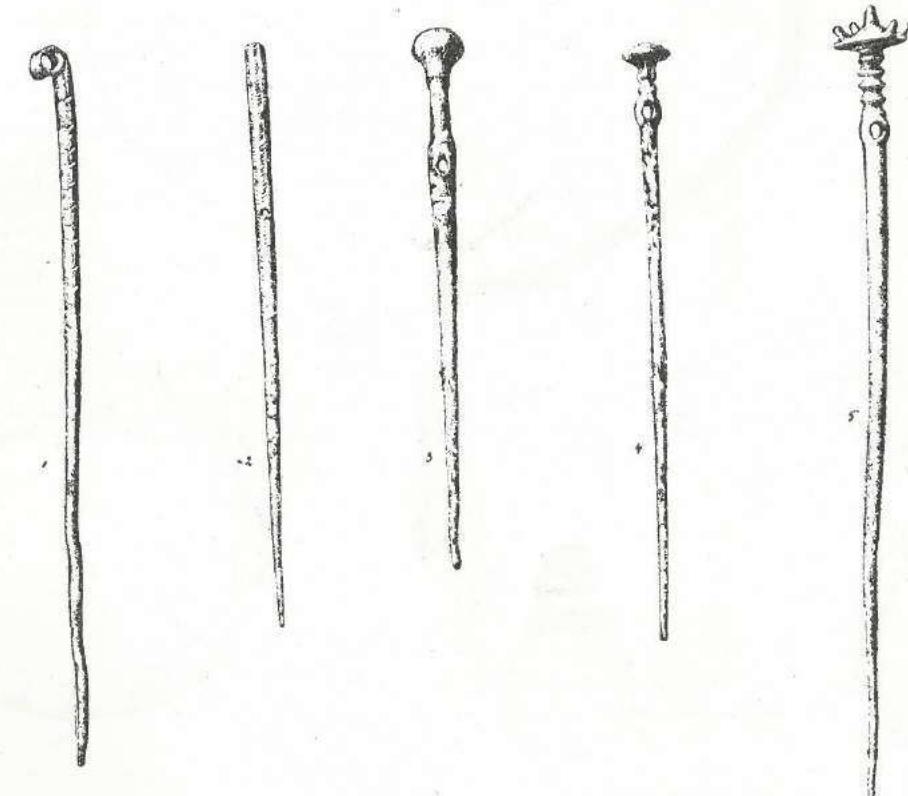

Рис. 80. Бронзовые булавки из могильника эпохи поздней бронзы у Бешташени (Цалкинский р-н); 1, 3—погребение 37; 2—погребение 11; 4—погребение 21; погребение 13. В $2/3$ нат. велич.

Рис. 81. Бронзовое навершие булавы из погребения 13, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинск. район). В нат. велич.

Рис. 82. Серо-глиняный кувшин с рельефным изображением амиса из погребения 11, правобережного Бешташенского могильника. В $1/4$ нат. велич.

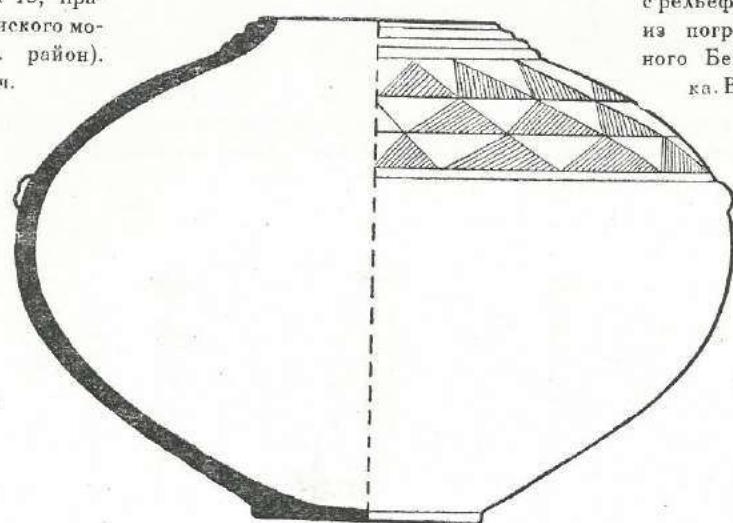

Рис. 83. Чёрно-глиняный, хорошо полированный сосуд из погребения 18, правобережного Бешташенского могильника. В $1/4$ нат. велич.

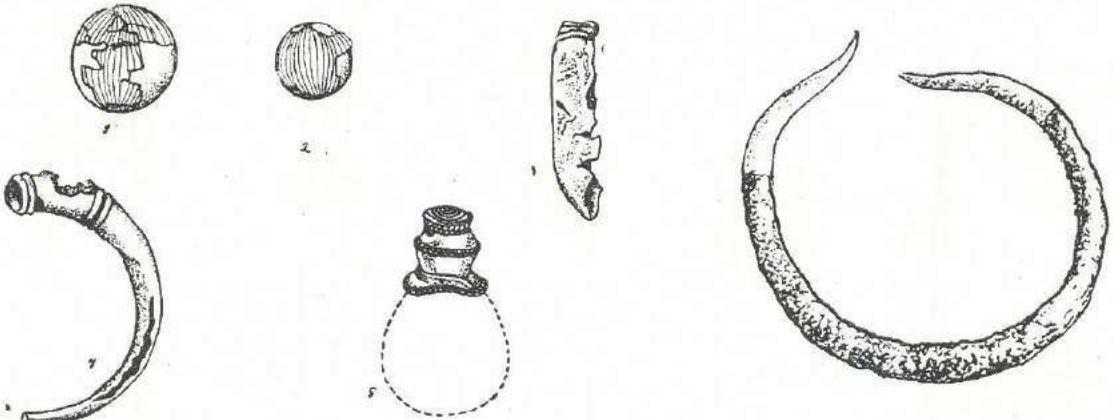

Рис. 84. Золотые украшения из погребений эпохи поздней бронзы Триалети, из правообережного Бешташенского могильника: бусы, трубчатые фрагменты височных колец из погребения 11 (1, 2 и 3) и 18 (4); хрустальная подвеска в золотой капсуле (5) из погребения 18 и бронзовое височное кольцо с золотыми рожками (6) из погребения 4. В нат. велич.

ками противоречит и факт полного ее отсутствия в северо-черноморских греческих колониях, где, за исключением быть может единственного случая, и то связанных с более древним слоем (283), одночленная бронзовая фибула находима не была.

Ту же дату могло бы нам дать и рассмотрение вопроса о появлении плоского топора, найденного в Бешташенском могильнике, поскольку он является более древним типом, чем топор с боковыми выступами из Лечхумского клада кобанской эпохи.

Установленному нами, таким образом, времени для данного рода погребений не противоречит наличие в них такого архаичного предмета, как серп из кремневых вкладышей, так как в Египте подобный серп существовал очень долго наряду с металлическими серпами, соответствующими современным хевсурским и ингилойским зубчатым серпам „гули“ (гули) (229). Мы видим его там, как показывают изображения и находки, вплоть до XVIII династии (284). В Сирии кремневыми серпами этого типа пользовались тоже в продолжение всей эпохи бронзы до XII века до нашей эры (285), судя по находкам в Рас-Шамре, Гезере и пр.

9. Могильник бронзовой эпохи с кругами из камней

Дать определенное место этому могильнику в ряду остальных является затруднительным, вследствие недостаточной изученности памятников этого типа в Триалети. Раскопанный нами подобный могильник в местности Байбурт на левом берегу речки Геряк или Байбурт-чай заключал всего четыре погребения с очень бедным инвентарем, состоявшим почти исключительно из керамики. Полное отсутствие при этом также железных предметов заставляет предполагать его отношение к эпохе бронзы. По характеру индивидуальных грунтовых погребений в ямах, покрытых крупными камнями, могильник этот имеет нечто общее с вышеуказанным Бешташенским. Байбуртские могилы обнаруживают особенное сходство с могилой № 32 Бешташенского могильника по способу покрытия их несколькими большими камнями, из которых боль-

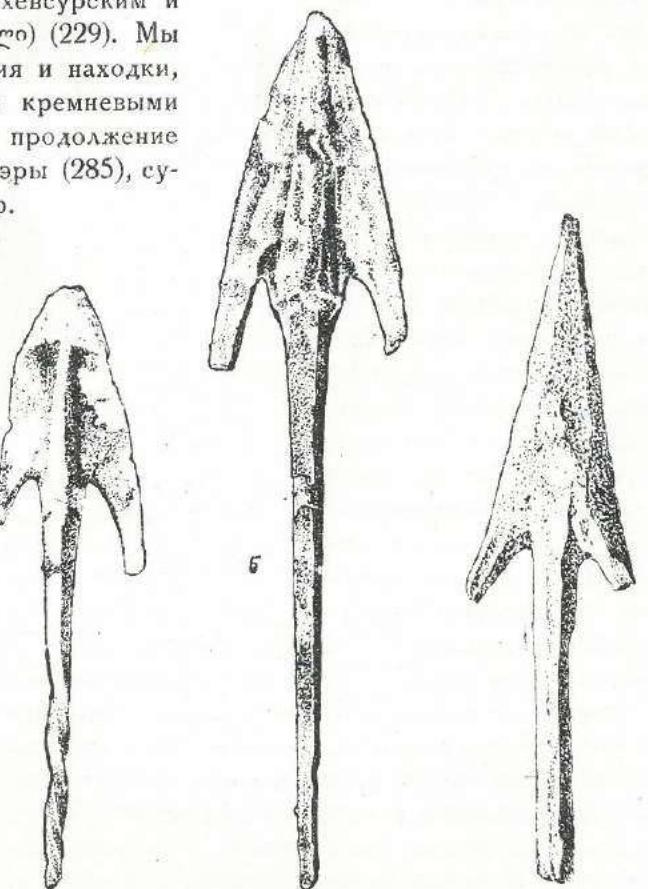
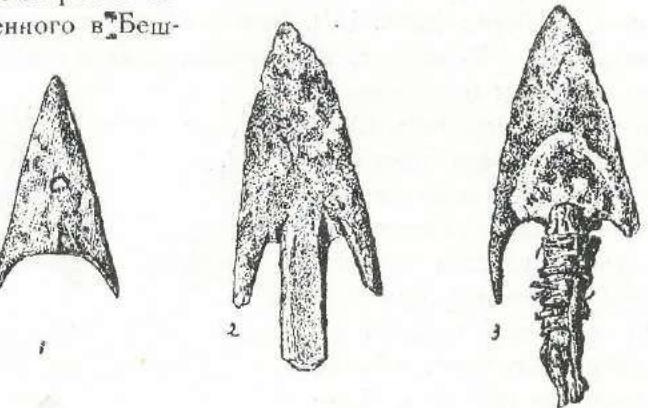

Рис. 85. Наконечники стрел. 1—костяной плоский и 2, 3—бронзовые плоские, плоско-черенковые из погребения 8 правообережного Бешташенского могильника (Цалкинск. р-н); 4, 5—бронзовые 4-гранно-черенковые с выступающей осью, из погребения с двурастворной рукоятью меча в сел. Кущи (Цалкинск. р-н); 6—бронзовый 6-гранно-черенковый из культурного слоя в Дабла-Гоми (Самтред. р-н). В нат. велич.

шой, в середине, покрывает уходящие под него концы четырех камней так, как бы группа камней является развалившимся каменным домиком, поставленным первоначально над могильной ямой. Совершенно такой вид имеют группы камней, покрывающее пространство над двумя самыми большими могильными ямами в Байбурте (табл. LV). Обе эти могилы окружены кольцом, диаметром 15—18 метров, из крупных камней (табл. LIV). Ямы довольно обширны и ориентированы на север (табл. LVI). Кости человека почти не сохранились и только по их следам в некоторых случаях удается установить положение покойника на боку головой на север. В головах обычно ставилась группа 3—7 сосудов, совершенно отличных по своему характеру от рассмотренных до сих пор (табл. LVII). Все сосуды лишены ручек. По форме это крупные широкогорлые светло-бурые горшки, орнаментированные горизонтальными жгутами, прищипом и налепом, крупные черноглиняные насквозь сосуды с цилиндрическим невысоким горлом и отогнутым краем, такие же малые кувшинчики и широкие чаши с слабо выраженным венчиком. Сосуды леплены на гончарном кругу и, несмотря на крупные размеры, тонкостенные. Никакого определенного места среди известной мне посуды южнокавказских могильников эта керамика не находит. Кроме керамики крупные могилы, окруженные кругом из камней, ничего не содержали, а в соседних меньших было найдено несколько бус из беловатой и голубоватой пасты, просверленная галька и медно-бронзовая фигурная булавка, насквозь патинизированная и частью разрушившаяся (табл. LVIII). Головка булавки представляла собою ажурно-прорезную секиру с фигуркой барабана, стоящего на ее обухе (рис. 87). При общем с Кобанью мотиве булавок, в форме топора с фигуркой одного или нескольких животных (или даже охотничьей сценой на его обухе), что наблюдается и на настоящем бронзовом топоре из Абхазии в собрании А. Л. Лукина, эта булавка не кажется принадлежащей кобанской культуре и требует других параллелей, поскольку и прием украшения топоров скульптурами животных на обухе имеет значительно более древние корни, уходя в топорах из Нигавенда и, может быть, Курдистана (286) к III и первой половине II тысячелетия до нашей эры, а булавки с фигурками животных, вообще, известны, например, из раскопок Гиссар III, с первой половины II тысячелетия до нашей эры.

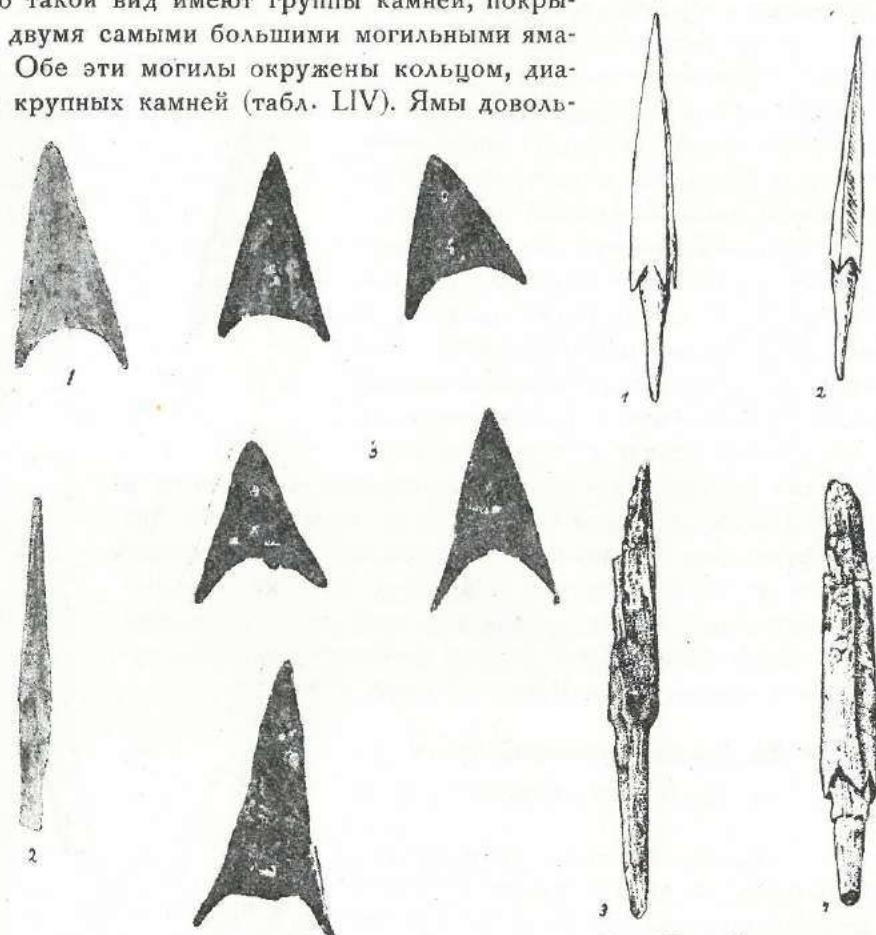

Рис. 86 а. Наконечники стрел из 565 погребения в Самтавро, Мцхета (Байэрна): 1, 3—плоские бесчертенковые, костяной и бронзовы; 2—костяной 4-гранный, черенковый.

Рис. 86 б. Костяные чертенковые наконечники стрел. В $\frac{3}{4}$ нат. велич. 1—трехгранный, Нор-Баязет; 2—четырехгранный, Самтавро м. 565 (Байэрна) и 4—четырех-трехгранный из погребения 19, правобережного Бешташенского могильника.

Поэтому возможность отнесения этого могильника к эпохе, более древней, чем Бешташенский могильник с грунтовыми погребениями, ничего невероятного пока не заключает, но требует лишь подтверждений при дальнейшем накоплении соответствующего материала.

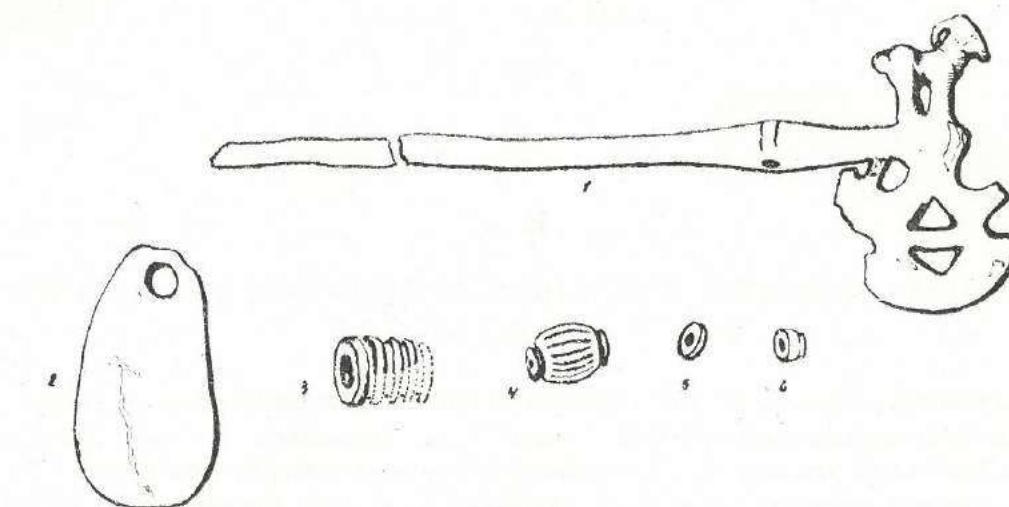

Рис. 87. Инвентарь погребений в каменных кругах в урочище Байбурт (Цалкинский р-н): 1—бронзовая булавка; 2—просверленная галька; 3—6 бусы из пасты. В нат. велич.

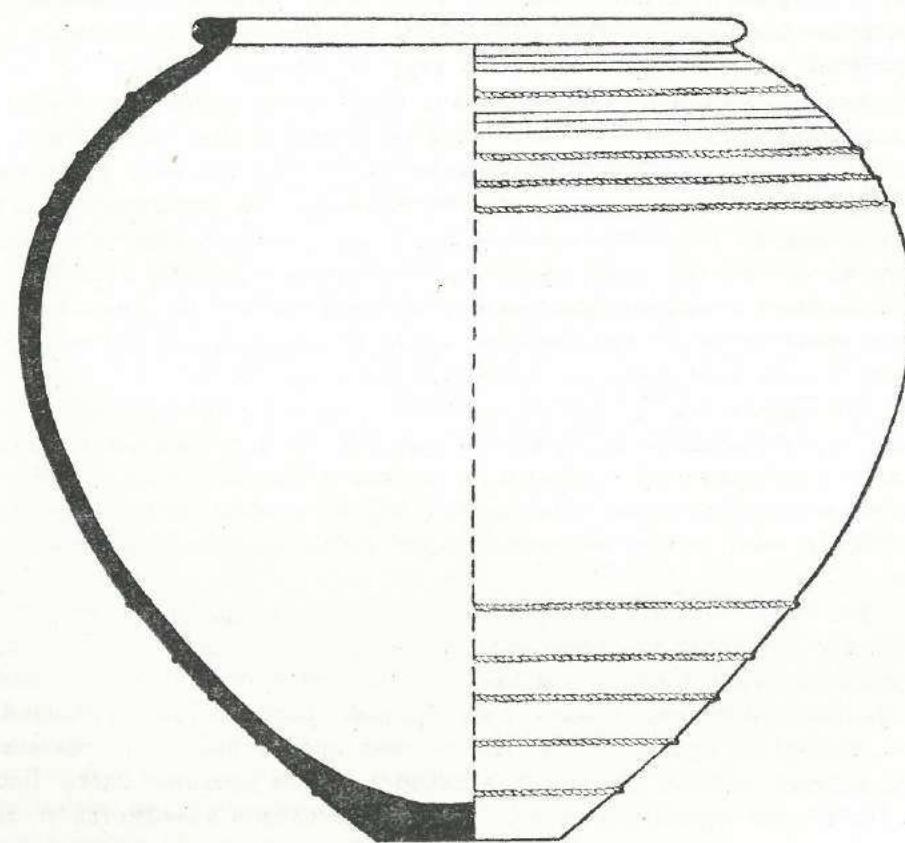

Рис. 88. Буроглиняный сосуд с поясками из жгутов. Могильник с каменными кругами в урочище Байбурт. В $\frac{1}{4}$ нат. велич.

ляется полное отсутствие остатков лошади среди костей других домашних животных—быка, козы, овцы, свиньи, находимых в курганах. Это кладет особенно резкую грань между конной культурой могильников, давших нам различные типы удил, и курганами, где найденная нами четырехколесная колесница передвигалась, повидимому, помощью воловьей то есть бычьей упряжи, как в царских погребениях в Уре, хотя мул и лошадь, судя по изображениям, там уже были тогда известны. Все это, отодвигая вглубь бронзовой эпохи Триалетские курганы, не дает еще, само по себе, достаточного материала для более определенной их хронологической локализации.

При этом курганные погребения вовсе не представляют собою однородной группы, но резко делятся, по крайней мере, на два главных раздела, несомненно хронологического характера, с подразделениями еще внутри них. В связи с этим мы встречаемся со вторым крупным затруднением,—правильно оценить относительный возраст различных курганных типов. На помощь должны притти для этого местные памятники с естественно погребенными культурными слоями, но к сожалению последние еще слишком мало были подвергнуты изучению, вследствие строго целевой направленности отпускаемых Отделом охраны памятников культуры средств на объекты, которым угрожало уничтожение. Удалось только, как увидим ниже, установить с полной определенностью древнейший энеолитический слой в районе Бешташской циклопической крепости, где этот слой представлен чрезвычайно характерной фацией очень развитого керамического производства, одновременно архаичного по приемам и, в своем роде, совершенного по выполнению.

Возможность обнаружить известную типологическую связь курганных комплексов и особенно одного из них с этим слоем, дает некоторые положительные основания для суждения о последовательности курганных типов и об общем тяготении, даже более хронологически молодой из них, скорее вниз сюда, чем вверх к сравнительно новой культуре наиболее древних цалкинских могильников.

Как уже сказано выше, количество вскрытых мною в Триалети курганов достигает сорока двух. Раскопка многих из них оказалась сложной и трудоемкой. Достаточно указать, что курган № XXXVI (рис. 90), имевший в высоту 5 метров (табл. LX₂), заключал в себе колоссальный „погребальный зал“ в 175 кв. метров площадью со стенами, сложенными из камня на сухо и сохранившимися до высоты 4-х метров (табл. LXII₂ и LXIII₁), что некоторые погребальные ямы (кург. № X) диаметром 5—3,5 метров, погружались до глубины 8 метров от поверхности грунта (табл. CXIII), не считая высоты курганной насыпи (рис. 107), что размер других (кург. № XVII) достигал до 14 метров длины, 8,5 метров ширины при 6 метрах глубины. Понятно, что очищение одной лишь могильной ямы таких курганов и препарировка погребального дна требовали массу времени и напряженной работы.

При этом, несмотря на большие размеры ямы, ее местоположение не всегда легко обнаруживается (рис. 108), поскольку ямы часто располагаются эксцентрично в отношении насыпи, занимающей, при расплывчатости ее формы (табл. LX₁), нередко площадь до двух и даже трех тысяч квадратных метров. Всем этим объясняется, почему многие из триалетских курганов, несмотря на простое их строение и на богатый иногда инвентарь, сохранились от полного разграбления до наших дней.

1. Курганные погребения эпохи крупных государственных образований в Малой Азии и Месопотамии в середине 2-го тысячелетия до нашей эры

Курганы, включаемые нами в эту группу, отличаются наличием, среди погребального инвентаря, предметов из драгоценных металлов, именно золотых и серебряных кубков, отдельных частей личного убора, золотых узорных обкладок частей погребального штандарта, золотых обивок деревянных изделий, в частности архитектурных деталей. Редкость предметов вооружения является одной из характерных черт инвентаря триалетских курга-

II

КУРГАННАЯ КУЛЬТУРА ТРИАЛЕТИ В ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕГО ЭТАПА ДРЕВНЕЙ БРОНЗЫ

Курганные погребения Триалети отличаются одной общей особенностью, которая выделяет их в особую группу, сравнительно с множеством курганных погребений Азербайджана и Армении. Это—то обстоятельство, что, насколько возможно пока судить, курганы Триалети, подобно и местным ящичным могилам, предназначены не для коллективных, а индивидуальных погребений, хотя и использовались в более позднюю эпоху для последующих захоронений. Другой, еще более существенной, их особенностью является резкое различие заключенного в них вещевого материала от инвентаря могильников всех рассмотренных нами выше эпох, в то время как погребальный инвентарь курганов Азербайджана и Армении, напротив, в большинстве случаев неотделим, по характеру и времени, от простых ящичных погребений прилегающей к курганам территории.

Создается таким образом некоторый трудно объяснимый разрыв, который не позволяет сразу ориентироваться в том хронологическом месте, какое принадлежит курганным погребениям. Особенно затрудняет то обстоятельство, что не найдены нами пока рядовые погребения, синхроничные курганам, которые, не только по заключенному в них, часто богатейшему, инвентарю, но и по затраченному на их сооружение огромному труду, предполагают существование простых нетрудоемких могильников. Считать за последние какис-либо из рассмотренных выше, совершенно невозможно, так как не удается ни в одном из них обнаружить присутствие сколько нибудь соответствующих, по характеру, курганным образцам глиняной посуды или бус, или каких-либо иных вещей.

Особенно замечательно своеобразие керамики, которая, при больших различиях в разновременных курганных комплексах как по формам, так и техническим приемам выделки, несет на себе черты некоторой общности, именно в способах лепки и обжига и особенно склонности к ангобированию поверхности, что не отмечается совершенно в керамике могильников, как местных, так и соответствующих им по времени в других районах Южного Кавказа.

Все это и заставляет нас искать хронологическое место для группы курганных погребений, в целом, вне тех временных пределов, в которых заключен уже выше рассмотренный ряд могильников, поскольку в этом хронологическом промежутке невозможно ни поместить, ни удовлетворительно понять своеобразные особенности курганной культуры. Действительно, высота ее художественно-технических проявлений тесно связана с архаизмом ее хозяйственного уровня, даже сравнительно с самым древним здесь Бешташским могильником. Не только характерно полное отсутствие следов знакомства с железом, но даже и бронза не находит себе полного применения, как например, в изготовлении наконечников стрел, которые в курганах, в противоположность всем здешним могильникам, исключительно обсидиановые и кремневые. Еще более существенным обстоятельством яв-

нов: найдено всего несколько обсидиановых и один кремневый наконечник стрел, одно бронзовое копье, прекрасной работы, и три кинжалных клинка, серебряный и два бронзовых.

По характеру погребений курганы этого возраста разделяются на два типа: курганы ямные и безъямные. Те и другие предназначены для погребения только одного лица. Внешне эти курганы неразличимы друг от друга и часто находятся в перемежку в одной группе или в одной линии. Иногда курганы с большой могильной ямой обнаруживают более или менее заметный провал в центральной части насыпи, например, у кургана № XV, где

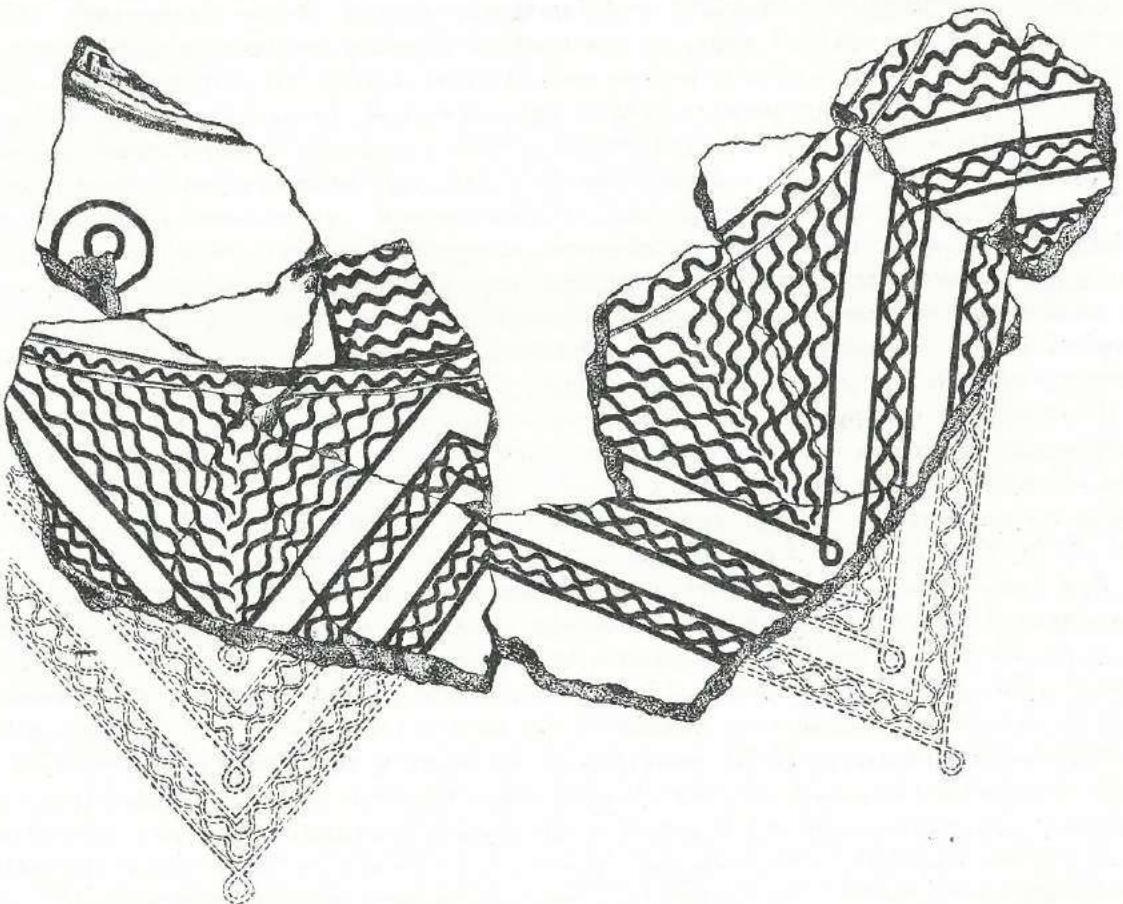

Рис. 89. Фрагмент красноокрашенного чернорасписного сосуда из кургана 1 „Биук Тепе“. В $1/2$ нат. велич.

насыпь производила впечатление сильно уплощенного четырехугольного вала. Однако в других случаях, особенно у высоких курганов, как например „Биук Тепе“ (курган № 1) это явление совсем отсутствовало.

Материалом для насыпи для обоих типов этих курганов чаще всего служит камень (обыкновенно валуны и крупный булыжник) или вместе с землей или, как в верхней Цалке и у озера Табискури, в чистом виде (табл. LIX₂). Иногда насыпь безъямных курганов имеет как бы структурный характер. Она тогда состоит из нижнего слоя крупных камней, из более или менее густой присыпки известнякового белого щебня, и из верхней засыпки — камнем среднего размера с землей (табл. LXIV₂). В одном случае в ямном кургане № XVI оказался в нижнем слое насыпи сплошной покров из очень крупных камней.

Погребальные ямы в курганах указанной эпохи имеют, повидимому, всегда форму слегка вытянутого четырехугольника, ориентированного длинной осью с востока на запад.

Площадь дна наиболее крупных из них достигала сотни квадратных метров и устилалась, подобно как в большом Майкопском кургане на Северном Кавказе, плетеной, видимо, камышевой цыновкой (табл. LXXI₂). Стенки ямы всегда удавалось отпрепарировать (табл. LXXI₁). Очень часто приходилось наблюдать наклонный спуск в яму, „дромос“, со стороны восточной (табл. LXV) стенки. По истлевшим остаткам дерева в верхних частях оползней стенок ямы, а в одном случае (курган Биук Тепе) и по сохранившемуся ряду дубовых бревен, можно полагать, что погребальные ямы закрывались бревенчатым накатом с одного края на другой. Поверх бревен насыпался курган. Со временем края ямы оползали (особенно под давлением тяжелой насыпи) и засыпали, вдоль стенок, дно. Яма расширялась и, наконец, бревенчатый накат проваливался внутрь. Впоследствии, если не было специальных условий для консервации дерева (например, постоянного водного режима под слоем глины с малым доступом воздуха), бревна гнивали и от них почти не оставалось следа. Яма оказывалась заполненной сплошь камнем насыпи, который задавливал вселоженное на ее дно при погребении. Ни одного глиняного сосуда не удалось поэтому встретить в курганах в сколько нибудь целом виде. Большинство добытой посуды требовало восстановления из 200—250 кусков*.

Ни в одном из больших курганов этого времени, несмотря на всю тщательность препарировки, человеческих костей не обнаружилось. Это заставляло нас подозревать, при удовлетворительной в то же время сохранности костей животных, что мы имеем дело с кремацией, но покойник сжигался где-то вне кургана, в кургане же помещался лишь его сожженный прах, так как угли встречались лишь в виде небольшого количества разбросанных по дну ямы мелких частиц. Однако попытки обнаружить обожженные кости покойника или золу в связи с черепками глиняных урн не увенчались успехом и вопрос остался открытым. Только недавние публикации записей хеттского ритуала кремации царей в Хаттушаше (287) позволяют поставить вопрос, не клался ли сожженный прах, как там, просто на устланное ложе, что создает, в условиях наших курганов, минимальные возможности для его сохранения и обнаружения. Правда в нескольких случаях были находимы нами плохо сохранившиеся коронки зубов, но это скорее свидетельствовало о случаях ингумации при полном истлевании костей. Действительно в одном маленьком кургане № XXII, отступавшем по инвентарю и обстановке от остальных (золотая булавка, в миниатюре напоминающая гигантские бронзовые булавки Северного Кавказа с плоской двухвалютной головкой), был найден костяк, лежавший в позе человека, поставленного на колени и опрокинувшегося затем навзничь (табл. CX₁).

Есть основание думать, что в большие ямные курганы прах покойника ввозился по дромосу и погребался на деревянной колеснице, упоминающейся и в хеттском погребальном ритуале под сумерской идеограммой *GIŠMAR. GID. DA*, то есть грузовая телега, в отличие от *āšappaš* (*GIŠGIGIR*) колесницы для сидения. В одном случае в кургане XXIX, в местности Сабит Ахча, то есть, вероятно, Сапитиахшо (288) (по-грузински „место птицахшов“ — правителей древней Иберии, видимо их летняя резиденция) на высоте 1800 метров над уровнем моря погребальная тяжелая четырехколесная колесница сохранилась почти полностью (табл. CVII), благодаря проникавшему в курган роднику (табл. CVIII₂). В других случаях наблюдались на дне курганных ям глубокие колеи с остатками дерева от колес. Колесницу ввозили, видимо, на руках „народом“ или же, быть может, помощью быков в постремчатой упряжи (следов дышла и оглобель не наблюдалось). Любопытно, что в одном из курганов № XV удалось отпрепарировать уложенные особым образом, по сторонам средней оси ямы, остатки двух быков (табл. LXVI): параллельно лежали два черепа

* Работа по реставрации керамики производилась в специально организованной при Государственном Музеи Грузии лаборатории.

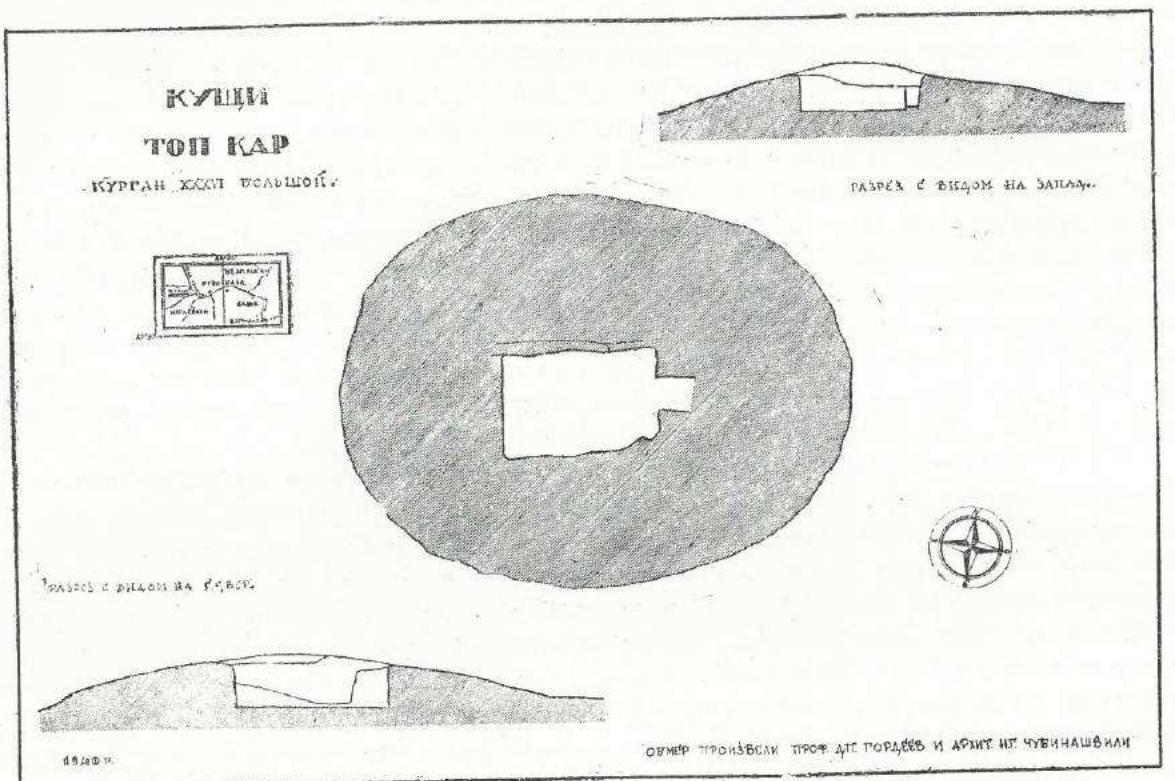

Рис. 90 а.—Сводный чертеж плана и разрезов кургана XXXVI „Топ Кар“ с погребальным залом. В $1/500$ натур. велич.

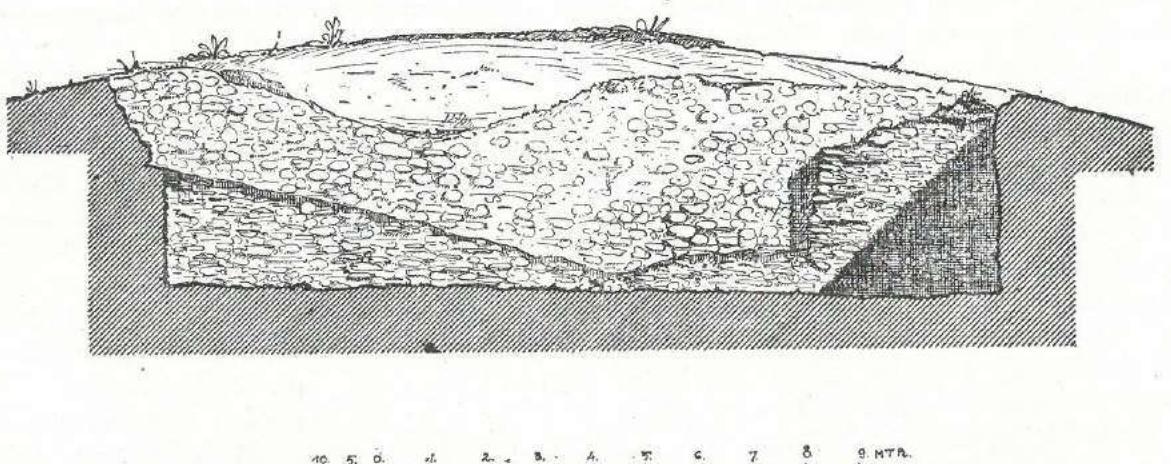

Рис. 90 б.—Разрез с видом на север погребального зала в кургане „Топ Кар“.

и сзади их, друг за другом, по паре ног передних и задних с копытами, начиная от голено-стопного сустава. Никаких других костей при этом не имелось. Производило впечатление, что на дно могилы были постланы две бычачьи шкуры, снятые так, что череп и концы ног были оставлены в шкуре. Подтверждает это предположение другой случай, когда в кургане № VII, с подобным же сочетанием костей быка, оказались лежащими в ряд пять последних хвостовых позвонков, при отсутствии остальных (табл. LXX₁).

Возможно, что шкуры должны были имитировать привезших покойника животных в его дальнейшем загробном путешествии, после того как быки были убиты и мясо их пошло в погребальную трапезу, от которой покойник также получил, судя по костям грудины в стоявшем посреди ямы медном котле, значительную долю. Груды костей крупного и мелкого рогатого скота и свиней оказывались часто заполняющими края ямы. В целом ряде случаев в курганах №№ XV, XVII и XXXIV была обнаружена, кроме того, полная туша быка, уложенная на подъеме дромоса головой вверх (табл. LXV). Вдоль краев яма обставлялась рядами крупной глиняной посуды.

Обстановка погребальной площади безъямных курганов вполне соответствует дну ямных. Труднее составить представление об устройстве покрытия в курганах с погребением на поверхности грунта. Вследствие легкой воздухопроницаемости каменных насыпей, от дерева обыкновенно не остается и следов. Однако, вряд ли можно допустить, чтобы покойник в окружении своего инвентаря просто заваливался камнем, в то время как в яме для него создавалась весьма поместительная камера. Судя по замечательной находке 1940 года в кургане № XXXVI у сел. Кудши, и в безъямных курганах для покойника строилось помещение на поверхности грунта. Так в большом кущинском кургане оказался под насыпью вышеупомянутый обширный погребальный зал в 175 кв. метров площадью, с каменными стенами сухой кладки, сохранившимися до высоты четырех метров, с широким коридорным ходом, типа дромоса ямных курганов (рис. 90 а, б).

Ориентировка этого единственного в своем роде зала с востока на запад, инвентарь (обсидиановые стрелы, фрагмент бронзового копья, серебряная булавка с богато орнаментированной золотой головкой, золотые узорные обивки (табл. CIV) и керамика с типичным мастерски выполненным узором) и весь характер погребальной обстановки также полностью соответствует ямным погребениям, даже наличие циновки на полу. Поражает лишь в данном случае грандиозность погребальной камеры, предназначеннай для одного лица.

Если действительно остановиться на предположении кремации покойника, как в погребальном ритуале хеттских правителей, это сооружение может соответствовать так называемому „каменному дому“, где сожженный прах хеттского царя или царицы помещался на особое ложе, совершались жертвоприношения быков и овец и куда приносились драгоценные дары (золото и серебро) покойнику (287). Открытый нами каменный зал несомненно имел деревянное покрытие на столбах. Золотая обшивка какой-то деревянной детали (ступенчато-резной колонки 12 см в диаметре, может быть, от погребального ложа), найденная

Рис. 91 а.—Тонко-стенный чернолощеный, со светлой подкладкой, сосуд из кургана XI. В $1/4$ нат. вел.

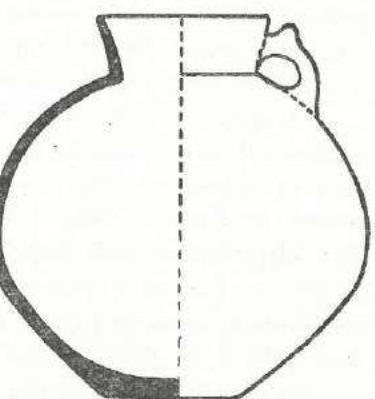

Рис. 91 б.—Сферический глиняный кувшинчик из кургана XVII. В $1/4$ нат. велич.

на дне зала под камениной засыпью, указывает действительно на его некогда роскошное убранство.

Керамика в курганных погребениях обоих этих типов представлена, главным образом, крупными сосудами в форме „пифосов“, без ручек или с двумя маленькими ручками на плечиках, с отогнутым, хорошо выраженным, венчиком, сидящим прямо на корпусе без шейки (табл. LXXVII, LXXX и LXXXIII₃ и ₄), и „гидрий“ без ручек с невысокой шейкой, переходящей в красиво отогнутый венчик (табл. LXXXIII, LXXXII, LXXXVI и LXXXIII₁ и ₂). По характеру глины, обжигу, обработке поверхности и по орнаменту, вся керамика делится на отдельные группы, то встречающиеся совместно, то характеризующие разные курганы. Возможно выделить прежде всего красноглиняную расписную керамику (рис. 89), различающуюся, в свою очередь, на керамику с красной обмазкой под черную роспись (табл. LXXXI—LXXXIII) и на керамику с беловатым ангобом, также под чернобурую роспись (табл. LXXVII—LXXX).

Оба эти вида расписной светлой керамики встречаются, в противоположность таза-кендской древней группе расписной керамики, всегда совместно с керамикой, имеющей черную лощеную поверхность, обыкновенно, при розоватом черепке с внутренней стороны сосуда. Этому последнему обстоятельству я придаю особое значение, так как оно резко выделяет курганный группу лощеной посуды от могильной, где и лощеная керамика имеет черный цвет черепка насквозь, и объединяет ее с еще более древней керамикой энеолитического слоя.

Наряду с подобной черной керамикой имеется еще, в сочетании только с ангобированной белой глиной расписной керамикой, особая посуда (повторяющая те же формы) из очень тонко-зернистого серого глиняного теста, мягкого настолько, что черепок пишет по бумаге (табл. LXXV).

Этот последний сорт керамики встречается еще в виде особой группы, состоящей из небольшой величины сосудов, обладающих тонко лощеной поверхностью, покрытой остро-резным орнаментом в комбинации с поперечной и продольной участковой гофрировкой (рис. 91 б и табл. LXXXVI). С первого взгляда, по тщательности обработки поверхности, эта керамика кажется похожей на более позднюю ящичную группу сосудов с территории Азербайджана в виде кувшинчиков с двумя и тремя выступающими вверх за венчик ручками (289) типа, найденного Реслером в Ганджинском районе вместе с инкрустированной белым керамикой, но ни по обработке глиняного теста, ни по профилям, ни по орнаменту триалетскую посуду сопоставить с этой не удается. Керамика этого типа была встречена нами только в одном разграбленном кургане № XI в виде фрагментов от нескольких сосудов и в сопровождении одного черно-лощеного крупного сосуда, без возможности сочетать ее с каким-либо иным погребальным инвентарем.

Следующей характерной группой керамики, не встречающейся обыкновенно одновременно с рассмотренными, является более грубая темно-бурая, недостаточно обожженная, из глины крупно-комковатой структуры (как бы с шамотовой примесью), с глубоко резным геометрическим орнаментом, ближе всего стоящим по технике выполнения к орнаментам инкрустированной белым керамикой Ганджа-Карабахского района, которая также отличается, при богатстве и своеобразии орнаментальных мотивов, лубочной решительностью выполнения, отсутствием вторичной обработки поверхности сосуда и относительной грубоостью глиняного теста. Но белой инкрустации на триалетской курганной посуде наблюдать вовсе не приходилось, так же, как и типичных для последней мотивных элементов и их композиционного сложения. В этом отношении описываемая группа триалетской курганной керамики также совершенно своеобразна (табл. LXXXV₂).

Эта керамика также находится совместно с керамикой иного более плотного и тонкого теста, с черной лощеной поверхностью при розоватой подкладке, как вышеописанная, но с иным декоративным оформлением, представляющим собою крупный выпукло-вымечтый узор из системы волнистых горизонтальных лент и углублений (табл. LXXXV₁).

Эта последняя группа керамики встречается еще в виде особого варианта посуды мелкого размера, прекрасно лепленой из отмученной глины, тонкостенной, с нежной шлифованной поверхностью. В этом виде эта керамика как бы перекликается по качеству с вышеописанной гофрированной, но отличается от нее криволинейным орнаментом и формой низких и широких двуушных чаш, рода „скифосов“, употребляя греческий термин (табл. LXXXIV₅, ₆). Этот тонкостенный вариант был встречен только в одном кургане с крупным черно-лощеным сосудом с двумя ручками на плечиках без всякого металлического инвентаря.

Таким образом, по характеру посуды, курганы описываемого разряда Триалети могут быть разделены на три главные группы и две побочные, из которых последние представлены каждая только одним случаем без сопровождавшего керамику металлического инвентаря.

Совершенно определенную керамическую группу образует комплекс сосудов красно-окрашенных, расписанных спускающимися по плечикам шевронами, заполненными внутри зигзагообразными линиями, типичными для эламской керамики („схема воды“) (290), и отдельными изображениями (свастика, фигуры гусей) между ними, и сосудов с черной полированной поверхностью, иногда в узор, с нарезным и простым налепным орнаментом (круглые шишки, реже—шпалки).

Другую группу составляют замечательные сосуды с ангобированной беловатой глиной и лощеной поверхностью, орнаментированные черно-буровой глянцевой краской сложным узором, состоящим из ряда различных элементов, окружного меандра, спиральных волют, извилистых линий, шахматных полей, ступенчатых лесенок, связанных в метопы, фризы и систему шевронов, с отдельными фигурами в промежутках, в виде солярных символов (дисков, концентрических колец, розеток и пр.) и, вместе с ними, черно-лощеная керамика с прямолинейным геометрическим узором, нанесенным тонким гребенчатым пунктиром, в виде ленточных углов и знаков креста, свастики и трапециевидной фигуры между ними (табл. LXXIV). Этой группе сопутствует также и выше охарактеризованная крупная серо-глиняная керамика с мягким пишущим черепком и кроме того (как в кургане XVII) небольшие кувшинчики (табл. LXXXIV₁, ₂) с шаровидным корпусом и цилиндрической шейкой, тонкостенной лепки из серой глины (рис. 91 а).

Наконец, третью группу образует грубоватая керамика с глубоко резным орнаментом и сопровождающая ее черно-лощеная с крупным выемчато-выпуклым волнистым поясом (табл. LXXXV).

Реальность керамических групп подчеркивается отчасти и сопровождающим их металлическим инвентарем. Так, филигранная и зерневая отделка драгоценной посуды и украшений, а также чеканка изобразительных сюжетов засвидетельствованы пока исключительно в курганах с керамикой второй и частью третьей группы. Сюда же относятся и серебряные клинки кинжалов и золотые височные завитки. Напротив, гладкостенные золотые и серебряные чашечки, изготовленные ковкой на вращательном станке с концентрическими выдавленными углублениями и валиками на дне (табл. СII), скорее присущи погребениям с посудой, образующей первую группу. С этой последней оказались найденными в кургане № XV также единственные образцы: бронзовое втульчатое копье (табл. СVI) и бронзовый сосуд, представляющий собою тонкостенную, выкованную из цельного куска, вазу с полу-шарным корпусом на полой ножке и с ручкой в форме ведерной дужки (табл. LXXXVII). Сопровождающими все виды керамики в рассматриваемых курганах Триалети являются изде-

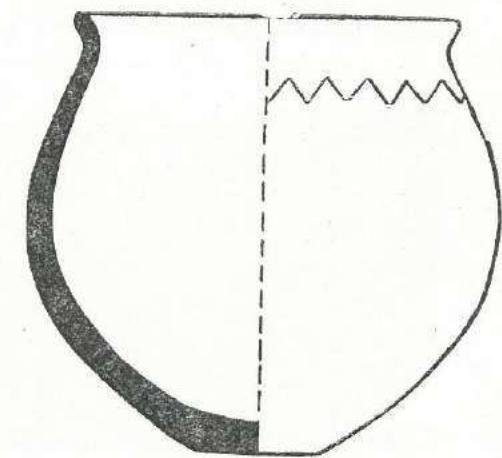

Рис. 92. Грубоглиняный сосуд из каменного кургана XXVIII в урочище Сабит-Ахча, с тремя рельефными свастическими фигурами. В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

лия из тонкокованного золотого, а также серебряного листа, иногда на медной подкладке, вместе с ней обработанной металло-пластическим кружковым, шишечным и прямолинейным орнаментом (рис. 105 и табл. CIII, XCVI, XCIX, CIV). Эти изделия служили обкладкой различных предметов из малостойкого материала (дерева, кожи, шерстяных шнурков и проч.).

Соответствуют также в значительной степени выделенным группам керамики и выше рассмотренные особенности в устройстве курганных погребений. Так, первая группа была

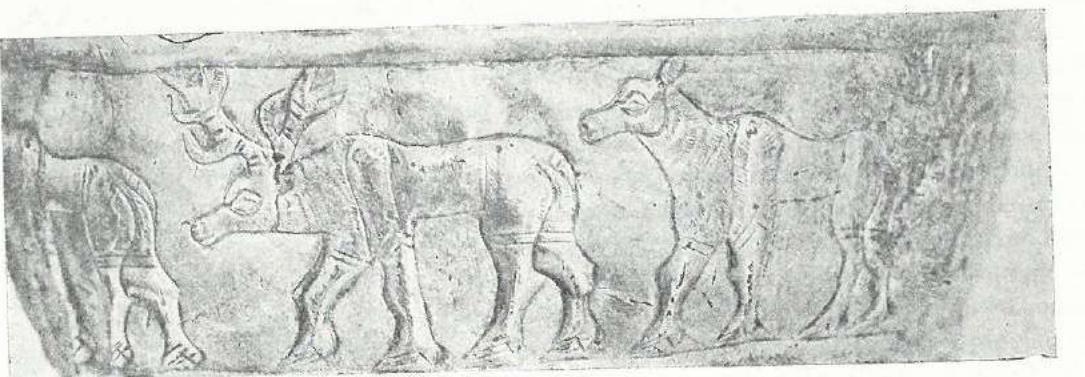
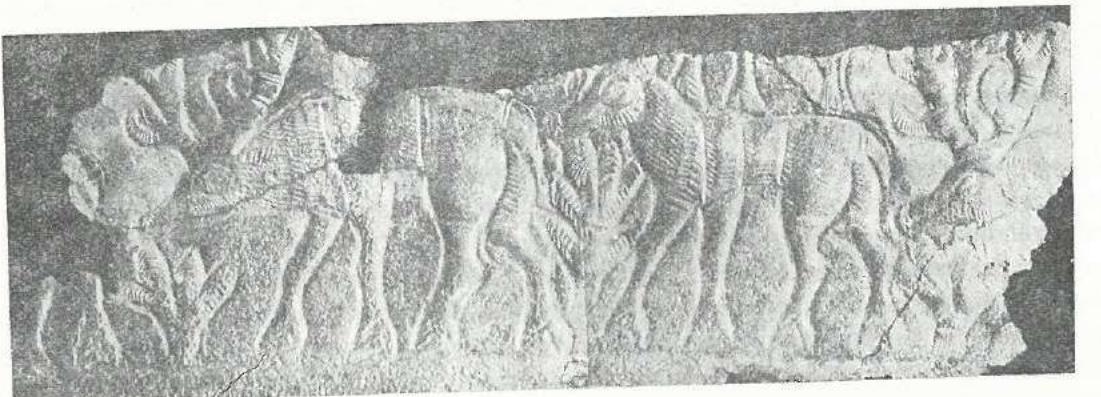

Рис. 93. Летали чеканки (олени) на серебряных ведерке и кубке из курганов XVII и V (Триалети).

встречена только в курганах с погребением в грунтовой яме, например, курганы №№ I, VII, XV, вторая наблюдалась как в ямных курганах, например, №№ XVII, XVI, так и в курганах с погребальной площадкой под насыпью просто на грунте №№ V, VI, иногда архитектурно обрамленной каменными стенами как в № XXXVI, наконец, третья группа сопровождается, повидимому, только курганы не имеющие ям, как например курганы №№ VIII, IX, XVIII.

Не берусь сейчас еще с полной уверенностью установить последовательность этих курганных типов. Если предположить возможность видеть в красной расписной керамике отражение так называемой эламской 2-го стиля (начало III тысячелетия), к которой наша керамика формально очень близка, тогда намеченный в описании порядок последовательности можно будет принять за хронологический, то есть в ангобированной керамике видеть следующую, более развитую стадию, а в третьей группе—последний этап жизни курганной посуды с редукцией керамической росписи.

Но в этом случае черно-лощеная керамика с выемчато-выпуклым узором отрывается (табл. LXXXV₂) от тонкой выемчато-выпуклой узорной керамики побочной группы (табл. LXXXIV₄ и 5), которая была нами встречена в ямном кургане № XXV, примыкающем, по своему характеру, ко второму, более древнему равделу триалетских курганов (см. ниже).

где выемчато-выпуклый узор, правда, совершенно иного стиля и на другого характера сосудах, тяготеет уже к орнаменту самого древнего энеолитического слоя. Трудно при этом находит себе место и другая побочная керамическая группа из кургана № XI с тонко резной и гофрированной поверхностью, не дающая никакого дальнейшего продолжения.

С другой стороны, если считать безъямную группу курганов более древней, а курганы с красной расписной керамикой более молодой, чем курганы с ангобированной керамикой, мы оказываемся в еще большем затруднении, так как тогда обычай погребения в курганах без ямы вклинился между ямными погребениями первого и второго (древнего) раздела триалетских курганов. Ангобированная керамика тогда, со всеми своими высокими качествами, окажется появившейся сразу без предшествующего опыта на месте, а красная в своем вырождении каким-то образом будет реставрировать в себе древнейший передне-зиатский стиль керамической росписи.

Для решения этого крайне ответственного в историческом отношении вопроса необходима более определенная опора, с одной стороны—в непосредственных свидетельствах памятников с культурными слоями, с другой—в типологии сопровождающего керамику металлического инвентаря, наконец—в обнаружении параллелизма рядов развития на соседних территориях Передней Азии. Что касается последнего, то надо сказать, что к сожалению ближайшие к Южному Кавказу районы Ванского озера*, Урмии, верхнего Ефрата слишком недостаточно изучены, а керамические филииации более удаленных мест Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Ирана, различаясь значительно и между собой, мало дают пока близких соответствий нашим памятникам, если только исключить самые широкие аналогии в роде упомянутого сходства со 2-ым эламским стилем или с беловатыми ангобами Гед Халафа и Алишарского холма (291).

Металлический же инвентарь курганов представлен, главным образом, драгоценными изделиями, настолько новыми и разнообразными по своему содержанию и выказывающими столь неожиданный уровень своего мастерства во всех случаях, что расположить его в енитические ряды непосредственно не представляется возможным, а соответствующие опоры в материале других стран Передней Азии найти очень трудно за отсутствием вообще подобного рода драгоценных находок, если исключить немногие известные случаи, как в царских погребениях в Уре, отчасти в Уруке, Тел Халафе или в недавно открытых куренными раскопками в Малой Азии погребениях в Алалжа Эйюк.

Только два памятника изобразительного характера в наших курганах, может быть, позволяют до известной степени говорить о преемственности одного от другого. Это серебряный кубок (табл. XCII) из кургана № V и серебряное ведерко (табл. LXXXVIII) с золотой отделкой из кургана № XVII. Оба эти предмета покрыты чеканным рельефным орнаментом. Кубок представляет собою выкованный из целого куска цилиндрический с округлым низом и полой ножкой сосуд, украшенный плоско гравированной лотосовой розеткой и двумя чеканными фризами, из которых верхний несет на себе изображение процесии из 23 одетых в хитоны лиц, предстоящих, с большими кубками в руках, перед сидящей на стуле без спинки такой же фигурой, с деревом за спиной, трехногим жертвенником, высоким сосудом и двумя длиннохвостыми животными (собака?) впереди (табл. XCII), а нижний—ряд следующих друг за другом девяти оленей, попеременно, самцов с яжелыми рогами и самок без рог.

Точно такой же ряд оленей изображен и в нижнем ряду композиции на ведерке. К сожалению, сохранилась лишь одна сторона ведерка, и то не вполне, тогда как другая его большая половина разрушилась полностью. Поддавшаяся реставрации часть стенки покрыта плошь профильными фигурами животных различных представителей местной охотничьей фауны, среди кустов и деревьев (табл. XC и LXXXIX): козлов, серн, козулей, оленей двух

* Отчеты о последних раскопках на озере Ван, произведенных в 1939 году Гарвардским университетом, еще не опубликованы.

видов, кабанов, густо заполняющих всю поверхность, подобно тому как мы это имеем на египетских палетках, золотой рукояти кремневого ножа, на луврской (AO 9386) киппадокийской палетке с охотничьей сценой (293) и других подобных памятниках, далекое отражение которых уже в эпоху поздней бронзы на Южном Кавказе возможно усмотреть в золотом полом цилиндре из погребения с конем в Арчадзоре с типичной сценой преследования копытных животных хищниками, хватающими их за круп (294), как на вышеупомянутых образцах.

Наконечники стрел, воткнутые в грудь некоторых животных на нашем ведерке, показывают, что мы имеем здесь дело с частью охотничьей композиции, от которой сохранилось лишь изображение охотничьей фауны. Нас в данный момент особенно интересуют тяжелорогие олени. Сравнивая ряд их, изображенный на ведерке, с тем, который находится на кубке (рис. 93), не трудно убедиться, что здесь мы встречаемся не только с памятником одного и того же художественного круга, но что ряд оленей на кубке и ведерке восходит к одному и тому же художественному прототипу, хотя на ведерке мотив идущих друг за другом оленей составляет часть обширной композиции, а на кубке выделен в отдельный фриз, в связи с горизонтальным членением его поверхности, как на ранне-династической египетской палетке с ослами. При этом и приемы художественного воплощения на кубке значительно изменяются, сравнительно с ведерком, в сторону канонизации формальных элементов и потери связи с зрительным восприятием. Действительно, вместо более непосредственной и жизненной передачи наблюдений природы, что чувствуется еще в свежем рисунке идущих оленей на ведерке, на кубке мы видим этот же самый ряд оленей, но перенесенным сюда в готовом виде с явной схематизацией не всегда понятных деталей первоначального образца, хотя и не в ущерб общей монументальности фигур животных.

Подобная зависимость между некоторыми изображениями на кубке и на ведерке заставляет считать первый несколько более поздним художественным продуктом, чем второе, а вместе с этим полагать, что курган № V с погребением на грунте моложе, чем богатейший курган № XVII с колоссальной могильной ямой, давшей упомянутое ведерко. Это, правда, до некоторой лишь степени в состоянии подтвердить последовательность перехода в Триалети от ямных погребений к безъямным, а не наоборот. В остальном курганный инвентарь ямных и безъямных погребений с керамикой второй, а также и третьей группы кажется принадлежащим к одному монолитному комплексу, тяготеющему к весьма ранним малоазийским, отчасти, эламским и месопотамским образцам и чуждому каким бы то ни было отражениям со стороны позднее развившихся ассирийского, ванского или ахеменидского искусства. В этом отношении очень показательна сопоставленная нами уже с ранне-египетской архаичной композиции охотничьей сцены на ведерке, напоминающая также киппадокийские и эламские печати с густым заполнением пространства непересекающимися фигурами целых животных, иногда и их частей (голов, окороков), в разных плащах среди деревьев, трактовка которых находит пока почти единственную аналогию в группе деревьев на вышеупомянутой ранне-династической палетке с ослами, отчасти в дереве на майкопской чаше, и не имеет ничего общего с изображениями деревьев в ассирийском искусстве. То же можно сказать и относительно формы священного дерева на кубке, полностью совпадающей с рисунком деревьев на ведерке.

Отсутствие людских персонажей, разрушенных на ведерке, восполняется кубком, художественная зависимость которого в трактовке оленей от ведерка заставляет предполагать, повидимому, еще и более глубокую смысловую связь между обоими памятниками. От возможности в дальнейшем правильно интерпретировать эти изображения и сцены зависит, особенно при отсутствии письменных и глиптических памятников, возможность наиболее глубоко войти в понимание эпохи и характера этой неожиданно открывшейся нам на территории Грузии древней высокой культуры. Сейчас мы в состоянии только высказать лишь некоторые предположения, которые смогут в известной степени помочь прежде всего хронологическим установкам.

Если действительно изображение охоты на ведерке и процесия на кубке, сопровождаемая оленым фризом, принадлежит одной группе религиозных представлений, то естественное всего видеть здесь культовую сцену, связанную первоначально с чисто охотничьим божеством. На это указывает и то обстоятельство, что предстоящие персонажи все снабжены спускающимися сзади пушистыми волчьими хвостами, подчеркивающими отношение изображенного ритуала к природной стихии диких животных. Однако, явно оседлый животноводческо-земледельческий характер триалетской курганной культуры, как это можно видеть по многочисленным остаткам домашних животных в погребениях, быка, мелкого рогатого скота и свиньи, а также по высокому уровню керамического производства, заставляют рассматривать первоначальное охотничье божество, если не в вполне трансформированном виде, то, во всяком случае, в условиях уже не охотничьего хозяйства. В таких случаях прочнее всего удерживаются черты, связанные с размножающей силой лесного божества — хозяина зверей, и сохраняется значение его, как возродителя природы, с выдвижением функции растительного роста и плодородия. Поэтому на кубке позади главного персонажа, сидящего на троне в форме табуретки, мы видим изображение священного дерева или дерева жизни, с вытекающими из под ствола двумя струями воды. Это как бы сосна Атиса или растущий у воды кедр Озириса-Бата (297), к мифологическому образу которых имеет отношение и шакаловидный бог Анубис (298), или, как подсказывает академик В. В. Струве (299), это кедр владыки горного леса Хумбабы, страшного противника Гильгамеша и звероподобного Энкиду, вавилоно-хурритского эпоса.

Все члены процесии на кубке одеты в короткие, отороченные бахромой, разрезные с подола до ворота запахивающиеся хитоны без пояса (300), узкие ноговицы и обувь с загнутыми вверх носками (301), то есть костюм, хотя и своеобразный, но с чертами одежды сиро-хеттского культурного круга (рис. 94). Туда же тяготеет и композиция с длинной вереницей однородных фигур, подобно как на скальных барельефах в Язили Кая, с головами, повернутыми исключительно в профиль, что Герцфельд (302) отмечает, как характерную черту и для архаического выпукло-чеканного фриза с праздничной процессией на бронзовом сосуде 3-го тысячелетия из Нигавенда, где однако позы и движения персонажей, изолированно расположенных друг за другом, отличаются некоторым разнообразием, подобно как и на мозаичных штандартах из Ура. Только еще в древнем египетском ис-

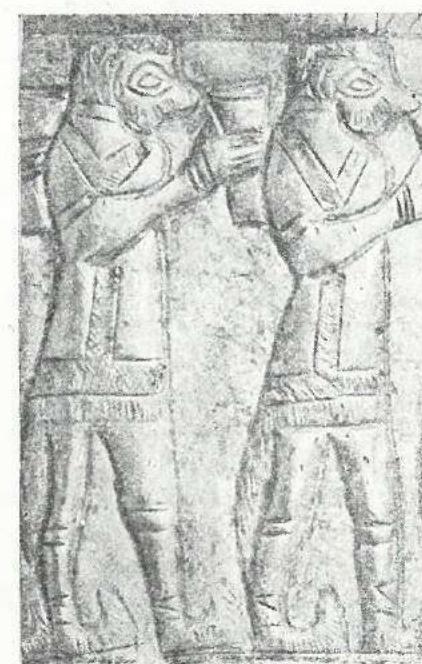
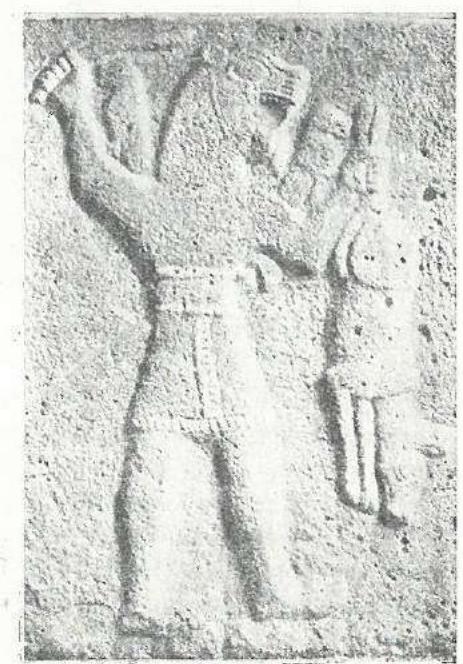

Рис. 94. Фигуры с культовой сценой на серебряном кубке из Кургана V (Цлк. р-и) и хеттский каменный барельеф из Каркемиша.

культе можно находить примеры изображений длинных процессий из десятков совершенно одинаково трактованных профильных фигур, однако частичное пересечение между ними не избегалось там даже на древнейших памятниках.

Лица на нашем кубке, кажущиеся с первого взгляда звероподобными масками, на самом деле могут являться просто грубым, соответственно вышеотмеченной манере чеканки олениного фриза, воспроизведением хорошо известного по барельефам из Зенджирлы „хеттского“ профиля с сильно выступающим носом и маленькой бородкой на уходящем назад подбородке (рис. 95). Что лица здесь действительно человеческие, подтверждается заметным у некоторых фигур положением рта и очертанием уха, не выступающего вверх, а отмеченного за задним углом крупного глаза*. Таким образом, хвосты, которыми снабжены все персонажи, могут иметь здесь такой же характер пережиточно сохранившегося в костюме ритуального атрибута, как волчие же, ливийского происхождения, хвосты на облачении египетских фараонов.

Все это, указывая на сильное разложение охотничьего мировоззрения, в то же время не оставляет сомнения в первоначально волчьей тотемической основе, взрастившей интересующее нас культовое изображение. На этом основании возникает вопрос, не принадлежит ли кубок, так называемому, волчьему народу Малой Азии, лувийцам (ливийского же происхождения по Фореру) (208), идеограмма которых UR.BAR.RA, по-сумерски читается „волк“, „чужая собака“, тем более что и хеттско-несийское наименование лувийцев lu-ii-li, этиологически сближается с латинским lupus „волк“, как и имя другой малоазийской народности ликийцев (Lukki?) (381) с греческим λύκος, тоже волк (303). Однако приурочение кубка к этим народностям, локализуемым в западных и южных частях Малой Азии, если не видеть в луспенах Плиния (VI, 28) лувийцев (357), вряд ли правомерно, поскольку, с одной стороны, кубок, тесно связанный со всем остальным богатым триадетским курганным комплексом,

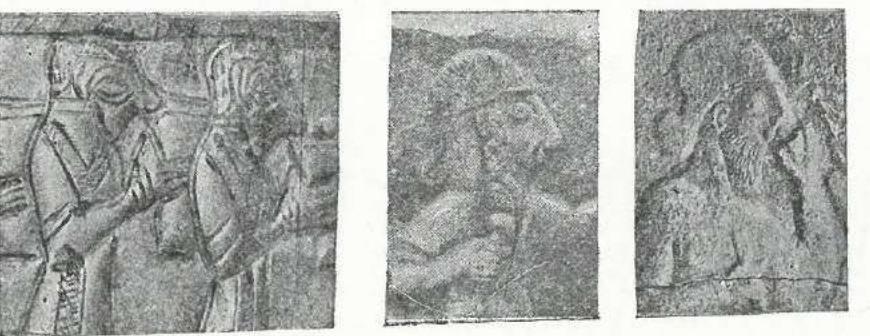

Рис. 95. Профили лиц с изображениями на серебряном кубке из кургана V и на каменных барельефах из Зенджирлы.

интересующее нас культивое изображение. На этом основании возникает вопрос, не принадлежит ли кубок, так называемому, волчьему народу Малой Азии, лувийцам (ливийского же происхождения по Фореру) (208), идеограмма которых UR.BAR.RA, по-сумерски читается „волк“, „чужая собака“, тем более что и хеттско-несийское наименование лувийцев lu-ii-li, этиологически сближается с латинским lupus „волк“, как и имя другой малоазийской народности ликийцев (Lukki?) (381) с греческим λύκος, тоже волк (303). Однако приурочение кубка к этим народностям, локализуемым в западных и южных частях Малой Азии, если не видеть в луспенах Плиния (VI, 28) лувийцев (357), вряд ли правомерно, поскольку, с одной стороны,

* Во всяком случае наиболее спорна попытка П. Н. Ушакова, в только что появившейся интересной и содержательной статье о генезисе индоевропейских и картвельских языков (309), увидеть здесь маски животного, почти лишенного глаз, именно крота, исходя из неубеждающего представления о родстве латинского слова крота talpa с именемprotoхеттского бога весны и растительного возрождения Telibinu (292). Последнее исключается ясной протохеттской этиологией этого имени, что легко видеть из сопоставления Telibinu или Telipinu с Нетебину, именем его супруги, и Нелибину, именем другого бога, где выделяется основа binu (или pinu), по-хаттийски „дитя“ (311). В слоге le-, li- легко узнати protoхеттский префикс множественного числа, а te-, ti- имеют, видимо, то же значение местоимения или предлога, как в названии древних малоазийских слогов Ti-ura и Ti-li-ura, которые Форер (324) переводит „(город) источник“ и „(город) источников“. Следовательно Te-li-binu можно переводить „(бог) детей“, как-бы в смысле плодородия или возрождения.

Таким образом, если даже изображение на кубке окажется относящимся кprotoхеттскому Теллбину, культе которого, судя, быть может, по сванскому фаллическому празднику плодородия с восклицанием „melia telepia“ (согласно свидетельству этнографа свана Арсения Ониани) или „melia tulepia“ (согласно акад. А. Г. Шанидзе), чему И. А. Джавахишвили дал (356), правда, иную этиологию, исходя из грузинского и дагестанских языков, и по некоторым географическим названиям, например гурийскому названию Чохатаурского хребта Толебской горой tolabis тѣba (126) (возможно вместо tolebinus, как dabis вместо dabaij < *dabani—„сено“ (317) или же по аналогии с окончанием род. мн. числа), а также колхидской крепости Тѣлеби (Agath. II, 20—22), с которой проф. С. Г. Каухчишвили (295) отождествляет остатки крепости у сел. Толеби, мог иметь место в Грузии, то конечно, без всякой связи с кротом.

является чисто местным изделием, а не импортированной вещью, с другой—сама распространность пережитков волчьего тотема в Малой Азии и на Южном Кавказе значительно выходит за пределы местобитания лувийцев и ликийцев. Так Н. Я. Марр указывал по другому поводу, что в определенных стадиальных условиях, сохранявшихся еще в эпоху христианизации и в Каппадокии, и Армении, и Иберии—Грузии, „массовое население, увязанное тотемически с предшественниками хеттами и халдами“, пользовалось широко волчьими именами. В этом отношении может представлять интерес, что основа этнических наименований западных грузин,—гурийцев (gur'ov—* gwer'ov)*, мегрелов (первично tše-ger'ov и имеретин-имеров (iber'ov—* hiber'ov—* hver'ov—* gver'ov), а именно: ger—gwer—созвучна в мегрело-чанском языке слову „волк“, geri, gweri. На этом основании Н. Я. Марр полагал возможным видеть и в сказочном мегрельском герое Geria не простое нарицательное слово „волчонок“, а эпонима мегрельского народа, поскольку и форма этого слова является формой фамильных и племенных названий. Эти моменты, так же как и живучесть по всему Средиземноморью преданий о волкоголовых, собакоголовых людях (296), даже христианах, кинокефалах и „кинетах“ (Куунтес), вскрывают в известной мере ту идеологическую атмосферу, на более ранних стадиях развития которой происходило оформление ритуальной сцены на серебряном кубке. Вспомним хотя бы рассказ в апокрифическом хождении ап. Андрея и Варфоломея к парфянам и эламитам, как, при помощи человека, из земли

* Выяснение одной общей основы *gwer в различных наименованиях западно-грузинских племен было сделано Н. Я. Марром еще в 1905 году (304), когда им была устранена народная этимология названия Имеретии в смысле страны „по ту сторону“ и установлена полная, более древняя форма *tše-ger имена: *tše-ger, *hiber, * hiver, откуда и произошло древне-греческое название Грузии Ιვηρία—Иверия. Диалектическая разновидность этого термина *gwer с подъемом й в г претерпевает дальнейшие видоизменения или через слияние че в и (gur), или через выпадение в (ger). Та и другая форма находится в местных географических названиях. Первую мы видим в имени Guria Гурия из *Gveria с окончанием подобным как в Ιვηρία, а также в сирийском, арабском и средне-персидском названии грузин gur-zan, gur-з, շուշ с суффиксом племенных названий շ resp. զ, откуда по Н. Я. Марру и происходит русская „Грузия“ (< *Gur-ziya) и европейская „Georgia“. Та же основа находится в названии главной реки Мегрелии Inguri, Enguri, образованном (с префиксом места Ին շ սի и обычным в мегрельском языке носовым наростиом, то есть по И. Кипшидзе (310) в значении страны gur'ov, gwer'ov—Мегрелии. Другим названием Мегрелии, известным в устах соседей, древних армян, является параллельное образование от второй формы той же основы—Eger եղեր, сохраняющееся в иной огласовке и с позднейшим перебоем ց վ ն в наименовании Аджария Աշար. Этот же термин с утратой беглого ե встречается в древне-грузинском названии всей Западной Грузии Egtisi ეցի սի и в древне-армянском гречесизированном названии Мегрелии Egr-ew-iki Եղրեւիկ (306) (у Птолемея V 9,4, Εγρικτιζήρ у Плиния VI 14 Кегритика Egritice (307), где по мнению акад. С. Н. Джанашиа (303) мы имеем перенос нарости կ в последнем слоге основы в начало слова), в котором слово egrew без греческого суффикса—ից կ является полностью параллельным образованием современному абхазскому названию мегрелов с обычным абхазским префиксом а- и показателем множественности -wa agt-wa (306). В Имеретии и Мегрелии также сохранились следы этих форм в географической номенклатуре, но с характерным перемещением внутри основы gr, gvr, поскольку в мегрельском звуке г склонен даже к нарости перед задне-небным г, как A-tgv-ədi (310) (название провинции в Имеретии) из * A-gver-ədi, E-rg-eta (местечко к востоку от Анаклии) из * E-gr-eta (303). Подобный же перемещенный характер основы имеет и само название мегрел с типичным грузинским префиксом մ, возможно, согласно акад. А. Г. Шанидзе, еще чано-мегрельского происхождения, хотя, судя по суффиксу al оно скорее является, по его мнению, картвельским, մ-a-rg-ali, из * մ-a-gr-ali, в каком виде это наименование сохранено Птолемеем в названии народности manral (с очевидной ошибкой при переписке ւ вместо ւ 312) в стране Екристике. Картвельское название мегрел մ-egre-əli явно обнаруживает свое происхождение, по свойству грузинского языка, от Egr, Egtisi, как на это указал еще К. П. Патканов (подобно մ-egypt-əli египтян от Egypte). Сами мегрели чаще применяют к себе совсем иной термин օդին-ա՛, формально состоящий из названия страны օ-դին-ի чано-мегрельского суффикса происхождения -ar (эквивалента картскому -el 313). Происхождение основы, остающейся по удалении мегрельского префикса места օ-, неясно. Н. Я. Марр (314) сопоставляя ее с основой в самоназвании черкесов adage зигов или зихов (Zvgoł, Zvgoł) древне-греческих авторов (десисиляция չ վ դ и перебой խ в դ, подобно как Փխուն նիւն Փշաւն լշաւն), что, однако, встречает возражения формального характера, хотя наличие на этой территории предшествующего мегрелам северокавказского, генетически родственного грузинам, племенного слоя вполне подтверждается, как топонимическими изысканиями, так и общими этногенетическими соображениями (315).

кинокефалов, у которого голова песья, язычники уверовали в бога и как этот кинокефал, названный христианином, пожрал в театре перед народом двух львов и навел на всех ужас (305).

Труднее судить о содержании композиции на кубке. В паратактическом расположении фигур легко усмотреть идущих с дарами, но сидящее лицо держит в руках близ рта такой же предмет, именно, высокий сосуд, как и все остальные, поэтому скорее мы имеем здесь изображение ритуального пиршества с принятием питья, вероятно приготовленного из растительных зерен, орехов или плодов, на празднике в честь божества плодородия, снабженного атрибутами владыки леса (дерево, олени, широкий сосуд на подставке в форме ног двукопытного животного).

Обращает при этом на себя внимание полная однородность костюма, как у всех стоящих персонажей, так и у сидящего, что может свидетельствовать о слабой социальной дифференциации в обществе, оставившем эти памятники; это наблюдение подтверждается отчасти и характером погребального обряда, лишенного каких бы то ни было намеков на существование рабов, следивших в могилу за своим господином, что наблюдается, например, в камерных (царских) гробницах Ура и, в конце еще додинастического периода, в Египте и что предполагает Я. И. Гуммель для раскопанной им группы курганов с бронзовым наконечником эпохи поздней бронзы около Ханлара (316). Следовательно, несмотря

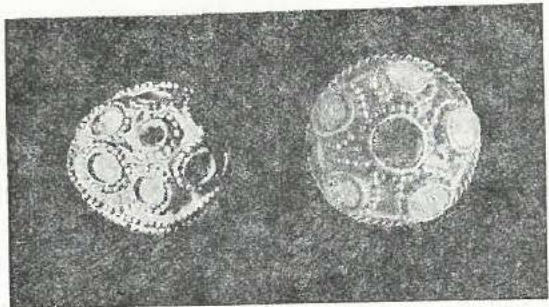

Рис. 96. Микенская золотая буса (из Ва-
фио) 1500 г. до нашей эры и золотая го-
ловка будавки из кургана (Триалети).

Из принадлежащих к этим же погребальным комплексам драгоценных предметов совершенно исключительное место занимает найденный, вместе с серебряным орнаментированным ведерком, роскошный кубок из червонного золота, украшенный сканью, зернью и вставными камнями, бирюзой и светло-розовым сердоликом (табл. ХСП). Этот кубок, не находящий себе аналогии среди известных памятников древне-восточной торевтики, представляет замечательнейший пример ювелирного искусства бронзовой эпохи Грузии. Изгото-
телен кубок из одного куска золота, выкованного первоначально в виде овальной формы узкогорлой бутыли, донная половина которой была затем вдавлена внутрь, на подобие стекла мяча, так что получилась глубокая чаша, с удвоенной стенкой, на ножке, в которую превратилась бывшая шейка бутыли. Отверстие ножки после этого было запаяно ажурным прорезным донышком, украшенным затем, как и вся наружная поверхность кубка, гнездами для камней, обрамленными сканью и зернью. Декорация стенок кубка была изгото-
лена отдельно в виде вырезанной крупными спиральными волютами золотой аппликации, на которую и напаивался весь узор. Готовая аппликация накладывалась на поверхность сосуда плотно, но свободно, и закреплялась лишь в отдельных местах по краям помостью язычков, уходивших под припой двух отдельных узколенточных бордюров.

Мотив спиральных волют соответствует узору на находившемся в этом же кургане богато расписном крупном глиняном сосуде (табл. LXXVII), составлявшем вместе с ведер-

ком для черпания и кубком для питья как бы отдельный парадный сервис погребенного. Сходство узора на золотом кубке и глиняном пифосе может являться одним из явных доказательств местного изделия кубка, так как иначе пришлось бы предполагать или привозное происхождение расписных глиняных крупных сосудов, что совершенно невероятно, или же считать, что на местной керамике получили отражение чуждые мотивы случайно попавших сюда драгоценных предметов. Однако последнему противоречит то обстоятельство, что ни тип ваз, растущих из широкого основания, ни более сложный характер композиции на глиняном сосуде с характерным учетом в узоре не только формы темного рисунка на светлом фоне, но также и светлого, просвета как в двусторонних узорных тканях, не выводимы из спиральной орнаментации кубка.

По полихромной декорировке к кубку призывают золотые головки серебряных булавок (табл. XCVII), найденных в том же кургане и в кущинском кургане № XXXVI с погребальным залом, и, особенно, крупная шаро-видная буса золотого ожерелья (табл. XCV), происходящего из безъямного кургана № VIII с керамикой, отнесенной нами к третьей группе. Эта последняя роскошная буса (табл. XCIV), размером в очень крупный грецкий орех, несет на себе такие же гнезда с цветными камнями (оранжевый сердолик) и зерневое обрамление, как и кубок, что указывает на несомненное родство и сравнительную хронологическую близость обоих памятников.

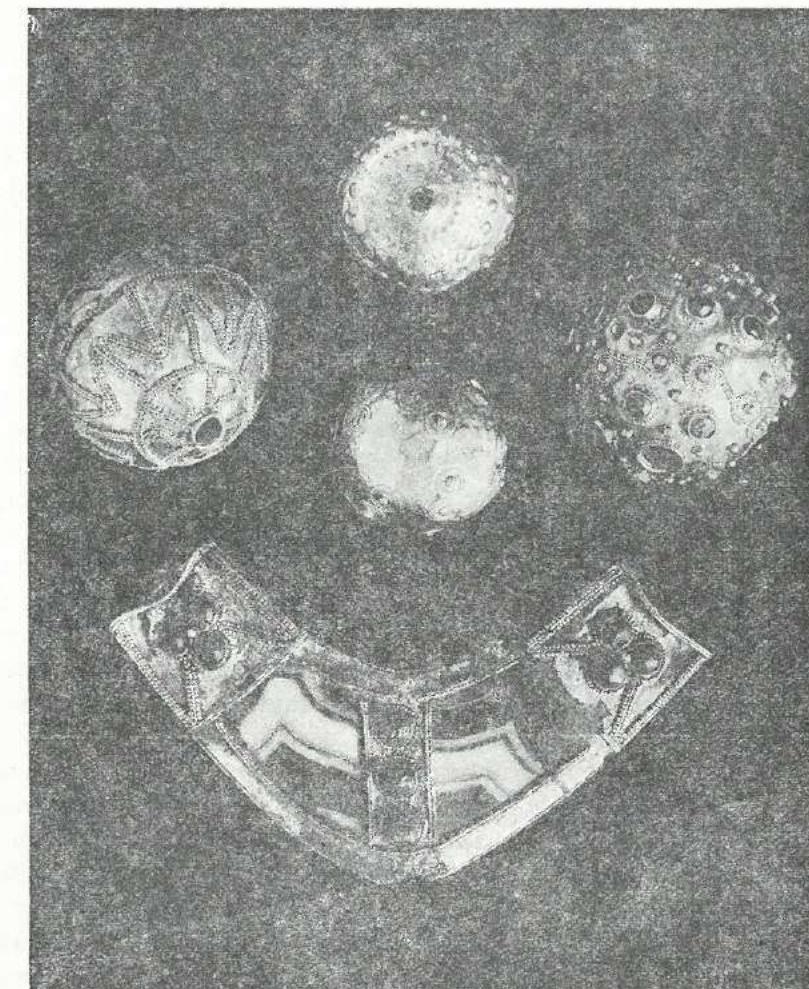

Рис. 97. Агатовый кулон в золотой отделке и золотые бусы из кургана VIII (Триалети).

Полихромная буса из кургана № VIII находит себе аналогию, только в более бедном образце, в бусе новомикенской эпохи из Вафии (Греция), датируемой временем около 1500 лет до нашей эры и также украшенной гнездами для вставных камней и зернью (рис. 96) (318). В более древнее время в шахтовых могилах Микен зернь едва зарождалась, хотя в Трое техника грануляции наблюдается уже на пуговках и серьгах „калачиком“, относящихся к шлимановскому кладу, то есть ко 2-ому городу, а на Крите отделка, правда, лишь одиночными зернами существует на золотой головке из некрополя Агиос Онуфрий близ Феста, датируемой имитацией египетской печати VI династии концом III тысячелетия до нашей эры (319). Наиболее ран-

ние примеры зернивой и филигранной техники, в частности и накладки двусpirальных завитков „восьмерками“ из проволочек, как на наших бусах, происходят из царских гробниц в Уре, начала III тысячелетия до нашей эры (320). Но филигрань преобладает там над зерниью и примеров крупных шаровидных бус в Шумере не имеется. Это не позволяет нам уводить слишком далеко вглубь указанную триалетскую бусу, тем более, что найденная вместе с ней другая, такого же размера, буса отличается применением исключительно зернивой орнаментации (табл. XCVI).

Однако, несмотря на сказанное, мы не можем опасаться преувеличения возраста нашего ожерелья, отнеся его в первую половину второго тысячелетия до нашей эры, так как принадлежащий к ожерелью агатовый кулон в золотой оправе явно ведет нас к сумерским традициям, поскольку он поразительно удерживает на себе особенности агатового кулона из древнего Урука (Эреха) середины III тысячелетия до нашей эры (рис. 97 и 98) (321). Кулон этот, открытый немецкой экспедицией в дверях башни—сиккурат зимой 1935—36 года, так же, как наш, представляет собою плоскую пластинку агата, обрамленную золотым ленточным бордюром с двойным крученным проволочным шнурком по его краям и одетую двумя золотыми капсулами по концам. Золотая обкладка украшена филигранной тесьмой типа золотой тесьмы на вышеупомянутом серебряном ведерке и гнездами для цветной эмали, которую на нашем кулоне заменяют шлифованные зерна сердолика. Тот и другой кулон особенно сближаются архаичным способом скрепления их с ожерельем, для чего не используется золотая обкладка кулона, а вся тонкая пластина твердого

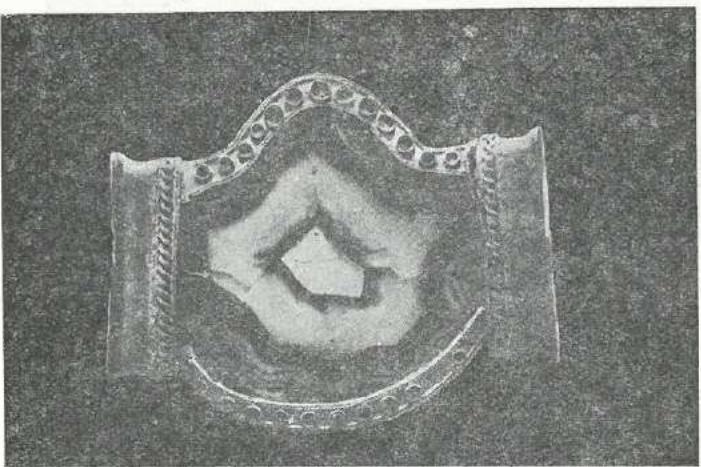

Рис. 98. Агатовый кулон в золотой отделке из ожерелья жрицы Абабашти в г. Уруке, эпохи урского царя Шусина первой половины III тысячелетия до н. э.

агата просверливается вдоль узким каналцем для нити ожерелья.

Найденные совместно с кулоном и ожерельем большого размера золотые височные завитки (табл. XCVIII), одеваемые видимо на косы, близко соответствующие золотым полым завиткам из „царских“ погребений в Аладжа Эйюк, являются также, в таком случае, блестящим развитием шумерских золотых завитков из „царских“ погребений в Уре (рис. 99 а, б) и, отчасти, крупных спиральных ушных колец с ладьевидными расширениями оттуда же (РС. 1237) (322).

Шумерские аналогии могут быть и еще продолжены, указывая во всяком случае на пропитанность обнаруженного в Грузии древнейшего культурного очага очень ранними традициями ювелирного мастерства, общего по своим приемам с древним южно-месопотамским. Так, например, обращает на себя внимание трубчатая форма закрепа для дужек нашего серебряного ведерка, заставляющая вспомнить типичные „tubular handle rings“ шумерской металлической посуды, или характер изделия золотой фигурки козла или оленя (рога не сохранились) из кургана № V с той же техникой обкладывания деревянной основы золотым кованым покровом, несущим на себе моделировку тела животного, как на знаменитых стоящих на задних ногах у священного дерева урских козлах (рис. 100) (323), древнейших прототипах этой техники, получившей затем широкое распространение. Любопытно, что и устройство глаз на триалетской фигурке соответствует типичному приему шумерских скульпторов вставлять глаза помошью скорлупчатых битумных капсул, которые прекрасно сохранились в нашем случае, хотя самые зрачки выпали (рис. 101),

Серебряный кинжалный клинок (табл. CV) тонкой работы, найденный в кургане с золотым кубком, также вызывает в памяти царские гробницы в Уре, где оружие, в частности и кинжалные клинки, из драгоценных металлов являются принадлежностью богатых погребений более древней группы. Позднее применение серебра для изготовления оружия наконечников копий и кинжалов распространялось и в восточном Средиземноморье, в крито-микенской культуре эпохи средней бронзы (325). Наконец, огромный интерес в этом отношении представляет и найденная в одном из ямных курганов под каменной насыпью деревянная колесница. Сопровождавшие погребение с колесницей прекрасной работы кинжалный клинок, подобный серебряному из кургана с золотым кубком, два крупные золотые завитка, лишь более тонкие сравнительно с вышеописанными из кургана с ожерельем, а также керамика (табл. CIX) делают несомненной принадлежность и этого кургана к одной общей рассматриваемой нами здесь группе Триалетских курганов эпохи средней бронзы.

Колесница с четырьмя равной величины (около 1,15 метра в диаметре) врашающимися на оси колесами без спиц, долблеными из дерева (дуба), с коротким расстоянием между осями и верти-

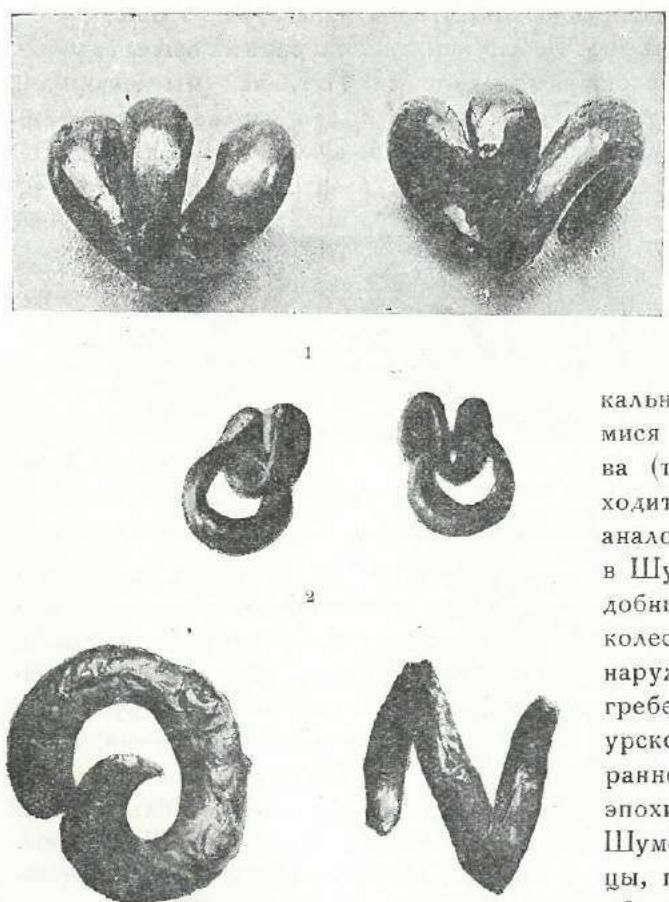

Рис. 99. Золотые завитки: 1, 2—царские погребения в Уре; 3—погребение в колеснице (Триалети).

кально подъемающимися стенками кузова (табл. CVII) находит замечательную аналогию опять-таки в Шумере, где подобные деревянные колесницы были обнаружены в двух погребениях того же урского некрополя, ранне-династической эпохи (рис. 102) (326). Шумерские колесницы, подобно нашей, обладали колесами, составленными из трех кусков, правда не помошью шипов,

Рис. 100. Голова козла из листового золота на деревянной основе из царских погребений в Уре.

а наружных шпон и не с прямолинейными, а криволинейными швами. В то же время наши колеса чечевицеобразной формой с выступающими ступицами близко напоминают колеса миниатюрных глиняных изображений из Киша (327), а также бронзовую модель четырехколесной колесницы Стокгольмского Музея из Сирии, датируемую временем около 2000 лет до нашей эры (рис. 103) (328). Подобные же глиняные колеса от миниатюрных повозочек были найдены, в очень близкой форме, и на Кавказе в ранне-металлических слоях, например, А. П. Кругловым в Дагестане, в энеолитическом холме Шреш Блур в Армении (рис. 104). На территории Южного Кавказа колесницами с совершенно такими же колесами продолжали пользоваться еще и много позднее. Так на западном побережье Севанского озера у с. Адиаман Лалаяном была обнаружена хорошо сохранившаяся, види-

мо, четырехколесная колесница (330) с прекрасно орнаментированным деревянным верхом, вместе с упряженными под ярмо быками, в кургане с коллективным ящичным погребением, содержащим обычный инвентарь поздней бронзовой эпохи (бронзовые втульчатые вилы, два кинжала с ажурными головками, узколезвийный нож с отогнутым концом, девятишишечная булава, бронзовый погремок в форме козла и керамика).

При всем этом рассмотренном мною ряде соответствий нельзя не констатировать и крупнейших отличий триалетских памятников от шумерских. Так мы не знаем в южной Месопотамии, среди драгоценной посуды таких форм, как оба наших кубка, серебряный и золотой на полых ножках. Совершенно чужды всей древне-восточной торевтике конические ведерки с дужкой, типа нашего серебряного украшенного золотом ведерка с изображениями охотничьих животных. Отсутствует среди обширного материала из царских гробниц в Уре и вообще среди известных древне-восточных памятников самый обычай украшать золотую посуду зерниью, филигранью и вставными камнями. Нет, как мы говорили, там и крупных шаровидных орнаментированных золотых бус. Все это вполне понятно, если учсть значительно более поздний возраст наших памятников, включающих в свой состав такие типы бронзового оружия, как прекрасной работы втульчатое копье (табл. CVI),

Рис. 101. Деталь золотой скульптуры козла (?) со скорлупчатыми вставками для глазных зрачков из кургана V (Триалети) и деталь шумерской скульптуры (портрета в камне), со скорлупчатыми вставками для зрачков.

которое могло появиться на Южном Кавказе во всяком случае не ранее конца первой половины 2-го тысячелетия до нашей эры. Действительно, как известно, листовидные втульчатые копья совершенно чужды культурам древнего Востока: Индии, Египту, Месопотамии, Кипру и Малой Азии. В Сирии, только, втульчатые бронзовые копья, довольно примитивного типа, стали известны недавно из раскопок в Рас-Шамре, где они были обнаружены в некрополе 2-го слоя, который датируется, на основании находок египетских изделий, начиная с XII династии и кончая периодом гиксов, первой половиной II тысячелетия до нашей эры (332). В Эгейском мире древнейшие образцы такого копья восходят, по Г. Чайльду (321), только к третьей ступени средне-минойской эпохи, то есть к промежутку между XVIII и XVI веками. В Микенах оно впервые появляется начиная с XVII века. Найденное в IV шахтовой гробнице в Микенах бронзовое втульчатое копье отличается уже изящной формой. В Трое же оно известно лишь в единственном грубоатом экземпляре только из VI города. Зато в Италии втульчатые копья более обычны и появляются уже в террамарах, то есть в конце первой четверти II тысячелетия до нашей эры. К этому же приблизительно времени, именно к древней ступени европейской бронзы, относится и распространение их в западной и центральной Европе, в частности в Придунайских странах. Напротив, в Иране, как можно судить по раскопкам в Тепе Гиссаре (333), втульчатое копье проникает во всяком случае не ранее второй половины II тысячелетия. Только постепенно оно сменяет там широко распространенное на всем Переднем Востоке типичное копье со стержнем, кончик которого обычно загнут в древке (рис. 8 и 9). Этот последний тип копья, хорошо известный по многочисленным находкам в Иране, Шумере, на о. Кипре, в Малой Азии (в частности в погребении Т. М. в Аладжа Эйюк с отверстиями в листе по сторонам как в Амаргосе) (380), в Трое и пр., как мы видели выше, в вводной главе, оставил свой след и в Грузии, проникнув на Северный Кавказ, где характеризует древний этап бронзовой культуры.

Поскольку же втульчатое копье и на Северном Кавказе появляется лишь в конце бронзовой эпохи, мы не можем предполагать существование его на Южном Кавказе в эпоху более раннюю, чем VI город Трои, IV шахтовая гробница в Микенах, террамары Италии и средне-европейский Унетиц. Этим и определяется хронологически цветущий период курганной культуры Триалети с широким развитием зернивой ювелирной техники и западными формами бронзового оружия, связанного, повидимому, с средиземноморскими путями передвижения олова (334).

Следует напомнить, что курган, в котором находилось втульчатое бронзовое копье, принадлежал по керамическому комплексу к первой группе, то есть заключал в себе красную расписную керамику (табл. LXXXI и LXXXII). Это обстоятельство явно не позволяет принимать отмеченное сходство этой керамики со 2-ым эламским стилем за непосредственно датирующий фактор и безоговорочно относить ее к значительно более древнему возрасту, чем вторую нашу группу с росписью по беловатому ангобу. Во всяком случае хронологическое расстояние между той и другой курганной группой не может быть значительным. Сопровождающий их обе драгоценный инвентарь, при всей указанной выше разнице, обладает и несомненными точками соприкосновения. Так, характерная обработка дна золотой и серебряных чашек первой группы путем проковки и вытягивания на вращающемся станке оказывается в наличии и на серебряной кружке с припаянной дугообразной ручкой, украшенной накладным проволочным витым шнурком, из кургана XVI, с керамикой второй группы. В то же время са-

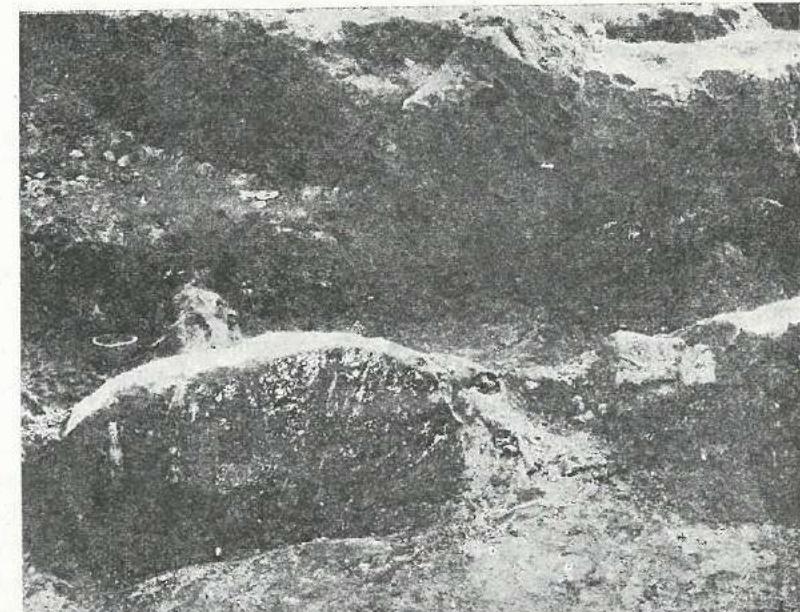

Рис. 102. Деревянная четырехколесная колесница *in situ*; а—в кургане XXIX (Триалети) и б—в дарском погребении в Уре.

ма эта техника, не представленная еще в Шумере, кажется более прогрессивной, чем простоя, хоть и необычайно искусная, ковка драгоценных кубков из курганов с керамикой, расписанной по светлому ангобу. Происхождение этой техники принадлежит эпохе, когда опыт гончарного круга сумел вызвать мастеров по золоту обращаться с пластическими свойствами драгоценных металлов, как с глиной, в то время как раннее мастерство сверления и точки каменных сосудов, обнаруженных еще в неолитических слоях додинастического Египта, начинало собою совсем

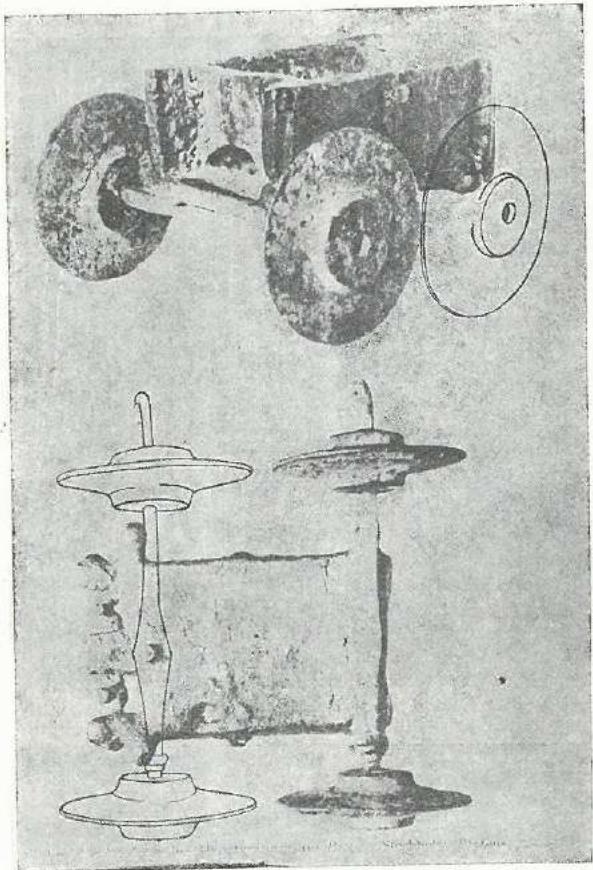

Рис. 103. Бронзовая модель четырехколесной колесницы из Сирии (Стокгольмский Исторический музей инв. 14305).

другое направление в выделке сосудов, с потерей материала, приведшее лишь очень поздно, в греко-римское время, к токарному станку по бронзе. К сожалению, имеющийся в моем распоряжении материал не дает возможности установить более точное время появления в древне-восточной торевтике нашего приема вытягивания металла на вращающемся станке.

На сравнительную хронологическую близость друг к другу описываемых курганных типов указывает и присутствие в тех и других, как мы выше говорили, металло-пластически обработанных изделий из тонкого золотого листа, часто наложенного на бронзовый (рис. 105). Такого рода изделия, состоящие из круглых блях (табл. СШ) различного размера трубок (табл. ХСВШ), повидимому облекавших трости или шнуры различной толщины, и особых конической формы барабанов с отверстиями для подвешивания кистей (табл. ХСIX), повидимому, могли служить в качестве бутафорского убранства погребения, в частности, вероятно, штандарта, как можно судить по взаимному сочетанию этих предметов в кургане № XV (табл. LXVI) с керамикой первой группы. Здесь указанной формы золотой барабан отличается лишь своеобразным характером орнамента, состоящего из широкого барабана и крупного фриза с четырьмя грубо стилизованными в рельефном силуэте львами, обращенными попарно открытыми пастьми друг к другу (табл. С). На верхней крышке барабана находятся спиральные волюты, близкие по форме спиральной аппликации на золотом кубке из кургана № XVII, относимого нами по керамике ко второй группе.

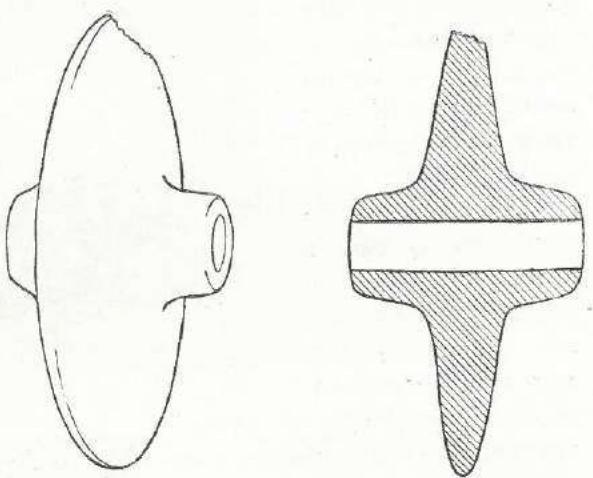

Рис. 104. Глиняная модель колеса с выступающей ступицей и круглым отверстием для оси из неолитического холма Шреш-Блур близ Эчмиадзина (Ереван, Гос. Музей Армении). В 1/2 натур. величины.

Подобного типа изделия были находмы и вне Триалети в сопровождении инвентаря, соприкасающегося по времени с нашим, как например, несколько более поздняя круглая, тонко плаированная золотом, бронзовая бляха, принадлежащая погребению в Шахтахты

Рис. 105. Золотая орнаментированная штампованным кружковым узором обкладка из кургана XVI (Триалети). В натур. велич.

(Нахичеванская Автоном. ССР), с замечательным полихромным сосудом (338), и золотые (а также серебряные) пластинки, сопровождавшие любопытную случайную находку (рис. 106) в неисследованном еще могильнике в Узунляре (р. Дебеда-чай) (335), бронзового кинжалного клинка, узкой рапировидной формы с острыми поднятыми плечиками и плоским шипом, то есть типа, родственного кинжалу Андрюковской станицы (336) и более ранним Крито-Микенским и восточно-альпийским мечам-рапирам XIV—XV в. до нашей эры (как например, меч из Амаргоса (337), кинжалы с Кипра меч из Цюриха и пр.) (339). К этой же группе мечей примыкает находка Мцхетской археологической экспедиции Академии Наук Груз. ССР в 1940 г. в погребении курганных типов прекрасной бронзовой шпаги около метра длиной с крестовидным сечением клинка, в сопровождении плоского треугольного бронзового ножа с широким коротким язычком для рукоятки, типичной черно-серой с розовой подкладкой керамики, тонкостенных золотых бус и привески из коричневого сердолика, тождественной с подобной привеской из кургана № VIII в Триалети, в форме шара с двумя желобчато-вынутыми сегментами в верхней части, образующей петлю для шнура.

Все это только лишний раз показывает, как трудно еще, на основе добытого нами разнообразного материала, совершенно нового, неизвестного до сих пор культурного облика и стиля, провести с необходимой убедительностью периодизацию курганных типов рассматриваемого нами здесь раздела, хотя в целом он и достаточно точно хронологически определяется срединой II тысячелетия до нашей эры, выказывая в значительной мере монолитный характер, но с хорошо выраженными чертами внутреннего движения и развития.

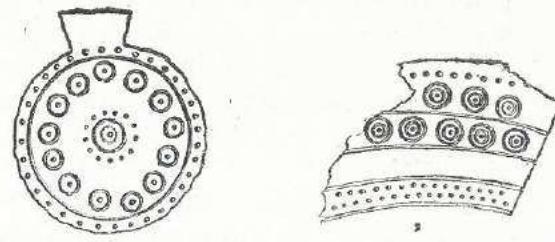

Рис. 106. Схематические рисунки золотой и серебряной накладки на бронзовом листе из погребений в Узунляре (р. Дебеда-чай). Гос. Музей Армении.

Общий тип культурного достояния, насколько он рисуется погребальной обстановкой и инвентарем, достаточно разносторонне представленным, показывает, что мы имеем дело с обществом, хотя и доклассовым, но стоящим уже на достаточно высокой „ступени варварства“, охарактеризованной Ф. Энгельсом для героического периода в Греции (340). В этом отношении особенно показательно последнее из открытых нами пока курганных погребений, где прах покойника был помещен в обширном „зале“, внутри большой курганной каменной насыпи, с правильно выложенными каменными стенами с остатками золотой обивки (табл. СII) каких-то деревянных строительных частей, может быть саркофага или же трона. Судя по аналогии с погребальной обстановкой других здешних курганов этого рода, знатный покойник был погребен совершенно один без рабов, подобно тому как это, повидимому, засвидетельствовано и хеттскими описаниями погребального ритуала правителей Хаттушаша, в сопровождении огромнейшего количества посуды вместимостью не менее трех тысяч литров, достаточной для поминальной трапезы большому родовому коллективу. Земледелие и пастушеское скотоводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота и свиней, но возможно без знакомства еще с лошадью (если не предположить отсутствия остатков лошади в погребениях, связанного с ритуальными требованиями), являлось основой оседлого хозяйства и быта. Деревянная колесница с четырьмя вращающимися на оси колесами была в употреблении. Металлическое производство, доведенное до степени искусства, находилось в руках ремесленников, специализировавшихся в литье, ковке, паянии, изготовлении различных сплавов, меди, бронзы, серебра, золота, освоивших тонкую ювелирную технику (филигрань, грануляцию), чеканку, штамповку, металлопластику с изображениями рельефов и круглой скульптуры из листового металла. Гончарное ремесло готовлением рельефов и круглой скульптуры из листового металла. Гончарное ремесло также заставляет предполагать участие в нем квалифицированных мастеров, применявших разные установившиеся типы глиняного теста, разнообразные характеры обжига на окислительном и восстановительном огне, различные приемы обработки поверхности и орнаментации посуды: тонкую шлифовку, ангобы, красочную роспись. Был уже повидимому известен токарный станок для дерева (резьба колонки, оббитой золотым листом), ручной гончарный круг и вращательный прибор для оформления металлической посуды; пользовались мастера также циркулем. При орнаментации посуды применялось деление круга на нечетное число равных частей: на пять, семь, девять, что в свою очередь может указывать на зависимость приемов деления от сложившихся уже в известной степени определенных космологических и астрологических представлений, типа ранневавилонских, шумерских и эламских (341).

Обсидиан и кремень обрабатывался главным образом для наконечников стрел неолитическими приемами, доведенными до изощренного совершенства (табл. СVI_{bis}). Тонкая обработка сердолика и агата, как показывает тесная связь форм этих изделий с ювелирной техникой, производилась также на месте и преодолевала большие технические трудности, как например, просверливание тонких агатовых пластинок длинными отверстиями вдоль.

Было ли местным глазурование фаянсовых бус (табл. XXII) или все эти бусы являются привозными, мы не можем пока решить. Но, несомненно, некоторые образцы обнаруживают связь, по характеру густой голубой глазури, с продукцией египетских мастерских, получившей в это время широкое распространение.

Материалом для тканья служила шерсть. Найдены были нитки двух сортов, толстые пушистые и очень тонкие, плотно сканые. Судя по изображению на серебряном кубке, короткие кафтаны украшались каймой по запаху и кроме того по подолу широкой бахромой.

При всем этом малочисленность предметов вооружения кажется поразительной. Кроме трех кинжалных клинков (из которых один серебряный), одного бронзового копья и мелких обсидиановых стрел, никакого другого оружия в курганах найдено не было. Может ли это свидетельствовать о малой воинственности населения и мирных условиях жизни в Триалти в это время, трудно сказать без исследования соответствующих мест поселений.

2. Курганные погребения древне-бронзовой эпохи

В этот раздел Триалетских курганов мы включаем две совершенно различные группы. Первую группу представляют курганы, которые можно считать кочевническими, или связанными с временно пребывающим на высокогорных пастбищах оседлым населением окружающих мест, так как они, судя, правда, по одному исследованному случаю, совсем лишены керамического инвентаря. Эти курганы наблюдались мною в южной высокой части Триалети на перевале к Параванскому озеру, на высоте около 2200 метров над уровнем моря. Значительная часть этих курганов была разрушена и разграблена в этом году строителями шоссейной дороги, бравшими с курганов камень. Последним обстоятельством было вызвано исследование нескольких из этих пострадавших памятников. Для курганов этих характерна густая присыпка насыпи слоем крупных обсидиановых обломков. В одном из них, как оказалось, уцелело полностью ценное погребение, положенное под насыпью на грунте. Погребение заключало в себе (табл. СXV) плоский медный кинжалный клинок с широким коротким язычком, снабженным отверстием для рукояти, плоский же медный, примитивной работы, наконечник копья, со слабо дифференцированным узким стержнем, и фрагменты медных лат, в виде шести выпуклин, покрытых шишечным узором и отверстием в середине для пропускания укрепительных ремешков, пять крупных широких обсидиановых стрел, с выемкой в основании, заходящей за середину стрелы, три тонких золотых цилиндрических (спаянных) обивки для круглого деревянного прута, диаметром 2,5 см, возможно, судя по их расположению дугой в районе стрел, простого деревянного лука и, наконец, прекрасно обработанная гематитовая булава с правильным цилиндрическим (едва коническим) отверстием (СXV_{bis}).

О древнем характере этого комплекса говорит прежде всего сочетание примитивных медных клинков с гематитовой булавой грушевидной формы и с цилиндрическим отверстием, хорошо датируемой на основании ряда находок в энеолитических слоях Сирии (342), Палестины (343) и во втором слое Алишарского холма древне-бронзовой эпохи (рис. 110) (344), то есть концом III тысячелетия до нашей эры. Об этом же свидетельствует и характерная широкая форма обсидиановых стрел с глубоко выемчатым основанием.

Вторую группу курганов древне-бронзовой эпохи составляют ямные курганы с каменоzemляной насыпью, расположенные в долине реки Кции и ее притоков в перемежку с вышеуказанными курганами цветущей поры. Внешне эти курганы часто почти неразличимы от последних, но характеризуются в противоположность им крайней бедностью инвентаря. Мы не имеем отсюда не только сколько-нибудь выразительных металлических предметов, но и глиняная посуда ограничена обыкновенно в этих курганах единичными экземплярами (табл. СXI, СXII). Эта бедность предметов находится в странном противоречии с огромным, часто, трудом, затраченным на устройство погребения с большой, а иногда колоссальной, курганной насыпью (табл. LIX), и необычайно глубокой могильной ямой, предназначенной для погребения одного человека. В одном случае, например (курган X), яма оказалась глубиной от поверхности грунта в семь с половиной метров, а всего от верха насыпи ее дно отстояло на 9 метров (табл. СXIII и рис. 107); в другом случае (курган № IV) размер самой насыпи достигал пяти метров высоты при 45 метрах в диаметре (рис. 108).

Яма в курганах этого типа чаще всего имеет круглую форму в 3–4 метра диаметром, иногда яма более угловата, подквадратных очертаний (табл. СXI). Следы костей человека сохраняются чаще, чем обычно в триалетских курганах даже и более молодого возраста, и в одном кургане этого типа удалось проследить даже положение покойника на боку с подогнутыми ногами (табл. СX₂). Глиняный кувшин и глиняная кружка находились в головах. Следы металлического инвентаря (рис. 109) отмечены были нами только в двух случаях. В одном это было сильно истлевшее плоское медное лезвие (кург. № XIX), в

другом (кург. № XXIV) четырехгранные бипирамидальные медные шильце или может быть долотцо, совершенно такое же, как в погребении Т. М. в Аладжа Эйюк (345), относящемся к эпохе меди III тысячелетия до нашей эры, и нижняя часть второго предмета, в виде острого стержня для насадки с дисковидным расширением, служившим может быть основанием копья, листовидная часть которого превратилась в порошок. Кроме этого в насыпи большого кургана № IV („Карантин“) с ограбленной ямой был найден, возможно утерянный грабителями, массивный серебряный круглый полутораспиральный завиток (табл. CXIV), по форме и величине тождественный электроновому завитку из большого северо-кавказского кургана станицы Летницкой с каменным и медным инвентарем древне-бронзовой эпохи.

Только в одном случае, в кургане № XIX, в засыпи могильной ямы, потревоженной вторичным захоронением урартской эпохи, были обнаружены два обсидиановых наконечника стрел миндалевидной формы (табл. CIV). Отношение этих стрел к основному погренику стрел миндалевидной формы (табл. CIV). Отношение этих стрел к основному погребению может быть установлено лишь условно, поскольку в местных погребениях урартской эпохи обсидиановые стрелы вообще не были встре-

ченны и форма их более архаичная, чем в вышерассмотренных триалетских курганах, также чужда поздне-бронзовым могильникам центральных и южных частей Южного Кавказа, где обсидиановые стрелы с выемчатым основанием довольно обычны.

Хронологическое место этих курганов относительно курганов предыдущего раздела обосновывается главным образом, как говорили выше, на типологическом

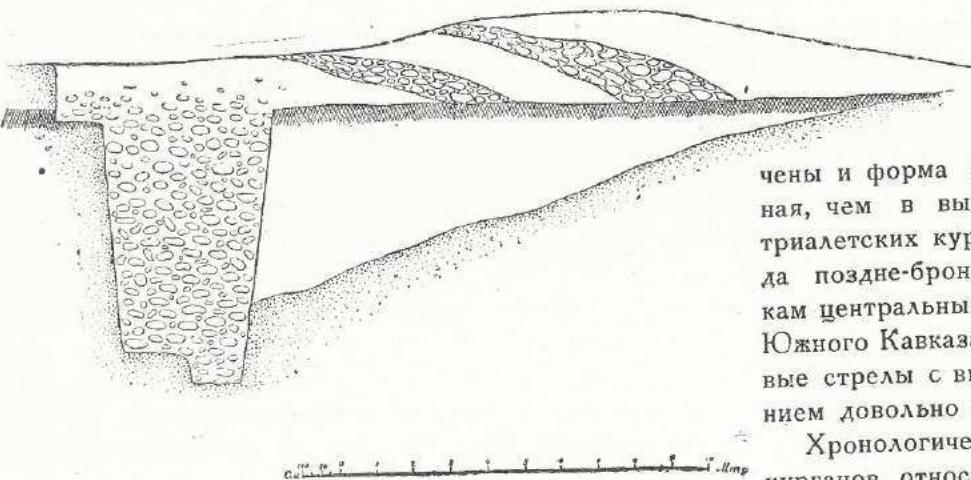
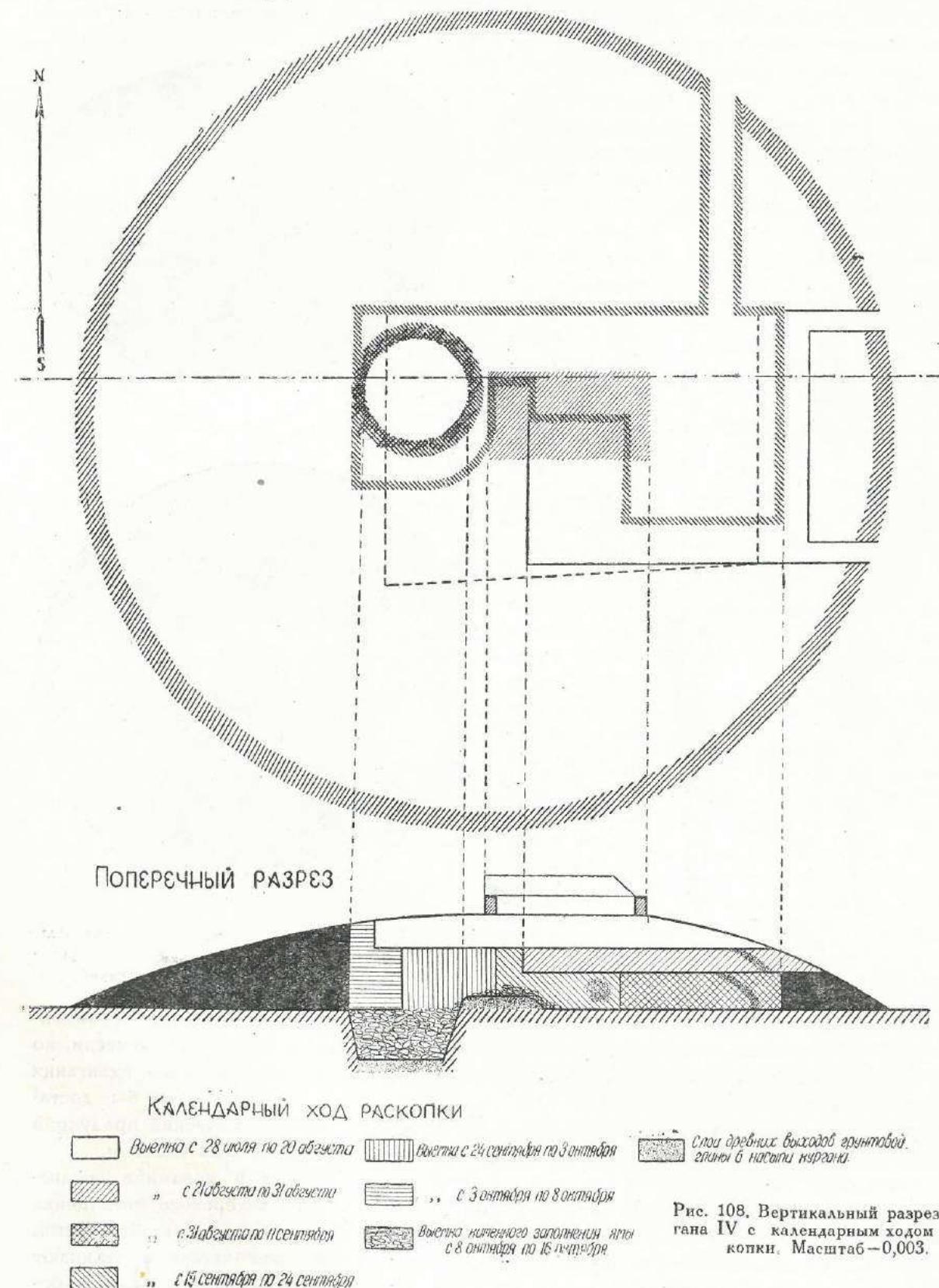

Рис. 107. Вертикальный разрез кургана X с очень глубокой круглой ямой. В 1/200 нат. велич.

анализе керамики, которая склонами особенностями тяготеет к древнему энеолитическому слою, найденному в Триалети и прослеженному мною по музейным материалам в поразительно однородных формах на значительном пространстве Южного Кавказа.

Керамика этих курганов резко отличается от всех вышеупомянутых типов курганный посуды средне-бронзовой эпохи. Вместо гидрий и пифосов, составляющих главный контингент керамики курганов с драгоценным инвентарем и вместо тонкостенных малого размера кувшинчиков с шаровидным корпусом и цилиндрической шейкой, мы находим здесь лепленные, несомненно от руки без гончарного круга, но с большим искусством, кувшины и кружки с ручками (табл. CXIV). Несмотря на толстоту стенок и тяжесть изделий, наблюдается тщательная отделка поверхностей выглаживанием и лощением внутри и снаружи. Характерна часто наблюдаемая резкая двуслойность стенок, снаружи черных и с внутренней стороны светло-бурых, производящих впечатление каким-то образом нарощенных изнутри в толщину. Своеобразной является архитектоника формы этой посуды, построенной, в типичных случаях, из сочетания конически расширяющейся книзу шейки, грушевидно вздутого в верхней части корпуса, отделенного от нее ясно выраженным уступом, и наконечника, также, ограниченной уступом конической нижней части сосуда, стоящего на очень маленьком донышке, обычно не плоском, а вогнутом внутрь с нерезкими краями. Ручка, опираясь нижним концом об уступ плечика или тут же заворачивается в маленькую, но

Курган IV „Карантин“ 1937 г.

массивную петлю или иногда продолжается до края венчика и сливается с ним (рис. 111—114).

Именно этими своими особенностями, характером лепки и профильным очертанием рассматриваемая посуда роднится, как сказано выше, с одной местной группой энеолитической посуды, которая во всем разнообразии своих форм проявляет некоторые общие композиционные черты. Еще более подтверждает указанную связь характер орнаментации древне-курганной и энеолитической посуды, с сочетанием на одном сосуде двух технических различных приемов украшения: выемчато-выпуклого или, во всяком случае, желобчатого узора на выступающей части корпунса и тонко резного на шейке (рис. 114). Самый рисунок и движение узора также обладают в обоих случаях общим резко выраженным характером: именно мы видим здесь не простое, как обыкновенно,

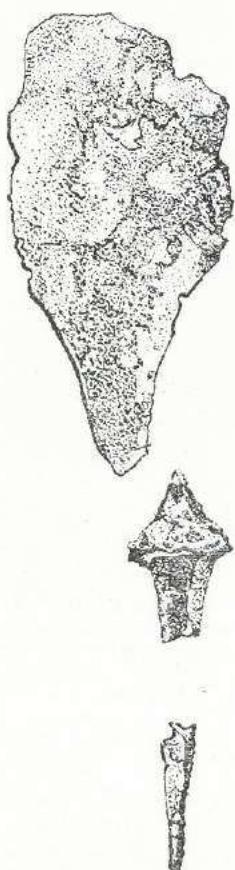

Рис. 109. Медный инвентарь древних курганов. Плоский клинок из 2-го слоя Алишарского холма в М. Азии около 2000 лет до нашей эры (по Е. Шмидту). В нат. велич.

повторение вокруг сосуда какого-нибудь одного более или менее сложного орнаментального мотива, а замкнутую геометрическую композицию, закономерную ритмически, но с намеренным нарушением внутри системы симметрии, путем композиционного сдвигания и переворачивания отдельных элементов. Одного уже этого соответствия было бы достаточно, чтобы не сомневаться в генетической близости обеих этих керамических продуктов и связи описываемых курганов с древнейшим местным палеометаллическим пластом.

Любопытно, что некоторые черты этой керамики проглядывают в керамике среднебронзовой эпохи, совершенно иной производственной области, из Сачхерского могильника в Западной Грузии с трубчато-обушными топорами и узко молоточковидными булавками, о которых мы упоминали выше в первой главе, при чем как раз эти черты и отличают древнюю сачхерскую керамику, лепленную без круга, от хорошо известной керамики бо-

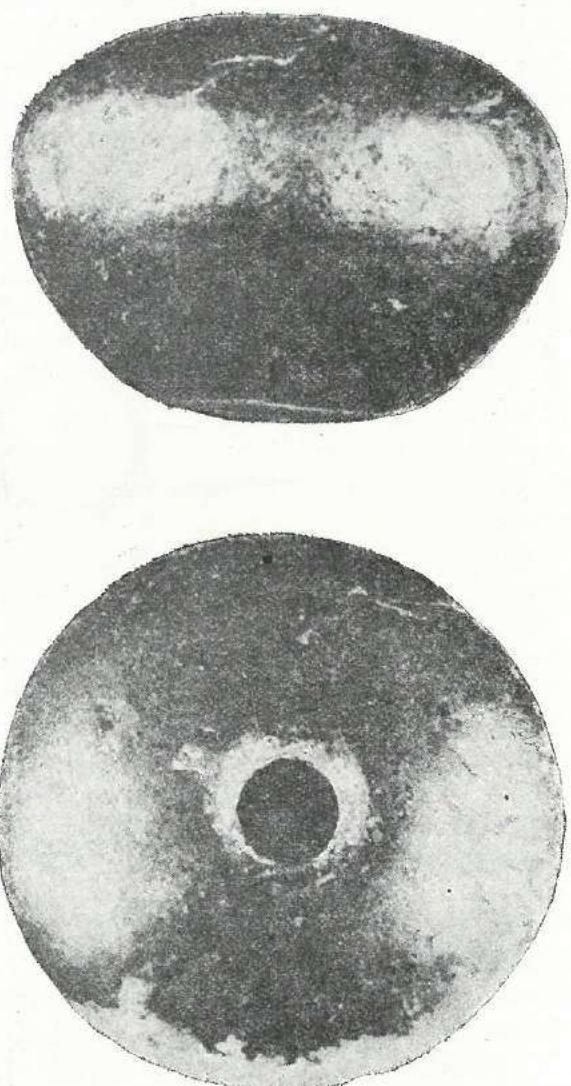
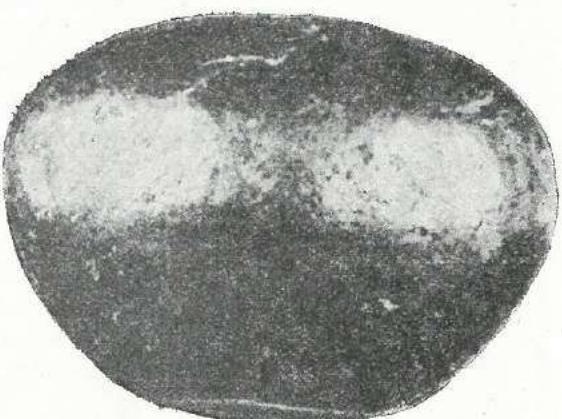

Рис. 110. Гематитовая булава из 2-го слоя Алишарского холма в М. Азии около 2000 лет до нашей эры (по Е. Шмидту). В нат. велич.

лее поздней поры бронзы на Южном Кавказе. Сказывается это как в профильном контуре сосудов из Сачхере, так и в особых приемах обжига, дающего характерную светлую подкладку черепку при темной поверхности сосудов.

Однако сачхерская керамика, технически более низкого качества, в общем уклоняется, как и следовало ожидать, по ее большей молодости, в сторону приобретения поздних черт, как-то—плоских и широких днищ, повторности в членении узора и пр. Но, несмотря на это, указанные соответствия настолько существенны, что не позволяют отнести их на долю простой случайности, а заставляют ус-

мотреть некоторый устойчивый для керамического производства на значительной территории Южного Кавказа в эпоху древней бронзы формообразующий принцип, даже при наличии

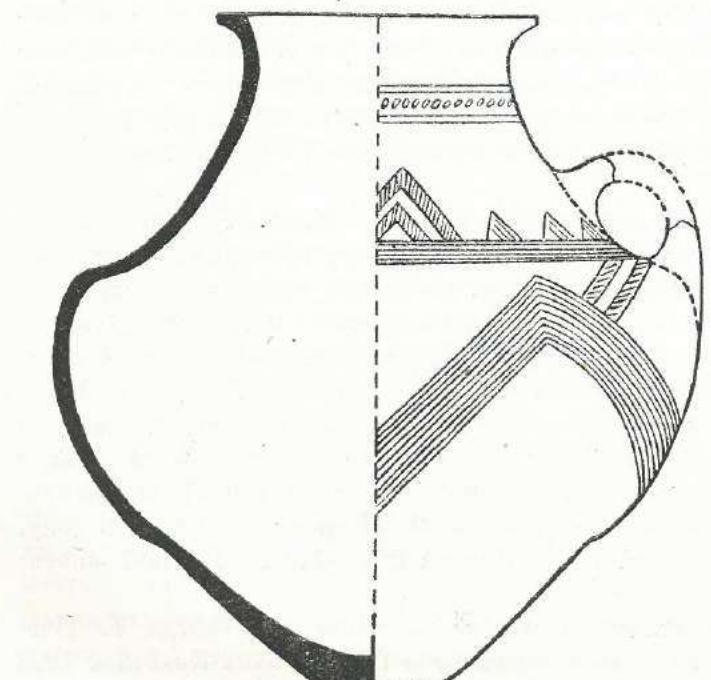

Рис. 112. Глиняный кувшин из кургана XIX. В $\frac{1}{4}$ нат. велич.

местных различий в металлическом инвентаре.

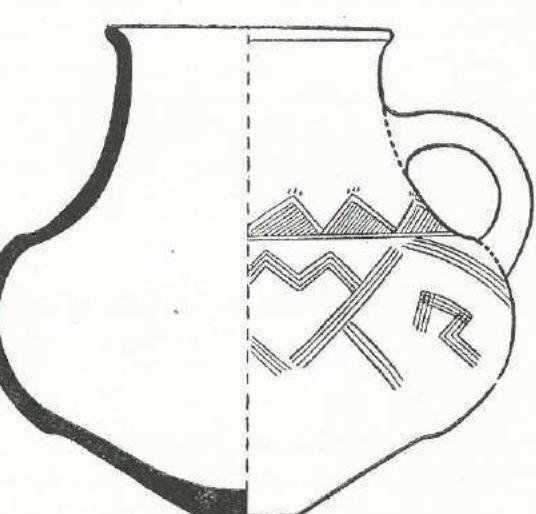

Рис. 113. Глиняный кувшин из кургана XIII. В $\frac{1}{4}$ нат. велич.

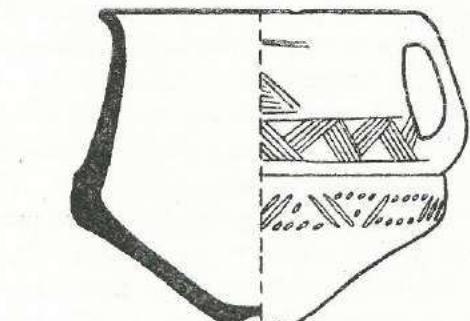

Рис. 114. Глиняная кружка из кургана XXIV. В $\frac{1}{4}$ нат. велич.

Это делает чрезвычайно важным накопление до сих пор почти неизвестного керамического материала по древним стадиям бронзы с различных районов Грузии и Южного Кавказа, чтобы очеркнуть территориальный размах и установить таким образом направление культурной преемственности в

этот критический период истории развития родового общества на Кавказе и, в частности, подойти к выявлению условий возникновения цветущего культурного очага средней бронзы в Триалети.

III

ПОГРЕБЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ И НИЖНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ЦИКЛОПИЧЕСКИХ КРЕПОСТЕЙ

С памятниками, относимыми мною к этой группе, мы касаемся наиболее загадочной страницы археологии Триалети, несмотря на то, что именно этот материал оказался у нас полученным как из погребений, так и поселений, и, мало того, самая возможность выделения его в особый древний культурный пласт основывалась, в противоположность предыдущим курганным, на сопоставлении триалетских находок с целым рядом других, происходящих из разных пунктов центральных и южных частей Куро-Аракского Двуречья (233).

Дело идет здесь прежде всего об особом керамическом комплексе, обладающем крайне выразительными и однородными на всей обширной территории его распространения особенностями, при своеобразии и богатстве форм, но поразительно бедном, по связанному с ним некерамическому инвентарю. Последним обстоятельством в сильной степени объясняется полная неразгаданность и даже слабая до сих пор учтенность этого комплекса, несмотря на громадное его значение для уяснения ранних стадий сложения в Грузии и прилегающих странах хозяйствственно-культурных форм с прочной оседлостью, земледелием, скотоводством и металлуригней.

Уваров, Эрицов (346) раскопками в Армавир-Блуре (Гос. Музей Грузии) и затем Н. Я. Марр в 1893 г. на Арагаце (Алагезе) (Гос. Эрмитаж), впервые обнаружившие керамику этого слоя, совершенно не обратили на нее внимания, поскольку тогда еще отсутствовал достаточный сравнительный материал (даже по поздней бронзовой и железной эпохам), которому она могла быть противопоставлена. Лалаян (360), изучавший слой с этой керамикой на территории Азербайджана и Армении (коллекций Гос. Музеев Грузии и Армении) глубоко под налегавшими на него отложениями характерных для Южного Кавказа металлических эпох и в сопровождении необычной для последних грубой каменной утвари (главным образом, зернотерки, ступки, песты, молоты и более мелкие орудия), неправильно назвал его „неолитическим“. Таковым он казался и П. Ф. Петрову (233) в 1913 году, под потоком арагатской лавы у с. Малаклю близ с. Игдыра (Гос. Музей Грузии, инвентарь 30:14).

После об этом древнейшем слое и совсем забыли, не вспомнив даже когда Т. Пчелина (347) вновь обнаружила относящуюся к нему керамику в Грузии близ Кикети в 1923 году, зорко отметив ее своеобразие. Поэтому, когда в 1930 году была открыта случайно в пределах города Тбилиси в Дидубе (348), во время строительных работ, на глубине 2–2,5 метров часть древнейшего поселения, относящегося к этой культурной ступени, с остатками каменных кладок, скоплениями золы, угля и большого количества керамики в виде целых сосудов (рис. 122), связанных, повидимому, с древними жилищами, исследовавший этот памятник проф. Г. К. Ниорадзе не учел своеобразия и глубокой

древности открывшегося слоя, не остановился на его изучении и соединил его вместе с верхними отложениями находившегося здесь же могильника, о котором я упоминал выше, как о могильнике с глиняной посудой, бронзовыми украшениями и стеклянными бусами эллинистической эпохи. В вышедшей недавно публикации раскопок в Алазанской долине (349) Г. К. Ниорадзе нашел возможным включить, характернейший образец керамики этого древнейшего возраста в одну группу с посудой римского времени яйцо-тапинского типа, поскольку этот интересный свидетель существования энеолитического слоя и в районе г. Нухи находился в одной коллекции Лалаяна вместе с инвентарем могильника (кувшинные и другие погребения) парфянской эпохи, хотя одновременно Лалаяном были раскопаны там и курганы совершенно иного возраста, с глубокими круглыми ямами, содержащими золу и уголь (350).

В Армении в 1933 году Байбуртян (351), пересматривая датировку этого слоя в Шреш-блуре, также совершенно стер своеобразный облик относящейся сюда керамики и сложил ее в одну кучу, вместе с поздне-бронзовой и ранне-железной керамикой Южного Кавказа в „халдскую эпоху“, в противоречии с данными Лалаяна и Петрова, правильность наблюдений которых (но не номенклатура и интерпретация) скоро полностью подтвердилась обнаружением указанных стратиграфических условий для интересующего нас культурного слоя в Триалети, где этот слой оказался под отложениями поздне- и средне-бронзовой поры и ниже основания стены мегалической кладки. Только в 1937 году Байбуртяну (332) пришлось пересмотреть свои возражения Лалаяну и добить самому, раскопками на ряде городищ Армении, интересный материал, обогащающий наши представления об этой культуре.

В это же время в Азербайджане Я. И. Гуммелием (353) был выделен, совершенно независимо от всех вышеуказанных материалов, специфический, более примитивный вариант этого рода древней глиняной посуды, изученной им одновременно в культурном слое (в нижнем этаже мощных отбросов кремнеобделочной мастерской близ каменоломни на Килик-даге) и в своеобразных коллектических погребениях (на дне замурованных круглых ям в курганах близ Степанакерта).

Характерными чертами глиняной посуды рассматриваемого культурного слоя является совершенство в отделке отдельных сосудов, устойчивость и правильность типических форм на большой территории, сложный характер орнаментировки и тщательная подготовка глиняного теста при архаизме приемов лепки от руки, без употребления гончарного круга, с широким применением ангобирования и методов постепенного наращивания стенок сосуда в толщину, иногда, как в варианте, описанном Гуммелием, с применением прослоек ткани внутри черепка. Указанные особенности свидетельствуют о принадлежности этого рода керамики какому-то весьма древнему, но прогрессивному оседло-земледельческому обществу. Действительно, местом нахождения данного культурного комплекса оказываются в более южных частях Южного Кавказа, чаще всего, холмища с мощными отложениями зольных слоев, насыщенных, кроме керамических обломков, костями домашних животных, каменными зернотерками, пестами, шлаком, строительным „воздушным“ кирпичом, и содержащих

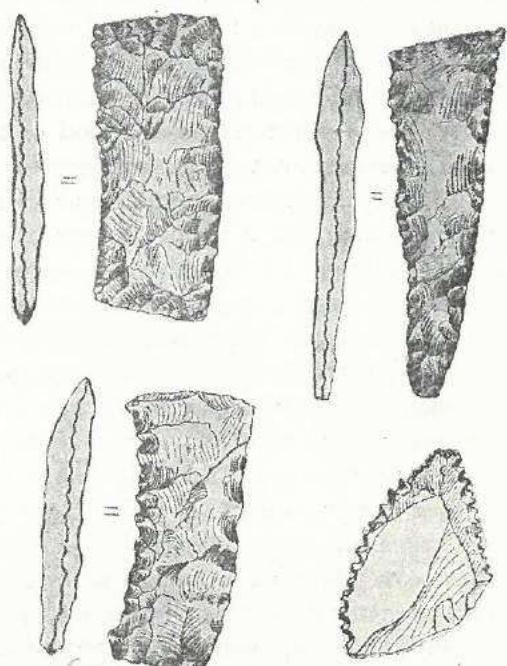

Рис. 115. Кремевые ножи и обсидиановая пилка из энеолитического холма в г. Ереване (Шенгавит) (Гос. Музей Армении). Около $\frac{1}{3}$ натур. величи.

в себе редкие поделки из кремня, обсидиана и кости, а также остатки очагов и следы жилищ. Подобные холмища часто являются здесь местом расположения крепостей циклопической кладки. Таковы зольник близ сел. Малаклю, у подошвы Араата, огромные зольные же холмы, так называемые Кюль-Тапа, до 20 метров высоты, к северу от Нахичевани, холмы с остатками стен циклопической и урартской кладки, как Армавир-Блур, Эйлар, Шреш-Блур, Шенгавит. На территории Грузии совершенно подобная же керамика встречена доцентом Л. В. Мусхелишвили в Дманиси, на месте феодального города, в Кикети, Тбилиси (Дидубе), обычно, в сопровождении значительных следов огня (угля, золы и пр.).

Относительный возраст интересующего нас слоя определяется, прежде всего, стратиграфически его положением, в ряде случаев, не только под отложениями урартского и поздне-бронзового времени, но и более древних слоев, содержащих расписанную керамику, как это засвидетельствовано еще в 1904 году находками Лалаяна (354) в холме Кюль-Тапа (фляга с черной и красной росписью), а также и характером сопровождающей керамику инвентаря, хотя не всегда достаточно выразительного, но тем и типичного для ранней металлической эпохи, когда неолитическая техника заметно уступила место добыче и обработке меди, изделия из которой однако еще очень редко сохраняются, в культурных слоях этих древних поселений, вследствие большой своей тогда дороговизны.

На цалкинском плоскогорье „энеолитический“ культурный слой найден нами как в погребениях, так и в поселениях под мегалитическойстройкой. Однако, далеко не каждая циклопическая крепость оказалась здесь связанный с отложениями этого слоя, что несомненно указывает на произвольность датировки крепостей только на основании отвлеченно-формального признака, определяемого словом „мегалитический“. Мы уже видели выше, что технический прием постройки толстых защитных стен из двух рядов крупных необтесанных камней без раствора, с забутовкой между ними более мелким камнем, несомненно практиковался и в эпохи сравнительно очень поздние, во всяком случае, последующую за ахеменидским временем. Древнего культурного слоя не удалось зарегистрировать, например, в таких типичных в Триалети циклопических крепостях с волновидно-гофрированными стенами, как в Нардеване, в Авранло (табл. I и II), а также и в нижней Сантинской крепости. Зато на площади Бешташенского городища и на прилегающей к нему местности энеолитическая керамика обнаружена в целом ряде удаленных друг от друга пунктов, несмотря на то, что раскопке пока подверглись исключительно с рекогносцировочной целью, лишь очень незначительные участки.

Комплекс древнего Бешташенского поселения дает в целом весьма сложную картину. Городище занимает треугольный каменный мыс, который отрезан от остальной земли гряды, отделяющей бешташенскую котловину от башкесской, двумя глубокими каньонами речек Геряк-Чай и Башкес-Су, сходящихся здесь вместе (рис. 64). Прилегающий к ущелью Геряк-Чая с запада южный склон упомянутой гряды занимает могильник поздне-бронзовой эпохи, прорезанный глубоким молодым оврагом и шоссейной дорогой из Бешташени в сел. Сафар Харабу. На крепостной стороне этой речки, сзади расширяющегося конца городища, расположен другой ящичный могильник ранне-ахеменидской эпохи, с примесью погребений мидийского времени, проникающих также и на другую сторону реки, на площадь могильника поздне-бронзовой эпохи. Вдоль гребня самой гряды, на восток и запад отсюда, находится ряд курганных погребений ранней поры средне-бронзовой эпохи.

Сама территория крепости ограничена от могильника ранне-ахеменидской эпохи си-стемой мегалитических стен (табл. CXVI₃), из которых две, пересекающие поперек мыса, разделены друг от друга широким рвом, ныне заваленным крупными каменными глыбами, продуктом разрушения циклопических кладок, и землей, задернованным и представляющим собою луговину со скопляющейся мелкими озерками водой. Площадь внутри крепости прорезана всюду едва заметными остатками внутренних стен и покрыта выступающими из под дерна каменными фундаментами четыреугольного плана жилищ.

Раскопке подверглись следующие пункты в пределах самой крепости: а) одно из таких четыреугольных жилищ, в котором была обнаружена круглая глиняная печь, типа грузинского торне, для выпечки хлеба (табл. CXVII₁), и керамика феодальной эпохи; б) средний участок главной стены с прямоугольным контрфорсом; в) площадка у северо-восточного угла крепости и г) холмообразное возвышение в западной части рва. В последних трех пунктах оказался в наличии пласт с древнейшей керамикой. Рассмотрим вкратце условия его залегания в каждом из этих случаев.

1. Наиболее мощный культурный слой скопился с внутренней стороны главной стены крепости. Он достигал здесь 3,5 метров, в то время, как с наружной стороны не превышал 1,8 метра и состоял сплошь из чернозема с примесью угля и камней. В нем находились отдельные кости, главным образом, домашних животных, быка, мелкого рогатого скота и лошади, и черепки посуды, преимущественно, феодальной эпохи. На глубине двух метров близ основания стены внутри стоял разбитый на части крупный толстостенный, бадьевидный по форме, пифос тщательной работы на гончарном круге, с черной и буроватой лощеной поверхностью и с широким горизонтально-канеллированным поясом по плечикам. Здесь же находились черепки прекрасно обожженной крупной светло-серой посуды с белесоватым, глянцеватым ангобом. Ниже этого в том же, по внешнему характеру, слое, но с

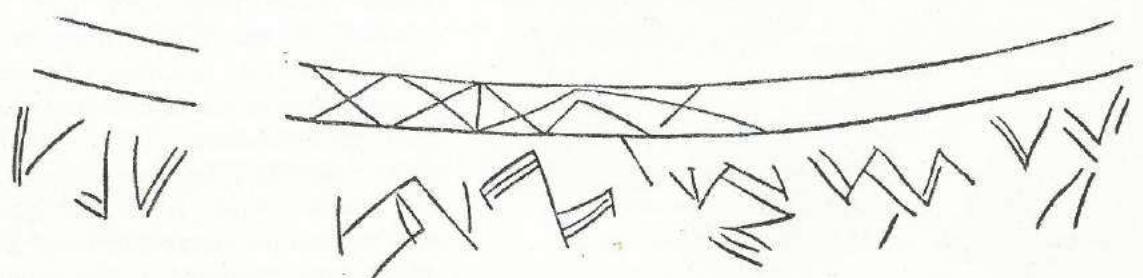

Рис. 116. Орнамент характера пиктограммы на сосуде из энеолитического слоя Бешташенской циклопической крепости. В натур. велич.

большими прослойками и углем попадались отдельные типичные фрагменты керамики энеолитического типа и очень редкие кремневые поделки, между прочим, двусторонне-ретушированный ножичек с прямым широким основанием.

2. Разрез через холмообразное возвышение во рву обнаружил южную глиняную стену рва и засыпающий ров каменный мусор с землей и пережженной глиной. Слой культурного мусора, достигавший здесь трех метров мощности, делился, почти посередине на клонной в сторону оси рва, угольной прослойкой на два горизонта: верхний и нижний. Керамика попадалась лишь в виде мелких фрагментов, главным образом, от толстостенных сосудов, при чем наверху, преимущественно, с густой красно-охристой обмазкой, близко напоминающей обмазку красной расписанной посуды из курганов, но более грубого типа, и без росписи. Внизу к этой же керамике примыкала еще совсем другая, светло-бурая и черная, от сосудов разной величины с характерными для энеолитического слоя чертами орнаментации и формы, в частности с типичными мелкими, но массивными, полуширшными ручками, то с цилиндрическими отверстиями, то непроемными, лишь с ложными углублениями с двух сторон, как на рисунке 117_{1, 2, 4}.

Один полностью восстановленный тонкостенный светло-бурый лощеный горшочек (табл. CXIV₄) отличался широкой, довольно высокой шейкой, сильно суженным и вогнутым снизу донышком, очень маленькой, посаженной на перегиб плечика в шейку, полуширшной ручкой и, наконец, остро-резным, несколько броско выполненным, своеобразным прямолинейно-геометрическим узором, в виде пиктограммы (рис. 116), от которой сохранилось 6 знаков-фигур с Z-видными, W-видными и, отчасти, свастикоподобными движениями линий, то есть все-

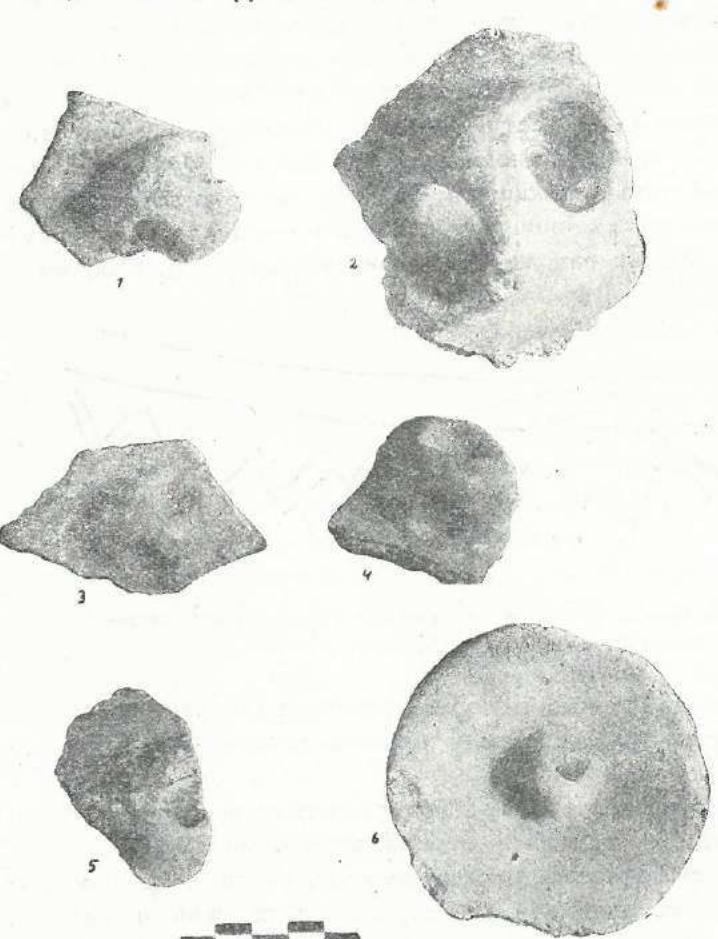
ми типичными для керамики выделяемого мною на Южном Кавказе „энеолитического“ слоя чертами.

Из фрагментов, найденных близ дна нижнего слоя, представляют особенный интерес два от крупных темно-глиняных сосудов с резко-выраженным рельефным орнаментом: один обломок плечика с перегибом в цилиндрическую шейку имеет на себе точно оформленную, как бы налепную, спираль (табл. СХХ₄), — одну из двух концовок прямолинейной „скамеечки“, полностью совпадающей и по технике и по форме с орнаментом на эрмитажном целом сосуде из находок Н. Я. Марра в 1893 г. на северо-западном склоне Арагада. Другой фрагмент, от более крупного сосуда, имеет на себе фигуру в форме подковы, в точности повторяющейся на сосуде из того же культурного слоя, на площади соседнего могильника раннеахеменидской эпохи (табл. СХХIV₅). Типичны также обломки дисковидных крышек и обломки клювовидных выступов на венчиках и стенках сосудов.

Из других находок, сделанных в нижнем культурном слое рва, замечательны: два треугольных наконечника стрел из красноватого кремня со стержнем и острыми углами у основания (табл. СХХ), тождественные с неолитическими из Тетрамицы (близ Кутаиси), фрагмент основания, подвергшегося действию огня, широкого кремневого ножа с двусторонней ретушью, две буски, одна бисерная цилиндрическая из голубой пасты и другая из белого твердого минерала с очень тонкими, ярко красными извивающимися прожилками и, наконец, небольшой фрагмент медного украшения в виде проволочной густо свернутой на плоскости спиральки. В верхнем слое была найдена светло-глиняная фигурка животного, видимо, быка с обломаний головой (табл. СХХ).

Рис. 117. Фрагменты сосудов с полушарными ручками из энеолитического слоя Бешташской циклопической крепости (Цалк. р-н).

3. Раскопка площадки в 60 кв. метров у северо-восточного угла крепости (табл. СХХI₄) также обнаружила аналогичный древний культурный слой, прикрытый сверху отложениями феодальной эпохи и эпохи поздней бронзы с керамикой, аналогичной могильнику по правую сторону Геряк-Чая. Вместе с последней керамикой здесь были найдены и кремневые пилки от серпов, подчеркивающие возраст слоя. Вследствие малой мощности, всего около 1,2 метра, и хрящеватости грунта с примесью крупного камня, оба верхние слоя, несмотря на различие керамики, не удалось полностью изолировать друг от друга. Заключавшийся в этих слоях костный материал содержал кроме остатков крупного и мелкого рогатого скота, а также и лошади, много костей оленя и, видимо, козули. Нижний культурный пласт, лежащий непосредственно на скале, был отделен в зна-

[110]

чительной своей части от верхнего настилом из камней (табл. СХХII₂). Темно-серый золистый грунт с светло-желтыми линзами и частицами угля заключал в себе отдельные скопления керамических обломков от сосудов различной величины. Наиболее обычными формами этих сосудов являются миски или глубокие тазы, достигающие иногда до полуметра диаметром, с выпуклым корпусом и отогнутым простым венчиком с полушарными ручками (рис. 123), черно-лощеные блестящие снаружи и розовые лощеные внутри часто со следами втертой в поверхность глины красной краски, и такие же черно-полированные широкогорлые горшки с цилиндрической шейкой. Наряду с крупными встречаются миниатюрные чашечки из темно-серой глины, имеющие тот же основной профиль, как и крупные миски (табл. СХХII). Встречены также двойные, сообщающиеся между собою, сосуды. Ручки характеризуются небольшой величиной, по массивности при тщательности лепки, и устойчивостью типичной для посуды этого слоя формы, в двух вариантах: ручки, отходящие от венчика или сидящие, как раз, на перегибе плечиков в шейку (табл. СХХIII).

Некоторые из сосудов отличаются особенной тщательностью выработки и тонкостью отделки. Среди них замечательны фрагменты широкогорлых горшочков-кружек с тонко желобчатым или выпукло-вогнутым узором, в виде пространственно ограниченной орнаментальной композиции ярко выраженного, выработанного, своеобразного стиля (табл. СХХ). В основе последнего лежат прямолинейно-геометрические движения по развернутым косым параллелограммам с обратной симметрией по типу Z, динамика которых ритмически замкнута или просто спиральными концовками или же путем уравновешивания двукратной повторностью асимметричной фигуры с теми же, однако, элементами „лестничной“ сдвинутости (рис. 121). К этому же слою принадлежат обломки красных ваз на тщательно оформленной ножке с глубокой выемкой снизу. Черепки из розовато-сероватой глины характерно обработаны с наружной и внутренней стороны лощением сверх красного красочного покрова, который как бы втерт в поверхность глины перед обжигом на стадии ее высыхания „до твердости кожи“. Эти вазы могут быть сближены по времени и по типу с вазами на полых ножках из энеолитических слоев Малой Азии (355), например из Алишарского холма, а также и Ирана, из Гиссара I, тем более, что и техника изготовления красной окрашенной полированной поверхности уже становится известной там в это время. Подобного же характера ножки можно видеть и у черных бокалов из Трои 1 (355) и далее на запад, в энеолитической керамике Эгейского мира, где очень рано появляется и другая своеобразная форма рассматриваемого слоя, двойные сообщающиеся между собою сосуды, *άμφικπέλλου δέπας* по Гомеру, и где вообще руководящим типом этой стадии является черно-лощеная керамика, часто и с розовой подкладкой (359).

При значительной насыщенности этого слоя керамикой, другого рода инвентарь почти совершенно отсутствует. Особенно поражает бедность обсидиановыми поделками и от-

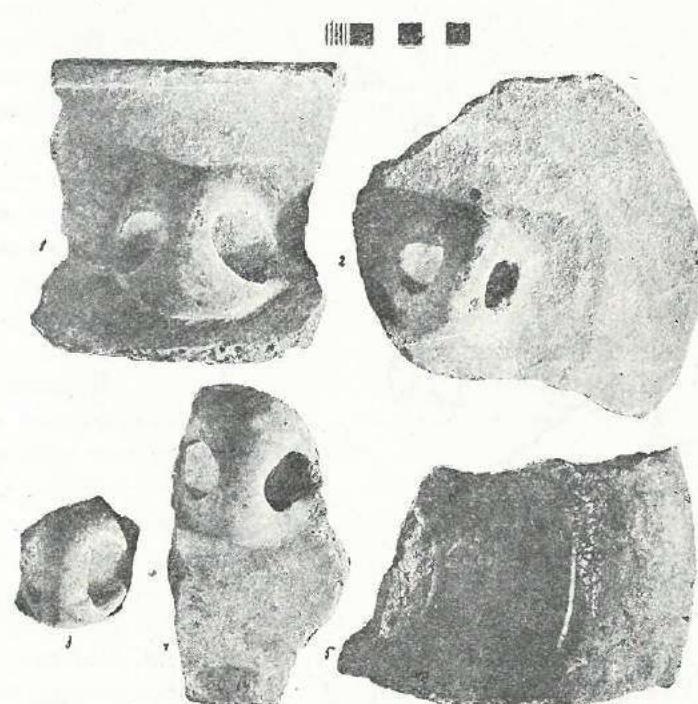

Рис. 118. Фрагменты сосудов с полушарными ручками из золотых холмов близ с. Малаклю у подн. швей Араката (Гос. Музей Грузии).

бросами этого производства, буквально покрывающим в других местах вспаханные поля Триалети. Напротив, найденные здесь единичные экземпляры орудий оказались из краено-ватого мелового привозного кремня. Наиболее замечательным является широкий, полностью ретушированный нож типа Шенгавитских (рис. 115) с отогнутым слегка концом, придающим ему сходство, по очертанию, с египетскими (358), но не столь тщательной отделки. Из других находок можно упомянуть каменный, грубо обработанный молоток с желобчатым перехватом для рукояти, подобный многочисленным находкам Гуммеля в культурном слое каменоломни в Килиг-Даге (353).

В верхних частях этого же слоя, на участке, где разделяющий горизонт каменного настила отсутствовал, оказалась, среди вышеотмеченной керамики, примесь фрагментов светло-глиняной посуды со следами росписи совсем особого характера, не представленного в курганах. Эта расписная керамика принадлежит к двум различным типам: а) с краснобурым примитивным "детским" рисунком и красной окраской поверхности черепка-под грубое лощение и б) с более определенным (косо заштрихованные треугольники) рисунком, нанесенным черной густой краской по ангобированной тонкой глиной и зашлифованной поверхности (табл. СХХI).

В связи с этой керамикой, в той же части культурного слоя, была собрана еще небольшая группа высокосортных черно-полированных черепков с более светлой подкладкой, покрытых своеобразным резным ленточным в штриховку и клетку узором, напоминающим несколько гальштадтские центрально- и восточно-европейские образцы, без хронологического, однако, соответствия с ними. Все они леплены от руки. Наиболее хорошо сохранившийся фрагмент представляет собою часть высокой цилиндрической шейки с слегка отогнутым краем, покрытой горизонтальными рядами зигзагообразных лент. Эта группа керамики находит себе некоторую параллель только в открытой, в последнее время, керамике из Шенгавитского гоморища в Ереване с культурным слоем, соответствующим по общему комплексу одной из фаз нашего "энолитического", с блестящим расцветом керамического производства (табл. СХХII).

Кроме этих трех пунктов, обнаруженных на территории крепости, энолитический культурный слой оказался, как сказано, и на соседних участках, занятых могильниками, которые в сильной степени нарушили этот слой глубокой перекопкой и использованием строительного камня для устройства каменных ящиков под погребения (рис. 119). Это обстоятельство сильно затруднило исследование древнейшего культурного слоя и особенно возможность выявления типа жилищ, помещавшихся, несомненно, в этом слое. Однако между

Рис. 119. План энолитического жилищного очага и погребение ранне-ахеменидской эпохи у Бешашенской крепости. В $1/15$ натур. велич.

могилами раннесеменской эпохи был откопан на глубине 0,9 метров в нетронутом виде очаг, в виде круглой площадки, диаметром около 1,65 метра, с толстым слоем золы и угля под обломками пластин обожженной глиняной обмазки дымохода, возведенного, по-видимому, над очагом (табл. СХХIII₂). Исключительно плоская форма этих обломков, отличавшихся однородной толщиной около 5 см, свидетельствует, что дымоход имел призматическую, а не цилиндрическую форму. Был ли это домашний очаг или техническая печь для обжига посуды трудно с достоверностью сказать при настоящем состоянии материала. С одной стороны мы видим здесь в золе небольшие куски шлака и сильно переплавленные фрагменты керамики, с другой—обстановка может говорить и за кухонный характер очага, по периферии которого находились на его дне у северного конца в ряд три глиняных сосуда, вниз горлом, а у южного—цельная каменная зернотерка в виде прямоугольной плиты с лежавшей на ней поперек "ладьевидной" теркой, отогнутые концы которой спускались с краев основного камня. Кроме этого среди очажного мусора были подобраны неполные фрагменты еще одного кувшина (со следами вторичного пережога

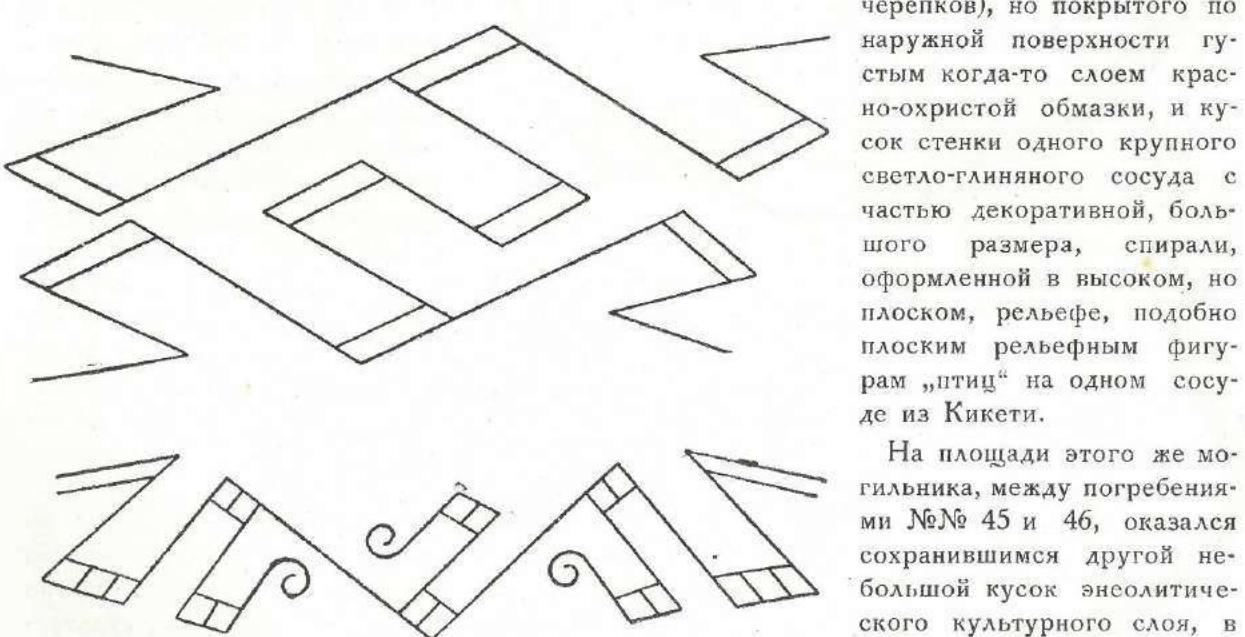

Рис. 121. Схема движения орнамента на глиняной посуде из энолитического слоя центральных районов Куро-Аракского Двуречья.

На площади этого же могильника, между погребениями №№ 45 и 46, оказался сохранившимся другой небольшой кусок энолитического культурного слоя, в котором было найдено скопление расположенных по дуге черепков разнообразной посуды, частью черно-глиняной с розовой и темно-буровой подкладкой, частью светло-красной, как бы вторично прожженной уже в черепках. Здесь оказались типичные для этого слоя, по всей территории его распространения на Южном Кавказе, дисковидные глиняные крышки с ручкой в

Рис. 120. Выпукло-вымечтый узор на сосуде энолитического слоя из Кюль-Тапа близ Нахичевана (Гос. Музей Грузии).

центре, а также небольшая толстостенная светло-глиняная чашка со следами красной окраски внутри и снаружи, значительная часть стенки крупного сосуда с широким цилиндрическим горлом, миниатюрными непроемными ручками и орнаментом из двулинейно рельефных подковообразных фигур по плечикам, в точности повторяющих эти же детали на фрагментах из разреза через „ров“ крепости (табл. СХХIV₅).

Еще несколько поодаль отсюда, уже на разрушенной части древнего культурного слоя, был подобран ряд фрагментов светло-глиняного „карниза“, со следами красной втертой вложенную поверхность окраски, от какого-то сооружения, возможно, от очага или края крупного торне (хлебной ямной печи).

Наконец, на другой стороне реки Геряк-Чая, на площади могильника бронзовой эпохи также оказались следы этого же древнего слоя, в частности была обнаружена глубокая до 3,25 метров глубиной круглая, диаметром 2–1,5 метра, яма, заполненная, под сплошным слоем шлака, лежавшего на глубине 1,3 метра, пережженной землей с отдельными мелкими фрагментами посуды, тождественной с керамикой во

„ров“ крепости: красновато-глиняной с густой красно-окристой обмазкой и с черной наружной поверхностью и типичными мелкими ручками, полушиарными кругло-проемными и непроемными с двумя вдавлиниами с боков. На дне ямы стояли на ребрах в виде стенок ящика три тонких каменных плиты неясного назначения так же, как и вся яма.

Сравнительное рассмотрение собранного во всех указанных пунктах керамического материала с несомненностью устанавливает полное единство и принадлежность его к одному древнему культурному слою, сохраняющему поразительную однородность на значительной территории Южного Кавказа, от Араката и до Тбилиси, от Нахичевани и Степанакерта до Триалети и даже далее до Западной Грузии. На всем этом пространстве нижний ранне-металлический пласт выказывает один и тот же основной характер керамики не

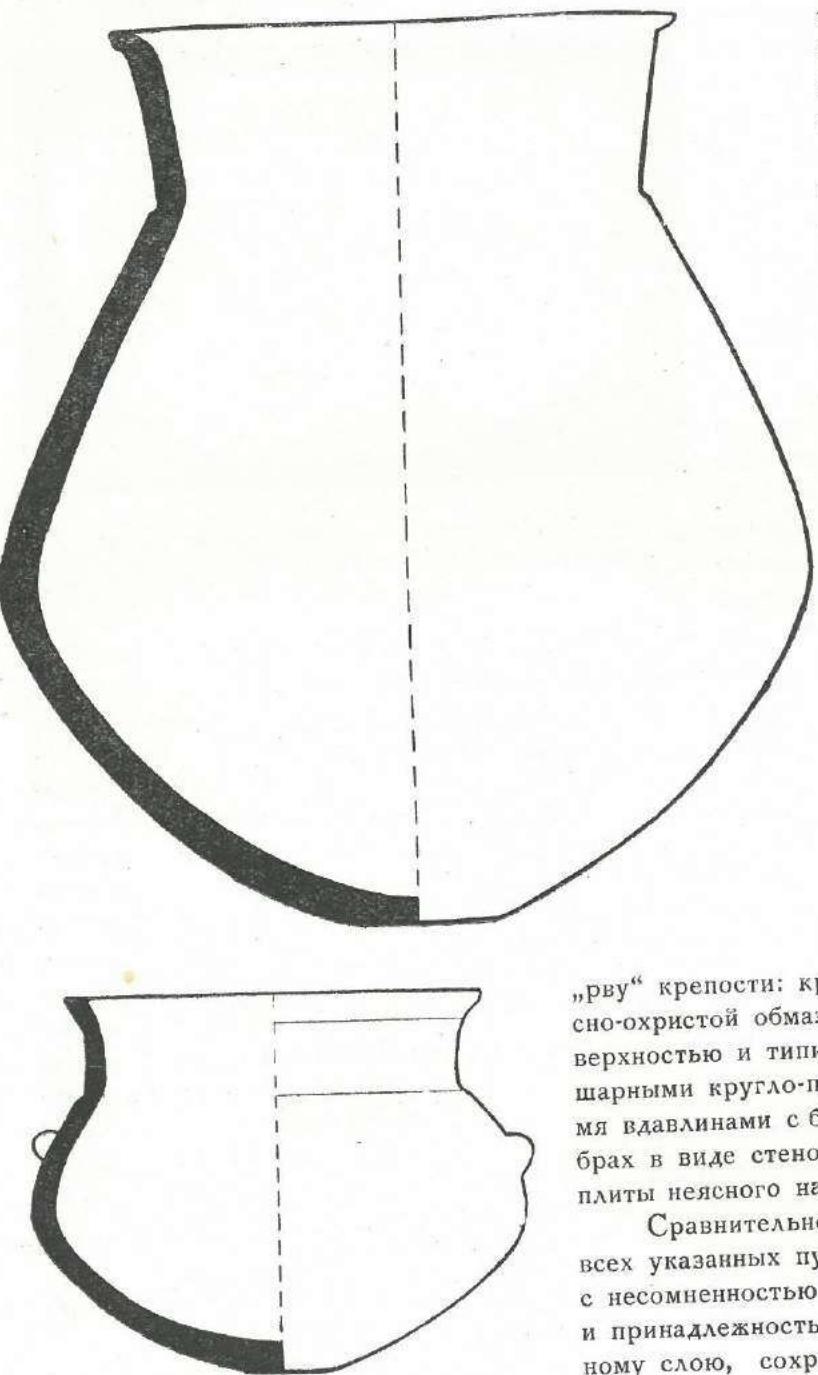

Рис. 122. Глиняные сосуды из энеолитического жилищного очага у Бешташенской крепости. В 1/4 нат. велич.

столько с территориально-областными, сколько, повидимому, с функционально-бытовыми,

а также и хронологическими вариантами, сходными между собой в удаленных районах. Триалетский материал обнаруживает при этом соединение на одном почти участке нескольких подобных керамических типов, различающихся в пределах данной культуры. Легко устанавливаются в районе Бешташенской крепости по крайней мере три основные фации, взаимоотношения между которыми нельзя еще считать уясненными. Один керамический комплекс, происходящий из культурного слоя на территории раннеахеменидского и бронзового могильников, а также и во „рву“ крепости, отличается большей массивностью лепки и меньшей тщательностью в отделке поверхностей сосудов светло-бурого или снаружи черного обжига. Ряд сосудов несет на себе непрочный красно-окристый красочный покров. Представленные здесь формы характеризуются уплощенными более или менее широкими днищами. Это или чашки с загнутым слегка внутрь краем венчика или широкогорлые амфоры, часто крупных размеров (рис. 122), с высокой прямой цилиндрической шейкой и утолщенным, иногда резко, краем венчика, то без ручек, то с двумя ручками, или ложными непроемными или, обычнее, в виде пронизанного круглым отверстием налепного полушария, с дужкой всюду равной ширины. В точности подобные ручки, цилиндрические высокие шейки с выступающим кантом у края венчика и вообще формы сосудов этого варианта совпадают с находками Лалаяна в Армении

Рис. 123. Глиняные сосуды из энеолитического слоя в г. Тбилиси (Дидубе). В 1/4 нат. велич.

в холме близ Эйлара (360). К этой группе примыкает также вышеупомянутая керамика из энеолитического слоя города Тбилиси (Дидубе), состоящая из светло-бурых неорнаментированных урн (рис. 123), широкогорлых с высокими цилиндрическими шейками двух- и трехручных, соответствую-

щая керамика из Нухи (но с ручками у венчика), а также светло-бурая керамика Пчелиной (361) из Кикети. Последняя несет на себе типичные приемы украшения или в виде

простого прямолинейного резного узора, или рельефных налепных локальных геометрических фигур, характеризующих и описываемый цалкинский вариант.

Указанные черты этого керамического комплекса хорошо обнаруживаются и на образцах из энеолитического слоя, открытого в 1936 году в Дабла-Гоми (Рионская долина). Но там примешиваются к ней специфические образцы посуды, сохраняющей на днищах, подобно энеолитической сирийской, отпечатки рогожной плетенки (362).

Второй комплекс Триалетской энеолитической керамики, из нижнего слоя Бешташенской крепостной площадки, отличается более высокими техническими и художественными качествами и прежде всего тончайшей полировкой поверхности. При этом и архитектоника форм этих сосудов иная, чем у предыдущего комплекса. Широкие миски характеризуются колоколовидным изгибом стенок с отогнутым наружу и утончающимся слегка краем венчика (рис. 124); сосуды с широким и высоким сравнительно горлом имеют часто особую профилировку корпуса с перенесением центра тяжести к нижней его трети, где сосуд сразу начинает конически суживаться к очень маленькому донышку со специфическим углублением у форм более мелкого размера („кружек“). Ручки у сосудов этого комплекса получают характерную для всей территории распространения данного слоя, от долины Аракса

до Триалети, выработанность дужки с узким перехватом при том же основном их строении в виде налепного полушария (рис. 117 и 118). Части ручки, отходящие от венчика и оформленные подобным же образом. Орнаментация крайне своеобразна: наряду с вдавленным тонколинейным рисунком встречается желобчатый узор, приводящий, в связи с методами полирования, к выработке еще совсем особого, практикуемого здесь, приема декорировки сосудов „выемчато-выпуклым“, тонко-рельефным орнаментом, получаемым углублением окружающего рисунок фона путем уплотнения глинистой поверхности желобчатыми вдавлениями и энергичным лощением* сосуда, высушившего до плотности кожи. Чрезвычайно характерная, как видели выше, и композиционно, эта орнаментация, подобно как и форма ручек, особенно сближают данный комплекс с основными группами энеолитической керамики ряда южных юго-кавказских жилых холмов: Шенговитского

Рис. 124. Черно-глиняная с розовой подкладкой глиняная миска с полушарного типа ручкой из энеолитического слоя Бешташской крепости. В $1/4$ натур. велич.

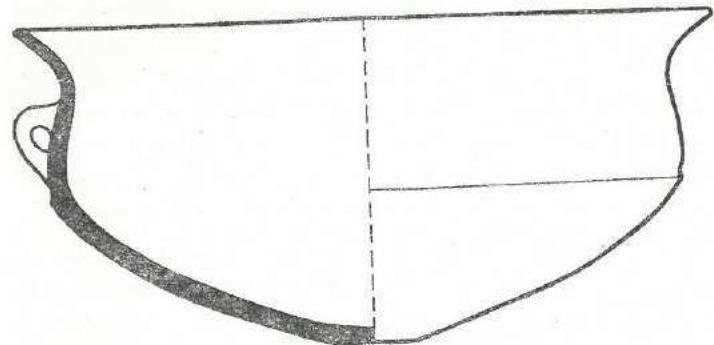
в Ереване, Шреш-Блура близ Эчмиадзина, Тагаворана и других.

Вышеупомянутая же связь именно этой керамической группы с некоторыми вариантами древне-курганной посуды и особенно наличие крайне сходных случаев выемчато-выпуклой крупной спирали на черно-лощенной поверхности керамических фрагментов из Шреш-Блура (близ Эчмиадзина), из Кикети и из безъямыных курганов №№ IX и XVIII Триалети может отчасти указывать на большую ее молодость, сравнительно с предыдущей, хотя с полной достоверностью утверждать это до получения стратиграфических данных является преждевременным.

Подобно тому, как в состав первой триалетской группы энеолитической керамики входят сосуды с красной густой обмазкой, во второй группе обнаруживается примесь тоже красных изделий, с лощеной окрашенной поверхностью и с применением приема втирания в глину красной краски, в частности, например, в подкладку черно-полированных снаружи сосудов.

Третий комплекс образует черепки, собранные в более высоких частях нижнего культурного слоя на той же крепостной площадке в Бешташени, как и предыдущий комплекс.

* Предположение о вырезывании желобков полукруглым долотцом (птичьей косточкой), как иногда луют, здесь, мне кажется, совершенно исключается.

Сюда мы относим черно-полированную керамику с тонко резным орнаментом (табл. СХХII) и объединяем вместе с последней фрагменты найденной здесь же, в близких стратиграфических условиях, расписной посуды (табл. СХХI).

Кроме всех этих находок в энеолитических культурных слоях Бешташской крепости, на Цалкинском плоскогорье были обнаружены в 1936 году также два погребения, относящиеся к той же, приблизительно, эпохе. Одно из них, открытое на дороге, спускающейся к Бармаксызу со стороны Манглиси, представляло собой типичное скорченное захоронение в маленьком каменном ящике (размером $1,05 \times 0,73$ метра), сложенном из четырех камней и покрытом массивной плитой (рис. 124). Покойник лежал на правом боку с круто подогнутыми ногами, одной рукой, вытянутой вниз, и другой у лица в сопровождении только двух глиняных сосудов у колен и таза и с какой-то окаменелостью (дентин от зуба ископаемого животного) под головой. Сосуды (табл. СХХV) представляли собою буро-глиняные толстостенные, но тщательно вылепленные от руки и лощенные, — миску с двумя парами шишковидных выступов вместо ручек и кружку с узким выемчатым донышком, цилиндрической широкой шейкой и типичной кругло-выемчатой маленькой ручкой на перегибе от плечиков к шейке (рис. 126 а, в). По своему характеру посуда занимает в некоторых отношениях промежуточное место между первым и вторым из вышеуказанных комплексов энеолитической посуды, но несомненно ближе к первому.

Второе погребение было найдено на могильном поле в сел. Таш-Баш у южной подошвы горы с остатками циклопической крепости, среди могил совершенно иного возраста, поздне-римской и сасанидской эпохи. Здесь на замощенном небольшими плитами полу, в $1,1 \times 1,5$ м площадью, отгороженном с востока стоящей на ребре плитой, находилась прикрытая большим камнем группа семи глиняных сосудов, среди которых лежали беспорядочно кости одного человека, при чем череп и нижняя челюсть его оказались погребены в две рядом стоявшие боком миски. Плохая сохранность костей не дала возможности выяснить с очевидностью, было ли здесь вторичное захоронение или, может быть, нарушенное первичное погребение. О принадлежности этой могилы к рассматриваемой эпохе свидетельствует только характер керамики, так как никакого иного инвентаря здесь не имелось. Сосуды, как и в могиле у Бармаксыза, все леплены от руки из бурой глины и обработаны с наружной и внутренней поверхности лощением по глинистому ангобу. По форме содержат варианты, отсутствовавшие в первом погребении, но близкие к нему: тяжелые миски с двумя очень миниатюрными ручками у самого венчика, широкие чаши с согнутым внутрь краем и рожковидным выступом, вместо ручки, и кружки с вогнутым маленьким донышком и довольно высокой шейкой.

Найдка обоих этих погребений представляет тот большой интерес, что доказывает очень раннюю традицию в Триалети, подобно как в самом нижнем энеолитическом

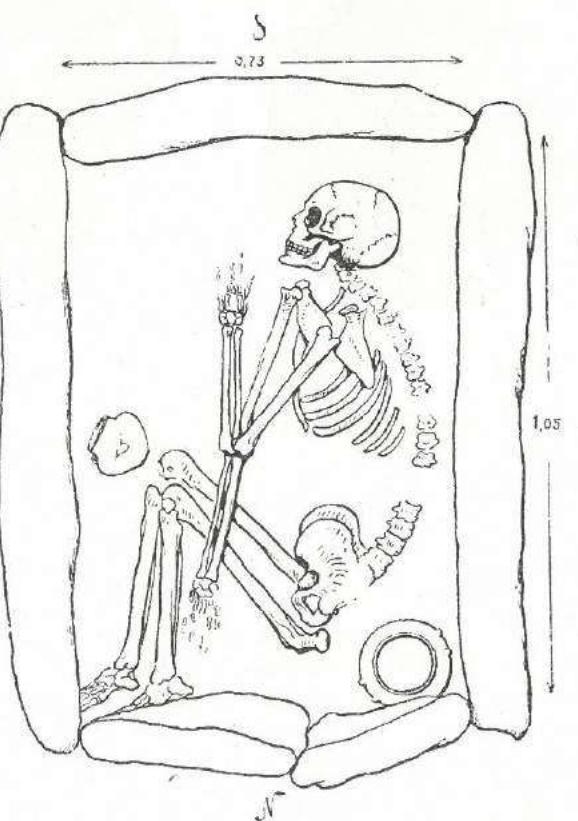

Рис. 125. Погребение в каменном ящике энеолитической эпохи у шоссе к Бармаксызу (Цалкинск. р-н). В $1/4$ натур. велич.

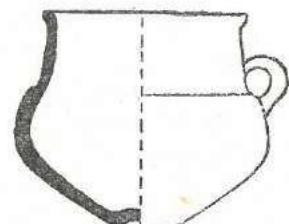
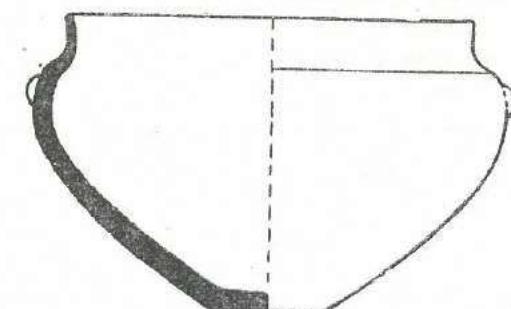

Рис. 126. Глиняные сосуды из индивидуальных ящичных погребений энеолитической эпохи в Триалети; а и в) — у шоссе к Бармаксызу; б) — сел. Таш-Баш.

слое Алишарского холма в М. Азии (363), простых одиночных грунтовых, в частности, и ящичных погребений в эпоху, предшествовавшую появлению здесь вышеуказанной раннебронзовой курганной культуры. Только дальнейшим исследованиям предстоит выявить социологические и исторические корни этих смен в погребальных обычаях, тем более, что другие до сих пор известные случаи погребений с подобной или близкой к рассмотренной керамикой отличаются совсем иным строением могильного сооружения, или в виде замурованных круглых ям с коллективными погребениями под курганной насыпью, как в Степанакерте и Ханларе (Еленендорфе) (364), или в виде глинистой камеры со следами обжига стенок, как в Кикети (361). С другой стороны не вполне еще ясно, являются ли и курганы, предназначенные только для одного покойника, единственным способом погребения для всего населения (Триалети) эпохи ее древнейшего культурного расцвета и не должны ли еще обнаружиться и иного рода могильники с рядовыми погребениями, синхроничные курганам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С рассмотренными в последней главе энеолитическими памятниками мы достигли, наконец, в известном смысле, предела культурно-исторической перспективы в развитии Триалетского культурного очага, так как здесь уже не удается обнаружить никаких признаков неолитических поселений, столь типично представленных в других частях Грузии, именно Западной, богатыми стоянками с характерным кремневым инвентарем, двусторонне обработанным (листовидные копья, ножи, треугольные стрелы, характера наших энеолитических и пр.) и сопровождаемым большим количеством макролитических кремневых орудий, типа „пик“, шлифованными, особенно у лезвия, подтреугольными поперечными топориками-теслами (часто из гальки), шлифовальниками, пестами, зернотерками и красно-буро-глиняной керамикой, сильно отощенной крупными кварцевыми зернами, как например на холмах Тетрамици и Сатаплия близ Кутаиси (сборы П. И. Чабукиани), а также в Одиши близ Зугдиди (раскопка А. Каландадзе), где кроме того значительна примесь ярко выраженного типично-го комплекса поздне-капсийского типа с геометрическими сегментовидными и трапециевидными микролитами, видимо принадлежащими к разрушенному нижнему пласту культурного слоя (369). Конечно, это еще не позволяет полностью утверждать, что Триалети вовсе не было населено в неолитическое время, но несомненно, что большинство жилых холмов с циклическими крепостями и последовательностью культурных пластов бронзовой и железной эпох начинает здесь свою историю лишь с появления металла, подобно тому, как мы это видим и в Малой Азии, где неолитических слоев не оказывается даже в таких наиболее ранних холмах, как Гиссарлык (Троя), Алишар, Саксегози и др. (365).

От периода, предшествующего металлу, в Триалети существуют достоверно, как удалось нам установить, только памятники эпипалеолитического возраста. Эти последние представляют собою очень своеобразную местную фацию с использованием в качестве основного материала для поделок не традиционного кремня, а вулканического стекла, обсидиана, более хрупкого и менее твердого, чем кремень.

На насыщенность пахотного слоя в Триалети во многих местах осколками обсидиана со следами искусственной обработки и о наличии здесь большого количества пещер указывалось еще в 80-ых годах прошлого века. Уваровым (83) была даже издана специальная таблица с осколками и орудиями из обсидиана, собранными на Цалкинском плоскогорье А. Я. Иоакимовым. Жак де Морган (366) прослеживал эти осколки, „хотя и без ретуши, но с бугром откола“ не только по реке Храми, но по широкому пространству на путях от Алагеза (Арагата) к Тбилиси, к Мцхете, Сурами и в Дарьяльское ущелье (367), обращая при этом внимание на особые прозрачные качества южнокавказского обсидиана, сравнительно, например, с критским. Это последнее наблюдение делало возможным различать источники обсидианового импорта и для древнейших, еще энеолитических слоев, Шумера,

Элама, Месопотамии и Египта. Но несмотря на все свое значение, указанные обстоятельства, требовавшие тщательного изучения и прежде всего датировки различных периодов добычи обсидиана в южно-кавказских месторождениях, не привлекали к себе никакого внимания археологов. В то же время старые, не дифференцированные по пунктам, разнородные сборы цалкинского обсидиана, сделанные Иоакимовым (83), Комаровым, Такайшвили (370) и Греном (371) (с фантастической характеристикой), хранящиеся ныне в Археологическом Отделе Гос. Музея Грузии (84), совершенно недостаточны, чтобы судить непосредственно о существовании в Триалети тех или иных хронологически и культурно определенных периодов.

Вирхов (373), опубликовавший два обсидиановых орудия из сборов Иоакимова в Триалети, под треугольный отщеп типа Мустьерского остряя, и треугольную стрелку с коротким стержнем, формы кремневых из неолитической стоянки в Тетрамида и типа наших из энеолитического слоя Бешташенского городища, условно отнес их к эпохе бронзовых монгольских городищ, а не к палеолиту. Палеолитическая древность для большинства закавказских обсидиановых изделий отрицалась первоначально и Морганом, считавшим их исключительно энеолитиче-

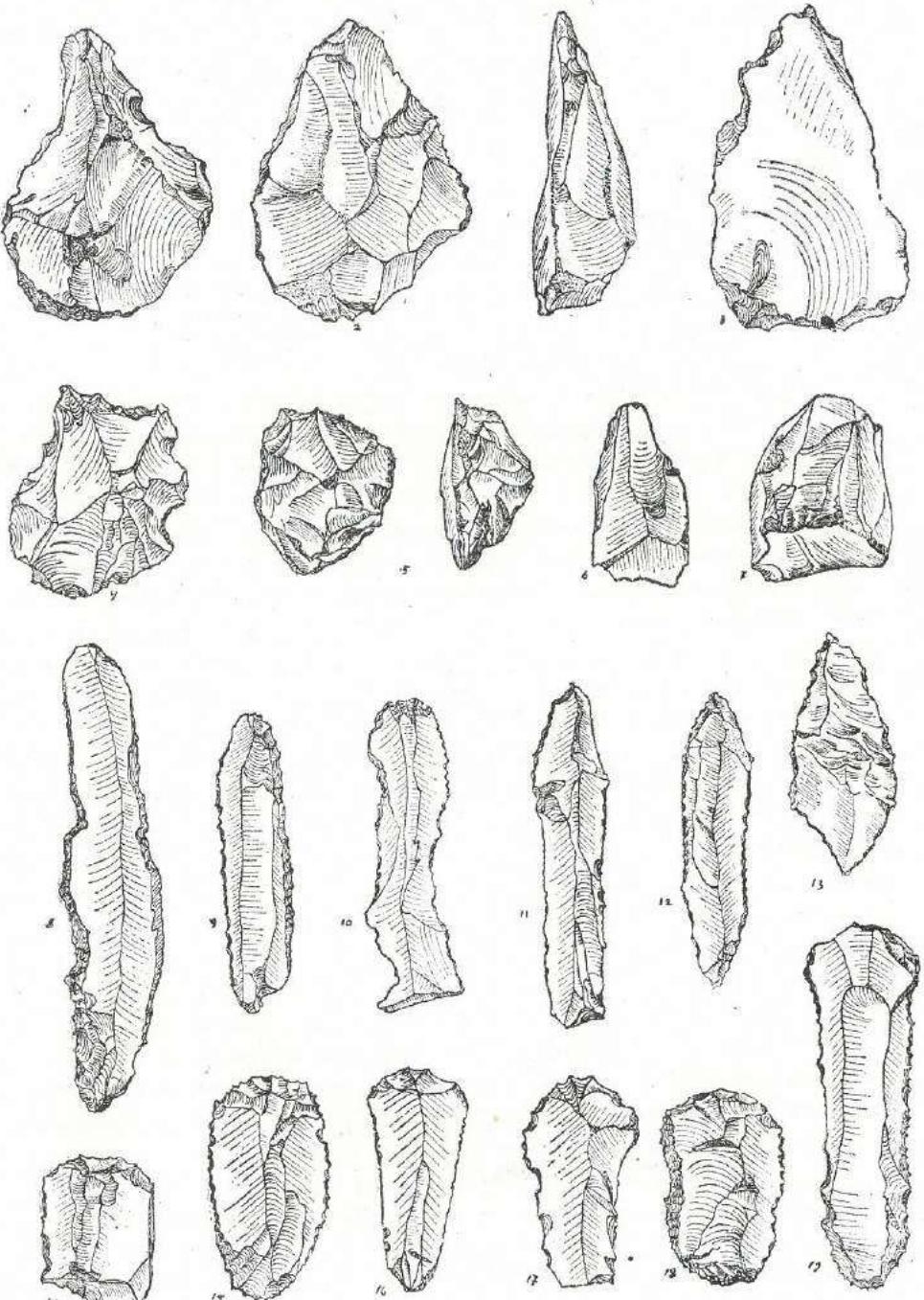

Рис. 127. Верхне-палеолитические орудия из полупещерной стоянки в Бармаксызском ущелье из обсидиана и кремня (№№ 11, 12 и 13). В $\frac{3}{4}$ нат. велич.

скими, связанными с эпохой появления металла, который, по его мнению, следовал в Передней Азии непосредственно за верхним палеолитом — «археолитом» его терминологии. Действительно, по наблюдению Жак де Моргана (на Алагезе), орудия, близкие, например, по форме солютрейскому острюю, оказываются обладающими не свойственной последним зубчатостью, которая напротив характерна для подобных форм из нижних энеолитических слоев Суз и фаюмских стоянок в Египте. Однако, Морган в специальной статье

(375), посвященной рассмотрению подъемных материалов с Алагеза, и в последнем сводном труде (376), делает попытку выделить, по наличию патины, вторую группу обсидиановых орудий, с мистерскими, ориентальными и мадленскими формами, принимая для них поздне-палеолитический («археолитический») возраст.

Наши исследования в Триалети устанавливают, паряду с вышеупомянутыми: а) использованием обсидиана для тончайших по технике изделий в цветущую эпоху курганной культуры (наконечники стрел, очковидные прозрачные диски); б) обычаем обсыпать поверхность курганов древней группы на водоразделе к Паратаванскому озеру крупными и мелкими его обломками, повидимому, из ближайших обсидиановых выходов; в) наличием большого количества обсидиановых отщепов в форме широких пластин и иногда ядриц, с редкими случаями ретуши, среди рассеянных осколков в верхнем черноземном слое по всему Триалети и в более

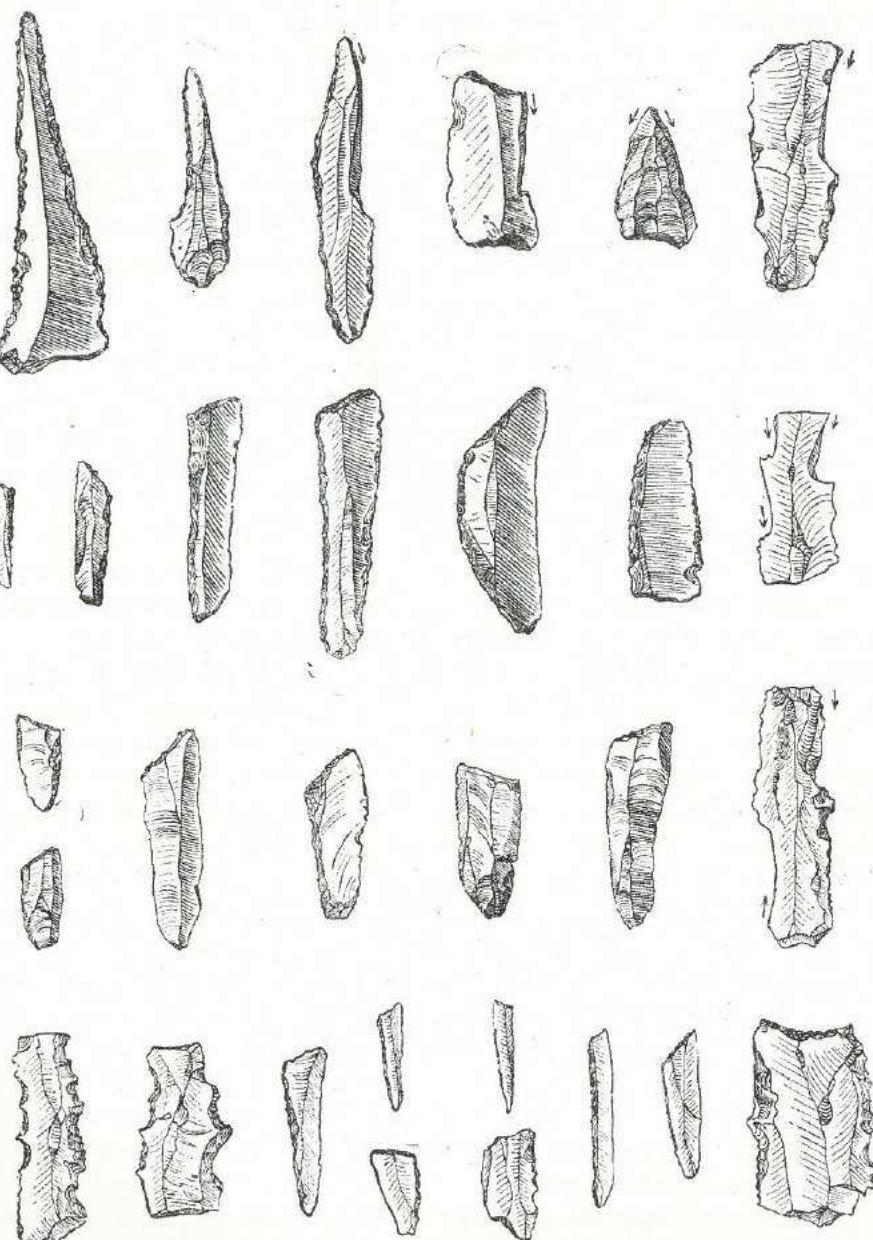

Рис. 128. Верхне-палеолитические орудия из полупещерной стоянки в Бармаксызском ущелье из обсидиана и кремня (3-й ряд, 2, 3, 5 и 6). В $\frac{3}{4}$ нат. велич.

густых его скоплениях на поверхности циклопических городищ; — также, наконец, и несомненное существование настоящих заселенных пещер с верхне-палеолитической обсидиановой индустрией. Только в пещерах нам удалось встретить в большом количестве типичные серии обработанных орудий, дающие возможность говорить определенно о их возрасте.

Полностью нами обследована была, в первый же год работ экспедиции, одна такая пещера, вернее небольшое углубление в скале с наружной жилой площадкой под ее навесом на левом берегу р. Храма (Кции) в конце каньона, открывающегося к селению Барсом, на высоте около 8 метров от поверхности реки (табл. СХХVI).

Пещера эта была огорожена невысокой каменной оградой, толщиной до одного метра, по краю площадки. Поверхность культурного слоя к моменту работы была разрушена и каменное дно местами было обнажено. Много обсидиановых орудий и осколков оказалось разбросанными по размытому склону вне ограды. В значительной сохранности осталась культурный слой удалось наблюдать только в той части площадки, которая находилась под разобранной нами каменной оградой. Здесь почвенный пласт достигал до 80 см толщины и состоял из дернового слоя, около 20 см, более темного, коричнево-каштанового цвета, культурного слоя, всего около 40 см мощности, и наконец комковатого окрашенного в желтоватые и красноватые оттенки слоя подпочвы, — продукта разрушения туфовой скалы. Обсидиановый материал начинал встречаться с глубины 25 см, но главная масса орудий сосредоточивалась приблизительно на глубине 50—60 см от поверхности, образуя на вертикальном разрезе всего пласта резко заметную полоску. Горизонтальные расчистки на этом последнем уровне были густо усыпаны блестящими осколками обсидиана и орудиями. Кремневый инвентарь играл при этом крайне незначительную роль. Из десяти с полувиной тысяч осколков и орудий, собранных на площади в 70 кв. метров, кремень дал не сколько более шестисот единиц, то есть около 6 проц. Костного материала оказалось очень немного и он состоял главным образом из мелко-разбитых диафизов крупных костей и зубов дикой лошади. Характерной чертой индустрии является огромное преобладание узких ножевидных сколов над широкими пластинами, которые, большей частью, неправильны, являясь простым отбросом производства и лишь в единичных случаях получают вид орудий, иногда и пережиточно сохраняющегося мистерского острия. Массивных осколков и ядриц (исключительно неправильных) очень мало, до 3 проц. к валовому сбору.

Удалось выделить, однако, 3—4 сферических нуклеуса мелких размеров. Узкие сколы образуют две группы: большую (более 2-х тысяч экземпляров), состоящую из удлиненных трех-четырех-гранных не очень правильных уплощенных лезвий среднего и малого размера, и меньшую из более массивных, чаще трехгренно-призматических, отколов, прямых или изогнутых, являющихся в значительной части отбросами при изготовлении резцов, типа выделенного П. П. Ефименко (377) для Костенок еще в 1915 году. Сами резцы, хотя немногочисленны, но характерны. Они изготовлены преимущественно на ножевидных пластинках, обыкновенно более массивных, из непрозрачных разностей обсидиана, но не из кремня. Преобладают краевые и угловые резцы (простые, двусторонние, двухконцовые, двукратно-повторные) над срединными. Многофасеточные резцы не типичны. Резцовый откол производился обычно по слому пластинки, но имеются прекрасные образцы с ретушированным вершинным краем (косо-прямым и выемчатым). Скребки встречаются двух главных типов: неправильные, получаемые помощью ретуши выступающих и вогнутых краев тонких широких отщепов, и правильные, или концевые, на ножевидных пластинках, обыкновенно сужающихся к основанию, или же, реже, округло оформленные. Скребки с высоким крутым рабочим краем более редки.

Очень характерны проколки с двукраевой ретушью, образующей длинное шиловидное острие. Значительную группу орудий составляют удлиненные пластинки с ретушированными краями. Ретушь обычно обрамляет всю пластинку, следуя ее очертаниям, или частично с одной стороны. Встречаются и пластинки с выемками, ретушированными с одного края со спинной стороны, с другого — с брюшной стороны.

Наиболее типичной руководящей группой орудий являются здесь узкие острия с наискось обитым концом и притупленной спинкой. Размер этих изделий, генетически восходящих к острию типа „Граветт“ (368), колеблется от 5 до 1,5 см, при чем наиболее мелкие пора-

жают своей очень узкой трехгранный формой с высоким затупленным краем. Эти последние не только типологически, но и функционально являются, видимо, предшественниками „геометрических“ микролитов-вкладышей поздне-капсийского типа (374). Близко к этим орудицам примыкают многочисленные в описываемой стоянке пластиночки, не имеющие притупленной спинки, но снабженные одним таким же косым ретушированным концом. Может быть они являются лишь заготовками для предыдущих. Всего обоих видов этих орудий собрано нами на стоянке более двухсот экземпляров, при чем любопытно, что треть из них оказалась выделанной, в полное нарушение вышеуказанных соотношений, из кремня.

Характерной чертой этой интересной стоянки, определяющей верхнюю границу ее хронологического возраста, является полное отсутствие в ней следов приема дробления на части правильных ножевидных пластинок и вообще „геометрических“ микролитов, входящих в состав инвентаря пещерных стоянок Имеретии третьей группы, по классификации С. Н. Замятнина (378), и составляющих, повидимому, самостоятельную древнюю группу в инвентаре из Одиши с неолитическим уже там основным слоем.

Таким образом, изучение Бармаксызской стоянки с полной очевидностью доказывает заселенность человеком высокого Цалкинского плоскогорья (выше 1500 метров над уровнем моря), во всяком случае, с конца палеолитической эпохи, когда основным охотничим животным, как показывают костные остатки в культурном слое, была очевидно встречающаяся в большом количестве дикая лошадь. Замена отсутствующего в этой вулканической области кремня обсидианом сообщает характерный, необычный, облик местной каменной индустрии, сохраняющей однако, несмотря на отличающиеся физические свойства (хрупкость) вновь приспособленного материала, типичные для данной стадии формальные черты. Это придает Триалети наряду с другими частями центрального южнокавказского вулканического нагорья с месторождениями обсидиана, в частности, например, с Арагацом (Алагезом), где, как говорили выше, Жак де Морган предполагалось наличие длительных филиаций палеолитической обсидиановой индустрии, особый интерес, не столько даже в отношении форм приспособления палеолитической техники к иному материалу, сколько в отношении самой истории добычи и обработки, а также транспортировки обсидиана в невулканические области Передней Азии, а также и другие части Кавказа, поскольку находки обсидиана зарегистрированы там уже в верхне-палеолитическую эпоху.

К сожалению, в данное время мы не имеем еще никакой возможности обнаружить и выделить обсидиановую индустрию для всего неолитического периода, чтобы проследить преемственность древнейших коммуникаций, подготовлявших позднее пути движения металла. Если в Поволжье обсидиан мог проникать всего естественнее из небольших северо-кавказских месторождений, в Египет и Сирию — с островов Эгейского моря и Мало-Азиатского плоскогорья, то в Элам, Шумер, Луристан, даже Курдистан, как доказывает Жак де Морган (379) на основании непосредственного сравнения материала находок, он шел видимо из вулканической зоны Малого Кавказа, где обсидиан отличается, особенно в районе озера Паравана, высокими качествами и богатством ценных стекловидных разностей. Единственное, мы можем пока сказать при настоящем состоянии наших исследований, что последнее обстоятельство могло явиться одним из условий культурного подъема Триалети и соседних вулканических областей в конце неолитической эпохи, непосредственно перед появлением металла, когда, с одной стороны, обсидиановые поделки становятся особенно многочисленными в культурных слоях Месопотамии, Шумера, Элама и когда, с другой стороны, на самой территории Куро-Аракского Двуречья обосновывается вышеуказанная культура зольных холмов с прекрасной художественной керамикой особого стиля при низком еще уровне технического оснащения. Поэтому изучение этого последнего слоя и выделение источников его возникновения должно явиться уже в настоящее время одной из кардинальных проблем в доистории Южного Кавказа и в решении вопросов его раннего этногенеза, поскольку именно в этом слое оказываются заложенными корни блестящего

культурного расцвета Грузии в Триалети, наступившего к середине II тысячелетия до нашей эры. Мы уже говорили выше не только о местном характере этой культуры, но и о крепких ее связях с предшествующими стадиями, пережитыми на той же территории.

Действительно, указанные обстоятельства влагают совершенно новое содержание в существовавшие до сих пор исторические представления о месте Кавказа в развитии древневосточного мира. Прежде всего, совсем под иным углом зрения рисуется нам теперь история Ванского царства, поскольку появлению его далеко предшествовали в еще более северной горной зоне, на территории современной Грузии, исключительно развитые формы быта и высоко дифференцированные ремесла в недрах еще может быть родоплеменного общества, с значительным накоплением богатства внутри господствующих родов и с роскошью, окружавшей вождей. Это позволяет более полно учитывать значение чисто местных общественных сил в процессе формирования ближайшего предшественника последующих государственных образований Южного Кавказа, тем более, что в настоящее время теряют свою убедительность старые представления Лемана-Гаупта о появлении урартской культуры и языка с далекого запада Малой Азии. Целым рядом новых работ убедительно устанавливается ближайшее родство господствующего языка в стране Урарту (Уруатру) с хуритским (382) (с той же основой в наименовании, но с сохранением начального придыхательного), письменные памятники которого в свою очередь обнаруживаются раскопками последнего десятилетия в Месопотамии и Сирии (Мари) (383) в слоях, уходящих в III тысячелетие до нашей эры, а ономастические (Саммара) (384) и другие языковые следы ведут даже к ранней шумерской эпохе (385), территориально же, если считать попытку Грозного (386) прочесть печати из Мохенджо-Даро убедительной, вплоть до Индии. Вместе с тем получают новую опору остроумные концепции А. Моргата (387) и А. Гетце (388) о значении „горных народов“, именно хурритов или харрийцев, как четвертой промежуточной между хеттами и населением Месопотамии культурно-исторической величины древнего мира. Все более устанавливаемые прочные связи хурритов с Сирией и вероятное отношение их к гиксам (389), покорившим Египет, нисколько не меняет вопроса о северном горном происхождении хурритов, как об этом свидетельствует между прочим и сопоставление анализов пород дерева (береза и ясень) (390) египетской боевой колесницы Флорентийского Музея, со сведениями, что древесный материал для колесниц вывозился в Египет из страны Нахараин (391) (Митани), то есть видимо Наири ассирийских надписей, так как береза уже не растет южнее Ванской области, а одно из двух египетских названий для колесницы wrist является действительно по Шпейзеру (392) хурритским словом *warat* „колесница“.

Можно думать, что первоначальное распространение харрийцев-хурритов из горного Курдаистана и может быть Загроса происходило вдоль горных областей по верхнему Ефрату в Сирию, минуя долину Тигра, так как на территории Ассирии не обнаруживается их следов до начала II тысячелетия (393). Только к этому времени к XVII–XIV векам до нашей эры относит Шнейзер хурритские слои Тепе Тавра (394), эпохи средней бронзы, соответствующие третьему хурритскому слою в Тепе Билла, где характерные черты орнамента хурритской керамики, спиральный мотив и фигуры птиц, уже тяготеют к средиземноморским, обнаруживая однако здесь в то же время совершенно иной неповторимый в Эгейском мире декоративный характер. Вместе с хурритами эти мотивы проникают и в Сирию и даже Египет эпохи гиксов (395). Однако пышное и своеобразное развитие тех же декоративных форм в курганах Триалети эпохи средней бронзы вносят новые моменты в вопрос о путях их преемственности в хурритской среде и об отношении последней к субарской культуре, если учитывать устанавливаемый Шнейзером, в противовес Уигнаду (396) и собственным первоначальным положениям (397), разрыв между субарской и хурритской культурой, одной собственно месопотамской, а другой, периферической к ней и пропущенной згейскими элементами. Во всяком случае мы не должны только смешивать позднего чисто торгового притока критской продукции на Кипр и в Сирию (Рас

Шампа) (398), особенно значительного в эпоху XIV—XIII веков, с тем длительным взаимным культурным обменом стран восточного Средиземноморья и Переднего Востока с началом появления металла, который позволил Губерту Шмидту (399) проследить крито-минойские формы уже в конце второй культуры в Анау на крайнем Востоке (Средняя Азия) и который основывался на значительной общности древнейших этнических систем на всей этой территории при разнообразии народов, культурных провинций и языковых групп. При этом скорее Малая Азия с Кипром и Понтийским побережьем являлись Западом, с древнейшим егоprotoхеттским этническим субстратом, тогда как северная Сирия, и исторически, и этнически, и географически была связана с месопотамским Двуречьем*.

*. В действительности зона контактаprotoхеттских языков с восточно-азиатическими может проходить еще глубже. Хаттийские языковые черты прослеживаются на восток до Каспийского моря и Загроса, где языки каспийев (авил, касситов), в свою очередь проникавших, если и не касатьсясвязи их с кашками (406), судя по топонимике на территории Грузии (сел. Каспи, станция Caspi Tabulae Peuting., локализуемая Томашеком (400) близ оз. Параван), явно роднится с хаттийским, как это показывают ономастические (401) и поразительные словарные совпадения: хатт. *miliš* „человек“—касп. *meli* „человек“ (401); хатт. *wašhaw* „бог“—касп. *mašbu* „бог“ (402) с типичной вавилонской меной *w/m* (сравни также черкесско- „осетинское“ (403) *uašho*—имя божества), хатт. *wuru* „страна“—касп. *miri-āš* „земля“, при эламском *miru* „земля“. Последнее свидетельствует что и эламский, с которым каспийский близок, в частности и показателем множественности *-rī* в своем наименовании *Kas-rī* (404) (аналогичным грузинскому „народному“ (405) *-b-*, мегрельскому *-r-* и подобным (407) в ряде дагестанских языков), обнаруживает соприкосновение сprotoхеттским и, несмотря на совершенно иное свое строение, включает еще ряд общих сprotoхеттским элементов, например: другие словарные совпадения,—хатт. *katte* „царь“, эламск. *katla* (?), *katru* „владыко“, в качестве титула (408), или сходство генитивного суффикса (409) происхождения и принадлежности *-t* в эламском (например *ḥataintiṛa*, *ḥataintiṛta* „эламский“, „принесящий из Ḫatainti“) и *-l* в хаттийском (напр. „из города *Ariinna*“—*ariinna-ii(l)iš*) „аринский“ или пережиточно в хеттском-неситском—*ḥattili* „хаттийский“), сближение которых между собой особенно очевидно при сопоставлении с такого же рода грузинскими суффиксами происхождения (410), например: *kax-uri* „кахетинский“, *kax-cii* „кахетинец“ и подоб.

Можно поэтому думать, что в каспийцах мы имеем древнейший продукт взаимодействия крайней восточной и западной ветвей передне-азиатского этнического субстрата.

В какой мере следует также приписыватьprotoхеттам возможность участия их в образовании космополитической шумерской культуры и относить на их счет особенности в префиксальном строении шумерского глагола (411), при типично агглютинирующем характере языка с тенденцией к гармонии гласных (412), не имеется сколько-нибудь устоявшихся мнений, если не считать попытки Эмиля Форрера (413) сконструировать в Шумере и Месопотамии особый хатти-сангверский племенной массив, явившийся одним из основных компонентов шумерской народности, вместе с субаро-харрийским (414), а также вероятно и эламским (415). Во всяком случае обращает внимание факт фонетической солидарности во всех азиатических языках Древнего Востока; при всем их различии между собой. Пёбель и Отран указывают в Шумере (416) такую же нерешительность в различении звуков взрывных глухих и звонких *b-p*, *g-k*, *d-t*, какая имеется и в малоязийских языках (за исключением лидийского, а также урартского), напр. ликийском (417), где *b* и *d* часто передаются через *pp*, *mp*, *pt*. Это же явление засвидетельствовано эламской, митанийской клинописью и кипрским слоговым письмом (418).

Сюда же можно отнести также широкое пользование в указанных языках латеральными звуками, типа современных северо-кавказских языков (419), как это следует из обычных колебаний в употреблении *t* и *l*, что Хюзинг (420) давно уже констатировал в эламском (*hulun* || *hudun* вместо **hu(tl) un*) и что можно видеть также в хурри-митанийском (421), где Борк предполагает латеральное *l*, типа ирландского и уэльского, и где Форрер (422) также отметил аналогичные перебои, например, в титуле царя — *la:barna* || *ta:barna*.

Относительного наличия аналогичного звука в хаттийском языке труднее сказать что-либо определенное, за отсутствием достаточного материала, но А. Смешек (423) пытается установить его, на основании ряда соображений: так заимствованный ассирийцами из Малой Азии архитектурный термин *bilani*, вероятно протохеттского происхождения, встречается также в написании *bi'lani*, в греческом и римском языках (у последних может быть под влиянием этрусков) сохранились следы указанного колебания (памфильское *λάφυη* || *δάφυη*, *λέχκος* || *δέχκος*), чему они обязаны видимо протохеттскому субстрату, как это подкрепляется и непосредственными данными И. Гельба (424). То же можно сказать и о *bilani* || *bilani*.

Отмечается также во всех азиатических языках обычность перебоя $\dot{s} \parallel \dot{r} > 1$ через $\dot{r} - \dot{s}$ (подобно груз. и мегр. *ruli* || *luri*—*juri*, «сон» и *çitî* || *çuçî*, «ухо» и общекавказским соответствиям для слова три, по Дирру (426) **Abu* || *šabu*—**šamu*) в эдамском (427), хурри-митанийском (428), шумерском (429), а также и прототетским (430).

Вместе с этими фонетическими фактами, указывающими на однородность древнейшего языкового субстрата на всей этой территории с чрезвычайно стойкими разговорно-звуковыми плавкими, трудно вообще

Поэтому нет никаких оснований рассматривать хурритскую культуру как культуру эгейскую и тем более отрывать хури - митанийский языковый массив от восточно-азиатического мира, противополагающего протохеттскому — западному (чисто префиксальному языку) эламский и сумерский с их по различному проявляющимися отношениями к хурри-митанийскому при глубоком своеобразии каждого из них в отдельности. Особенное значение в данной аргументации имеет также и констатируемое Бруном и Борком проявление древнейшего дравидийского языкового субстрата сквозь кавказско-азиатические языковые пласти, как в эламском (440), так и хурри-митанийском (441) языках в независимой друг от друга форме, что в свою очередь ведет к отклонению этих языков друг от друга. Соприкосновение с дравидами, присутствие которых, во всяком случае, в Эламе засвидетельствовано и исторически и антропологически (439), отражается и обратно на несомненных заимствованиях, например, из эламского языка (ряд личных и притяжательных местоимений, *Suffixaufnahme*) в языке белуджистанских брагуев (440). Но гораздо существеннее то, что объяснимые из дравидийского языковые черты прослеживаются, видимо параллельно с широким древнейшим распространением протомедитеранной расы, на Переднем Востоке и гораздо далее на запад в Малой Азии*. Так Фердинанд Борк всецело

искоренными, наблюдаются столь же общие черты и иного порядка, как например явление, отмеченное впервые Боппом (431) еще в 1846 году в древнегрузинском языке и названное Финком в его классификации языковых типов (432) *Suffixaufnahme*, то есть принятие управляемым (посессивом) суффиксов управляющего, обычно стоящего впереди. Хюзинг и Борк считают эту особенность как бы „руководящей окаменелостью“ (433) кавказско-азиатических языков, поскольку она характеризует эламский (434), хурри-митанийский (435) (но с нарушением обычной последовательности (436), не коснувшейся однако урартского 437), а также шумерский (тоже с обратной последовательностью) (438), хеттский-неситский, хеттский-иероглифический, ликийский (417) и даже этрусский (*genetivus genetivi*). Если мы находим эту черту у брагуев Белуджистана, в полном противоречии с основным строем их речи, то это только может свидетельствовать о возможности распространения этой черты также и путем простого заимствования, и о том, что предки брагуев должны были некогда обитать значительно ближе к Передней Азии.

Таким образом, приведенные здесь факты свидетельствуют со своей стороны, что и четвертая группа азиатических народов Древнего мира, именно хурри-митанийско-урартская, наряду с протохеттской, эламской и шумерской, оказывается глубоко захваченной в один общий языковообразовательный процесс.

* Представление Ф. Лушана (442) о коренном „арменоидном“ брахицефальном типе населения Переднего Востока и особенно Малой Азии все более терпит поражение с появлением новых находок костей человека из более глубоких исторических и доисторических слоев. Почти всюду обнаруживается здесь древнейшее господство атланто-мединеранного (евро-африканского) или чисто мединеранного антропологического типа в различных его вариантах (иногда, даже на западе, с заметными чертами прогнатизма). Во всяком случае это можно уже определенно говорить относительно Шумера, начиная с обеидской эпохи и до третьей династии Ура (443), относительно значительных частей Малой Азии, Троады, Киликии (444), а также и Каппадокии (445) о Южном Кавказе (272) и особенно об Иране (Тепе Гиссар) (446), где и теперь, как выясниено, последними исследованиями Г. Фильда (455), господствующей является особая ветвь средиземноморской расы, выделенная им и Хутоном, как „раса иранского плоскогорья“. На долю переднеазиатской—брахицефальной расы остаются собственно горные и лесные области северной Месопотамии и Малой Азии, откуда эта раса и имела возможность в дальнейшем распространяться. Однако одним культурным и политическим выступлением „горных народов“ на арену древне-восточной истории во II тысячелетии до нашей эры вряд ли можно объяснить современное господствующее положение в Малой Азии, северной Месопотамии и южном Кавказе этого так называемого „арменоидного“ или „ассироидного“, „пonto-загросского“ брахицефального типа, в котором В. В. Бунак (447) обнаружил завуалированные признаки мединеранской расы. В вопросе о его генезисе должна быть учтена гораздо более древняя доисторическая расовая картина.

Если не согласиться со старым еще мнением Китса (448) о возможности самостоятельного местного возникновения европейской альпийской расы с динарским ее вариантом, наиболее близко стоящим, как это устанавливает В. В. Бунак к описанному им понто-загорскому типу, и признать напротив азиатское происхождение за брахицефальным населением центральной Европы, то Малая Азия и Месопотамия окажутся мостом, по которому происходило древнейшее продвижение этого типа со стороны центрально-азиатских плоскогорий. Но это явление должно отодвинуть далеко назад за восстанавливаемую ныне археологическими исследованиями картину доисторического расселения оседлых уже земледельческих обществ Древнего Востока с черно-лощеной и расписной керамикой, в конце неолита, а именно скорее к мезолитической эпохе (449) (гренельская

относит к воздействию древне-дравидской звуковой системы вышеупомянутое отсутствие звонких взрывных *b*, *d*, *g* у большинства азиатических языков, что и обуславливает в значительной степени, по его словам, трудность провести мост между их фонетикой и современной кавказской (457), если не учитывать, например, известного элемента глухости в произношении звонких в грузинских (537), а также и армянских диалектах (538). Митанийский проявляет еще сверх этого свое особое отношение к отсутствующим в древне-дравидском консонантам *s* и *š*, из которых первым пользуется очень редко, а второе всецело приводит к *ʒ||g*, чем Борк и объясняет характерное для митанийского языка смешение *genus perigonale* и *comitiale*, приводящее к исчезновению в нем родовой категории.

Любопытно, что некоторые из языковых черт, воспринятых хурри-митанийским языком из дравидского субстрата проникли через их посредство и в современные южно-кавказские языки. Сюда можно например отнести отмеченное еще Р. Блейхштейнером (458) сходство митанийского отрицания через *-affa*, *-fa-wa-* (463) с мегрельской частицей *wa*, *we* и негативным членом *we-t* в грузинском, поскольку в самом митанийском этот суффикс унаследован, по Броуну, из протодравидской речи и сохраняется и теперь у брагуев в формах *-va*, *-fa*, *-re* и даже *-pa(r)* (459). В этом же направлении может быть прослежено и происхождение грузинского суффикса для прошедшего несовершенного *-di* (подобно урартскому *ušta-di* я вышел, *naha-di* я шел), родственного митанийскому *-etta*, который Борк сопоставляет с дравидским *-tt-* и *-d-*. Борк предполагает также объяснить мешанностью хурритского языка с дравидским и противоречивую общему строю речи частую постановку *possesiv'a* впереди *regens'a*, для чего однако, может быть, следует полагать и другие причины, поскольку, например, это явление митанийский разделяет не только с „народным“ грузинским (460), но и со всеми другими живыми кавказскими языками, за исключением одного* южного гилянского (составленно бацбийского или цваташинского), где наблюдается порядок общий с древне-грузинским и большинством древне-азиатических языков: суффиксы стоящего впереди управляющего принимаются последующим ему определяющим напр. *bakew Daiwtew* „через рот Давида“) (464).

Все это указывает на необходимость искать происхождение хурри-митанийского этнического массива скорее в восточной, чем в западной части Древнего Востока. Напротив,

аса), а может быть даже к верхнему палеолиту (450), и связать не со специфическим передне-азиатским разовым типом, а лишь с одним из его компонентов более ранней формации.

Происходившее вместе с тем распространение протомедитеранного (частью и дравидонского), а также меди-еранного расового типа, имевшего, как полагал Серджи, северо-африканское происхождение, захватывало значительную территорию Передней Азии до Индии (Мохенджо-Даро), так что он оказался здесь господствующим эпохи образования первых оседлых поселений. Однако черепа альпийского, но не планоокципитального передне-азиатского типа, были обнаружены вместе с средиземноморскими Вирховым в самом нижнем слое Трои (451). Наличие альпийской расы засвидетельствовано также в Палестине (Гезер), на Кипре, в додинастическом Египте (452) и в центре Малой Азии, правда только, в третьем слое Алишарского холма (445), тогда как типично переднеазиатские черепа появляются там не ранее середины II тысячелетия. Это заставляет дать вопросу об оформлении хорошо известного по хеттским, ассирийским, вавилонским, хуррийским скульптурным памятникам расового облика населения Передней Азии особое освещение. Не окажется ли появление этого типа во II тысячелетии следствием явлений более биологического порядка, независимых от языковых образований, именно результатом постепенной регенерации ряда признаков древнего автохтонного типа, измененных и усиленных, метисацией, внутри уже ранее образовавшихся языково-племенных групп, как хуррито-субарских, так иprotoхеттских и даже семитских (Ассирия), подобно тому как в Придунайских странах происходило восстановление коренного брахицефального населения в послегальштадтскую эпоху (453). В этом процессе ряд характерных признаков, в частности и форма носа понтозагорского типа получила свое оформление, в значительной степени завися и от вторичной долихоцефальной среды (454), заключавшей повидимому кроме более протоморфных разностей и отмеченный Г. Фильдом (455) в Иране и Ираке крайне долихоцефальный орлиноносый тип и другой близкий кprotoарабскому, чистым выражением которого оказалось по Китсу (456) население Шумера в додинастическую и раннединастическую эпохи.

* Попытка Хюзинга (461) сравнять в этом отношении с эламским также цахурский язык покойится, как показал Дирр (462), на грубо ошибочных данных Эркнта (546); на самом же деле цахурский язык не выделяется здесь среди остальных лезгинских языков.

вопрос о языковых связях, именно, хурритского языка с Эгейской не имеет под собой никаких оснований, поскольку языки крито-микенского мира нам совсем неизвестны, а неудачно, поэтому, называемые иногда „эгейскими“ языки западной Малой Азии, в той мере насколько они исследованы, обнаруживают сами азиатический характер и если соприкасаются с хурритским и урартским, то как раз своими „кавказскими“ чертами. Так наиболее хорошо известный ликийский язык разделяет с хурритским в своей чуждой индоевропейским основе только те черты, которые имеются, например, и в эламском, не говоря уже о таких еще более широко распространенных во всех азиатических языках особенностях, как отсутствие взрывных звонких звуков или *suffixaufnahme* и проч. Например, ликийский и карийский *genetivus* на -ak (-ekhe), -ab (465) узнается (466) не только в харрийском адъективно-объективном суффиксе -h (*astubhī* „женский“ от *asti* женщина) (467), но и в протохеттском *kattah* „царский“ от *katte* „царь“, а также и в одном из притяжательных суффиксов эламского -k. Можно также например указать, что ликийское слово „жена“ *lada*, для которого Бугге (468) предлагает сомнительную, хотя бы из сопоставления со свидетельством Геродота (I, 13) о матриархальных обычаях у ликийцев, этимологию от *ala* „другой“ в смысле **alla-dā*, как „прилагаемая к мужу“, сближается не только с урартским *lulu* женщина (по А. И. Генко (469) эквиваленту груз. *ded-a* через архетип **dutu* > *զւզչ* „кормилица“), но и с эламским *rutu* при типичном для древних и новых кавказских языков колебании 1/г (например груз. *çalı* — мегр. *çarı* „вода“), в то время как митанийское „жена“ *asti* Броун выводит из дравидского, также как между прочим Хюзинг (470) считает дравидским, проникшим в Малую Азию, приведенное Геродотом (I, 13) древнее наименование ликийцев терминалами, сопоставляя его с тамилами. Таким образом, если и трудно согласиться с Кречмером (471) видеть в названии местности в Сицилии *Ἐλύριοι*, *Ἐλύριατοι* (Дионис Галикарнасский I, 22, 53) эламское происхождение, так как невероятным кажется чтобы эламцы (троки) по Страбону XIII (608) сохранили бы в Сицилии не свое собственное наименование *Napir-ti-p*, *Halpirti-p* (477), а семитизированное (472), возможность культурно этнических течений от Элама до западной Малой Азии отрицать не имеется оснований (473). Что касается ликийского, то этот богатый консонансами префиксальный язык вообще не обнаруживает точек соприкосновения с хурритским.

чек соприкосновения с хурритским. Гораздо больше поэтому оснований связывать с Эгейским миромprotoхеттский язык, чему соответствует и древнее единство антропологического типа на Крите и в Малой Азии, медiterrанного в основе (в противовес старому мнению Лушана (474) о коренном брахицефальном населении Малой Азии и Крита), и ранние культурные соответствия, и, может быть, даже и язык, если удастся подтвердить предполагаемое префиксальное строение языка надписи на Фестском диске. П. Н. Ушаков (475) привел недавно ряд доказательств, подтверждающих этот тезис, правда с некоторыми из выдвинутых им положений нельзя полностью согласиться*. Вообще соприкосновение Малой Азии с древней Грецией доказывается целым рядом различных фактов, среди которых большое значение отводится распространению топонимических названий на -ant, -int, -unt (-anda, -inda, -inthos), а также на -ass (-ssos). Они являются по Форреру (480) в значительной части лувийской перестройкой древней хаттийской номенклатуры, поскольку удается установить вторичность назализации более древних -at, -it, -ut (например protoхеттское Kaburnat, более позднее—Kaburanda), что можно сопоставить с отмеченными И. А. Джавахишвили (481) грузинскими топонимами

* Напр. в слове делеги, так же как в хулуби, как в *Lūlubaion* наряду с *Lūs* надо видеть склонение через удвоение (476), а не образование с хатским префиксом *le*. Против же этимологии В. Брандештейна древне-греческого названия местности *Λέρυη*, как *le-ariна*, где *le-* опять-таки префикс множ. числа, а *ariна*, „источник“, основательно возражал Э. Форрер (478) указанием на четыре случая имени греческого героя *Λέρυος*, исключающих возможность понимания этого слова, как множественного числа. К этому надо прибавить что и слово *ariна* вовсе не является, как показал тот же Форрер, протохетским, а лувийским, так же как, может быть, и неситское *ariна* море, тем более что в санскрите *ārṇāś*, *ārṇavā* значит поток, море, океан (479), а *rija-* текущий.

ческими наименованиями на -анта при северо-кавказских (без и): на -та, -ада, -ода. В отношении Греции это указывает на присутствие там всего скорее лувийского же слова сверх протохеттского.

Что же касается Кавказа, то здесь приходится ожидать многослойного пересечения ряда культурных течений как восточных переднеазиатских, так и западных.

Хотя чисто археологические данные в памятниках материальной культуры и не могут быть решающими в сложных вопросах древнейшей этнографии, но и здесь произведенные недавно, в 1939 году, раскопки на озере Ване американской экспедицией дают нам, судя уже по краткому отчету (482), новые существенные опоры для установления следов почти на рубеже Южного Кавказа древнейшей монолитной сиро-месо потамской культуры, прогрессивной, при своей архаичности, и несомненно отличной от западной мало-азийской, которая лишь самым нижним своим слоем с чернолощеной керамикой (Троя I, Ахлатлыбель, Сакчегёзы) (483) обнаруживает родство согласно В. Христиану (484) сprotoхалафской продукцией северной Месопотамии. При этом обращают на себя внимание ранние сношения Ванской территории с Кавказом. Основной индустрией самого нижнего, еще неолитического, слоя в холме Шамирамалти (где производил раскопки Бэлк в 1899 году) (485) оказываются обсидиановые изделия, найденные здесь в количестве сотен ножевидных пластинок, выработанных очевидно из обсидиана, который доставлялся туда, также как в соответствующее время и в Телл-Халаф (486), будущую столицу царства Митани, из ближайших южно-кавказских месторождений (на Аракате и вулканах Ирана, как известно, выходов обсидиана не обнаруживается).

Обсидиановые изделия, более тщательно обработанные, составляли, в следующий период, также инвентарь энеолитического очага, открытого указанной экспедицией в Малой Ванской Цитадели в 8 километрах к северу от главной Ванской крепости. Но особый интерес представляет наличие, именно в упомянутом неолитическом слое Шамирамалти, тонкой расписной керамики „телхалафского“ типа, характеризующего, как известно, нижние до-„обеидские“ слои ряда наиболее древних жилых холмов северной и западной Месопотамии, как Ниневия, Арпачия, Теле Гавра, Тел-Халаф с их удивительно ранним, предшествующим Шумеру, культурным подъемом в конце неолита (487). Включение в эту древнейшую культурную систему Ванского района является чрезвычайно существенным фактом, так как ставит конкретно вопрос о зоне ее контакта здесь на севере с упомянутой малоазийской, протохеттской системой, отличающейся совершенно иной керамической филиацией, другими архитектурными формами (488), художественным стилем и историческими судьбами. Но только с подробным опубликованием Ванского материала, как ближайшего к Кавказу, с одной стороны, и с изучением южно-понтийского пути (489) к западно-анатолийскому энеолиту с другой, мы получим возможность соотнести с определившимися на Др. Востоке указанными системами открывшиеся в Грузии древнейшие пласти эпохи появления металла и расцвета средней бронзы, и наметить, таким образом, опорные пункты для хронологии ранних этнических смешений, которые надо предполагать на территории Южного Кавказа, по вероятной принадлежности его к области взаимодействия префиксальной и суффиксальной языковых систем яфетического строя. Ведь коренные здесь картвельские и северо-кавказские языки, наряду с давно отмечаемыми связями с хурри-митанийскими языками (490), с одной стороны, и эламским (491) с другой, при устанавливаемом Борком (492) значительном соприкосновении последних между собой *, до глубины словарных совпадений, обнаруживают сильные тенденции к префиксальным образованиям, типичным (496) для хаттского языкового слоя, основного в Малой Азии. На долю последнего отчасти следует отнести и

* Интересно в данном случае указать, что два грузинских показателя множественности -б и -и не только находят себе полную аналогию оба в эламском (493) и второй в хурритском (494), но следы первого также оказываются и в хурритском (495).

приписываемые субарейцам (497) поразительно сходные с мегрельскими фамилиями формы имен на кипрских таблетках, так как по анализу Гельба многие из этих имен являютсяprotoхеттскими, и хуррийский элемент среди них менее выражен (498). В то же время вновь поставленный Борком (499) в последней публикации письма Тушратты Аменофи-су вопрос о поразительной общности „незавершенного“ характера глагольных образований в митанийском, эламском и абхазском языках (согласно работе Деетерса (500) о строении абхазской речи), склонных к необычайному многообразию глагольных форм, которые способны аннексировать не только местоимения, но, при абхазском полисинтезе, и существительные (абхазское выражение *i-č'hva-su-rgyl-çeit* „я поставил на огонь“ представляет одно слово, где *rgyl* — глагол, *č'hva* — „огонь“ и *-s* — местоимение 1-го лица единств. числа) указывают на глубину связей Южного Кавказа с восточным хурри-митанийским и эламским древне-восточным азиатским миром.

Это тем более должно быть принято во внимание, что отмеченное Г. В. Церетели (501) совпадение явно активной конструкции переходных глаголов с субъектом в эргативе и объектом в именительном падеже в грузинском аористе, а в чанском во всех временах (502), с таковой же в урартском языке, где субъект определен суффиксом *-še*, а объект находится также в неоформленном или „именительном“ падеже на *-n*, подтверждается и последними исследованиями Альбрехта Гётце по хурри-митанийскому языку. Действительно, Иоганнес Фридрих (503), считая установленным для хурри-митанийского языка, что субъект транзитивного глагола ставится только в падеже на *-š*, а объект на *-n*, то есть в полном соответствии урартской практике (504), не находит еще возможным утверждать пассивность ориентации глагола, как это сделал для урартского (505). Однако А. Гётце (506) и Е. А. Шпейзер (507) выделяют уже в хурритском типы фраз с пассивной конструкцией, где *n*-форма относится к лицу или предмету, вовлекаемому в действие, при чем глагол оканчивается на *-a*, в частности как в урартском. Зато в отношении переходных глаголов, где *agens* на *-š*, а *affectum*, реже *effectum*, по выражению Шпейзера, на *-n*, Гётце (508) утверждает в противовес последнему активный характер этой конструкции, то есть тот же, что и в грузинском.

Надо только заметить одно, что исключительно суффиксальный тип хурри-митанийских языков исключает в них возможность префиксального оформления объекта в глаголе, как это имеется в грузинском или также в эламском.

Не место однако входить в данном случае в рассмотрение этих сложных чисто языковых проблем, встающих неизбежно перед нами, когда мы хотим исторически и этнически осмыслить открывшиеся нам археологические факты. Мы можем лишь с значительной вероятностью утверждать, что блестящая курганская культура Триалети свидетельствует об очень древних связях с Южным Кавказом предков грузинских племен, издавна занимавших отдельными своими племенными ветвями эту территорию и в частности области водоразделов Куры и Аракса, Ефрата и Чороха, где согласно недавно предложенным акад. С. Н. Джанашиа (509) остроумным сопоставлениям клинописных ассирийских свидетельств и национального грузинского предания, сохраненного Картлис Мокцева и, в контаминации с Аргонавтикой, Геродотом и Страбоном, следует видеть древнейшую область исторического оформления Иберии-Картли в эпоху, далеко предшествующую Армази Картли в Мукхета.

Не отрицая давно установленных родственных отношений между современными грузинскими племенами и древне-восточными одноименными народами (510) мушками (месхами), кашками (колхами), тубалами-тибарами* (иберами) (511) мы должны однако учесть и наличие

чисто местных, идущих от своеобразного южно-кавказского энеолита глубочайших корней грузинской культуры на Кавказе, с поразительным ее расцветом в эпоху средней бронзы. Другой вопрос — в каком отношении находятся эти вскрываемые археологией культурные пласти к обнаруживаемому топонимическими исследованиями (533) древнему заселению большей части западной и восточной Грузии черкесскими (адыгейскими) и чечено-дагестанскими племенами, генетически родственными грузинам (534), и как хронологически и гео-

этимологии Эйслера (512), обнаружившего для понятия кузнечного производства, игры на флейте и элегии (513) один семитический корень, связанный с трубкой *čapac*, основной частью воздушных мехов. Но и первая половина приведенного имени Тубал (514) восходит, очевидно, к тому же понятию, поскольку шумерское тибира передается объяснительной глоссой, читаемой по ассирийско-аварийски *gurgutu*, то есть „металлург“ и соответствует ассирийскому таберу (515), того же значения. В сумерском тибира легко видеть, вместе с тем, ближайший эквивалент (с большим лишь падением гласной второго слога) для имени тибар-енов Геродота и той искомой формы тибер, которую восстанавливает акад. С. Н. Джанашиа в указанной работе, на основании анализа соответствующих диалектических разнотечений у классических авторов и выделения картвельского форманта собирательных (а также возможно (516) географических) обозначений *an* || *en*, связанного с древне-грузинским формантом множ. числа *-n* от *-en*, паличного, между прочим, в форме *-an* и в хуррийских языках (494) (см. прим. на стр. 129).

Еще ближе к греческому наименованию южно-черноморской народности находится засвидетельствованное позднейшей копией надписи Нарамсина, о войне с царем Арама, название горы *ti-ba-r* (517). То что в последнем мы имеем не нарицательное понятие, а географический пункт не только не меняет дела, а напротив бросает свет на происхождение этнического наименования. Можно предположить две возможности: или горная область получила шумерское название от металлургической деятельности с ней связанной, или же наоборот термин для понятия металлургии возник от места ее происхождения, что кажется вероятнее, поскольку само знакомство с обработкой руды в равнинном Шумере требовало соприкосновения с опытом горного дела горных племен. Уже описание западного похода Саргона Аккадского показывает, что в первой четверти III тысячелетия в стране Хатти в районе „Серебряных гор“ Южная Месопотамия имела экономические интересы и защищала колонию купцов от местного царя города Пурсакана, известного и по кипрским таблеткам (518). Вместе с тем на одной из последних, найденной в Кюль-Тапа, оказалась упомянутой и страна Tibira (519), видимо соответствующая вышеупомянутым горам *Ti-ba-r* надписи Нарамсина.

В хеттских писцеских источниках сохранилось еще одно географическое написание несомненно относящееся сюда же, именно *tipal* (520). В этом названии можно видеть, если учесть соответствие ассирийского таберу шумерскому тибира, непосредственный источник для ассирийского названия народа табал-ов, происходящих по надписям Салманасара II из страны богатой серебром и другими металлами и соседней со страной Хилакку, имя которой удержалось позднее за Киликийей. С аналогичными колебаниями в произношении *Thubal*, *θožel*, *θožer* (70 толковников) имя этого народа металлурга упоминается и в бабии (520).

Как далеко табалы продвигались на восток трудно сказать. Но Хюзинг (521), считающий возможным рассматривать эти этнические наименования на фоне еще более древнего дравидийского слова в Иране, относит к ним страну, расположенную на восточном берегу озера Урмии, производя от их имени *tabari* (ассирийское таберу), название современного города Тавриза (522). В связи с этим можно лишь вспомнить любопытный факт, приводимый Вуллерсом (523), что в иранском металлическом производстве удержался термин *tubal*, *tipal* в отношении стружек и обрывков металла (меди, серебра и железа), отпадающих при горячей ковке. Вуллерс с недоумением указывает на совпадение этих терминов с первой частью библейского имени *Thubal-kaip*. Во всяком случае совершенно недопустимо, как это делает Эйслер (524), искать в данном случае повода для подозрения в индо-европейском происхождении имени и народности тубалов. Напротив, есть некоторые основания думать, что шумерский термин тибира, локализованный в качестве этногеографического понятия в Малой Азии еще в III тысячелетии до нашей эры, мог стать источником для названия металла, в частности железа, на еще более удаленной урало-алтайской территории у монголо-турецких народов (для которых указывались и другие соответствия с шумерским, напр. совпадение слова „бог“, „небо“ по-шумерски *dingir* с монгол. *tengri*, азерб. *tangry*), именуя, монг. *temur*, азерб. *demir*, что курьезным образом позволяет непосредственно прочесть на языке современных алтайцев (хакасов) шумерское название божества покровителя металлургии тибира *dingir* (525), как „железный бог“ (на сагайском диалекте *tebi tengir*) (526). Однако выводить даже на этом основании шумеров из Зауралья, как это делает вновь совершенно отваженно от времени и культурного состояния, Б. Грозный (527), видящий в шумерском названии „пределов мира“ Арали-Уральские горы, невозможно уже потому, что такой взгляд находится в противоречии с хронологической конфигурацией археологических фактов появления металла на этой территории.

Возвращаясь к племени табалов ассирийских надписей, надо сказать, что загадочным является полное отсутствие упоминания о них в хеттских источниках. Следует ли на этот счет ограничиться лишь предполо-

* Следует обратить внимание на тесную связь имени тибаренов-тубалов с металлургией, что засвидетельствовано прежде всего непосредственно библейским преданием, античными авторами, а также составом имени этого народа Тубалкайна, во второй части которого акад. С. Н. Джанашиа (511) подчеркивает эпитет „кузнец“, согласно

графически определяются процессы их этнической дифференциации, а затем и последующих трансформаций и замещений одними другими*.

Для решения этого вопроса необходимо территориальное расширение археологического изучения соответствующих древних пластов, с выяснением ареалов распространения определенных культурных типов более или менее точно датированных: например, дольменного и сачхерского, относительно более позднего колхидско-кобанского, и, приблизительно, синхроничного курганных в Триалети с расписной керамикой, или, например, загэсского, ранней бронзы и северо-кавказского, больших кубанских курганов, в южном направлении. Уже и сейчас имеет большое значение, при вышеуказанном огромном сходстве поздней бронзы нижнего этажа в Самтавро с поздней бронзой в Триалети, факт проникновения сюда, как показывает случайная, не обследованная еще находка на речке Нареквави близ Мцхета (коллекция Мцхетской экспедиции Академии Наук Груз. ССР), красного расписного сосуда с волнообразно заштрихованными пятью шевронами и свастическими фигурами в промежутках между ними, типа триалетских курганных эпохи средней бронзы, и находка М. М. Иващенко в самом самтаврском древнем некрополе, работами той же экспедиции, под руководством акад. И. А. Джавахишвили, курганных погребения с упоминавшейся выше прекрасной бронзовой шпагой крито-микенского типа, что позволяет говорить о возможности перемещения в долину средней Куры в середине II тысячелетия до нашей эры цветущей курганной культуры с плоскогорий малого Кавказа.

Но односторонность накопленного пока археологического материала чрезвычайно затрудняет наши суждения о преемственности и последующих фазах развития в Грузии замечательного ювелирного мастерства, обнаружившегося в памятниках Триалети этой эпохи. Получается, с первого взгляда, впечатление некоего разрыва, регресса или, во всяком случае, общественной нивелировки при переходе в эпоху поздней бронзы и, далее, раннего железа. Драгоценные металлы, золото и серебро, совершенно перестают попадаться не только в погребальном инвентаре, но и в кладах соответствующего возраста. Понижается как будто и уровень обработки агата и сердолика для бус. Только от самого конца эпохи древнего железа, именно ахеменидского времени, мы имеем опять в Грузии и Армении замечательные находки с драгоценной посудой и украшениями тонкой ювелирной техники. Из них особенно замечателен Ахалгорийский клад, появляющийся, таким образом, как бы без предшественников. Однако это впечатление должно будет рассеяться при целесустримленных исследованиях. Уже известный инвентарь Казбегского клада с серебряной чашей, снабженной арамейской надписью „кабир“—„великий“ и с золотой шестилучевой

жем, что табалы просто в это время еще не определились в виде той мощной народности, какой запечатлена она в ассирийских надписях, или же исходя из вышеизложенного, все же надо искать их на хеттской территории под иным наименованием? Нельзя ли например согласиться с предположением, что табалы являются как раз той третью, игравшей значительную роль в хеттском государстве донеситской народностью, которая упомянута в хеттских законах паряду с хатти и луви под именем пала или бала, связанный между прочим с культом бога Zibar-wa (528), звучавшим близко к tibar, а также шумерскому Zabar „бронза“ (ассир. sīrattu). На языке палайском или балайском произносились заклинания на серебро (529); в пределах их страны, на южном побережье Черного моря, расположены Гюмуш Хане (530) „Серебряные горы“ и прииски Баллия Мадеи. Tipala хеттских надписей может быть истолковано, тогда, как словообразование от корня pala (может быть этимологически родственного (531) греч. pelagos море, лув. pala болото, лат. palus, хурритскому pala (532) водный канал) сprotoхеттским префиксом ti-, обнаруженным Форрером в ряде других географических названий, как „страна палайцев“. В таком случае северо-восточные пределы древнейшего уже расселения табалов окажутся значительно приближенными к территории Южного Кавказа.

* Например, черкесы (древне-русские косоги) до сих пор известны у осетин под именем kāzāq, то есть кашков или колхов, в наименовании которых (535) действительно имеется черкесский суффикс мн. числа -x, а в греческом названии черкес *χερκεστα* сохраняется другой тип множественного (через удвоение) от того же корня, подобно хеттскому названию кашков kas-kas, gas-gas. Хюзинг и Грозный (536) видят в этом корне kas тот же корень, что и в имени каспиев, продвинувшейся на восток частью которых он и считает кашков.

сергой, прекрасной ювелирной работы, местной формы, указывает на существование в Грузии доахеменидских памятников этого рода. Еще более интересна, в данном отношении, сохранившаяся часть замечательного клада из Колхида (с. Носири), включенного А. И. Амиранашвили—Болтуновой (539) в римскую эпоху. В другом месте я уже рассмотрел вопрос о датировке этого клада, хранящегося в Гос. Музее Грузии (26—29: 1—7), относя его к эпохе не позднее первой половины I тысячелетия до нашей эры (28). Клад был найден в 1929 году местным жителем во время земляных работ. Состав клада характерен и, подобно Самурзаканскому кладу из Чубурисхинди (540) поздне-бронзовой эпохи, тоже, с золотыми и серебряными изделиями (в частности пара золотых завитков с расплющенными концами), заключал в себе слитки из меди, в виде разного размера линзовидных дисков, полученных при остывании выплавленного металла на дне округлых углублений. Вместе с этими слитками находилось несколько сот разного размера прекрасно шлифованных, правильно-шаровидных бус, достигавших величины греческого ореха (рис. 131), из того самого, характерного, коричневого сердолика, который обычен и в изделиях триалетских богатых курганов. Совершенно подобные бусы, как по материалу, так и отделке, известны из оссуариев с колхидско-кобанским инвентарем в Абхазии (Эшери) (541) и в этом году найдены при раскопках урартского дворца в Кармир Блуре близ Еревана археологической экспедицией Эрмитажа и Армфана (542). В комплексах более поздних такие бусы почти не встречаются и совсем не заходят во вторую половину I тысячелетия до н. э. Из золотых вещей к кладу принадлежал, повидимому, орнаментированный чеканкой соус, от которого в Гос. Музей Грузии был доставлен лишь маленький обломок с изображением головы льва, разинувшего пасть и поднявшего лапу (рис. 130₂). В рисунке противопоставленных клыков, характере остро выступающего подбородка, в круглом очертании пасти чувствуется зависимость от хеттских львиных изображений, известных нам по каменным барельефам из Зенджерили и Каркемыша (543). Мелкие золотые предметы клада, попавшие в Музей, состоят из филигранных и орнаментированных зернью украшений, сохранившихся частично в целом виде, частично в обломках: а) фрагмент изображения змеи с туловищем из спаянных золотых витых шнурков и полой головкой с раскрытым пастью, искусно выработанной из двух золотых скорлупчатых пластинок с напаянными проволочками и зернью, изображающими глаза, уши, зубы и пр. (рис. 129₂), б) два петлевидных фрагмента, также спаянных из пучка шнурков, и, возможно, тоже имитирующих туловище змеи в спиральном пестрне или ином украшении; в) кольцевидно (в 21 мм диаметра) согнутый полый цилиндр (диаметр

Рис. 129. Золотые изделия из сел. Носири (Гос. Музей Грузии, инв. 26—29). В натур. велич.

головы льва, разинувшего пасть и поднявшего лапу (рис. 130₂). В рисунке противопоставленных клыков, характере остро выступающего подбородка, в круглом очертании пасти чувствуется зависимость от хеттских львиных изображений, известных нам по каменным барельефам из Зенджерили и Каркемыша (543). Мелкие золотые предметы клада, попавшие в Музей, состоят из филигранных и орнаментированных зернью украшений, сохранившихся частично в целом виде, частично в обломках: а) фрагмент изображения змеи с туловищем из спаянных золотых витых шнурков и полой головкой с раскрытым пастью, искусно выработанной из двух золотых скорлупчатых пластинок с напаянными проволочками и зернью, изображающими глаза, уши, зубы и пр. (рис. 129₂), б) два петлевидных фрагмента, также спаянных из пучка шнурков, и, возможно, тоже имитирующих туловище змеи в спиральном пестрне или ином украшении; в) кольцевидно (в 21 мм диаметра) согнутый полый цилиндр (диаметр

ром 5,5 мм) с замкнутыми, помошью припаянных мембран, несходящимися концами, служивший возможно серьгой; зерновой сложный прямолинейный орнамент, напоминающий

этрусские золотые изделия геометрического стиля VIII—VII в. до н. э. представляет собой меандрообразно развернутые в линию деформированные свастические фигуры; г) ромбическая пластиначатая привеска, орнаментированная, опять-таки, свастикоподобным перекрестьем двух ломаных линий, срезанных шнуровой рамкой бордюра, который образует на одном углу петлю для подшивания; д) ажурная привеска в форме бутылочки с накладной зернью; е) семь ажурных полых сканых бус, спаянных из проволочных петель (рис. 129).

Близко по времени к этому кладу примыкает старая находка 1868 года из сел. Парцханаканеви близ Кутаиси, описанная еще Уваровой (544) в каталоге Кавказского Музея (№ 2540 и 2541) и указывающая на существование в Парцханаканеви предшествующего кувшинным

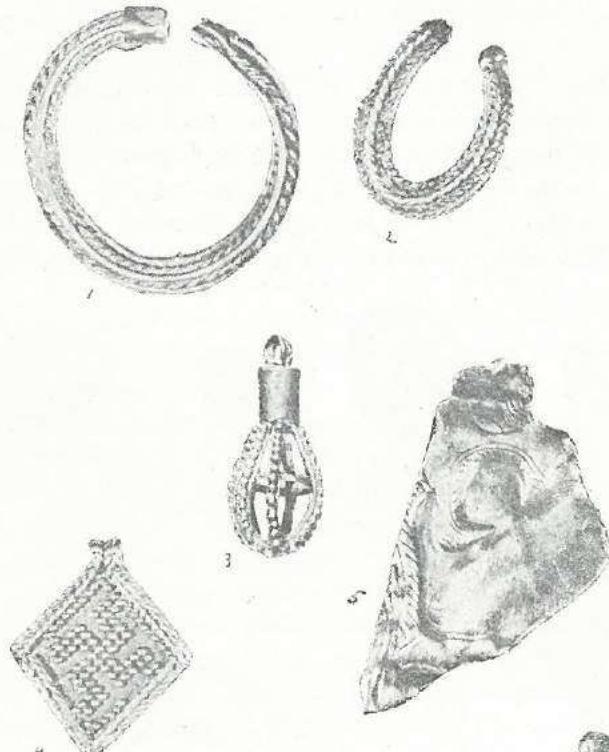

Рис. 130. Золотые изделия из с. Носири (Гос. Музей Грузии, инв. 25—29). В нат. велич.

погребениям с колхидками более древнего богатого некрополя (не курганных ли?). В состав этой находки входит ожерелье из совершенно таких же прекрасно шлифованных шаровидных, темно-коричневых сердоликовых бус, неправильно принятых Уваровой за гранатовые, как и в ожерельи из Носири. Уже одно это характерное ожерелье является достаточным показателем возраста всего комплекса. Но вместе с ожерельем к находке принадлежали золотые височные привески в виде завитков, повторяющие, по словам Уваровой, форму древнекобанских бронзовых, со спиральными концами. Завитков этих не сохранилось теперь в археологическом отделе Музея Грузии; нет с них и фотографий, но в 1904 году фотографические снимки этих завитков были посланы в Германию Губерту Шмидту, который дал точное их описание (545). Согласно этому описа-

Рис. 131. Шаровидные бусы коричневого сердолика из золотых комплексов с. Парцханаканеви и сел. Носири (Зап. Грузия).

нию привески из Парцханаканеви принадлежат к специфически кавказскому, именно кобанскому варианту с двумя перегибами завитка и спиралью, так что бронзовые экземпляры, распространенные в кобанскую эпоху в Северной Осетии, скорее всего следует признать простыми подражаниями именно этим золотым колхидским прототипам.

От бронзового сосуда, относившегося к этому комплексу, сохранился лишь маленький фрагмент от прямого вертикального венчика с мягким перегибом к орнаментированному, рядом косых коротких рубчиков, плечику. Здесь же мы видим четыре золотые ажурные, (сильно помятые круглые бусы (более 2-х см в диаметре), спаянные из меридионально и экваториально расположенных филигранных шнурков (с трубчатой пронизкой по оси) и одной очень большого размера (диаметром до 4-х см) прекрасной работы полой (также с трубчатой осью) шаровидной бусы из бледного золота (весом 50,7 г), украшенной крупной зернью, по широкому поясу, густым правильно сетчатым узором и, по полусынм площацам, треугольными выступами, образующими звездообразный просвет вокруг обоих отверстий (рис. 132).

Теперь, после открытия древней богатой курганной культуры в Триалети, вышеупомянутая датировка клада из Носири и комплекса из Парцханаканеви не только перестает казаться преувеличенной, но, напротив, становится очевидной еще более тесная связь их с предшествующей стадией цветущего ювелирного искусства Грузии в эпоху средней бронзы. Вместе с тем намечаются и первые следы пути, по которому может быть прослежена указанная преемственность, свидетельствующая, что общественные и культурные условия, создававшие потребность в тонком и богатом ювелирном производстве из драгоценных металлов, продолжали жить на территории Грузии также в эпоху, переходную от бронзы к железу, хотя и без обнаруженных пока для этого времени примеров полихромного стиля курганов, но с богатой художественной грануляцией и фигурной чеканкой, подготавливая тем дальнейшие стилистические новые подъемы мастерства уже на рубеже возникновения иберского царства, в IV веке до нашей эры („Ахалгурский клад“ и Алгетское погребение) и позднее, в первые века нашей эры, в роскошных погребальных инвентарях из некрополя в Бори, и, особенно, из вновь открытого—в Армази с присущей им декоративной пышностью общей с Пантикеем, и Таксилой (Индия) полихромии золота, цветных каменьев и эмали.

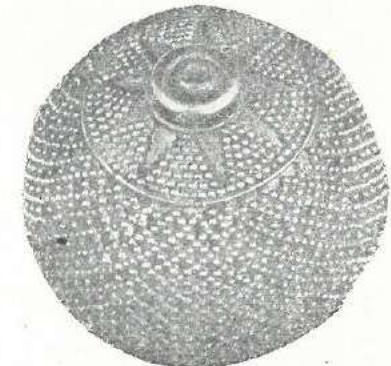

Рис. 132. Золотые изделия из сел. Парцханаканеви (Гос. Музей Грузии, инв. № 2540 по каталогу Уваровой).

საქართველო და საერთოდ სამხრეთ კავკასიის ტერიტორია არქეოლოგიურად ჯერ სუსტადაა შესწავლილი და სამართლებრივ კურანტების საყრდენ პუნქტებს. აქ მომუშავე არქეოლოგს უზღება ხელახლა მონახოს თუ გადასინჯოს ეს პუნქტები და ხშირად გადაღლახოს უკვი დამკიდრებული, ზოგად-ისტორიული თუ კურძო ხასიათის წინარწმენა.

ამიტომ ჩვენ ვეცდებით მეტი დამაჯერებლობა მიეცეთ იმ მასალათა ქრონოლოგიური თანმიმდევრობით მიმოხილვას, რომელიც თრიალეთის კულტურული კერის აყვავების პერიოდს ეკუთვნიან. ამ მიზნით ჩვენ, უპირველეს ყოვლისა, განვიხილავთ რამდენსამე დებულებას, ჩვენ მიერ შემუშავებულს საქართველოს სხვა არქეოლოგიური ძეგლების ქრონოლოგიზაციის შედეგად და ვეცდებით დავძლიოთ ის ტენდენცია სამხრეთ კავკასიის წინაისტორიისა და მის რეალურ გამოვლენათა „გა-იხალვაზრდავებისა“, რომელიც ჯერ კიდევ არსებობს.

ეს ნარკევი წარმოადგენს წინაშარ ანგარიშს წალკის არქეოლოგიური ექსპედიციისას, რომელიც ხელოვნების საქმეთა სამთართველოს კულტურის ძეგლთა დაცვის განყოფილების მიერ იყო წარგზავნილი საქართველოს ძეგლი პროვინციის, თრიალეთის ტერიტორიაზე*. გათხრების ფართო მასშტაბით წარმოება გამოიწვია იმ გარემოებამ, რომ მდ. ხრამხე შენდებოდა გრანდიოზული პიდროელსადგური („ხრამხესი“), რომლის ხელოვნურ ტბის ერცელი ფართობი უნდა დაეფარა და სასწრაფოდ საჭირო ხდებოდა იმ ფართობის არქეოლოგიური შესწავლა. ხუთი წლის განმავლობაში (1936—1940 წწ.) ექსპედიციამ დააგროვა დიდი მეცნიერული ლირებულების მასალა, რომელიც სავსებით ახალ შექმა ჰქონდა საქართველოსა და სამხრეთ კავკასიის უძველეს წარსულს. ეს მასალა ჯერაც დამუშავებისა და დაწვრილებითი გამოქვეყნებისათვის შემზადების სტადიაში იმყოფება, მაგრამ იმდენად დიდია მისი შენიშვნელობა და იმდენად მკეთრად უნდა გარდაქმნას მან საქართველოსა და მთელი სამხრეთ კავკასიის ისტორიაში დამკვიდრებული შეხედულებანი და ქრონოლოგიური ნორმები, რომ მისი გამომჩეურების გადადება აღარ შეიძლება. დროა ამ მასალამ უშუალო ზეგავლენა მოახდინოს მეცნიერულ კონცეფციებშე, მუხტეუმებში თავმყრილ კოლექციათა ინტერპრეტაციაზე და შემდგომი არქეოლოგიური კვლევა-ძიების მიმდინარეობაზე. გარდა ამისა, ჩვენ მიერ აღმოჩენილმა, დღემდე უცნობმა კულტურულმა ფენებმა უნდა მოიპოვონ საკუთარი და გარკვეული ქრონოლოგიური დაფილი ისტორიულ პროცესში, ვიდრე ისინი ისტორიული შემეცნების საგნაც იქცეოდნენ. მაგრამ ქრონოლოგიზაციის სავითხები არქეოლოგიის, როგორც ისტორიული შეცნიერების უპირველესი და სპეციფიკური ამოცანაა, ხოლო ისეთი ქვეყნის მიმართ, როგორიც არის კავკასია, ეს ამოცანა განსაკუთრებით ძნელი გადასაშეკვეთი ხდება.

მრავალგვარი ეთნიკური ტიპებისა და სტადიალურ მდგომარეობათა როული ხლართი გვაიძულებს ჟედმიწევნით ფრთხილად მივუდგეთ ცალკეულ კულტურულ გამოვლინებათა ტიპოლოგიურ სინქრონიზაციას და მოვიწვევლითა არქეოლოგიური ანალიზის როული და მრავალმხრივი მეთოდითაც. მართლაც, თუ არ გავითვალისწინეთ ცალკეულ საზოგადოებათა კულტურული მონაცემების გზები და მიმართულება და ურთიერთ-ზემოქმედების ფორმები, ხშირად გადაუწყვეტელი დარჩება საკითხი: სხვადასხვა ტერიტორიებზე აღმოჩენილ მოვლენათა ჯგუფების მსგავსება სტადიალურ შესტყვებისობათა პროდუქტია თუ საზოგადოებათაშორისი ურთიერთობისა. სხვანაირად რომ ითქვას, ვერ გავაჩკევთ, განხილული ფაქტები ქრონოლოგიურად ერთმანეთისაგან დამოუკიდებელი არიან, ერთმანეთის მომდევნო თუ ერთდროული.

* ექსპედიციის მუშაობაში ჩემი ხელმძღვანელობით სხვადასხვა ღრუს მონაშიღეობდნენ: დ. პ. ვორცევი (1937 და 1940 წ.), ბ. მ. ივაშჩევკო (1936—37 წ.), მ. დ. კიროვი (1938 წ.), ს. ი. ნადიმაშვილი (1936 და 1941 წ.), ლ. ნ. სკლიფასოვი (1938—40 წ.), ვ. ხ. რომანი (1938—40 წ.).

აქართველოში და ამიერ-კავკასიაში სპილენძ-ბრინჯაოს აღრეული ხანის ძევლების დადგენის საკითხისათვის

ბოლო ხანებში დიდად გაფართოვდა არქეოლოგიური კვლევა საქართველოს, აზერბაიჯანისა და სომხეთის ტერიტორიაზე. მა კვლევა-ძიებამ უკვე საგრძნობლად გიდაბაზალისა ძევლი არქეოლოგიური მასალა, რომელსაც უკრძალოდა სახელმძღვანელო კონცეფციები უკრაზის არქეოლოგიური საქართველოსა და საერთოდ სამხრეთ კავკასიის აღვილის შესახებ. მაგრამ მა ახალი ფაქტების უმეტესობა ჯერ კიდევ არ შესულია მეცნიერებაში. ჯერაც დაუძლეველია შანტრის (2), ვირხოვის (3) და—სხვაგვარი გარდატეხით—ეპ დე მორგანის (4—9) დებულებანი იმის შესახებ, რომ კავკასიაში ლითონის ინდუსტრიის გაფურჩქვნა იწყება ანაზღულად, რეინის გაჩენასთან ერთად, და რომ სულ ან თითქმის სულ არ ყოფილა წმინდა ბრინჯაოს ინდუსტრიის განვითარების პერიოდები. დღემდე ვერ ბედივენ საქართველოსა და სამხრეთ კავკასიის მთელი რეგიონების დითარილებაში ყობანური კულტურისათვის დადგნილ ძველი სახლვაოს გადამზიან, მიუხედავად იმისა, რომ ეს ძეგლები უკველად ბრინჯაოს ხანის უფრო ძველ სტადიებს ეკუთვნის. ბოლო ხანებში ამ გაუმდებობას ისიც ხელს უწყობს, რომ სამხრეთ კავკასიის არქეოლოგიის პერიოდიშაციაში რამდენადმე გაზვიადებულ მნიშვნელობას ანიჭებენ ვანის ეპოქის წერილობით წყაროები და ლურსმულ წარწერათა მტკიცე ქრონილოგიური მონაცემებით ბორკვენ ამ პერიოდიზაციას. მისი შედეგად იქმნება აშარა და დიდი შესაბამისა: ჩრდილო კავკასიაში გვაქვს კულტურული ფენების უწყვეტი წყება (ნეოლითიდან სკვითური საზოგადოების გაფორმებამდე), ხოლო კავკასიონის სამხრეთით კი მარტოოდენ გვიანი ბრინჯაოს და რეინის ხანა. ეს მაშინ, როდესაც ჩრდილო კავკასიის კულტურას უდაოდ და ყოველთვის ასახრდოებდა სამხრეთიდან მიმდინარე ნაკადი.

იმავე ტენდენციას გხედავთ სამხრეთ კავკასიის ძელი მოხატული კერამიკის დათარიღების საკითხში. მიუხედავად იმისა, რომ პრეცენტის კი მ (20) გამდიდობად (თუმცა არა მთლად მარჯვედ) სცადა მისი ასაკი ელამური კერამიკის ორი სტილისტური ტიპისათვის შეეფარდებინა, დღესაც ლაშმობენ მოხატულობის წმინდა ფორმალური ნიშნების მიხედვით ეს კერამიკა ქრონოლოგიურად „ახალგაზრდა“ ჯგუფად გააცილებინონ. სრულიად უგულებელყოფნები იმ გარემოებას, რომ როგორც ტექნიკის, ისე სტილის მიხედვით ისინი სხვადასხვა ღრთს ეკუთვნიან და მათში ძალიან აშერად გამოიჩინება შემდეგი ტიპები: ა) თანა კენდი (31, 33), კერამიკის თანხმული ლიანონის ინენტურის ჩაუთვლელად; მოხატულობა ერთფეროვანია, ორნამენტულ მოტივს წარმოადგენს ორმაგი წუგლუგები და ხვიების არშია; ბ) ყიზილვანქი I (32) აღნით შეა ბრინჯაოს ხანისა; მოხატულობა ორფეროვანია, სახეები მეტობიურად განწყობილია, მოტივები ზოომორფული (სურ. 2); გ) ყიზილვანქი I bis, ვაიანი ბრინჯაოს ხანისა; მოხატულობა ძეგლი არფეროვანია, მაგრამ უფრო დაუდევრად ნაკეთები. სხვაგვარია ჭურჭლის ფორმებიც: სპირალის პატარა სურები, „ჩაიდნები“ და სხ. (სურ. 1 და 2); დ) ყიზილვანქი II (34), ძელი რეინის ხანისა; ჭურჭლის ქვედა ნაწილი წილად მოხატული ლენტური ორნამენტითაა შემკული (სურ. 3); ე) მილის სტეპის სამარხ ქვეპრებში იღმოჩენილი, უკვე ელინისტური ხანის ჭურჭლი (სურ. 4) და სხ.

ამიტომ სამხრეთ კავკასიისა და კორძოდ საქართველოს არქეოლოგიის უახლოეს ამოცანას წარმოადგენს ყობანისა და მის სინქრონულად სამხრეთ კავკასიაში არსებულ ბრინჯაოს კულტურით ქრონოლოგიურ და სტილიალურ წინამორბედთა დადგენა.

ამ ამოცანის განხორციელება ჩვენ იმით დავიწყეთ, რომ სისტემაში მოვიყვანეთ საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის არქეოლოგიური ფონდები და გამოვიყვალით ცალკეულ აღმოჩენათა იდგილები. ამრიგობდ, საჩერებში გავთხარეთ თთი სამარხი (73) და ამ საკონტროლო გათხრებმა დაგვანახვა, რომ მუზეუმში ექვთ. თაყაიშვილის მიერ 1910 წელს ჩამოტანილი საინტერესო კოლექცია, რომელსაც მასში გამორეული რომაული ხანის რამდენიმე ნივთის მიხედვით „სკითურ-ბიზანტიურ ეპოქას“ აკუთვნებდნენ, სინამდვილეში ძირითადად დასავლეთ ეკრანის მახლობელ ეპოქას ემხრობა (ნ6, 77). ამას გვაფიქრებინებს თვით ლითონის რაგვარობა, მილ-ყუიანი ცულები (სურ. 14), ბრტყელი სატევრის პირები, თვანასვიანი სკინძები—ე. წ. Schleifennadel (სურ. 11 და 12), წვრილი თაყვერა სკინძები (სურ. 11 და 13), მრგვალი, 1,5-სანტიმეტრიანი ხვიები და სხ. მეორე მხრით საჩერების დელ კომპლექსში შემავალი ზოგი ნივთი მსგავსი აღმოჩენა ჩრდილო სეთის აულებში—ქუმბულთაში, აუთხაში, ფასკუში და სხვაგან ნაპოვნი, კარგად ცნობილი ნივთებისა, რომელთაც ჩვეულებრივ აკუთვნებენ ყობანის შემდგომ ხანას. ასე რომ საჭირო შეიქნა ამ უკანასკნელთა დათარილების საკითხის გადასინჯვაც.

ჩვენ მიერ 1934 და 1937 წწ. აფხაზეთში გათხრილი დოლმენების შესწავლამ საშუალება მოვცა ამ დოლმენების, როგორც სამარხის საკების გამოყენების სამი პერიოდი დაგვედგინა. ზედა ფენა თარიღდება კოლხური მონეტებით. შუა ფენა ზედასეან გამოყოფილია თიხის სტერილური ფენით და შეიცავს ბრინჯაოს ნივთების კომპლექსს, რომელიც ზემოთალნიშნულ ჩრდილო-ოსურ კომპლექსს უახლოდება და თინ უფრო ძველია, ვიდრე ყობანური ფორმები, ნაპოვნი იქვე, მაგრამ დოლმენთა გარეშე მდებარე სამარხებში. დასასრულ, ქვედა ფენა შეიცავს სპილენძის (80—85% Cu, 5—10% Sb) იარას: ცულებს, გრეხილი რონამენტით შემულ კავებსა და ბრტყელ სატევრის პირებს, რომელიც ჩრდილო-კავებისური ლითონის წარმოების პირველი საფეხურისაკენ გარდამავალ ტიპებს წარმოადგენენ (ეს „პირველი საფეხური“ გულისხმობს, კერძიდ, სტანიცა „პროლეტარსკაიას“, ყოფ. „ცარსკაიას“ ყორლანში ჩაღმული დოლმენური სამარხების ინგრეტარს) (50).

ეს დაკვირვებანი სათანადო ქრონოლოგიურ ადგილს მიუჩენენ ჩრდილო სეთის იმ ფენებს, რომელიც ყობანური ფენებისაგან განსხვავდებიან. იმავე ღროს გადასასინჯვავი ხდება საკითხი, თუ სადაც წარმოშობილი ყობანური კულტურა, რომელიც თავისი გეოგრაფიული გავრცელებით აშეარა უკაშირდება ძევლი კოლხეთისა და ლაზიების ტერიტორიის (12).

პანჩარი (79) ცდილობს ყობანური ბრინჯაოს ცულის უშუალო პროტოტიპად ჩრდილო კავკასიის ქვის ცულები დასახოს, მაგრამ ეს ცდა საესპილ ფუჭია. ქრონოლოგიური შეუსაბამობის გარდა პანჩარის ცდას ხელს უშლის კიდევ ერთი გარემოება: ფორმალურად ვერ ისტენება, თუ რატომა ქვეც ყობანურ ცულს ოვალური სატარე ნახვრეტი, ხოლო წინა სტადიის სპილენძის ცულებს (ყუა-დაშვებულსა და მილ-ყუიანს) და ქვის ცულებს ყოველოვის მრგვალი ნახრეტი. მეორე მხრივ დასავლეთ საქართველოში მოპოებულ ნიმუშებში გამოყოფა ერთი წყება თავისებური ცულები, რომელთაც თბილისის (სურ. 20) და ლურისტანის ცულების (80) მეშვეობით შორეული კავშირი უნდა ქქონდეთ თევე-გარებს (81) ცულებთან. მათ შორის ვარჩევთ 2 ხახს: მრგვალ-ნახვრეტი-ანსა და ოვალურ-ნახვრეტიანს (სურ. 19). ამიტომ სწორედ ეს ჯგუფი უნდა ჩათვალის ყობანური ცულების ფორმათა გრეტურ პროტოტიპად. მაშასადამე ყობანური ცული წარმოშობითაც კოლხურია და არა მარტო გავრცელების ტერიტორიით.

მაგრამ ეს კიდევ ცოტაა, საქართველოში შესაძლო ხდება დალგენა ლითონის წარმოების კიდევ უფრო ძეველი საფეხურისა, რომელთანაც დაკავშირებულია ჩრდილო კავკასიის ბრინჯაოს პირველი საფეხურის კულტურა, წარმოდგენილი ყუბანის დიდ ყორლანგებში. 1928 წელს ზაქესთან აღმოჩენილი სპილენძის ცული (სურ. 5) და შები, რომელსაც მასივური და ბოლო-მოკაული ღერო აქვს (სურ. 7), უძველესი სუმერული და ირანული პროტოტიპებიდან მოდიან (49—53). გარდა ამისა, ზაქესთან და ერთიც სხვა (ას. მუზეუმში იდგილის აღუნიშნვად დაცული) შუბები ძალიან ჰგვანან კიბროსის შეუბრის ბრინჯაოს პერიოდის ზოგ ნიმუშს (სურ. 8), ხოლო მოსკოვის ისტორიულ მუზეუმში თბილისიდან ჩატანილი შები (სურ. 9 გ) საესპილ ისეთივეა, როგორიც კარქემიშის სპილენძის შუბები (ძ. წ. III ათასწლეულის დამდევი) და მათი სუმერული

პროტოტიპები. ამავე ფენის, ე. ი. იღრეული ლითონის ხანის უნდა მიეკუთვნოს სოფ. ზექარში ნაპოენი და ქუთაისის სამხარეთმცოდნეო მუზეუმში დაცული ტიპიური ფორმის მასიური საქართველო (სურ. 10), რომელსაც ყუნწი იმ დროისათვის ჩვეული წესითა აქეს მოწახნაგებული. ზემოთაღნიშნული, ჯერჯერობით ცალკეული ფაქტები, ავსებენ რა ერთმანეთს, გვაფიქრებინებენ, რომ საქართველოში ძ. წ. III ათასწლეულის ბოლოს მაინც უეპველად არსებობდა სპილენძის წარმოების აღრეული საფეხური.

I. თრიალეთის რეინისა და გვიანი ბრინჯაოს ხანთა ჩვეულების სამარხების ინვენტარის მიმოხილვა

საქართველოს ძველ თემში, თრიალეთში ჩატარებული სისტემატური მუშაობაც იმავე ძირითად ამოცანას ისახავდა: საქართველოს ტერიტორიაზე ბრინჯაოს აღრეული საფეხურების კულტურულ ფენათა აღმოჩენას.

თრიალეთს მცირე კავკასიონის კრუელი ზევანის ჩრდილო ნაწილი უკავია. იგი ჩვენს უკრადებას იპყრობდა, უპირველეს ყოვლისა, როგორც ძველად მასიდინის მოპოვებით ერთ-ერთი უმდიდრესი რაიონი (83), ვინაიდან ლითონის შემოღებამდე ძველი აღმოსავლეთის ქვეყნების სავაჭრო ურთიერთობაში იმსიდან დიდი მნიშვნელობა ჰქონდა. მეორე მიზეზი ის იყო, რომ თრიალეთში მრავალდა გამოუკვეველი ასაკის ცილომანური ციხე-სიმაგრეები (ტაბ. I, II) (82), დაკავშირებული მრავალრიცხოვან და მრავალგვარ ყორლანგებთან, ხოლო ეს უკანასკნელი, როგორც პირველივე ჩვენ მიერ გათხრილი გაძრულური ყორლანის შინარქსმა დაგვანხვა, ძველი მოხატული კურამიკის ხანის ეკუთვნიან (სურ. 89). ყორლანგებს გარდა კოხრიდით რეინისა და გვიანი ბრინჯაოს ხანათა სასაფლაოებაც. ამგვარად დაგროვილი მასალა თითქმის უხარვეშოდ და შეიძროდ თავსდება დროის დიდ მონაცემთში, რომელიც აღრეული ლითონიდან სასანიანთა ეპოქამდე აღწევს. ეს მასალა საშუალებას გვაძლევს მეტ-ნაკლებად დაგძლიოთ სამარხთა კომპლექსების ქრონოლოგიური პერიოდისციის სიძლიერე, რაც იმითა გამოწვეული, რომ ამ სამარხებს თითქმის სულ არ გააჩინათ შესატყვისი მასალა კულტურული ფენების მქონე ძეგლებში.

სწორედ ამიტომ სამარხთა ინვენტარის განხილვისას ჩვენ უკულმა, უახლოესი სამარხებით ვიშუბთ და თანადან უფრო ღრმად შევდივართ, რათა ძველთა უწყებული მწყრივით შეგვასოთ მთელი ის პერიოდი, რომელიც გვიანი და აღრეული რეინისა და გვიანი ბრინჯაოს ხანებს შეიცავს და ბოლოს მიევახლოთ იმ იღმალ ყორლანგულ კულტურას, რომელიც არ ენათესაება სამხრეთ კავკასიის ბრინჯაოს არცირთ ტიპს, ამათუმი მხარეში გავრცელებულს.

1. სასანიანთა ეპოქის სამარხებმა (სურ. 21—23) მოგვცა ინვენტარი (სურ. 25), რომელიც დათარილებულია კავდა მეფის მონეტით. ამან, თავის მხრით, გაადგილა შესატყვისი მასალის გამოყოფა ბაიერნისა და თაყაიშვილის მიერ მცხეთა-სამთავროში დაგროვილ კოლექციებში.

2. უფრო ღრაბისულადა გამოვლენილი რომაულ ეპოქა, მაგრამ თრიალეთში ჩვენამდე წარმოებული გათხრებით მოპოებულ მცირე მასალასთან ერთად ჩვენ მაინც მივიღეთ გარკვეული კომპლექსები, რომელიც შეესაბამებიან ზოგიერთ ყორლანგში „ჩაშეგბულ“ სამარხთა კომპლექსებს, დათარილებულ რომეტებითა და სარდიონის გემმიანი ბეჭდებით (სურ. 27).

განსაუთრებებით საყურადღებოა აღმოჩენა ღრაბისულ ერთობის შესაბამებიან ზოგიერთ ყორლანგში მონეტებითა და სარდიონის მემიტებით გემმიანი ბეჭდებით (სურ. 27).

განსაუთრებებით საყურადღებოა აღმოჩენა ღრაბისულ ერთობის შესაბამებიან ზოგიერთ ყორლანგში მონეტებითა და სარდიონის მემიტებით გემმიანი ბეჭდებით (სურ. 27).

აგრეთვე სხვებზე ნაკლებად შესწავლილი დაგვირჩხა გვიანი ელინის ტური და თეორია სამარხები. მათ ეკუთვნის სოფ. როზენბერგის მახლობლად და სოფ. მანგლისში ნაპოენი ბრინჯაოს ბალთები ამოცრიბილი ფანტასტიკური ცხოველების გამოხატულებით (სურ. 28—30)—კავკასიონის მთავარი ქედის რაიონში აღმოჩენილი, კარგად ცნობილი ბალთების ტიპისა (102—119).

3. შემდგომ ქრონოლოგიურ ჯგუფს ეკუთვნის სოფ. სანთას მახლობლად, ნერინ-დერესიში აღმოჩენილი აქემენიანთა ეპოქ

წარმოადგენს terminus post quem ამ ყაიდის ნაგებობათათვის, რომელნიც წალკაში, ეტყობა, შემდეგშიც დიდხანს შენდებოდნენ ამ წესით. საყურადღებოა, რომ ეს გარემოება კარგად ეფარდება ქართველი მემატიანის, ლეონტი მროველის ცნობას, საქართველოში ქვიტკირით შენება პირველად ძვ. წ. IV საუკუნეში შემოიღეს...

რაც შეეხება თვით სასაფლაოს, მისი დამახასიათებელი ისაა, რომ აქ ქვეყნითები მცირე ზომისა არის და თითქმის კვადრატული, ხოლო მათში ჩამარხულთა ჩინჩხები ძლიერ მოკრუნჩხული (ტაბ. III). ინვენტარი (სურ. 33) ძილიან უახლოვდება სოფ. დაბლაგომის (126) (სამტრედიის რაიონი) სამარხი ქვევრების ინვენტარს, რომელთაც კოლხური მონეტები ათარიღებს (სურ. 34). ესევ რომ არ იყოს, ამ სამარხთა ასაკი დამოუკიდებლადაც ირკევეა ერთ-ერთ ასეთ სამარხში ნაპოვნი გულქანდის შემადგენელი ლურჯი მინის გემბა-მძივების მიხედვით (ტაბ. V). ეს აგურაკისებრი მძივები, რომელთაც ზემოდან ხუთ-უთი ფაცეტი აქვთ, ბერძნულ-სპარსულ ქვის მოდელებთან შედარების მეშვეობით თარიღდება ძვ. წ. V—IV საუკუნეებით (სურ. 32).

4. ასაკით ამავ ჯვეულ უახლოვდება ის საინტერესო ნივთები, რომელნიც 1940 წლის ზაფხულში იპოვნეს ს. წინწყაროს კოლექურებებმა მდ. აღვეთშე. მათ მიერ საქ. მუზეუმში ჩიმოტანილი მასალის ერთი ნაწილი მაინც ემსაცხება „ახალგორის განძს“ (141) და ამიტომ უნდა ვითიქროთ, რომ კოლექურებებს აქტენიანთა დროის დედაკაცის სამარხი გუთხრიათ. აღსანიშნავია შემდეგი ნივთები: მიცავალებულის ბაგეზე და თვალებზე დასაფარებელი, ოქროს ფურცლისაგან გამოჭრილი, ორნამენტირებული ფირფიტები (ტაბ. IX), მსგავსი კაბრიოსზე (163) და ტელ-ჰალაფზი (სურ. 37) (162) ნაპოვნი ბრინჯაოს ეპოქას ასეთივე ფირფიტებისა; ვერცხლის ბეჭდები (ტაბ. XI); ელექტროს სამაჯურები (ტაბ. X); ოქროს ბალთები, რომლებზედაც ქალღიშეროს სახეა ამოტვიფრული (ტაბ. IX); ვერცხლის ბინავები (ტაბ. VII); ახალგორული ტიპის ბრინჯაოს ლაგმები (ტაბ. XII და XII bis) და სხ. აქვთ ნაპოვნი ბრინჯაოს სამუქები (სანათის საყრდენი) წარმოადგენს ადამიანის 3 ფართოდ გაშლილ ფეხს (ტაბ. X). იგი ურარტული კანდელაბრების (158) მეშვეობით უკავშირდება ეტრუსკულ კანდელაბრებს, რომლებშიც იგვივე მოტივია გამოყენებული (სურ. 36).

5-6. აშეარიდ უფრო ძველია ის სამარხები, რომელნიც ბეშთაშენის ციხის მახლობლად გავთხარეთ (ტაბ. XIII—XVI). ისინი ადრეულ აქტენიდურ ეპოქას უნდა მივაკუთვნოთ (სურ. 38—40 და 43). მოპოვებულ კურამიკაში ღია, თერიოს, ოქრით შემოგლესილი ჭურქელი (ტაბ. XV) სქარბობს შავ ჭურქელს, რომელიც უფრო ქვედა ფენისათვის არის დამახასიათებელი (ტაბ. XVII, XVIII). ეს ქვედა ფენა ასაკით შედარებით ახლოა იმ სამარხებთან, რომელნიც უაკ დე-მორჩან მან (207—210) გათხარა ლელვარში (სომხეთი) და რომელთაც ახალითების მასივური „სავინძები“. ასეთი ინვენტარი (სურ. 46) წევნც გაპოვეთ ბეშთაშენის სასაფლაოს ძველ (ჩრდილო) ნაწილში და მდ. გერიაქ-ჩაის გაღმა, კიდევ უფრო ძველ სასაფლაოზე.

7. რიცხვით ყველას სქარბობს სოფ. წინწყაროსთან და თუფია-ყალასთან გათხრილი ინდიკი-დუალური სამარხები—უხეში ქვეყნითები (ტაბ. XXVI—XXXI), რომელნიც ძველი რკინის ხანის განვითარებულ სტადიას ეკუთვნიან (სურ. 51—56). მათი ძირითადი ინვენტარი რამდენადმე უფრო მაღალია, ვიდრე ის კულტურა, რომელსაც ხოჯალის XI ყორლანი განსახლერებს. ეს ინვენტარი შეიცავს რკინის შებას პირებს, დანებს, ბრინჯაოსკოტიან სატეკერებს, უჯნწიანსა და გრძელ-კაბებიან ბრინჯაოს ისრის პირებს, ბრინჯაოს გუმბათისებურ კეცრონისთვებს (ტაბ. XXXIV, XXXV), ბრინჯაოს ლაგმებისა და მძივების ტიპიურ ასორტიმენტს (ტაბ. XXXII, XXXIII), რომელიც ამ საფეხურის დიმახასიათებელს, ადგილობრივ თავისებურებას წარმოადგენს (სარდიონისა და ცისფერი პასტისა—სხვადასხვა ფორმისა, ზრდითვანი ორნამენტით შემული და ოთრი ტალკისა—ცილინდრული ან პრიზმული, ოვალებ-ჩამული, „დომინის“ ტიპისა).

ქრონოლოგიური ამათ უახლოებება მარალინ-დერესის სამარხებიც (სურ. 50). მათში ნაპოვნია ყობანური ტიპის ნივთები, სახელდობრი ის გარიანტი, რომელსაც შეიძლება კოლხური ეწოდოს. არის იგრეოვე ტიპიური თოხები, ცალმხრივ ყალიბში ბრინჯაოსაგან თუ სპილენძისაგან ჩამოსხმული (ტაბ. XXIII და XXIV).

ამ სამარხების დამახასიათებელ ინვენტარს თან ახლავს, გარდა ზემოთაღნიშნული „დომინი“-მძივებისა, მსხვილი და „მექეჭიანი“ მძივები, მოთეთრო-მოყვითანო მინისებრი მასისაგან გაკეთებული (ტაბ. VI). ერთ-ერთ სამარხეში სხვათაშორის ნაპოვნია თახის თასი, რომელსაც ღია მწვანე ჭიჭრა აქვს სქლად მოსხმული (ტაბ. XX) და ბრინჯაოს სარტყელი, რომელზედაც ფაქიზად

ამოჭრილია რთული, ორსართულიანი კომპონიცია სანალირ-შიოთლოგიური შინაარსისა (ტაბ. XXV და სურ. 49). ნივთების ეს ჯგუფი სულ ადვილად მიეკუთვნება ვანის ექსპანსიის ეპოქას.

ღაახლოვებით იმავე ღროვასა ერთი სამარხი ქვაყუთი, რომელშიც ნაპოვნია ბრინჯაოს მასრიანი ორთითა ფიწლები (ტაბ. XXX). ასეთები ხშირად უნახვეთ სამხრეთ ამიერ-კავკასიის ყორლანებში (238—244), საღაც მათ ჩვეულებრივ თან ახლავს ბრინჯაოს ლაგმები მისაშვები საყბეურებითურთ (სურ. 56—57). საფიქრებელია, რომ ეს ფიწლები გენერული უფავშირდება ირანულ ნიმუშებს, რომელთაც მასრები არა აქვთ, რომელნიც ილბით უფრო ძველი არიან (თევე სიალქი III, თევე ჰისრი III და სხვ.) და რომელებსაც აგრეთვე თან ახლავთ ხოლმე ისეთივე ლაგმები, კარგად ცნობილი ლურისტანის (246, 254), დასაცლეთ შცირე აზისა და მიკენის (249—252) გათხრების მიხედვით. თუ ამ ლაგმებს (სურ. 57) განვიხილავთ და დავუპირისისირებთ მერინდელ ქართულ ლაგმებს, რომელთაც ტიპი გავლენილია ასურეთ-ეგვიპტიდან ვიდრე ათენამც (სურ. 58), შეგიძლია მოვახოთ ქრონოლოგიური საფუძვლები (253—254) სხვადასხვა კომპლექსის XI—VII საუკუნეთა (ძვ. წ.) პერიოდისათვის მისაკუთვნებლად.

რამდენადმე განკერძოებულია ს. უშმის სასაფლაოს ნიადგისეული სამარხები (ტაბ. XXXVI). ეფ ნაპოვნი რკინის მახვილი (სურ. 59), რომელსაც ბრინჯაოს თავისუბური, ორქაპა ტარი აქვს, ალიგრიხის (სომხეთი) (257) და შაგული-დერეს (ტაბ. 57) განვიხილავთ და დავუპირისისირებთ მერინდელ ქართულ ლაგმებს, რომელთაც ტიპი გავლენილია ასურეთ-ეგვიპტიდან ვიდრე ათენამც (სურ. 58), შეგიძლია მოვახოთ ქრონოლოგიური საფუძვლები (253—254) სხვადასხვა კომპლექსის XI—VII საუკუნეთა (ძვ. წ.) პერიოდისათვის მისაკუთვნებლად.

რამდენადმე განკერძოებულია ს. უშმის სასაფლაოს ნიადგისეული სამარხები (ტაბ. XXXIX—XLII). ამ სამარხთა ინვენტარი (ტაბ. XLIII—LII) ჰგავს სამთავროს სასაფლაოს ქვედა სართულის ინვენტარს (სურ. 74—76) (262), მაგრამ უფრო „ხნიერია“ (ვინაიდან, როგორც უკვე აღვინიშნოთ, რკინის სულ არ შეიცავს; გარდა ამისა, მასში არც ბრინჯაოს მახვილები ჩანს და მძივებიც მხოლოდ სარდიონისაა) მას ურევად ყობანური (სურ. 69, 70, 72, 77, 78—79) და სამხრეთ მიერ-კავკასიის საწარმოო ცენტრებში დამზადებული ნივთები (სურ. 71, ტაბ. L). არის ამიერ-კავკასიისათვის ნაკლებ ჩერული ლემენტებიც: აქროს და იგრეთვე ვერცხლის სამკული (სურ. 84 და ტაბ. L) და სპილენძ-ბრინჯაოს ნამგლები (ტაბ. XLII და XLIII). უცნაურია, მაგრამ ეს უკანასკნელი სამხრეთ კავკასიის არქეოლოგიურ მასალებში დღემდე თითქმის უცნობი იყვნენ.

ამ სამარხთა ინვენტარი ტიპიურია. მაგალითად ერთ-ერთში ბრინჯაოს ნამგალს გარდა ვნახეთ: ბრინჯიოს თრი ლაგმი ირმის რქისაგან გაკეთებული საყმენებული (ტაბ. XLVI), ბრინჯაოს ფურცლისაგან შეკერილი კონუსური ჩაფხული არი გრძელი უკრსაფარით (ტაბ. XL) და ბრინჯაოს ვიწრო სარტყელი. რაც შეეხება კერამიკას, ბერკან ვნახეთ კონუსური სასმისები, მაღალი და ლრუფებიანი (სურ. 66). ამავე ტიპის სასმისები ნაპოვნი აქვს სამარხოში ბრინჯის (სურ. 67), მაგრამ ბეშთაშენისა უფრო დიდებია და უფრო მდიდრულად ორნამენტირებული. ორნამენტი ლრმად ამოკვეთილია, სწორხაზოვან-გეომეტრიულია და შეიცავს ირმებისა და თხების სტილიზებულ ფიგურებს (ტაბ. LIII).

განსაკუთრებით უნდა აღინიშნოს, რომ ბრინჯაოს ინვენტარის გარდა ამ სამარხებში ნაპოვნია კაეის-ქბილებიანი ნამგლები (ტაბ. XLIII და XLIV). ხშირად მოხერხდა მათი პრეპარაცია იმგვარად, რომ პირველადი რკალური განლაგება არ დავარღოოდათ, თუმცა ხის ნაწილები მთლიად დაშლილი ჰქონდათ (ტაბ. XLII). ამ ტიპის ნამგლები გვიპტურში და სირიაშიც იმავ ხანმდე, ე. ი. ძელი წელთაღრიცხვის XII საუკუნემდე არსებობდა.

9. უფრო ძნელია ზუსტი ქრონოლოგიური აღგილის შინენა და გენეტური ფესვების ჭოვნა იმ სამარხებისათვის, რომელნიც ირგვლივ დაწყობილი ქვებით არიან შემოტარებით (ტაბ. LIV), ლითონის ინვენტარს ცოტას შეიცავს და ხასიათდებიან თავისებური კერამიკა, რომელიც ხშირადაა შემქული რელიეფურად ზედნაძერწი გრეხილი ლონამენტით (ტაბ. LVII და სურ. 88). ის გარემოება, რომ ინვენტარში გამორჩევა ბრინჯაოს საკინძი ჩუგლუგისებრი თავითა და ცხვრის პატარა ქანდაკებით (სურ. 87 და ტაბ. LVIII) და იგრეთვე

II. თხილათის ყორდანული კულტურა უსა გრივების ხარისა და ძველი გრივების ხანის გვიან სტაზიდისა

თრიალების ყორლანულ სამარხებს ყველას ერთი საზოგადო თავისებურება ახასიათებს და განასხვავებს ცენტრალური ამიერ-კავკასიის ასეთივე სამარხებისაგან: მათში, მსგავსად აქაურივე ქვაყუთებისა, დაკრძალვა ხდებოდა ინდივიდუალურად და არა კოლექტიურად, თუმცა მოგვიანებით მათ მეორადი დაკრძალვისთვისაც იყენებდნენ. მეორე და უფრო არსებითი თავისებურება ისაა, რომ მათში ჩამარხული ნივთები მკვეთრად განირჩევა ყველა ზემოთვანხილულ ეპოქათა სამარხების ინვენტარისაგან, ხოლო აზერბაიჯანისა და სომხეთის ყორლანთა ნივთები, პირიქით, მეტწილად იმავე ასაკისა და ტიპისა არის, რაც ყორლანთა მეზობლად გათხრილო უბრალო ქვეყუთების ინვენტარი.

მაშასადამე ჩეენ საქე გვაქვს ქრონოლოგიის ერთგვარ წყვეტასთან, რომელიც ძნელი ასახუნელია და აფერხებს თრიალეთის ყორლანულ სამარხთათვის სათანადო ადვილის მიჩენას.

განსაკუთრებით აღსანიშნავია კერამიკის თავისებური ტიპი. ყორლანული კომპლექსები საქაოდ მრავალფეროვანი და ნაირასაკოვანია, მიგრამ თიხის ჭურჭლის ფორმა და კეთების ტექნიკა ყველა კომპლექსში ინარჩუნებს საერთო თვისებებს. ეს არის გამოძრევისა და გამოწვის წესი და განსაკუთრებით კი ტენდენცია ჭურჭლის ზედაპირის ანგობით დაფარვისადმი, რასაც სრულიად ვერ ვხედავთ სხვა სამარხთა კერამიკაში (ვერც თრიალეთში და ვერც სამხრეთ კავკასიის დანარჩენ რაიონებში).

ჩამოთვლილი ფაქტები გვაიძულებს ყორლანულ სამარხთა მთელი ჯგუფის ქრონილოგიური ადგილი ვეძიოთ იმ ფარგლებს გარეშე, რომლებშიც ზემოთგანხილულ სამარხთა ჯგუფები ექცევა. მართლაც, ყორლანული ინვენტარის მხატვრულ-ტექნიკური დონე მჭიდროდ არის დაკავშირებული სამეურნეო დონის არქაულობასთან. დამახსინებელია არა მარტო ის, რომ რეინის გამოყენების არაფითარი ნიშნები არა ჩანს, არამედ ისიც, რომ არც ბრინჯაო არის სრულად გამოყენებული. მაგალითად, ყველა სხვა სამარხში ისრის პირები ბრინჯაოსია, ყორლანებში კი—მხოლოდ იბსიდიანისა და კარისა. კიდევ უფრო სიმპტომატური ისაა, რომ ყორლანებში ნაბოვნ შინაურ ცხოველთა ძვლებში გამოიცნობა ხარი, ძროხა, თხა, ცხვარი, ლორი, მაგრამ სრულიად არ ჩანს ცხენის ძვლები. ეს განსაკუთრებით მკვეთრად განასხვავებს ყორლანებს იმ სამარხთაგან, რომლებშიც სხვადასხვა ტიპის ლაგმები ვითვინეთ და რომლებიც, მაშიადამე, ცხენთმოშენების კულტურას გვაგულისხმებინებს. ერთ-ერთ ყორლანში აღმოჩენილ ეტლში აღბათ ხარებს აბამდენენ, ისევე როგორც ურში გათხრილი მეფის სამარხის ეტლში.

ყველა ამ ფაქტს ბრინჯაოს ეპოქაში ლრმად გადაჰყავს წილკის ყორლანები, მაგრამ უფრო მეტად ქრონოლოგიური ლოკალიზაციისათვის საკმარის მასალას კი ვერ გვაძლევს.

ყორდანული სამარხები სრულიადაც არ არის ერთგვაროვანი და ქრონოლოგიურად მათში რომ მთავარი ჯგუფი მაინც უნდა გამოვყოთ. ეს გარემოება თავის მხრივ გვისახავს მეორე ძნელ ამოცანას—სხვადასხვა ტიპის ყორდანთა შეფარდებითი ასაკის სწორ შეფასებას. საგიროა მოშველიება ადგილობრივი ძეგლების და მათში ბუნებრივად დამარტინული კულტურული ფენებისა, მაგრამ სამწუხაროდ ეს უკანასკნელი სუსტად არიან შესწავლილი (ვინაიდან კულტ. ძეგლთა დაცვის განყოფილების მიერ გამოლებული თანხების გამოყენება მკაცრად იყო შეზღუდული: ისინი მხოლოდ იმ იბიექტებს უნდა მოხმარებოდა, რომელთაც ხრამების ტბის შევატება განადგურებას უქადაგდა). ამ მხრივ მხოლოდ ის მოხერხდა, რომ ბეშთაშენის ციკლოპური ციხე-სიმაგრის რაიონში საესებით აშეარად დავიდგინეთ უძველესი ენეოლითური ფენა, წარმოდგენილი ძლიერ განვითარებული კურამიერ უაღრესად დამახასიათებელი ფაციესით, რომელიც კუთების წესით არქაულია, მაგრამ შესრულებით კი თავისებურად სრულყოფილი.

ამ ფენასა და ყორლინულ კომპლექსებს (განსაკუთრებით კი ერთი ყორლანის კომპლექსს) შორის გარკვეული ტიპოლოგიური კავშირის აღმოჩენის შესაძლებლობა გვაძლევს ერთგვარ დადგებით საფუძველს ყორლანთა ტიპების თანამიმდევრობაზე მსჯელობისათვის. ისიც შეგვიძლია ვთქვათ, რომ საერთოდ ყორლანები და ოუნდაც უახლესნი უფრო ძველი უნდა იყვნენ, ვიდრე თრიალეთის სხვა სამარხთა შორის უძველესნი.

ხუთი წლის განმავლობაში ჩეენ ორმაცდორი ყორლანი გამოხარეთ. ეს სამუშაო საერთოდ ძალიან შრომატევადია; მაგალითისათვის საქმიან იქნება ილვიშნოთ, რომ XXXVI ყორლანს 5 მეტრი სიმაღლე ჰქონდა (ტაბ. LX₂) და მის შიგნით აღმოჩნდა ქვით ნავები, უზარმაშარი „დასაერთალავი დარბაზი“, რომლის ფართობი 175 კვ. მეტრს, ხოლო კედლების სიმაღლე 4 მეტრს უდრიდა (ტაბ. LXII₂ და LXIII₁). ზოგი სამარხი ორმო ნიადაგის ზედაპირიდან 8 მეტრის სიღრმეზეა ამოთხრილი, ხოლო ზათი დიამეტრი 3,5—5 მეტრს უდრის (სურ. 107 და ტაბ. CXIII). არის ორმოები, რომელთა სიგრძე 14 მეტრია, სიგანე 8,5, ხოლო სიღრმე 6 მეტრი. ცხადია, რომ ასეთი ყორლანის თუნდაც მხოლოდ ორმოს გათხრა და მისი ძირის პრეპარაცია დიდ დროსა და დაძაბულ მუშაობას მოითხოვს.

1. ყორლანული სამარხები, რომელნიც ეყუთვნიან მცირე აზიისა და მესოპოტამიის დიდი სახელმწიფოებრივი წარმონაქმნების ხარა

ჩვენ მიერ ამ ჯგუფში გაერთიანებულ ყორლანებს ის ახასიათებს, რომ შათს დასაკრძალები ინვენტარში წარმოდგენილია ძვირფასი ლითონის ნაკეთობანი: ოქროსა და ვერცხლის სასმისები, მიცვალებულის პირადი მოქაზმულობის ნაწილები, სამელოვიარო ალმის ოქროს-სახოვანი შემოსაფენი, ხის ნაკეთობათა (კურძოდ არქიტექტურული დეტალების) ოქროს გარსაკრავები. იგრეთვე დამიხსინათებელია იარილის სიმცირე: სულ ნაპოვნია რამდენიმე ობიექტიანისა და ერთიც კაფის ისრის პირი, ერთი მშვენივრად ნაკვეთები ბრინჯაოს შების პირი და სამიც სატევრის პირი (ერთი ვერცხლისა და ორი ბრინჯაოსი).

სამარხთა რაგვარობის მიხედვით ამ ასაკის ყორლანები იყოფა ორ ტიპად: ორმოიანი და უორმოო. ერთშიცა და მეორეშიც მხოლოდ თითო მიკვალიბორი იმარხებოდა.

ყორლითი ყრილი ჩვეულებრივ შესდგება რიყის ქვისა და მიწისაგან, ხოლო ზოგჯერ, მავ ზედა წალებაში და ტაბისკურის ტბასთან—მხოლოდ რიყის ქვისაგან (ტაბ. LIX.).

ამ ეპოქის სამარხ ორმოებს ოდინგ მოვრძო სწორკუთხების ფორმა აქვთ და მათი გრძელი ლერძი ძოშოს ვლეოთიდან დასიკლეთისაკენაა მიმართული (ჩაბ. LXXII.).

ძალიან ხშირად ორმოში ჩასასვლელად აღმოსავლეო კედლის მხრიდან გაკეთებულია სპეციალური ქანობი, ე. წ. „დრომოსი“ (ტაბ. LXX). ხის ხრუნილი ნაშების, ხოლო ერთ შემთხვევაში (ბიიუქ-თეფეს ყორლანი) უხრტნელად დაცული მუხის ძელების მიხედვით შეიძლება ვითიქროო, რომ სამარტო თრმოებს ძელჭერს ახორავდნენ, ძელჭერის ზემოდან აყრიდნენ მიწას და იმრიგად აღიმართებდა ყორლანი. ძელების დალბობის შემდეგ მიწა ჩაწვებოდა და ზიგ ჩაიქცეოდა: ჩვენ მიერ გათხრილი თრმოები პირთამდე იყო სავსე ყრილის ქვებით. ამიტომა რომ ყორლანში ნაბოვნი თიხის ჭურჭელი ჟველა დალეშილია და უმეტესობა იმდენადაც, რომ მათი აღდგენა 200—250 ნატეხის შეკაწიწებას ნიშნავს.

ამ დროის არც დიდ ყორლანში არ გვინახავს ადამიანის ძვლები — მიუხედავად გულმოდვინე პრეპარაციისა; მხოლოდ აქა-იქ გადარჩენილი ქილის მინანქარის მიუხედვით შეგვიძლია დავასკვნათ, რომ მიცვალებულის დასაფლავება ინცუმაციის სახით ხდებოდა და ძვლები სულ იხტენბოდა. მაგრამ შეიძლება დაცუშვათ, რომ კრებაციაც იყოს, როგორც ამას ადგილი ჰქონდა ხეთის სამეფო სამარხებში ხატუშაშე-ში (287). ამ მხრივ გამონაკლისს წარმოადგენდა მხოლოდ XXII, პატარა ყორლანი, რომელსაც თავისებური ჰქონდა აგრეთვე მოწყობილობა და ინვენტარი (ოქროს ქინძისთვი, მინიატურული პირი ჩრდილო კვერციში ნაპოვნი, ბრინჯაოს დიდი, ბრტყელი, ორვოლუტიანი ქინძისთვისა). აქ ჩონჩხი შენახული იყო და ისე იღო, თოთქოს მიცვალებული ჯერ მუხლმოყრილი დაუსვერებით და მერე თავდალმა დამხობილო (ტაბ. CX₁).

წევ გვაქვს საბუთი ვიფიქროთ, რომ დიდ-ორმოიან ყორლანებში მიცვალებული ან დამწვარი მისი ფერფლი „დრომოსის“ გზით შევქონდათ ხოლმე ხის ეტლზე დასვენებული და ამ ეტლიანად მარხავდნენ. XXIX ყორლანში, რომელიც ზღვის დონიდან 1800 მეტრის სიმაღლეზე, საბით-ახჩას (ყოფ. „საბიტიახშო?“) მახლობლად მდებარეობდა, აღმოვაჩინეთ ხის ოთხ-თვლიანი ეტლი (ტაბ. CVII), რომელიც ყორლანში მეონავი წყაროს წყლის მეშვეობით (ტაბ. CVIII) თითქმის მთლიანად იყო გადარჩენილი. გარდა ამისა, ზოგი ყორლანის ორმოს ფსკურზე ჩანდა ღრმა ნაცვალევი და შიგ ჩარჩენილი ხის ნაშთები.

ორმის ნაბირებზე ხშირად დაგროვილი იყო. მსხვილფეხა თუ წერილფეხა საქონლისა და ლორის ძვლები, ხოლო ძირზე, კულლებს გასწვრივ ჩიმუქრიებული იყო თიხის დიდი ჭურჭელი (ტაბ. LXVII).

უორმოო ყორლანთა დასაკრძალვი ბაქნის მოწყობილობა სავსებით შეესატყვისება ორმოთა ძირის მოწყობილობას. ხემოთახესენები დასაკრძალვი დარბაზის მიხედვით (XXXVI ყორლანი სოფ. კუშჩისთან) უნდა დავასკვნათ, რომ შენობას უორმოო ყორლანშიც ავებლენ ნიადაგის ზედაპირზე და ამ შენობაში დაასკრებდნენ ხოლმე მიცვალებულს (ტაბ. LXIII). ასეთი დარბაზი ჯერჯერობით მხოლოდ ერთი შევეხვდა. იგი ორიენტირებული იყო აღმოსავალეთიდან დასავლეთის მიმართულებით. მისი დასაკრძალვა მოწყობილობაცა და ინვენტარიც სრულიად ისეთი იყო, როგორც ორმოინ სამარხებში. აქ გვაქვს ობინდიანის ისტები, ბრინჯაოს ზების ნატებები, ვერცხლის საკინძები მდიდრულად ორნამენტირებული ოქროს თავებით, ოქროს-სახოვანი გარსაკრავები (ტაბ. CII) და ტიპიური, ოსტატურად შოხატული სახეებით შემკული კერამიკა. საოცარი მხოლოდ ისაა, რომ მონდენა დარბაზში მხოლოდ ერთი მიცვალებული იქრძალებოდა. ჩანს, ეგვიპტური „მისტათ“-ს მსგავსია, ბატრონი სიცოცხლეშივე იწყებდა მის შენების, რათა მიცვალების შემდეგ ლირსეული ძეგლი დასდგმოდა დიდი ყორლანის სახით. დარბაზს აქვარად ჰქონია სვეტებშე დანდობილი ხის სახურავი, ხოლო იატაქზე ნაპონი, რაღაც ხის დეტალის (კიბურად ჭრილი სვეტის?) ოქროს გარსაკრავი (ტაბ. CIV) გვაფიქრებინებს, რომ თვისი დროზე დარბაზი მდიდრულად და ფუფუნებით იქნებოდა მორთული.

ამ სამარხების კერამიკა უმთავრესად დიდრონი ჭურჭლითა წარმოდგენილი. ორი ტიპია: „პილოსი“—მხრებზე შებმული ორი პატარა ყურით ინ უყურო (ტაბ. LXXIII_{1, 2}, LXXVII და LXXX) და „პილრია“—უყურო, ყელდაბალი, ლიმაზად პირ-გაღმოყეცილი (ტაბ. LXXIII_{1, 2}, LXXV, LXXXI და LXXXII). თვით თიხის, მისი გამოწვისა და ზედაპირის ორნამენტაციის მიხედვით ყორრანთა კრამიკაში რამდენიმე ჯგუფი გამოიყოფა. ეს ჯგუფები ხან ყველა ერთად გვხვდება, ხან სხვადასხვა ყორრანთაში. პატარა ჭურჭელი ძალიან იშვიათია და თუ არის, წარმოდგენილია თხელკედლიანი ფორმებით, რომელთაც ტანი სფერული იქვთ და ყელი ცილინდრული (ტაბ. LXXXIV და სურ. 916).

საკუთრივ განსაკუთრებულ ჯგუფს შეადგენს წილად შეღებილი ჭურჭლის კომპლექსი (ტაბ. LXXXI—LXXXIII). ეს ჭურჭლი მოხატულია მხრებზე გადმოშევებული „შევრონებით“, რომელიც შიგნიდან ტეხილი ხახებით (ელამური კერამიკისათვის ტიპური „წყლის სქემა“) და ფალგული სახეებით (სვისტიკა, ბატის ფიგურა) არიან შევსებული. მავე კომპლექსს ეკუთვნის შევპეშიანი ჭურჭლი, რომელიც ზოგჯერ დატვიფრული და მინაქერდი ორნამენტითა შემული.

მეორე ჯგუფს შეაღენს ის საუცხოო ჭურჭელი, რომელსაც მოთეთრო თიხით ანგობირებული, გაყრიალებული და მოშავო-წაბლისფერი, პერიანი საღებავით მოხატული ზედაპირი აქვს. როულ-სახოვანი ორნამენტის ელემენტებს შორის ვხედავთ მრუდგაზოვან მეანდრებს, სპირალურ ვოლუტებს, კლასიკურ ხასებს, ვიდროვულ არებს და სხ. (ტაბ. LXXVII—LXXX). ამავე ჯგუფში შედის შევეწიანი კერამიკა, რომელსაც უფრო ღია ფერის სარჩევლი აქვს და რომელიც შექმულია სწორ-ხაზოვან-გეომეტრიული, წვრილბუნქტირიანი (სავარცხლისებრი) ორნამენტით. მათვარი სახეებია: ლენტური კუთხები და მათ შორის ჯვარი, სკასტრია და ტრაპეციისებრი ფიგურები (ტაბ. LXXIV). ამავე ჯგუფს ონ ახლავს თავისებური დიდროონი ჭურჭლები, რომელთა მონატები რბილია და გრაფიტით სწორს (ტაბ. LXXV) და იშევითად პატარა, სუერული მოყვანილობის ჭინჭილები (სურ. 91, ტაბ. LXXXIV).

დასასრულ, მესამე ჯგუფში მოქმედება მოტლანქო კერამიკა ლრმად ამოჭრილი ორნამენტით და მისი თანამყოფი შავპეშიანი ჭურჭელი, რომლის ორნამენტი შესდგება მსხეილად ამობურცულ-ჩორბაზებული, ღვთვებრივი სახეობისაგან (ზაბ. LXXXV).

ლითენული, ცალლებითი სასუებისაგან (ცას. 1888).

აჩესბობს კანონზომიერი ურთიერთობა ისეთ დაჯგუფებასა და თვით ყორბანულ სამარხთა მოწყობილობის სხვიდასხვევების შორის. მაგალითად, პირველი ჯგუფის ჭურჭელი გვხდება მხოლოდ ისეთ ყორბანებში, რომლებშიც სამარხის ორმოებია; მეორე ჯგუფისა თრივე ტიპის ყორბანებში, ხოლო მესამე კი მხოლოდ ისეთ ყორბანებში, რომელთა ყრილს ქვეშ ნიადაგში გამოკვეთილია დაბაკრძალები ბაქნები.

ჯერჯერობით არ ხერხდება ამ ტიპების ქრონოლოგიური თანიმდევრობის ზუსტად დადგენა. ამ ისტორიულად საპასუხისმგებლო საკითხის გადასაწყვეტად აუკილებელია უფრო გარეკვეული საფორმობი, სახელობრ, მემკვიდრეობისა და მათი პლატიურობის ფენების შესწავლა, კრამიკის თანამ-

ყოფი ლითონის ინკვენტარის ტიპოლოგიის ჩამოყალიბება და თრიალეთის მეზობლად მდებარე წინა აზის რაიონების განვითარების რიგთა პარალელიზმების აღმოჩენა. სამწუხაროდ, სამხრეთ კავკასიის უახლოესი მომიჯნავე მხარეები — ვანის ტბის, ურმისის ტბისა და ევფრატის სათავეთა რაიონები სრულიად უქმდისად არის შესწავლილი, ხოლო უფრო შრომული ქაუკინების — სირიის, მესოპოტამიისა და ირანის კურამიკული ფილიაციები ერთმანეთისგანაც კი ძალიან განსხვავდება და მითურებული ძალან მცირედ ემსგავსება ჩვენს მასალებს, თუ კი ყოვლად ფართო ანალოგიებს არ გამოვეკიდებით (მაგ. ხემოთალნიშნული პარალელი ელმური კერამიკის მე-2 სტილთან ან ტელ-ჰალაფისა და ალ-შარის (291) მოთეთრო ანგრძასთან).

რაც შეეხება ყორღანებში აღმოჩენილ ლითონის ინვენტარს, იგი წარმოდგენილია უმთავრესად ძვირფასი ნივთებით. ეს კომპლექსი შინაარსობრივად იმდენად ახილი და მრავალფეროვანია და მოულოდნელად ასტატობის ისეთს მაღალ დონეს გვიმელავნებს ყაველთვის, რომ შეუძლებელი ხდება მასში გენეტიური რიგების უშუალოდ გამოყოფა, ხოლო წინა აღმოსავლეთის სხვა ქვეყნებში კი მათი შესატყვევისი ძვირფასი ნივთები ჯერჯერობით ძალიან ცოტად აღმოჩენილია.

ჩენებ მხოლოდ ორი ნიმუში გვაქვს სახვითი ხელოვნებისა, რომელთა ურთიერთ-მონაცემების შესახებ ასე თუ ისე კიდევ შეიძლება მსჯელობა. ეს არის V ყორეანში ნაპოვნი ვერცხლის სასმისი (ტაბ. LXXXIX) და XVII ყორლანში ნაპოვნი ვერცხლის პატარა საჩრული, ოქროთი შემკული (ტაბ. LXXXVIII). ორივე დაფარულია რელიეფურად იმთხველილი ლრნამნერით.

სასმისი კერცხლის მთლიანი ნაჭრიდან არის გამოჭრილი და წარმოადგენს ცილინდრულს, ძირ-მორგვალებულსა და ღრუ-ფეხიან ჭურჭელს. ზედაპირზე არის ბრტყელი ამონიერილი, ლოტოსი-სებრი როჩეტი და ორი ნაჭედი ფრიზი. ზედა ფრიზზე გამოხატულია მხეცის-იავინი, კულიანი და ტუნიკით მოსილი 23 არსების მსვლელობა (სურ. 94). ეს არსებანი წამდგარას სკამზე მჯდარი ასეთივე არსების წინაშე. ხელში მათ სათითაო დიდორნი სასმისი უჭირავთ. სკამზე მჯდარი არსების ზურგთ უკან გხედავთ „სიცოცხლის ხეს“, ხოლო წინ სამფენა სამსხვერპლოს, ჩაღალ ჭურჭელსა და ორ ცხოველს (ტაბ. XCII). ქვედა ფრიზზე ცხრა ერთმანეთის მიმდევარი ირემია გამჭურივებული. ხარ-ირმებს ძძიმე რქები ძვთ, ფურ-ირმები ურქო არიან.

იმების სრულიად ასეთივე რიგია გამოხატული ვერცხლის სარწყულის ზედაპირული კომპოზიციის ქვედა სართულში, მაგრამ აյ გამოხატულება უფრო ცოცხალია, ხოლო სასმისზე შედარებით უფრო დუნე და უსიცოცხლო. ამიტომ უნდა ვიფიქროთ, რომ სარწყული რამდენადმე უფრო აღრინდელი ეპოქის შხატერული შემოქმედების ნაყოფია, ვიღრე სასმისი (სურ. 93). სამწუხაროდ შენახულია სარწყულის მხოლოდ ცალი გვერდი და ისიც ნაკლული. მისი აღდგენილი ნაწილი მთლიან დაფარულია ნაჭედი ფიგურებით, რომელიც პროფილში ასახავენ სხვადასხვა აღვილობრივ ნადირებს ბუქებსა და ხეებს შორის (ტაბ. XC, XCI). ეს ნადირებია: თხები, ქურცივები, შვლები, როი სხვადასხვა ჯიშის ირმები და ტახები. ეს ფიგურები ისევე მჭიდროდ ავსებენ პურპლის ზედაპირს, როგორც ამას ეგვიპტურ პალეტებზე, კაუის დანის ოქროს ტარზე და სხვა მსგავს ნივთებზე ჩედავთ. ზოგ ნადირის მკერდში ისარი აქვს განწონილი, ასე რომ აյ ნაღირობის სცენის ერთ ნაწილთან უნდა გვქმნის საჭმა.

თუ საბრწყულზე ასახული ნადირობის სცენა და სასმისზე ასახული მსელელობა და ირმებიანი ურისი მართლაც ეყოვნიან რელიგიურ წარმოდგენათ ერთსადაიმავე ჯვუფს, უფრო ბუნებრივი ქქნებოდა ექ საკულტო სცენა გვეგულისხმებინა. თავდაპირველად ქულტი ალბათ დაკავშირებული ყოფილ ტყის ნადირობის ღვთაებასთან, ხოლო შემდეგ ეს უკანასკნელი ბუნების აღორძინებისა და საყოფაირების ღვთაებად გარდაიქმნა და ამასთან დაკავშირებით მოხდა მცენარეულის ზრდის უზრდების წინ წამოწევა (297—299).

მაშინ მხეცისთვის არსებათა კულები უნდა მიეჩინოთ სამოსელში გადმონაშიის სახით შემოახულ რიტუალურ ატრიბუტად და პარალელისათვის მოვიგონოთ, რომ ეგვიპტის ფარაონთა სამოსელის ერთ-ერთ ნაწილს მიალის კოდი წარმოადგინა.

ყველა ეს ფაქტი გვანიშებს, რომ ჩეენ საქმე გვაქვს მონაღირის მსოფლმხედველობის ძლიერ იღვევასთან. იმავე დროს უმცეველი ხდება, რომ პირველდაწყებითი საფუძველი, რომელზედაც ღმოცვენდა ეს საყურადღებო სურათები, იყო მცლის ტოტები. იმის გამო ისმის საკითხი: ხომ რ ეკუთვნის ეს ჭროპელი მცირებაზე ლუვიელებს ანუ „მგლის ხალხს?“. საქმე იქაშია, რომ ამ აღნის იდეოგრაფიული იღნიშვნა—UR-BAR-RA სუმერული წიკითხება როგორც „მგლი“ ანუ,

სიტყვა-სიტყვით, „უცხო, გარეული ძალლი“, ხოლო ხეთურ-ნესური ფონეტიკური სახელწოდება ლუვიელებისა—*l-ə-i-li*—ეტიმოლოგიურად უახლოვდება ლათინურ სკრიტს („მგელი“), ისევე როგორც მეორე მცირებაზეილი ხალხის, ლიკიელების სახელწოდება ბერძნულ ასკის-ს („მგელი“) (303). მაგრამ ჩვენი სასმისის მიუკონება ამ ხალხებისადმი, რომელიც უმთავრესად მცირე აზის დასავლეთ და სამხრეთ ნაწილებში გინადრობდნენ, მაინც არ იქნება სავსებით მართებული: ჯერ ერთი იმიტომ, რომ ეს სასმისი მცირდროდა დაკავშირებული თრიალეთის ყორლანული კომპლექსის დანარჩენ ნაწილ-თან და აშკარად წარმოადგენს იდგილობრივს, არა-იმპორტულ ნაკონბას; მცირე იმიტომ, რომ მგლის ტოტემის გადმონაშთები ძალიანაა გავრცელებული მცირე აზიასა და მიერ-კავკასიაში და ბევრად სცილდება ლუვიელ-ლიკიდელთა საცხოვრისის ფარგლებს. ამ მხრივ ჩვენთვის განსაკუთრებით საყურადღებოა ის ფაქტი, რომ დასივლეთ საქართველოს რამდენიმე ტომის სახელწოდებაში შემთხვეულია ძირი *ger—gwer*, რაც მეგრულ-ქანურში ახლაც „მგელს“ ნიშნავს. ასე მაგ., სიტყვა „გურული“ შეიცავს ძირს *gur—gwer*, „მეგრელი“ თავდაპირველად *me-ger* უნდა ყოფილიყო, ხოლო „იმერია“—*iber—*hiber—hver—gver*. ამიტომაა, რომ მეგრული ზღაპრების გმირი „გერია“, ნ. მარის აზრით, უბრალო კნინობით „მგელიკა“—ს კი არ ნიშნავს, არამედ მეგრელი ხალხის ეპონიმს წარმოადგენს, რამდენადაც ამ სიტყვის ფორმა საგვარეულო და სატომო სახელწოდების ფორმაა (304—314).

მხეცისთვის არსებათა ტანსაცმელის სრული ერთგვარობა უდავოდ იმის მომასწავებელია, რომ ამ სასმისის შემქმნელი საზოგადოების სოციალური დიუკრენციაცია სუსტი იყო. ამ დასკვნას ისიც გვიდასტურებს, რომ ამდროინდელ დაკრძალვის წესში ვერ გხედავთ ვერავითარ ნიშნებს წარჩინებული მიცვალებულისათვის მისი მონების ჩაყოლებისა, რასაც ადგილი იქნება ურის სამეცნ აკლდამებში, ე. ი. ჯერ კიდევ დინასტიის წინა დროის ეგვიპტეში. მაშასადამე, მიუხედავად იმ პირთა აშეარა ქონებრივი უპირატესობისა, რომელთაც ძვირფას ნივთებს ატანდნენ და მიუხედავად იმ ფაქტისა, რომ ოქრომჭედლობა და თიხის ჭურჭლის მოხატვის ხელოვნება მაღალ დონეზე იდგა, ჩვენ საქმე გვაქნება ჯერ კიდევ წინაკლასობრივ, გვაროვნულ-ტომობრივ საზოგადოებასთან. ვაგრამ, შეიძლება, კრეტა-მიკენის საზოგადოების მსგავსად აქაც უკვე იყო გვაროვნული არისტოკრატია და ტომის მეთაური — „გვირული პერიოდის“ ბერძენთა ბაზილევსის, ან ძველი მექსიკის აცტეკების მხედართმთავართა ტიპისა (340).

რაც შეეხება უფრო ახალგაზრდა ყორლინებს, მათი დათარილებისათვის შეიძლება გამოვიყენოთ, უპირველეს ყოვლისა, მათში ნაპოვნი ოქრო-ვერცხლის ინვენტარის შედარება ურის (320) სამეფო სამარხში და ურუკში (321) (ძვ. წ. III ითასწლეულის 1-ლი ნახ.) აღმოჩენილ ინვენტართან. IX ყორლანში ნაპოვნ იქროს პატარა ფიალის (ტაბ. CIII) პირი ისე ძველ დამუშავებული, რომ მეფე მესკალამდლუგის მცირე იქროს ფიალის მოგვაგონებს. ზემოთაღწერილი ვერცხლის სარწყულის ტარის ანჯამები იმგვარადვეა ვერტიკალური მილაკებით კედლებზე მიმაგრებული, როგორც ურის იქრო-ვერცხლის ჭურჭელზე ჩამოსაჭრად მირჩილული წყვილი მილაკები.

V ყორლანში ნაპონი ოქროს ცხოველი (შეიძლება ტანმორჩილი ცხენი ან ირემი) ისეთივე ტექნიკით არის შესრულებული, როგორითაც ურში ნაპონი, ხისაგან გამოკვეთილი და ოქროთი შექედილი, უკანა ფეხებზე მდგარი თხის პატარა ფიგურები (323) (სურ. 100, ტაბ. XCVII და XCVIII). ჩვენს ქანდაკებას თვალები ნიუაროვან ფუძეზე აქვს გაკეთებული. ეს ტექნიკაც ნამდვილი სუმერულია და მას ეხედავთ ურის თხის ფიგურებზედაც (სურ. 101). აგრეთვე მახლობელი ანალოგია მოყვავება სუმერულ ხელოვნებაში (სურ. 99) ჩვენს სასაფეხქლე ოქროს ხვიებს (ტაბ. XCVIII და CIX). სუმერში გავრცელებული სამეკაულის ტიპს ეკუთვნის ის ორქაბა კულონიც, რომელიც აქატის ბრტყელი ფირფიტისა, ოქროს ჩარჩოსა და ოქროს კაბსულებისაგან შესდგება (სურ. 97, ტაბ. XCIV). განსაკუთრებით საყურადღებოა ჩვენი კულონის შედარება ურუქში (321) 1926 წ. ნაპონ გულქანდზე ჩამოყიდებულ კულონთან. ამ გულქანდის ერთ-ერთ მძიებზე არის წარწერა, რომლის მთხელვით გულქანდი ეკუთვნოდა ქურუმ ქალს აბაბაშტის (სურ. 98). ისინი საერთოდაც ჰყავნან ერთმანეთს და ტექნიკური დეტალებითაც, ოლონდ ურუქის კულონის ოქროს ბუდებში მინანქარია ჩასმული და არა ფერადი ქვები. საოცრიად ჰყავნან ისინი ერთმანეთს იმითაც, რომ გულქანდის ძაფზე მასგვებად აქატის თხელი ფირფიტები ორივე შემთხვევაში ერთიდამავე, ძალიან ძნელი მეთოდითა გახვრეტილი, მიუხედავად იმისა, რომ ისაგებად შეეძლოთ მათზე ჩამოყიდებული კაბსულებიც გამოყენებინათ.

დასასრულ, ვერცხლის სატევრის პირი (ტაბ. CV) მოგვავონებს სამეფო იარაღის ძვირფასი ლითონებისაგან გამოჰქიდვის სუმერულ ჩვეულებას (325).

როგორც ვხედავთ, მსგავსება საქმით დიდია, მაგრამ უფრო მეტია განსხვავება და ეს მოწმობს ჩვენ მიერ აღმოჩენილი კულტურის დამოუკიდებლობას და გაცილებით უფრო „ახალგაზრდულ“ ასაკს, მიუხედავიდ იმისა, რომ მისი კავშირი ნაწილობრივ ულამის მე-2 სტილის მსგავსად მოხატულ კურამიკასთან თთქოს უფრო „ხნიერი“ ასაკის მანიშნებელი უნდა იყოს. სრულიად წარმოუდგენელია, რომ ურის სამეცნ სამარხთა ხანაში ან მის მახლობელ ხანაში შესძლებოდათ გაკეთება ისეთი საოცარი ოქროს სასმისისა, როგორიც ჩვენ XVII ყორდანში ვიპოვეთ. ამ სასმისს ჭვირული („აუკრული“) ფეხი აქვს და ფილიგრანიანი, თვლებით მოკვიდი იქროს ვოლუტები (ტაბ. XCIII), ხოლო ძველი სუმერის ფილიგრანული და მარცვლური ტექნიკა ვაცილებით უფრო დაბალ დონეზე იდგა. იგივე შეიძლება ითქვას იქროს ბურთულა, თვლებით მოკვიდი მძივთა შესახებ, რომლებზედაც „8“-სეპტრი; სუმერულ საყურეთა ტიპის (320) ხვიებია გამოხატული (ტაბ. XCV). მათ სუსტ ანალოგიას ვხედავთ მხოლოდ ვაფიოს გუმბათოვან აკლდამაში აღმოჩენილი მძივის სახით (სურ. 96) და ეს აკლდამა კი ეკუთხის II თასწლეულის შუას (318), როდესაც მთელ რიგ ქვეყნებში მარცვლური ტექნიკა უკვე საქმით განვითარებული იყო (319). ახალი და სუმერული ტორევტიკისათვის უცხოა ჭურჭლის ჭედვისას ფსეუდო დანდობილი ფარგლით მისი სწორების ტექნიკა, რის მაგალითებსაც ვხედავთ ოქროს და ვერცხლის პატარა ფიალებში და ვერცხლის ფინჯანში (ყორდანები: IX, XV და XVI; იხ. ტაბ. CII).

დასასრულ, სტილის მხრივაც არაფერი აქვთ სუმერულ ნივთებთან საერთო კერძოლის საბაზულზე და სასმისზე ამოქედილ სურათებს, რომელთაც ერთმანეთთან მჭიდროდ აკავშირებს საზიარო მოტივი და, მიმავალი ირმების ერთიდამავე ხერხით გამოხატვა. სამწუხაროდ, ამ საუკხოო ნივთებს სრულიად არ მოეპოვება შესადარებელი პარალელები; მაგრამ მაინც საცემით ცხადია, რომ მათ ასურული, ე. ი. უფრო ახალი დროისა არაფერი სცხიათ და რომ ისინი მოგვაგონებენ მცირებისული, „ხეთური“ ხელოვნების უძველეს ნიმუშებს. ზუსტად ერთგვარი, პარატაქტულად განწყობილი ფიგურების გრძელი მუქრივის ანალოგია შე ვიძლია ვეძოთ იაზილი-ყაის ბარელიეფებში. მოკლე, ფონიანი ტუნიკები (ან უკეთ ხიფთანები) (300) და მაღალჭვინტიანი ფეხსაცმელიც (301) ხეთური ტიპისაა. მაგრამ მეორე მხრით ჩვენს გამოხატულებას ახასიათებს რამდენიმე თავისებურება: მიძღვნის კომპოზიციის საერთო სასიათო, ლვთაების ჯდომა, ტანსაცმლის ატრიბუტი—მეღლის კუდები, „სიცოცხლის ხის“ ტიპი (კუდარი ან რომელიმე სხვა წიწვიანი ხე უნდა იყოს), ცხოველებისა და ხეების რამდენსამე სიბრტყეში გამოსახვა. ამგვრი თავისებურება იმის ნიშანია, რომ ჩვენ საქმე გვაქვს საქმიანოდ დამოუკიდებელ ხელოვნებასთან, რომელიც რაღაც განსაკუთრებული ირქაული ტრადიციებით საზრდოობს.

რომ ეს ნივთები უფრო გვიანი დროისაა, ვიდრე მათი სუმერული ანალოგები, ამას განსაკუთრებით დამაჯერებლად ამტკიცებს XV ყორლანში ნაპოვნი, შევენიერი, მასრიანი შუბის პირი, ბრინჯაოსავნ გაეკუთხული და ვერცხლით გაშუბობილი (ტაბ. CVI). ცნობილია, რომ მასრიანი შუბის პირი წინა ძოშოსაცლეთში და კიპროსშე სრულიად არ გვხვდება (51—55, 380) და გამონაკლისს წარმოადგენს ტროს მე-6 ქალაქში ნაპოვნი ერთადერთი ცალი. კრეტაზე ნაპოვნია თავისებური, არატიპიური ფორმები იმავე დროისა (LMIII). უფრო ჩვეულებრივ მოვლენად იქცევა მასრიანი შუბები მხოლოდ მიკენში. პირველი ძმგვარი შუბის პირი, კოხტა მოყვანილობისა, გვხვდება მიკენის მე-4 შახტურ სამარხში, რომელიც ძ. წ. XVII საუკუნით თარიღდება (331—333). სამაგიეროდ ეს შუბები დაახლოებით იმავე ხანაში ფართოდაა გვერცელებული დასავლეთ ევროპაში (მონტელიუსის მე-2 პერიოდი), ხოლო ჩრდილო კავკასიაში მხოლოდ ბრინჯაოს ქოქის მიწურულში ჩნდება (მაგ. სტანიცა „ქრიმსკაია“). ამიტომ ცხადია, რომ წალკაში ნაპოვნი შუბის პირი არავითარ შემთხვევაში არ ჩაითვლება მიკენის მე-4 შახტურ სამარხშე და ტროის მე-6 ქალაქზე უფრო ძველად. ეს უნდა იყოს terminus post quem ჩვენი ახალგაზრდა ყორლანების მთელი ჯგუფისათვის.

შეორე შერით, როგორც უკვე დაერწმუნდით, არაეთითი საბუთი არა გვაქვს უფრო გვიან ეპოქას მივაკუთვნოთ ეს ახლად აღმოჩენილი კულტურა, რომელიც მკვეთრად განსხვავდება სამხრეთ კავკასიის ჩერნოვის ცნობილი გვიანი ბრინჯაოს კულტურისაგან. მართლაც, ჩენ მიერ განხილული თრიალეთის არაყორდანული სამარხები (უძველესი, სპილენძ-ბრინჯაოს და კიუის ნამელების შემცველი სამარხებით გათავებული) მათი მძივების, ე. ი. ყველაზე უფრო მოძრავი საქონლის ასორტი-

მენტის მიხედვითაც კი აბსოლუტურად არ ემთხვევა ყორლანებს. ეს გარემოება თავის მხრით მტკიცე არგუმენტია აგრეთვე ყორლანული კომბლექსებისა და ჩვენ მიერ შესწავლილი ამა თუ იმ სასაფლაოს სინგრონიზაციის საწინააღმდეგოდ; მითუმეტეს, რომ თრიალების ყორლანებში აღმოჩენილ მხატვრულ ნაკეთობათა სტილისტური თავისებურებანი მკვეთრად განირჩევიან აქემენიდური, ვანური და ძალული ხელოვნებისა და მხატვრული წარმოების სტილისაგან.

ამიტომ თრიილეთის გვიანდელ ყორლანთა ნივთების კომპლექსი უნდა განვიხილოთ, როგორც საკმაოდ არქაული კულტურა, რომელიც საკმაოდ დაშორებულია სამხრეთ კავკასიის გვიანი ბრინჯაოს ეროვნის მეტნაკლებად ერთგვაროვანი და ურთიერთობან დაკავშირებული მასალის სხვადასხვა ვარიანტებსა და სახეობებს.

აღმოჩენილი დასაკრძალავი მოწყობილობისა და შეტანა ელებად მრავალფეროვანი ინვენტარის მიხედვით კულტურული ავლა-დიდება იმ ტიპისაა, რომ უეჭველად წინაკლისობრივ საზოგადოებასთან უნდა გვერდეს საქმე. მაგრამ ეს საზოგადოება პროგრესიული და უკვე საქმაოდ დაწინაურებული უნდა იყოს. „ენგელსის ტერმინოლოგია“ რომ ვიხმაროთ, იგი „ბარბაროსობის“ საქმაოდ მაღალ საფეხურზე დგას (340). ამ მხრივ განსაკუთრებით საყრდადლებო იყო აღმოჩენა დასაკრძალავი დარბაზისა (სურ. 90 და ტაბ. LXIII), რომელშიც ხის არქიტექტურული დეტალების (ან ეგებ ხის სარეცელის თუ ტახტის) ოქროს გარსაკრავის ნაშთები ვნახეთ (ტაბ. CIV). წარჩინებული მიცვალებული სრულიად მარტო, უმონებოდ დაემარხათ და მისთვის ჩატარებინათ დიდადი (3000-დე ლიტ-რის ტევადობის) ჭურჭელი, რაც საცხებით იქმარებდა დიდი საგვარეულო კოლექტივის მიერ საკულტო ქარელების გაფახდისათვის.

ბინადარი მოსახლეობის ყოფაცხოვრება და მეურნეობა დამყარებული იყო მიწათმოქმედებაზე და მწყემსურ მესაქონლეობაზე. აშენებდნენ მსხვილფეხა და წვრილფეხა რქოსან პირუტყვსა და ღორებს. შესაძლებელია, ცხენი ჯერ კიდევ არ ჰყავდათ მოშინაურებული, მაგრამ უკვე ჰქონდათ სუმერული ტიბის ხის ეტლი (326—330), ლერძებზე მბრუნავი თოხი თვალით (ტაბ. CVII), რომელშიც აღმართ ხარებს აბამდინენ (სურ. 102). ლითონის წარმოება ნამდვილი ხელოვნების დონეზე იყო აყანილი. ხელოსნები და ასტატებული იყვნენ სპილენძის, ბრინჯაოს, ვერცხლისა და ოქროს ჩამოსხმაში, რჩილვაში და შედნობაში. განვითარებული იყო ფაქტიზი იუველირული ტექნიკა (ფილიგრანი, გრანულიცია), კედვა, ტეკიტრეა, ლითონთა ბლასტიკა—ფურცლებისაგან რელიეფებისა და მრგვალი ქანდაკების კეთება (ტაბ. LXXVIII—CV). კერამიკაც ისეთია, რომ მისი მკაფებელი ისტატები დახელოვნებული უნდა ყოფილიყვნენ თიხის ცომის სხვადასხვა, უკვე შემუშავებული ტიპების ხმარებაში, მის სხვადასხვანაირად (დამეანგავი თუ აღმადგენერელი ალით) გამოწვაში და ჭურჭლის სხვადასხეანაირად დამუშავებაში თუ შემკბაში (ფაქტიზი ხეხვა, ანგობა, ფერადი მოხატულობა) (ტაბ. LXXVI—LXXXIII). ეტყობა უკვე ცნობილი ყოფილი ხის სახარატო დაზგა (მოხარატებული და ოქროს ფურცლით დაფარული ხის სვეტი), ხელით საბრუნი კერამიკული მორგვა, ლითონის ჭურჭლის (ტაბ. CII) გასაფორმებელი საბრუნი ხელსაჭყო და ფარგვალი. ჭურჭლის ორნამენტირებისას წრეს ჰყოფდნენ 5, 7 ან 9 თანასწორ ნაწილად, რაც აღმართ წინააზისს უძველეს კოსმიურ წარმოდგენებთან იყო დაკავშირებული (341).

ობსიდიანსა და კაუს უმთავრესად ისრის პირების დასამზადებლად ხმარობდნენ. ტექნიკა იყო ნეოლითური, მაგრამ უაღრესად სრულყოფილი და გაფაქიშებული (ტაბ. CVI bis). სარდიონისა და ძეგატის ფაქიზალ დამზადება, როგორც მათვან ნაკეთები ნივთების იუველირულ ტექნიკასთან მჭიდრო კავშირი გვიჩვენებს. გრძელვე აღგილობრივ წარმოებდა და დიდი ტექნიკური სიძნელეების გადალა-ხვას მოითხოვდა (მაგ. ძეგატის თხელი ფირფატების ხვრეტა გრძლად, სიბრტყეზე).

ჯერჯერობით ვერ ვიტყვით, ქაშანურის მძივების (ტაბ. XXII) მოჭიქვა ადგილობრივ ხდებოდა თუ ყველა ამგვარი მძივი საიღანმე მოქმენდათ. ერთი რამ კი უდაფოა: ზოგ მათგანს იმგვარი მუქლურვები ჭიქურა აქვს მოსხმული, რომ უნდა ვიგულისხმოთ მათი კავშირი ეგვიპტურ სახელოსნოთა პროდუქციისთვის, რომელიც იმ დროს ფართოდ იყო გავრცელებული.

ვერცხლის სასმისზე გამოხატული ფიგურების მიხედვით ჩანს, რომ მოკლე ხიფთანების კალთებს ფოჩებით რთავდნენ. ხოლო მკერდზე ქობას უკეთებდნენ.

საოცარია იარაღის სიმურე. სამი სატევრის პირის (1 ბრინჯაოსი და 2 ვერცხლისი), ბრინჯაოს შუბის პირისა და ობსილიანის წერილი ისრის პირების გარდა ყორლანებში არავთარი იარაღი არ აღმოჩენილა. ნიშნავს თუ არა ეს, რომ იმდროინდელ თრიალეთში არ იყო მებრძოლი მოსახლეობა და ცხოვრება მშევრიდობიანიდ დიოდა? ამ კითხვაზე პასუხის მიცემა ძნელია, სანამ დასახლების სათანადო დაგილებს არ გამოიყენეთ.

2. ძველი ბრინჯაოს ხანის ყორლანტლი სამარხები

ამ განკოფილებაში ვაერთებთ თრიალეთის ყორლანების ორ სრულიად სხვადასხვაგვარ ჯგუფს. პირველი ჯგუფის ყორლანები მომთაბარე ხალხს უნდა მივაყუთნოთ, ვინაიდან მათში სულ არაა კურამიგული ინვენტარი (თუმცა უნდა აღინიშნოს, რომ ჯერ მხოლოდ ერთი შემთხვევა გვაქვს გამოკვლეული). ასეთი ყორლანები ვნახეთ წალკის არაინის სამხრეთ, მაღლობ ნაწილში, ფარავანის ტბისკენ გადასავალ უღელტეხილთან, ზღვის დონიდან 2200 მეტრის სიმაღლეზე. ერთ-ერთ მათგანში ყრილის ქვეშ იღმოჩნდა ნიადაგზე მდებარე ძვირფასი სამარხი (ტაბ. CXV). ამ სამარხში ნაძოვნი ნივთების სია ასეთია: სპილენძის ბრტყელი სატევრის პირი მოკლე და ფართო, კოტის დასამიგრებლად გახვრეტილი ყუნწით; სპილენძის ბრტყელი შუბის პირი სუსტად გამოყოფილი ვიწრო ყუნწით; სპილენძის აბჯრის ნაწილები (ეკვის ბურცობი, წერილწერილი კობებით შემკული და შუაში თასმის გასაყრელად გახვრეტილი); ობსიდიანის წუთი ფართო ისრის პირი, ფუქებთან ამოღარული (ღარი შუა ნაწილსაც კი სცილდება); ოქროს სამი ცილინდრული (შერჩილული) გადასაკრავი რაღაც მრგვალი წყეპლისათვის (დიამ. 2,5 სმ). ეს გადასაკრავები რკალურად არის განლაგებული ისრებით მახლობლად და ამიტომ შეიძლება „წყეპლა“ ხის მარტივ შეიღლასაც კი წარმოადგენდა. დასასრულ უნდა იღინიშნოს ჰემატიტის ლახტი, რომელიც მშვენიერი ნახელავია, წესიერი ცილინდრულ-ქონუსური ნახვრეტი აქვს და მოგვავონებს სირია-პალესტინის ენეოლითურ ფენებში და ამშარის ბორცვის (სურ. 110) მე-2 ფენაში აღმოჩენილ ლახტებს, რომელნიც ძ. წ. III ათასწლეულის მიწუროს უკთვნიან (342—344).

ძევლი ბრინჯაოს ეპოქის ყორლანთა მეორე ჯგუფს შეადგენენ ორმოიანი ქვა-მიწა-ყრილი ყორლანები. ისინა პარაგრაფში განხილულ ყორლანებთან მორიგეობით მდებარეობენ მდ. ხრამისა და მის შენაკადთა ხეობებში. გარეგნულად ისინი ხშირად არც კი გამოირჩევიან (ტაბ. LIX), მაგრამ დიდი განსხვავებაა შინაარსში: ამ ჯგუფის ინვენტარი ძალიან ღარიბულია. ლითონის ნივთებიდან მათში სულ არაფერია ყურადღების ღირსი (სურ. 109) და თიხის ჭურჭელიც ჩვეულებრივ თითებზე ჩამოითვლება (ტაბ. CXI და CXII). ეს ნივთიერი სილატრე არ შეესაბამება ყორლანის ყრილის სიდიადეს და ერთადერთი მიცვალებულისათვის ამონტხრილ ღრმა ორმოს, რაზედაც ბევრი შრომა იქნებოდა დახარჯული. ერთ შემთხვევაში (X ყორლანი) ორმო ნიადაგის ზედიპირიდან 7,5 მ სილრმეზე აღმოჩნდა (სურ. 107), ხოლო ყრილის თავიდან ორმოს ძირამდე 9 მეტრი იყო (ტაბ. CXIII). მეორე შემთხვევაში (IV ყორლანი) ყრილის სიმაღლე 5 მეტრს (სურ. 108), ხოლო დიამეტრი 45 მეტრს აღწევდა (ტაბ. LXI—LXII). ადამიანის ძელის ნაშთები, მსგავსად წალკის ფურრო ახალი ყორლანებისა, აქაც იშვიათია. მიუხედავიდ ამისა ერთ-ერთ ყორლანში მაინც მოხერხდა მიცვალებულის პოზის გამორჩევა: იგი გვერდზე წლლილა და ფეხები მოკუცილი ჰქონდა (ტაბ. CX). თიხის ხელადას და ფინჯანს მიცვალებულს თავით უდგამდნენ ხოლმე. ლითონის ინვენტარის ნაშთები მხოლოდ ორ შემთხვევაში ვიბოვეთ: XIX ყორლანში—სპილენძის ბრტყელი იარაღის პირი, ძლიერ დაშლილი და XXIV ყორლანში პაწია, ბრტყელი, ოთხკუთხა-ღერიანი საჭრეთელი (345) (სურ. 109). გარდა ამისა, IV, დიდი („კარანტინის“) ყორლანის ყრილში ვნახეთ ვერცხლის მასივური ხვია; აქ ორმო გაძარცული იყო და ხეიაც იღბათ მძარცველებს თუ დაუვარდათ, როდესაც ამონდიოდნენ. იგი მრგვალია, 1,5—სპილური (ტაბ. CXIV) და ფორმა-სიღრიდით ემსგავსება სტანიცა „ლეტნიცკაიას“ (ჩრდ. კავკ.) დიდ ყორლანში აღმოჩენილ ხვიას, რომელიც ჭელი ბრინჯაოს ეპოქის ქვისა და სპილენძის ინვენტართან ერთად იყო.

მხოლოდ ერთგან, XIX ყორილის სამარს ორმოში ჩაყრილ მიწაში (რომელიც ურარტულ ხანაში იყვნილიათ მეორედი დამარხვით) ვნახეთ ორი ისრის პირი, ორივე ობსიდიანისა და ნუშისებრ მოყვანილი (ტაბ. CVI bis).

ამ ყორდანების ქრონოლოგიური ადგილი, წინა ჯგუფთან შეფარდებით, უმთავრესად კერამიკის ტიპოლოგიური ანალიზის მეშვეობით უნდა გამოირკვეს. მათ კერამიკას ახასიათებს ისეთი თავისებურება, რომელიც შეესატყვისება ძველ ენერლითურ ფენას, ჩვენ მიერ თრიალეთში აღმოჩენილსა და სამუშავებო მასალების საოცრად ერთგვაროვან ფორმათა მიხედვით სამხრეთ კავკასიის მნიშვნელოვან სივრცეში გაყვლეულს.

ამ ყორლანთა კერამიკა მცველობად განსხვავდება შუა ბრინჯაოს ეპოქის კერამიკის ყველა ზემოთაღნიშნული ტიპისაგან. თუ ძეირფის-ნივთებიან ყორლანთა კერამიკის მთავარ კონტინგენტს პიონერები და ჰიდროები წარმოადგენდნენ, აქ გვექვს ხელადები და ყურიანი ფინჯნები, რომელიც აშერად ხელით, უმორგვოდ, შაგრამ დიდი ისტატობით არიან გამოიძერწილი. ისინი მძიმე არიან, ფლები სქელი, მაგრამ შიგნოთაც და გარეთაც გაპრიალებული აქვთ, ხოლო ზედაპირი გულდასმით დამუშავებული (ტაბ. CXIV). დამახასიათებელია, რომ ეშირად ჭურჭლის კედელი გარედან შავია და შიგნიღან წაბლისფერი. ასე რომ თითქვა ორი, სისქეზე ერთმანეთთან შეწებებული შრისაგნ შესდგება. თავისებურია ჭურჭლის არქიტექტონიკაც: ფსკერი ძალიან ვიწროა, მუცელი გაბერილი და მსხლისებრ მოყვანილი (სურ. 111—114).

სწორედ ნაძერწობისა და პროფილის თავისებურებათა მიხედვით ენათესავება ეს ჭურჭელი ადგილობრივი ენოლითური ჭურჭლის ერთ ჯგუფს, რომელიც მრავალფეროვანი, მავრამ მაინც რაღაც საერთო კომპოზიციური ნიშნების მქონეა. ძელ-ყორლანული და ენეროლითური ჭურჭლის ნათესაობას კიდევ უფრო ძლიერებს მათი ორნამენტაცია. ერთსადაიმავე ჭურჭელზე ხშირად შეხმატებილებულია შემკობის ორი ტექნიკური სხვადასხვანირი წესი. მაგ., ჭურჭლის მუცელზე ამობურცულ-ჩაზნექილი, ან, ყოველ შემთხვევაში, ღარული ორნამენტია, ხოლო ყელზე კი ფაქიზად ამოკვეთილი. თვით ნახატსა და სახეთა მოძრაობას ორივე შემთხვევაში ერთნაირი და მკაფიოდ გამოხატული ხასიათი აქვს: ჭურჭლის ირგვლივ რომელიმე მეტ-ნაკლებად რთული მოტივის უბრალო განმეორებას კი არ ვხედავთ, არამედ შეკრულ გეომეტრიულ კომპოზიციას. ეს კომპოზიცია რიტმულად კანონზომიერია, მაგრამ სიმეტრიის სისტემა განზრაბ არის დარღვეული ცალკე ელემენტების კომპოზიციური გადაადგილებითა და გადაბრუნებით (სურ. 121). ეს მსგავსება უკვე საქმიარისია იმისათვის, რომ უმჭველი გახადოს გენეტური ნათესაობა და ამ ჯგუფის ყორლანთა კავშირი ადგილობრივ, უძველეს პალეომეტალურ ჭინასთან.

ამიტომ უაღრესად დიდი მნიშვნელობა ექნება საქართველოში და სამხრეთ კავკასიის სხვა რაიონებში ბრინჯაოს ძეველ სტალიათა კერამიკული მასალის—ჩვენთვის ჯერ კიდევ უცნობის—დაგროვებას. ამგვარად უნდა მოიხატოს ტერიტორიულური გაფრცლება და გამოირკვეს მიმართულება კულტურული მონაცემებისა კავკასიის გვაროვნული საზოგადოების განვითარების ისტორიის ამ კრიტიკულ პერიოდში. კერძოდ უნდა ვცალოთ გამორჩევა იმისა, თუ რა პირობებში წარმოიქმნა თრიალეთხე შუა ბრინჯაოს ეპოქაში გაფურჩქნული კულტურის კერა, რომლის დახისიათებაც წინა პარაგრაფში იყო მოცემული.

III. မောက်လွှေတော်မျက် ၁၃၆၀၈ ဆမိန္ဒမြောဂ် ၄၁ ဒေါ်လွှေကျော် ၂၀၁၁-၂၀၁၂နှစ်တော် ၁၁၁၄၁
ပုဂ္ဂိုလ်မျက်များ ၁၁၁၆၁

ამ ჯგუფის ძეგლთა განხილვით ჩენენ ვეხებით თრიალეთის არქეოლოგიის ერთ-ერთ ყველაზე უფრო იდუმალ ფურცელს. იდუმალია იგი მიუხედავად იმისა, რომ ჩენენ სწორედ ეს მისაღა გვაქვს დაგროვილი ერთდროულად სამარხებიდანიც და ნაბინავართაგანაც და მისი ცალკე, ძველი კულტურული ფრინის სახით, გამოყოფა დასაბუთებულია არა მარტო თრიალეთის მონაპოვარით (როგორც ყორანებისა), არამედ სამხრეთ კავკასიის სხვა ადგილებში მოპოვებული მასალებითაც.

აქ ჩვენ საჭმე გვაქვს, უპირველეს ყოლისა, გინსაკუთრებულ კერამიკულ კომპლექსთან (233). ეს უკანასკნელი თავისი გავრცელების გრულ ტერიტორიაზე უკველებელი ინარჩუნებს ბევრის მთქმელ სპეციფიკას, მაგრამ თავისებურსა და მდიდარ ფორმებს კი შეიცავს (სურ. 120). იმავე დროს

შისი თანამყოფი არა-კერამიკული ინვენტარი საოცრად მწირია (სურ. 115, ტაბ. CXIX). ამიტომაცაა ეს კომპლექსი საესპიო შეუცნობელი და ჯერჯერობით სუსტიდ აღრიცხული მიუხედავად იმისა, რომ იმას ძალიან დიდი მნიშვნელობა ექნიბოდა საქართველოში და მის მეზობელ ქვეყნებში მკვიდრი ბინაღობრით, მიწათმოქმედებით, მესაქონლეობითა და მეტალურგიით დაბასიათებული სამეურნეო-კულტურული ფორმების დორეულ საფეხურთა გარემონტისათვის.

ციხის შიგნით ჩვენ ამდენიმე ჭრილი გავაკეთეთ და აღმოვაჩინეთ ოთხუთხოვანი საღვომები და ოვითეულის თითო კედლის გასწვრივ დერეფნისებრი გასასვლელები. საძირკველი ქვისაა. შიგ შენობაში შენახულია თიხატეპნილი თორონე (ტაბ. CXVII). სადგომებს ქვეშ მდებარე კულტურულ ფენაში ვიპოვნეთ კაჯის ნამგლის კბილები და კერამიკა, ტიპიური მეზობლად გათხრილი, ბრინჯაოს ხანის სამარხებისათვის. შემდეგი ფენა ყველგან კარგად ჩანს და შეიცავს თავისებურ შავბეჭიან კერამიკას, რომელზედაც სწორხაზობრივ-გეომეტრიული, ლენტოვანი და შტრიხოვანი ორნამენტია ამოკეთილი (ტაბ. CXVIII). სულ ქვედა ფენა ბეჭთაშენის ციხე-სიმაგრის ფარგლებში სამგან, ხოლო მის შორიახლოს კიდევ ორგან აღმოჩნდა. ამ ფენამ მოვცა: კაჯის ისრის პირები—სამკუთხოვანი, ყუნწიანი, და კაპებიანი (ქუთაისის რაიონში, სოფ. თეთრამიწის ნეოლითურ სადგომში ნაპოვნი ისრის პირების ტაბისა); კაჯის დანა, ფართო, ორმხრივ დამუშავებული, წვერ-გაღუნული (ტაბ. CXIX), ოვალური ფორმის ხელსაფქვავი გრძელი, გარდიგარდმო მბრუნვავი, ნავისებრი კურანტებით (ტაბ. CXVIII₂); ხარის თუ ცხვრის პატარა ქანდაკება, თიხისაგან გაკეთებული (ტაბ. CX) და ხელით ნაძერწი ჭურჭელი დამახასიათებული „შრეებრივი“ აგებულებისა და ორივე მხრივ გულმოღვინედ დამუშავებული კედლებით. ხელთ გვაქს ამ ჭურჭლის ორი სხვადასხვაგვარი კომპლექსი, რომელთა სტრატიგრაფიული ურთიერთობა ჯერჯერობით გაუზრუნველია.

ერთი კომპლექსი (სურ. 122) შეეროვნილია საცხოვრებელ ფართობზე (სურ. 119), კარგად დაცული ბუხრისებრი კერის გარშემო (ტაბულა CXVIII₂). იგი წარმოადგენს ვარიანტს იმ კერამიკასა, რო-
მელიც დიდუბეში (სურ. 123), კიკეთში (347) და ეილარში (სომხეთში) (352, 360) არის აღმოჩენილი
და რომელიც უფრო მასიურია. ეს ჭურჭელი ხან სრულიად უორნამენტოა, ხან კი მსხვილი, ლა-
პარანიური და რელიეფური ორნამეტით არის შემკული (ნალისებრი, სპირალური და სხვა ელემენტები).
თვით ჭურჭელს ბრტყელი ძირი, მაღალი და განიერი ყელი აქვს და წვრილი, მასიური ყურები
ასეია (ტაბ. CXXIII).

მეორე კომპლექსის ჭურჭელი (სურ. 124) ხშირად მშევნიერადაა დამზადებული. ეს კომპლექსი ფორმით, ვიწრო და შედრეკილი ძირებით, ნახევარსფერული ყურებით (სურ. 117—118) და ტექნიკურადაც და კომპოზიციურადაც თავისებური, „ჩაღარულ-ამობურული“ ორნამენტით (სურ. 120, CXX). ძალიან მოვაგონებს პ. ფ. პეტროვის მიერ 1914 წელს იგდირის რაიონის სოფ. მალაქლუში, არარატის ლავის ზეწარს ქვეშ აღმოჩენილ ჭურჭელს (233) და ლალაიანის მიერ ნახევარის რაიონში, ქულთაფაში აღმოჩენილ შავ კერამიკას, რომელიც მრავალფერად მოხატული კერამიკის შემცველ ფენას ქვეშ იყო (354). საესებით თანხვდება ჩვენი კომპლექსი აგრეთვე შრეშ-ბლურის გორაკზე, ქულთაფაში (ეჩმაიძინ-გაღარშაფათის რაიონი) და შენგავითში (ერევნის ახლოს) (352) აღმოჩენილსა და ამასწინათ გამოქვეყნებულ ნიმუშებს. მსგავსება ჩანს აგრეთვე ამ ტერიტორიაზე აღმოჩენილი კერამიკის თანამყოფ დეტალებსა (თიხის მრგვალი სარქველები, ნალისებრი და ყურიანი სიღვარები კერისათვის და სხ.) და ნახევარის, მალაქლუში, ძველ არმავირში, ყარაქურთაში (სარაყამიშის რაიონი) და სხვა ადგილებში აღმოჩენილ სერთსავე დეტალებს შორის. ყველგან გვხვდება აგრეთვე ნახშირი, ნაცარი, წილა, გამომწვარი თიხის ლესილი და სხ.

ამავე ფენაში მოიპოვება ფეხ-მილალი ჭურჭლის ნატეხები გამრიალებისას შესრესილი წითლად მბრწყინავი ფერადით დაფარული (ტაბ. CXXIV), და ნატეხები, რომელთაც წითელი ან შავი, ლავიანი სალებავით მოხატულობის კვალი შეჩრჩნიათ (ტაბ. CXXI).

Օմցարո կըրամիզս Մեմբառու գուլթորուլո գյենու (Ծած. CXXV, ՏԵՐ 126) Մեսածամուսո և մարդեցի թարմութեանունու մըպակառութու, ռոմլութիւն տուռ թուշառութուն մարհաշարուն (Առաջ. 125).

ენეოლითური ძეგლების განხილვით ჩვენ უკვე მივაღწიეთ თრიალეთის კულტურული კერის განვითარების ისტორიული პერიოდების ერთგვარ ზღვარს. ამ ზღვარს ის გარემოება სდებს, რომ ისევე როგორც მცირე აზიის უძველესი ნასახლირი გორაკების უშეტესობა (პისარლიკი, ალიშარი, საქსეგოზი და სხ.) (365), ჩვენი რაიონიც არ გვაძლევს არავითარ ნიშნებს ნეოლითური სადგომებისა, რომელიც ძალიან ტიპიურად არიან წარმოდგენილი დასავლეთ საქართველოში (თეთრამიწა, სათაფლია, ოდიში და სხ.) (369).

ლითონისწინა პერიოდმა თრიალეთში დაგვიტოვა მხოლოდ ეპიპალეოლითური ისაკის ნახევრიდა-მღვიმური სადგომები (ტბ. CXXVI). ეს უკანასკნელი წარმოდგენილი არიან ადგილობრივი და ფრიად თავისებური ფაციესით (127, 128), რომელშიც ტრადიციული კაეის მაგიერ სანახელაო მისალად გამოყენებულია ვულკანური მინა ანუ ობსიდიანი, ქვა კაეზე უფრო ფიცხი და ნაკლებ მაგარი.

ჩვენ ჯერჯერობით არ შეგვიძლია კონკრეტულად გავაკელიოთ ის სქემა, რომელიც უაკდე-მორ განმა მოგვცა ლითონისწინა და ადრეული ლითონის ეპიკებში სამხრეთ-კავკასიური ამბიდინის ძეველი აღმოსავლეთის ქვეწებში გავრცელების საილუსტრაციოდ. ამასთან დაკავშირებით უნდა აღნიანოს, რომ ინგლისურ-ამერიკულმა უქსეციიამ, რომელიც ამ ბოლო ხანებში განის ტბის რაიონში აწარმოებდა გათხრებს (482), შამირამალის ნეოლითურ ფენაში ტელ-პალატურ მოხატულ კერამიკათან (486) ერთად აღმოაჩინა რამდენიმე ასეული დანასებრი ფირფიტა, გაკეთებული სამხრეთ-კავკასიური ამბიდინისაგან. ენის მცირე ციხეში გათხრილ ენეოლითურ კერაზე მათვე აღმოაჩინეს ამბიდინის იარალები, გულდასმით დამუშავებული. ამ მხრივ მიმართული კვლევა დიდია და საინტერესო იქნება, ვინაიდან ლითონის წინა ხანაში თბისიდიანის ექსპორტი შეიძლება თრიალეთისა და მისი მეზობელი ვულკანური რაიონების კულტურული დაწინაურების ერთ-ერთ პირობა ყოფილიყო. ამ ხანაში თბისიდიანის ნივთები განსაკუთრებით ხშირდება მესოპოტამიის, სუმერისა და ელამის კულტურულ ფენებში, ხოლო მცირე მხრით თვით მტკარ-არაქსის ხეობების ტერიტორიაზე ხდება ინდივიდუალიზაცია ზემოაღწერილი (ნაცრიანი ნაბინავარების) კულტურისა, რომელსაც ახასიათებს საუცხოო მხატვრული, განსაკუთრებული სტილის, თუმცა ტექნიკურად ჯერ კიდევ არასრულყოფილი კერამიკა. ახლა სწორედ ამ ფენის შესწავლა და მისი წარმოშობის წყაროს მიგნება უნდა დაგვახოთ სამხრეთ კავკასიის წინასტრიისა და ეთნოგრენების ერთ-ერთ ძირითად პრობლემად, ვინაიდან მასში უკვე ჩანს ფენები იმ ბრწყინვალე გაფურჩქვნის პერიოდისა, რომელიც საქართველოს და კერძოდ თრიალეთის კულტურას და. წელთაღრიცხვის II ათასწლეულში დაუდგა.

ზემოთაღნიშნული ფაქტები მართლაც სრულიად ახალ წინაარსს ანიჭებენ იმ ისტორიულ წარმოდგენას, რომელიც ძეველი აღმოსავლეთის განვითარებისათვის კავკასიის მნიშვნელობის შესახებ არსებობდა დღემდე. ახლა სულ სხვა თვალსაზრისით უნდა შევხდოთ განის სამეფოს ისტორიას, ვინაიდან მის წარმოშობას ჩრდილოეთი მდებარე მთიანეთში—თანამედროვე საქართველოს ტერიტორიაზე—ბევრით წინ უსწრებდა გვაროვნულ-ტომობრივი საზოგადოების წიაღში არსებული, განსაკუთრებით განვითარებული ყოფაცხოვერების დიდად დიუზერნცირებული ხელოსნობა და გაბატონებულ გვართა მიერ მნიშვნელოვანი დოკუმენტის დაგროვება. იმავე დროს მთელი რიგი ახალი ნაშრომი (382) დამაჯერებლად არყენს, რომ ურარტუ ქვეყანაში გაბატონებული ენა ახლო ენათესავება ხურის ენას (სახელშოდების ფუძე იგივეა, მაგრამ მას გარდა შემონახულია საწყისი მფრინავი ბერაც). ამ უკანასკნელის წერილობითი ძეგლები აღმოაჩინა ბოლო ათი წლის მანძილზე ჩატარებულმა გათხრებმა იმ ფენებში, რომელთა ასავი ძა. წ. III ათასწლეულისაკენ გადადის (383—386). ყოველ შემთხვევაში, ისე ათარიღებენ მათ მესოპოტამიასა და სირიაში, სადაც, როგორც ზემოთ აღვნიშნეთ, ჯერ კიდევ წინა ეპოქაში იყო გაბატონებული კერამიკის მოხატულობის ის სტილი (ტელ-პალატური), რომელიც ვანის ტბის გათხრებმაც ამოამზეურა (482—487). ამ უძველეს კულტურულ სისტემაში ვანის სამეფოს ამრიგად ჩართვა ფრიად არსებითი ფაქტია, ვინაიდან ეს კონკრეტულად ყენებს საკითხს ჩრდილოეთში ამ კულტურისა და აღმოსავლეთ აზიას პროტოხეთური სისტემის კონტაქტისა. პროტოხეთურ სისტემას კი სულ სხვაგვარი კერამიკული ფილიაცია, ირქიტებულულ ფორმები და მხატვრული სტილი ახასიათებს. სულ სხვა იყო მისი ისტორიული სევ-ბედიც (488).

ამჟამად არ იქნებოდა მაზანშეწონილი იმ რთული პრობლემების განხილვა, რომელიც აუცილებლად წამოიჭრებიან ჩვენ წინაშე, როდესაც არქეოლოგიური ფაქტების ისტორიულად და ეთნიკურად გაახრებას მოვინდომებთ. მაგრამ უკვე იმ წინასწარ ნარევებში შევვიძლია განვაცხადოთ, რომ თრიალეთის ყორლანთა ბრწყინვალე კულტურა უქველად ეყუთვის ქართველ ტომთა წინაპარებს, რომელიც ალბათ შვიდროდ იყენებ დაკავშირებული იმ ტერიტორიასთან, როგორც ამაზე მიუთითებ აკად. ს. ჯ. ა. შიას ისტორიული მოსაზრებებიც. გარდა ამისა, ჩვენ მიერ მოპოდული მასალები გვიმტკიცებს, რომ სამხრეთ კავკასიაში არსებული უძველესი ფენები ქართული კულტურისა მოქმედული ყოფილა სუბარული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე იქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფერიული წირმონაშებისაძმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობის თრიალეთის შეაბრული და ხათურ-მცირეაზიული ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმცირეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა აღრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მ

ლად; პირიქით, აშკარა ხდება კიდევ უფრო მჭიდრო ურთიერთობა ამ კოლექციებისა იმ იუველი- რულ ხელოვნებასთან, რომელიც საქართველოში ჯერ კიდევ შეუა ბრინჯაოს ხანაში ყვაოდა.

ამასთანავე ისახება სახელმძღვანელო გეზი იმ მონაცემების გაყვლევისა, რომელიც გვარშ- მუნებს, რომ საქართველოში შეუა ბრინჯაოს ეპოქის შემდეგაც არ მოშლილა ის საზოგადოებრივი და კულტურული პირობები, რომელნიც ბადებდნენ ძირითადი ლითონებისაგან მდიდრული და ფაქტი ნივთების კეთების მოთხოვნილებას. ეს პირობები უნდა ვიგულისხმოთ რენისაკენ გარდა- მავალ ხანაშიც, მიუხედავად იმისა, რომ პოლიქრომული სტილის ყორლანული მასალა ჯერ არსად აღმოჩენილა. იუველირული ოსტატობის მაღალმდნებელი (გრანულაცია) და ფიგურული ჭრა (კედვა) შეუმნადა ნიადაგი სტილისტურად ახალ აღმავლობის ახალ ისტორიულ ვითარებაში და ახალ კულტურულ ურთიერთობათა ხანაში. ეს იყო იბერიის სამეფოს წარმოშობის მიჯნა, ე. ი. ძევლი წელთაღრიცხვის IV საუკუნე (ახალგორის განძი, ალგეთის სამარხი) და მომდევნო პერიოდი (უკვე ახალი წელთაღრიცხვის პირველი საუკუნეები). ამ უკანასკნელს ექვთვნის სოფ. ბორისა და არმაზის ნეკროპოლითა საუკხოო ინვენტარი, რომლის დეკორატიულ სიმდიდრესა და ნატიფობის ბევრი რამ აქვს საერთო პანტიკაპების ოქროს, ფერადი ქვებისა და მინანქარის პოლიქრომიასთან.

B. A. KUFTIN

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN TRIALETI

I

AN ATTEMPT TO PERIODIZE THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

SUMMARY

The present outline is a preliminary report of the work carried out by the Tsalka Archaeological Expedition, organized by the Committee for the Preservation of Monuments of Culture, of the Board of Art of the Georgian Socialist Republic, on the territory of the ancient Georgian province of Trialeti. The possibility of carrying out excavations on a large scale was afforded by the construction on the river Hram of a gigantic hydro-electric station which meant the flooding of a considerable area, thus rendering necessary a quick archaeological investigation. During the five years 1936—1940, the expedition succeeded in collecting material of great scientific importance, throwing an entirely new light on the ancient past of Georgia and of South Caucasia.

Being at the stage of treatment and preparation for detailed publication, this material however ought not, by reason of its exceptional importance, sharply changing as it does the historical notions and chronological norms customary for Georgia and South Caucasia, to stay so long without influencing the scientific conceptions, the interpretation of the accumulated museum collections and the course of further archaeological investigations. At the same time, the hitherto unknown cultural layers, discovered by us, before becoming a part of historical knowledge, must find their definite chronological place in the historical process. But questions of chronologization, being a most important and specific problem of archaeology, as of the science of history, become particularly difficult to solve for such a country as Caucasia.

The complicated interlacing of different ethnical types and of the stages of gradual development, compels an especially careful approach here to the typological synchronization of separate cultural phenomena and demands the use of every possible complicated and many-sided method of archaeological analysis. Indeed, without a calculation of the directions and paths of cultural succession and the form of interaction of separate societies, one on the other, it seems to be often impossible to decide whether we must see in analogous groups of phenomena in different territories simple products of conformities due to the same stage of development, or products of inter-social relations, in other words, how far the facts under observation are chronologically independent, consecutive or simultaneous.

Georgia and in general the territories of South Caucasia are too inadequately studied in archaeological relation and do not give us points of support. It is necessary to find these and make a

re-examination, often overcoming a rooted prejudice, both of a general historical and also of a private character.

Therefore, in order to make a more convincing survey of the materials connected with the time of the prosperity of the Trialetian cultural hearth, in their chronological order, we shall dwell, first of all, on several statements obtained by us as a result of the chronologization of a series of archaeological monuments of Georgia, keeping it our aim to overcome all tendencies, still existing, to rejuvenate the South Caucasian prehistory in its real manifestations.

INTRODUCTION

Concerning the question about ascertaining monuments of the early time of the copper-bronze industry in Georgia and in general in South Caucasia

A great increase in the last few years in the archaeological investigations in the territory of Georgia, Azerbaijan and Armenia, succeeded to a considerable extent in restoring the old archaeological material on the foundation of which was set up the leading conception of the place occupied by Georgia and South Caucasia in general in the complete picture of the archaeology of Eurasia. Nevertheless these new facts have not yet, for the most part, succeeded in entering into scientific habit. The statements of Shantre, Virhow and in some aspects those of J. de Morgan, that the flourishing of the metallic industry in the Caucasus range and in the South Caucasus begins suddenly together with the appearance of iron and that the preceding periods of development of pure bronze and copper did not exist here, remain irrefutable. Up to this time we see hesitation in transferring beyond the lower limit established for Koban, many monuments known for a long time in Georgia and South Caucasia, undoubtedly belonging to a more ancient stage of bronze. Recently, to this hesitation has contributed some exaggeration of the role played by the written sources of the Van epoch on the chronologization of archaeological materials of the South Caucasus drawn to the support of the cuneiform witnesses. As a result, there is a great contradiction: undoubtedly, being dependent on southern cultural movements, the North Caucasus seems to possess an uninterrupted train of cultural layers from the neolithic up to the formation of the Scythian society, but to the south of the Caucasian range we have only to deal with the late bronze and iron age.

Even in spite of the daring although not altogether successful attempt of Pzvorskij to connect the ancient painted ceramics of the Kura-Araks basin with the two stylistic groups of Elam, there is a tendency to join them, by a pure formal sign of painting, into one chronological late group, although the types, technically and stylistically different and of different epochs, are easily distinguished: (a) Tazakend type, without a metallic inventory accompanying it—monochromic with an ornamental motive in the form of double axes and a border of volutes; (b) Kizilvank I type, evidently of the epoch of middle bronze, bichromic with a metopic position of the design and zoomorphic motives (ill. 2); (c) Kizilvank I bis type, of the late bronze age also bichromic with more slip-shod painting and other forms of vessels: jugs, kettles, «tea-pots» (ill. 1, 2); (d) Kizilvank II type of the old iron age, with red band painting on the lower parts of the vessels (ill. 3); (e) type of jug tombs of the Miskian Steppe of the Hellenistic age etc.

Therefore the immediate problem of all Transcaucasian and, in particular, of Georgian archaeology ought to be the examination of the predecessors of Kobanian bronze and the bronze of the South Caucasus synchronous with it, from the point of view of chronology and also of the stage of development.

This work was begun by us with the systematization of the archaeological funds of the State Museum of Georgia and with the investigation of the places of the separate findings. Thus we succeeded in establishing by control excavations of ten tombs in Sachkhere, that the curious collection conveyed in the year 1910 to the Museum by Takaishvili and imputed there, because of the articles of Roman time, to the «Scytho-Byzantine epoch», actually, in its most essential features (the

character of the metal, the form of the tubular buts of the axes (ill. 14), the flat blades, knotheaded pins (ill. 11, 13), helical lock-rings, etc.), more inclines to an epoch near to the West-European Aunjetitz. Inasmuch as the Sachkherean ancient complex, in its separate parts, also revealed proximity to the well known form from the entombments of North Osseti, in the auls of Kumbuly, Rutkha, Faskau and others, usually assigned to the post-Kobanian period, it was necessary to re-examine the grounds for fixing this date also.

The excavations carried out by us in the dolmens of Abhazia in the years 1934 and 1937 enabled us to establish three different periods in the use of dolmens as burial chambers. The upper layer proved to be dated by coins from Colchis, the middle one, separated from it by a sterile layer of schistose clay, contained a complex of bronze wares, near to those mentioned above from North Osseti and earlier than the Kobanian forms which were observed there in tombs outside dolmens and finally, the lower layer included weapons of copper with an admixture of antimony from 5 to 10%, axes, crooks in cord-technique or with a laced string, flat wedges representing traditional types to the first stage of metal production in the North Caucasus, in particular to the inventory of the barrow of the village Proletarskaya (formerly Tsarskaya) with dolmen tombs. These observations assign to its chronological place the above mentioned layer of North Ossetian tombs, distinct from the Kobanian layer, and at the same time make it necessary to re-examine the question of Kobanian culture, which by its geographical extension evidently turns out to be connected with the territory of ancient Colchis and Lazika.

Hančar's attempt to trace the origin of the Kobanian bronze axe directly to the stone prototypes of the North Caucasus was absolutely unsuccessful. Apart from chronological contradictions, we see a formal impossibility of explaining in such a way the necessary oval form of hole for the handle in all Kobanian axes and not round as in stone axes, whilst in the battle axes with a cast shaft-hole of the foregoing stage this hole is always round. On the contrary, amongst the findings in West Georgia, remotely connected with the axe from Tepe Gawra through the Tbilisi and Luristan ones, stands out an original group of axes in two variants, with round and oval holes (ill. 19), which group might just be the genetic predecessor of the Kobanian form of axe, appearing to be therefore Colchian not only by the place of location but by the place of origin.

But in Georgia it is possible to witness also the presence of a still more considerably ancient degree of metallic production, with which is connected the North Caucasian culture of the large Kubanian barrows of the first stage of the bronze age. A copper battle axe (ill. 5) and spear (ill. 7) with a massive shank bent at the end into a hook, found in the year 1928 in ZAGES, comes from the ancient Sumerian and Iranian prototypes. Besides, the ZAGES'ian spear, together with another similar spear, preserved in the Georgian Museum (without any indication as to the exact origin) closely approaches a somewhat Cyprian form (ill. 8) of the middle bronze period, whilst the spear from Tbilisi in the Moscow Historical Museum is identical with the copper spears of the box tombs in Karkhemish of the beginning of the III thousand years before our era, and with their Sumerian prototypes. To this same layer of early metal in Georgia we must impute also the characteristic massive chisel (ill. 10 a) from the village of Zekari, in the Kutaisi Museum, with a faceted spike typical of this period. Thus the findings mentioned, although still solitary, yet each completing the other, show the undoubtedly existence in Georgia of an early time of copper production also, in any case at the end of the third thousand years before our era.

I. SURVEY OF THE INVENTORY OF A SERIES OF TOMBS OF THE IRON AND LATE BRONZE AGE IN TRIALETI

Systematic work carried out by us in the ancient Georgian province of Trialeti set the same fundamental problem of searching on the territory of Georgia for the cultural layer of the early stages of bronze.

The territory of Trialeti, occupying the northern part of the vast tableland of the Lesser Caucasus attracted our attention, firstly, as one of the richest ancient centres of obsidian quarrying,

thereby playing an important role in the trade relations of the Ancient East on the eve of the appearance of metal, secondly, as a region where are distributed cyclopean fortresses (pl. I, II) of a puzzling age, connected here with a large collection of diverse barrows related, as our first excavations of a plundered barrow show, to the epoch of ancient painted ceramics (ill. 89). Alongside the barrows were also excavated tombs of the iron and late bronze age. The material thus collected is closely packed, almost without gaps, in a long interval of time from the early metal up to the Sassanian epoch, thus making it possible to overcome, to a certain extent, the difficulty of dividing, according to chronological periods, tomb complexes almost devoid of the support of monuments with cultural layers.

It was just this circumstance which obliged us to consider the inventory of tombs not in chronological order, but backwards, beginning from the newest graves and gradually going deeper, thus filling up by an uninterrupted chain of monuments the whole period of time of the late and early iron age and of the late bronze age, in order finally to approach the puzzling barrow culture which does not come near to any of the provincial types of bronze production of the South Caucasus well known to us.

1. Graves of the Sassanian epoch (ill. 21–23) gave an inventory (ill. 25) dated by the coins of Kavad. This made it possible, in its turn, to distinguish corresponding material from the excavations of Bayern and Takaishvili at Samtavro (Mtskheta).

2. The Roman epoch proved to be poorer, but it also gave, along with the small material from the former excavations in Trialeti, definite complexes similar to those of graves thrust later into ancient barrows and dated by Roman coins and rings with Cornelian stones (ill. 27).

Special interest was aroused by the finding of a clay amphora covered with a deep light-blue glaze (plate XX₂) and comprising a silver coin, an imitation of the denarius of the Emperor Augustus, and cornelian beads with white painting.

The tombs of the later Hellenistic period also prove to be less studied than the others. To them belong openwork bronze plates found here near the village of Rosenberg and in Manglisi, and having pictures of fantastic animals (ill. 28–30) of a type well known by the findings in the region of the Main Range.

3. To the following chronological group belongs the tomb of the Achaemenid epoch near the village of Santa in the locality of Neron Deresi. This tomb (plate III) hidden under the thick walls of a small late cyclopean fortress, built without mortar, of large stones with rubble work of smaller stones, thus seems to be the terminus post quem for a series of similar constructions, practised evidently in Trialeti and still later, which curiously enough tallies with the evidence of the Georgian chronicler Leonti Mrobeli, «that the first construction in Georgia of stones and lime» belonged to the IV-th century before our era. For the grave itself is characteristic a somewhat square form of box, of small size, with the skeleton very much doubled up (plate III₁). The inventory (ill. 33) coincides closely with the jug tombs in the village of Dablagomi (valley of the river Rion), dated by Colchian coins (ill. 34). Independently of this, the time of the grave was determined by the pierced gems of blue glass found in the necklace of one of the tombs (plate V). These beads, in the form of bricks with five facets above, are easily dated on the basis of Greco-Persian stone models of the IV century before our era (ill. 32).

4. Very closely adjoining on this with respect to time is an interesting finding made in the year 1940 by a peasant of the village of Tsintsaro on the river Algeti. The contents of the inventory obtained, although not fully, show a resemblance to the «Akhalgorian Treasure» and make us suppose to have been found the tomb of a woman of the Achaemenid epoch, with covers of gold leaf on the mouth and eyes of the dead (plate IX) as in the bronze age in Cyprus and in Tell-Halaf (ill. 37) with silver rings (plate XI), electrum bracelets (plate X), gold embossed with the picture of the head of a goddess, plates, silver dishes (plate VII), bronze bridle-bits (plate XII and XII bis) of the Akhalgorian type etc. The bronze tripod of a lamp, found in the tomb and having the form of three human legs, can be compared through the Urartean chandelier with the Etruscan, utilising the same design (ill. 36).

5 and 6. Undoubtedly older than this is the tomb excavated by us near Beshtasheni fortress (plates XIII–XVI). It must be imputed to the early Achaemenid age (ill. 38–40 and 43). In it light coloured earthen ware vessels with a coating of ochre (plate XV) predominate over black, characteristic of the next layer below (plates XVII, XVIII), comparatively near, in point of time, to those tombs with characteristic massive pins which were excavated by Jacques de Morgan in Lelvar in Armenia. A similar inventory (ill. 76) was found by us in the ancient northern part of the Beshtasheni tomb and in the still more ancient tomb on the other side of the river Keriak-Chai.

7. The greatest group numerically is composed of rough box-like individual tombs (plates XXVI–XXXI) belonging to the developed stage of the old iron age (ill. 51–56). The fundamental inventory of these tombs, excavated in Tsintsaro and Gunia-Kala, somewhat later than the culture defined by the Hojaly barrow № 11, consists of iron spear-heads, knives, daggers with bronze heads, bronze barbed arrow-heads, cupola-like bronze knobs (plates XXXIV, XXXV), bronze bridle-bits and a typical assortment of beads (plate XXXII, XXXIII) of cornelian, of blue paste, of various forms, with shaded ornamentation and white kalcose, cylindrical and prismatic with eyes (of the type «domino») representing a characteristic, local, peculiarity of this phase.

Chronologically near to this is the tomb in the district of Maralyn Deresi (ill. 50), comprising things of the Kobanian type, besides of that variant which may be called Colchian, with the presence in the inventory of typical bronze or copper hoes cast in one-sided form (plates XXIII, XXIV).

The characteristic inventory of these graves, besides the above mentioned beads «domino», is accompanied by still larger, pale-yellow, warty, beads of a glass-like mass (plate VI). In this tomb by the way was found an earthenware goblet with a thick light-green glaze (plate XX) and a bronze belt with a complicated hunting-mythological scene, finely engraved, in two rows (pl. XXV, ill. 49). All this group of monuments is easily placed as belonging to the epoch of the expansion of Van. Near this, in point of time, belongs also the grave in a stone box, with bronze socketed forks (plate XXX) well known from the many findings in the barrows of South Transcaucasia, usually accompanied by huge bridle-bits with let in snaffles (ill. 56, 57). Genetically these are probably connected with the possibly earlier Iranian forms of bronze forks without sockets (Tepe Sialk, Tepe Hissar etc.), also found with similar bridle-bits, well known by the findings in Luristan in the West of Asia Minor and in Miken. The examination of these bridle-bits in contrast to their other later Georgian type, also traced from Assyria and Egypt to Athens (ill. 58), gives chronological support for placing a series of different complexes in the interval between the XI and XII centuries before our era.

A somewhat special place belongs to the grounded tomb in the Kushchian grave in Tsalka (plate XXXVI), where there was found an iron sword (ill. 59) with a special type of bronze double-funnel-shaped handle (type of handle from Aligrykh in Armenia and from Shagula-Dere in Talysh), which easily compares with the Luristan forms (ill. 63).

8. The Beshtasheni grave appears to be the next monument in age, with its deep grounded tombs, not comprising any iron things (plates XXXIX–XLII). The inventory (plates XLIII–LII) reveals a similarity to the lower floor of the Samtavro grave (ill. 74–76), but it is older (there is no iron, no bronze swords; the beads are cornelian only) and contains a mixture of things of Koban (ill. 69, 70, 72, 77₆, 78_{1–3}) originating from the South Transcaucasian industrial centres (ill. 71, plate L). Alongside this is recorded in the tombs a series of features unusual for Transcaucasia: the presence of gold and also silver ornaments (ill. 84 and plate L) and the presence in the tombs of copper-bronze sickles (plates XLIII and XLII), up to this time, strangely enough, almost unknown in the archaeological material of the South Caucasus. The inventory of these tombs is typical. Thus, in one of the tombs containing a bronze sickle, were found two bronze bridle-bits with snaffles from the horn of a deer (plate XLVI), a cone-shaped bronze helmet sewn from bronze leaf, with long ear flaps at the sides (plate XL), a narrow bronze belt and amongst the ceramics, characteristic for a whole series of such graves, a cone-shaped goblet on a hollow leg (ill. 66) of the type found by Bayern in Samtavro (ill. 67), but of a larger size and more richly ornamented with a deeply cut, rectilinear, geometrical, ornament, with conventionalized figures of deer and goats (plate LIII).

Especially remarkable was the presence also in these tombs, together with a bronze inventory, of sickles formed of serrated flint flakes (plates XLIII and XLIV) which were found in a number of graves in their natural arch-shaped form being preserved after the decomposition of the wooden foundation (plate XLII), of a type of Egyptian and Syrian model, surviving up to that time, i. e. up to the twelfth century before our era.

9. It is more difficult to give an exact chronological place to, and to find a genetical root for, the tombs poor in metallic inventory, in stone circles (pl. LIX) with original ceramics often ornamented with a relief band fastened on (ill. 88, pl. LVII). A bronze pin in the form of an axe with the sculptured figure of a sheep (pl. LV, LVI), and the character of the grounded tombs under stone slabs, connects them partly with the preceding group.

II. THE TRIALETIAN BARROW CULTURE OF THE MIDDLE AND LATE STAGE OF THE ANCIENT BRONZE AGE

The barrow tombs in Trialeti are distinguished by one general peculiarity. Compared with the majority of barrow tombs of Central Transcaucasia, Trialetian barrows, like the local box-graves, were intended not as collective but as individual tombs, although they were used during a later epoch for secondary burials. Another of their peculiarities, even more essential, is the sharp distinction between the contents comprised by them and the inventory of all the graves of the above epochs examined by us, whilst the tomb inventory of the barrows of Azerbaijan and Armenia, on the contrary, in the majority of cases is not separable in time and character from the simple box-tombs adjoining the barrow territory.

There is thus created a break somewhat difficult to explain, which does not make it possible to determine the chronological place, to which the barrow tombs of Trialeti belong.

Especially remarkable is the distinction in the type of ceramics, which by their considerable variety in complexes of barrows of different times, both by their form and by their technical mode of manufacture, bear features of the community, namely, in the method of modelling and kilning and especially a tendency to a slip of the upper surface, which is not noticed at all in the ceramics of the graves, either local or of corresponding time, in other parts of the South Caucasus.

All this obliges us to search for the chronological place for the group of barrow tombs on the whole outside these temporary bounds in which is included the series of graves examined above. Indeed, the height of artistic technique displayed by the inventory of the barrows is closely connected with the archaism of the agricultural level. Not only is the complete absence of acquaintance with iron characteristic, but even bronze is not in full use as for example in the making of arrow-heads, which, in barrows, in contrast to all the local graves, are made solely of obsidian and flint. A still more essential circumstance is the complete absence of the remains of horses amongst the bones of other domestic animals, the bull, goat, sheep and pig, found in the barrows. This puts a sharp distinction between the horse culture of graves, giving us various types of bridle-bits, and the barrows where a four-wheeled chariot found by us was moved apparently by the help of an ox or bull harness as in the kings' tombs in Ur. All this, putting the Trialetian barrows further into the depths of the bronze age, does not by itself give us enough material for a more definite chronological localization.

Barrow tombs do not at all represent one homogeneous group, but may be sharply divided into at least two main chronological divisions, containing further sub-divisions. In connection with this we meet with a second great difficulty, that of evaluating correctly the relative age of various barrow types. Local monuments with natural tomb culture layers must come to the assistance, but unfortunately the latter have still been too little studied, owing to the fact that the funds devoted by the Committee for the Preservation of Monuments of Culture to monuments threatened by destruction, were strictly kept for their original purpose. We succeeded only in establishing with complete definiteness the most ancient eneolithic layer in the region of Beshtasheni cyclopean fortress, where this layer is represented by the extraordinarily characteristic fashion of

highly developed ceramic production, simultaneously archaic in its method and of its kind and perfect in its execution.

The possibility of discovering the well-known typological connection of the barrow complexes and especially of one of them from this layer, gave some grounds for judging about the sequence of barrow types and about the general gravitation, even of the chronologically younger of them downwards rather than upwards to the comparatively new culture of the most ancient Trialetian graves.

The number of barrows discovered by us during five years reached forty two. Their excavation is extremely difficult. It is enough to point out that barrow № XXXVI with a height of 5 m, comprised a colossal «sepulchral hall» with an area of 175 sq. m. with stone walls up to 4 m in height (pl. LXII, LXIII), that some sepulchral holes were sunk to a depth of 8 m below the surface of the soil, with a diameter from 5—3,5 m (ill. 107, pl. CXIII), that the measurements of other holes reached up to 14 m in length and 8,5 m in width and 6 m in depth. It is understandable that the cleaning of only one hole of such barrows and the preparation of the bottom, demanded a lot of time and intense work.

Barrow Tombs of the Epoch of Large Scale State Organisations in Asia Minor and Mesopotamia

The barrows included by us in this group are differentiated by the presence in the tomb inventory of objects made of special metals, namely, gold and silver goblets, parts of personal attire, golden ornamented facings of a tomb standard, golden upholstery of wooden articles, in particular of architectural details. The rarity of arms is one of the characteristic features of the inventory of the Trialetian barrows: there was found altogether, a few obsidian and one flint arrow-head, one bronze spear of splendid workmanship and three dagger blades, one silver and two bronze.

By the character of the internments, the barrows of this age are divided into two types, barrows with pits and barrows without pits. Both types are intended for the burial of only one person.

Cobble stones usually serve as the material for the mound in both types of these barrows, either with earth or as in upper Tsalka and at Lake Tabistskuri, alone (pl. LIX).

Burial pits in the barrows of the period mentioned are in the shape of a slightly elongated quadrangle, oriented by a long axis from east to west (pl. LXXII).

Very often there was observed an inclined slope into the hole, the «dromos», from the side of the eastern wall (pl. LXX). By the decayed remains of wood and, in one case, (in barrow Biyuk Tepe) by the many preserved oak beams, it is possible to suppose that the burial holes were covered with a beam sub-flooring from one side of the hole to the other. Above the beams was strewn the barrow which, due to the rotting of the wood, sank in. The hole was quite filled with the stone of the mound. Not a single earthen ware vessel therefore was met with in the barrows to any degree whole. The majority of vessels recovered needed to be restored from 200—250 pieces.

In not a single one of the large barrows of this time, during all the carefulness of preparation, have human bones been discovered. Only crowns of teeth, sometimes found, bear witness to the fact that the burying was carried out by inhumation, but the bones proved to have completely decayed. However it is also possible to suppose there was cremation as in the burial of the Hittite kings in the Hattushash. Only in one barrow № XXII (differing in inventory and circumstances from the rest), a gold pin, in miniature, reminiscent of the gigantic double volute flat-headed bronze pins of the North Caucasus, was found a skeleton in the position of a man placed on his knees and then having toppled over backwards (pl. CX).

There are grounds for thinking that the corpse or its ashes was conveyed into the large pit barrows along the dromos and was buried in a wooden chariot. In one case, in barrow № XXIX, in the district of Sabit-Akcha (Sapitiakhsho) at a height of 1800 m above sea level, a burial four-wheeled chariot has been preserved practically in entirety, thanks to a spring having percolated into the barrow; in other cases there have been noticed, at the bottom of the barrow pits, deep ruts with remains of wood from the wheels (pl. LXVII).

Piles of bones of large and small cattle and pigs often proved to be filling the pit up to the brim. Along the walls, the pit is furnished with rows of large earthenware vessels.

The furnishing of the burial space of pitless barrows fully corresponds to the bottom of those with pits. Judging from the above-mentioned sepulchral-hall in barrow № XXXV, in the village of Kushchi, and in pitless barrows, there was built a room above the surface of the ground (plate LXIII). The orientation of this hall, unique of its kind, is from east to west, the inventory (obsidian arrows, a fragment of a bronze spear, a silver pin with a richly ornamented golden head, golden figured upholstery (pl. CII) and ceramics with a typical skillfully executed design) and the whole character of the tomb furnishing correspond fully to pit tombs. The grandeur of the burial chamber, intended for one person, is striking only in the given case. Evidently this construction like the Egyptian mastaba was erected already in the life-time of the dead, who wished to leave after himself a suitable monument in the form of a barrow. The hall had, without fail, a wooden covering on pillars. A golden covering (pl. CIV) with some kind of wooden detail (of a step-fretted column) found on the floor of the hall, show its sometime luxurious decoration.

Ceramics are represented in the tombs chiefly by large vessels either in the form of «pithoses» with two small handles on the shoulders and without handles (pl. LXXVII, LXXIII_{3,4}, LXXX), or «hydries» without handles and with a short neck, passing into a beautifully bent back corona (pl. LXXIII_{1,2}, LXXVI, LXXXII). According to the character of the clays, to the kilning, to the finish of the surface, to the ornament, all ceramics are divided into separate groups, sometimes occurring together and sometimes characterising different barrows. Small vessels occur very rarely, thin-walled pitchers with a spherical body and a cylindrical neck (ill. 91 b, pl. LXXXIV).

An entirely definite ceramic group is formed by a complex of vessels (pl. LXXXI—LXXXIII) ornamented with red, painted, hanging from the shoulders by chevrons, filled up inside by zig-zag lines typical of Elam ceramics («scheme of water») and with separate figures (swastika, figures of geese) and of vessels with a black polished surface with a stamped ornament fastened on.

Remarkable vessels of slipped, whitish earthenware and with a glossy surface, ornamented with dark brown glossy paint in a complicated design constitute another group consisting of a series of different elements, of curved meander, spirals, wavy lines, chess squares etc. (plate LXXVII—LXXX) and together with them again such black polished ceramics with a lighter lining, covered with a geometrical pattern of straight dotted lines (cristate) in the form of band corners and signs of the cross, swastikas and trapezium-shaped figures between them (pl. LXXIV). To this group belongs also special large grey ware with a soft, writing sherd and now and then small spherical pitchers (ill. 97 and plate LXXXIV).

Finally a third group is formed of somewhat coarse ceramics with deeply cut ornament and black glossy ware with a large concave-convex wavy pattern accompanying them (pl. LXXXV).

To the groups thus distinguished correspond to a considerable degree the peculiarities in the construction of the barrow tombs. Thus, the first group was met with only in barrows with tombs in grounded pits, the second was noticed in both barrows with pits and in barrows with a space beneath the grave mound on the ground, finally the third group, evidently accompanies only barrows not having pits.

I shall not undertake yet to establish with certainty the exact chronological sequence of these types.

In order to decide this question, responsible in a historical connection, it is necessary to have a more definite support, on the one hand, in the direct evidence of the monuments with cultural layers and, on the other hand, in the typology of the metallic inventory accompanying the ceramics, and finally in the discovery of parallel rows of development in neighbouring territories of the Near East. As for the latter, it must be said that unfortunately the nearest regions to the South Caucasus, those of Lake Van, of Urmia, and of the upper Euphrates, are too little studied, but the ceramic filiation of more distant places of Asia Minor, Syria, Mesopotamia, and Iran, differing considerably from one another, give little synchronism with our monuments, if only the most broad analogy in the sense of the above mentioned correspondences with the Second Elamite style or with the whitish slip of Tell-Halaf and Alishar is included.

The metallic inventories of the barrows, represented chiefly by precious wares are so new and varied in their contents and show such an unexpected level of workmanship in all cases, that to place them in genetical rows immediately does not seem to be possible, and there are too few precious findings in other countries of the Near East,

Only two monuments of a pictorial character in our barrows perhaps allow one to speak to a known degree about the succession of one after the other. These are the silver goblet from barrow № V (plate XXXIX) and the silver bucket with gold ornament from barrow № XVII (plate LXXXVIII). Both objects are covered with embossed ornament in relief. The goblet, wrought from a whole piece, is a cylindrical vessel with a rounded bottom and a hollow leg, decorated flatly with an engraved lotus rosette and with two embossed friezes, of which the upper consists of the picture of a procession of twenty three people dressed in smock-frocks and with animal-like heads and tails, (ill. 94) with large goblets in their hands, standing in front of a similar figure sitting on a chair, with the tree of life behind his back, with a three-legged altar for sacrifices, with a tall vessel and two animals in front (pl. XCII), and the lower—a row of nine deer following one after the other, bucks with heavy horns and does without horns.

An exactly similar row of deer is drawn also on the lower part of the composition on the bucket, whilst the great vitality and freshness of the treatment of the animals here, compared with the lifelessness of these same details on the goblet, makes us suppose that the bucket is a somewhat earlier artistic production than the goblet (ill. 93). Unfortunately, only one side of the bucket is preserved and that not completely. The part of the side which has yielded to restoration is covered continuously with figures in profile of various local hunted animals amongst bushes and trees, goats, chamois, roes, deer of two kinds, wild boars, thickly filling the whole surface similar to what we see on Egyptian pallets, with a gold handle of a flint knife and other similar monuments. Arrow-heads, driven into the breasts of several animals, show that we are dealing with part of a hunting scene (pl. XC, XCII).

If indeed the picture of hunting on the bucket and the procession on the goblet, accompanied by the frieze of deer, belong to one group of religious performances, then it is most natural to see here a cult scene, connected originally with a wood divinity, who was transformed by the regeneration of nature into the divinity of fertility, with the promotion of the function of vegetable growth.

In that case the tails with which all the people are provided, have the character of being preserved as a survival of a ritual attribute, as the wolves' tails on the priestly vestments of the Egyptian kings.

All this, showing the decay of the world outlook in hunting, at the same time does not leave any doubt about the original wolf totem foundation, which has given rise to the cult picture which interests us. On this basis rose the question, does not the goblet belong to the so-called wolf people of Asia Minor, the Luvians, the ideographic symbol of whom «UR-BAR-RA» in Sumerian is read «wolf», literally «other dog», all the more so since the Hittite-Nesite phonetical denomination of the Luvians *lu-u-i-li* is etymologically near the Latin *lupus*—wolf, as also in the name of another West Asia Minor nationality the Lykians from the Greek *λύκος*, also wolf. The fixing of the date of the goblet we are examining, by referring to these nationalities localised chiefly in the western and southern parts of Asia Minor is hardly justifiable inasmuch as, on the one hand, closely connected with the whole remaining rich Trialetian complex, it appears to be a purely local ware and not an imported one, and on the other hand, the wide spread survivals of the wolf totem in Asia Minor and in Transcaucasia issue from beyond the place of residence of the Luvians and Lykians. In this connection there is a special interest for us in the fact that the base of the ethnical names of the South Georgians: of the Gurians (*gut* — * *gwer*), of the Megrelians (primarily *me-ger*) and of the Imerians (*iber* — * *hiver* — *hver* — *gver*) *ger* — * *gwer* has kept in Megrelo-Chanian the meaning wolf. Consequently, in the fabulous Megrelian hero Geria also, according to N. J. Marr, we must see not the simple appellative «wolf-cub» but the eponym of the Megrelian people, inasmuch as the form of this word is that of surnames and tribal names.

The complete uniformity of costume, both in all the personages who are standing and also the one sitting, undoubtedly bears witness to the weak social differentiation in the society which left these monuments; this conclusion is also confirmed by the character of the burial ceremony, devoid of any kind of intimations of the existence of slaves following their lord to the grave, which is observed in the chamber (Kings') tombs of Ur and already at the end of the pre-dynastic period in Egypt, and in spite of the clearly expressed economic superiority of a group of people, buried with a rich inventory, and in spite of the high standard of the art of jewellery and of vase painting, we have here a pre-class, still clan-tribal society, similar perhaps to the Creto-Miken with a distinguishing tribal aristocracy and a tribal leader, after the ancestral type of the basileus of the «heroic period» of Greece, and of the military chief of the Aztecs in ancient Mexico.

As for the age of the barrows of the younger group, it is possible to approach its determination by means of a comparison of the gold and silver inventory of these barrows with the inventory of the Kings' tombs in Ur and with the findings in Uruk, of the first half of the III thousand years before our era. The work on the upper rim of a gold cup from barrow № IX (plate CIII) is closely reminiscent of the similar rim of the small gold cup of King Meskalamdug. The method of attachment of the rings for the handle of a silver bucket, by the help of vertical tubes soldered to the brim, resembles the method of suspending silver and gold vessels in Ur by means of pairs of tubular handle rings, soldered to their brims.

The technique of the making of the golden sculpture (pl. XCIVIII) of an animal (pony or rock-goat) from barrow № V reminds one of the method of the gold plating of a wooden form in the well known figures of goats from Ur, standing by a tree on their hind legs. The technique of the construction of the eyes in our sculpture, by the help of a shell-like foundation, is absolutely Sumerian and coincides completely with the similar arrangement of the eyes in the above-mentioned golden goats from Ur (ill. 101). The golden helical lock-rings (pl. XCIVIII, CIX) find a close analogy in the Sumerian ornaments. A pendant in the form of a flat agate in a gold setting and with gold capsules on the ends (ill. 97 and plate XCIV) belongs to a popular type of ornament in Sumer. Especially significant is the resemblance between our pendant and the agate pendant from the necklace found in the year 1936 in Uruk, and belonging, judging from the inscription on one of the beads, to the priest Ababashki (ill. 98). Besides the resemblance in the general character and technical details, with this difference that in the pendant from Uruk coloured stones in the sockets are replaced by enamel, both pendants bear a striking resemblance to one another in the archaic method of their attachment to the necklace by means of difficult boring along thin agate plates instead of gold capsules being used for this.

Finally a replica of the Sumerian custom of making the kings' weapons from precious metals is found in our silver dagger blade (pl. CV).

Nevertheless, besides the features of resemblance indicated, there is a more noticeable difference, bearing witness to the independence and the comparatively greater youth of the culture discovered by us, in spite of the fact that its connection with the painted ceramics, in part near to the Second Elamite style, might indicate a more venerable age. It is absolutely out of the question, that the amazing golden goblet from barrow № XVII with an open-work leg and with gold volutes, ornamented with filigree work and set with stones (pl. XCIII), could be made in an epoch near that of the Kings' tombs in Ur with the considerably lower level of technique in filigree work and granulation in ancient Sumer. The same may be said of the spherical beads with figure-of-eight helixes (pl. XCV) of the type of the Sumerian earrings, and with stones, a slight analogy for which we find only in the bead (ill. 96) from the cupola-shaped tomb in Vafio of the middle of the II thousand years before our era, when granulation underwent in many countries a considerable development. New and unknown for Sumerian toreutics is the use of the circular correction of the walls of a wrought vessel by a support on the bottom; examples of which we have in our gold and silver cups and silver mug from barrows IX, XV and XVI.

Finally, there is nothing in common with the Sumerian in the stylistic character of the embossed pictures on the silver bucket and on the silver goblet which are closely connected with one

another in the general motive and method of treatment of the moving deer. Unfortunately, there is no absolute parallel for these wonderful objects so as to have material for comparison. But in the absence of later Assyrian features, the resemblance to the most ancient pictures of Asia Minor Hittite art is absolutely evident. The numerous absolutely similar paratactically arranged figures find an analogy in the bas-reliefs in Lazili Kai. The garments of the people—short tunics (more correctly kaftans wrapped tightly) with a fringe, shoes with turned up toes, are similar in character to those of the Hittites. At the same time there are observed in our monuments individual features: the general tenor of offering of the composition, the character of the seat, the wolves tails as an article of costume, the type of holy tree on the bucket showing the considerable independence of this art and some of the archaic traditions which have nourished it.

The finding in barrow No XV of a splendid bronze spear with a socketed head, set in silver, shows very convincingly a later date for our monuments than do the Sumerian analogies (plate CVI). As is well known, the socketed spear-head is an absolutely necessary article for all the Near East and Cyprus. From Troy (only from the VI town) comes only one single example. In Crete only divergent, not typical forms of this time are met with. And only in Miken socketed spear-heads seem to be more usual, beginning from the IV pit tomb, from which comes a spear of elegant form, attributed to the XVI century before our era. On the other hand these spears are widely distributed over Western Europe approximately at this time (the period II of Montelius). Since in the North Caucasus socketed spear-heads make their appearance only at the very end of the bronze age (e. g. in the village of Crimskaya) then it is absolutely natural that the Trialetian finding of a spear cannot by any means be imputed to a period earlier than the IV pit tomb in Miken and the VI town of Troy. That is the terminus post quem for the whole young group of our barrows.

At the same time, as we have already seen, there are absolutely no grounds for drawing still nearer to our times the epoch of the newly discovered culture, sharply distinct from all the late South Caucasian bronze known to us. Indeed, the series of local tombs examined by us, finishing with the most ancient with copper-bronze and flint sickles, displays complete inconformity with the barrows also in the assortment of beads, these most easily transportable goods. The latter is, for its part, a weighty argument against the possibility of synchronizing the barrow complexes with any of the groups of tombs examined by us, all the more so that the peculiarities in style of the works of art of the Trialetian barrows are sharply distinct from all that we know in the art and in the art industry of Achaemenid Iran, Van and Assyria.

All that has been said obliges us to consider the complex of wares of the latest Trialetian barrows as a culture quite archaic and considerably separated from the more or less uniform and mutually connected material of the late South Caucasian «bronze» in its different variants and forms.

The general type of cultural property, inasmuch as it is drawn from the tomb furnishing and inventory, imagined from a sufficient number of angles, shows that we are dealing with a society, although undoubtedly pre-class, yet progressive and standing already at quite a high degree of «barbarism», according to the terminology of Engels. In this connection particularly significant are the discoveries of the sepulchral hall with the remains of golden upholstery of some wooden building parts or perhaps of a wooden box, of a throne and the like, where the illustrious dead was buried absolutely alone without slaves, accompanied by a vast number of vessels with a capacity of not less than 3000 litres, sufficient for the cult funeral feast of a large party of the clans.

Agriculture and pastoral cattle-breeding with the rearing of large and small-horned cattle and pigs, but probably without acquaintance yet with the horse, was the chief settled occupation and mode of life. A wooden chariot with four wheels (pl. CVII), revolving on axles, of the Sumerian type (ill. 102), was already in use. Metallic production developed to the degree of art, was in the hands of craftsmen, specializing in casting, forging, soldering, in the making of alloys of copper, bronze, silver, gold, in the fine technique of jewellery (filigree work, granulation), in embossing, stamping, in metallic plastic art with the making of reliefs and rounded sculptures of leaf metal (pl. LXXXVIII—CV). The pottery trade also

oblige us to suppose that skilled artisans also took part in it, employing various established types of clay putty, various ways of firing in an oxidizing and restoring fire, various ways of working and ornamenting the vessels: fine polishing, slip, painting (pl. LXXVI—LXXXIII). There was already known evidently a turning lathe for wood (carving of a column inlaid with gold leaf) a hand potters wheel, and a revolving apparatus for shaping metallic vessels (pl. CII); the artisans also used compasses. For the ornamentation of vessels the circle was divided into an uneven number of parts: into five, seven, nine which was evidently connected with the most ancient cosmical ideas of the Near East.

Heads of arrows were chiefly made from obsidian and flint by neolithic methods, developed to a fine state of perfection (pl. CVI bis). The fine working of cornelian and agate, as is shown by the close connections between the forms of these wares and jewellery technique, took place on the spot and overcame great technical difficulties, as for instance the boring of thin agate plates with long holes lengthwise.

Whether these were local glazed faience beads or whether they were brought from another place, we cannot decide yet. But without a doubt, some examples show a connection in character with the deep blue glaze from the products of Egyptian masters, which were widely distributed at this time.

Wool served as material for cloth. Thread of two kinds was found, thick and fluffy, and very closely spun. Judging by the picture on the silver goblet, the kaftans were decorated at the border down the fronts and apart from this along the hem was a broad fringe. Besides all this, the small number of arms is astonishing. Apart from three dagger blades, one bronze spear and small obsidian arrows, no other weapon whatever was found in the barrows. Whether this was a sign of the unwarlike character of the population and the peaceful conditions of life in Trialeti at this time, it is difficult to say without an investigation of the corresponding habitations.

Barrow Tombs of the Ancient Bronze Age

In this division of the Trialetian barrows we include two absolutely different groups. The first group comprises those barrows which may be counted as nomadic, since they are, judging certainly by one case investigated, absolutely devoid of a ceramic inventory. These barrows were observed by us in the southern high part of Trialeti, in a pass towards Lake Paravan, at a height of 2200 m above the sea-level. In one of them turned out to be a rich tomb placed under the mound on the ground. The tomb (plate CXV) comprised a flat copper dagger blade with a wide short tongue, provided with a hole for the hilt, flat spear-heads of primitive copper work with a slightly differentiated narrow pin and fragments of copper armour in the form of six protuberances, covered with a knobby pattern and with a hole in the middle for allowing strengthening bands, five large obsidian arrows with a groove at the base, going round the middle of the arrow, three thin golden cylindrical (soldered) covers for a round wooden rod of diameter 2,5 cm, possibly judging by their arrangement in an arch, in the region of the arrows, of a simple wooden bow and finally a beautifully worked haematite mace-head with a straight cylindro-conical hole identical with those of the Syro-Palestine eneolithic layers and with the mace-head (ill. 110) from the second layer of the Alishar mound, i. e. of the end of the III thousand years before our era.

The second group of barrows of the old bronze age is composed of pit barrows with a stone-earth mound, situated in the valley of the Khram and its tributaries, intermittently with the barrows examined above of the prosperous period. Outwardly these barrows are often not differentiated from the latter (plate LIX,) but are characterised, in contrast to them, by the extreme poverty of the inventory. We have from here not only no amazing metallic articles (ill. 109) but the earthenware vessels in these barrows are usually limited to solitary examples (pl. CXII). The poverty of articles is in strange contradiction with the enormous amount of labour spent on the building of the tomb, with a large and sometimes colossal barrow mound and an unusually deep grave pit, intended for the burial of one person. In one case, in barrow X, the pit turned out to be a depth of 7,5 m from the surface of

the ground (ill. 107) and altogether the bottom was 9 m from the top of the mound (plate CXIII); in another case, the measurement of the mound of barrow IV reached 5 m in height and 45 m in diameter (pl. LXI, LXII). The traces of the bones of a man, as is usual in Trialetian barrows and even in younger barrows, are rarely preserved, but in one barrow of this type we succeeded in tracing the position of the dead, on the side with the legs bent under (pl. CX₂). An earthenware pitcher and an earthenware mug were found at the head. Traces of a metallic inventory were noticed by us only in two cases. In one there was a badly rotted flat copper blade (barrow No XIX), in the other (barrow No XXIV) a miniature flat chisel with a four-sided body (ill. 109). Besides this, in the mound of the large barrow (No IV „Karantin“) with a plundered pit, was found, possibly lost by robbers, a massive silver spiral lock ring with one and a half turns (plate CXIV), identical in form and size with the electrum lock ring from the large North Caucasian barrow in the village of Letnitskaya, with a stone and copper inventory of the ancient bronze epoch.

Only in one case, in barrow No XIX, disturbed by a secondary burial in the Urartean epoch, two obsidian almond-shaped arrow heads were discovered (plate CVI bis).

The chronological position of these barrows relative to the barrows of the previous division is founded chiefly on the typological analysis of the ceramics, which by their peculiarities are drawn to the ancient eneolithic layer discovered by us in Trialeti and traced by museum material in strikingly homogeneous forms in a wide spread area of the South Caucasus.

The ceramics of these barrows are sharply differentiated from all the above mentioned types of barrow vessels of the middle bronze age. Instead of «hydries» and «pithoses» comprising the chief contingent of the ceramics of the barrows with a rich inventory, we find here, modelled undoubtedly by hand and without a potter's wheel, but with great skill, pitchers and mugs with handles. In spite of the thickness of the walls and the weight of the articles, there is noticed an elaborate finish to the surface with a smoothing off and polishing inside and outside (pl. CXIV). Two sharply distinct layers of the walls, often observed, are characteristic, outside black and inside light brown, giving such an impression as though the thickness had been increased inside. The architectonics of the form of this vessel is original, with a very narrow bottom and a swollen belt round the body of a distinct pear-shaped form (ill. 111—114).

Just because of its singular, characteristic, moulding and the outline of its form, the vessel we are observing, conforms, as said above, to one local group of eneolithic vessels, which in the large variety of its forms displays several general features of composition. The connection is further confirmed by the character of the ornamentation of the ancient barrow and eneolithic vessel, with the combination on one vessel of two technically different methods of ornamentation: of the concave-convex or in any case, of the grooved design on the protruding part of the body and the finely carved design on the neck. The drawing itself and the movement of the design in both cases possess a similar character, clearly expressed: namely, we see here not as usual, a repetition round the vessel of some more or less complicated ornamental motive or other, but a close geometrical composition, regular, and rhythmical, but with a deliberate violation inside of the system of symmetry because of compositional displacement and reversal of the separate elements (ill. 121). This correspondence alone is enough, not to doubt the genetical closeness of both these ceramic productions and the connection of the barrows described with the ancient local paleometallic layer.

This makes extraordinarily important the accumulation of ceramic material, almost unknown up to the present time, of the ancient stage of bronze, from various regions of Georgia and the South Caucasus, in order to trace the territorial range and thus establish the direction of cultural succession in this critical period of the history of the development of the clan society in the Caucasus and, in particular, to make clear the conditions of the rise of the prosperous cultural hearth of the middle bronze age in Trialeti.

III. TOMBS OF THE ENEOLITHIC EPOCH AND THE LOWER CULTURAL LAYER OF THE CYCLOPEAN FORTRESSES

With the monuments referred to in this group we touch upon the most puzzling side of the Trialeti archaeology, in spite of the fact that just this material proved to be obtained by us both from the tombs and from the settlements and even the possibility itself of distinguishing it as a special old cultural layer was, contrary to the foregoing barrows, based on the comparison of Trialeti findings with a whole series of others, coming from various parts of the South Caucasus (ill. 120).

We are here first of all concerned with singular ceramics, possessing extremely significant homogeneous peculiarities in the originality and richness of forms, over the whole wide territory where it is distributed, but amazingly poor in the non-ceramic inventory connected with it (ill. 115 and plate CXIX). The latter circumstance to a great extent makes clear why this complex has been absolutely inexplicable and even little studied up to this time, in spite of its great importance in explaining the early stages of the building of agricultural cultural forms with durable settlement in farming, cattle-rearing and metallurgy in Georgia and the bordering countries.

In Trialeti, ceramics of this layer were first discovered by E. Pchelina near Kiketi and studied by us in Beshtasheni on the site of a ruined cyclopean fortress (ill. 64).

A series of sections made by us inside the fortress revealed a four-cornered dwelling with a corridor-like passage along one of the walls, with a stone foundation and with a pisé building work «torne» (a pit oven for bread) inside the building (pl. CXVII). The cultural layer below these habitations included flint sickle-teeth and ceramics, typical of a neighbouring tomb of the late bronze epoch. The following layer, not well expressed everywhere, contained original black polished ceramics with a cut, shaded ornamentation of various rectilinear, geometrical bands (pl. CXXII).

Finally the lowest layer was discovered within the bounds of Beshtasheni fortress in three places and also at two points in the neighbourhood of the fortress. This layer gave three-cornered, flint tanged arrow-heads of the neolithic type from the site in Tetramitsa near Kutaisi, a broad flint knife, worked on both sides and with the end bent back, oval-shaped grain-scrappers with long worked although the vessel is moulded by hand, in two complexes of different form of which the stratigraphy is not clear yet.

One of these complexes (ill. 122) studied in a dwelling area (ill. 119) with a well preserved hearth like a fireplace (pl. CXVIII₂), presents a variant of more massive ceramics, approaching those found near Tbilisi in Didube (ill. 123), in Kiketi and in Armenia, in Eilar; without ornament or with a well expressed laconic ornament in relief (horse-shoes, spirals) and the form of the vessels flat-bottomed, broad-throated with tall necks, and small solid handles (pl. CXXIII).

The other complex by the character of the vessels (ill. 124), often beautifully worked, by their shape, a narrow caved in bottom, the handle in the form of a hemisphere (ill. 117, 118) and finally by the originality in technique and composition, «concave-convex» ornament (ill. 120, pl. CXX), is not different from the findings of P. F. Petrov in the year 1914 in the village of Malaklu (in the region of Igdyr) below the layer of Ararat lava and from the black ceramics found by Lalaian in Küll Tapa (in the region of Nakhichevan) below the layer with polichrome painted ceramics. These ceramics also fully coincide with the examples, recently published, from the mounds: Shresh Blur, Küll Tapa (in the region of Echmiadzin-Vagarshapat) and also Shengavit near Erivan.

Several peculiarities accompanying these ceramics in all these areas, also coincide; as for instance the presence of disc-like earthenware lids, original earthenware horseshoe-shaped stands (for the hearth) with a handle, which have been obtained from nearly all the places where there are these ceramics, from Nakhichevani, Malaklu, ancient Armavir, Karakurt (in the region of Sarykamysk), abundant traces of fire (charcoal, ashes, slag, burnt clay putty) etc.

Black ware with a wonderfully bright upper surface has often in our findings a special red durable slip on the light inner surface of the vessel. Besides this, there are mixed in this layer frag-

ments of vessels on tall pedestals, completely covered with bright red paint polished by rubbing (pl. CXXIV), and ware with traces of red painting and also with black varnish paint (pl. CXXI).

Tombs belonging to the cultural layer with similar ceramics (pl. CXXV and ill. 126) have been traced in the form of single tombs where the dead were in a contorted position in stone boxes (ill. 125).

CONCLUSION

With the eneolithic monuments examined under the last heading we have finally reached, in a certain sense, the limit of the cultural historical perspective in the development of the Trialetian cultural hearth, since here it is not possible to discover, as in the majority of the ancient inhabited hills of Asia Minor (Hissarlıy, Alishar, Sakjegözü) any signs of neolithic settlements, typically represented in the sites of West Georgia (Tetramitsa, Satapli, Odishi).

From the period preceding metal in Trialeti exist authentically only half-cave settlements (plate CXXVI) of the epipaleolithic age. These latter are of the very singular local fashion (ill. 127—128), the traditional flint not being used as the basic material for work but volcanised glass, obsidian, more brittle and less hard than flint.

We cannot yet trace concretely the progress of South Caucasian obsidian, established by Jacques de Morgan in a country of the Near East in the pre-metallic and early metallic epochs, although recent excavations of the Anglo-American expedition at Lake Van have revealed in the neolithic layer of Shamiramalti together with painted ceramics of the Tell-Halaf type, hundreds of knife-like plates of South Caucasian obsidian and also elaborately finished off obsidian weapons in an eneolithic hearth, discovered there in the small Van citadel. Investigations in this direction should present great interest since the movement of obsidian might be one of the conditions of the rise of culture in Trialeti and the neighbouring volcanic regions, indirectly before the appearance of metal, when, on the one hand, obsidian ware becomes especially plentiful in the cultural layers of Mesopotamia, Sumer, Elam and when on the territory of the Kura-Araks basin the above mentioned culture of ash barrows with wonderful, artistic, ceramics of a special style because of the lower level of technical equipment, is unique. The study of just this layer and the distinguishing of the sources of its rise, ought to be at the present time one of the cardinal problems in the prehistory of the South Caucasus and in the solution of the questions concerning its ethnogenesis, since in this layer seem to be already set the roots of the brilliant cultural prosperity of Georgia in Trialeti in the middle of the II thousand years before our era.

Indeed, the circumstances indicated above give an entirely new content to the historical conception, existing up to the present time, of the place occupied by the Caucasus in the development of the ancient eastern world. The history of the Kingdom of Van is drawn from an entirely different point of view, inasmuch as its appearance was already preceded in a more northern mountainous zone, on the territory of contemporary Georgia, by exceptionally developed forms of living and by highly differentiated handicrafts in the bosom of a tribe-clan society, with a considerable accumulation of wealth inside the prevalent clans. At the same time by a whole series of new works it is convincingly being established that there is a near kinship between the prevalent language of the country of the Urartians and the language from Hurri (with the same base in the denomination, but with the preservation of the initial aspirate), the written monuments of which have been revealed by the excavations of the last decade in the layers left in the III thousand years before our era, at least, in west Mesopotamia and Syria where, as was said above, there reigned still in the preceding epoch that same style of ceramic painting (Tell-Halaf) as was revealed at Lake Van. The inclusion of the Van region also in this ancient cultural system is an extraordinarily significant fact, since it places concretely the question of its zone of contact here in the north, with another eastern Asia-Minor system distinguished by an absolutely different ceramic filiation, architectural forms, artistic style and historical fortunes.

It is not the place, however, in the present case to enter into a consideration of these complicated problems, which inevitably confront us when we want to comprehend historically and ethnically the archaeological facts discovered by us. But we may mention in this preliminary communication both the indubitable appurtenance of the brilliant prosperity of the barrow culture of Trialeti to the indirect ancestors of the Georgian peoples, evidently closely connected with this territory, and the fact that our combined findings bear witness in general to the ancient roots of Georgian culture in the South Caucasus, in the zone of reciprocal action of the Subar and of the Hatti ethno-cultural system of Asia Minor, since Kartvelian and North Caucasian languages along with connections, noticed long ago, with the Elamite language on the one hand, and with the Hurri-Mitanni languages on the other, reveal at the same time a strong tendency to prefix formation typical of the Hatti language layer.

But the onesidedness of the archaeological material collected so far, makes it extremely difficult to judge about the succession of the following phases of development in Georgia of the wonderful craftsmanship in jewellery revealed in the monuments of Trialeti of the middle bronze age. At the first glance we receive an impression of some regression or, at any rate, of social levelling during the transition to the late bronze age and later on to the early iron age. The precious metals gold and silver cease to be met with not only in tomb inventories but in treasures of the corresponding age, the Akhalgorian treasure of the Achaemenid epoch appears to have no immediate predecessors. Nevertheless this impression ought to be dispelled by determined investigations. Already the well-known inventory of the Kazbek treasure with a silver cup and gold six-radial ear-ring (ill. 42) of fine workmanship of the local form, denotes the existence in Georgia of pre-Achaemenid monuments of this kind. In this connection, great interest is presented by the preserved part of a wonderful treasure (golden jewellery and a fragment of an electrum vessel with an embossed head of a lion similar in style to the Hittite base-reliefs from Zenjerli) from Colchis (the village of Nosiri). The contents of the treasure are characteristic (ill. 129—131) and resemble the Samurzakan treasure from Chuburiskhinji of the late bronze age also with gold and silver wares (in particular a pair of gold lock rings with flattened ends) and comprising lens-shaped discs of various sizes, made by cooling the melted metal at the bottom of rounded cavities. Together with these ingots a few hundred finely polished spherical beads were found, of various sizes reaching the size of a walnut, of the same characteristic cornelian which is used in the rich barrows of Trialeti. Exactly similar beads both in material and in finishing off, well known from the ossuaries with the Colchian-Kobanian inventory in Abkhazia (Esheri) and found this year during the excavations of the Ura-tean palace in Karinir Blur near Erivan by the Ermitage and ARMFAN archaeological expedition. In later complexes such beads are almost not met with and do not occur at all in the second half of the first thousand years before our era.

Near in point of time to this treasure is the old finding of the year 1868 from the town of Par tskhanakanevi near Kutaisi, described already by Uvarova in the catalogue of the Caucasian Museum (No 2540 and 2541) and indicating the existence in Partschanakanevi of a more ancient necropolis preceding the jug tombs (is it not of barrows?). In the contents of this finding occurs a necklace of absolutely the same kind of finely spherical, dark brown cornelian beads, incorrectly taken for garnet by Uvarova, as in the necklace from Nosiri (ill. 131). This circumstance is sufficient to show the age of the whole complex. But together with the necklace there also belonged to the complex golden lock-rings in the form of spirals repeating the form of the ancient Kobanian bronze ones, with spiral endings.

Now, after the discovery of the ancient rich barrow culture in Trialeti, the above-mentioned dating of the treasure from Nosiri and of the complex from Partschanakanevi not only ceases to appear to be exaggerated, but, on the contrary, there begins to be evident a still closer connection between these collections and the preceding stages of the prosperous art of jewellery-making in Georgia already in the middle bronze epoch. Together with this can be seen the first signs of the paths by which can be traced the succession pointed out, bearing witness to the fact that the social and cul-

tural conditions creating the demand for the production of fine and rich jewellery from precious metals, continued to exist in the territory of Georgia also in the epoch transitional between the bronze and the iron ages, although not revealing yet examples of the polychrome style of barrows, but with a high level of craftsmanship (granulation and figured embossing), paving the way for the new rise in style in the new historical situations and the cultural interactions on the verge of the rise of the Iberian kingdom in the IV century before our era (the «Akhalgorian treasure» and the Algetian tomb) and later, in the first centuries of our era, in the luxurious inventory of the necropolis in the village of Bori and especially of Armazi, with the decorative splendour of the polychrome of gold, coloured stones and enamel, similar to Pantikapea and Taksila (India).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Существующая у Байерна в *Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien*, Berlin, 1885, на стр. 19—26 потабличная опись инвентаря Редкина Лагеря с указанием номеров погребений, не использованная никем из изучавших ранее могильников, потеряла ныне связь с коллекциями, поскольку при передаче коллекций в Аз. Гос. Музей таблицы не были зафотографированы.
2. Chantre Ernest. *Recherches anthropologiques dans le Caucase*, т. I, Paris-Lyon, 1885, стр. 188—211.
3. Virchow Rud. *Das Gräbersfeld von Koban im Lande der Osseten*, Berlin, 1883, стр. 126—142; его же, *Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus*, Berlin, 1895, стр. 59—65.
4. Morgan J. (de). *Mission Scientifique au Caucase*, Paris, 1889, т. I, стр. 37, 203; т. II, стр. 38.
5. Morgan J. (de). 4, т. I, стр. 34; т. II, стр. 220.
6. Morgan J. (de). 4, т. I, стр. 37, рис. 1 и 2.
7. Morgan J. (de). *La préhistoire orientale*, т. III, Paris, 1927, стр. 285.
8. Contenau G. *Manuel d'archéologie orientale*, т. III, Paris, 1931, стр. 1615 (сводная таблица хронологических систем).
9. Morgan J. (de). 4, т. I, стр. 203, 205.
10. Hoernes-Menghin. *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa*, Wien, 1925, стр. 432.
11. Фармаковский Б. В. *Архаический период на юге России. Материалы по Археологии России*, вып. 34, СПБ, 1914, стр. 48, 50.
12. Przevorski Stef. *Der Grottfund von Ordu*. Arch. Orientalny, Bd. VII, 1935, стр. 406—408, 412.
13. Hančar F. *Kaukasus-Luristan. Züge kultureller Verwandschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem Alten Orient*. Eur. Sept. Ant., Bd. IX, Helsinki, 1934, стр. 64.
14. Мещанинов И. И. *Ассирийская бусина из Азербайджана*, Баку, 1926, отт. из Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана № 2; его же, *К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника*. Изв. о-ва обсл. и изуч. Азербайджана № 3, Баку, 1926, стр. 107—111.
15. Пассек Т. и Латынин Б. *Ходжалинский курган № 11. Отиск из Изв. о-ва обсл. и изуч. Азербайджана № 2*, Баку, 1926.
16. Иессен А. А. *Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье. Сборник аспир. Акад. Мат. Культ.* I, 1929, стр. 27—40.
17. Пахомов Е. А. *Статуэтка из Молла-Исаклинского сельбища и ее датировка*. Изв. Азерб. Фил. Ак. Наук, № 2, Баку, 1937, стр. 24.
18. Tallgren A. M. Ред. на статью Шарифова Eur. Sept. Ant. III, Helsinki, 1928, стр. 199.
19. Hančar Franz. 13, стр. 83.

20. Przeworski Stefan. Zagadnienie wpływów bliskiego Wschodu w kulturze Fatjanowskiej Rosji Środkowej (Das problem der vorderasiatischen Einflüsse in der Fatjanowo-Kultur Central-Russlands). Świątowit, XV, 1933, str. 24—60.

21. Пассек Т. и Латынин Б. Очерк доистории Северного Азербайджана. Изв. о-ва обслед. и изуч. Азерб. № 3, Баку, 1926, стр. 141.

22. Meek J. Theophile. Bronze Swords from Luristan. Bull. of the Am. Sc. of Or. Res № 74, 1939, стр. 9—11 (ср. полуокруглые загибы у основания плоских рукоятий). Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162—163 (находки переднеазиатских кинжалов на Ю. Кавказе).

23. Wesendonk O. G. (v). Archäologisches aus dem Kaukasus, Archäologisches Anzeiger, XL 1—2, Berlin, 1925, стр. 55.

24. Пчелина Е в г. Отчет о раскопках близ деревни Сагурено, Bull. du Musée de Géorgie, т. III, Тифлис, 1927, стр. 129—163.

25. Помогильное распределение коллекций Байерна из нижнего этажа могильника в Самтавро (Мцхета) удалось мне провести в 1934 году совместно с А. В. Мусхелишвили, на основании списков Байерна (в Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885) и сохранившихся частично на предметах миниатюрных наклеек с порядковой нумерацией Байерна и номером погребения, не учтенных ни в инвентарных списках Отдела археологии Гос. Музея Грузии, ни в каталоге Уваровой. Упомянутая булавка (Bayern, цит. соч. табл. XII₇) относится к погр. 582 с орнаментированным треугольниками прекрасным темно-серым кувшином (Уварова № 1726).

26. Woolley C. L. Carchemish. Part. II. The town defences, Lond., 1921, стр. 133—134.

27. Wesendonk O. G. (w). 23, стр. 54, рис. 3 и 4.

28. Куфтин Б. А. Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии. Отчет о работе отряда Абхазской археологической экспедиции 1934 г. Тбилиси 1936, гл. II (в печати).

29. Такайшвили Е. Краткий отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. близ станции Мухет. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., вып. I, Тифлис, 1904, стр. 83.

30. Единственный предмет из Сагурено, смутивший несколько С. Пржеворского, 20 (табл. Vd, стр. 47—48) отсутствием древних соответствий, спиральный браслет, скорее всего остального, мог бы, напротив, говорить о древности могильника, по аналогии со спиральными браслетами из Сачхера, если бы таковой действительно существовал, а не был бы принят Пржеворским за браслет перстень, опубликованный Е. Пчелиной, 24, стр. 133, табл. I, рис. 27.

31. Дневник раскопок П. В. Чарковского и его личная коллекция, о существовании которой не было известно, в количестве 350 предметов, полученных в результате раскопок в „Эриванской губернии“, были случайно обнаружены мною у одного частного лица в Киеве и приобретены для Гос. Музея Грузии, где и хранятся в настоящее время. См. также Уварова, П. С. Коллекции Кавказского Музея. Археология, Тифлис, 1902, стр. 119—120.

32. Спицын А. А. Некоторые Закавказские могильники. Изв. Арх. Ком., вып. 29, СПБ, 1909 г., стр. 1—2, 7—10, рис. 1—22.

33. Zakharov A. A. Etudes sur l'archéologie de l'Asie Mineure et du Caucase. Revue Hittite et Asianique, fasc. 4, Paris, 1931, табл. 4, стр. 115.

Frankfort H. Studies in early pottery of the Near East, т. I, London, 1924, табл. V₁, стр. 38, примеч. 1.

Pottier, Edm. L'art hittite, fasc. 2, Paris, 1931, стр. 26, рис. 15₂.

34. Мещанинов И. И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщения ГАИМК, I, Ленинград, 1926, стр. 236—240. Миллер А. А. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 года. Там же, стр. 326.

35. Данилевский В. В. Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 228, рис. 131, табл. VI.

36. Спицын А. А. Некоторые Закавказские могильники. Изв. Арх. Ком., вып. 29, СПБ, 1909 г. стр. 3—5, 11—15, рис. 23—63.

37. Коллекции Аз. Гос. Музея, инв. 1523, 1524 и 1530 (полев. №№ 87, 88 и 126).

38. Pritchett R. Explorations in Turkestan, v. I, Washington, 1908, стр. 139, табл. 12.

39. Schmidt E. F. Tepe Hissar excavations 1931. The Museum Journal, v. XXIII, № 4, Philadelphia, 1933, стр. 399, табл. CXVI, H. 420, 502.

40. Montelius O. La Grèce préclassique, 1-re partie, Stockholm, 1924, табл. 38₁; 53_{6, 7}; 60₉. Marinatos S. Les origines de l'art Minoen, Cahiers d'art, 1931, № 3, рис. 19.

41. Ghirshman R. Rapport préliminaire sur les fouilles de Tépé Sialk, près de Kashan, Syria, XVI₃, 1935, стр. 243—246.

42. Бронзовых и железных кинжалов обе вскрытые А. А. Миллером гробницы, судя по его полевой описи и коллекциям Аз. Гос. Музея, не содержали и указание А. А. Иессена, 22 (стр. 148, рис. 30 и стр. 226 № 96) относится к кинжалу VIII₁₀ (полевой нумерации), который является недокументированной погребением находкой.

43. Александров А. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. Изв. о-ва обслед. и изуч. Азербайджана, № 4, Баку, 1927, табл. I₂, стр. 242. Колл. Аз. Гос. Музея инв. 1333. Приведенный нами рис. 4 является лишь схематичной передачей формы сосуда и характера его орнаментации.

44. Osten (von der), Schmidt E. The Alishar Hüyük, seas. of. 1927, т. I, Pl. III, VI, № 3243, 3284.

45. Speiser E. A. Excavations of Tepe Gawra, vol. I, levels I—VIII, Philadelphia, 1935. Его же, Excavations of Tepe Gawra during the Season of 1936—37. Bulletin of the Am. Inst. for Iranian Art and Archaeology, v. V, № 1, 1937.

46. Pfeiffer Robert. II. The excavations at Van in 1939. Bull. Am. Sc. of Or. Res., № 78, 1940, стр. 31—32.

47. Mackay Ernest. Report on excavations at Jemdet Nasr. Field Museum of Nat. Hist., Anthr. Mem., v. I₃, Chicago, 1931, табл. LXXV, стр. 266.

Childe G. Neu light on the most Ancient East, London, 1935, стр. 141. Его же, Eurasia shaft-hole axes. Eur. Sept. Ant., IX, Helsinki, 1934, стр. 159.

48. Веселовский Н. И. Арх. раскопки в Кубанской обл. Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПБ, 1900, стр. 15—16, рис. 53.

49. Childe G., 47², стр. 192, рис. 65, № 3.

50. Отчет Археологической Комиссии за 1898 г. табл. IV, рис. 49.

Childe G. The Dawn of European Civilization, London, 1927, стр. 138—143.

51. Schmidt E. F. 39, стр. 367, № 1040. К этому же слою принадлежит и булавка (Н 585) с петлевидно-завязанной головкой, типа Негады и Трои II (у нас рис. 12_{1, 5}). Датировку и синхронизацию слоев см. у него же Excavations at Tepe Hissar Damghan, Philadelphia, 1937, стр. 320 сл.

52. Bode (de) C. L. A., Smith Ch. R. On a recently opened Tumulus in the neighbourhood of Asterabad forming part of ancient Hyrcania and the country of the Parthians. Archaeologia, v. XXX, London, 1844, стр. 248—255.

53. Wulsin R. Fr. Excavations of Tureng Tepe near Asterabad, Supplement to the Bulletin of the Am. Inst. for Persian Art and Archaeology, v. 2, № 1 bis, New York, стр. 12, табл. XX₂.

54. Naue J. Die vorrömischen Schwerter aus Kupfer, Bronze und Eisen, München, 1903, стр. 2—3.

Gjerstad Einar. The Swedish Cyprus Expedition, 1927—1931, vol. I, Stockholm, 1934, Pl. XXXIV₃, CXLI_{1—3}, стр. 93, 139.

55. Dussaud René. Les civilisations préhelléniques, Paris, 1910, стр. 172, рис. 118, № 2.

Совершенно такого же типа копье известно и среди находок ранней бронзы в Венгрии (см. прим. 66).

56. Hogarth D. G. Kings of the hittites, London, 1926, рис. 26.

Christian V. Altertumskunde des Zweistromlandes, Leipzig, 1940, Bd. I, табл. 324, стр. 385.

57. Иессен А. А. 22², стр. 85.

58. Chantre E. Quelles sont les données anthropologiques et archéologiques pour la connaissance de l'histoire ancienne de la population du Caucase? Congr. Int. d'arch. et d'anthr. préhist., t. II, Moscou, 1893, стр. 8[—]88.

Chantre E. 2. t. III, Paris, 1887, стр. 5—31, табл. I, VI;

Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПБ, 1890, стр. 104, 109—115;

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по Археологии Кавказа, т. VIII, Москва, 1900 г., например разделение материала из аула Чми на пять эпох, стр. 114—119.

59. Иессен А. А. 22², стр. 99—100, карта III.

60. Tallgren A. M. Caucasian monuments. Eur. Sept. Ant. V, Helsinki, 1930, стр. 175, 177.

61. Нанчар Fr. 13, стр. 102, 105—106.

62. Результаты этой работы, получившей свое отражение на выставке Археологического Отдела Гос. Музея Грузии, не опубликованы.

63. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., в. III, Тифлис, 1913 г., стр. 167.

64. Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibulformen, Stockholm, 1897, т. VII, стр. 156.

Фармаковский Б. В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. Изв. Арх. Ком., вып. 8, СПБ, 1903, стр. 61, рис. 69.

Arne T. I. Det gotiska väldet i Sydryssland, Stockholm, 1917, стр. 10. Его же, Stendösaar fran järnaldern. Fornvännen, 1919, стр. 138—139.

65. Morgan J. (de). 7, т. 2, Paris, 1926, стр. 213—214, рис. 267 (у нас рис. 12₄).

Petrie Flinders. Naqada and Ballas, London, 1896, табл. LXV, № 19.

Childe G. 47², стр. 72.

66. Déchelette J. Manuel d'archéologie, т. II, Paris, 1910, стр. 47, 320, рис. 12₄ (у нас рис. 12_{1, 2, 3}, Саксония, Богемия и Кипр).

Schmidt H. Troja-Mykene-Ungarn. Zeitschr. für Ethn., Bd. XXXVI, Berl. 1904, стр. 624.

Кипрского типа медные копья см. в книге: Pulsky Franz (v) Die Kupfer-Zeit in Ungarn, Budapest, 1884, стр. 76—79, рис. 3, 5—7 (из них копье 7 особенно близко по форме и величине (21 см) загарскому).

67. Bittel Kurt. Prähistorische Forschungen in Kleinasien, Istanbul, 1934, табл. XIX, рис. 26, стр. 17.

68. Сальдау П. Я. и Гущина А. Ф. Применение металлографии в археологии, Сообщения ГАИМК, 1932, № 3/4, стр. 50, рис. 3.

69. Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи Средней России, М. 1916, стр. 57.

Гёриес М. Культура доисторического прошлого, часть II. Москва, 1914, стр. 75, рис. 33, по Montelius' (La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des metaux, Stockholm, 1904).

Noergnes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 348.

70. Oguz Arik Remzi. Les fouilles d'Alaca Höyük, Ankara, 1937, стр. 96, CCXXVIII, Al. 1012.

71. Алалаян Е. Раскопки курганов в Северной Армении (на арм. яз.), Ереван, 1931, стр. 71, рис. 135.

Байбуртян Е. Орудия труда в древней Армении (на арм. яз.). Вестник Инст. Ист. и Литер. Арм. ССР, Ереван, 1938, кн. 1, стр. 212, 231, рис. 112.

72. Ivaščenko M. M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens, Eur. Sept. Ant. VII, Helsinki, 1932, рис. 1.

Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 29, рис. XI₁.

73. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Краткие сообщения Инст. Ист. и Мат. Культ. Ак. Нук СССР, VIII, 1940, стр. 8—12.

74. Иессен А. А. 22², стр. 103, рис. 10. Недоверие Е. И. Крупнова (Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Сб. статей по арх. СССР. Москва, 1939, стр. 39, прим. 1) к утверждению А. А. Иессена, в отношении именно этой формы, о принадлежности ее к топорам не кобанского типа вряд ли основательно.

75. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, Сб. 1, Сухуми, 1939, стр. 38, 49, табл. IX₂.

76. Schmidt H. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen 1909/10 in Cucuteni Zeitschr. f. Ethnol., Bd. XLIII, Berlin, 1911, стр. 594, 601, рис. 15.

77. Antoniewicz, VI. Der in Stublo in Wolhynien aufgefangene Bronzeschatz. Eur. Sept. Ant. IV, Helsinki, 1929, стр. 135—147.

78. Godard André. Les bronzes du Luristan. Ars Asiatica, XVII, Paris, 1931, стр. 47—48, табл. XV_{45, 46}.

79. Hančar Franz. Beile aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener Praehist. Zeitschr., XXI, 1934, стр. 19—21.

80. Godard André. 78, стр. 49, табл. XVI₅₀.

81. Speiser E. A. Excavations at Tere Gawra, vol. I, Philadelphia, 1935, стр. 106, табл. XLVIII.

82. Меликset-Беков Л. М. Новая проблема в истории Грузии (на груз. яз.), Мнатори, Тифлис, 1925, № 2, стр. 222, 223. Его же, Из материалов поездки на Цалку в 1924 г. Изв. Кавк. Ист.-Археол. Инст., т. IV, Тифлис, 1926, стр. 133 и ряд статей в 1935 году на груз. и русск. языках в газете „Ударник Храмгэса“: № 32 „К охране археологических памятников в районе строительства Храмгэса“, № 33 „Тикматаш“ (на груз. яз.), № 35 „Ташбаш“ (на груз. яз.).

83. Иоакимов А. Я. Выписка из дневника археологических работ на Цалке. Изв. Кавк. Общ. Ист. и Археол., т. I, в. 1, Тифлис, 1882, стр. 7—9.

Уваров А. С. Об обсидиановых орудиях найденных на р. Цалке А. Я. Иоакимовым. Протокол засед. 20.IX, Тр. V Арх. Съезда в Тифлисе, стр. LXXXV, табл. XXXIX.

Уварова П. С. Коллекции Кавказского Музея, т. V, Археология, Тифлис, 1902, стр. 100—101, №№ 2329—2340 (сборы Е. Такайшили), 2345—2354 (коллекция А. В. Комарова) и 2359—2376 (сборы Иоакимова).

84. Такайшили Е. (Выдержки из отчета о раскопках). Отч. Арх. Ком. за 1896 г. СПБ, 1898 г., стр. 110—112.

Уварова П. С. 83³, стр. 100, 101 с ошибочным отнесением №№ 2355—2357 к сборам Иоакимова.

85. Nioradze G. Das Gräberfeld von Karssnis Chewi (на груз. яз. с нем. резюме), Tiflis, 1926, табл. II₂₈, стр. 31.

86. Байерн Ф. Р. Исследование древних гробниц близ Мцхета. Сб. свед. о Кавказе, т. II, Тифлис, 1872, стр. 330.

87. Такайшили Е. Краткий отчет о раскопках, произведенных по поручению Арх. Комиссии летом 1902 г. близ станции Мцхет. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., вып. I, Тифлис, 1904, стр. 79—89. Его же (археологический отчет). Отчет Арх. Ком. за 1902 г. СПБ, 1904, стр. 96, рис. 201.

88. Ермаков Д. И. Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, европейской и азиатской Турции, Тифлис, 1896, стр. 202—204. См. фотоны №№ 2169, 2150, 2193, 2194 (фототека Гос. Музея Грузии).

89. Уварова П. С. 83³, стр. 80 (Колл. Гос. Муз. Грузии, картонь Байерна XLVIII и LI).

90. Такайшвили Е. 87¹, Краткий отчет, стр. 88.

91. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по Археологии Кавказа, т. VIII, Москва, 1900 г., стр. 310.

Захаров А. А. Геммы и античные перстни Гос. Ист. Музея. Труды секции археологии, III, Москва, 1928, стр. 110, рис. 6, табл. V, № 35 (человек с шарфом над головой), табл. VI, № 90 (четвероногий крылатый грифон).

92. Такайшвили Е. 90, пряжка, рис. 203 и наконечник ремня, рис. 205.

Саханеев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. Изв. Арх. Ком., вып. 56, СПБ, 1914, пряжка, рис. 22, № 6, наконечник ремня, рис. 20, № 4.

Репников Н. И. Некоторые могильники крымских готов. Изв. Арх. Ком., вып. 19, СПБ, 1906, пряжка, табл. V₉, наконечник ремня, табл. V₁₅, стр. 14—15.

93. Саханеев В. В. 92, табл. I, № 14, рис. 21, № 1, стр. 128, 129, 95 и 158—159.

94. Макалатия С. Археологические находки в сел. Даблагоми и Агаяни. Советская Археология V, 1940, стр. 270.

95. Contenau G. Manuel d'archéologie orientale, t. I, Paris, 1931, рис. 165, стр. 33².

Hunger Ioh. Altorientalische Kultur im Bilde, 1912, стр. 172.

96. Уварова П. С. Коллекции Кавказ. Музея т. V, Археология, стр. 90, № 2232 а, 6.

Пятый Археологический Съезд. Труды Предв. Комитета, Москва, 1879, стр. 63.

97. Придик Е. М. Новые кавказские клады. Матер. по арх. России, № 34, Петрогр., 1914 г., стр. 95, прим. 1.

98. Уварова П. С. 91, стр. 126, 175, 321.

Уварова П. С. 96, стр. 23, № 457—460.

99. Уварова П. С. 96, стр. 98.

100. Мещанинов И. И. Рец. на работу: Т. Ивановская. Закавказские поясные пряжки. Сообщ. ГАИМК, 1931 г., № 1, стр. 33—37. Проделанный по моей просьбе Хим. Инст. Ак. Наук Груз. ССР анализ одной из подобных блях (вариант с конем) показал полное отсутствие цинка: Sn—3,26 и Pb—0,43, т. е. сплав резко отличающийся от обычных сплавов употребляемых теперь литейщиками.

101. Меликсет-Беков Л. М. Манглисский некрополь (на груз. яз.) Чвени Медниереба, № 1 (13), Тифлис, 1924, стр. 82—87.

102. Rostovtzeff M. Bronze belt-clasps and pendants from the Northern Caucasus. Bull. of the Metrop. Museum of Art, vol. XVII₂, 1929, стр. 36.

103. Такайшвили Е. (Доклад). Протокол 53. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ. вып. III, Тифлис, 1913, стр. 48.

104. По инвентарю Музея Искусств Грузии бляхи поступившие от Такайшвили из Сачхере значатся за № 140, из Кацхи за №№ 141 и 157. Кроме указанной бляхи, из сел. Сачхере происходит еще хранящийся там же небольшой погребальный комплекс, состоящий из подобной бляхи (с двойным животным в верхнем углу), браслета бронзового и бронзовой подвески в виде бараньей головки (инв. 3230—3233).

105. Chantre Ernest. 2, т. II, стр. 54.

106. Недавние раскопки асп. Г. Гобеджишвили (Отчет о раскопках произведенных в сел. Геби, на груз. яз., в Изв. ИЯИМК, IV₃, Тбилиси 1939, стр. 345—361) разрушают сомнение П. С. Уваровой о происхождении ее коллекции из сел. Геби, где действительно обнаружился содержательный ящичный могильник с подобными бляхами, наряду с другим бронзовыми эпохи, типа Фаскау и Кумбулта.

107. Ивановская Т. Кавказские бронзовые поясные пряжки. Мистецизм и археология, I, Харьков, 1928, стр. 11—27. Еще же, Бронзовая прямоугольная пряжка с изображением бегущего зверя. Науков. Зап. Научно-Дослід. Катедри Істории України, вып. III, 1928, стр. 417—423. Сравни бляху с четырьмя быками из Мгвиме у Dubois de Montpereux Fr. Voyage au Caucase, atlas, IV série, Neuchatel-Paris, 1843, табл. XXXIII₂, т. IV, стр. 276.

108. Имеются в виду: фигурки из Рутки у Уваровой П. С. 91, табл. CV₉; из Бори (инв. Гос. Муз. Гр., 9—31) и из „клада“ по Военно-Осет. дороге (инв. Гос. Муз. Гр., 5—31:1).

109. Уварова П. С. 91, стр. 177, табл. LXX₈.

110. Daremberg et Saglio. Dict. des antiquités, Paris, под словом Amuletum, t: I, рис. 310.

111. Wesendonk O. G. 23, стр. 54.

112. Makalathia S. Notice sur les dates des nécropoles decouvertes en Géorgie de 1920—1924 (на груз. яз. с фр. резюме). Bull. du Musée de Géorgie, Tiflis, 1928, табл. VIII₁₉, стр. 167—171.

113. Rostovtzeff M. 102, стр. 40.

114. Hančar Fr. Einige Gürtelschliessen aus dem Kaukasus. Eur. Sept. Ant., VI, Helsinki, 1931, стр. 157. Его же, Eine kaukasische Gürtelschnalle aus Bronze im Wiener Völkerkundemuseum. Wiener Prähist. Zeitschrift, Bd. XVIII, Wien, 1931.

115. Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, т. III, СПБ, 1890, стр. 120.

116. Отч. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 33, рис. 20.

117. Tallgren E. M. Zu der nordkauasischen Bronzezeit. Eur. Sept. Ant., VI. Helsinki, 1931, стр. 139, рис. 50.

118. Tallgren E. M. Etudes archéologiques sur la Russie orientale durant l'ancien âge du fer. Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 30.

Mühlestein Hans. Die Kunst der Etrusker. Die Ursprunge, Berl. 1929, стр. 84, 225—226, рис. 142.

119. Мещанинов И. И. Закавказские поясные бляхи, Махач-Кала, 1927, стр. 1—38.

120. Куфтин Б. А. Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии. Отчет о работе отряда по родовому обществу Абхазской Археологической экспедиции 1934 года (печатается), гл. 1.

121. Коллекции Арх. отд. Гос. Музея Грузии, картон Байерна LIV, инв. 8—02 : 514 (по каталогу Уваровой повидимому 2084 а).

122. Уварова П. С. 91, стр. 183, табл. CXXVII₄₃.

123. Furtwängler Adolf. Beschreibung der geschnittenen Steine in Antiquarium, Berlin, 1896, стр. 19, табл. VIII, №№ 185 и 184.

Его же, Die Antiken Gemmen. Leipzig-Berlin, 1900, стр. 55—59, 118, рис. 78, табл. XI_{7, 9}, XII_{13, 20, 21}.

Из указанных здесь образцов обращают между прочим внимание геммы XI₇ и 9, где использована для изображений не только нижняя плоскость, но боковые и верхние грани. Это заставляет подозревать возможную генетическую связь подобных призматических гемм с древнейшими критоминойскими четыреугольно-фасеточными трехгранными резными печатями (Evans A. J. Cretan pictographs and pre-Phaenician Script. Journ. of Hell. Stud. t. XIV, 1894, стр. 270 сл. и там же, t. XVII, 1897, стр. 327 сл., табл. IX₁₀; Furtwängler, Antik. Gemmen, стр. 27, 32 табл. IV_{22, 25, 26-28} и Beschreibung, №№ 57 и 58), бытовавшими, видимо, в самостоятельных формах и в Малой Азии, если согласиться с H. Schmidt'ом (The archeological excavations in Anau and Old Merv. R. Rimpelly, 38, 1908, стр. 182, табл. XLV) именно оттуда выводить подобную печать из кургана в Анау с изображением льва, грифона и грубой человеческой фигуры на трех фасетках. Во всяком случае в III и в начале II тысячелетия до н. э. уплощенные трехгранные, четыреугольно-фасеточные геммы с резьбой лишь на нижней стороне и с двускатным верхом имели распространение в Малой Азии и Сев. Сирии (Contenau G., 293, стр. 177—179 и 93, табл. X₄₈, XLVI₃₄₈).

124. Maximova M. Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. Archeol. Anz., 1938, 3—4, рис. 15, стр. 658, 652—653.

125. Maximova M. 124, стр. 660—668.
Однако местопроисхождение каменных прототипов этого рода надо связывать скорее с более западными районами Передней Азии, где, как мы упоминали (прим. 123), издавна имели распространение четыреугольно-фасеточные трехгранные-призматические печати. Здесь следует только еще обратить внимание на интересную в этом отношении луврскую четыреугольную гемму, датируемую Perrot et Chipiez (*Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. IX Paris, 1911, стр. 13 табл. II₂) VII веком до н.э. с типичной для Древнего Востока композицией коленопреклоненного охотника, стреляющего в козла, в окружении астральных знаков, солнца, месяца и звезды. К сожалению у меня не имеется данных для суждения о полной форме этой геммы.

126. Куфтин Б. А. Некрополь в Колхиде. Заря Востока, Тбилиси 1939, № 3, рис. по грабальной урны. Его же, Археологические раскопки в Даблагоми. Стенограмма доклада 1938 г. (хранится в архиве ИЯИМК имени Н. Я. Марра Ак. Наук Груз. ССР), стр. 39—40 (браслеты), 16, 49, 56—57 (колхидки); См. также, 73, стр. 12.
Макалатия С. 94, стр. 264—267.

127. Напсаг F. 13, стр. 82—83.

128. Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-Тапа, Баку, 1927, табл. I₂.

129. Пахомов Е. А. 17, стр. 24.

130. Придик Е. М. 97, табл. VI, рис. 30.

131. Данилевский В. В. 35, рис. 130, № 9, стр. 227.

132. Данилевский В. В. 35, рис. 129, № 16, табл. анализов IV, стр. 226.

133. Филимонов Г. Д. О доисторической культуре Осетии, Изв. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. т. XXXI, приложение, Москва, 1878, стр. 28—29.
Уварова П. С. 91, № 8, стр. 84, табл. LXIV₃.

134. Уварова П. С. 91, табл. XLII₁₃.

135. Антонович В. Б. Дневник раскопок. Кобань. Пятый Арх. Съезд в Тифлисе. Протоколы Предв. Комит., Москва, 1879, стр. 253.

136. Bayern F. Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885; перечень вещей из Степан-Цминда, № 1387 (карт. XIII).
Уварова П. С. 96, стр. 15, № 266, табл. IV.
Chantre E. 2, т. III, табл. XXIV₇ (ошибочно отнесен вместе с другими вещами таблицы к верхнему ярусу Самтавро).

137. Уварова П. С. 91, стр. 152, рис. 144, 143.

138. Спицын А. А. Серогозские курганы. Изв. Арх. Ком., вып. 19, СПБ, 1906 г., стр. 167, табл. XIV.

139. Vouga Paul. La Tène. Leipzig, 1923, стр. 55, табл. XVI_{30,31}.
Déchelette J. 66, т. II, рис. 71₁₀.

140. Bittel Kurt. 67, стр. 63, 29, табл. II_{3,4}.
Его же, Ein Gräberfeld der Yortankultur bei Babaköi. Arch. für Orientforschung, Bd. XIII_{1—2}, 1939, рис. 4 и 18.

141. Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад, Тбилиси, 1934, стр. 53—54.

142. Бронзовые удила и другие бронзовые предметы „Ахалгорийского клада“ числятся в инвентаре Арх. Отд. Гос. Муз. Грузии, как происходящие из раскопок Лалаяна в 1905 г. на берегу Севанского озера. Поэтому при издании „Ахалгорийского клада“ в 1934 г. эти коллекции не были обнаружены и фотографии с них не вошли в издание (ср. примечание на стр. 56). Однако сличение „лалаяновских“ удила с изданными рисунками удила ахалгорийских позволило мне в 1935 году поместить ахалгорийский бронзовый инвентарь в археологической экспозиции на своем месте.

143. Фармаковский Б. В. Отчет о раскопках, произведенных в некрополе древней Ольвии и на о. Березани в 1896 г. Отч. Арх. Ком. за 1896 г., стр. 210 (?), рис. 330, стр. 80.

144. Montelius O. La Grèce préclassique, I part. Stockholm, 1924, табл. 23₂.
Blinkenberg Chr. Fibules grecques et orientales. Historisk-filologiske Meddelelser, XIII₁, Kobenhavn, 1926, стр. 150—155, 163—164.
Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. VII, стр. 252, рис. 118.

145. Morgan J. (de). Délegation en Perse, t. VIII Recherches archéologiques, 3-е partie, Paris, 1905, стр. 43 и 57.

146. Lehmann-Haupt C. F. Materialen zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Abh. d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, Ph.-Hist. Kl., NF. Bd. IX₃, Berl. 1907, стр. 100, рис. 71. Его же, Armenien einst und jetzt, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, рис. на стр. 506.

147. Gjerstad Einar. 54², vol. II, стр. 583, № 81 (датировка стр. 626).

148. Schaeffer, Claude F. A. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Syria, XVI₂, Paris, 1935, стр. 150, рис. 7.

149. Лебедянская А. Михалковский клад. Изв. Арх. Ком., вып. 53, Петроград, 1914, стр. 34, табл. IV.

150. Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 840, прим. 16.
Reinecke P. Die Goldfunde von Michalkow und Fokorn. Zeitschr. für Ethnol., Verhandlungen, Bd. XXXI, Berlin, 1899, стр. (510)—(527) (принадлежность золотой чаши к кладу стр. 512; датировка клада ранним Гальштаттом стр. 523 сл.).
Спицын А. А. Дополнение к статье о Михалковском кладе, Изв. Арх. Ком., вып. 53, Петр., 1914, стр. 135—136.

151. Смирнов Я. И. Восточное серебро, СПБ, 1909, табл. III, рис. 13, стр. 6.
Tallgren A. M. The Kasbek treasure. Eur. Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, стр. 116—118, 150, рис. 4.
Калитинский А. П. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov, Prague, 1926, стр. 53, табл. V.
Poulsen, F. Der Orient und die frühhellenistische Kunst, Berlin, 1912, стр. 87.
Schlottmann K. (Письмо В. Ф. Миллеру о финикийско-арамейской надписи). Изв. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этногр., т. XXXV, Москва, 1879, стр. 34—35.

152. Dalton O. M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work, London, 1926, табл. VIII₁₈, стр. 8, рис. 43.
Herzfeld Ernest. Khattische und khaldische Bronzen. Fest-Schrift Lehmann-Haupt, Wien, 1921, стр. 154 (автор видит в этой золотой чаши Амударинского клада урартскую продукцию).

153. Kinch. Fouilles de Vroulià (Rhodes), Berlin, 1914, стр. 226, рис. 76 d. Perrot et Chipiez (*Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. IX стр. 455) указывают на влияние узоров восточных тканей и ковров на орнаментацию этой керамики, но возможно предполагать, как делает F. Poulsen, 151, стр. 83, и заимствования с чеканки и резьбы на металлической посуде.

154. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Материалы по археологии России, № 37, Петроград, 1918, стр. 24, табл. I_{1,2}.
Коковцев П. К. О надписях на серебряных блюдах. Там же, стр. 82—83.

155. Dalton O. M. 152, табл. XXIII, № 180, стр. 44.

156. Gjerstad Einar. 54², т. II, табл. XXXVIII₃₃, стр. 209.

157. Gjerstad E. 54², т. II, табл. XLIX₄₈, стр. 27₃, 274.

158. Lehmann-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt, Bd. II₂, Berlin Leipzig, 1931, стр. 531, 917, 963, рис. на стр. 533.
Szeligowska I. M. L'art décoratif étrusque. Bull. Intern. de l'Académie polonaise de sciences et des lettres, cl. philologie, № 4 (Supplémentaire), Cracovie, 1938, табл. XXIX₈₃ (подобного же характера этрусский канделябр IV века из Виллы Джулии в Риме).

159. Dalton O. M. 152, табл. XIII, № 47, стр. 18—19.

160. Dalton O. M. 152, табл. X, № 24, стр. 13.

161. Lehmann-Haupt C. F. 158, рис. на стр. 858.

162. Oppenheim M. Freiherr (von). Der Tell Halaf, Leipzig, 1931, стр. 192 и 196, кра-
сочн. табл. III₅.

163. Gjerstad E. 54², vol. I, Stockholm, 1934, LXXXIV₁₉₈, XCII₇₇ (Энкоми погр. 2 и 19) стр.
521, 558 и 524—525, 568 (хронология).

164. Отчет Арх. Ком. за 1891, стр. 144, рис. 173; за 1892, стр. 20—21, 110 и 119, рис.
10, 11, 68; за 1896 г., стр. 58, рис. 283.

165. Придик Е. М. 97, стр. 102, № 13, табл. I₇.

166. Смирнов Я. И. 141, стр. 56, примеч. 1 и рис. на стр. 64.

167. Stassoff W. Études sur les monuments géorgiens photographiés par M. Jermakof, et sur
leurs inscriptions par M. Brosset. Mélanges Asiatiques, t. VI, St. Petersb., 1873, стр. 493—523.
Lehmann-Haupt E. F., 158, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 489—495 и 863—867.

168. Herzfeld Ernest. 152², стр. 145 сл.

169. Спицын А. А. 32, стр. 6, рис. 69, 64.
Розендорф Г. О. (раскопки в Елизаветпольской губ.), Отчет Арх. Ком. за 1903,
СПБ, 1906, стр. 97, рис. 184.

170. Бобринский А. Курганы близ Смели, т. I, стр. 68, 75, 76.

171. Рёслер Е. (извлечение из отчета), Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПБ, 1900 г., стр. 153.

172. Bayern Fr. 136, стр. 39, табл. № 1080.

173. Ивановский А. А. По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа, вып. VI,
Москва, 1911 г., стр. 120, табл. VIII_{35, 36}.

174. Bayern Fr. 136, стр. 35, табл. VII₁₁.

175. Rau Paul. Die Gräber der frühen Eisenzeit in unteren Volgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 13—40.

176. Woolley C. L. Carchemish, part. II, The town defences, London, 1921, стр. 125—126.

177. Schmidt Er. Anatolia through the ages. Discoveries at the Alishar mound 1927—29, Chicago,
1931, стр. 138, рис. 196 и 166.

178. Reichel W. Homerische Waffen, Wien, 1901, стр. 115.
Tsountas. The Mycenaean Age, London, 1903, стр. 206, рис. 92, 93. Иначе чем W.
Reichel понимает термин Гомера Hub. Schmidt (The archeological excavations in Anau and
Old Merv. R. Rimpelly, Explorations in Turkestan, v. I Washington, 1908, стр. 185—
186), относя его не к плоским треугольным, а трехгранным втульчатым стрелам, дав-
но известным в греко-эгейском мире, однако не ранее после-микенской эпохи, а боль-
шую частью значительно позднее; сравни Helbig. Das homerische Epos, 2 Aufl, рис. 134;
Furtwängler A. Die Bronzen von Olympia, Berlin, 1898, табл. LXIV, №№ 1083—1092.
Wrede W. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Jahrb. d. D. Arch. Inst. Bd. 52, H. 3/4,
1937, рис. 20, № 1077—1090 дает новый материал из IV слоя Олимпии.

179. Rau Paul. 175, стр. 31.

180. Спицын А. А. Курганы скифов пахарей. Изв. Арх. Ком., вып. 65, СПБ, 1918, стр.
99, 101.

181. Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском
полуострове, Изв. Арх. Ком. вып. 63, Петроград, 1917, стр. 56—58.

182. Граков Б. Н. Техника изготовления наконечников стрел у скифов и сарматов. Тр.
секции Археологии Инст. Арх. и Искусствозн., V₁ Сборн., „Техника обработки камня
и металла“, Москва, 1930, рис. 8, табл. V₁, стр. 77, 79.
Tallgren A. M. L'époque d'Ananino dans la Russie orientale. SMJA. Bd XXXI, Helsinki,
1919, стр. 132, рис. 102.

Dmitriew P. Über die Gusstechnik auf dem Burgberge Irtjaš im Uralgebiete, Eur. Sept. Ant.,
VI, Helsinki, 1931 стр. 121—123.

183. Древности Приднепровья. Собрание Ханенко, вып. III. Киев, 1900, приложение, стр. 7.
Граков Б. Н. 182, стр. 77.

184. Woolley C. L. 176, стр. 130, табл. 23 в.

185. Филимонов Г. Д. 133, стр. 31, № 12.

186. Tallgren A. M. The Kazbek Treasure. Eur. Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, стр. 113, 181.

187. Bayern Fr. (Отчет) Zeitschr. f. Ethn., 1882, Verh., стр. [343].

188. Bayern Fr. 136, стр. 47 и список вещей стр. 51, № 1376.

189. Bissing F. W. Sur l'histoire du verre en Egypte. Revue d'Archéologie, 1908, fasc. 1, стр. 216.

190. Déchelette J. 66, t. II, Paris, 1910, стр. 1316—1318.

191. Придик Е. М. 97, табл. II, рис. 16.

192. Уварова П. С. 98, стр. 155, рис. 155.
Bayern Fr. 136, стр. 51—52, №№ 1375 и 1385, табл. VI₂.

193. Schaeffer, Claude F. A. 148, стр. 150, рис. 7.

194. Morgan J. (de). 4, t. I, Paris, 1889, стр. 63.

195. Bayern Fr. 136, стр. 47, 52, №№ 1379 и 1383.
Уварова П. С. 98, стр. 154, рис. 147.

196. Меликset-Беков А. М. Мангисский некрополь (на груз. яз.) წევნი მენებები,
№ 1 (13), Тбилиси, 1924, стр. 84—86.

197. Wesendonk O. G. 23, стр. 49—50, рис. 1.

198. Bayern Fr. 136, стр. 32, рис. 11. Его же, Neue Ausgrabungen in Samthawro. Zeitschr. f.
Ethnol., Verhandl., Berlin, 1883, стр. [304].

199. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris, 1927, стр. 287, 294—295, 304.

200. Morgan J. (de). 4, t. I, Paris, 1889, стр. 119—123.

201. Pósta Béla (de). Description de la collection archéologique. Zichy. Voyages au Caucase
et en Asie Centrale, II, Budap., 1897, стр. 495—496, рис. 32₁₄. Эти стрелы близко стоят
к поздне-гальштатской, опубликованной еще Ed. v. Sackenом (Das Grabfeld von Hallstatt
in Oberösterreich und dessen Alterthümer, Wien, 1868, табл. VII₁₀). Сравни ее также у
Janse Oliv. Quelques antiquités chinoises d'en caractère halstattien 1930. Другие галь-
штатские этого типа стрелы известны из Ваача (Denkschr. d. k. Ak. d. Wiss. zu Wien,
Math.-Nat. Kl. Bd. XLII, табл. XI₁₃), из С. Маргаретена (Much M. Kunsthistor. Atlas, табл.
LVI₁₅) и проч.

202. Ивановский А. А. 173, стр. 107—113, табл. I₂.

203. Фармаковский Б. В. 11, табл. XVI, стр. 45 и 48. Так как этот пояс самый раз-
витой по стилю, автор полагает VI век до н. э. как terminus ante quem для подобных
поясов Южного Кавказа.

204. Virchow Rudolf. Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus unter besonderer
Berücksichtigung der ornamentierten Bronzegürtel aus Transkaukasischen Gräbern, Berlin, 1895.
Abhandl. d. k. Pr. Akad. d. Wiss., 1895, стр. 32 сл., 38 сл., табл. I₂ и II₃.

205. Ивановский А. А. 173, табл. III₃, стр. 108, 120 и 185 (объяснение фототипий).

206. Ниорадзе Г. К. Могильник „Стеклянного завода“. Пробл. Истории Докапитали-
стич. Обществ, СПБ, 1934, № 3, стр. 99.

207. Morgan J. (de). 4, t. I, мог. № 74 (Муси-Иери). Его же, 7, t. III, рис. 293 в.

208. Forret E. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique.
Journ. As., t. CCXVII₂, стр. 242—243. Приводятся египетско-лувийские словарные со-
ответствия, указывающие по мнению автора, на присутствие лувийского элемента в
Африке. Сравни по этому поводу F. Hommel, Ethnologie und Geographie des Alten
Orients, München, 1926, стр. 70—72.

209. Morgan J. (de). 4, t. I, стр. 57. Его же, 7, t. III, стр. 295—296.

210. Morgan J. (de). 7, t. III, стр. 122.

211. Schmidt E. T. Tepe Hissar Excavations 1931. The Mus. Journ. XXIII₄, Philadelphia, 1933,
стр. 367, № H. 1200.

212. В Центр. Муз. Народоведения в Москве в коллекции собранной автором в 1926 году в Сев. Осетии имеются такой выпрямитель для косы из оленьего рога, между прочим близко напоминающий предмет из рога (в коллекции Н. Я. Марра Гос. Муз. Грузии), который Уварова 99, стр. 127 № 2834, определила неверно, как рукоять для топора, и склепанный из медных листов огромного размера котел.

213. Уварова П. С. 93, стр. 35—37, рис. 39 и 40.

214. Chantre Ernest. 2, т. II, табл. IV.

215. Rösler E. Ausgrabungen bei Chodshali, 1895. Zeitschr. f. Ethnol. Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. (178), рис. 14.

216. Рёслер Е. 171, стр. 153.

217. Schmidt Hubert. Zu den Kleinfunden. Oppenheim (v) F. Der Tell Halaff, Leipzig, 1931, стр. 262.

218. Bayern Fr. 136, стр. 34.

219. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 105.

220. Morgan J. (de). Mission scientifique en Perse, vol. IV, partie 1, Paris, 1896, табл. V₆, стр. 105.

221. Morgan J. (de). 7, т. III, Paris, 1927, стр. 282—283.

222. Morgan H. Recherches au Talyche persan. Mém. de la Délégation en Perse, т. VIII, Paris, 1905, стр. 270.

223. Contenau G. 8, т. III, Paris, 1931, стр. 415—416.

Genouillac H. (de). Fouilles de Telloh, т. I, Époques présargoniques, Paris, 1934, стр. 36—37.

224. Rösler E. Archäologische Untersuchungen in Transkaukasien, 1894, Zeitschr. f. Ethn., Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. [83]—[84].

225. Ghirshman R. Rapport préliminaire sur les fouilles de Tépe Sialk, près de Kashan. Syria, т. XVI₃, Paris, 1935, стр. 239.

По вопросу о стрелах (стр. 68) см. 255.

226. Contenau G. 8, т. II, Paris, рис. 564.

227. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 101.

228. Makarenko N. La civilisation des Scythes et Hallstatt. Eur. Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, рис. 1, 13—17, стр. 27, 40—43.

Sommerfeld Wanda. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy. Światowit, т. XVII, Warszawa, 1938, стр. 307.

Бобринский А. 170, т. I, 1886, стр. 34.

229. Джанашвили Мозе. Страна инглийцев (на груз. яз.). Сборник „Древняя Грузия“ т. II, Тифлис, 1911—1913 г., стр. 106.

Орбелиани Саба. Грузинский лексикон (на груз. яз.), Тбилиси, 1928, стр. 381, слово „гули“ (ღული) переводится как „пилообразный серп“, что соответствует греч. ἄρτη καρχαρόδων (Гезиод, Теог. XVIII 368).

Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии (на груз. яз.) т. II, Тбилиси, 1934; слово ღული с ссылкой на серпы упомянуто только в опечатках на стр. 708. Серп этого типа вышел видимо ныне в Грузии совсем из употребления и о названии его почти забыли. По материалам, собранным мною, он сохранился еще в Хевсуретии в качестве „женского серпа“ для травы (сравни араб. ڦ rezal траву).

230. Модестов В. И. Введение в римскую историю, часть I, 1902, табл. XXIII.

Mortillet G. et A. Musée préhistorique, Paris, 1881, табл. XC, № 109.

231. Спицын А. А. 180, стр. 89, 95.

232. Клад из Лечхуми (инв. 4059—4088, Муз. О-ва Ист. и Этн.) был мною выставлен в 1935 году в экспозиции Гос. Муз. Грузии и датирован урартской эпохой на основании сопоставления бронзовых кружек клада и фрагментированной кружки из погре-

бения в Малаклю (близ Игдыря) с обнаруженной там среди бус столбчатой ванской печатью VII в. до н. э. (см. примеч. 233).

233. Куфтин Б. А. „Колумбарий“ эпохи Ванского царства у подошвы Араката и нижний культурный слой зольных холмов Южного Кавказа. Bull. du Musée de Géorgie, т. XII, Tbilisi (печат.). Найденные здесь фрагменты бронзовой кружки и ручка от нее с головкой зверя и шиуровидным литым стержнем полностью совпадают с одной из кружек из Лечхуми (см. 232) с кобанского типа инвентарем.

234. Lehmann-Haupt C. F. 158, Bd. I, Berlin, 1910, стр. 358; Bd. II₂, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 583.

235. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 118. Его же, 158, Bd. II₂, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 576—580.

236. Przeworski Stefan. Ceramika i bronzy staroirańskie w zbiorach polskich. Broni i Barwa, 1936, № 1, рис. 8.

Godard André. 78, табл. XIII 32—34, стр. 45 (описаны, по своей большой величине, как наконечники дротиков).

237. Bayern Fr. 136, стр. 25, табл. VIII₁₂.

238. Belck W. (о раскопках Рёслера) Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., Bd. XXVI, Berlin, 1894, стр. [224] сл.

Рёслер Е. 171, стр. 156.

Rösler E. Dritte Reise nach Dawschanli-Atschadsor. Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. [90]—[95], рис. 26 и 27.

239. Гуммель Я. И. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа, Баку, 1931, стр. 1—55.

240. Belck W. Archäologische Forschungen in Armenien. Zeitschr. f. Ethnol. Verhandl., Bd. XXV, Berlin, 1893, стр. [62]; сравн. стр. [235].

241. Алалаян Е. Нор-Баязетский уезд (Археологические раскопки) (на арм. яз.) Азаграган Хандес XIV, 1906, № 2, стр. 8, рис. 2 (погребение). Его же, 257, стр. 100, 170, рис. 134.

Его же, Археологические раскопки по берегам озера Гокчи в Новобаязетском уезде Эриванской губернии. Памятная книжка Эриванской губ., на 1910 г., стр. 235.

Байбутян Е. 71, рис. 106.

242. Rösler E. 238³, стр. [101]—[107], рис. 72.

243. Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 году. Изв. Аз. Фил. Ак. Н. СССР, Баку, 1939, № 4, стр. 77—82.

244. Morgan J. (de). 4, т. I, Paris, 1889, стр. 135.

245. Ghirshman R. 41, стр. 244—245.

246. Legrain Leon. Luristan Bronzes in the university Museum. Museum Journal, Catalog., Supplement № 1, Philad. 1934, табл. XXI, рис. 57. Сравни также луврский экземпляр у Godard A., 78, табл. XL, № 166.

247. Tallgren A. M. 186, стр. 115, 167.

248. В инвентаре Кутаисского Музея оба экземпляра удила рассматриваемого типа значатся, как доставленные разновременно в 1927 и 1928 году одним лицом, Михелем Мхецадзе. Однако место происхождения первых (инв. 2356:1) записано с речки Дзеврули Чхарского района, тогда как другие (инв. 2524:1) отмечены селением Свири. Поскольку оба экземпляра удила несомненно одного происхождения, их может быть следует относить к месту, указанному первой записью.

249. Reichel W. 178, стр. 142—144.

250. Lechat Henri. Mors antiques en bronze. Bull. de Correspondance Hellénique, 1890, стр. 385.

251. Hunger Ioh. Altorientalische Kultur in Bilde, Leipzig, 1912, рис. 164.

Полностью повторяют эти удила другие, также хранящиеся в Британском Музее за № 91209 (см. Guide to the Babyl. and Assyrian Antiquities) с оз. Вана из Тушпы. Согласно описанию Eckhard Unger'a (Trense, в Ebert. RLV. Bd. XIII, стр. 430) они еще ближе напоминают грузинские этого рода и афинские, поскольку концы трензелей снабжены, по его словам, с одной стороны конической сосулькой, с другой лошадиным копытцем.

252. Wolff Max und Opitz Dietrich. Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst. Archiv für Orientforschung, Bd. X, 1936, рис. 15 и 16, стр. 338. Другой известный тип бронзовых удила в Египте из Тела Амарны (Popplow U. Pferd und Wagen in Alten Orient, Berlin, 1934, рис. 46, стр. 70) эпохи гиксов отличается несгибающимся стержнем и колесовидными трензелями, напоминающими по внешности сасиретские и севанские на Южном Кавказе, но снабженные шипами, как на железных скифских. Сравни новую находку Fl. Petrie (Ancient Gaza, vol. IV. Publ. of the British School of Arch. in Egypt, 1934): рец. Barrois, Syria, t. XVII, стр. 87—88 и рисунок там.

253. Annals of Archeol. and Anthropologie, VII, Liverpul, 1914, табл. 24. Цит. по Tallgrenу, 186, стр. 167.

254. Przeworski Stef. 236, рис. 11, стр. 15—16. Сравни также Godard A. 78, табл. XI, № 165, стр. 79.

255. Уварова П. С. 98, стр. 127, табл. LVII₃₋₅, стр. 276, табл. CXXI₃. Montelius O. 144, 1-е partie, Stockholm, 1924, стр. 161, рис. 566 и 568. Стрелы близкого типа найденные близ Афин с инвентарем LMIII.

256. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris 1927, стр. 270. Hančar F. 13, стр. 78, рис. 25 и 26.

257. Алаян Ерванд. Раскопки курганов в Советской Армении (на арм. яз.) Ереван, 1931, стр. 156, рис. 112.

258. Pope A. U. Exposition internationale d'art persan à l'Académie Royale de Londres. Cahiers d'art, Paris, 1931, № 1, стр. 34.

259. Morgan J. (de). 4, стр. 119—123.

260. Bayern Fr. 136, табл. XIII_{10, 1}.

261. Makalathia S. Découverts archéologiques en Géorgie en 1930. Mitteil. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien, Bd. LXII, 1932, стр. 103, рис. 2, 3.

262. Makalathia S. L'ancienne nécropole de Phlavismani (на груз. яз., с франц. рез.) Bull. du Musée de Géorgie, t. V, Tiflis, 1930, стр. 229—230 (кость, клинок кинжала) рис. 10, 11; стр. 232 (маслобойка) рис. 14 (об употреблении подобных маслобоек в Мтиулетии см. Makalathia S. Einige ethnographisch—archeologische Parallelen aus Georgien. Mitt. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien, LX, 1930, стр. 364—365, рис. 4—6. Сравни F. Bayern, 136, стр. 11.

263. Munro Rob. Les stations lacustres d'Europe aux âges de la pierre et du bronze. Paris, 1908, стр. 106, табл. 14_{22—26}. Mortillet G. et A. 230, табл. LXXXIII, №№ 929—931. Датировку дает например находка таких стрел в пятом слое Les Roseaux Morges (см. Ebert. RLV, Bd. XI, стр. 392, табл. 126) в сопровождении узкого тесла с закраинкой и выемчатой пяткой; ср. Ebert RLV. Bd. X, стр.: 102 сл.: Pfeilspitzen. Wilke G. (Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern. Zeitschr. f. Ethn., Bd. XXXVI, Berlin 1904, стр. 78) сопоставляет эти стрелы с кавказскими, минуя хронологию.

264. Bayern Fr. 136, стр. 37, табл. XII₁₆.

265. Уварова П. С. 98, стр. 276. Купфтин Б. А. 28, о бронзовом шлеме в кобанском комплексе Абхазии, гл. II; конические шлемы этого типа резко отличаются от ассирийских, как это видно из сравнения их с ассирийским бронзовым шлемом Британского Музея из дворца Нимруда (Hunger Ioh., 251 рис. 169, стр. 54) и ближе стоят к северо-итальянскому из Оппиано (Pigorini L. Bulletino di Paletnol. Ital., IV, 1878, стр. 105,

табл. VI) с греко-восточным орнаментом, поздней ступени Вилланова. Ср. Bertrand A. et Reinach S. Les celtes dans les vallées du Po et du Danube, Paris, 1894, стр. 97, рис. 68.

266. Сагателов М. Я. Археологические находки в ур. Джелал-Оглы. Изв. Кавк. отд. Моск. Арх. Общ., в. I, Тбилиси, 1904, стр. 52 („бронзовый шарик с сквозным отверстием“). Коллекция из раскопок Сагателова в арх. отд. Гос. Музея Грузии, как мне удалось выяснить, числится по инвентарю неверно: происходящей из раскопок Алаяна на Севанском озере (20—05 : VI и 20—05 : VIII₁).

267. Пассек Т. и Латынин Б. 15, рис. 6 с.

268. Ивановский А. А. 173, стр. 128, табл. IV₆ (топор-тесло); стр. 164 табл. XVII_{15—20} (привески в форме сосок).

269. Декаприевич Л. А. и Менабде В. Л. Пленчатые пшеницы Западной Грузии. Труды по Прикладной ботанике, генетике и селекции серия V, № 1, Зерновые культуры, 1932, стр. 25—26. Их же, К изучению полевых культур З. Грузии. I Рача, Тифл., 1929, стр. 233. Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии (на груз. яз.) т. I, Тбилиси, 1930, стр. 345, т. II, 1934, стр. 80.

270. Virchow Rud. 3¹, стр. 99. Сравни также находки золотых изделий этого времени у Rössler'a: Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., 1894, стр. [233]; 1898, стр. [455], табл. 34, стр. [444], рис. 60 и 61 (а—с).

271. Tallgren A. M. Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 97 примеч. Сцепление крючьев с удила на рис. 10 (стр. 89), произвольно, как это видно из сравнения с ранее опубликованной фотографией у S. Makalathia, 261, рис. 6 (стр. 103), где удила оказываются свободными от крючьев. Самое строение последних исключает, мне кажется, возможность отношения их к узденчному набору.

272. Байбуртян Е. 71, рис. 113—115.

273. Belck W. (раскопки Рёслера), 238.

274. Рёслер Е. (раскопки). Отч. Арх. Ком. за 1899 г., стр. 89, рис. 184.

275. Пассек Т. и Латынин Б. 21, стр. 128 и 149, примеч. 1. Хранящиеся в Аз. Гос. Музее образцы этой керамики, между прочим типичная широко-открытая конично-бортная чаша (инв. 57 : 1088) с петлевидным выступом края и орнаментом из ленточных углов и W-образных штрихов, происходят из Кащана (близ Кума, к югу от Тегерана). Пользуюсь случаем принести благодарность администрации Института Истории АзФАН'а и И. Джадар-заде за предоставленную возможность ознакомиться с материалами Музея.

276. Rickard T. A. The primitive smelting of Iron. Amer. Journ. of Arch., XLIII₁, 1939, стр. 85—88.

277. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 101.

278. Thomsen Peter. Eisen; Palästina-Sirien. Ebert, Reallex. d. Vorgesch., Bd. III, Berlin, 1924, стр. 67.

279. Winkler H. Vorderasien im 2. Jahrtausend auf Grund archäologischer Studien. Mitt. d. Vorderas.-Ägypt. Gesellschaft, Bd. 18, H. 4, Leipzig, 1913, стр. 61. Lehmann-Haupt C. F. 158, Bd. II₂, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 891—892.

280. Hančar Fr. 79, стр. 12—44. Przeworski St. Der Grottfund von Ordu. Archiv Orientalni, VII₂, Praha, 1935, стр. 396—408.

281. Blinkenberg Chr. 144, стр. 13—25, 58—59.

282. Калитинский А. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov, Prague, 1926, стр. 50, 57 и 61.

283. Tallgren E. M. Miscellanea archaeologica. Varia. Eur. Sept. Ant. VI, Helsinki, 1931, стр. 175—177, рис. 1 (фибула двухпружинная, смычковидная, датируемая 1000 годом до н. э.). В скифских курганах фибулы очень редки: сравни Бобринский А. Курганы близ Смели, т. I, стр. 75 (кург. XXVIII, Холодный Яр) и стр. 104 (кург. XXXVIII, Гуляй-Город) табл. IX₅; т. III, табл. I. Обе эти фибулы принадлежат к типу тонкопроволочных одночленных с S-видной дужкой.

284. Morgan J. (de). 7, t. II, Paris, 1926, стр. 300—301.

285. Blanckenhorn Max. Über die Steinzeit und die Feuersteinartefakte in Syrien-Palästina. Zeitschr. f. Ethnol., 1905, стр. 460—462, рис. 15—17. Ссылка на Леман-Гаупта см. 235.

286. Herzfeld E. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Bd I₂, Berlin, 1929. Godard André. Les bronzes du Luristan, Paris, 1931, табл. XXIV, №№ 69 и 72, стр. 59—60.

British Museum. A guide to the antiquities of the bronze age, London, 1920, рис. 187 (бронзовый топор с оз. Вана).

287. Otten Heinrich. Ein Bestattungsritual hethitischer Könige. Zeitschr. f. Ass., NF, Bd. XII (XLVI), Berlin, 1940, стр. 221—224.

288. Меликset-Беков А. М. К изучению топонимики и остатков материальной культуры Триалети-Цалка (на груз. яз.) „За марксистское языкознание“, Тбилиси, 1934, стр. 37.

289. Рёслер Е. (Археологические исследования в 1901 г.). Изв. Арх. Ком., вып. 12, СПБ, 1904, стр. 48, рис. 8. Прекрасная коллекция образцов посуды подобного типа имеется в Аз. Гос. Музее (инв. 1593—1602) из случайной находки у ст. Хорадиз при постройке Джульфинской железной дороги. Это широкие низкогорловые кувшинчики с тонко-лощенной и разнообразно каннелированной поверхностью и выступающими над бортом венчиком двумя или тремя тонко-петельчатыми ручками.

290. Genouillac Henri (de). Céramique Cappadocienne, inventoriée et décrite avec un introduction. Musée du Louvre, т. I, Paris, 1926, стр. 34—36.

Herz Amelia Le decor des vases de Suse et les écritures de l'Asie Antérieure, Rev. d. Arch, 1929, стр. 217—234.

Dussaud René. Motifs et symboles du IV millénaire dans la céramique orientale, Syria, XVI₄, Paris, 1935, стр. 377—378.

291. Frankfort H. Studies in Early Pottery of the near East, т. II, London, 1927, стр. 77—83, 161 сл. устанавливает роль Анатолии, а затем Сирии в появлении и распространении этой техники. Pottier (L'Art hittite, Fasc. 2, Paris, 1931, стр. 42) полагает возможным увести ее истоки к беловатым ангобам еще 1-го эламского стиля (бокалы из раскопок R. de Mecquenem'a в Сузах). Но во всех случаях характер росписи, окраска и формы сосудов совершенно иные, чем в Триалети.

292. Contenau G. La civilisation des Hittites et des Mitanniens, Paris, 1934 стр. 184—185 (Миф о Телепине).

Götze A. Kleinasiens. Kulturgeschichte des Alten Orients, III₁, München, 1933, стр. 134—135.

293. Contenau G. La glyptique Syro-Hittite, Paris, 1922, стр. 75—76, табл. VII₂₅.

294. Отч. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 17, рис. 8.

Rösler E. 242, стр. 92 и 93.

Virchow Rud. 204, стр. 55, рис. 5.

295. Kauchtschischvili S. Georgica, Scriptorum byzantinorum excerpta ad Georgian pertinentia, т. III (на груз. яз.) Тбилиси, 1936, стр. 41, 311—316.

296. Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI века о народах Кавказа. Вестн. Др. Ист., 1939, № 1, стр. 111.

297. Frazer J. G. Adonis Attis Osiris. Studies in the history of oriental religion, London, 1922 (=Golden Bough, part IV), т. I, стр. 277 сл., т. II, стр. 107 сл.

Фрэзер Джемс. Золотая ветвь, вып. III, 1928 г., стр. 63—63, 94.

Сравни также священный кедр Таммуза у Langdon, S. Tamuz and Ishtar, Oxford, 1914, стр. 11.

298. Викентьев В. М. Древне-египетская повесть о двух братьях, Москва, 1917, стр. 38 сл., 59 сл.

Франк-Каменецкий И. Г. Грузинская параллель к древне-египетской повести „о двух братьях“. Яфетич. сб., IV, Ленинград, 1926, стр. 48, 60 сл.

299. Струве В. В. Иштар-Исольда в древне-восточной мифологии, Труды Инст. Яз. и Мышления, II, Ленинград, 1932, стр. 66—69.

300. Rostovtzeff M. Dieux et chevaux. A propos de quelques bronzes d'Anatolie, de Syrie et d'Arménie. Syria, т. XII₁, Paris, 1931, стр. 53—54.

301. Schmidt E. 177, рис. 126, стр. 87 (глиняная модель обуви с узким загнутым вверх носком из II слоя Алишарского холма).

Прудевская Е. О. Две древне-восточные бронзовые статуэтки. Изв. ГАИМК, т. V, Ленинград, 1927, стр. 478.

Читая Г. С. Этнографические параллели. 1. Грузинская обувь с „носком“ (на груз. яз. с русск. рез.). Сообщения Груз. Фил. Ак. Наук СССР, т. I, № 4, Тбилиси 1940, стр. 309—316.

302. Herzfeld Ernst. Archaeological History of Iran, London, 1935, стр. 6 и 4.

303. Ungnad Arthur. Luwisch—Lykisch. Zeitschr. f. Assyriol., NF, Bd. 1, 1924, стр. 1—8.

Hommel Fritz. Ethnologie und Geographie des Alten Orients, München, 1926, стр. 998.

Bleichsteiner R. Die Subaräer des Alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung. Festschrift P. W. Schmidt, Wien, 1928, стр. 9.

Oštir K. Kleinasiatische Termilae die Wolfischen, Razprave, V—VI, Ljubljana, 1930.

304. Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов, аланов святым Григорием. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., т. XVI_{2—3}, СПБ, 1905, стр. 166—169.

305. Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонии. Труды, том II, вып. 1, СПБ, стр. 254—255.

306. Марр Н. Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. Матер. по Яфет. Языкоzn., V, СПБ, 1912, стр. 17, 18—Сборник: Марр Н. Я. О языке и истории абхазов, М. А., 1938, стр. 14.

Шанидзе А. Г. Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., т. XXIII_{3—4}, Петр., 1916, стр. 368.

307. Патканов К. П. Армянская география VII в. по РХ. СПБ, 1877, стр. 16 и 38.

Kiessling. Европтиկ շօրք. Pauly-Wissowa Real-Enc., Bd. V, Stuttgart, 1905, стр. 2216.

308. Джанаша С. Н. Тубал-табал, тибарен, ибер (на груз. яз. с русск. рез.) Изв. Инст. Яз. Ист. и Мат. Культ. им. Н. Я. Марра, т. I, Тбилиси, 1938, стр. 189.

309. Ушаков П. Н. Хеттская проблема. К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков. Тр. Тбил. Гоз. Универс. им. Сталина, т. XVIII, 1941, стр. 111.

310. Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка, СПБ, 1914, стр. 217, (слово обджо-Ингур).

311. Götze Albrecht. 292², стр. 126.

312. Марр Н. Я. 304, стр. 169. Его же, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, Москва, 1931, стр. 113.

313. Шанидзе А. Г. 306, стр. 366.

314. Марр Н. Я. История термина „абхаз“. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 700—701.

315. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. Вестн. Др. Ист., 1939, № 4, стр. 45—46.

Джавахишвили И. А. Сравнительный строй и родство грузинского и кавказских языков. Введение в историю грузинского народа, т. II (на груз. яз.), Тбилиси, 1937.

Джанаша С. Н. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии (на груз. яз. с русск. рез.). Сообщ. Груз. Фил. Ак. Наук СССР, т. I, № 8, Тбилиси, 1940, стр. 623—628.

316. Гуммель Я. И. 239, стр. 20.

317. Марр Н. Я. Грамматика древнего литературного грузинского языка, Ленинград, 1925, стр. 39.

318. Тшоутах. Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική, 1890, табл. 7 (правый рис. сверху).
Rosenberg Marc. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Granulation. Frankf. a/M., 1918, стр. 33—34, рис. 49₁₀.

319. Rosenberg Marc. 318, стр. 27—28, 33.

320. Woolley C. Leonard. The royal cemetery (Ur excavations, vol. II) New York, 1934, табл. 138 (инв. 11584), стр. 571.

321. Nöldeke A., Haller A., Lenzen H. und Heinrich E. Achter vorläufiger Bericht über die von der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. Abh. d. Preuss. Akad. der Wissensch., Jahrgang 1936, Phil.-Hist. Kl., № 13, Berlin, 1937, стр. 23, табл. 39₂. Ссылка на Чайлда см. 331².

322. Woolley C. Leonard. 320, табл. 146 (инв. 12467), стр. 583.
Childe Gordon. 49, стр. 348.
Oğuz Arik Remzi. 70, табл. CLXXVII, №№ Al. 254—255.

323. Woolley C. L. 320, стр. 264—266, табл. 87—90. В нашей фигурке возможно видеть по форме корпуса и шеи также и лошадь.

324. Forrer E. Quelle und Brunnen in Alt-Vorderasien, Glotta, XXVI^{3/4}, 1938, стр. 197.

325. Woolley, C. L., 320, стр. 303.
Montelius Oscar. 144, 1-re partie, Stockholm, 1924, стр. 21—22, табл. 6₄.

326. Woolley C. L. 320, стр. 64, 108—109.

327. Mackay Ernest. A sumerian palace and the «A» cemetery at Kish, part II. Field Mus. of Nat. Hist., Anthr. Mem., v. I₂, Chicago 1929, стр. 209—211, табл. XLVI₈, 9.

328. Przeworski St. Altorientalische Altertümer in Skandinavischen Sammlungen, Eur. Sept. Ant. X, Helsinki, 1936, стр. 88—89, рис. 14.

329. Джавахишвили И. А. История грузинского народа³ (на груз. яз.) т. I, Тбилиси, 1928, стр. 68.

330. Лалаян Е. 257, стр. 100 и 194—199. Реконструкция автором колесницы, как трехколесной тачки (рис. 192), неубедительна и не вытекает ни из материала, ни из исторических параллелей.

331. Montelius Oscar. 144, 2-e partie, Stockholm, 1928, стр. 215, табл. 15₂₂.
Childe Gordon. 50, стр. 38, рис. 17.

332. Schaeffer F. A. Claude. Les fouilles de Minet-el-Beida et de Ras-Shamra. Troisième campagne. Syria, XIII₁, Paris, 1932, стр. 19, табл. XIII_{1,2} (втульчатые копья в погребениях второго яруса, который датируется первой половиной II тысячелетия).
Его же. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Neuvième campagne 1937. Syria, t. XIX₃, Paris, 1938, стр. 222, 224, 240, рис. 27 и 28 (в склепах LV, LVI не древнее XVII—XVIII в. до н. э.).
Goldman Hetty. Excavations at Gözü Kule, Tarsus, 1938. Am. Journ. of Arch., vol. XLIV, 1940, стр. 82, рис. 44.

333. Schmidt E. F. Tepe Hissar excavations 1931. The Museum Journal, vol. XXIII₄, Philadelphia, 1933, табл. CXVIII—CXIX, стр. 400.

334. Вопрос о возможных изменениях в путях передвижения олова в древнем мире во II тысячелетии до н. э. рассмотрен мною в Материалах по истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии, гл. II, 1936 (печатается).

335. Могильник в Узунляре на р. Дебеда-Чай был обнаружен случайно при постройке школы. Ряд предметов, в том числе золотые и серебряные обивки, ромбического сечения бронзовый кинжал, фрагментированное каменное блюдо (№№ 1485—1489) были доставлены в Гос. Музей Армении, где и хранятся.

336. Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПБ, 1900, стр. 22, рис. 82.

337. Montelius Oscar. 144, 1-re partie, Stockholm, 1924, стр. 106, табл. 9₁.

338. Алексеев А. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. Советск. Арх. т. IV, М. Л., 1937, стр. 255. Золотая бляха из упомянутого погребения

хранится в коллекциях Аз. Гос. Музея и представляет собою небольшой бронзовый или медный диск, плакированный золотом с штампованным кружковым выпуклым орнаментом.

339. Naue J. 54, табл. III₁, V₂.
Déchelette J. 66, t. II₁, Paris, 1910, стр. 213, рис. 65₁, и рис. 66.

340. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Москва, 1932, стр. 25, 105—107 и 165.
Морган Л. Г. Древнее общество. Ленинград, 1934, стр. 109 сл.

341. Jeremias Alfred. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, Berl.-Leipz., 1929, стр. 195—193 и 266—267.

342. Mallon A., Koerppel R. et Neuville René. Telelat Ghassul, I, Compte rendu des fouilles de l'Inst. Bibl. Pontifical 1929—1932, Rome, 1934, стр. 71, табл. 35₃.

343. Jirkū A. Einige Kleinfunde aus Palästina und Syrien. Zeitschr. Deutsch. Morg. Gesellsch., NF, Bd. XIII₂, 1934, стр. 168, 169.

344. Schmidt Erich F. 177, стр. 91, рис. 138.

345. Oğuz Arik Remzi. 70, табл. CCLXIV—CCLXV, Al. 1825.

346. Уваров А. С. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. Труды Предварительного Комитета. V Арх. Съезд в Тифлисе, Москва, 1879, стр. 439—449. Его же (отчет о поездке по Эрив. губ.), там же, стр. 332.
Уварова П. С. 31, стр. 128. Среди перечисленных образцов керамики имеются фрагменты со следами росписи в две краски (№№ 2908—2910), с красным блестящим покровом (№№ 2903—2907) и грубоватым ангобом (№ 2 78 сосуд типичный для урартского слоя) и наконец керамика энеолитического слоя (№№ 2884—2886, 2896, 2920—2922 и пр.).

347. Пчелина Е. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ гор. Тифлиса. Bull. du Mus. de Géorgie, t. V, 1928, стр. 156—159.

348. Джанаша С. Н. Общественные науки в Советской Грузии к 20-ой годовщине Великой Окт. Соц. Революции (на груз. яз.). Изв. ИЯИМК им. Марра, I, Тбилиси, 1937, стр. XXXII.

349. Ниорадзе Г. К. Раскопки в Алазанской долине (на груз. яз.), Тбилиси, 1940, стр. 49, рис. 60. Сосуд 163—16:10 относящийся к энеолитическому слою включен в „тип“ XI ялойутапинской керамики римской эпохи.

350. Лалаян Е. А. Раскопки в сел. Ниж и Варташен, Нухинского уезда. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., в. V, Тифлис, 1919, стр. 38, 43, 44.

351. Байбуртян Е. Псевдогенеолитические поселения Армении, Проблемы ГАИМК, 1933, № 1—2, Ленинград, стр. 39, 40.

352. Байбуртян Е. По поводу древней керамики из Шреш Блура, Советская Археология III, 1937, стр. 210—213.

353. Ниммел I. Zur Archäologie Azerbaidschans. Eur. Sept. Ant., VIII, Helsinki, 1933, стр. 232, 233.

Гуммель Я. И. Археологическая разведка на Киликдаге. Изв. Аз. ФАН, 1938, № 2, Баку, стр. 23, 24, табл. I и II, №№ 6—18.

354. Лалаян Е. А. Нахичеванский район (на арм. яз.) Азаграган Хандес, т. XIII, 1906, вып. 1, стр. 208. Его же, Археологические раскопки в Эриванской губ., Изв. Арх. Ком. Прибавл. к вып. 14, СПБ, 1905, стр. 48.

355. Bittel Kurt. 67, стр. 65, табл. IV₁, табл. XI₆.
Schmidt E. F. 333, табл. LXXXI, XCIV.

356. Джавахишвили И. А. 329, стр. 68.

357. Джавахишвили И. А. 315, стр. 48. В указанной связи следует также вспомнить и о соседних с колхами либистинах Диофанта (III в. до н. э.) у Стефана Византийского.

358. Morgan J. (de). 7, t. II, Paris, 1926, стр. 146, рис. 187.

359. Götze Albrecht. 292², стр. 29.
Bittel Kurt. 67, стр. 35, 36.
Frankfort H. Studies in early pottery of the Near East, t. II, London, 1927, стр. 63 сл. (вопрос о технических приемах обжига).

360. Алалайн Е. 257, стр. 36—58. Материал из раскопок Е. Алалайна хранится нашитым на картонах в Гос. Музее Армении. Пользуюсь случаем принести благодарность администрации и сотрудникам Музея за предоставленную мне возможность ознакомиться как с этим материалом, так и с другим, из энеолитических холмов Армении и из погребений с расписной керамикой.

361. Пчелина Евг. 347, стр. 156—157. Сравни с этим глиняным сооружением, в котором Е. Г. Пчелина предполагала возможным видеть и наполненный золой саркофаг, глиняный саркофаг особой формы, найденный Я. И. Гуммелеем (Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 111—112, рис. 45) в соответствующем слое „Культового кургана“ № 36 в Ханларе в 1937 году, наполненным золой.

362. Growfoot G. M. Mat impressions on pot bases. Annual of Archaeology and Anthropology, vol. XXV₁₋₂, Liverpool, 1938, стр. 3—11.
Mallon A. 342, стр. 91, 92, табл. 39, рис. 40.

363. Bittel Kurt. 67, стр. 63.

364. Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области в 1938 г., Изв. АзФАН, № 4, Баку, 1939, стр. 84—85, табл. V.
Его же, Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана, Вестник Древн. Истории, Москва, 1940, № 1, стр. 211—213.

365. Frankfort Henri. 359, t. II, London, 1927, стр. 57 сл.
Bittel Kurt. 67, стр. 105.

366. Morgan J. (de). 4, t. II, Paris, 1889, стр. 4, 5.

367. Потапов А. К вопросу о путях распространения обсидиановых изделий в каменном веке из Закавказья на север. (Доклад на 2-ом Краеведч. Съезде Черноморск. побережья и Зап. Кавказа).
Его же, Передисторичний Кавказ. Східний Світ, № 2, Харьков, 1928, оттиск, стр. 5—12.

368. Breuil H. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. Congr. Int. d'anthr. et d'arch. préhist., Compte Rendu de la XIV-m ses., Genève, 1912, стр. 178 сл. рис. 1.

369. Каландадзе А. Н. Культура мезолита и неолита на территории Грузии (на груз. яз.). Изв. Инст. Яз. Ист. и Мат. Культ. им. Марра Груз. Фил. Ак. Наук IV₃, 1939, стр. 163—171.

370. Такайшвили Е. 84, стр. 110—112.

371. Грен А. Отчет по археологической поездке в Цинцкаро. (I Палеолитический каменный век на Цалке), Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., т. II, Тифлис, 1907, стр. 29—36.

372. Вопрос о краниологическом типе древнейшего населения Южного Кавказа еще совершенно неясен за полным отсутствием, до самого последнего времени, антропологических остатков, относящихся к эпохам древней и средней бронзы. Наиболее полно изученная проф. В. В. Бунаком (Черепа железного века из Севанского района Армении. Русский Антропол. журнал, т. 17, вып. 3—4, Москва, 1929, стр. 64—87) серия из 37 черепов, добытых Е. А. Алалайном (Археологические раскопки в Новобаязетском уезде ССР Армении, там же, стр. 59—63) преимущественно из ящичных курганов Банской эпохи на западном берегу Севанского озера, обнаруживает господство здесь в это время не арmenoидного, а долихоцефального антропологического типа. Такой же характер

выказывает материал (среди головн. индекс для семи мужск. черепов 71, 15), добытый А. А. Ивановским (173, стр. 171—176), на той же приблизительно территории из погребений того же возраста.

373. Virchow Rud. 3, стр. 92, рис. 35. Сравни Zeitschr. f. Ethn., 1881, Verhandl., стр. (415).

374. Ефименко П. П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. Русский Антропологический журнал, т. 13, вып. 3—4, Москва, 1924, стр. 218.

375. Morgan J. (de). Les stations préhistoriques de l'Alagheuz (Arménie Russe). Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris, 1909, стр. 189—203, рис. 72 (кремневое острье с зубчатостью).

376. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris, 1927, стр. 19 сл.

377. Ефименко П. П. Костенковская палеолитическая стоянка. Ежегодн. Русск. Антроп. О-ва, т. IV, 1915, стр. 19.

378. Замятнин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья, Советск. Этногр., 1935, вып. 2, стр. 118.
Ефименко П. П. Первобытное общество, 1938, стр. 617—619.

379. Morgan J. (de). 7, t. III, стр. 26.

380. Remouchamps A. E. Griechische Dolch- und Schwertformen. Ein Beitrag zur Chronologie der Europäischen Bronzezeit. Intern. Archiv für Ethnographie, Bd. XXVIII, Leyden, 1927, стр. XXV, рис. 2—4.
Montelius Oscar. 144, 1-e partie, Stockholm, 1924, стр. 106, табл. 15₁₂. Амаргосские и троянские копья с боковыми отверстиями в клинке близки по типу копьям Al. 1086 и 1087 из Аладжа Эйюк, см. Oguz Arik Remzi, 70, табл. CCLXXV, а также Goldman Hetty. 322² стр. 67, рис. 19, вместе с образцами керамики, несущей выпукло-вогнутый крупный спиральный мотив.

381. Meyer Ed. Geschichte des Altertums, Bd I₂, Stuttgart, 1926 стр. 704, 801, указывает также на возможность этимологической связи амарнских Lukki, егип. Rku (чит. Luki-u), эгейск. Ruka с индоевроп. корнем * W(u)rk. Сравни. Hommel F. 303, стр. 998.
Марр Н. Я. (Сена, Сона, Лютация и первые обитатели Галлии—этруски и пеласги. Извр. раб. т. I, стр. 147) находил возможным сопоставлять Lukki с урартским Luhuni.

382. Ungnad Arthur. Subartu, Berl.—Leipz. 1936, стр. 164—166.
Speiser E. A. Studies in Hurrian Grammar. Journ. of Amer. Orient. Soc., vol. 59, № 3, 1939 стр. 316 (прим. 76) и 323.
Friedrich J. Kleine Beiträge zur churrithischen Grammatik, Leipzig, 1939, стр. 59—62. Это подтверждает и A. Götze в рецензии на работу Friedrich'a (Language, 1939, vol. 15 № 4, стр. 254).
Götze A. 359, стр. 174—180.

383. Albright W. F. New light on the history of Western Asia in the second millennium B. C. Bull. of the Amer. Schools of Oriental Research, № 77, febr., 1940, стр. 20—21.
Thureau-Dangin F. Tablettes Hurrites provenant de Mâri. Rev. d'Assyriologie, t. XXXVI, 1939, стр. 1—24.
Dossin Georges. Les archives économiques du palais de Mari. Syria, t. XX₂, Paris, 1939, стр. 102, 107.

384. Thureau-Dangin F. Tablette de Samarra. Rev. d'Assyriologie, t. IX, 1912, стр. 1 сл. Contenau G. 292, стр. 77, 78 и 84.

385. Ungnad Arthur. 382, стр. 106, 135—151.
Falkenstein A. (рец. на книгу Ungnad'a), Orient. Literat. Zeitung, 1938, № 12, стр. 243—246, возражая против тезы о монолитности и автохтонности субаров, приводит дополнительные данные о древнейших следах населения с хурритскими именами.
Meyer Rudolf. Die älteste Erwähnung des hurrischen Wettergottes Tešup. Arch. f. Orientforsch. XII₃, 1939, стр. 366—371.

Forrer E. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique. *Journ. As.*, t. CCXVII, Paris, 1930, стр. 236—238.

386. Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка. *Вестн. Древн. Ист.*, 1940, № 2, Москва, стр. 30.

387. Moorgat A. Die bildende Kunst des Alten Orients und die Bergvölker, Berlin, 1932.

388. Götze Albr. Hethiter, Churriten und Assyrier. Hauptlinien der vorderasiatischen Kultur-entwicklung im II Jahrtausend, Oslo, 1936.

389. Speiser E. A. Ethnic movements in the Near East in the second millennium B. C. *Annual of the Amer. Schools of Oriental Research*, vol. XIII, 1933, стр. 46—53. Contenau G. 292, стр. 121 сл.
Вообще проблема этнического происхождения гиксов решается в различных направлениях. René Dussaud, *Quelques précisions, touchant les Hyksos. Revue de l'histoire des religions*, t. CIX, 1934, стр. 113 сл., признавая связи гиксов с митанийцами и хеттами, защищает старую гипотезу, подобно Montet P. (*Les nouvelles fouilles de Tanis 1929—32*, Paris, 1933) о семитическом их происхождении. Однако Wolf W., указавший в своем цениом обзоре (*Der Stand der Hyksosfrage. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.*, NF, Bd. 8, 1929, стр. 67—79) на несомненный семитический элемент в составе гиксов, склоняется более к мнению Ed. Meyer'a (*Das Hethiter-Reich*) о родстве основного их ядра с харийцами-хурритами, но в предполагаемом ими арийском их слое. Чисто арийскую гипотезу защищает N. D. Mironow (*Aryan vestiges in the Near East of 2 millennium B. C. The Hyksos. Acta Orientalia*, t. 11, 1933, стр. 150—170). Более всего способен в настоящее время пролить свет материал из Рас Шамры, обнаруживший, согласно F. A. Schaeffer'y, тесную связь экспансии гиксов с историей хурритов в северной Сирии (*Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Neuvième campagne 1937, Syria*, XIX, Paris, 1938, стр. 251 сл.).

390. Schäfer H. Armenisches Holz in ägyptischen Wagen, *Sitzungsber. Preuss. Ak. Wiss., ph. hist. Kl.*, Berlin, 1931, стр. 430—438. Сравни также Dittmann K. H. в „Germania“ Bd. XVIII, 1934, стр. 249—252 по рец. в *Am. Journ. of Arch.*, 1939, стр. 314.

391. Götze Albr. 388, стр. 103.

392. Speiser E. A. 389, стр. 49, 50, примеч. 119.

393. Contenau G. 292, стр. 82, 83.
Speiser E. A. 389, стр. 24, 25.
Brandenstein C. G. (v) (*Zum Churrischen Lexikon. Zeitschr. f. Ass.*, NF, Bd. 12, Berlin, 1940, стр. 83—84) указывает однако на отсутствие в данный момент языковых свидетельств хурритского этнического слоя (если не считать позднего урартского языка) и в северной горной полосе, где, по его мнению, находилась однако родина хурритов и где следует искать корни их языка. Сравни A. Götze, 388, стр. 105, 106.

394. Speiser E. A. Excavations at Tepe Gawra, vol. I, Philadelphia, 1935, стр. 183 (хронологическая таблица) и 160, 161.
Его же, 389, стр. 28, примеч. 61.

395. Frankfort H. 291, t. II, London, 1927, стр. 167.
Speiser E. A. 389, стр. 47, 49.
Goldman Hetty. A note on two painted sherds from Tarsus with representations of birds. *Bull. of the Am. Sch. of Or. Res.*, № 76, Dec., 1939, стр. 2—5.

396. Ungnad A. 382, стр. 1—196.

397. Speiser E. A. Mesopotamian Origins. The basic population of the Near East, Philadelphia, 1930, стр. 1—175.

398. Friedrich Johannes. Ras Shamra. Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Gezelschap. Ex Oriente Lux, № 5, Leiden, 1937—1938, стр. 341, 342.

Schaeffer C. F. A. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Dixième et onzième campagnes 1938—1939. *Syria*, XX4, Paris, 1939, стр. 292.
Его же, *Syria*, XIX, стр. 255.
Evans Arthur. The chronological place of the vaulted tombs at Knossos, in relation to those of Ras Shamra, *Man, Des.*, 1937, № 221 (краткий отклик на письмо Schaeffer'a о минойской колонизации Северной Сирии, ПММ).
399. Schmidt Hubert. The archeological excavations in Anau and old Merv. R. Pumelly Explorations in Turkestan, v. I, Washington, 1908, стр. 177—186.
400. Tomashek. *Caspiae. Pauly-Wissowa Real-Enc.*, Bd. III, Stuttgart, 1899, стр. 6534.
401. Gelb Ignace. Inscriptions from Alishar and vicinity, Chicago, Orient. Inst. Publ., v. XXVII, 1935, стр. 20, прим. 4.
402. Forrer E. Ausbeute aus den Boghazkoi-Inschriften, *Mitteil. d. Deutschen Orient-Gesellschaft*, № 61, Berlin, 1921, стр. 26.
Его же, Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique. *Journal Asiatique*, t. CCXVII, Paris, 1930, стр. 230.
403. Bleichsteiner Robert. Zum Protochattischen, *Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient*, Bd. III, Wien, 1923, стр. 104, 105.
Mészáros Julius (v). Die pákhy-Sprache, Chicago, 1934, стр. 32 (ча-шоа в значении громового удара, а также бога у убыхов).
* * * Из кабардинских сказаний о нартах, I, Соцрыко. Сборн. свед. о Кавк. горцах, вып. V, Тифлис, 1871 г. отд. II, стр. 53, прим. 4.
Шанаев Джантемир. Осетинские народные сказания, там же, вып. III, Тифлис, 1870, отд. II, стр. 39, 40.
Миллер Вс. Осетинские этюды, часть 2, Москва, 1883, стр. 259.
404. Hüsing G. Der Zagros und seine Völker. *Der Alte Orient*, Bd. IX, Leipzig, 1908, стр. 25.
Его же, Die Elamische Sprachforschung. *Memnon*, IV, 1910, стр. 22 сл.
Его же, „Kaspisches, V“. *Orient. Liter.-Zeitung*, Leipzig, 1918, стр. 43, а также, 1917, стр. 106, 178, 205.
405. Mapp H. Я. Грамматика древне-литературного грузинского языка, Ленинград, 1925, стр. 35, 36, 123 и 124.
Кипшидзе И. 310, стр. 025.
406. Hrozny Bedrich. Sur les peuples Caspiens. *Archiv Orientalni*, Bd. XI—XII, Prag, 1940, стр. 208.
407. Bleichsteiner Robert. Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache. *Anthropos* XXIII—XXIV, 1928, стр. 172.
Дирр А. М. Цахурский язык. Сборн. Мат. для описания местн. и плем. Кавказа, вып. XLIII, Тифлис, 1913, стр. 13, 14.
408. Forrer Emil. Die Inschriften und Sprachen des Hetti-Reiches. *Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.*, NF, Bd. I, 1922, стр. 232.
Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I, Leipzig, 1916, стр. 43.
Eisler Robert. Das Qaïnszeichen und die Qeniter, *Le Monde Oriental*, vol. XXIII, Uppsala, 1929, стр. 78, примеч. 3.
409. Śmieszek Antoni. O nazwie chettytów i kilku innych nazwach jei pokrewnych. *Rocznik Orientalistyczny*, t. II, Lwow, 1925, стр. 157, 158.
410. Шанидзе А. Г. 306, стр. 365—369.
Мещанинов И. И. Язык Ванской клинописи, II, Структура речи, Ленингр. 1935, стр. 187, 188 (урартская параллель этого суффикса местопроисхождения).
411. Poebel A. Grundzüge der Sumerischen Grammatik, Rostock, 1923, стр. 213—255.
412. Bork Ferd. Das Sumerische—eine Kaukasische Sprache. *Orient. Lit.-Zeitung*, 1924, стр. 169 сл.
413. Forrer Emil. 208, стр. 231—234.

414. Bork F. Weitere Beiträge zur Genealogie des Sumerischen, Arch. f. Orientforsch., XI₅₋₆, 1938, стр. 369—372. (Вопрос о соответствии шумерского числительного четыре числительному три в митанийском и других кавказских языках, в связи с переменой в системе счета у шумеров).

415. Bork F. 412.

416. Poebel Arno. 411, стр. 17, 18, § 37.

Autran C. Sumérien et Indo-Européen. L'aspect morphologique de la question, Paris, 1925, стр. 47.

417. Bork F. Skizze des Lükischen, Leipzig, 1926, § 1—35, 62 и 80 цит. по его же, Die Sprache von Alasija, Leipzig, 1930, стр. 11, 20, 29.

418. Bork F. Der Mitanibrief und seine Sprache. Altkaukasische Studien, I (литограф. изд.), Königsberg, 1939, стр. 110.

Bork F. Die Sprache von Alasija. Mitt. d. Altorient. Gesellsch., Bd. V₁, Leipzig, 1930, стр. 10.

419. Trubetzkoy N. Les consonnes latérales des langues caucasiennes septentrionales. Bull. de la Soc. Linguistique de Paris, Bd. 23, стр. 184 сл.

420. Hüsing G. Die Sprache Elams, Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur, 1910, Breslau, стр. 10.

Его же, Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I, Leipzig, 1916, стр. 91, 92.

421. Bork. Ferd. 418¹, стр. IV.

422. Forrer Emil. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., NF, Bd. I, 1922, стр. 229.

423. Smieszek Antoni. Bezdrożne I w języku elamskim i proto-chettyckim. Rocznik Orientalistyczny, t. II, Lwow, 1925, стр. 146, 147 и 149.

Speizer E. A. 397, стр. 166.

424. Gelb Ignace. 401, стр. 13 и 27.

Speiser Ephraim. 397, стр. 166.

425. Казанский Б. В. К истолкованию лидийских надписей, Изв. Ак. Наук, 1935, № 3, стр. 295, 296.

426. Ditt A. M. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen, Leipzig, 1928, стр. 358—361 (числовые обозначения в кавказских языках), сравни схему F. Bork'a, 414, стр. 369.

427. Bork F. Strichinschriften von Susa, Königsberg, 1924, цит. по Ушакову П. Н., 309, стр. 106, прим. 5.

428. Bork F. 418¹, стр. VI, 108, 109 и 110.

Его же, Studien zum Mitanni. Arch. f. Orientforsch., Bd. VIII, Berlin, 1933, стр. 314.

Oppenheim Leo. Studien zu den nichtsemitischen Nuzi-Namen. Arch. f. Orientf., Bd. XII, Berlin, 1937, стр. 37, 38.

429. Poebel Arno. 411, стр. 30, § 83.

Autran C. 416, стр. 111, прим. 2.

430. Forrer Emil. 422, стр. 234.

Gelb Ignace. 401, стр. 13 и 51.

431. Bopp Fr. Über das Georgische in sprachverwandschaftlicher Beziehung (Gelesen in der Ak. der Wiss. am 11 Dec, 1842). Abh. d. Berl. Ak. Philos.-Hist. Kl., 1846, Berlin, 1848, стр. 275 („адъюнктивное восприятие“ генетива в грузинском).

432. Finek F. N. Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1910, стр. 141.

433. Bork Ferdinand. 418², стр. 18.

434. Hüsing G. Zur elamischen Genetivkonstruktion. Orient. Liter.-Zeitung, 1905, стр. 549 сл.

Его же, Zur Struktur des Elamischen, там же, 1905, стр. 50 сл.

Bork F. Elam. Ebert, Real-Lexik. Vorg., Bd. III, Berl., 1924, стр. 75.

Bleichsteiner Robert. 407, стр. 169.

435. Messerschmidt L. Mitanni-Studien. Mitt. d. Vorderas. Gesellsch., Bd. IV₄, Leipzig, 1899, стр. 3 сл.

436. Bork Ferd. 418¹, стр. 111.

Friedrich Johannes. Kleine Beiträge zur churrithischen Grammatik, Mitt. d. Vorderasiatisch-Aegypt. Gesellsch., Bd. 42, Leipzig, 1939, стр. 3.

437. Мещанинов И. И. 410, стр. 188, 189, 325 и 326.

438. Paebel A. 411, стр. 60.

Bork F. 412.

439. Hüsing G. Völkerschichten in Iran. Mitt. d. Anthropol. Gesellsch., Wien, Bd. XLVI, 1916, стр. 220 сл.

Bleichsteiner R. Überblick über kaukasische Völker und Sprachen. Berichte des Forsch. Inst. f. Osten und Orient, Wien, 1918, стр. 67.

Vallois H. V. Notes sur les têtes osseuses. Contenau G. Fouilles du Tepe Giyan, Paris, 1935 (Musée du Louvre, Série Arch., vol. III) стр. 131. В противоположность Hüsing'у и др., автор правильно рассматривает темноцветный расовый элемент в современном населении Сузаны не как негроидный, а веддоидный.

440. Bork F. 434, стр. 82, 83.

441. Brown Georg W. The Possibility of a Connection between Mitanni and the Dravidian Languages. Journ. of the Am. Or. Soc., New Haven, 1930, стр. 273—305.

Bork F. 418¹, стр. 108—114.

442. Luschan Felix. The early Inhabitants of Western Asia. Journ. of R. Anthropol. Inst. of Gr. Br. and Ir., t. XII, London, 1911, стр. 221 сл.

443. Keith Arthur. Report on human remains. Ur excavations, vol I (Hall, H. R. and Woolley, C. L. Al'Ubaid) Oxford, 1927, стр. 214 сл. и vol. II (Woolley, C. L., 320) стр. 400—409. Buxton L. H. D. (Report on human remains) Langdon St. Excavations at Kish, vol. I, Paris, 1924, стр. 115 сл.

Buxton L. H. D. and Rice D. Th. Report on the Human Remains found at Kish. Journ. of R. Anbr. Inst. of Gr. Br. and Ir., vol. LXI, London, 1931, стр. 57 сл.

Kappers Ariëns C. U. and Parr Leland W. An Introduction to the anthropology of the Near East in ancient and recent times, Amsterdam, 1934, стр. 107—112.

444. Erich Robert W. Preliminary notes on Tarsus crania. Am. Journ. of Arch., vol. XLIV, 1940, стр. 87—92.

Angel J. L. The Babaköy Skeleton, Arch. f. Orientf., Bd. XIII₄₋₅, Berlin, 1939, стр. 28—31.

445. Krogman Wilton M. Cranial types from Alishar Hüyük and their relations to other racial types, ancient and modern Europe and Western Asia. Osten (von der), Hans Henning, The Alishar Hüyük, seasons 1930—1932, Or. Inst. Publ., vol. XXX, Chicago, 1937, стр. 213—293. Сравни также Krogman W. M. и Schmidt E. F. The Alishar Hüyük, seasons 1928—1929, part II, там же, том, XX, 1933, стр. 122 сл.

Schmidt E. F. 177, стр. 53.

446. Krogman Wilton M. Racial types represented at Tepe Hissar, Iran, from the mid-fourth to the mid-second millennium, B. C., 1939 (рукопись). Частично издана в выдержках у Henri Field'a, 455, стр. 258—262.

447. Бунак В. В. Crania armenica. Тр. Антропол. Научн. Иссл. Института при И. М. Г. У, вып. II, Москва, 1927, стр. 173, 178, 179, 187, 199, 200, 203, 221 сл.

448. Keith S. A. The bronze age invasion of Britain. Journ. of R. Anthropol. Inst. of Gr. Br. and Ir., vol. XIV, 1915, стр. 21.

449. Peake Harold. Racial elements concerned in the first siege of Troy. Journ. of R. Anthropol. Inst. of Gr. Br. and Ir., vol. XV, 1916, стр. 57, 161 и 162.

450. Осборн Генри. Человек древнего каменного века, Ленинград, 1924, стр. 372—374.

451. Virchow Rud. Alttrojanische Gräber und Schädel. Abh. d. Pr. Akad. d. Wissensch., Berlin, 1882, стр. 24, 27, табл. I.

Его же, (Alfred Körtес Funde aus dem nordwestlichen Phrygien bei Bos Öyük). Zeitsch. f. Ethn., Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. 123—126.

452. Smith Elliot P. *The ancient egyptians*, London, 1923, стр. 122.

453. Quatrefages et Hamy. *Crania ethnica*, Paris, 1884, цит. по Peake Harold, 449, стр. 160.

454. Hooton Ernest A. *Apes, men and morons*, New York, 1937, стр. 171, 172, цит. по Field H. 455, стр. 486.
Бунак В. В. 447, стр. 219.

455. Field Henri. *Contributions to the anthropology of Iran*, Chicago, 1939, стр. 507 и 534.

456. Keith S. Arthur. 443 (Woolley, C. L., 320), стр. 408.

457. Bork F. 418¹, стр. 110.

458. Bleichsteiner Robert. 439², стр. 74.

459. Brown Georg W. 441, стр. 297.
Bork F. 418¹, стр. 113.

460. Руденко Б. Т. *Грамматика грузинского языка*, М. А., 1940, стр. 49, прим. 1.
Dirr A. M. 426, стр. 59, 60.

461. Hüsing G. *Behandlung des Cachurischen*, Memnon, Bd. IV, 1910, стр. 35.
Bork F. 434³, стр. 75.

462. Дирр А. М. 407², стр. III. Сравни, однако, его же, 426, стр. 354, 355 (адъюнктивное восприятие генетива).

463. Speiser E. A. *Studies in Hurrian Grammar*, Journ. of Am. Or. Soc., vol. 59, № 3, New Haven, 1939, стр. 301, 302.

464. Schieffner A. *Versuch über die Thusch-Sprache oder die khistische Mundart in Thuschetien*. Mémoires de l'Acad. des Sciences de St. Pet., VI série, t. IX, St. Pet., 1856, стр. 68.

465. Bugge Sophus. *Lykische Studien*, t. II Christiania, 1901, стр. 8 и 81.
Meriggi Piero. *Der Indogermanismus des Lykischen*. Festschrift für Herman Hirt, Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 260, 262.

466. Smieszek Antoni 408, стр. 159.

467. Friedrich Johannes. 436², стр. 3 и 48.

468. Bugge Sophus. 465, II, Christiania, 1901, стр. 94. Однако в первой части того же труда (Christiania 1897, стр. 77), автор приводит созвучное аварское *thlādi* „жена“ и кабард. *thly* „муж“, отрицая все же реальность этих соответствий с кавказскими языками.

469. Марр Н. Я. *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, Петербург, 1922, стр. 39.

470. Hüsing G. 439, стр. 220 сл.
Oštir K. 303³, предлагает совсем иную этимологию ликийского *trmili*, рассматривая *t* в качестве префикса количественности от ед. * *rmili*, откуда название ликийцев *Milyas* (из * *rmilyas*).

471. Kretschmer P. *Die protoindogermanische Schicht*, Glotta, Bd. XIV, 1925, стр. 319, прим. 1.
Eisler Robert. *Die „Seevölker“ Name in den altorientalischen Quellen*, Caucasica, fasc. 5, Leipzig, 1928, стр. 80 и 113, прим. 82.

472. Speiser Ephraim. 397, стр. 9.

473. Hüsing G. 420², стр. 1—2 и 10—14.
Herzfeld E. *Archeologische Mitteilungen aus Iran*, Bd. II, 1930, стр. 132—203.
Его же, *Deutsche Forsch.*, V, 1928, стр. 225—284.

474. Luschan Felix. *Zur alten Bevölkerung Kretas*, Zeitschr. f. Ethnol., Bd. XLV, Berlin, 1913, стр. 320 сл.
Его же, 444.

475. Ушаков П. Н. *Древнейшее население М. Азии, Кавказа и Эгейды*. Вестн. Др. Ист., 1939, № 4, стр. 54, 55.

476. Eisler Robert. 471², стр. 91.

477. Herzfeld Ernest. *Archeological History of Iran*, London, 1935, стр. 2.
Bork Ferd. *Elamische Studien*. Mitt. der Altorient. Gesellsch., Bd. VII₃, Leipzig, 1933, стр. 8.

478. Brandenstein W. *Die Sprachgeschichten im Bereich der Ägäis*. Festschrift für Hermann Hirt, Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 30.
Его же, *Die Erforschung der Ortsnamen in Alt-Kleinasiens*. Zeitschr. f. Ortsnamenforschung, Bd. XI, 1936, стр. 68, цит. по Forrer'у.
Forrer Emil. 324, стр. 196, 197, 189 и 190 (поprotoхеттски источник, вероятно, -ur).

479. Autran C. 416, стр. 78, прим. 3. Вспомним также, что в древней Греции это название применялось как для обозначения гор, богатых источниками, напр. *Agene* в Пелопонесе (соответственно горам *Arinanda* в Ардраве), так и городов, как например, гомеровский (II, 507; VII₉) город *Arene*, который согласно Страбону (I 18) был поглощен озером.

480. Forrer E. 324, стр. 191, 192. Его же, 402¹, стр. 27 и 422, стр. 218 сл. Сравни Götze A. 311, стр. 53, 54.
Gelb Ignace J. 401, стр. 15.
Brandenstein W. 478¹, стр. 30—31, 35—37, считает только окончания на -ass- аувийскими (при чем суффикс -s выводит из protoхеттского -š), а окончания *anda(a)* приписывает всецело protoхеттам; в засвидетельствованном же киппадокийскими надписями -at, напротив, видит ассирийскую переделку древней формы (сравни город *Bušahanda* похода Саргона Аккадского и *Burušhad(um)* киппадокийских табличек, Gelb I. 401, стр. 5—6).

481. Джавахишвили И. А. *Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшой эпохи*. Вестн. Др. Ист., 1939, № 4, стр. 47.

482. Pfeiffer Robert H. *The excavations at Van in 1939*, Bull. of Am. Sch. of Or. Research № 78, 1940, стр. 31, 32.

483. Bittel Kurt. *Beiträge zur kleinasiatischen Archäologie. I Die prähistorische Siedlung bei Ahlatlibel*. Arch. für Orientforsch., Bd. XI_{1—2}, Berlin, 1936, стр. 41—46, рис. 5, 6. Его же, 67, стр. 11, 12, 35, 36, 112.

484. Christian Viktor. *Altägyptische Kultur des Zweistromlandes*, Bd. I, Leipzig, 1940, стр. 91, 94, 95.

485. Jenny W. A. *Schamiramalti*. Wien. Preh. Zeitschr., Bd. XIX, 1928, стр. 287 сл.

486. Oppenheim (v) F. 162, стр. 178.

487. Mallowan M. E. and Cruikshank Rose. *Prehistoric Assyria, the excavations at Tall Arpachiyah*, London, 1935. Их же, *Excavations at Tall Arpachiyah in Assyria*. Iraq, vol. II, 1935, стр. 1—178, стр. 25—34 (синхроничная таблица и круглопланые дома). Их же, *The Excavations of Tall Chagar Bazar, Iraq*, III, 1936, стр. 10 сл.
Herzfeld Ernst. *Die Vorgeschichtliche Töpfereien von Samarra*. Forsch. zur Islamisch. Kunst, II, Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. V, Berlin, 1930.
Speiser E. A. *The Beginnings of Civilization in Mesopotamia*. Suppl. to the Journ. of the Am. Or. Soc., 1939, № 4, Philadelphia, 1940. Его же, *Closing the Gap at Tepe Gawra*. Asia, vol. XXXVIII, 1938, стр. 536—543. Его же, *Progress of the joint expedition to Mesopotamia*. Bull. of the Am. School. of Or. Research, 1938, № 69, стр. 5—7.
Tobler A. J. *Progress of the joint expedition to Mesopotamia*. Bull. of the Am. School. of Or. Research, 1938, № 71, стр. 22, 23. Его же, *Arch. f. Orientforsch.* Bd. XII₆, Berlin, 1939, стр. 401—404.
Woolley Leonard C. *The prehistoric pottery of Carchemish, Iraq*, vol. I, 1934, стр. 146—162.
Christian Viktor. 484, стр. 91—169.

488. Moorgat A. *Bildwerk und Volkstum Vorderasiens zur Hethiterzeit*, Leipzig, 1934, стр. 2.
Müller Valentin. *Types of Mesopotamian House* (Stud. in orient. arch. III), Journ. of Am. Or. Soc., vol. 60₂, стр. 151—180.

489. Brown Theodore Burton. Anatolian relations with the Aegean before 2400 B. C., Annals of Archaeology and Anthropology, vol. XX, Liverpool, 1933, str. 43, 44 сл. Przeworski Stef. 280, str. 390—395.

490. Марр Н. Я. Нарцательное значение термина „дера“ в „митанских“ женских именах. Изв. Рес. Ак. Наук, 1920, str. 121—127.

Bleichsteiner R. 303, str. 1—18. (Есть русский перевод: Блейхстейнер Р. Субары Древнего Востока в свете изучения яфетидов. Сборн. Язык и История I, Ленинград, 1936, str. 182—202). Сравни также Bork F. 418¹, str. 16, 17.

491. Марр Н. Я. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкоznания. Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., т. XXII_{1—2}, СПБ, 1914, str. 31—106.

Bleichsteiner Robert. Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache. Anthropos, Bd. XXIII_{1—2}, Wien, 1928, str. 167 сл.

492. Bork Ferd. Studien zum Mitanni. Arch. f. Orientforsch., Bd. VIII, Berlin, 1933, str. 308—314. Его же, Mitannisprache. Mitt. d. Vorderas.-Aeg. Gesellsch., Bd. 14, Leipzig, 1909, str. 78—82. Его же, 418¹, str. I—III и str. 52, 112—115 (моменты отклонения друг от друга эламского и митанийского).

493. Марр Н. Я. 491, str. 48—50.

494. Friedrich Johannes. 436², str. 2—6.

Джанашиа С. Н. Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока (на груз. языке с русск. резюме). Изв. Инст. Яз. Ист. и Мат. Культ. имени Н. Я. Марра, т. V—VI, Тбилиси, 1940, str. 693 (тождественность суффикса множественного числа в харрийско-митанийском и в грузинском языках).

495. Smieszek Antoni. 408, str. 154.

496. Bleichsteiner R. Kaukasische Sprachen. Ebert. Reallex. d. Vorgesch., Bd. VI, 1926, str. 262. Его же, 403¹, str. 102—104 (префикс мн. ч. le- в сванских названиях родства и префиксирование в черкесско-абхазских языках). Сравни Джанашиа С. Н., 494² о возможности семантического соответствия сванского la- грузинскому префиксу ə-||o-. Ditt A. M. 426, str. 128—130, 85—89 (словообразовательные префиксы). Mészáros Julius (v.). 403², str. 27, 28 сл.

497. Bleichsteiner Robert. 303, str. 15—18 (русск. перевод str. 197—202).

498. Gelb Ignace. 401, str. 16.

Gustav Arnold. Mitanni-Namen in altassyrischen Texten aus Kappadokien. Arch. f. Orientforsch., Bd. XI₂, Berlin, 1936, str. 146—150 (указывается на значительно больший процент митанийских имен в ассирийских документах Каппадокии, чем это кажется с первого взгляда).

499. Bork Ferd. 418, str. 6.

Winkler H. Kaukasische Sprachen. Zeitschr. für die Kunst- u. Kulturgesch. d. Alt-Orient („Memnon“) Bd. VII, 1915, str. 57. сл.

500. Deeters G. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten v. d. Gesellsch. d. Wissenschaften zu Göttingen, Ph.-Hist. Cl., 1931, Bd. 2, str. 301.

501. Церетели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии, Тбилиси, 1939, str. 15—18.

502. Чикобава Арнольд. Грамматический анализ чанского диалекта (на груз. яз. с русск. резюме), Тифлис, 1936, str. 221.

503. Friedrich Johannes. 436², str. 7—9.

504. Мещанинов И. И. 410, Язык Ванской клинописи II, Структура речи, Ленинград, 1905, str. 139, 140, 143—145, 293, 294.

505. Friedrich Johannes. Beiträge zu Grammatik und Lexikon des chaldischen, Caucasia, fasc. 7, Leipzig, 1931, str. 57, прим. 2. Его же, 436², str. 42—44.

506. Goetze Albrecht. „To come“ and „to go“ in Hurrian. Language, Journ. of the Linguist. Soc. of America, vol. 15, № 4, 1939, str. 220.

507. Speiser E. A. 382, str. 308 и 319.

508. Goetze Albrecht. The Hurrian verbal system. Language, vol. 16, № 2, 1940, str. 125, 140.

509. Джанашиа С. Н. 494², str. 633—692.

510. Джавахишвили И. А. История грузинского народа (на груз. яз.) том I², Тбилиси, 1913, гл. I и V.

511. Джанашиа С. Н. 308, str. 234, 244.

512. Eisler Robert. Das Qainszeichen und die Qeniter. Le Monde Oriental, vol. XXIII, Uppsala, 1930, str. 59—62.

513. Стешенко-Куфтина В. К. Древнейшие инструментальные основы грузинской народной музыки, I Флейта Пана, Тбилиси, 1936, str. 78 (связь терминов „элегия“ и „флейта“).

514. Autran C. 416², str. 45.

515. Speiser E. A. 397, str. 39.

516. Джанашиа С. Н. 308, str. 208—220, 242, 243. Его же, 494², str. 693, 694.

517. Hrozny Bedrich. Narām-sin et ses ennemis d'après un texte hittite. Archiv Orientálni, vol I, Prague, 1929, str. 75.

Meyer Eduard. Geschichte des Altertums, Bd. I₂, Stuttgart—Berlin, 1926, str. 526.

518. Gelb Ignace. 401, str. 5.

519. Gelb I. 401, str. 11.

520. Dhorme E. Les peuples issus de Japhet d'après le chapitre X de la Genèse. Syria, t. XIII, Paris, 1932, str. 37, 38.

521. Hüsing G. 439, str. 220 сл.

522. Hüsing G. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. Mitt. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien, Bd. LX, 1930, str. 258.

523. Vullers A. I. Lexicon persico-latinum, t. I, Bonnae ad Rhenum, 1855, str. 476.

524. Eisler Robert. 512, str. 97 и 102, прим. 1.

525. Tallquist Knut. Akkadische Götterepitheta, Helsinki, 1938, str. 512.

526. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, том III, СПБ, 1903, str. 1121 и 1045.

527. Hrozny Bedrich. Sur les peuples Caspiens. Archiv Orientálni, vol. XI_{2/3}, 1940, str. 206.

528. Götze Albrecht. 292², str. 49.

529. Forrer Emil. 422, str. 241.

530. Forrer Emil. Die acht Sprachen der Bogazkōi-Inschriften. Sitzungsberichte d. Preuss. Ak. d. Wiss., Bd. LIII, 1919, str. 1037.

531. Eisler Robert. 471², str. 91.

532. Friedrich Johannes. 436², str. 60.

Ungnad Arthur. 382¹, str. 165 (сопоставляет хурри-угаритское pala с аккадским pal-gu).

533. Джавахишвили И. А. 315¹, str. 41, 43—47.

Джанашиа С. Н. 315², str. 623—623.

534. Джавахишвили И. А. 315², str. 251—257, 415—424, 569—581, 611—621.

535. Bleichsteiner Robert. 439², str. 70, 71.

536. Hüsing G. 439.

Hrozny Bedrich. 527, str. 208.

Гроэнный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка. Вестник Древней Истории, Москва, 1940, № 2, str. 18.

537. Bleichsteiner Robert. Kaukasische Forschungen I, Wien, 1919, str. XIII сл.

Шор Р. К вопросу о консонантизме яфетических языков Южного Кавказа. Учен. зап. Инст. этн. и нац. культур народов Востока, I, Москва, 1930, str. 195.

538. Meillet A. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, Vienne, 1903.
Его же, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (перев. с 7-го изд.) М—Л, 1938, стр. 109.
Autran C. 416², стр. 47 (указание что данная особенность произношения звонких второго ряда присуща даже греческим и турецким диалектам Каппадокии, а также и некоторым иранским).
539. Амиранашвили А. И. Новая находка в низовьях Ингура, Тифлис, 1935, 61—63, рис. 32.
540. Отчет Археолог. Комиссии 1890. Покупки и случайные находки (Кутаисская губ.), СПБ, 1893, стр. 120, рис. 77, 78.
Иессен А. А. 22², стр. 126.
541. Ivaščenko М. М. 72, стр. 108, рис. 27.
542. Указанные бусы хранятся в Гос. Музее Армении, где я и имел возможность с ними ознакомиться.
543. Pottier Edmond. *L'art hittite*, 1-re fasc., Paris, 1926, напр. рис. 25, 79 и под.
544. Уварова П. С. 83³, стр. 109, 110.
545. Schmidt Hubert. 66², стр. 691, прим. 2.
546. Erckert R. *Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. II Theil*, Wien, 1895.

1. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

Абхазская экспедиция 32.
Агат 100.
Ааданарири 4, 52.
Адыгейские племена 131.
Ажурные головки кинжалов 68, 96.
Азиатические народы 126.
Акрополь (Афинский) 61.
Аладжа Эйюк 87, 94, 96, 102.
Алишар Эйюк 7, 43, 48, 87, 111, 118, 119, 126, 127.
Алтайцы 131.
Альпийская раса 126, 127.
Аммонофис 130.
Аму-Дарынский клад 30 (рис.) 32, 37, 39, 41.
Амулеты фаллические 27.
Амфоры греческие 32, 34.
Анау (курган) 125, 179.
Ангоб, ангобирование 8, 78 84, 85, 97, 100.
Андрюковская станица (курган) 99.
Аорист 130.
Апокрифическое хождение ап. Андрея 91.
Аппликация 92.
Арамейская надпись 97, 132.
Аргонавтика 130.
Аристократия родовая 92.
Армавир-Блур 106, 108.
Армази Картли 130.
Арменоидный тип 126.
Армянское Этнографическое Общество 26.
Арпачиа (жилой холм) 129.
Артаксеркс III 36.
Арчадзор (группа курганов) 59, 70, 88.
Археолит 121.
Аскос глиняный 33.
Ассирия 71, 127.
Ассирийская буса 4.
Ассирийское искусство 8.
Ассирийские свидетельства 131, 132.
Ассириоидный тип 126.
Ассур 61, 62.
Ассурназирпал II и III 62, 71.
Астрабадский клад 11.
Астральные знаки 180.
Астрологические представления 100.
Атие 89.
Атланто-медiterrаный тип 126.
Ахалгорийский клад 33, 35, 36, 39, 132, 180.
Ахлатлибель (жилой холм) 129.
Базилевс 92.
Бала, балайский яз. 132.
Бараны головки, фигурки 53, 68, 77, 179.
Баубийский яз. 127.
Беотийские фибулы 35.
Береза 124.
Бешташенское городище (крепость) 49, 108, 115.
Библия 131.
Бисер пасторский голубой 110.
Битумное блюдо 53.
Битумные капсулы для глаз 94.
Блюда глиняные без поддонья 66, с поддоньем 49.
Бляхи золотые 39, 99, бронзовые прорезные со зверем 25, 26, 27, 29, 33.
Богазкий архив 72.
Божество плодородия 90, 92; „Хозяин зверей“ 89.
Бокалы глиняные на ножках 111.
Борчалинский могильник 3.
Брагуи 126, 127.
Браслеты бронзовые:
 с выгибом 31, 33,
 из двойного прута 56,
 со звериными головками 42, 63, 64;
 железные 8;
 электронные с выгибом 36.
Брахидефальный тип 126, 127.
Бревна дубовые 81.
Бревенчатый накат 81.
Бронза ранняя 12, 101 сл., 132.
Бронзовые слитки 53.
„Буйвол“ 61.
Булава бронзовая 68, 74, 96; гематитовая 101, 104.
Булавки с золотыми головками 83, 93; золотая двухвальютная 81; с цветными каменьями 22, 24.
Бронзовые молоточковидные 14, 104; с петлевидно-вязанной головкой 14, 16; с ромбическим щелевидным отверстием 5; секировидная 74; без отверстия 8; пирамидальные 65, 67.

„Булавки“ с массивными головками 47, 48, 49, 51.
Бурдюк глиняный 33.
Буса Ададнари 52, 69; ассирийская 4.
Бусы агатовые 40; гищеровые 6, 27, 40; золотые 93, 99, 135; каменная белая 110; пастовые 8, 56; сердоликовые шаровидные тонко-полированые 42, 133, 134 (рис.); резные в форме маковой головки 40; простые округлые 8, 27, 40, 56, с белым лаковым орнаментом 25; стекловидные опаковые шищечные 53; крученослоистые 27, глазчатые 6, лицевые 45, четчатые 25, пластинчато-квадратные 27, коралловидные 31, стеклянные прозрачные (синие, голубые) 6, 31, золотые и серебреные 31; сурьмяные 57; тальковые „домино“ 56, 57, 65, циннадрические мелкие 8; „Фаянсовые“ глазурованные 100; янтарные 42.
Бусы-подвески из зубов оленя 27.
Бутафория погребальная 98.
Бык 79, 81, 95.
Бюк Тене (курган I) 80, 81.

Вавилоно-хурритский эпос 89.
Ваза бронзовая 85.
Ванские раскопки 10, 129.
Ванское царство 127.
Ванская экспансия 4, 19.
Ведерко серебряное 87, 96.
Венгерская поздняя бронза 37, 53.
Вилланова культура 53, 187.
Вилы бронзовые 59, 60, 61, 96.
Височные завитки 46, 94, 95, 102, 134, 135.
Височные кольца бронзовые с змеевидной перетяжкой 5; серебряные 43, 46.
Взрывные глухие и звонкие звуки 125, 127.
Владыка леса 92.
Вождь 92.
Волк 91.
Воловья упряжь 79.
Волчьи хвосты 89, 90.
Волютный орнамент 92, 93.
Вооружение 40, 79, 100.
Воронежский арибал 36.
Втирание в глиняную поверхность красной краски 114, 116.
Вулканическая зона М. Кавказа 123.
Выемчато-выпуклый орнамент 84, 85, 116.
Выплавка железной руды 71.
Выпрямитель древок, кос 67.

Галька просверленная (подвеска) 52 (рис.), 76, 77 (рис.).
Гальштатская эпоха 37, 45, 53, 55, 183.
Ганджа-Карабахская культура 63, 68, 84.
Гармония гласных 125.
Гематит 101, 104.
Геммы сердоликовые 25, 27;

на сердоликовом перстне 22;
пастовая с изображением козла 28;
призматические греко-персидские 32; крито-минойские 179; луврская 180; из кургана в Анау 179; двускатно-верхние — кипрские 179; сине-стеклянные 31, 32.
Геометрический стиль 134.
Герака 31.
Герия 91.
Героический период 92, 100.
Гильгамеш 31, 89.
Гиры 96, 124, 186, 194.
Гелгская (чеченская) группа языков 127.
Гискар I, III 74, 111.
Гишер 6, 27.
Глагол: активная и пассивная конструкция 130; суффикс прошедшего несовершенного в грузинском, арвайдском, митаннском, урартском 127; аорист 130; префиксальное оформление в шумерском 125; грузинском, эламском 130.
Глаза в скульптуре 94.
Глазурь 25, 52, 54, 100.
Глиняный саркофаг 24, 191, 192.
Глиняная обмазка 113, 192.
Глухость звонких взрывных звуков 125, 127.
Гогарена 2, 29.
Гомеровская эпоха 71.
Гончарный круг 76, 98.
Горные народы 124, 126.
Горшки с грибовидной кнопкой у венчика 69.
Гофрировка (керамика) 84, 85.
„Граветт“ 122.
Гравировка кочалкой 16.
Гранатовое ожерелье 134.
Грануляция 93, 100.
Гребень бронзовый 52.
Греко-римский Египет 6, 27.
Греческая раса 126.
Грифон крылатый 35, 179; львоголовый 59.
Грузинский древний язык 128; „народный“ 125.
Грузинское общество грамотности 11.
Грузинские префиксы 91, 130, 200.
Грунтовые могилы 6, 49, 64, 65, 75.
Гуляй Город (курганы) 187.
Дагестанские языки 125.
„Двуушные“ ручки у глиняных сосудов 55.
Деве Эйюк 48.
Деление круга на 5, 7, 9 частей 100.
Деметра 39.
Демократическое общество 92.
Дерево жизни 89.
Деревянные части в курганах 79, 81, 83, 100.
δέπας ἀρφικόπελλον 111.

Деревянная основа скульптурных изделий 94.
Деревянная колесница 95, 97 (рис.).
Деформация черепов 21.
Джемдет Наср (эпоха) 10.
Долихоцефальный тип 192.
Долото медное 12, 13.

Дольмены 13, 15, 29, 132.
„Дольмены“ в Талыше 53.
Домашние животные 79.
Дравидский субстрат 126, 131.
Драгоценный погребальный инвентарь 34 сл., 40, 79, 83, 87, 92 сл., 132 сл., 135.

Драконовидный олень 28.
Древне-греческая колонизация Черного моря 72, 73.
Дромос 81, 83.
Дубовые бревна 81.
Дуб 95.
Дугообразная фибула 33.
Дужка ведерная 85, 94.
Дымоход 113.

Евро-африканский тип 126.
Европейская бронза 16, 67.
Египетская глазурь 53; мастерские 45; печать VI дин. 93; скарабей 53.
Египет греко-римский 6, 27.

Жатва 69.
„Жезл военачальника“ 67.
Железная металлургия 70—72.
Железная руда 71.
Железные браслеты 8; кинжалы 56, 67; мечи 56, 65; наконечники копий 42; ножи 8, 42.
„Железный бог“ 131.
Железо, 8, 55, 58, 67, 73, 131.
Женская ботинка 39.
Женский костюм 33.
Жертвеник трехногий 87.
Жилице 108, 109, 112.

Завитки височные: бронзовые 134, 135; золотые 94, 95, 134, 135; медные 15; серебряные 102; электроновые 102.
Заклинания на серебро 132.
Зал погребальный 100.
Замыкатели уст и глаз 39, 40 (рис.), 41.
Зандури 69.
Зверь хищный 35.
Звуковая система 127.
Земледелие 100.
Зенджерили (барельефы) 90, 133.
Зеркальце из бронзового сплава 27.
Зорнотерки каменные 106, 107, 119.
Зернь 85, 92, 93, 96, 133, 134, 135; имитация 23.
Змея 7, 74 (рис.), 133.
Знаки 85, 109.

Золотые булавки 81, 93; завитки 94, 95, 134, 135; изделия 28, 69, 74, 100, 133—135; кубки 79, 92, 98; обивки 79, 88 (рукояти египетского ножа) 83, 98; ожерелье 93, 94; накладки на рот и глаза покойнику 39, 40 (рис.); отделка ведерка 87, штандарта 79, 98; плакировка, 36, 99; перстень 24; чаша 97.

Зола 81, 106, 107, 108, 113.
Зольные холмища 107, 123.
Зубы человека (коронки) 81; олени (подвески) 27.

Иберия, Картаги 130.
Илиада 43, 199.
Инвентарь погребальный (ритуальная его порча) 66.
Ингумация 31, 81.
Индивидуальные погребения 73, 78.

Кабан 88.
„Кабир“ 132.
Кавказско-азиатические языки 126.
Казбегский клад 45, 46, 61, 132; серебряная чаша 37.
Казбегская тройная гробница 33.
Калакентское погребение № 56 Ивановского 69.
Калакентские пояса 4.
Календарный ход раскопки кургана 103 (чертеж).
Каменная утварь 106.
„Каменный дом“ (погребальный) 74.

Каменные ящики 5, 6, 8, 25, 41, 50, 56, 58, 85, 112, 116, 117, 118.

Канделябры урартские и этруссские 38, 41, 181.
Киппидакийские таблетки 130.
Капсийский инвентарь 119.
Карабудахский курган (№ 91) 70.
Кармир-Блур 133.
Картвельские языки 91, 129.
Картлис Мокдева 130.
Каспии 125.
Касситы 125.
„Касситский“ топор 18.
Кашки 125, 130, 132.
„Квеври“ 34.
Кегритика 30, 91.
Кедр 89.

Керамика бело-инкрустированная 66, 69, 84, 187; глазурованная 25, 52, 53; груболепленная с обсидиановой дресвой 38; красно-лощеная 54.
Расписная, передне-азиатская 19, 86, 129; кургана Костромской станицы 11; кизилванская 7—9; Мильской степи 9—10; из Нарекави 132; таза-кенская (Гая Хараба) 6, 7; триалетская кургана 19, 80 (рис.), 84, 85, 92, 93, 97, 98, 117, 131; энеолитическая 117.

Светлоглиняная 24, 25, 41—42, с красной обмазкой ахеменидско-эллинистич. эпохи 28, 41, энеолитической эпохи 113, 114, 116.

Темноглиняная 41, 42, 49, 57, 66, 67, острокруглодонная 31, с налепными жгутами 76, 77 (рис.), с тканевой прослойкой 107, с отпечатками рогожного плетения 115.

Чернолощеная с розовой и светло-буровой подкладкой 84, 85, 102, 111, 113, 116.

Керамические комплексы Триалети: сасанидской эпохи (отсутствие) 23, римской 23, 24; поздне-ахеменидской 31; мидо-персидской 49; ванской 55, 57, 58; поздне-бронзовой 66, 67; из погребений в каменных кругах 76; курганные средней бронзы 78, 84—87; древней бронзы 102—105; энеолитических поселений 114—117, погребений 117.

Керченские гробницы 27.
Кизил-Банкский могильник 3, 5, 7.

Кизилванский стиль (керамика) 3, 9.
 Кинеты 91.
 Кинжалы бронзовые с ажурной головкой 68; с плоским шипом 99; передне-азиатского типа 5, 174, с рамчатой рукоятью 61; Железные с бронзовой головкой 58.
 Кинжалные клинки, см. клинки.
 Кинокефал 91, 92.
 Кипрская бронза 17.
 Киркджаанский клад 60.
 Кирпич воздушный 107.
 Классовая структура общества 92.
 Клиники медные плоские 8, 12, 101; кинжалные бронзовые 72, 80, 95; пламевидного контура 68; серебряные 95.
 Кобанская бронза 16, 17, 29, 51, 52, 53, 54, 55, 62, 63, 68, 134, 135.
 „Кобанский топор“ 17, 51, 68.
 Ковка золотого кубка 98.
 Коза 79.
 Козел 87.
 Косуля 87.
 Колеи от колес 81.
 Колесница египетская 124, четырехколесная 79, 81, 95, 97, 98.
 Колесо глиняное (модель) 98.
 Коллективные гробницы 7, 8, 78, 96.
 Колокольчики бронзовые, ажурные шнуровые 27; треугольно-прорезные 27, 28 (рис.); с расщепленной 25, 33.
 „Колумбарий“ 54.
 Колхи 130, 132.
 Колхидско-кобанская бронза 16, 68.
 Колхидка (монета) 32.
 Кольца бронзовые портупейные 64.
 Кольцевой курган 76.
 Коневодство 41.
 Конический женский головной убор 39.
 Конная культура 79.
 Конное погребение 47.
 Копыта лошадиные (орнаментация удила) 61, 186.
 Копье бронзовое-втульчатое 5, 67, 83, 85, 96, 97; -стержневое 10, 11, 12, 14, 193; примитивное с плоским язычком 101.
 Космологические представления 100.
 Косоги 132.
 Кости, костяки (человека) 6, 81.
 Костромская станица (курган) 11.
 Костюм 24, 89, 92.
 Котлы медные кляпаные 53; кованые 83.
 Краниология 192, 193.
 Красная обмазка керамики 109.
 Красно-окрашенная расписная керамика 80.
 „Кратэры“ сферические 6.
 Кремадия 81, 83.
 Кремневый инвентарь 119, 122.
 Кремневые стрелы 16, 80, 100.
 Крепости 4; циклопические 18, 30, 108.
 Крест 85.
 Крито-микенский мир 41, 95, 99, 128.

Кратская продукция 124.
 Крот 90.
 Круг (деление на части) 100.
 Круги из камней 75.
 Кружки глиняные 53, 57, 66, 67.
 бронзовые 54.
 серебряная 97.
 Крышки глиняные 113.
 Крюки медные с втулками 16, 29.
 Крючья бронзовые 70.
 Кубанские курганы 6, 10, 132.
 Кубки глиняные с поддоньем и петельчатой ручкой 53, 67; конические без ручек орнаментированные 66, 67.
 Кубок золотой 79, 92, 93; серебряный 79, 87—92.
 Кувшины глиняные с трубчатым носиком 41.
 Кувшинные погребения 9, 10, 27, 28, 33, 34.
 „Кузнец“ 130.
 Кулон агатовый 93, 94.
 Кульбоский арибал 36.
 Культовая процессия (на кубке) 88—92.
 „Купольные“ навершия посохов 58, 63.
 Курганные погребения Азербайджана и Армении 4, 78; скифские 42, 53; северо-кавказские 12, 102; триадетские 19, 25, 78—105.
 Кюль Тата (таблетки) 131.
 „Лак“ (=глазурь) 52.
 Латеральные звуки 125.
 Латенская эпоха 45.
 Латунь 33.
 Латы медные 101.
 Лев 133.
 Лезвия плоские (ножей) 16, 99, 101.
 Лезгинские языки 127.
 Левварские погребения 3, 46, 48, 63.
 Летницкая станица (курган) 12, 112.
 Лечхумский клад 70, 73.
 Либистины 191.
 Ливийцы 90.
 Ликийцы 90.
 Лотосовый орнамент 37; розетка 87.
 Лошадь 79, 100, 122; дикая 122.
 Лошадиные копытца, как мотив орнаментации удила 61, 186.
 Лувийский язык 90, 128, 129.
 Luhiani 193.
 Lukki 90, 193.
 Лук деревянный 101.
 Лунницы 8.
 Лупены 90.
 Луристанский меч 64;
 удила 29, 59 (рис.), 61, 62;
 бронзовые „чайники“ 8.
 Львиные изображения 98, 133;
 головка скульптурная 65.
 Ляпис лазурь (имитация стеклянная) 31.
 Мадленские формы 121.
 Майкопская серебряная чаша 88.

Майкопский курган 81.
 Макролитические кремневые орудия 119.
 Малоазийско-сирийское искусство 41.
 Maskenperlen 45.
 Маски золотые микенские 39.
 Маслобойка 57, 66, 67.
 Мастерская кремнеобделочная 107;
 ремесленные 29.
 Матриархальные обычаи 128.
 Меандровообразный орнамент 98, 134.
 Мегалитические памятники 19, 30, 108.
 Мегрельские фамилии 130.
 Мегрело-чанский язык 91, 125.
 Медитеранский тип 126.
 Медная эпоха 12, 14.
 Медная спиралька (из энеолит. слоя) 110.
 Медные руды 55, 58; слитки 53, 133.
 Медь 6, 108.
 Медный инвентарь древней группы курганов Триадети 101, 102, 104 (рис.).
 Мезолитическая эпоха 126.
 Мески 130.
 Металлопластика 86, 98.
 „Металлург“ 131.
 Мехи кузнецкие 131.
 Метопный узор 6, 7.
 Мечи бронзовые 51, (бутафорский) 65, 69, 70; с четырехугольной двурастворной рукоятью 62—64; железные 49, 65.
 Мечь-рапира крито-микенского типа 99, 132.
 Микенские шахтовые гробницы 39, 96.
 Микролиты геометрические 119, 123.
 Милетские вазы 37.
 Минойские сосуды в форме „чайников“ 8.
 Миски колоколовидного профиля 115.
 Митани 124, 129.
 Михалковский клад 36.
 Могильные ящичные 6, 7, 8, 14, 20, 21, 23, 24, 25, 30, 34, 41, 49, 50, 65, 112, 114 (?), 117, 118; грунтовые 6, 49, 64, 65, 75; курганные, см. курганы.
 Молоты каменные 106.
 Монголо-турецкие народы 131.
 Монеты колхидки 15, 45; Константина Великого 24; манглисского комплекса Вейсенгофа 26; парфянские драхмы 27; римские имп. Августа 25; Адриана 26, республиканская 33; сасанидская дария Кавада 21; монеты в царском потреблении в Сузах 36.
 Мордвиновский курган 33.
 Мотыжки бронзовые 52, 53, 63.
 Мотыги железные 72.
 Музей 3; Азгосмузей 9, 59, 60; Антропологический Московский 63; Армении 98, 99, 106; Афинский 60, 61; Батумский 17; Берлинский 61, 62; Британский 37, 61, 186; Варшавский 62; Венский 51; Вилла Джулия 181; Горийский 26; Грузинского о-ва распростр. грамоты 11; Зугдидский 24, 45, 69; Каирский 61, 62; Кутаисский 60, 61; Луврский 18, 36; Московский Исторический 11, 12, 48; Мюнхенский 38; Новороссийский 17; Общества Истории и Этнографии при Тифлисском Университете 60; Одесский 27; Пенсильванский 61; Сухумский 17; Стокгольмский 95, 98; Флорентийский 124; Ханларский 10; Эрмитаж 10, 12, 16, 17, 106.
 Мул 79.
 Мустьерские формы орудий 120, 121.
 Мушки 130.
 Муктетский (Самтаврский) могильник 6, 31, 67, 69, 70, 71, 73.
 Муктетская экспедиция Груз. Ак. Наук 52, 70, 99, 132.
 Наири 124.
 Нарамсин 131.
 Нардеванская крепость 30.
 Насыпи курганов 80.
 Нахарани 124.
 Небухаднесар 43.
 Негады период 14.
 Неолит 6, 119, 123, 126, 129.
 Нимб лучевой 39.
 Нимруд 53, 61, 62.
 Ниневия 129.
 Ножи бронзовые-узколезвийные 96; треугольные 99; железные 8; кремневые 107, 110.
 Нуклеусы 122.
 Обмазка глиняная (дымохода) 113.
 Обмазка красная (керамики) 7, 84, 114, 116.
 „Обейдский“ слой 129.
 Обивка золотом деревянных изделий 79, 83, 94.
 Обсидиан 6, 100, 111, 112; месторождения 120, 123, 129; присыпка курганов 101.
 Обсидиановые изделия 19, 119; палеолитические 121—123; стрелы 8, 80, 100; диски 101.
 „Овы“ (орнаментальный мотив) 37.
 Овца 79.
 Огузкий (малый) курган 33.
 Ожерелье золотое 93, 94.
 Окаменелость 117.
 Олень 86, 87.
 Олении зубы (привески) 27.
 Олении рога (бронзы со сверлиной) 67, 75.
 Одово 6, 16, 97.
 Ономастика 124, 125.
 Ориентализирующий стиль 41.
 Ориньякские формы 121.
 Орнамент „восьмерки (двуспиральные завитки) 94; розетки 36; плетеный передне-азиатский шнур 39.
 Орнаментация гребенчато-пунктирная 85; выемчато-выпуклая волнообразная 84, 85; ломаная замкнутая с лестничными сдвигами 111, с Z-видным и W-видным движением 104, 109, 111, 116; рельефная шишками 85; спиральными, птицевидными, подковообразными фигурами 113, 114, 115.
 Оружие 6, 100; из драгоценных металлов 95.
 Осетинское имя божества 125.

Острия обсидиановые 122.
 Отливка по утериваемой модели 29.
 Охотничья композиция 88, 89.
 Очаг 108, 112, 113.
 Очемчирское селище 16.

 Палайский язык 132.
 Палеолитические стоянки 121—123.
 Палетка египетская с ослами 88.
 Пальметка веерообразная 37.
 Памятники с культурными слоями 79.
 Паросский камень 71.
 Парфяне 91.
 Парфянская драхма 27.
 Патэры 37.
 Персидское государство 4, 41.
 „Персидский мусор“ 61.
 Перстни бронзовые пластинчатые разомкнутые 31, 33, спиральные 42, 50, 56; золотой 24, 25 (рис.); железный 25 (рис.) 27, 34; сердоликовый 22, 23; серебряные со щитками 35, 41.
 Песты каменные 106, 107, 119.
 Печати стольчные ванские 54, 185.
 Печати четыреугольные греко-персидские 30.
 Печь для обжига посуды 113.
 Пещерная верхне-палеолитическая стоянка 121—123.
 „Пик“ 119.
 „Пиктограммы“ 109.
 Пилки кремневые от серпов 110.
 Пинезаурский могильник 63.
 Пинцеты бронзовые 67.
 Плакировка золотом 36, 99.
 Планоокципитальный тип 127.
 „Погребальный зал“ 79, 82, 83, 93.
 Погребальные ямы в курганах Триалети 79, четырехугольные 80, круглые 101.
 Погребения кувшинные 32, 34; пепла в амфоре 34; скорченные 101; сидячие 56; с нарушенным расположением костей (вторичные?) 56; в глинистых обожженных камерах 118; курганные 78—105; энеолитической эпохи 117, 118.
 Погремок бронзовый в форме козла 96.
 Подвески на цепочках 26.
 Подтоки бронзовые 60, 68.
 Поздне-хеттский слой в Сирии 62.
 Покрытие курганных погребений 81, 83.
 Полихромная керамика 8, 7.
 Полихромия ювелирия 92, 93, 135.
 Понто-загорский антропологический тип 126, 127.
 Портупея 75.
 Порча ритуальная погребального инвентаря 66.
 Последовательная эпоха 127.
 Постромчатая упряжь 81.
 Пояса бронзовые 48, 49, 50, 51, 53, 63.
 Поясные пряжки из листовой бронзы прорезные 33, литые ажурные с фантастическим зверем 25—29, со скульптурной головкой барана 68.
 Префиксальное строение языка 125, 126, 128, 129.

Префиксы абхазский, картвельский 91, 200, протохеттский 90, 128, 131, 200.
 Привески бронзовые фигурные (баран, олень) 5, 26, 27, 28 (рис.), из оленьих зубов 6, сердоликовые 99, фаллические 27, в форме сосок 70.
 Пролетарская станица (курган) 11, 12, 16.
 Прогнатизм 126.
 Пронизки стеклянные с геммами 31.
 Прохоровская курганская серебряная чаша 37.
 Протоабхазский антропологический тип 127.
 Протомедитеранная раса 126.
 Протохеттский субстрат, язык 125, 126, 128, 130; бог весны 90.
 Пряжки трехкольчатые 25 (рис.), 27, 28 (рис.).
 Псалм 29, 35, 59, 61, 62, см. трензели.
 Псевдородосские вазы 37.
 Птица (орнамент) 8, 35, 39, 113, 124.
 Пятигорский медный кинжал с литьей шнуровой орнаментацией 29.

 Рабы 92, 100.
 Районы производственные бронзовых топоров Ю. Кавказа 68.
 Рамзес II 72.
 Раскопки курганов (календарный ход) 103.
 Расписная керамика см. керамика.
 Расткайи 67.
 Реликтовые формы 1.
 Резцы кремневые и обсидиановые 122.
 Ремесленники 100.
 Ритуал погребальный хеттских царей 81; триалетских курганов 81, 100.
 Родосские (псевдородосские) вазы 37.
 Рогатый скот 110.
 Рогожная плетенка 115.
 Розетки 36, 40, 87.
 Ролики бронзовые блоковидные 65, 70 (рис.), 73 (рис.); молотковидные 68, 73 (рис.).
 Роспись керамики 6—9, 84, 86, 87, 100.
 Руса I 53.
 Руствелевская эпоха (культ. слой) 30.
 Ручки сосудов „полушарные“ 110, 111.

 Сагайский диалект 131.
 Саманасар II 131.
 Самтаврский могильник 3; верхний ярус 22, 23, 31, 43; нижний ярус 6, 47, 65, 67, 70, 132; мог. (565) 57, 67, 71 (рис.); мог. (581) 42; мог. (582) 5; мог. (583) 67, 71 (рис.); мог. (591) 52, 67, 70 (рис.); мог. (600) 70 (рис.); мог. (601) 66, 67 (рис.).
 Самурзаканский клад 133.
 Сангверский (хатти) племенной массив 125.
 Санскритский язык 128.
 Саргон Аккадский 3, 10, 53, 131.
 Саргон Ассирийский 62.
 Саркофаги глиняные 24, энеолитические 192; деревянный (?) 100.
 Сарматская культурная среда 29.

 Сасанидская эпоха 20—24.
 Сачхерский могильник средней бронзы 13—15, 104, 105, 132.
 Свастическая фигура 85, 132, 134.
 Сверление камня 98, 100.
 Свиньи 56, 79.
 Севанский производственный район поздне-бронзовой эпохи 68.
 Северная раса 192.
 Сельско-хозяйственные орудия 71.
 Семитские языковые группы 127.
 Серебро 69.
 Серебряная посуда: фиалы, патэры 36, 37, 46; кубок 79, 87, 89; чашечки, кружка 97, ведерко 87, 88; фрагмент сосуда 133, 134 (рис.).
 Клинок кинжала 80, 95, 100.
 „Серебряные горы“ 131, 132.
 Сердоликовые бусы см. бусы.
 Сердоликовый перстень 22 (рис.), 23.
 Серна 87.
 Серпы бронзовые 69; железные 33, 72, 184; с кремневыми вкладышами 69, 75, 110.
 Серьги 22 (рис.), 23, 25 (рис.), 43 (рис.), 45, 93, 132, 133.
 Сидячие погребения 50, 56, на коленях (?) 81.
 Сиккурат (башня) 94.
 Сиренообразные ручки от котлов 41.
 Сирийская богиня 39.
 Сиро-месопотамская культура 129.
 Сирхавандский курган 60.
 Ситулы бронзовые 53, 54.
 Скань 92, 134, см. филигрань.
 Сканые нитки 100.
 Скарабей 53.
 „Скифо-Византийская эпоха“ 13.
 „Скифос“ 85.
 Скифский арибалл 36.
 Скифский звериный стиль 29; кург. 39, 187; стрелы 43.
 Скифы, Скифия 41, 43, 53.
 Скорченные кости 41, 56, 117.
 Скотоводы 63, 100; кочевники 101.
 Скребки обсидиановые 119, 122.
 Скульптура круглая 100.
 Слезницы бородавчатые 22.
 Слитки бронзы, меди 53, 133.
 Смела (курганы) 42, 53.
 Собакоголовые люди 91.
 Собака 87.
 Сожжение покойников 34, 39, 54.
 Солютрейское острье 121.
 Сосуды глиняные в форме бурдюков 33, ванночек 33, чайников 7, 8; с толченым обсидианом в глине 58.
 Социальная дифференциация 92.
 Спиральный мотив 7, 92, 98; 113, 124, 193.
 Станок вращательный (металопластический) 97; токарный (по бронзе) 98, (по дереву) 100.
 Стеклянный фиал 37.
 Стеклянные бусы, см. бусы.
 Степанакертский курган 193.

Стрелы бронзовые плоские, зап.-европейские 67, субмикенские 43, ю. кавказские треугольные 67, 75 (рис.), 76 (рис.), языковые 8 (Кизил-Банк) 68, 75 (рис.). Втульчатые 42, 43, 44 (рис.) 182, 183, с шипом 43, 48, двулезвийные 43, 48, трехтрапециевые 28, 43, 182, 183, альпийские 43. Длинночленковые (стержневые) 7, 8, 55 (рис.), 56, 58, 64, 70, 75 (рис.); зап. грузинский вариант шестигранныческих 56, 75 (рис.); трехгранные ма-лоазийские 43.
 Костяные плоские и призматические 67, 76 (рис.). Кремневые с выемчатым основанием 80, черенковые 16, 110, 119, 120.
 Обсидиановые миндалевидные 102, с выемчатым основанием 8, 70, 80, 83, с черенком 102, 120.
 Стрелы-дротики (Луристан) 56.

Ступки каменные 106.
 Субарейцы 130.
 Субарская культура 124.
 Субмикенская эпоха 4, фибулы 72.
 Сурьма в медном сплаве 16, в бусах 57.
 Суффиксальный тип языка 129, 130.
 Суффиксы генетивные происхождения и принадлежности 125.
 Suffixaufnahme 126, 127, 128.
 „Схема воды“ 85.
 Сырцовые гробницы 27, 42.

Tabula Peutingeriana 125.
 Табуретка 89.
 Таммуз 188.
 Темпы развития 1.
 Телл Амарна 186.
 Телл Халаф 39, 52, 87, 129.
 Теле Билла 124.
 Теле Гавра 18, 124, 129.
 Теле Гиссар 8, 10, 11, 15, 49, 126.
 Теле Сиалы 8, 61.
 Терка каменная ладьевидная 113.
 Террамары 97.
 Территориальные варианты 4, 8, 114, 115.
 Тесло-топор бронзовые 64, 69, 75; каменное 119.
 Тибараи 130.
 Тканье 100.
 Топ Кар 82.
 Топоры медно-бронзовые 10, 15—18; трубчато-обушные 12, 15, 104; колхидско-кобанские 54, 68, 70, 72; секировидные восточногрузинские 68; топоры плоские 64, 69, 75; с животными фигурами на обухе 76; железные 42.
 Топонимика 125, 128, 131.
 Топрак Кале 36, 39, 52, 54.
 Торевтика 37, 92, 96, 98.
 Торня (хлебная печь) 109.
 Трапеза поминальная 100.
 Треазубец железный 33.
 Трензели бронзовые тростниковые и пластинчатые на петлях 35; напускные стержневые 53, 59—61, 62 и колесовидные 186; неподвижно-литые вместе с

удлами 61, 62; фигурные пеали 29; костяные и роговые 63.
Тренохник бронзовый 38.
Трехногая глиняная чаша 33.
Трехногий жертвеник 87.
Трехколчатая прижка 25 (рис.), 27, 28 (рис.).
Трон 89, 100.
Троя нижний слой 119, 127, 129; второй город 14, 93; шестой город 96, 97.
Трубчатообушный топор орнаментированный 29.
Тубалкани 130.
Тубалы 130, 131.
Тушца 186.
Тушратта 130.
Тюренг Тепе 11.
Убыхи 195.
Удила 79, ассирийские 61 (рис.), 62, афинские 60 (рис.), 61, ахеменидские 35, „гомеровские“ 61, египетские 186, микенские 59 (рис.), 61, урартские 186, скифские бронзовые 53 и железные 186; с напускными трензелями 59, 60, 61, 62; с трензелями отлитыми вместе 60, 61, 62, 186; с колесниками и муфточками 35, 41; с крючьями 70.
Узор см. орнамент.
Унетицкая ступень бронзы 14, 16, 97.
Ур инвентарь царских погребений 10, 79, 87, 89, 94, 97, 126.
Урартское производство (искусство) 38, 41; печати 54.
Урновые (кувшинные) погребения 6, 9, 10, 27, 28, 32, 34.
Урны с пеплом 34, 39, 54.
Урук, драгоценный инвентарь шумерской эпохи 87, 94.
Фаллический амулет 27.
Фантастический дракон-олень, конь 28.
Фауна охотничья 87, 88.
Фаюмские стоянки 121.
Фестский диск 128.
Фиалы глиняные 31, 42; серебряные 36, 37.
Фибулы бронзовые, лугообразные одночленные 52, 63, 69, 70, 72; двухпружинная 187, с привесной иглой 33, 48, 49, 50, эсевидные с подвязанным приемником 14; железная 27.
Фигурки животных, глиняная энеолитическая 94, золотая 110, бронзовые 26, 28 (рис.), 96.
Филигрань 28, 29 („подражание“), 85, 94, 100, 133, 135.
Фляга расписная 108.
Фонетика 127.
Фригийский слой 43.
„Халды“ 91.
Хакасы 131.
Хаммураби (законы) 71.
Ханларские курганы 70, 92, 192.
Харрийцы 124, см. Хурриты.
Хатти (страна, язык) 125, 128, 131.

Хатти-сангверский племенной массив 123.
Хаттушаш 81, 100.
Хеттский ритуал погребения царей 81, 83.
Хетты, хеттский язык, неситский, иероглифический 91, 125, 126, 128, 131.
Холмы жилые 119.
Ходжалинские курганы 4, 42, 49, 52, 69.
Хронологическое место курганов Триалети цветущей поры 97; древних курганов 102.
Хтоническая богиня 39.
Хумбаба 89.
Хурри-митани-урартская группа 126, 127.
Хурри (язык, культура) 10, 124, 125, 126, 127, 130, 194.
Цахурский язык 127.
Цепочки бронзовые 42, 46, 48.
Циклопическая кладка 108.
Циклопические крепости 19, 30, 79, 108, 119.
Цинк 33.
Циновка 81.
Цинцкаройский могильник 56—58.
Цова-тушинский язык 127.
„Чайники“ глиняные 7, 8, каменные 8, бронзовые 8.
Чаша бронзовая эллипсоидной формы 16.
Чаши золотая и серебряные 97.
„Чекан“ 29.
Черепичные гробницы 22.
Чернолаковая керамика 32.
Черноподированная керамика при розовом черепке 84, 111, 116.
Черкесские племена 91, 131, 132.
Черкесское имя божества 125.
Чечено-дагестанские племена 131.
Шамирамалти (жилой холм) 129.
Шамотовая примесь 84.
Шахтовые гробницы в Микенах 96, 97.
Шейная гривна 33.
Шенговитский холм 107, 108, 112, 116.
Шкуры бычачьи 83.
Шлак 107, 113, 114.
Schleifennadel 14.
Шлем бронзовый 68, ассирийский 186, конический (итальянский) 186.
Шлимановский клад 93.
Шлифовальники 100, 119.
Шлифованный неолитический топор 119.
„Шнакви“ 69.
Шнуровая литечная орнаментация 12.
Шпага бронзовая 99, 132.
Шреш-Блур (жилой холм) 98, 107, 108, 116.
Штандарт погребальный 79, 98.
Шумер 95, 119, 123, 129, 131.
Шумерский глагол 125.
Шипцы деревянные жатвенные 69.
Щит урартский 39.
Эгейда 128.
Эгейская культура 96, 123, 124, 126.

Эгейские языки 128.
Эйлар (жилой холм) 108, 115.
Экономическое превосходство 92.
Экспедиция Мухетская Ак. Наук Гр. ССР 52, 70, 90, 132; Эрмитажа и Армфана 133.
Эламская глазурь 53, керамика 5, 7, 87, 97, обсидиан 120, 123.
Эламиты 91, 128.
Эламский язык 125, 126, 127, 129, 130.
Элегия 131.
Эллинистическая эпоха 5, 6, 26, 27, 28, 30, 107.
Эмаль (глазурь) 52.
Энеолитический слой Бешташенской крепости 79, 108—116; Ю. Кавказа 84, 102, 106—108, 112, 113, 114, 115, 116; Румыния 16; Передней Азии 7, 101, 119, 129.
Энеолитические погребения Триалети 117, 118; Кикеты 118, 192; Азербайджана 118, 191, 192; Ремеделло Сотто 14.
Энкиду 89.
Элипсаолит 119.
Этимология 90, 91.
Этнография древняя 129.
Этрурия, этруски 38, 125, 126.
Этруссские изделия 29, 38, 41, 134.

Ювелирное мастерство 92—94, 100, 132, 133, 135.
Южно-понтийский путь 129.
Язили-Кая (барельефы) 89.
Языки абхазский 91, 130; греческий 125; грузинский 90, 91, 125, 127, 128, 130; аравидские 126, 127, 128; кавказские 126, 128; карийский 128; лидийский 125, 128; ликийский 125, 128; протохеттский хаттийский 90, 125, 126, 128, 129; римский 125; урартский 125, 126, 127, 128, 130; хеттский неситский, иероглифический 125, 126, 128, 131; хурри-митанийский 125, 126, 128, 129, 130; чанский, чано-мегрельский 90, 125, 126; шумерский 90, 125, 126; эламский 125, 126, 128, 129, 130; этруссский 125, 126.
Яйлы Тапа (керамика) 5, 27, 28, 33, 48.
Ямы курганные 79, 81, 101, 102, 103 (чертеж).
Янтарь 42.
Ярмо 95.
Ярославская станица (курган) 39.
Ясень 124.
Ящичные погребения 6, 7, 8, 14, 20, 21, 23, 24, 25, 30, 34, 41, 49, 50, 65, 112, 114 (?), 117, 118.

2. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

Абараи 8.
Абхазия 15, 68, 72, 133.
Авралло 108.
Агаяни 24.
Агвесадзор 69.
Агиос Онуфрий 93.
Hagios Onuphrios 93.
Аджария 91.
Адиамак 60, 95.
Азербайджан 4, 27, 33, 78, 84, 106, 107.
Азия Малая 34, 61, 96.
Алавано-Иорская территория 70.
Алгети 34—40, 46.
Александерсгильф (Розенберг) 25.
Алигрых 62, 64.
Амаргос 96, 99.
Анаклия 91.
Ани 63, 64.
Алагез, см. Арагац.
Арагац 106, 110, 119, 121.
Арада (финик.) 32.
Аракс 115.
Арапат 54, 70, 108, 114, 129.
Армази 135.
Армения 4, 37, 69, 78, 91, 95, 106, 115, 132.
Арчадзор 88.
Ассурети 29.
Ахалкалакский у. 26.
Ахалцихский р-н 60, 61.
Ахтала 3, 49.
Ацхури 60, 61.
Байбурт-Чай 65, 75, 76.
Бакуриани 19, 30.
Бакурцихе 69.
Баланта 30.
Балла-Маден 132.
Башкев-Су 41, 108.
Бармаксыз 21, 117.
Белуджистан 126.
Бешташени 25, 41, 65.
Боржомское ущелье 30.
Бори 26, 33, 45, 135, 179.

Борчало 63, 64.
Ван 52, 87, 129, 186.
Вафио 92, 93.
Военно-Осетинская дорога 179.
Воздвиженская станица 12.
Волынь 16.
Гагры 17.
Галиция 36.
Ганджинский район 24, 42, 84.
Ганджа-Шамхор-Бамбакская территория 70.
Гая Хараба 6.
Геби 26, 178.
Гезер 55, 71, 75, 127.
Геденджик 23.
Геряк 21, 22.
Геряк-Чай 49, 108.
Гиссарлык 14, 119.
Гордион 48.
Горнийский район 16, 24, 50.
Гостибе 66, 67.
Греция 61, 71, 92, 100, 128.
Грм-Геле 17.
Грузия Западная 18, 48, 58.
Гуджарети 2, 30.
Гуниа-Кала 56—63.
Гурджаани 33, 48.
Гюмши-Хане 132.
Даблагоми 32, 34, 35, 39, 46, 56, 115.
Давшанлы 59.
Дагестан 95.
Даланлар 60, 61.
Дамган 8.
Дарьяльское ущелье 119.
Дебеда-Чай 99.
Джава 26.
Джебраильский у. 60, 61.
Джелал-Оглы 48.
Джемдет Наср 10.
Джони 53.
Джульфийская жел. дор. 188.

Дзеврули 185.
Дигоми 27.
Дигория 26.
Дидубе 27, 47, 106, 108, 115.
Дманиси 49, 51, 108.
Дунайские страны 14.
Душети 53.
Европа 71, восточная 1.
Египет 6, 14, 27, 61, 62, 72, 75, 92, 96, 120, 121.
Еленендорф (Ханлар) 59, 118.
Ереван 8, 98, 107, 116, 133.
Ефрат 87, 124.
Жаботини 53.
Загрос 124.
ЗАГЭС 10, 132.
Заңга 6.
Зауралье 131.
Зекари (Макк. р.) 12, 13, 15, 59.
Земо-Авчала 27.
Зугдиди 45, 119.
Иберия 81, 91.
Игдыр 54, 106.
Идалион 36.
Икалто 50.
Икоти 26, 45.
Имеретия 26, 91, 123.
Ингур 21.
Индия 96 124, 127, 135.
Ирак 127.
Иран 5, 8, 61, 69, 87, 96, 111, 126, 127.
Исфаган 187.
Италия 26, 41, 96, 97, 186.
Кабарда 29.
Кавказ Северный 5, 12, 26, 39, 96, 97.
Калакент 43, 48, 49.
Кала Тапа 9.
Камунта 23, 26.
Канев 33.
Каппадокия 91, 126.
Караклис 62, 64.
Каркемыш 5, 12, 43, 44, 48, 55, 72, 133.
Карсская область 15, 17.
Карсис Хеви 22.
Карталиния 63.
Кашан 61.
Кахетия 5, 33, 47, 48, 50, 63.
Кацхи 26, 178.
Килемо-Сасирети 70.
Квирила 13, 26.
Киев 174, район 53.
Кикети 106, 108, 113, 115, 118, 191, 192.
Килиг Даг 107.
Киликия 126, 131.
Кипр 11, 36, 37, 38, 41, 48, 96, 99, 124, 125, 127.
Кировакан 116.
Киш 95.

Кобань 3, 4, 5, 51.
Колхида 17, 29, 34, 45, 133.
Корда 12, 27, 31, 32.
Крит 93, 128.
Кукутени 16.
Кум 187.
Кумбулта 3, 12, 26, 33.
Кура 34, 132.
Курдистан 76, 123.
Кутаиси 34, 110, 119, 134, Музей 12, 13, 15.
Куцда 62, 64.
Ксанское ущелье 61.
Кция 19.
Кюль Тапа (Нахичев.) 108.
Кюр Дере 17, 32.
Лазика 17.
Лахиш 72.
Лелвар 49, 50, 51, 63.
Ленинакан 15.
Лечхуми 54, 62, 69, 184.
Луристан 59, 61, 123.
Малаклю 54, 70, 106.
Малая Азия 5, 126, 127, 128.
Манглиси 26, 47.
Манглисское шоссе 21.
Маралын Дереси 50, 57, 66.
Мари 124.
Мариан 37, 38.
Махария 69.
Махенджо-Даро 124, 127.
Махундти 17.
Маяковский район 12, 13.
Меджвирисхви 16, 17, 18.
Мексика 92.
Мерв 8.
Месопотамия 3, 7, 53, 71, 96, 120.
Микены 39, 59, 61, 92, 93, 96, 97.
Мильская степь 10.
Молла Исаклю 33.
Муси Иери 49, 65.
Мхарт 63, 64.
Мхета 3, 119, 130, 132.
Нардеван 108.
Нарекави 132.
Нахичевань 108, 114.
Нерон-Дереси 21, 30.
Нигавенд 76, 89.
Новороссийск 23.
Нор Баязет 60, 69.
Носири 133.
Нуха 115.
Одиши 119, 123.
Окуреши 54.
Оппеано 186.
Орад 4.
Орудбадский р-н 5.

Осетия Северная 3, 12, 18, 48, 53, 67, 68, 69, 72, 135.
Очемире 16.
Палестина 127.
Пантикопей 6, 33, 135.
Параанское озеро 2, 101, 123, 125.
Парчхапаканеви 34, 134, 135.
Паташар 60.
Пинезаури 49, 51, 53.
Плависмани 17, 67.
Поволжье 123.
Pontийское побережье 125.
Поти 53.
Правобережье Куры 34.
Придунайские страны 96, 127.
Приуралье 29, 37.
Рача 26, 69.
Рас Шамра 46, 75, 96, 125.
Редкин Лагерь 3, 4, 6, 57, 69, 173.
Ремеделло-Сотто 14.
Рим 181.
Рионо-Терекский водораздел 18.
Рион, Рионская долина 26, 30, 115.
Розенберг 25, 26, 27.
Рутха 26, 54.
Сабит Ахча 81.
Сагурамо 5, 6, 174.
Сакчегбзи 119, 129.
Самарра 124.
Саномерская Хараба 24.
Санта 20, 21, 30, 50.
Сатаплия 119.
Сачхере 13, 14, 15, 26, 104, 105, 132, 174, 178.
Свири 60, 61.
Севанское озеро 15, 49, 62, 64, 69, 95, 192.
Сирия 36, 41, 48, 62, 71, 75, 87, 95, 96, 98, 124.
Сицилия 128.
Смела 42, 53.
Средиземноморье 1, 14, 18, 45, 95, 125.
Степанакерт 107, 114, 118.
Стубло 16.
Суза 36, 121.
Сурами 41, 119.
Сухуми 32.
Табискури 2, 30, 80.
Тавриз 131.
Тагаворнаст 116.
Таганча 53.
Тазакенд 6.
Таксила 135.
Талыш 3, 53, 64.
Таш-Баш 23, 24, 117.
Тбилиси 17, 106, 114, 119.
Тегеран 187.
Тетрамида 110, 119, 120.
Тигр 124.
Тли 33.
Толебские горы (Чохатаурский хребет) 90.
Триалетский хребет 50, 58.

Троада 126.
Туркменистан 8.
Тушетия 63.
Узунляр 99.
Украина 53.
Уплис-Цихе 5.
Ур 79, 87, 89, 94, 97, 126.
Уральские горы 131.
Урало-Алтайская территория 131.
Урбниси 24.
Урарту 38, 41, 124.
Урмия 87, 131.
Урук 87, 94.
Фарс 39.
Фоскау 3, 12.
Фест 93, 128.
Хагул Дере 64.
Хамадан 187.
Ханлар (Еленендорф) 10, 59, 60, 118.
Херсонес Таврический 39.
Хидистави 50.
Ходжали 4.
Холодный Яр 42, 187.
Хорадиз 188.
Хорсабад 10.
Храмгэс 26.
Храми 19, 119.
Цалка 2.
Цалкинское плоскогорье 119, 123.
Центрально-азиатское плоскогорье 126.
Цинандали 48.
Цинцкарю на Алагети 34.
Цинцкарю на Храми 56.
Цихисдзири 69.
Цицамури 47.
Цхавати 60, 61.
Цюрих 99.
Черное море 72, 132.
Черноморское побережье 23, 34.
Чила Хане 53.
Чми 12.
Чорок 130.
Чохатаурский хребет 90.
Чубурисхинди 133.
Шах Тахты 5, 99.
Шуахеви 53.
Эйлар 108, 115.
Эрех 94.
Эриванская губ. 174.
Эрдзиган 37.
Эчмиадзин 8, 116.
Эшери 32, 133.
Юго-Осетия 60.
Ялойлу Тапа 5, 27, 28, 33, 48.
Ярославская станица 39.

III. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

Алекперов 175, 190.
Альмгрен О. 14 см. Almgren.
Амиранашвили (Болтунова) А. Н. 133, 202.
Антонович В. Б. 180.
Антоневич Вл. 16 см. Antoniewicz VI.
Байбуртян Е. 107, 176, 185, 187, 191.
Байэрн Ф. 5, 21, 31, 52, 57, 65, 66, 69, 173, 174, 177, 179, см. Bayern F.
Блейхштейнер Р. 127, см. Bleichsteiner R.
Бобринский А. 53, 182, 184.
Бонн Фр. 126, см. Bonn Fr.
Борк Ферд. 125, 126, 127, 129, 130, см. Bork F.
Бранденштейн В. 128, см. Brandenstein W.
Броун Г. 127, 128, см. Brown G.
Бунак В. В. 126, 127, 192, 197, 198.
Бэлк В. 49, 60, 129, см. Belck W.
Васильевский В. Г. 189.
Вахусти 63.
Везендонк О. Г. 5, см. Wesendonk O. G. (v).
Веселовский Н. И. 175.
Викентьев В. М. 188.
Виленский Д. Г. 6.
Винклер Г. 72, см. Winkler H.
Вирхов Р. 3, 4, 53, 72, 120, 127, см. Virchow R.
Вуллер А. 131, см. Vullers A. I. 201.
Вулли 44, см. Woolley C. L.
Ганчар Ф. 4, 13, 17, см. Hančar F.
Гезиод 184.
Гельб И. 125, см. Gelb I.
Генко А. И. 128.
Гёрнес М. 4, 14, 176, см. Hoernes M.
Геродот 128, 130, 131.
Гердфельд Э. 10, 89, см. Herzfeld E.
Гётце А. 124, 130, см. Götze A.
Гобеджишвили Г. 178.
Гозалишвили Г. 50.
Гомер ИИ, гомеровский 199.
Городцов В. А. 176.
Граков Б. Н. 182, 183.
Грен А. 120, 192.
Грозный Бедерих 124, 131, 132, 194, 202, см. Hrozný B.

Гуммель Я. И. 10, 60, 92, 107, 183, 189, 191, 192, 193, см. Hummel I.
Гущина А. Ф. 176.
Дальтон 37, см. Dalton O. M.
Данилевский В. В. 175, 180.
Деетерс 130, см. Deeters G.
Декаприлевич А. Л. 187.
Дешелетт 14, см. Déchelette J.
Джавахишвили И. А. 3, 90, 128, 132, 184, 187, 189, 190, 191, 199, 201.
Джанашвили Моисе 184.
Джанашвили С. Н. 91, 130, 189, 191, 200, 201.
Дионис Галикарнасский 128.
Диофант 191.
Дирр А. М. 125, 127, 195, 198, см. Durr A. M.
Дюссо 11 (рис.), см. Dussaud R.
Ермаков Д. И. 177.
Ефименко П. П. 122, 193.
Замятин С. Н. 123, 193.
Захаров А. А. 178, см. Zakharov A. A.
Ивановская Т. 26, 178.
Ивановский А. А. 43, 48, 50, 69, 70, 182, 183, 187, 193.
Иващенко М. М. 132, 177.
Иессен А. А. 5, 12, 13, 16, 173, 174, 175, 176, 177, 202.
Иоакимов А. Я. 119, 120, 177.
Казанский Б. В. 196.
Каландадзе А. Н. 70, 119, 192.
Калитинский А. П. 72, 181, 187.
Каукчишили С. Г. 90, см. Kauchtschischvili S.
Кевезели Н. 49, 51.
Кипшидзе И. 189, 195.
Китс А. 126, 127, см. Keith S. A.
Коковцев П. К. 37, 181.
Комаров А. В. 120, 177.
Кондаков Н. П. 176, 179.
Куфтина (Стешенко) В. К. 201.
Куфтин Б. А. 174, 177, 179, 180, 185, 186.
Кретчмер 128, см. Kretschmer P.
Круглов А. П. 95.
Крупнов Е. И. 177.

Лайард О. Г. 62.
 Лалаян Ерванд 26, 95, 106, 107, 108, 115, 176, 185, 186, 190, 191, 192.
 Латынин Б. 5, 173, 174, 187.
 Лебединская А. 181.
 Легрэн 59, см. Legrain L.
 Леман-Гаупт 38, 54, 124, см. Lehmann-Haupt C. F.
 Лукин А. А. 76.
 Лушан Ф. 126, 128, см. Luschan F.
 Макалатия С. И. 178, 180, см. Makalathia S.
 Максимова М. И. 32, см. Maximova M.
 Марр Н. Я. 91, 106, 110, 189, 193, 195, 198, 200.
 Мейе А. 202, см. Meillet A.
 Меликset-Беков А. М. 18, 47, 177, 178, 183, 188.
 Менабде В. А. 187.
 Мещанинов И. И. 4, 7, 29, 32, 173, 174, 178, 179, 195, 197, 201.
 Миллер А. А. 7, 8, 174, 175.
 Миллер В. С. 195.
 Модестов В. И. 184.
 Монтелиус О. 14, см. Montelius O.
 Моргат А. 124, см. Moorgat A.
 Морган Жак 3, 4, 33, 36, 46, 48, 49, 53, 61, 65, 70, 120, 121, 122, см. Morgan J. (de).
 Морган Л. Г. 191.
 Мусхелишвили А. В. 108, 174.
 Ниорадзе Г. К. 106, 107, 183, 191.
 Ольшевский К. И. 51.
 Ониани Арсений 90.
 Орбелиани Саба 184.
 Осборн Генри 198.
 Отран 125, см. Autran C.
 Пассен Т. С. 5, 173, 174, 187.
 Патканов К. П. 189.
 Пахомов Е. А. 5, 33, 173, 180.
 Пёбель 125, см. Poebel A.
 Петров П. Ф. 54, 106, 107.
 Пигуловская Н. В. 188.
 Плиний Секунд 30, 90, 91.
 Потапов А. 192.
 Пржеворский Ст. 4, 7, 59, 62, 174, см. Przeworski S.
 Придик Е. М. 25, 178, 180, 182, 183.
 Прушевская Е. О. 182, 189.
 Птолемей 29, 91.
 Пумпелли 8, см. Pimpelly R.
 Пчелина Е. Г. 5, 6, 106, 115, 174, 191, 192.
 Радлов В. В. 201.
 Рау П. 43, см. Rau P.
 Реймерс Ф. 49.
 Рейхель В. 61, см. Reichel W.
 Репников Н. И. 178.
 Рёслер Е. 4, 42, 49, 52, 59, 60, 84, 182, 184, 185, 187, 188, см. Rösl E.
 Розендорф Г. О. 182.
 Ростовцев М. И. 26, 181, см. Rostovtzeff M.
 Сагателов М. Я. 187.
 Сальдау П. Я. 176.

Саханеев В. В. 178.
 Серджи Г. 127.
 Смешек А. 125, см. Smieszek A.
 Смирнов Я. И. 35, 37, 180, 181, 182.
 Соловьев А. Н. 177.
 Спицкин А. А. 7, 53, 174, 175, 180, 181, 182, 184.
 Стешенко-Куфтинга В. К. 201.
 Страбон 128, 130, 199.
 Струве В. В. 89, 189.
 Такайшвили Еф. 21, 22, 23, 26, 120, 174, 177, 178, 192.
 Талльгрен А. М. 5, 13, 29, 61, 70, см. Tallgren A. M.
 Толстой И. И. 176, 179.
 Томашек В. 125, см. Tomascheck W.
 Тураев Б. Н. 17.
 Уварова П. С. 25, 26, 51, 54, 134, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 184, 186, 191, 202.
 Уваров А. С. 106, 119, 177, 191.
 Унгнад А. 124, см. Ungnad A.
 Ушаков П. Н. 90, 128, 189, 199.
 Фармаковский Б. В. 4, 14, 48, 173, 176, 180, 183.
 Филимонов Г. Д. 45, 180, 183.
 Фильд Генри 126, 127, см. Field H.
 Финк Ф. 126, см. Fink F. N.
 Форрер Э. 90, 125, 128, 132, см. Forrer E.
 Франк-Каменецкий И. Г. 188.
 Франкфорт Г. 7, см. Frankfort H.
 Фрэзер Джемс 188, см. Frazer J. G.
 Фридрих И. 130, см. Friedrich J.
 Фуртвенглер 30, 32, см. Furtwängler A.
 Ханенко (коллекция) 183.
 Хогарт Д. 12, см. Hogarth D. G.
 Христиан В. 129, см. Christian V.
 Хутон Э. 126, см. Hooton E.
 Хюзинг Г. 125, 126, 127, 131, 132, см. Hüsing G.
 Шеретели Г. В. 130, 200.
 Цицишвили Д. Н. 51.
 Чабукиани П. И. 119.
 Чайлд Гордон 96, см. Childe G.
 Чарковский П. В. 6, 174.
 Чикобава Арнольд 201.
 Читая Г. С. 27, 47, 189.
 Шанаев Джантемир 195.
 Шанидзе А. Г. 90, 91, 186, 196.
 Шантр Э. 3, 4, 26, 72, см. Chantre E.
 Шарифов Д. 173, 180.
 Шмидт Губерт 52, 125, 134, см. Schmidt H.
 Шмидт Э. II, см. Schmidt E.
 Шор Р. 202.
 Шпайзер Э. 124, 130, см. Speiser E.
 Шульц Л. Б. 25, 26, 29.
 Эйслер Р. 131, см. Eisler R.
 Энгельс Фридрих 100, 191.
 Эридов А. Д. 106.
 Эркерт 127, см. Eckert R.

Ågathias 90.
 Albright W. F. 193.
 Almgren O. 176.
 Antoniewicz Vl. 177.
 Arne T. I. 176.
 Autran C. 196, 199, 201, 202, см. Отран.
 Bayern F. 180, 182, 183, 184, 185, 186, см. Байэрн Ф.
 Belck W. 185, см. Бэлк В.
 Bertrand A. 187.
 Bissing F. W. 183.
 Bittel Kurt 176, 180, 191, 192, 199.
 Blanckenhorn Max 188.
 Bleichsteiner Robert 189, 195, 197, 198, 200, 201, см. Блейхштейнер Р.
 Blinkenberg Chr. 181, 187.
 Bode Clement Augustus (de) 175.
 Bopp Fr. 196, см. Бопп Ф.
 Bork Ferdinand 196, 197, 198, 199, 200, 202, см. Борк Ф.
 Brandenstein C. G. (von) 194.
 Brandenstein W. 199, см. Бранденштайн В.
 Breuil H. 192.
 Brown Georg 197, 198, 200, см. Броун Г.
 Bugge Sophus 198.
 Buxton L. H. D. 197.
 Chantre Ernest 173, 176, 178, 180, 184, см. Шантр Э.
 Childe Gordon 175, 176, 190, см. Чайлд Г.
 Chiplez 180, 181.
 Christian Viktor 176, 199, 200, см. Христиан В.
 Contenau G. 173, 178, 179, 184, 188, 194.
 Cruikshank Rose 199.
 Dalton O. M. 181, 182, см. Дальтон.
 Daremberg 179.
 Déchelette Joseph 176, 180, 191, см. Дешелет.
 Deeters G. 200, см. Деетерс.
 Dhorme E. 201.
 Dittmann K. H. 194.
 Dirr A. M. 196, 198, 200, см. Дирр А. М.
 Dmitriew P. 182.
 Dossin Georges 193.
 Dussaud René 175, 188, 194, см. Дюссо.
 Eisler Robert 195, 198, 199, 201, см. Эйслер Р.
 Erckert R. 202, см. Эркерт.
 Erich Robert 197.
 Evans A. J. 179, 195.
 Falkenstein A. 194.
 Field Henri 198, см. Филд Г.
 Fink, F. N. 197, см. Финк.
 Forrer Emil 183, 190, 194, 195, 196, 199, 201, см. Форрер Э.
 Frankfort H. 174, 188, 192, 194, см. Франкфорт Н.
 Frazer J. G. 188, см. Фрэзер Джемс.
 Friedrich Johannes 193, 195, 197, 198, 200, 201, см. Фридрих И.
 Furtwängler Adolf 179, 182, см. Фуртвенглер А.
 Gelb Ignace J. 195, 196, 199, 200, 201, см. Гельб И.
 Genouillac Henri 184, 188.

Ghirshman R. 175, 184, 185.
 Gjerstad Einar 175, 181, 182.
 Godard André 177, 185, 188.
 Goldmann Hetty 190, 193, 195.
 Götze Albrecht 188, 189, 192, 193, 194, 199, 201, см. Гётце А.
 Growfoot G. M. 192.
 Gustavs Arnold 200.
 Heinrich E. 190.
 Haller A. 190.
 Hamy E. T. 198.
 Hančar Franz 173, 176, 179, 180, 186, 187, см. Ганчар Ф.
 Helbig 182.
 Hertz Amelia 188.
 Herzfeld Ernest 181, 182, 188, 189, 198, 199, см. Герцфельд Э.
 Hoernes M. 173, 176, 181, см. Гёренс.
 Hogarth D. G. 176, см. Хогарт Д.
 Hommel Fritz 183, 189, 193.
 Hooton Earnest A. 198, см. Хутон.
 Hrozný Bedrich 195, 201, 202, см. Гроздный.
 Hummel I. 191, см. Гуммель Я. И.
 Hunger Ioh. 178, 185, 186.
 Hüsing G. 195, 196, 197, 198, 201, 202, см. Хюзинг.
 Ivašenko M. M. 176, 202, см. Иващенко М. М.
 Janse Oliv 183.
 Jeremias Alfred 191.
 Jenny W. A. 199.
 Jirku A. 191.
 Kappers Areëns 197.
 Kauchtschischvili S. 188, см. Каукчишвили С. Г.
 Keith S. Arthur 197, 198, см. Кит.
 Kiessling 189.
 Kinch 181.
 Koeppl R. 191.
 Kretschmer P. 198, см. Кретчмер.
 Krogman Wilton 197.
 Langdon S. 188.
 Lechat Henri 185.
 Legrain Leon 185.
 Lehmann-Haupt C. F. 181, 182, 184, 185, 187.
 Lenzen H. 190.
 Luschan Felix 197, 199.
 Mackay Ernest 175, 190.
 Makalathia S. 179, 186, 187, см. Макалатия С. И.
 Makarenko N. 184.
 Mallon A. 191, 192.
 Mallowan M. E. 199.
 Manatt Irving J. 182.
 Marinatos S. 175.
 Maximova M. 179, 180, см. Максимова М. И.
 Mecquenem R. (d) 188.
 Meek J. Theophile 174.
 Meillet A. 202.
 Menghin Oswald 173, 176, 181.
 Meriggi Piero 198.

Messerschmidt L. 197.
Mészáros Julius 195, 200.
Meyer Eduard 193, 194, 201.
Meyer Rudolf 194.
Mironow N. D. 194.
Montelius Oscar 175, 181, 186, 190, 193, см. Монте-
лиус.
Montet P. 194.
Moorgat A. 194, 200, см. Моргат А.
Morgan J. (de) 173, 176, 181, 183, 184, 185, 186, 192, 193,
см. Морган Жак.
Mortillet G. et A. 184, 186.
Much M. 183.
Munro Robert 186.
Mühlestein Hans 179.
Müller Valentin 200.

Naue J. 175, 191.
Neuville René 191.
Nioradze G. 177.
Nöldeke A. 190.

Oguz Arik Remzi 176, 190, 191, 193.
Opitz Dietrich 186.
Oppenheimer Leo 196.
Oppenheim M. Freiherr (v) 182, 199.
Osten (von der) Hans Henning 175, 197.
Oštir K. 189, 198.
Otten Heinrich 188.

Peake Harold 198.
Perrot 180, 181.
Petrie Flinders 176, 186.
Pfeiffer Robert 175, 199.
Pigorini 186.
Poebel Arno 196, 197, см. Пёбел.
Pope A. U. 186.
Popplow Ulrich 186.
Posta Bela 183.
Pottier Edmond 174, 188, 202.
Poulsen F. 181.
Przeworski Stefan 173, 174, 185, 186, 187, 190, 200, см.
Пржеворский.
Pulsky Franz 176.
Pumpelly R. 175, 179, 182, см. Пумпелли.
Quatrefages M. (de) 198.

Rau Paul 182, см. Рай П.
Reichel W. 182, 185.
Reinach Solomon 187.
Reinecke P. 181.
Remondamps A. E. 193.

Rickard T. A. 187.
Rosenberg Marc 190.
Rösler E. 184, 185, 187, 188, см. Рёслер Е.
Rostovtzeff M. 178, 179, 189, см. Ростовцев М.

Sacken Ed. 183.
Saglio 179.
Schaeffer F. A. Claude 181, 183, 190, 194.
Schäfer K. 194, 195.
Schiefner A. 198.
Schlottmann K. 181.
Schmidt Erich F. 175, 182, 183, 189, 190, 191, 197,
см. Шмидт Э.
Schmidt Hubert 176, 177, 179, 182, 184, 195, 202, см.
Шмидт Г.
Smieszek Antoni 196, 198, 200, см. Смешек А.
Smith Charles Roach 175.
Smith Elliot 198.
Sommerfeld Wanda 184.
Speiser Ephraim E. A. 175, 177, 193, 194, 195, 196, 198,
199, 201, см. Шпейзер Э.
Stassoff W. 182.
Szeliowska J. M. 181.

Tallgren A. M. 173, 176, 179, 181, 182, 183, 185, 186, 187,
см. Талльгрен А. М.
Tallquist Knut 201.
Thomsen Peter 187.
Thureau-Dangin F. 193, 194.
Tobler A. J. 199.
Tomascheck W. 195, см. Томашек.
Trubetskoy N. 196.
Tsountas Chrestos 182, 190.

Ungnad Arthur 189, 193, 194, 195, 201, см. Унгнад А.
Vallois H. V. 197.
Virchow Rudolf 173, 183, 187, 188, 198, см. Вирхов Р.
Vouga Paul 180.
Vullers A. I. 201, см. Вуллерс.

Wesendonk O. G. (v.) 174, 179, 183, см. Везендонк.
Wilke 186.
Winkler H. 187, 200, см. Винклер Г.
Wolf W. 194.
Wolff Max. 186.
Wooley C. Leonard 174, 182, 183, 190, 200, см. Вулли.
Wrede W. 182.
Wulsen R. Fr. 175.

Zakharov A. A. 174, см. Захаров А. А.
Zichy 183.

IV. УКАЗАТЕЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ*

ala, allada 128.
agrwa 91.
adäge 91.
ağara 91.
Арали 131.
Arene 199.
Argveđi 91.
Arinna, arinnailiš 125.
ärnas, ärnavä 128.
ašti, aštubjhi 128.
gasgas 132.
geri 41.
gurzan, gurž 91.
Gveria, gveri 41.
dabaj, dabani, dabis, dabnis 90.
deda 128.
ධිස්කෝස 125.
dutu, дзузу 128.
Eger, Egrewiki, Egrisi 91.
Екрантика, Екрантикъ 30, 91
Enguri 91.
Ergeta 91.
зиги, зихи, ҃иҳҳоӣ, ҃уғоӣ 91.
iber 91.
Ингур, Inguri 91.
Kaburanda, Kaburnat 128.
kaskas 132.
käääq 132.
Каепи, Caspi 125.
Керитика, Cegritice 91.
ҳархатоӣ 132.
katla, katru 125.
kattah 128.
Katte 125, 128.
kaxuri, kaxeli 125.
labarna 125.
λαβού 125.
lada 128.
learinna 128.
λέρυη 128.
λόπος 125.
Лулуби 128.
Lybe, Lilybaion 128.
manral, margali 91.
mašhu 125.
мергел 91.
megypteli 91.

meli 125.
мелия telepia (tulepia) 90.
miliš, mirias 125.
muru 125.
nahadi 127.
одим, Odimari 91.
пала, pala, palus 132.
palgu 201.
пину (binu) 90.
Пурсаканда 131.
rinah 128.
шабу, шами 125.
Сапитиахшо 81.
Табалы 131, 132.
tabari 131.
tabarna 125.
tabéru 131.
тавсакрави 24.
tebir tengir 131.
tibar 131.
Telibinu, Telipinu 90.
телепия (telepia) 90.
Түлөсөт 90.
tibira, Tibira 131.
Tisira dingir 131.
tipal 131.
Tiura, Tiliura 90.
tolebnis, tolebis мъя 90.
түрүлүхчү 43, 182.
tubal, tupal 131.
тulepia (tulepia) 90.
Θοβελ, Θοβερ 131.
Thubal, Thubalgajn 131.
uašho, uašhoa 125, 195.
uštadi 127.
φχονι, φшави 91.
Halpirtip, Halpirtip 128.
Ҳатамти, Ҳатамтира 125.
Хилакку 131.
bilani 125.
будун, булун 125.
quri, quži, 125.
çqali, çqari 128.
Wašshaw 125.
Wuru 125.

* Слова расположены в порядке русского алфавита без различия, как транскрибированные русским, так и латинскими и греческими знаками. Транскрипцию диктует, по типографским условиям, не удалось выдержать.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ ТАБЛИЦАХ*

I. Циклопические крепости в Триалети: 1. Юго-западный угол циклопической крепости в сел. Нардеван; 2. Ворота циклопической крепости (верхний комплекс) у сел. Авранло.

II. Циклопическая крепость селения Нардеван в Триалети: 1. Контрофорс северо-западного угла крепости; 2. Забутованная камнем толща северной крепостной стены циклопической кладки.

III. Могильник поздне-ахеменидской эпохи в урочище Нерон-Дереси: 1. Каменный ящик с погребением женщины и ребенка; 2. Часть могильника после раскопки.

IV. Образцы керамики ахеменидской эпохи (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.): **: 1. Чернолощеный кувшинчик \mathbb{C}^2 334 (погреб. 6, мог. у Нерон-Дереси); 2. Сероглиняный кувшинчик \mathbb{C}^1 459 (погреб. 1, там же); 3. Глиняная чернолощеная фиала \mathbb{C}^2 335 (погреб. 6, там же); 4. Чернолощеное блюдо \mathbb{C}^1 460 (погреб. 1, там же); 5. Краснокрашенная глиняная фиала \mathbb{C}^5 15 (погреб. 49, могильник у шоссе Гуниа-Кала-Даракев); 6. Красноглиняная чаша \mathbb{C}^2 403 (могильник у Нерон-Дереси).

V. Геммы: 1–8, 10. Четыреугольные пронизки из синего стекла \mathbb{C}^1 472 и округлая из стеатита \mathbb{C}^1 473, ув. в 2 раза (погреб. 3, могильник у Нерон-Дереси); 9. Оттиск четыреугольной синестеклянной геммы из Мдхета, нат. вел. (Байерн, инв. 8–02: 514); 11. Оттиск птицы с сердоликового перстня \mathbb{C}^1 479 (см. табл. VI₂), увел. в 3 раза (погреб. 1, могильник у шоссе из сел. Санты).

VI. Бусы разного времени: 1. Стеклянныи цветной бисер из могильника сасанидской эпохи у шоссе Санта-Джиниси \mathbb{C}^1 490 (погреб. 4); 2. Голубые пастовые и стеклянные золоченные бусы \mathbb{C}^3 390 из под насыпи кургана XVIII; 3. Сердоликовый перстень \mathbb{C}^1 479 (погреб. 1, мог. у шоссе Санта-Джиниси); 4. Буса темнопастовая с инкрустированным изображением змеи (увел. в 2 раза) \mathbb{C}^1 605, из погребения ванской эпохи (могильн. Марал-Дереси, погреб. 2); 5. Бугорчатая буса из стекловидной пасты (в нат. вел.) \mathbb{C}^1 606, оттуда же; 6–7. Бусы из цветного стекла и стекловидной пасты \mathbb{C}^2 734, \mathbb{C}^1 471, поздне-ахеменидской эпохи (мог. у Нерон-Дереси, погреб. 8 и 3).

VII. Серебряная посуда из Алгетского погребения ахеменидской эпохи (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.):

VIII. 1. Чаша (патэра) с омфалом и чеканной розеткой \mathbb{T}^1 1; 2. Блюдо с резной рельефной розеткой по наружной поверхности \mathbb{T}^1 2.

IX. Стеклянная чаша-фиала \mathbb{T}^1 4 из Алгетского погребения (в нат. велич.).

X. Штампованные пластины из бледного золота в $\frac{7}{9}$ нат. велич. (Алгетское погребение): 1. Накладка на рот покойника \mathbb{T}^1 12; 2. Глазная накладка \mathbb{T}^1 13; 3. Круглые нашивки с изображением женской головы в коническом убore \mathbb{T}^1 16 и 17.

XI. Инвентарь Алгетского погребения: 1 и 2. Проволочные браслеты из бледного золота \mathbb{T}^1 10; 3. Плакированный золотом браслет из серебряного прута \mathbb{T}^1 11; 4 и 5. Бронзовая и серебряная булавки \mathbb{T}^1 22; 6. Бронзовая трехногая подставка от светильника, \mathbb{T}^1 5 в $\frac{5}{6}$ нат. вел.

XII. Серебряные перстни \mathbb{T}^1 25 и 26 и геммы на них (Алгетское погребение).

XIII. Инвентарь Алгетского погребения: 1 и 3. Серебряные бляхи с петлями, в нат. вел. (типа миниатюрных фаларов); 2. Бронзовые удила, в $\frac{4}{5}$ нат. вел.

XII bis. Инвентарь Алгетского погребения: 1. Бронзовые удила, в $\frac{4}{5}$ нат. вел.; 2. Фрагмент серебряной обивки, в нат. вел.

XIV. Два погребения ранне-ахеменидской эпохи в могильнике у Бешташениской крепости: 1. Погреб. 39; 2. Погреб. 9.

XV. Погребения в могильнике у Бешташениской крепости: 1. Деталь погребения 17 с пятилучевой серебряной серьгой \mathbb{C}^4 365; 2. Детское погребение 59 с остродонным сосудиком \mathbb{C}^4 584.

XVI. Образцы керамики из могильника у Бешташениской крепости (в $\frac{1}{3}$ нат. велич.): 1. Пепельно-серый кувшин \mathbb{C}^1 405 (погреб. 30); 2. Красноокрашенный розовоглиняный кувшинчик \mathbb{C}^1 417 (погреб. 24); 3. Буроглиняная чаша-фиала \mathbb{C}^4 514 (погреб. 20); 4. Буроглиняный кувшинчик \mathbb{C}^4 525 (погреб. 61); 5. Красноокрашенный светлоглиняный кувшин с трубчатым носиком \mathbb{C}^4 306 (погреб. 13); 6. Двуручный краснокрашенный кувшинчик розовой глины \mathbb{C}^4 251 (погреб. 20).

XVII. Железный инвентарь могильника у Бешташениской крепости: 1. Наконечник копья \mathbb{C}^4 575 (мог. 48); 2. Серпообразный нож \mathbb{C}^4 587 (погреб. 57); 3. Серпообразное орудие \mathbb{C}^4 474 (погреб. 51); 4. Наконечник копья \mathbb{C}^1 531 (погреб. 41); 5. Топор \mathbb{C}^4 452 (погреб. 49).

XVIII. Грунтовые погребения мидийской эпохи могильника у дороги из с. Бешташени в Сафар-Харабу: 1. Погребальная площадка 1 с массивной „булавкой“ \mathbb{C}^3 615 (центр) и глиняной посудой \mathbb{C}^3 617–620 (см. табл. XVIII); 2. Головная часть грунтового погребения 10 с массивными „булавками“ \mathbb{C}^4 651, железным копьем \mathbb{C}^4 647 и бронзовым навершьем трости \mathbb{C}^4 650 (там же).

XIX. Образцы керамики (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) из грунтовых погребений с массивными „булавками“ (могильник у дороги из сел. Бешташени в Сафар-Харабу): 1. Темноглиняная чаша \mathbb{C}^3 619 (погреб. 1); 2. Сероглиняный узкогорлый кувшин \mathbb{C}^4 676 (погреб. 73); 3. Горшок ориентированый углами с выступами вместо ручек \mathbb{C}^3 620 (погреб. 1); 4. Черноглиняное блюдо с поддоньем \mathbb{C}^3 618 (погреб. 1); 5. Узкогорлый репчатой формы кувшин, ребристый \mathbb{C}^3 617 (погреб. 1); 6. Блюдо с поддоньем \mathbb{C}^4 671 (погреб. 73).

* Цветные таблицы выполнены по акварелям художницы Т. С. Шевяковой (табл. VI, XX₂, XXII, XXXIII, LXXVI–LXXXIII, LXXXVIII, XCIV₁, XCIV₂, CI, CVI, CXXI), Р. О. Шмерлинг (табл. XCIII, XCIV₂, XCIV₂), В. Г. Назаровой (табл. С) и Н. В. Васильевой (табл. XX₁). Фотографии серебряного кубка (табл. XCI–XCI₂) сделаны фотографом В. И. Тулашвили, остального металлического инвентаря, бус и фрагментов керамики фотолабораторией Гос. Музея Грузии, а цельной глиняной посуды фотографом Ю. Пахомовым.

Полевые фотографии выполнялись фотографом А. А. Куфтиным (табл. I, II, XL, XLI, LXV, LXVI, CVIII, CXVI, CXVII₂), О. Леонтьевым (LIX₁ и LXI₁) и остальными автором.

** Номенклатура предметов на таблицах: сверху вниз, по рядам слева направо.

XX. Образцы глазурованной керамики Триалети: 1. Глазурованный глиняный кубок Ц¹ 586 (в нат. вел.) урартской эпохи в форме горшочка с поддоньем и петлевидной ручкой (обломана) (погреб. 2 могильника Марал-Дереси); 2. Амфорисковидный сосуд Ц⁴ 70 (в нат. вел.) первых веков нашей эры (из под насыпи кургана ХХIII) с денарием имп. Августа.

XXI. Образцы бус урартской эпохи из могильника в Марал-Дереси (в нат. вел.): 1. Белый тальковый и светло голубой матовый пастовый бисер Ц¹ 617 (погреб. 3); 2 а. Бусы из зеленоватой фарфоровидной пасты Ц¹ 638 (погреб. 4); 2 б. Бусы стеклянные, темнозеленые, тонкостенные полые и бело-пастовые трубчатые Ц¹ 639 (погреб. 4).

XXII. Образцы разновременных бус (в нат. вел.): 1. Сфероидные сердоликовые и фаянсовидные глазурованные бусы Ц³ 410, 412 из основного погребения в кургане XV (см. табл. LXVI); 2. Пастовые и сердоликовые бусы Ц² 869 (Цинцкар. мог. погреб. 60); 3. Бусы сердоликовые глазурованные веретенообразные и пастовые Ц³ 514—518 из под насыпи ямного кургана XIII; 4. Бусы сердоликовые, белая фарфоровидная боченочная, ромбические белая и голубая, глазурованные, и колесовидные пастовые Ц¹ 510, 511, 544 из-под насыпи кургана III.

XXIII. Инвентарь погребения 4 могильника в Марал-Дереси (в нат. вел.): 1. Пара бронзовых браслетов Ц¹ 636; 2. Пуговка бронзовая Ц¹ 672; 3. Бронзовая мотыжка Ц¹ 630; 4. Подвеска из гальки Ц¹ 634; 5. Бусы сердоликовые; 6. Гребешок бронзовый, Ц¹ 632; 7. Фибула бронзовая Ц¹ 633.

XXIV. Мелкий инвентарь из погребения 2 (в нат. вел.) в могильнике Марал-Дереси: 1 и 4. Бронзовые петли Ц¹ 596; 2. Хрустальная подвеска Ц¹ 602, бусы сердоликовые Ц¹ 604 и агатовая Ц¹ 603; 3. Бисер белый и голубой с шишечками Ц¹ 610; 5. Браслет бронзовый Ц¹ 594; 6. Розетка гнутая бронзовая Ц¹ 612; 7. Каменная цилиндрическая пронизка Ц¹ 601; 8. Браслет с змеиними головками Ц¹ 593; 9. Буса сердоликовая; 10. Раковина ужовка Ц¹ 609; 11. Слиток бронзы Ц¹ 600; 12—13. Бусы из стекловидной пасты с изображением змеи (в двухкратном увелич.) Ц² 605; 14—15. Бусы стекловидные палевые с бугорками Ц¹ 606, 635; 16. Кольцо бронзовое Ц¹ 599; 17—21. Круглые выпуклые бронзовые нашивки Ц¹ 597, 598.

XXV. Бронзовый пояс из погребения 5 в могильнике Марал-Дереси: 1. Композиция рисунка (без каймы) (в 1/4 нат. велич.); 2 и 3. Фрагменты пояса Ц¹ 670 (около 1/2 нат. вел.) по фотографии.

XXVI. Ящичные погребения древне-железной эпохи: 1. Погребение 55 Цинцкаройского могильника с бронзовым поясом Ц² 915, купольной головкой посоха Ц² 914, бронзовыми стрелами Ц² 913 и железным кинжалом с бронзовыми головкой и обоймами рукояти Ц² 912; 2. Погребение 20 „Так-Килисинского“ могильника у шоссе из Гуниа-Кала в Даракев.

XXVII. Ящичные погребения древне-железной эпохи: 1. Каменный ящик с отсутствующей западной покровной плитой (след ограбления). Цинцкаройский могильник, погребение 23; 2. Каменный ящик со скорченным погребением вне могилы на его борту. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа-Кала—Даракев) погреб. 1.

XXVIII. Каменные ящики со скорченными погребениями древне-железной эпохи. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа-Кала—Даракев), погребение 15 и 16.

XXIX. Образцы керамики из каменных ящиков древне-железной эпохи Цинцкаройского и Так-Килисинского могильников (в 1/3 нат. велич.): 1. Темноглиняный сосуд с двумя ручками Ц² 1042 (Т-К. могильник, погреб. 12); 2. Сероглиняный кувшин Ц² 489 (Цинцкар. мог. погреб. 20); 3. Маслобойка буроглиняная Ц² 527 (Цинцкар. мог. погреб. 16); 4. Буроглиняный горшок с двумя ушками Ц² 589 (Цинцкар. мог. погреб. 23); 5. Темноглиняная кружка Ц² 674 (Цинцкар. мог. погреб. 44); 6. Серо-глиняная кружка Ц² 660 (Цинцкар. мог. погреб. 28); 7. Светло-сероглиняный кувшинчик с узо-

ром шевронами Ц² 959 (Цинцкар. мог. погреб. 76); 8. Грубо-лепленный сферический горшок из светлой глины с примесью обсидиановой дресвы Ц² 1012 (Так-Килисин. мог. погреб. 5).

XXX. Сильно скорченное погребение с бронзовыми вилами в западном конце каменного ящика. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа—Кала—Даракев) погреб. 35.

XXXI. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа—Кала—Даракев): 1. Погребение лошади у каменного ящика 66; 2. Бронзовые удила с роговыми псалиями Ц⁵ 117 в каменном ящике 67 (там же).

XXXII. Белые тальковые бусы типа „домино“ и бусы из голубой пасты ящичного погребения 3 древне-железной эпохи могильника в Марал-Дереси.

XXXIII. Пастовые и стеклянные предметы из погребений древне-железной эпохи: 1. Пуговицы пастовые в бронзовой оправе Ц² 558 (Цинцкар. могильник, погреб. 21); 2. Пастовые конические пронизки Ц² 806 (Цинцкар. могильник, погреб. 66); 3. Шаровидная стеклянная буса Ц² 1165 (Так-Килисинский могильник, погреб. 40); 4. Биконическая стеклянная буса Ц² 1115 (там же, погреб. 38); 5. Бусы: стеклянная цилиндровидная, голубые пастовые, зелено-синие стеклянные (одна с красными бородавками) из желтой стекловидной пасты; 6. Бусы пастовые голубые и слегка глазурованные, коралловидные и белые тальковые Ц² 568 (Цинцкар. мог., погреб. 22).

XXXIV. Инвентарь ящичных погребений древне-железной эпохи Цинцкаройского и Так-Килисинского могильников (в 1/3 нат. велич.): 1—5. Бронзовые купольные навершия посохов Ц² 1098 (Т-К. мог. 12), Ц² 718 (Цинцкар. мог. 36), Ц³ 956 (тоже, 76), Ц³ 539 (тоже, 17) и Ц² 1109 (Т-К. мог. 29); 6. Бронзовые удила Ц² 1090 (Так-Килисин. мог., погреб. 10); 7. Бронзовая ажурная подвеска с изображением секиры Ц³ 1104 (Так-Килисин. мог., погреб. 25); 8. Массивная бронзовая подвеска в форме соски и сердоликовые бусы Ц² 721, 722 (Цинцкар. мог., погреб. 54); 9. Привеска в форме двойной секиры Ц² 986 (Цинцкар. мог., погреб. 51); 10, 11. Ажурные лапчатые привески Ц² 844 (Цинцкар. мог., погреб. 71); 12—16. Пять бронзовых стрел Ц² 1160, 1187 (Т-К. мог. погреб. 40); 17. Бронзовое копье Ц² 1157 (оттуда же); 18—19. Шаровидные бусы—сердоликовая и стеклянная (оттуда же); 20—22. Браслеты двупроволочные и маленький ленточный Ц² 1188, 1189 (оттуда же).

XXXV. Железные наконечники копий из ящичных погребений древне-железной эпохи Цинцкаройского и Так-Килисинского могильников (в 1/2 нат. велич.). Ц² 1067 (Т-К. мог., погреб. 31), Ц² 1224 (Т-К. мог., погреб. 45), Ц² 532 (Цинцкар. мог., погреб. 16), Ц² 941 (Цинцкар. мог., погреб. 51).

XXXVI. Грунтовое погребение древне-железной эпохи в сел. Куща с плоскодонно-сферическим буроглиняным сосудом Ц⁴ 358, темноглиняным кувшинчиками Ц⁴ 356, 357, железным мечом с бронзовой четырехгранный двурастворной рукоятью Ц⁴ 350, бронзовыми стрелами Ц⁴ 353, бронзовым купольным навершием Ц⁴ 352.

XXXVII. Инвентарь грунтового погребения в сел. Куща: 1. Бронзовое портупейное кольцо с шнуровой литой орнаментацией Ц⁴ 351; 2. Купольное навершие Ц⁴ 452 с четырьмя ромбическими выступами; 3. Бронзовая четырехгранный двурастворная рукоять железного меча Ц⁴ 350; 4—10. Бронзовые стрелы Ц⁴ 353.

XXXVIII. Инвентарь погребений из каменных ящиков древне-железной эпохи (могильник у дороги из сел. Бешташени в сел. Сафар-Хараба): 1 и 2. Бронзовые крупные булавки Ц⁴ 29 и Ц⁴ 319 (погреб. 34 и 23); 3. Бронзовое куполовидное навершие Ц⁴ 25 (погреб. 34); 4. Бронзовое навершие ножа в виде скульптурной головки льва Ц⁴ 24 (оттуда же); 5. Бронзовый ролик для ремня Ц⁴ 26 (оттуда же); 6. Фрагмент железного лезвия вставленного в расщелину бронзового стержня Ц⁴ 27 (оттуда же); 7. Буса сердоликовая Ц⁴ 28 (оттуда же); 8. Основание железного ножичка с шипом для рукояти и бронзовой обоймой Ц⁴ 23 (оттуда же).

XXXIX. Скорченные грунтовые погребения поздне-бронзовой эпохи (могильник у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: погребение 17 и погребение 21 (см. табл. LII).

XL. Грунтовое погребение 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи: направо бронзовый шлем Ц^4 163, бронзовый пояс (на блюде сердоликовые бусы и зубы покойника), булавки, серп, глиняный конический кубок; на верху удила, крючья, костяные пронизки, наконечник копья и согнутый клинок кинжала (см. табл. XLVI, XLVII).

XLI. Деталь грунтового погребения 11 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи с намеренно поломанным инвентарем: два бронзовых кинжала, булава, пояс; на верху кобанский топор, наконечник копья, стрелы (см. табл. XLIX).

XLII. Грунтовое погребение 4 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи: внизу у колен бронзовый серп и вкладыши кремневого серпа, сзади стрелы, у груди два кинжалных клинка, среди посуды следы черепа; в левом углу копье Ц^4 235 (см. табл. XLIV).

XLIII. Детали погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. Череп и ножки барабана в погреб. 37 (см. рисунок 65); 2. Бронзовые удила с трензелями из оленевого рога в погреб. 13 (см. табл. XLVI).

XLIV. Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения 4 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (см. табл. XLII): 1, 2. Бронзовые клинки Ц^3 590, 591; 3. Бронзовое копье Ц^3 596; 4. Стрелы Ц^3 592; 5. Бронзовый серп Ц^3 594; 6. Кремневый вкладыш серпа Ц^3 600; 7. Бронзовое височное кольцо с золотым рожком Ц^3 599; 8. Булавка Ц^3 598; 9. Сердоликовые бусы Ц^3 597.

XLV. Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения 19, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. „Портупейное кольцо“ Ц^4 216; 2. Булава Ц^4 221; 3. Бронзовый ролик-пряжка Ц^4 217; 4. Восьмигранная булавка Ц^4 222; 5. Копье Ц^4 215; 6. Полушарная бронзовая нашивка Ц^4 224; 7, 8, 9. Костяные и бронзовая стрелы Ц^4 220 а, б.; 10. Фрагмент бронзового клинка Ц^4 226; 11. Гнутая трехугольная розетка Ц^4 218; 12. Вкладыши кремневого серпа Ц^4 226; 13. Предмет из основания рога со сверлиной Ц^4 225.

XLVI. Пара бронзовых удил с роговыми трензелями к одним из них и две пары бронзовых крючьев из погребения 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (см. табл. XL и XLIII₂).

XLVII. Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (см. табл. XL): 1. Костяной орнаментированный рожок Ц^4 156 (наконечник ножен?); 2. Бронзовый браслет Ц^4 149; 3. Бусы сердоликовые Ц^4 164; 4. Бронзовое копье Ц^4 150; 5. Фрагмент бронзового пояса Ц^4 162; 6. Бронзовая булавка Ц^4 157; 7. Ролик Ц^4 146; 7. Согнутый клинок бронзового кинжала Ц^4 151; 8. Булавка Ц^4 158; 9. Бронзовый серп Ц^4 152; 10, 11. Завиток Ц^4 160 и пинцет Ц^4 159; 12. Бруск каменный Ц^4 154; 13. Костяные цилиндрические и большая кубическая пронизки Ц^4 155.

XLVIII. Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около $1/5$ нат. вел.): 1. Пепельно-серый кувшин с валиками вместо ручек Ц^4 165 (погреб. 13); 2. Темно-глиняная „маслобойка“ Ц^4 129 (погреб. 11); 3. Двуручный сосуд Ц^4 248 (погреб. 20); 4. Черноглиняное блюдо Ц^4 250 (погреб. 20); 5. Кружка Ц^4 131 (погреб. 11); 6. Темноглиняный горшок Ц^4 8 (погреб. 33); 7 и 8. Черноглиняные миски Ц^4 125 (погреб. 11) и Ц^4 169 (погреб. 13).

XLIX. Инвентарь грунтового погребения 11 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. Бронзовый топор Ц^4 109; 2. Пряжка с головкой барабана Ц^4 114; 3, 6. Плоские бронзовые стрелы Ц^4 117; 7. Бронзовый пояс Ц^4 112; 8. Бронзовая

булава Ц^4 110; 9. Бронзовый кинжал с ажурной головкой Ц^4 107, 108; 10. Бронзовый кинжал с бронзовой рукоятью Ц^4 106; 11. Бронзовое копье Ц^4 111; 11, 12. Сердоликовые бусы Ц^4 118; 13. Предмет из основания оленевого рога с бронзовой насечкой Ц^4 121.

L. Инвентарь грунтового погребения 20, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. Бронзовый плоский поперечный топор Ц^4 236, типа западно-грузинского (меско-джавахетского) „пехечо“; 2. Бронзовая булава со сквозным отверстием Ц^4 241; 3. Височное кольцо плакированное серебром Ц^4 232; 4. Бронзовое копье Ц^4 234; 5. Бронзовый клинок Ц^4 237. 6. Золотое полое височное кольцо Ц^4 240; 7. Остаток деревянного стержня булавы; 8. Плоская бронзовая стрелка Ц^4 253; 9. Бронзовый подток к копью Ц^4 235; 10. Бронзовая четырехгранные булавка с отверстием Ц^4 238.

LI. Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около $1/5$ нат. вел.): 1. Тонколощенный темноглиняный орнаментированный сосуд с парными шишками по корпусу Ц^4 206 (погреб. 18); 2. Сероглиняный кувшин с рельефным изображением змеи Ц^4 133 (погреб. 11); 3. Тонколощенный орнаментированный горшок-куружка Ц^4 205 (погреб. 18); 4. Светло-буроглиняный горшок-куружка с обсидиановым окошечком на дне Ц^4 247 (погреб. 20); 5. Лощенный темноглиняный сосуд с двумя обломанными ручками Ц^3 649 (погреб. 8); 6. Темноглиняный горшок с выступающей площадкой вместо ручки Ц^4 246 (погреб. 20).

LII. Инвентарь из грунтовых погребений, поздне-бронзовой эпохи, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1, 2, 4. Бронзовое копье Ц^4 259, кинжалный клинок Ц^4 258 и булавка Ц^4 257 из погребения 21; 3. Бронзовая булавка Ц^4 539 из погребения 26; 5. Сердоликовые бусы Ц^4 568 погребения 32; 6, 7. Бронзовый фрагментированный и костяной гребешки Ц^4 565, 566, оттуда же; 8. Четыре бронзовых булавки Ц^4 562—564, оттуда же; 9. Ожерелье из спиральных бронзовых трубочек Ц^4 567, оттуда же.

LIII. Глиняные орнаментированные кубки с полой ножкой из грунтовых погребений, поздне-бронзовой эпохи, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (в $1/3$ нат. вел.): 1. Погребение 19, Ц^4 214; 2. Погребение 32, Ц^4 569; 3. Погребение 37, Ц^4 75; 4. Погребение 13, Ц^4 168.

LIV. Большой каменный круг в урочище Байбарт на р. Геряк-Чай

LV. Каменные покровы погребальных ям в центре каменных кругов, малого и большого, на р. Геряк-Чай.

LVI. Погребения бронзовой эпохи могильника с каменными кругами в урочище Байбарт на р. Геряк-Чай: 1. Погребальная яма в центре большого каменного круга; 2. Группа глиняных сосудов, галечная привеска, бусы и коронки человеческих зубов в погребении 4.

LVII. Образцы керамики из погребений в каменных кругах на реке Геряк-Чай (в $1/5$ нат. вел.): 1. Светлобурый сосуд с жгутовыми налепными поясами Ц^3 568 (погреб. 3); 2. Темноглиняный сосуд Ц^3 562, орнаментированный резным поясом в „елочку“ (погреб. в „малом кругу“); 3. Темноглиняный горшок орнаментированный углами Ц^3 561, оттуда же; 4. Черноглиняный сосуд с защипными поясами Ц^3 558, оттуда же; 5, 6. Темноглиняные кувшинчики Ц^3 578 и чашка Ц^3 580 (погреб. 4).

LVIII. Погребение 3 могильника с каменными кругами в урочище Байбарт на р. Геряк-Чай: 1. Деталь погребения: отпечаток черепа, ручных костей и булавка; 2. Булавка бронзовая секириовидная с фигуркой барабана Ц^3 570.

LIX. Внешний вид курганов Триалети: 1. Курган IV, „Карантин“ с остатками старой церкви (вид с северо-запада); 2. Курган 1 „Биюк-Тепе“ (вид с юго-востока); 3. Курган XXVIII с чисто каменной насыпью в урочище Сабит-Ахча.

LX. Внешний вид курганов Триалети: 1. Курган XVII „Хошабкелен-Гонц“ (вид с запада);
2. Курган XXXVI „Топ-Кар“ (вид с северо-запада).

LXI. Процесс раскопки кургана IV „Карантин“: 1. Снятие второго слоя насыпи;
2. Выемка засыпи из круглой погребальной ямы кургана.

LXII. Процесс раскопки курганов Триалети: 1. Вынос земли из погребальной ямы кургана IV „Карантин“; 2. Препарировка дна в северо-восточном углу „погребального зала“ кургана Топ-Кар (каменная кладка стен).

LXIII. Погребальные площади безъямных курганов Триалети: 1. Западная половина „погребального зала“ в кургане Топ-Кар; 2. Отпрепарированная погребальная площадь кургана XVIII с остатками золотого погребального „штандарта“ в центре.

LXIV. Раскопка курганов в Триалети: 1. Выемка засыпи из погребальной ямы кургана XV („Горджекелен-Гонц“): отпрепарированная северная стека ямы и медный котел на переднем плане; 2. Отпрепарированное костище у южного обреза насыпи безъямного кургана VIII („Тумасын-Тепеси“).

LXV. Раскрыта погребальная яма и дромос со скелетом быка в кургане XV (вид с востока).

LXVI. Отпрепарированное дно погребальной ямы в кургане XV (вид с южной стороны). В средней части два черепа быка и ножные фаланги, около северного черепа бронзовое копье Ц³ 417 (см. табл. CVI); слева фрагментированный медный котел Ц³ 401 и севернее его серебряная чашечка Ц³ 420 (ср. табл. СII₁); справа, фрагментированная бронзовая ваза с дужкой Ц³ 405 (см. табл. LXXXVII), золотой барабанчик, золотые трубки „штандарта“ Ц³ 407—409 (см. табл. С) и бусы Ц³ 410, 412 (см. табл. XXII₁).

LXVII. Отпрепарированное дно погребальной ямы в кургане XVII (вид с запада). На первом плане справа и слева ребра быков и другие кости; между ними один из окрашенных сосудов; в средней части ямы сильно фрагментированные сосуды; в восточном конце справа богато расписной „пифос“ Ц³ 290 (см. табл. LXXVII), кости животных и, слева, чернолощеная орнаментированная „гидрия“ Ц³ 292 и ряд других сосудов (см. табл. LXIX₁).

LXVIII. Детали отпрепарированного дна погребальной ямы в кургане XVII: 1. Фрагмент богато-расписного „пифоса“ Ц³ 290 (см. табл. LXXVII), серебряные булавки (две из них с золотыми головками) Ц³ 269, 270, (см. табл. XCIV_{1, 5}) и фрагментированное ведерко Ц³ 268 (см. табл. LXXXVIII); 2. Серебряный клинок кинжала Ц³ 286 (см. табл. CV₂), золотой рубчатый стержень Ц³ 284 и ребра быка.

LXIX. Детали отпрепарированного дна курганных погребальных ям: 1. Юго-западный угол ямы кургана XVII: на переднем плане золотой кубок Ц³ 283 (см. табл. XCIII), далее ряд трех разбитых сосудов, расписного Ц³ 295 (см. табл. LXXVI) и двух чернолощеных орнаментированных Ц³ 292, 294; 2. Южная сторона ямы кургана VII: золотая чаша Ц³ 971 (см. табл. CI₁) вверх дном и ряд разбитых сосудов.

LXX. Остатки животных частей в курганных погребениях: 1. Ножные фаланги быков и пять конечных хвостовых позвонков от шкуры, покрывавшей мясо, сложенное в северо-восточном углу ямы кургана VII; 2. Оленьи рога с частью черепа в насыпи кургана XXXIV, над погребальной ямой.

LXXI. Детали препарировки курганов: 1. Поверхность древней стены ямы, освобождаемая от засыпи в кургане XVI; 2. Следы плетеной циновки на дне ямы кургана XVII.

LXXII. Детали раскопки курганов: 1. Серебряная кружка Ц³ 208 (см. табл. СII₂) на дне глиняного сосуда в кургане XVI; 2. Внешний вид раскопанной четыреугольной погребальной ямы с дромосом в кургане XV (вид с юга).

LXXIII. Курганные чернолощеные крупные сосуды типа гидрий и пифосов (в 1/7 нат. вел.): 1. „Гидрия“ Ц³ 293, орнаментированная накольно-ленточным орнаментом

(см. табл. LXXIV) из кургана XVII; 2. „Гидрия“ № 291, орнаментированная циркульными кругами, шевронами и ромбами, оттуда же; 3. „Пифос“ с двумя ручками без орнамента № 227 из кургана V; 4. Низкогорлый сосуд орнаментированный шишками и елочными лентами № 297 из кургана XVII.

LXXIV. Накольно-ленточная орнаментировка на чернолощеном с розовой подкладкой сосуде № 293 из кургана XVII: 1. Деталь плечика сосуда; 2. Развертка орнамента.

LXXV. Образцы сероглиняной орнаментированной ленточными шевронами курганной керамики с пишущим черепком (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.): 1. Сосуд № 196 из кургана XVI; 2. Фрагменты плечика сосуда № 388 из кургана V.

LXXVI. Красноглиняный с тонким светлым ангобом расписной сосуд № 295 в форме гидрии из кургана XVII (см. табл. LXIX) в $\frac{1}{4}$ нат. вел.

LXXVII. Красноглиняный с кремовым плотным ангобом богато расписной сосуд № 290 из кургана XVII (см. табл. LXVII и LXVIII) в $\frac{1}{4}$ нат. вел.

LXXVIII. Красноглиняные с легким светлым ангобом расписные вазы из кургана V (в $\frac{2}{7}$ нат. вел.): 1. Реставрированная полностью № 279; 2. Реставрированное горло № 306.

LXXIX. Фрагменты красноглиняного с кремовым ангобом расписного сосуда № 307 в форме пифоса из кургана V (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.).

LXXX. Красноглиняный с кремовым ангобом расписной сосуд № 435 из кургана VI (в $\frac{1}{4}$ нат. вел.).

LXXXI. Красноокрашенная расписная керамика ямных курганов (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.): 1. Ваза с пятью шевронами и птицами № 885 из кургана VII; 2. Миска с дуговым орнаментом по краю № 404 из кургана XV.

LXXXII. Красноокрашенный расписной сосуд с семью шевронами № 970 из кургана VII (в $\frac{2}{5}$ нат. вел.).

LXXXIII. Фрагменты красноокрашенных расписных сосудов из ямных курганов Триалети (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.): 1—4. Из кургана 1 (Биюк-Тепе); 5—7. Из кургана XV.

LXXXIV. Мелкая глиняная посуда из курганных погребений (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.): 1. Чернолощеный орнаментированный кувшин № 299 из погребения в кургане XVII; 2. Сероглиняный бомбовидный кувшин с уплощенным дном № 300, оттуда же; 4, 6. Бомбовидные сероглиняные кувшинчики № 257 и 258 из засыпи ямы того же кургана; 3, 5. Чернолощеные тонкостенные с вогнуто-выпуклым орнаментом двуручные чаши из кургана XXV („Биюк Аю-Тепеси“).

LXXXV. Фрагменты керамики с погребальной площадки безъямного кургана VII („Тумасын Тепеси“) в $\frac{2}{3}$ нат. вел.: 1. Фрагменты чернолощенного трехручного сосуда с вогнуто-выпуклым орнаментом № 776; 2. Фрагменты грубоватого темнобурого сосуда с глубоко резным орнаментом № 764.

LXXXVI. Фрагменты тонкоглиняной чернолощеной керамики с канеллюрами и тонкорезным орнаментом № 582 из кургана XI (в $\frac{5}{6}$ нат. вел.).

LXXXVII. Бронзовая ваза на полой ножке с дужкой № 405 из кургана XV (см. табл. LXVI) в $\frac{2}{3}$ нат. вел.

LXXXVIII. Серебряное в золотой оправе ведерко, орнаментированное чеканкой № 268 (см. табл. LXVIII), в нат. вел.

LXXXIX. Детали чеканки на серебряном ведерке (см. табл. LXXXVIII) в четырехкратном увеличении: 1. Олень и повернувшая голову лань; 2. Собака (?) и молодой олень.

XC. Детали чеканки на серебряном ведерке (см. табл. LXXXVIII) в четырехкратном увеличении: 1. Бык с привязью и молодой олень со стрелой в груди; 2. Козел или серна.

XCI. Серебряный кубок, орнаментированный чеканкой и резным узором, № 282, из кургана V („Корух Таш“), более чем в полуторном увеличении.

ХСII. Деталь чеканки на серебряном кубке № 282 из кургана V (увел. в 2½ раза).

ХСIII. Кубок из червонного золота, украшенный аппликацией, филигранью и вставными камнями (бирюза, сердолик), № 283 из кургана XVII (см. табл. XIX₁), в натуральный размер.

ХСIV. Детали золотого ожерелья (см. табл. XCIV) из кургана VIII („Тумасын Тепеси“) в натуральный размер: 1. Буса украшенная филигранью, зернью и вставными камнями № 598; 2. Агатовый кулон в золотой оправе № 595.

ХСV. Золотое ожерелье (расположение бус произвольно) с агатовым кулоном, № 598—603, № 595, из кургана VIII (в нат. вел.).

ХСVI. Золотой инвентарь из безъямных курганов Триалети (в нат. вел.): 1—3. Золотые нашивные пластинки № 597 из кургана VIII; 4—6. Золотые бусы № 598 и 599 от ожерелья (см. табл. XCIV) из того же кургана (слегка уменьшены); 5. Золотой ажурный аграф № 882 из кургана IX; 7,8. Золотые ленточные оковки № 927 и 740 из кургана VIII; 9,11. Золотые трубочки № 852, оттуда же; 10. Половинка полой золотой бусы № 753 из кургана IX.

ХСVII. Золотой инвентарь из курганов Триалети (слегка уменьшен): 1. Золотая фигурка животного (горный баран, олень или лошадь) из кургана V (см. табл. XCIV); 2. Каменная резная подставка в золотой обкладке; 3—5. Серебряные булавки с золотыми головками № 173 из кургана XXXVI („Топ Кар“) и № 270^{a,b} из кургана XVII.

ХСVIII. Золотой инвентарь из курганов Триалети: 1, 2. Золотые полые паяные золотом завитки с погремками внутри № 596 из кургана VIII (в нат. вел.); 3—10. Предметы из кургана V (слегка увеличены): цилиндрическая обкладка трости № 283, украшенная зернью согнутая лентовидная пластинка с завернутыми краями № 310, бусы гладкие и рубчатые № 285 и 299, фигурка животного № 272 и каменная подставка № 284.

ХСIX. Золотые орнаментированные барабанчики (около нат. вел.) для „штандартов“ (?): № 406, из кургана VI, и № 407, из кургана XV (см. табл. С).

С. Золотое убранство погребального „штандарта“ из кургана XV (см. табл. LXVI): трубки для шнурков № 408, 409^{a,b}, барабанчик № 407 с выбивным орнаментом (две пары львов, меандр и валюты наверху) (см. табл. XCIX₂), воронки для кистей № 411.

СI. 1. Золотая кованная чашечка № 971 из кургана VII (см. табл. LXIX₂); 2. Аметистовая привеска в форме сердца № 520, агатовые привески, треугольные № 521 и в форме ноги № 522 (носок обломан), и цилиндрическая сердоликовая инкрустированная белыми полосками буска № 623, из под насыпи кургана XIII.

СII. Серебряные сосуды из ямных курганов Триалети: 1. Чашечка № 406 (немного уменьшена) из кургана XV (см. табл. LXVI); 2. Кружка № 208 (в нат. вел.) из кургана XVI (см. табл. LXXXII₂).

СIII. Золотые пластинчатые изделия из кургана XVII (в нат. вел.) 1. Диск с острошишечным и кружковым давленным орнаментом № 272; 2—4. Три тонких полуушария № 271; 5. Полушарные нашивки с двумя отверстиями каждая № 282.

СIV. Золотые предметы из кургана XXXVI („Топ-Кар“) в натуральный размер (за исключением первого): 1,3. Нижняя и верхняя стороны шаровидной булавочной головки (в полуторном увеличении), украшенной филигранью (три восьмерковидные спирали), зернью и камнями № 173; 2. Шаровидная полая буса № 206; 4. Фрагмент орнаментированной кружковым штампом и гравировкой обивки № 178; 5. Шаровидная полая из двух полуушарий с шишечным узором буса № 165 из кургана XXXIII; 6. Биконическая ребристая буса № 163; 7. Золотая обивка ступенчато-резной, видимо, деревянной колонки № 170.

СV. Кинжалные клинки и шило из курганных погребений Триалети (в нат. вел.): 1. Бронзовый кинжал № 417 из кургана XV; 2. Серебряный кинжал № 286 из

кургана XVII; 3. Бронзовый кинжал № 462 из под насыпи безъямного кургана XVIII; 4. Четырехгренное бронзовое шило № 418 из кургана XV.

СVI. Бронзовое (великолепно патинированное) с серебряной обоймочкой копье № 417 (в 8/9 нат. вел.) из кургана XV (см. табл. LXVI).

СVI_{bis}. Обсидиановый инвентарь курганов Триалети (в нат. вел.): 1—5. Стрелы № 159 из погребения „воина“ в кургане XL; 6—9. Стрелы № 174—177 из „погребального зала“ в кургане XXXVI; 10 „Окошечко“ № 179, оттуда же; 11—14. Дисковидные „окошечки“ № 257, 270, 290 из кургана V; 15—17. Стрелы № 421, 422 из кургана XV; 18—19. Стрелы № 225 и 236 из засыпи ямы в кургане XIX.

CVII. Деревянная четырехколесная повозка № 614 in situ в кургане XXIX. Сзади рабочего виден сочащийся по стене родник.

CVIII. Курганы в урочище Сабит-Ахча: 1. Общий вид раскопанных курганов XXIX (справа), XXX и XXXI; 2. Родниковое озерко в погребальной яме кургана XXIX (с деревянной колесницей).

CIX. Инвентарь кургана XXIX (с колесницей) 1. Чернолощеный глиняный сосуд № 609 (в 1/3 нат. вел.); 2. Золотые полые завитки № 607 (в нат. вел.); 3. Золотая круглая спиралька № 608; 4. Клинок кинжала с намеренно обломанным и согнутым кончиком и язычком рукояти № 606 (в нат. вел.).

CX. Погребения в курганных ямах с сохранившимися костяками: 1. Погребение покойника в сидячей позе с подогнутыми „по турецки“ ногами, в кургане XXII; 2. Скорченное на правом боку погребение эпохи древней бронзы в яме кургана XIII; в головах фрагментированный кувшин № 545 и глиняная кружка № 547.

CXI. Курганные погребения эпохи древней бронзы в Триалети: 1. Вскрытая могильная яма (вид с запада) с детским погребением в кургане XXV („Дурна Тепеси“). Видны бедрные кости ребенка и за ними глиняная большая кружка № 275 (см. табл. CXIV). Следы откатившегося черепа заметны против средины северной стены; 2. Округло-четыреугольная погребальная яма (вид с запада) в кургане XIX (см. табл. CXII).

CXII. Погребение эпохи древней бронзы в кургане XIX: 1. Дно курганной ямы (вид сверху с северной стороны). Налево виден глиняный кувшин № 321, в центре медное плоское лезвие № 323 (см. рис. 109, в тексте); 2. Чернолощеный орнаментированный кувшин № 321 in situ.

CXIII. Курган X эпохи древней бронзы: 1. Круглая погребальная яма (выемка засыпи ямы на глубине 8 метров); 2. Аппарель для очистки ямы от засыпи (на глубине около 7 метров).

CXIV. Образцы керамики (в 1/3 нат. вел.) и серебряный завиток (в нат. вел.) из древней группы курганов: 1. Кувшин чернолощеный из кургана XIX, орнаментированный тонко-линейновдавленным узором № 321 (см. табл. CXII); 2. Большая глиняная кружка, орнаментированная линейнорезным и вогнутовыпуклым орнаментом № 275 из кургана XXIV (см. табл. CXI₁); 3. Массивная полуторосpirальная подвеска № 139 в двух положениях из насыпи кургана IV („Карантин“); 4. Глиняная округло-остроронная кружка № 547 с тонко-линейновдавленным узором из кургана XIII (см. табл. CX₂); 5. Фрагментированный чернолощеный кувшин № 658 с тонко-линейновдавленным узором из основного погребения в кургане IV („Карантин“); 6. Чернолощеный кувшин № 545 с тонко-линейновдавленным узором из основного погребения в кургане XIII (см. табл. CX₂).

CXV. Медный инвентарь „воина“ из погребения в кургане XL (в нат. вел.): 1. Плоский наконечник копья № 256; 2, 4. Две, из шести, выпуклости с отверстиями для ремешков и шишечным орнаментом от „лат“ № 119; 3. Плоский клинок кинжала № 255.

CXV bis. Инвентарь воина из погребения в кургане XL (в нат. величину): 1. Гематитовая булава Ц⁵ 122; 2. Гематитовая булава из разграбленного кургана Биюк-Тумб в Бешташени Ц³ 209; 3. Золотые тонколистные спаянные золотом цилиндрические обкладки древка Ц⁵ 123.

CXVI. Бешташенская крепость: 1. Общий вид на северо-восточный участок „крепости“ с энеолитическим культурным слоем (вид со стороны речки Башкев-Су); 2,3. Детали остатков северной стены циклопической кладки.

CXVII. Культурный слой внутри Бешташенской крепости: 1. Четыреугольное жилище с глиняной „торней“ (круглой хлебной печью) в верхнем культурном слое; 2. Нижний энеолитический культурный слой под настилом из каменных плит.

CXVIII. Энеолитический культурный слой вне стен Бешташенской крепости: 1. Энеолитический культурный слой (видно скопление фрагментов энеолитической керамики), нарушенный ящичными погребениями средины I тысячелетия до нашей эры; 2. Энеолитический очаг. Слева два камня зернотерки Ц⁴ 345 и 346, в центре скопление золы (после удалении фрагментов глиняной обмазки дымохода) и на переднем плане и справа три глиняных сосуда Ц⁴ 429, 430, 432 (см. табл. CXIX). На заднем плане: фрагмент керамики с рельефной спиралью Ц⁴ 340 (см. табл. CXIX₅) и ручка сосуда.

CXIX. Кремневый инвентарь энеолитического слоя и древней группы курганов (в нат. вел.): 1. Обсидиановая ножевидная пластинка Ц³ 243 из насыпи кургана XIX; 2. Ножичек из розового кремня (зубчатость края преувеличена в цинкографии) Ц⁴ 66 из под насыпи безъямного кургана XXIII; 3. Пилка из розового кремня Ц⁴ 142 из культурного слоя Бешташенской крепости; 4, 7. Наконечники стрел Ц⁴ 334, 438 из буровато-розового кремня, оттуда же; 5. Кривой нож из буровато-розового кремня Ц⁴ 183 оттуда же (энеолитический слой); 6. Основание такого же ножа Ц⁴ 677; 8. Обсидиановый откол из культурного слоя Бешташенской крепости.

CXX. Образцы художественной керамики из энеолитического слоя Бешташенской крепости: 1, 2. Тонко-полированная черная с серой подкладкой керамика, орнаментированная вогнуто-выпуклым узором Ц⁴ 178 (в нат. вел.); 3. Чернолощеная керамика с широким линейным вдавленным узором Ц⁴ 190 (в нат. вел.); 4. Черная с розовой подкладкой керамика с рельефной спиралью Ц⁴ 339 (в нат. вел.); 5. Светлобурая керамика с остро-рельефной спиралью Ц⁴ 340 (в 1/3 нат. вел.); 6. Фигурка животного из светлобурых глины (головка отломана) Ц⁴ 335 (в нат. вел.).

CXXI. Образцы расписной керамики из верхних частей энеолитического слоя Бешташенской крепости (в 2/3 нат. вел.): 1. Венчик сосуда с грубой красно-буруй росписью Ц⁴ 182^a; 2. Фрагмент с красным полированным покровом и черной росписью Ц⁴ 182^b; 3. Фрагмент со светлым ангобом и черной росписью Ц⁴ 328.

CXXII. Образцы чернолощеной керамики с вдавленорезным ленточным орнаментом из культурного слоя Бешташенской крепости на границе с энеолитическим (почти в нат. вел.).

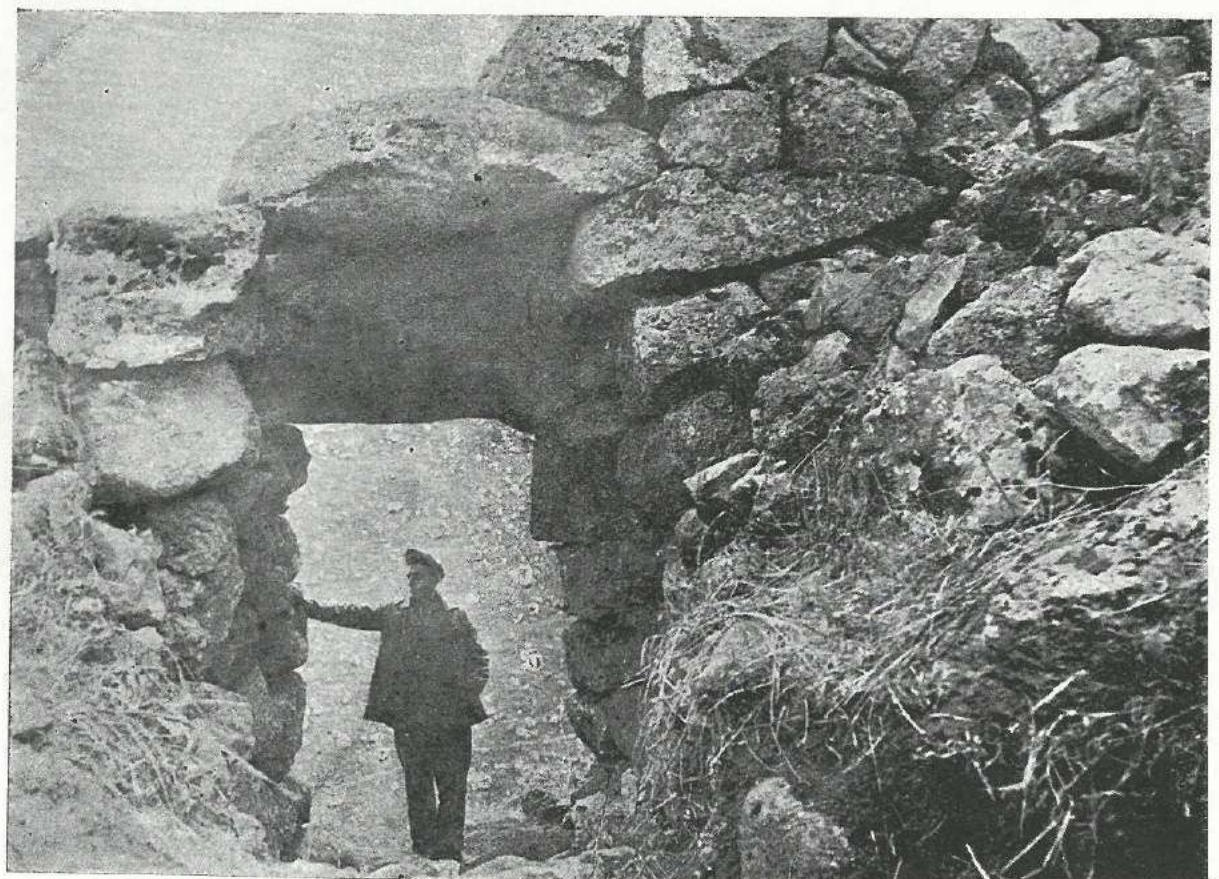
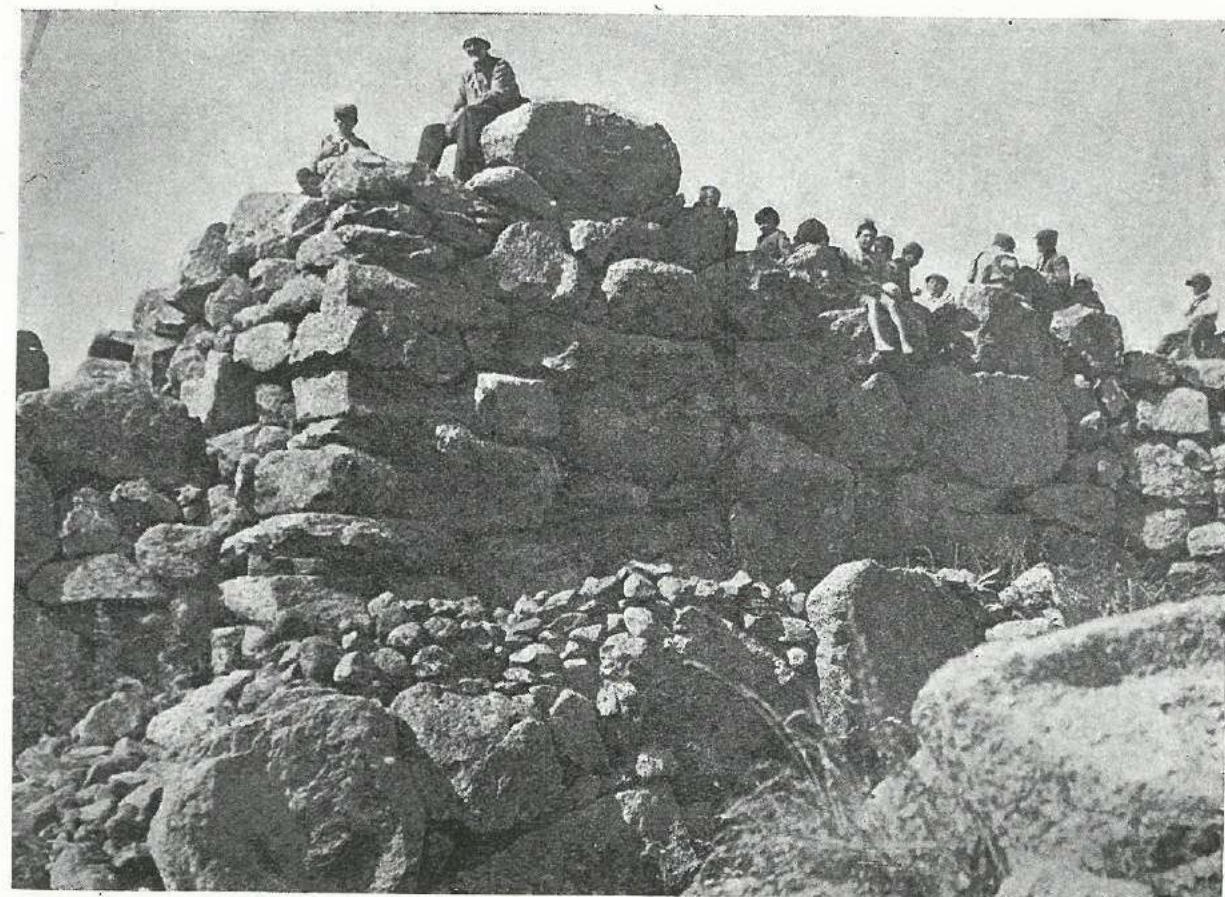
CXXIII. Керамика энеолитического очага и энеолитического культурного слоя Бешташенской крепости (в 1/5 нат. вел.): 1—3. Светлобурые сосуды Ц⁴ 429, 430, 432 из очага (см. табл. CXIX₂); 4. Чернолощеная с розовой подкладкой миска Ц⁴ 174^a.

CXXIV. Образцы керамики из энеолитического слоя Бешташенской крепости: 1. Ножка вазы с красным полированным покровом Ц⁴ 174^b (в 1/2 нат. вел.); 2. Двойная темносероглиняная лощеная кружка Ц⁴ 176 (в 1/3 нат. вел.); 3. Чернолощеная с розовой подкладкой высокая миска Ц⁴ 177^b (в 2/7 нат. вел.); 4. Светлобурая глиняная кружка Ц⁴ 327 (в 1/3 нат. вел.) с резным пиктограммообразным орнаментом (см. в тексте рис. 116); 5. Фрагменты плечиков черного с краснобурой подкладкой сосуда с рельефным подковообразным орнаментом и непроемной миниатюрной ручкой Ц⁴ 571 (в 1/3 нат. вел.).

CXXV. Образцы керамики энеолитических погребений (в 1/3 нат. вел.) и ручек из культурного слоя (в 1/2 нат. вел.): 1. Лощеная буроглиняная миска с парными шишковидными выступами вместо ручек Ц⁴ 723 из ящичного погребения у шоссе в Бармаксыз; 2. Лощеная буроглиняная кружка Ц⁴ 724, оттуда же; 3. Лощеная буроглиняная миска с двумя миниатюрными ручками Ц⁴ 818—819 из погребения у с. Таш-Баш; 4. Темнобурая лощеная миска с треугольным сосочковидным выступом Ц⁴ 825, оттуда же; 5. Фрагменты массивных ручек от бурых и чернолощеных сосудов с Бешташенской крепости.

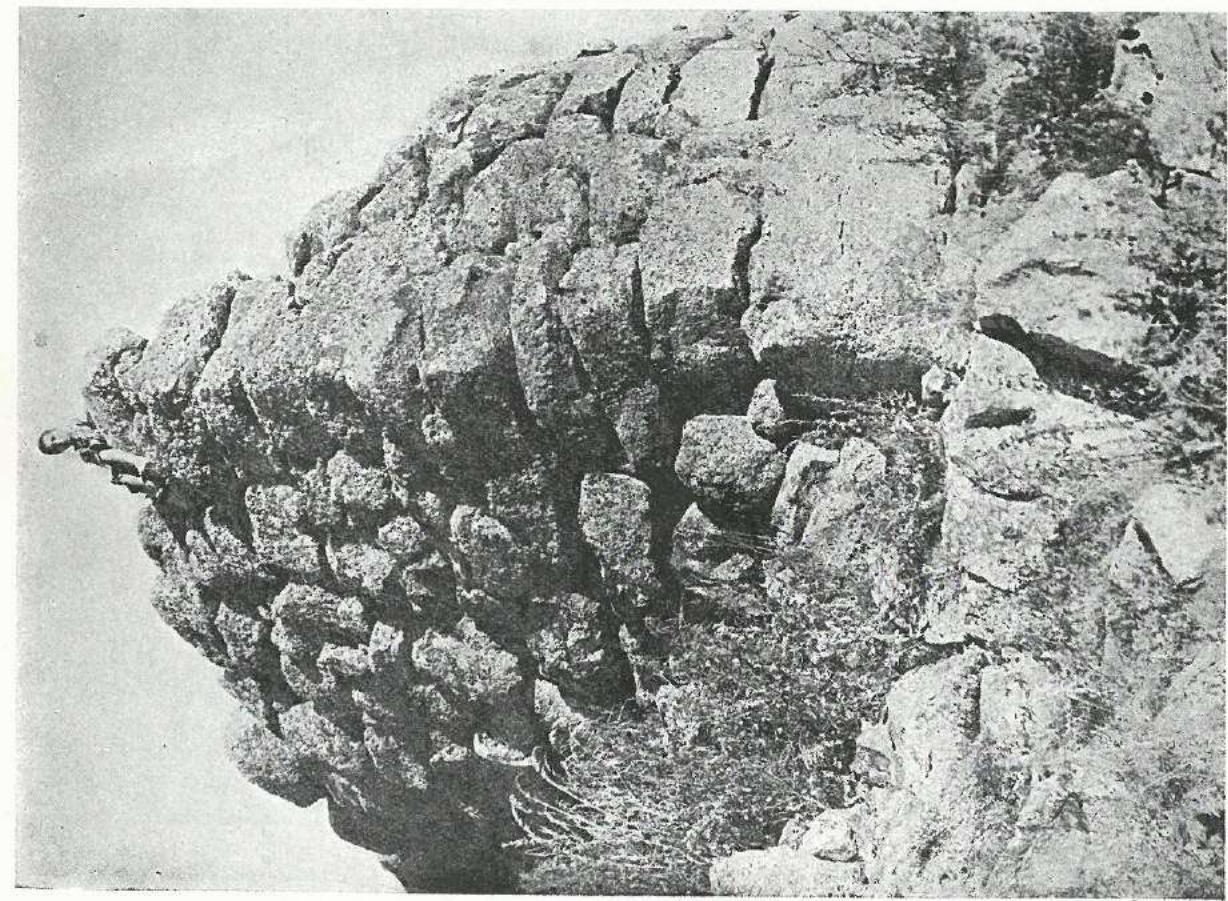
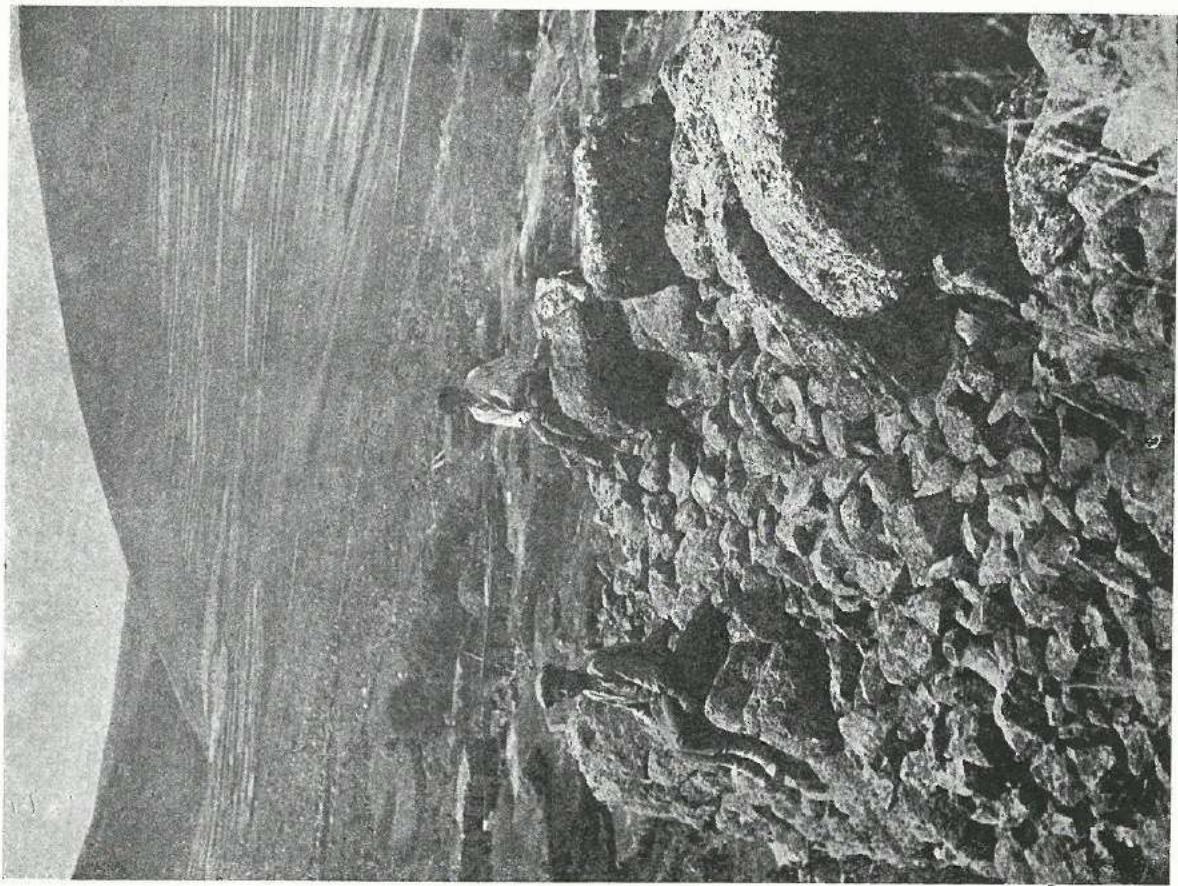
CXXVI. Пещеры Бармаксызского ущелья: 1. Правый борт Бармаксызского ущелья; 2. Площадка с эпипалеолитической стоянкой перед пещерообразным углублением в левом борту ущелья.

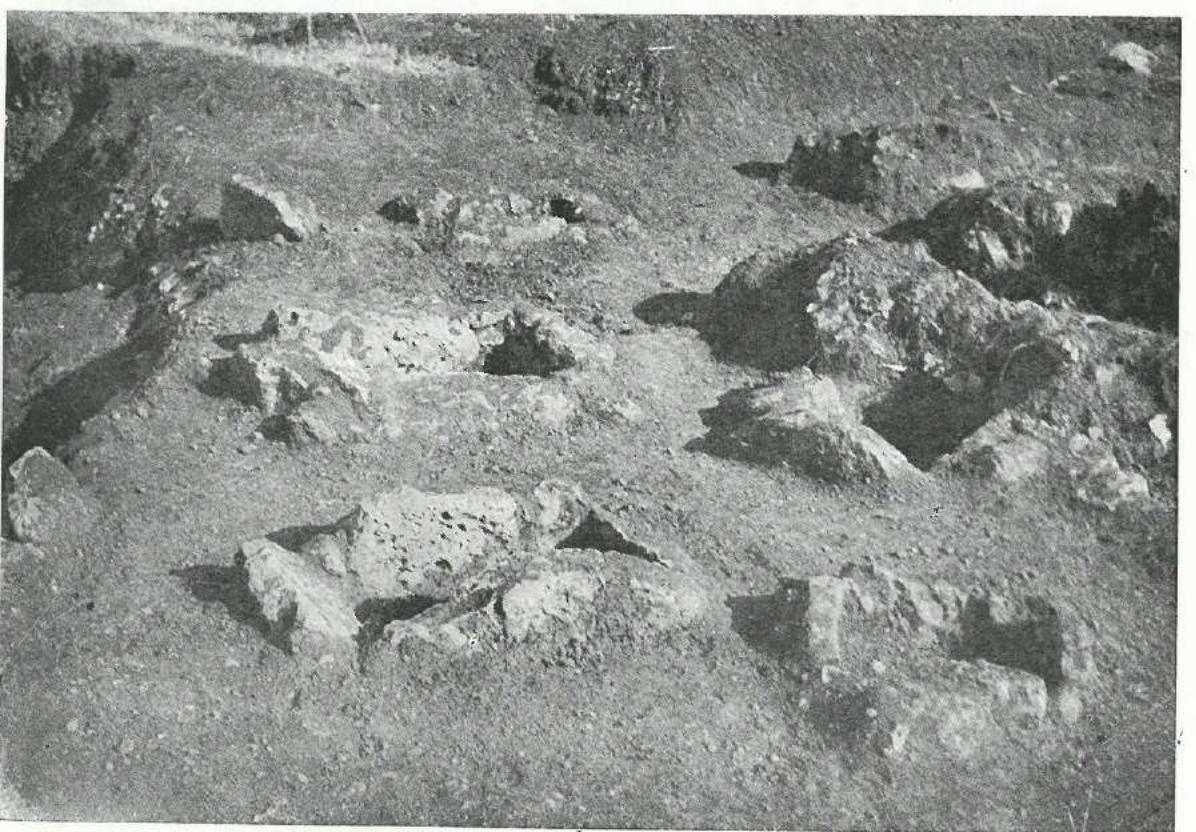
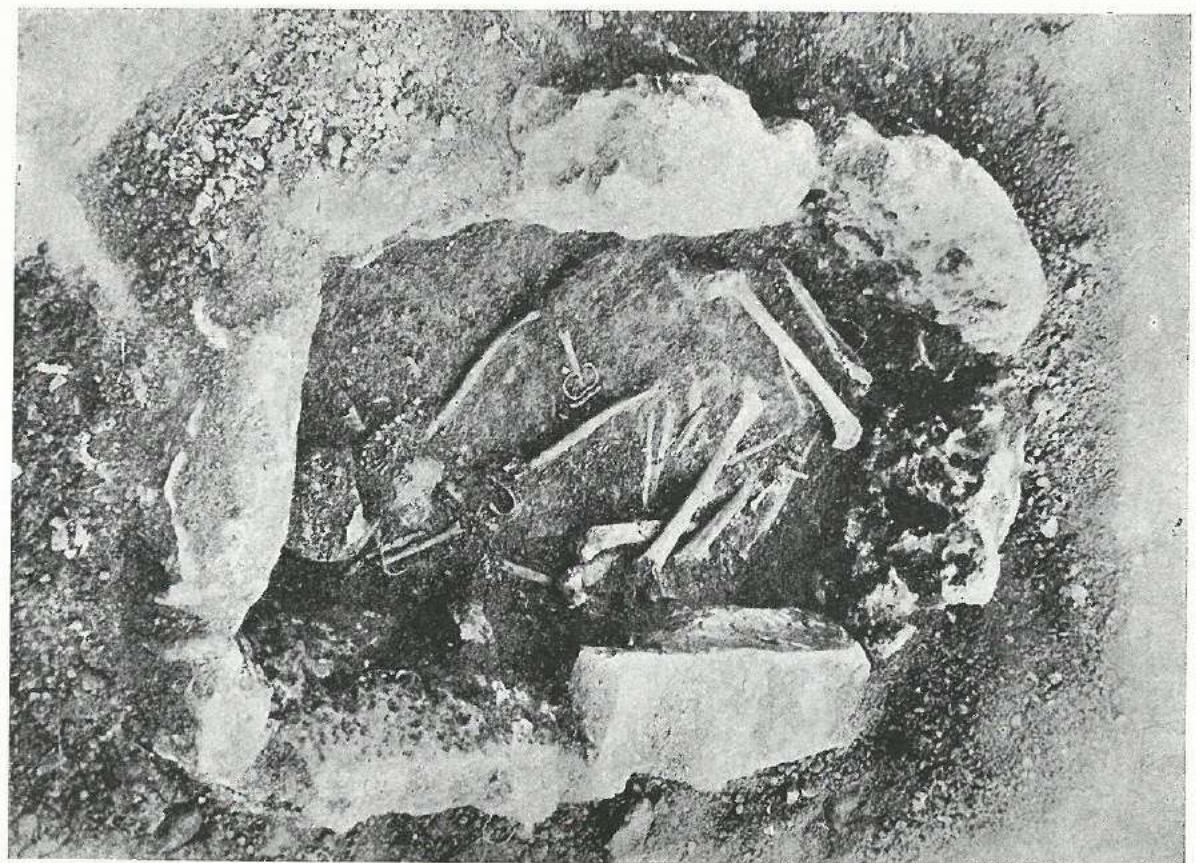
ТАБЛИЦЫ

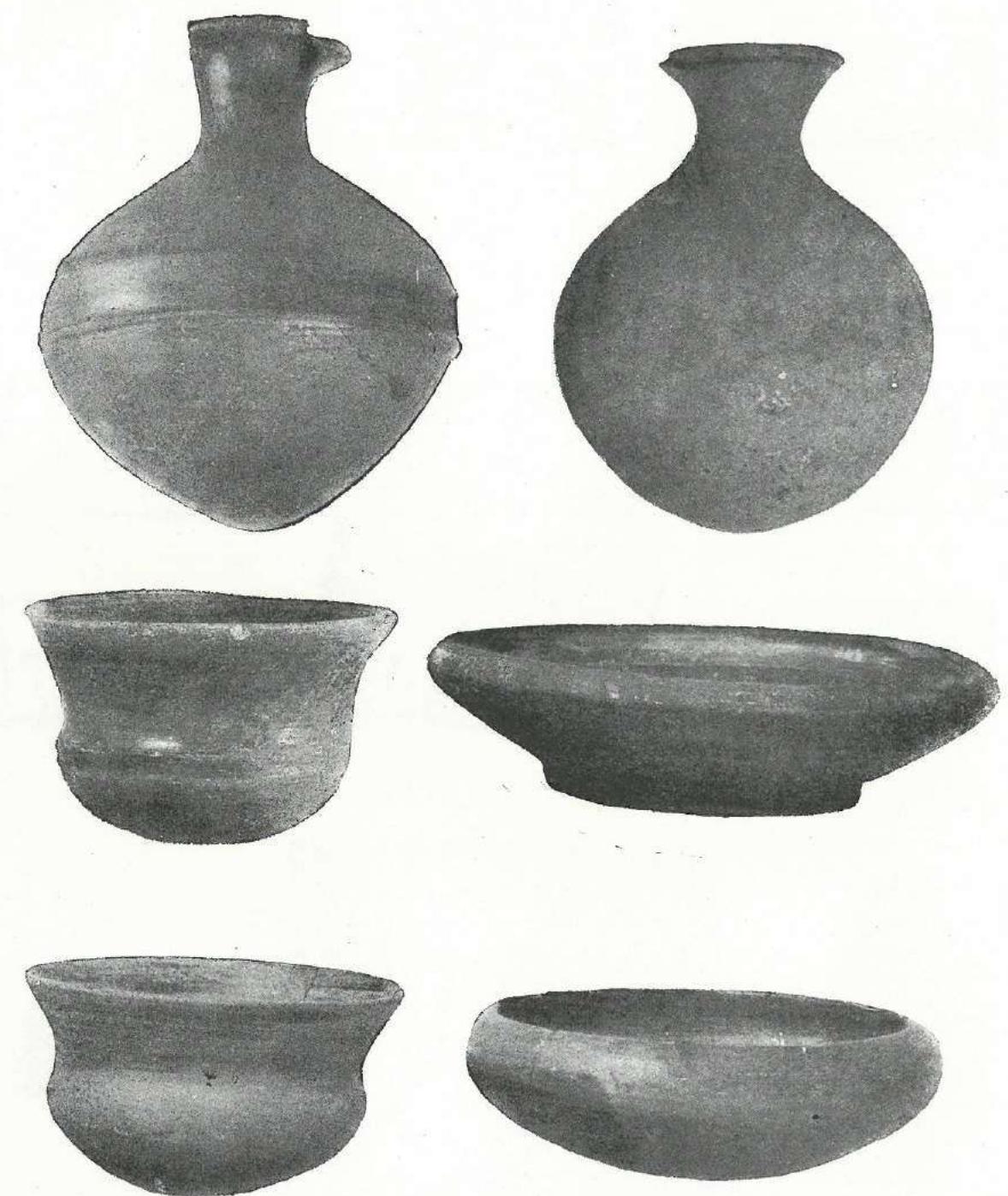
Цикlopические крепости в сел. Нардеван и Аевранло

Детали циклопической крепости селения Нардзеван: конюфорс и толица стены

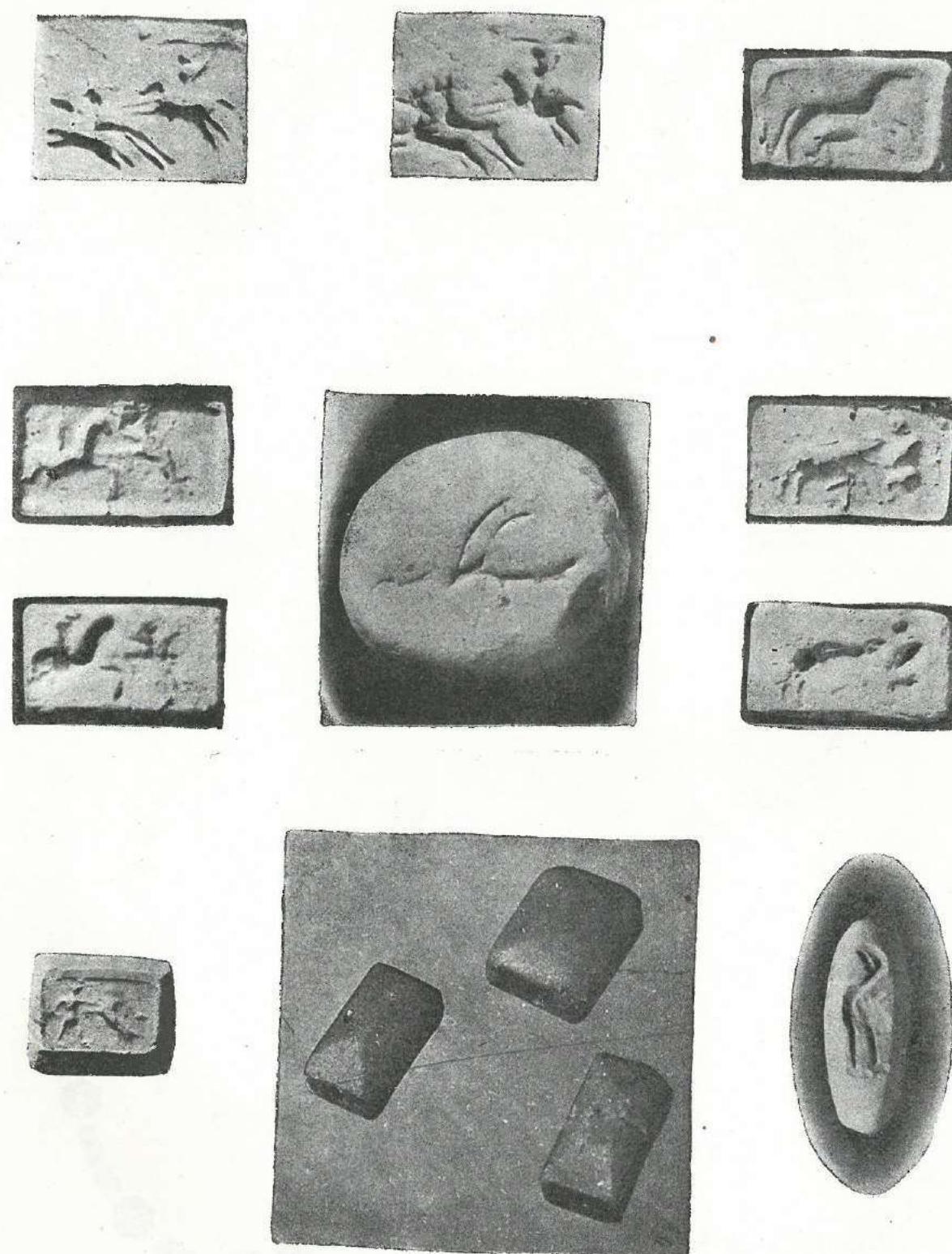

Могильник поздне-ахеменидской эпохи в урочище Нерон-Дереси

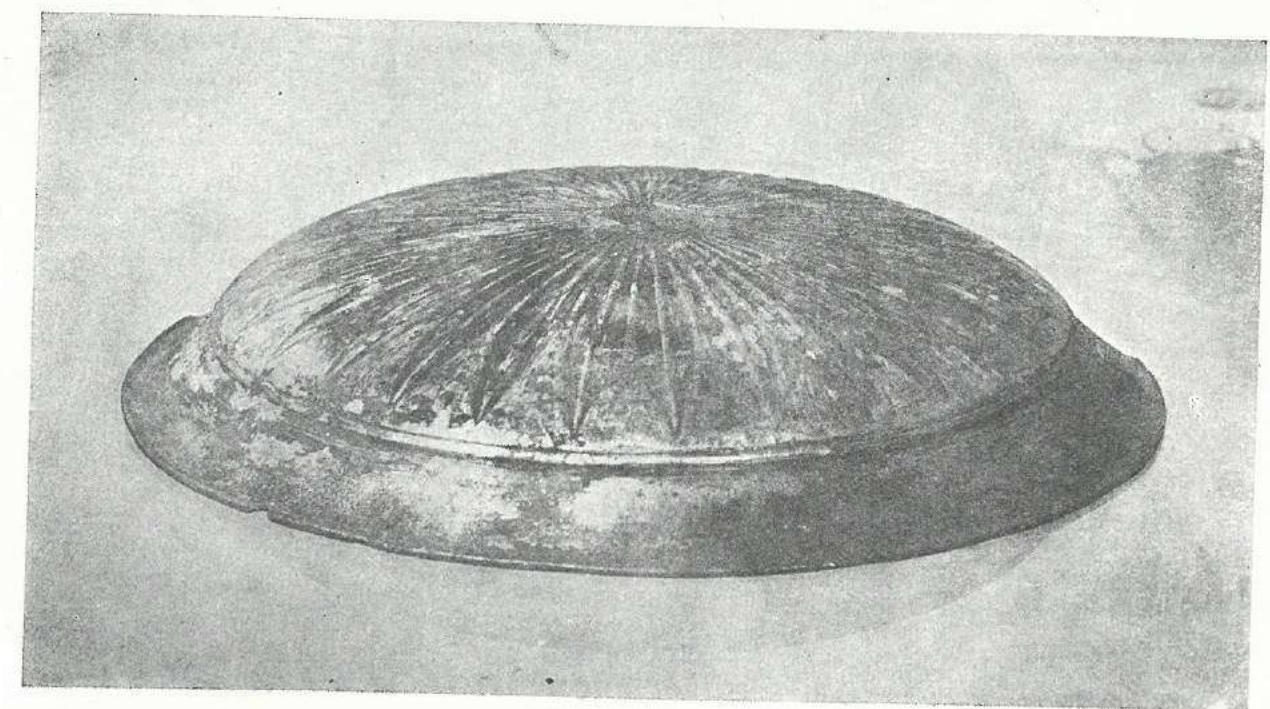
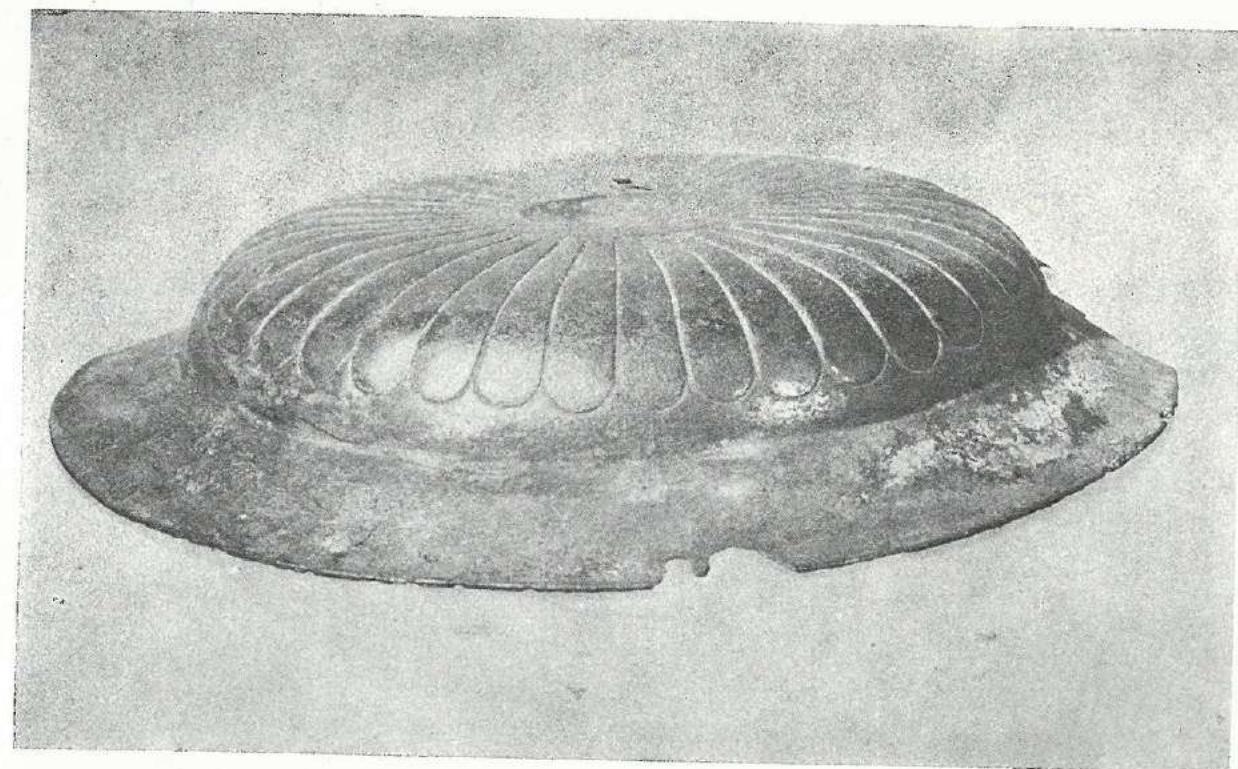
Образцы керамики ахеменидской эпохи (в $\frac{1}{2}$ nat. vel.)

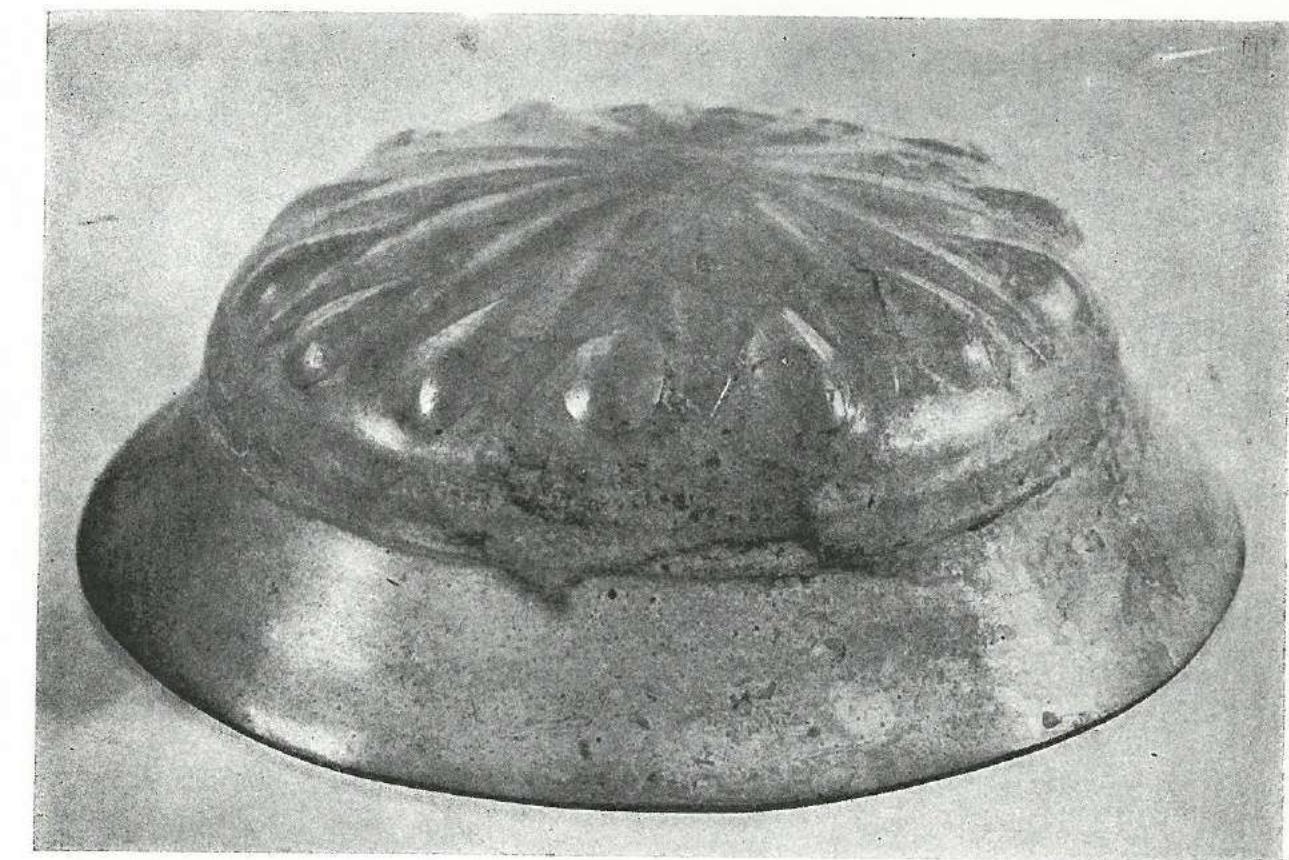
Четырехугольные пронизки из синего стекла и геммы на камне

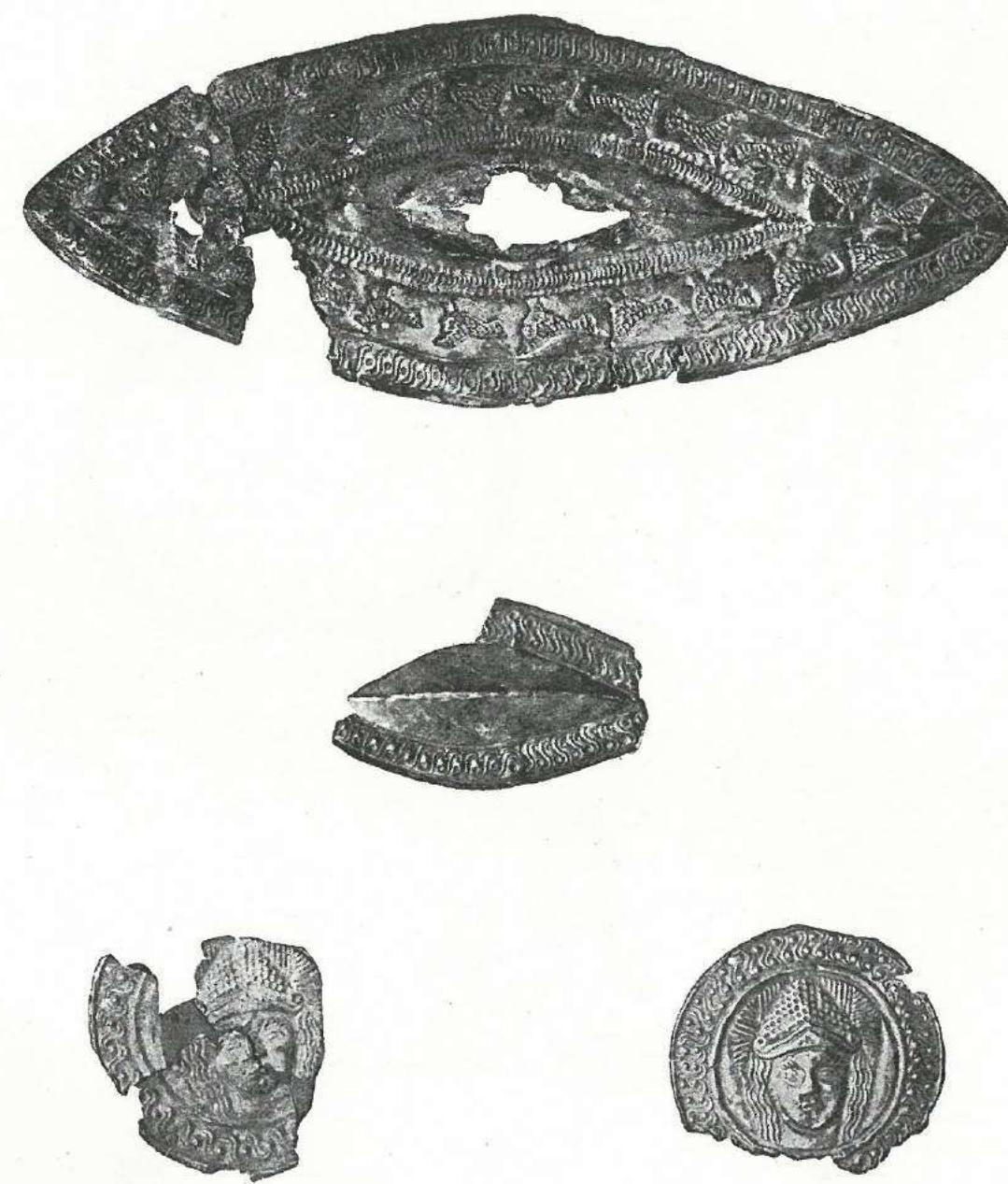
Бусы разного времени из погребений в Триалети

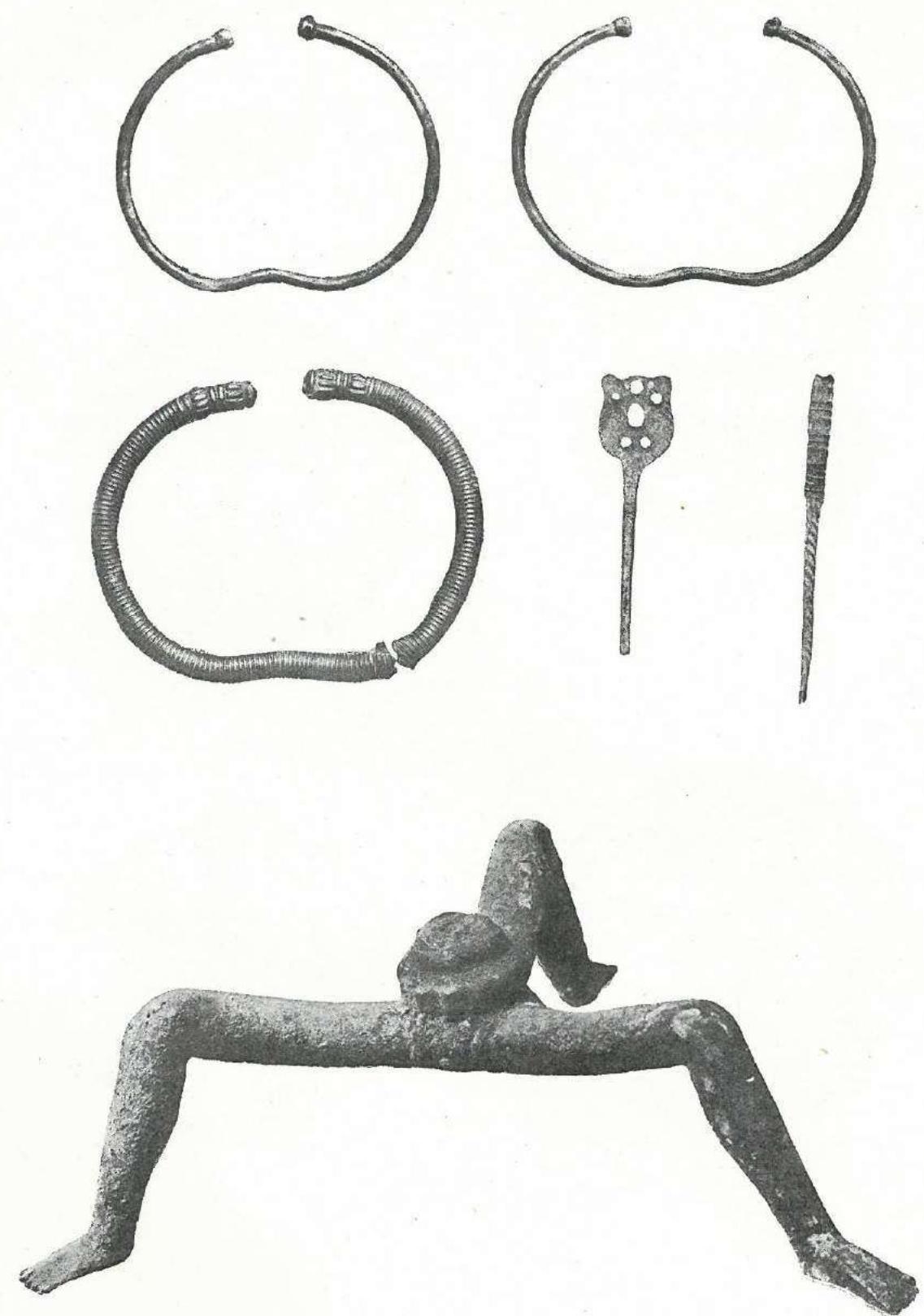
Серебряная посуда из Алгетского погребения ахеменидской эпохи (в $\frac{2}{3}$ nat. вел.)

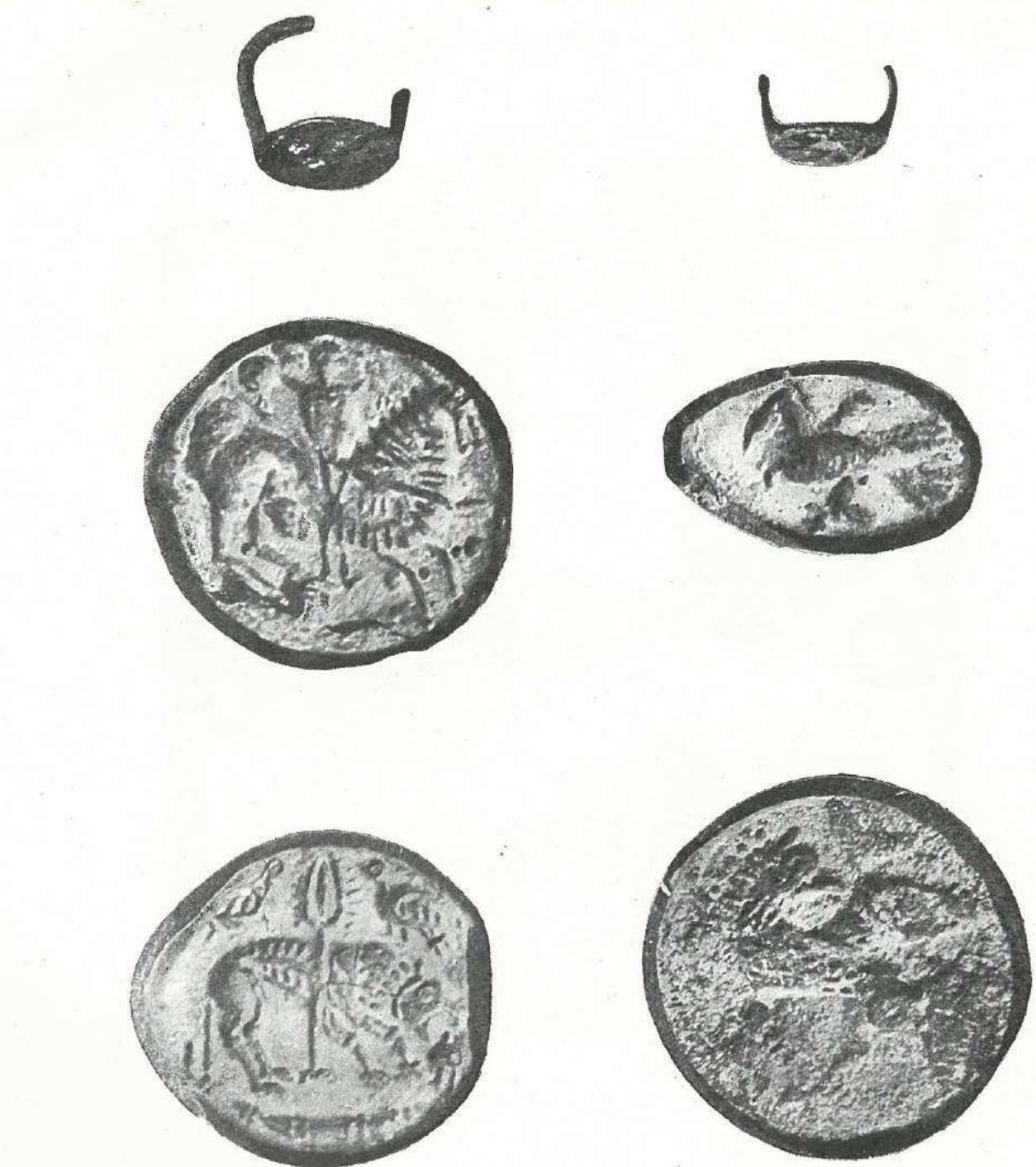
Стеклянная чаша-фиала из Алгетского погребения (в нат. велич.)

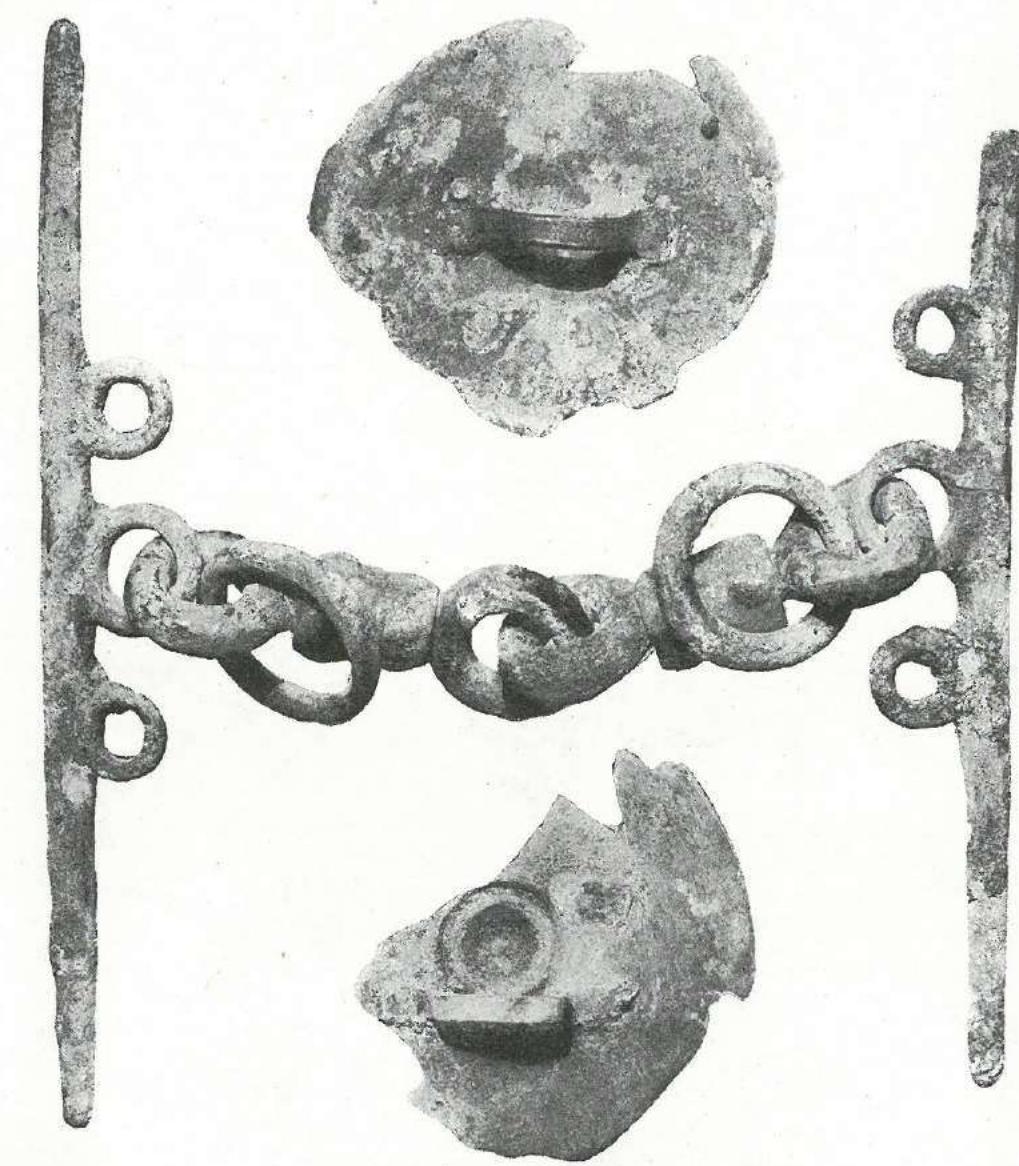
Штампованные накладки на рот и глаза покойника и нашивки из бледного золота
в $\frac{7}{9}$ нат. вел. (Алгетское погребение)

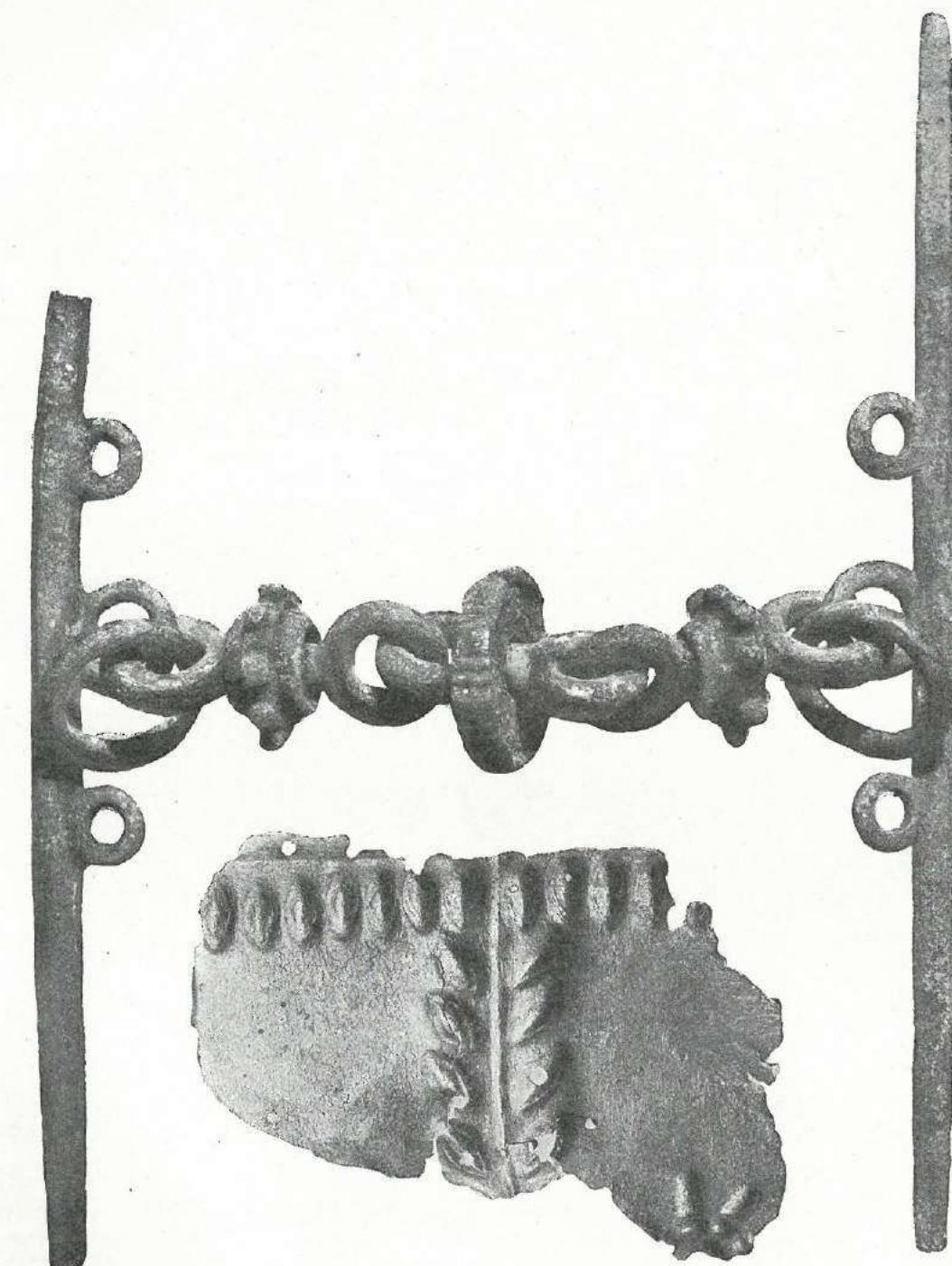
Элекционные браслеты и бронзовый треножник из Алгетского погребения

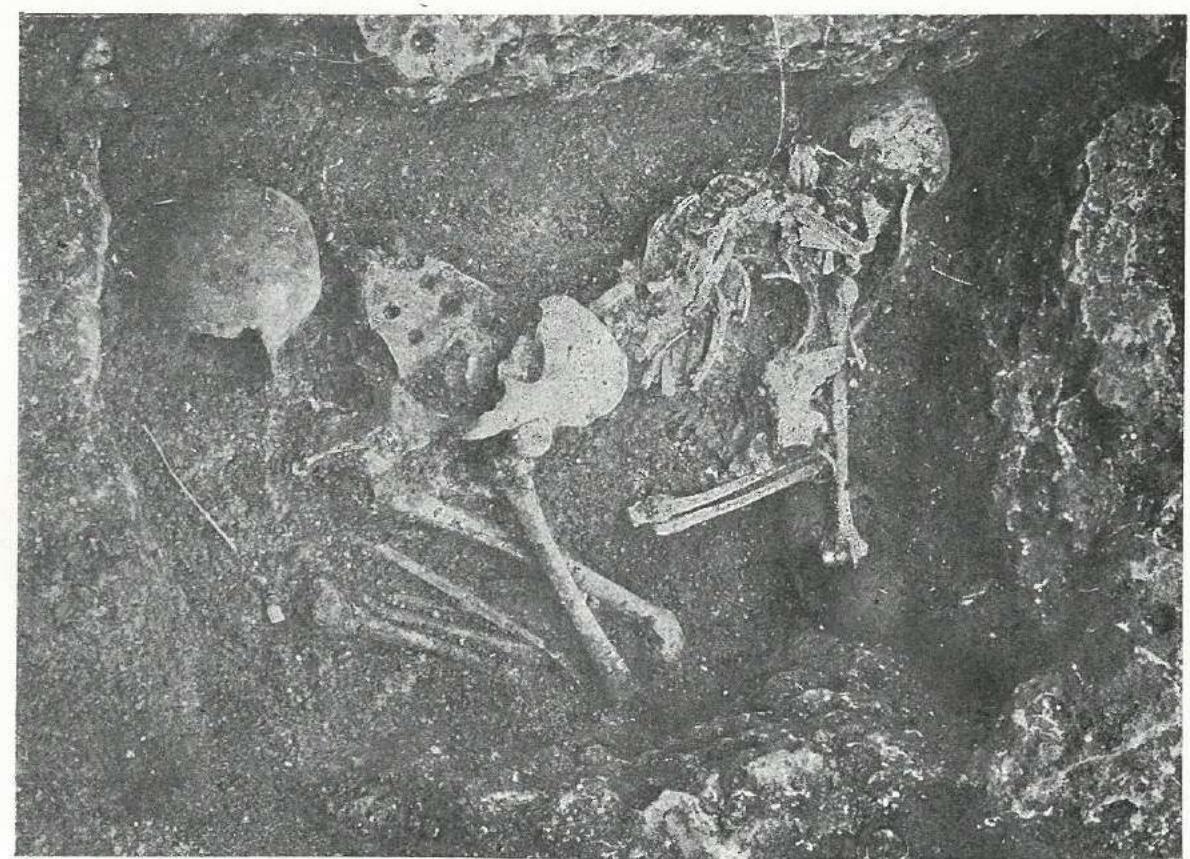
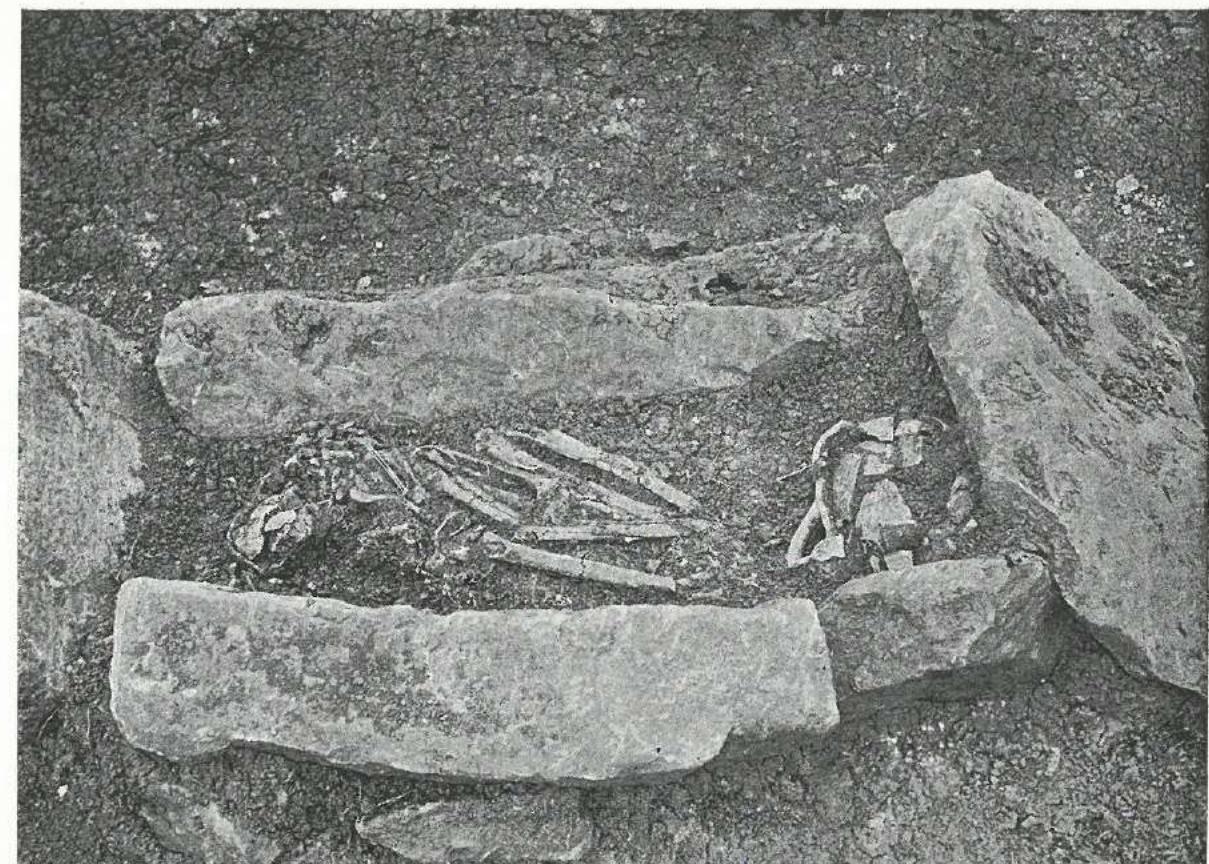
Серебряные перстни и печати на них из Алговского погребения

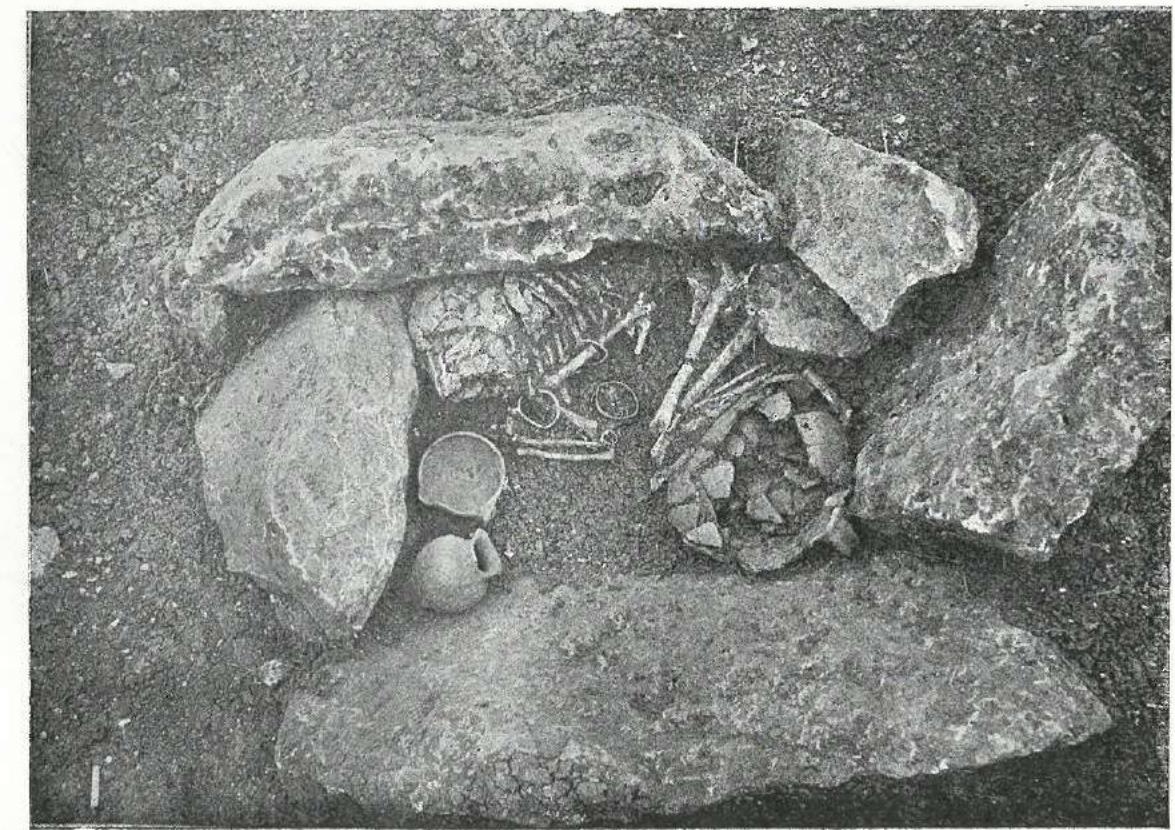
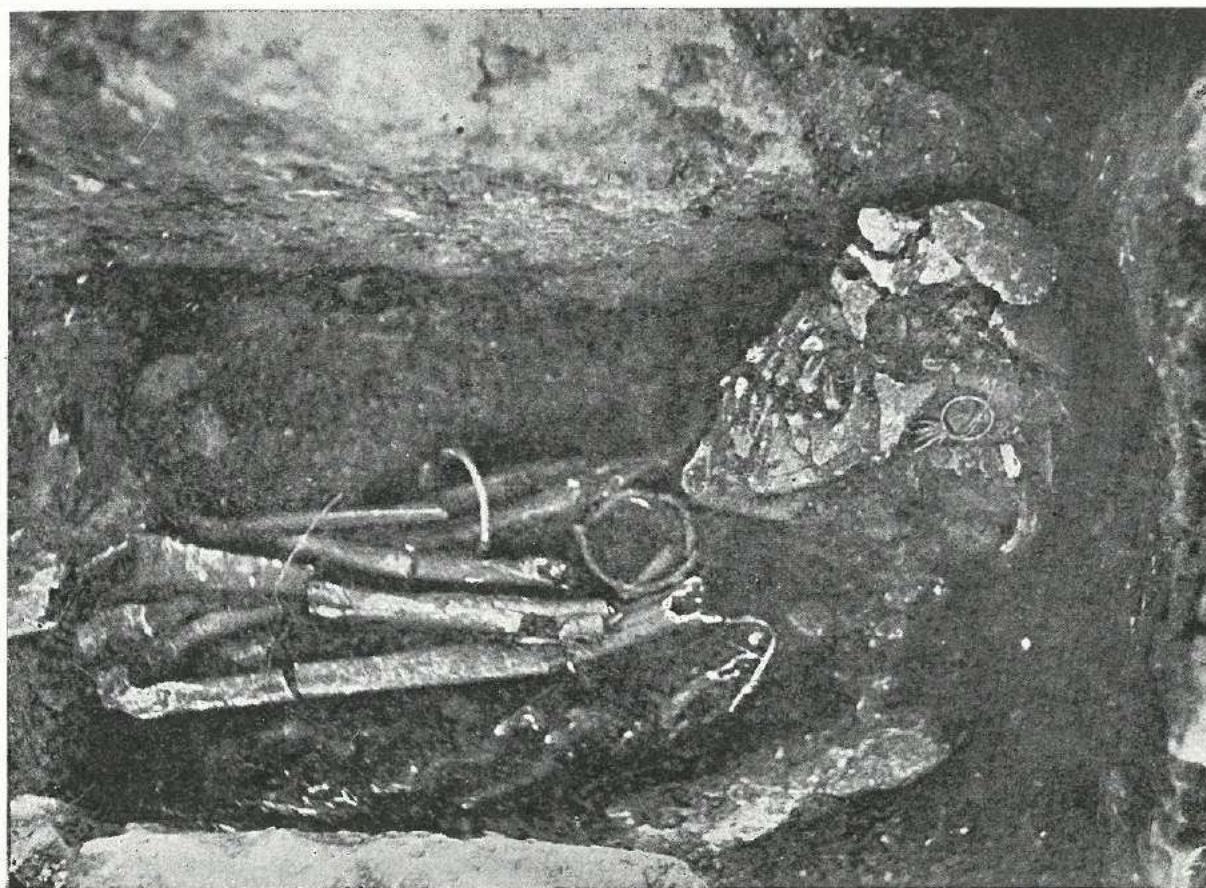
Бронзовые удила и серебряные вляхи из Алгетского погребения

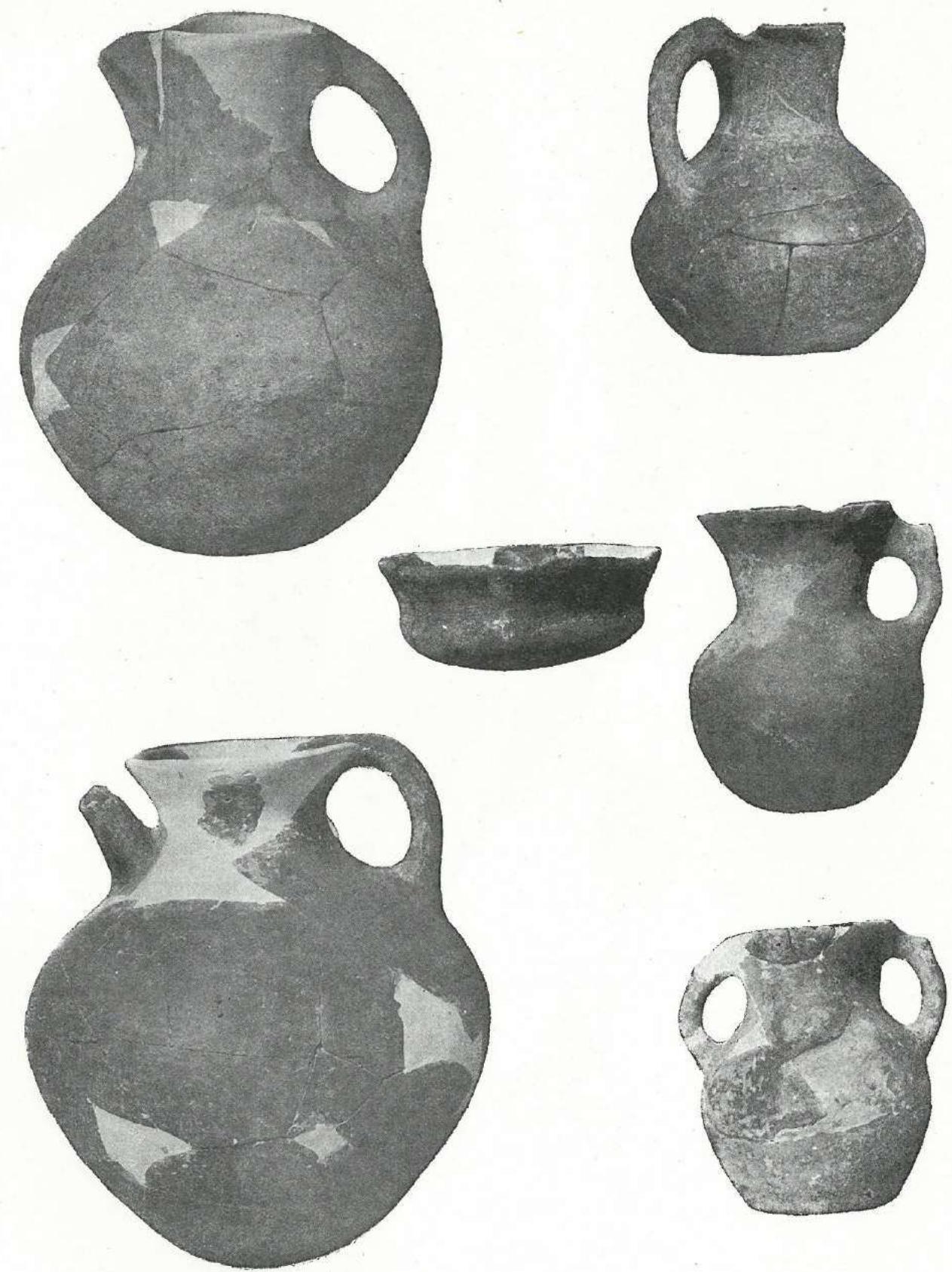
Бронзовые удила и фрагмент с серебряной обивкой из Алгетского погребения

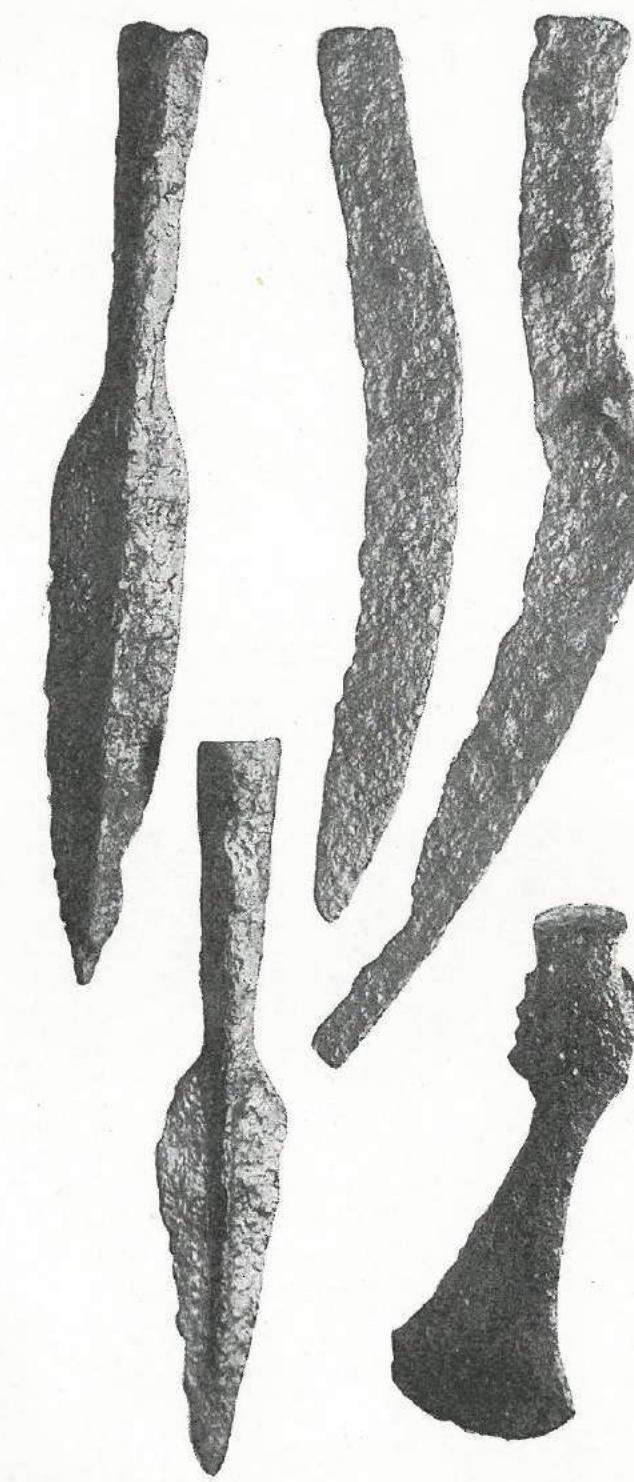
Два погребения ранне-ахеменидской эпохи могильника у Бешташонской крепости

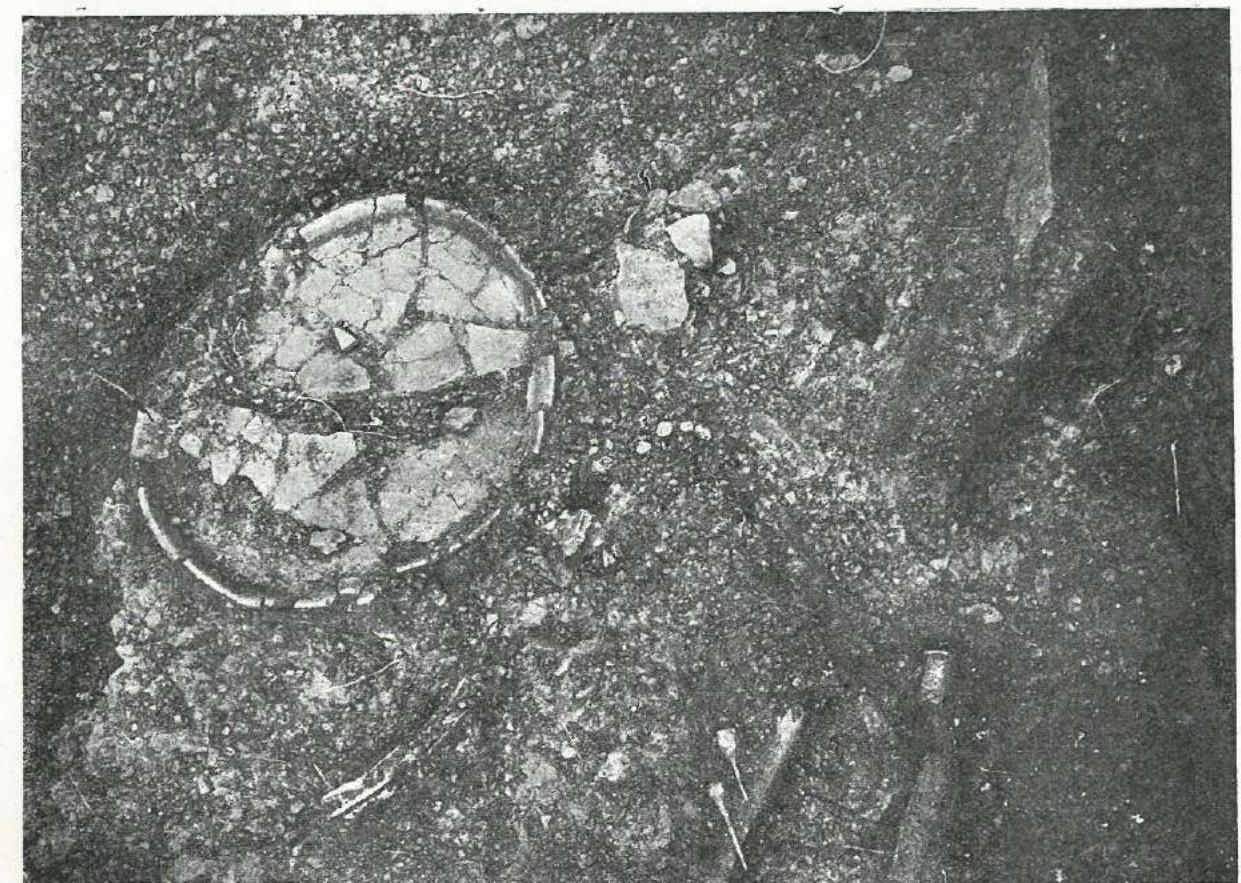
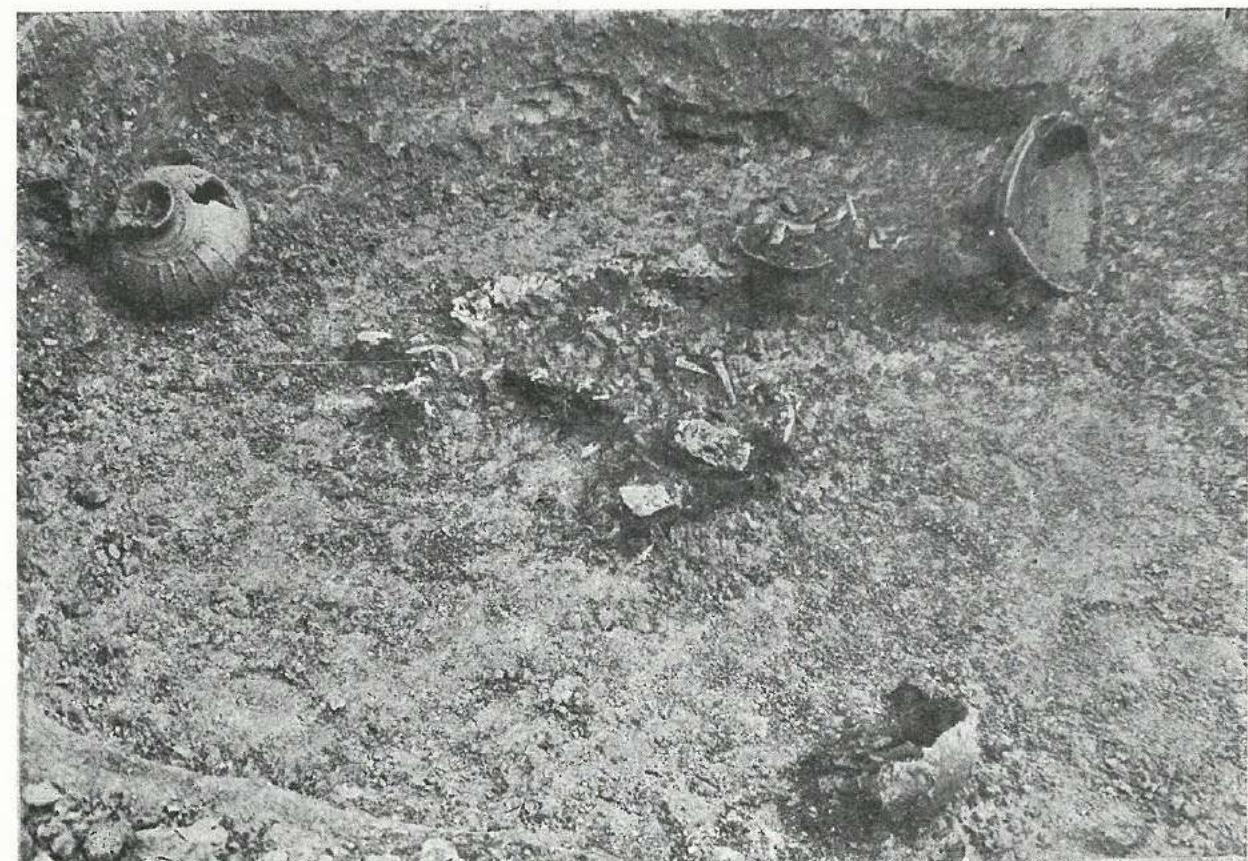
Погребения № 17 и № 39 в могильнике у Бешташской крепости

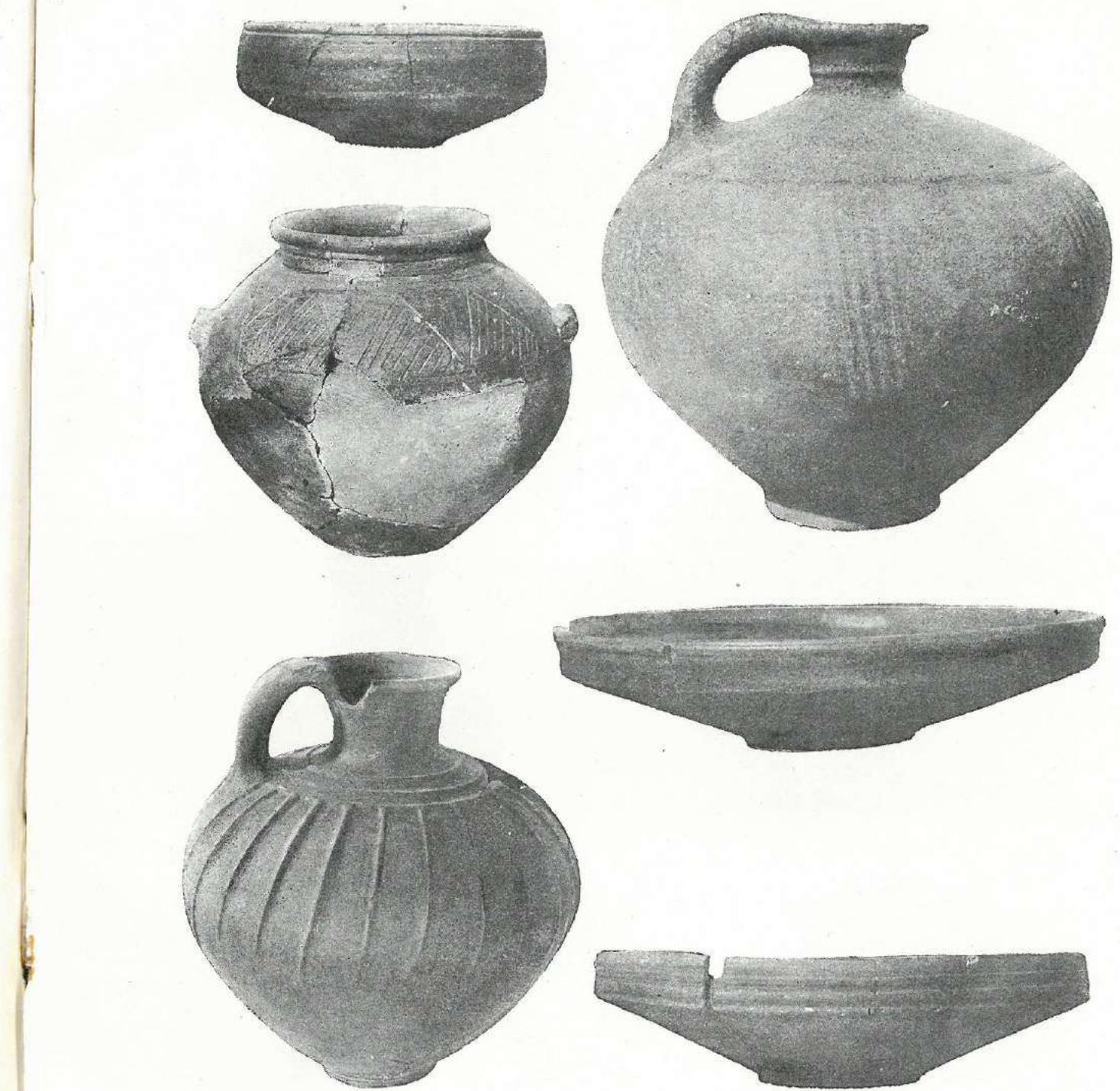
Образцы керамики из могильника у Бешташонской крепости (в $\frac{1}{3}$ nat. велич.)

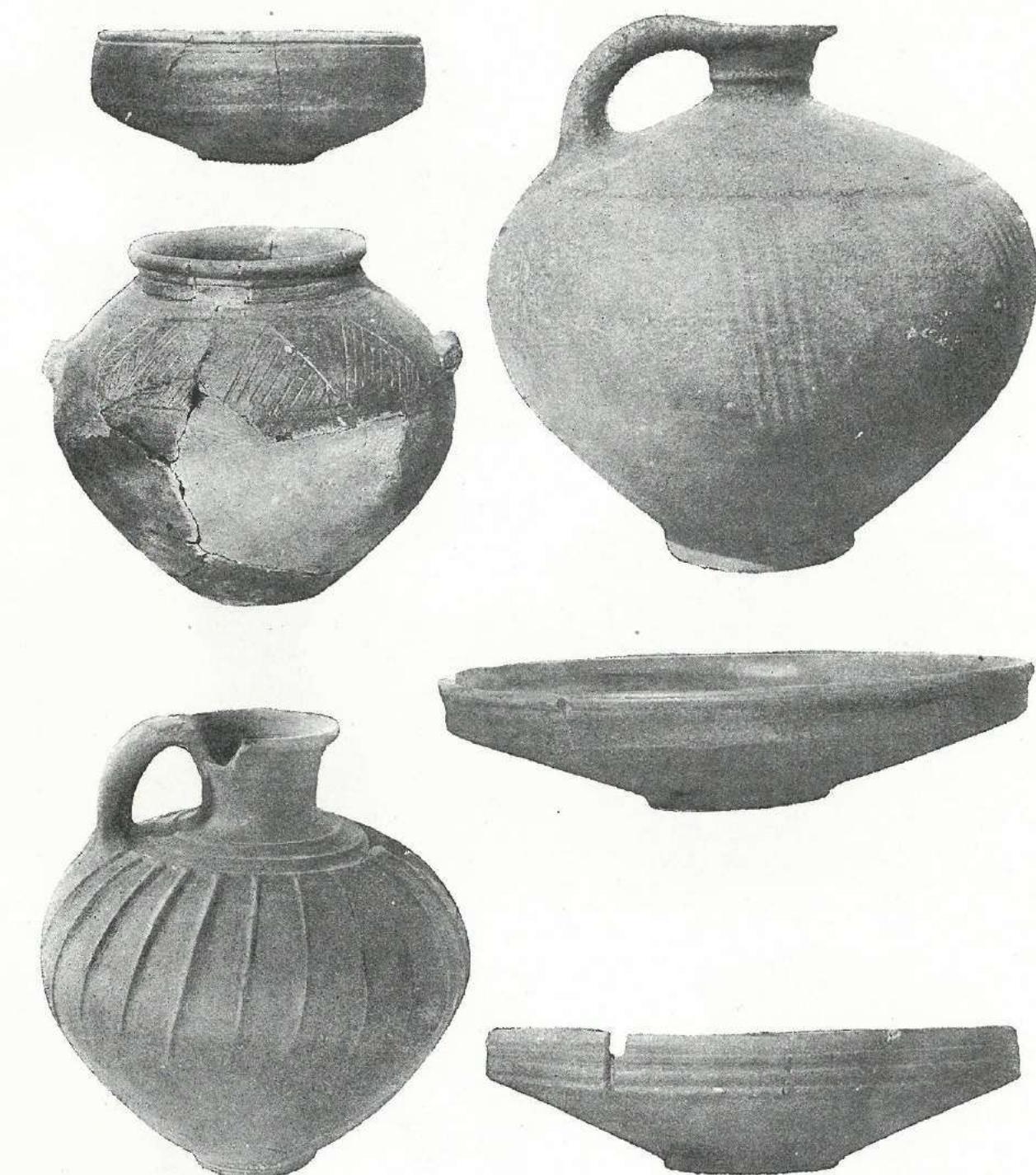
Железный инвентарь могильника у Баштакенской крепости

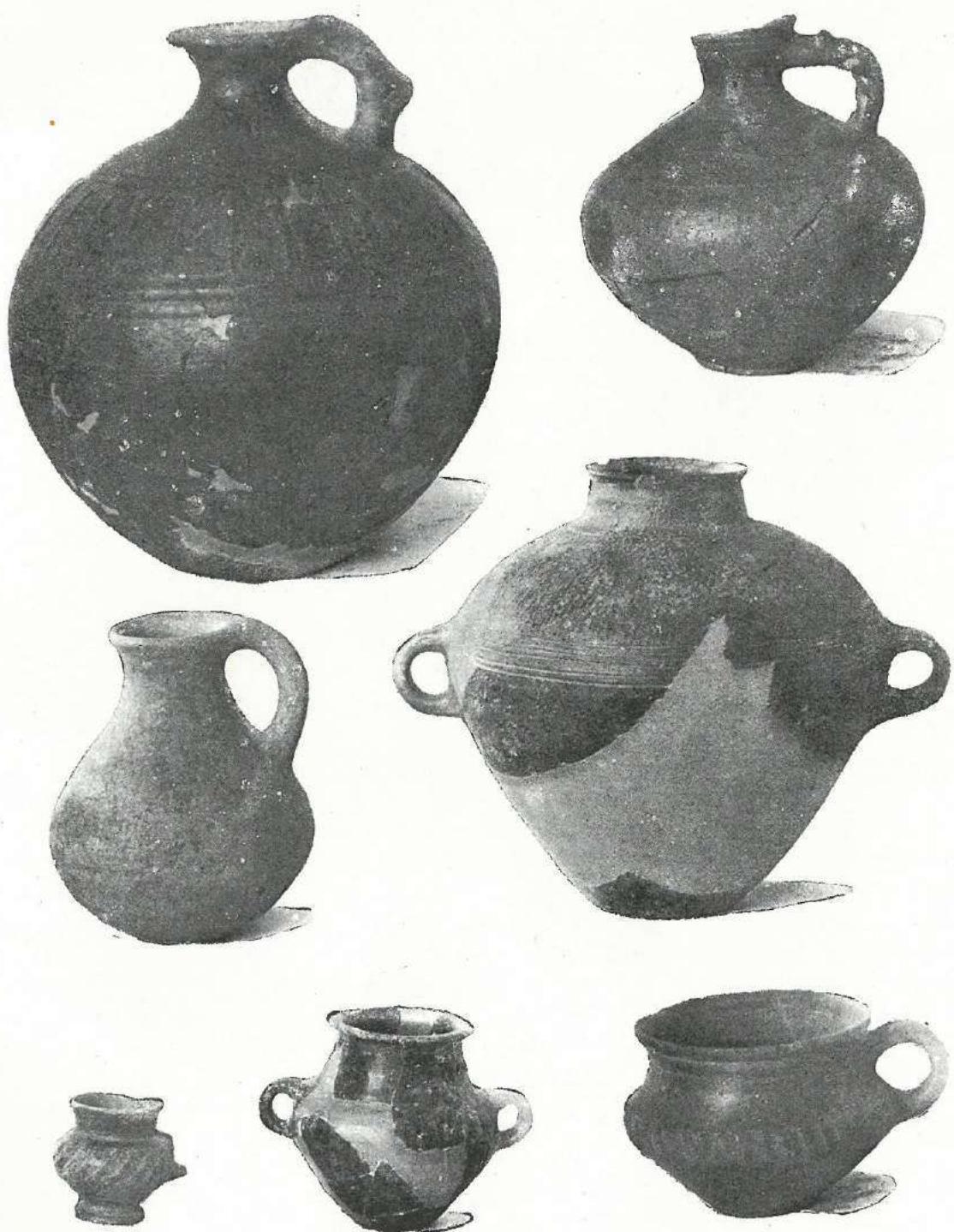
Грунтовые погребения с массивными булавами у дороги из сел. Бешташени в Сафар-харабу

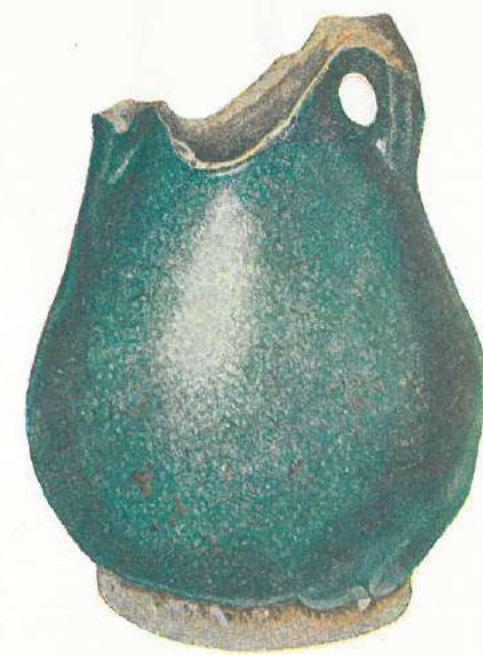
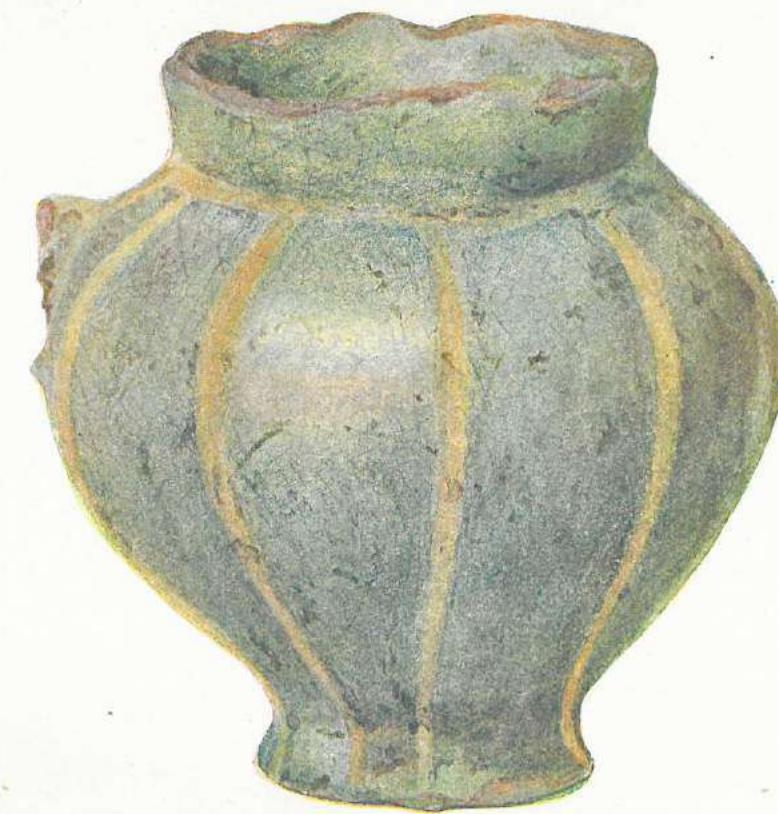
Образцы керамики из грунтовых погребений с массивными „булавами“ у дороги из сел. Бешташени в Сафар-Харабу (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

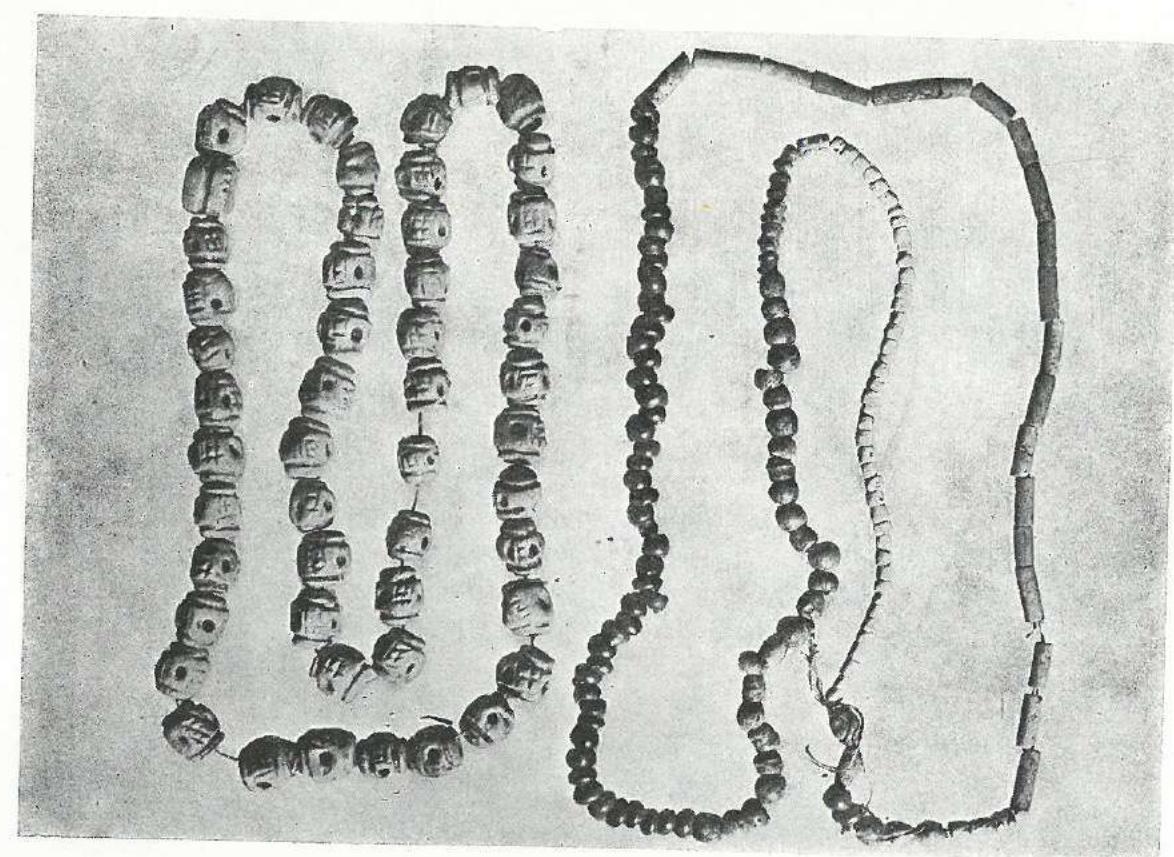
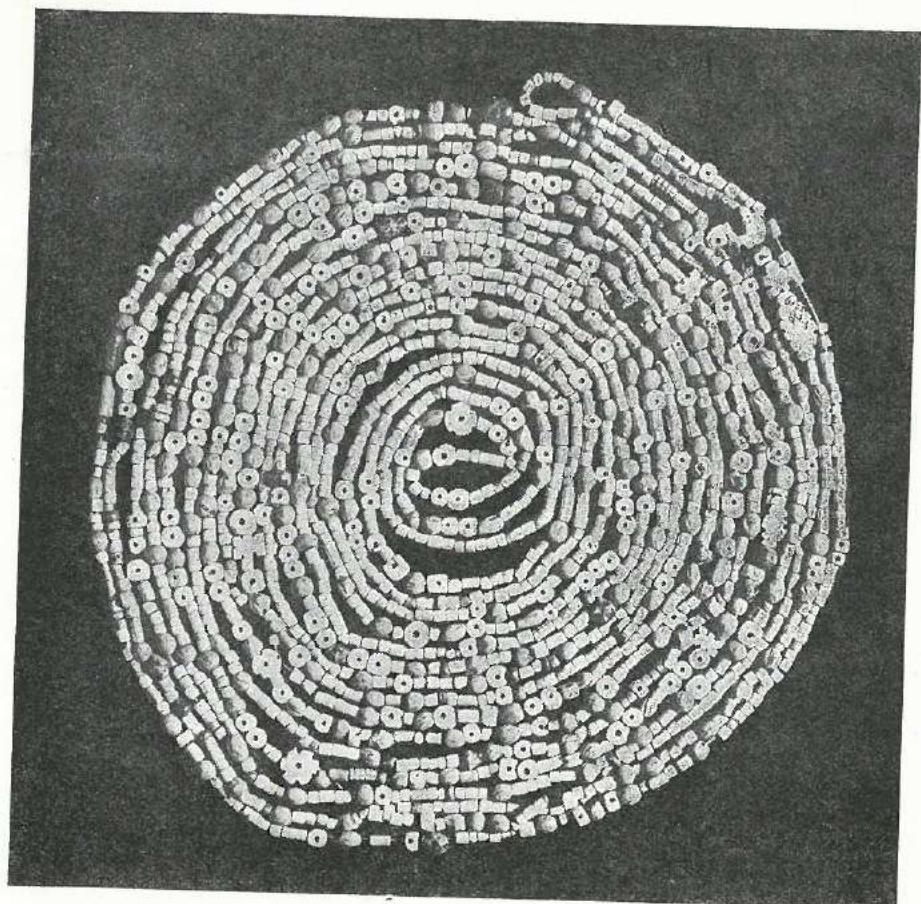
Образцы керамики из грунтовых погребений с массивными "булавками" у дороги из сел. Бешташени в Сафар-Харабу (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

Образцы керамики из ящичных погребений могильника в урочище Марал-Дареси (в $\frac{1}{4}$ nat. вел.)

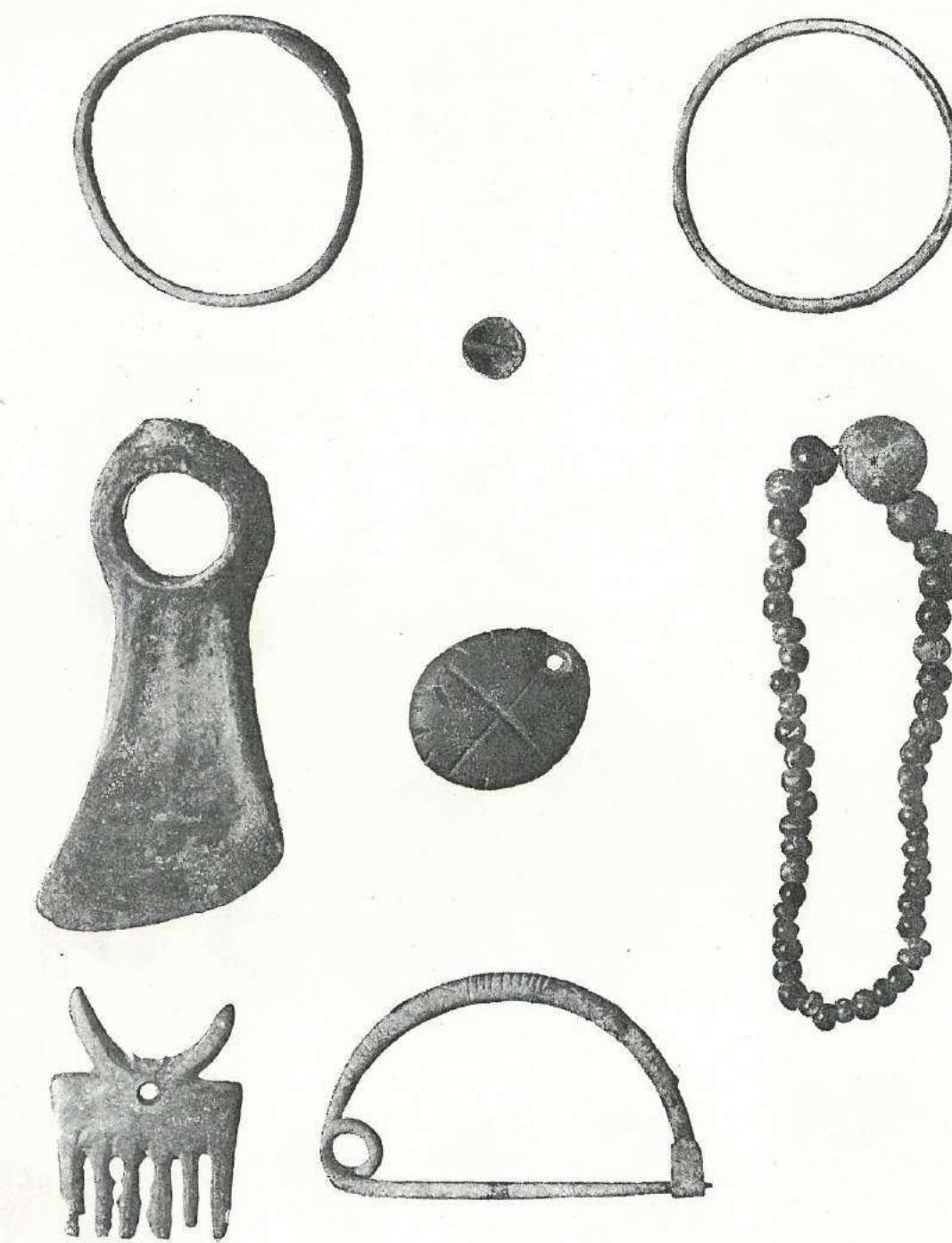
Глазурованный глиняный кубон урартской эпохи из могильника Марал-Дареси и амфорисковидный
глазурованный сосудин первых веков нашей эры из кургана XXIII

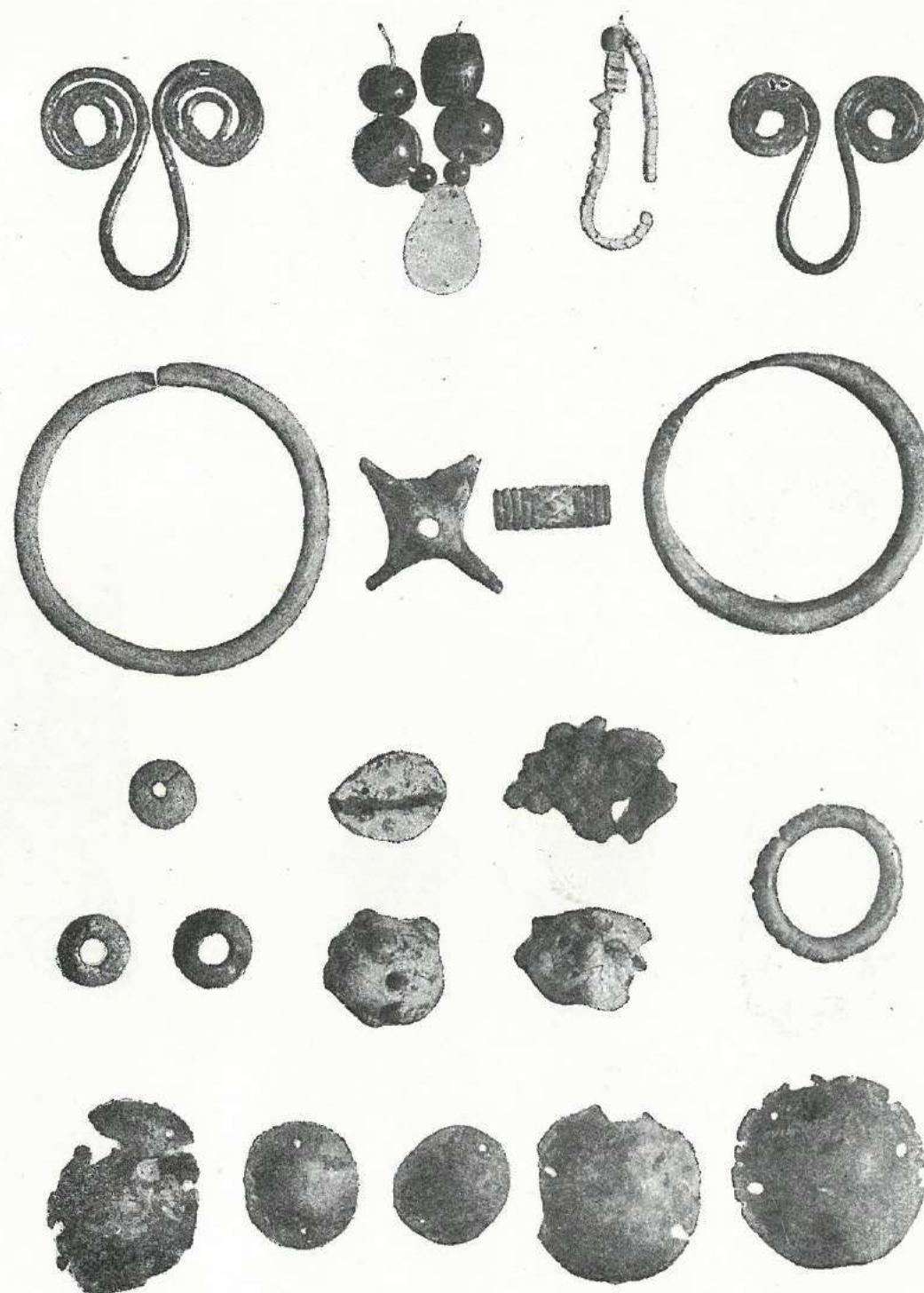
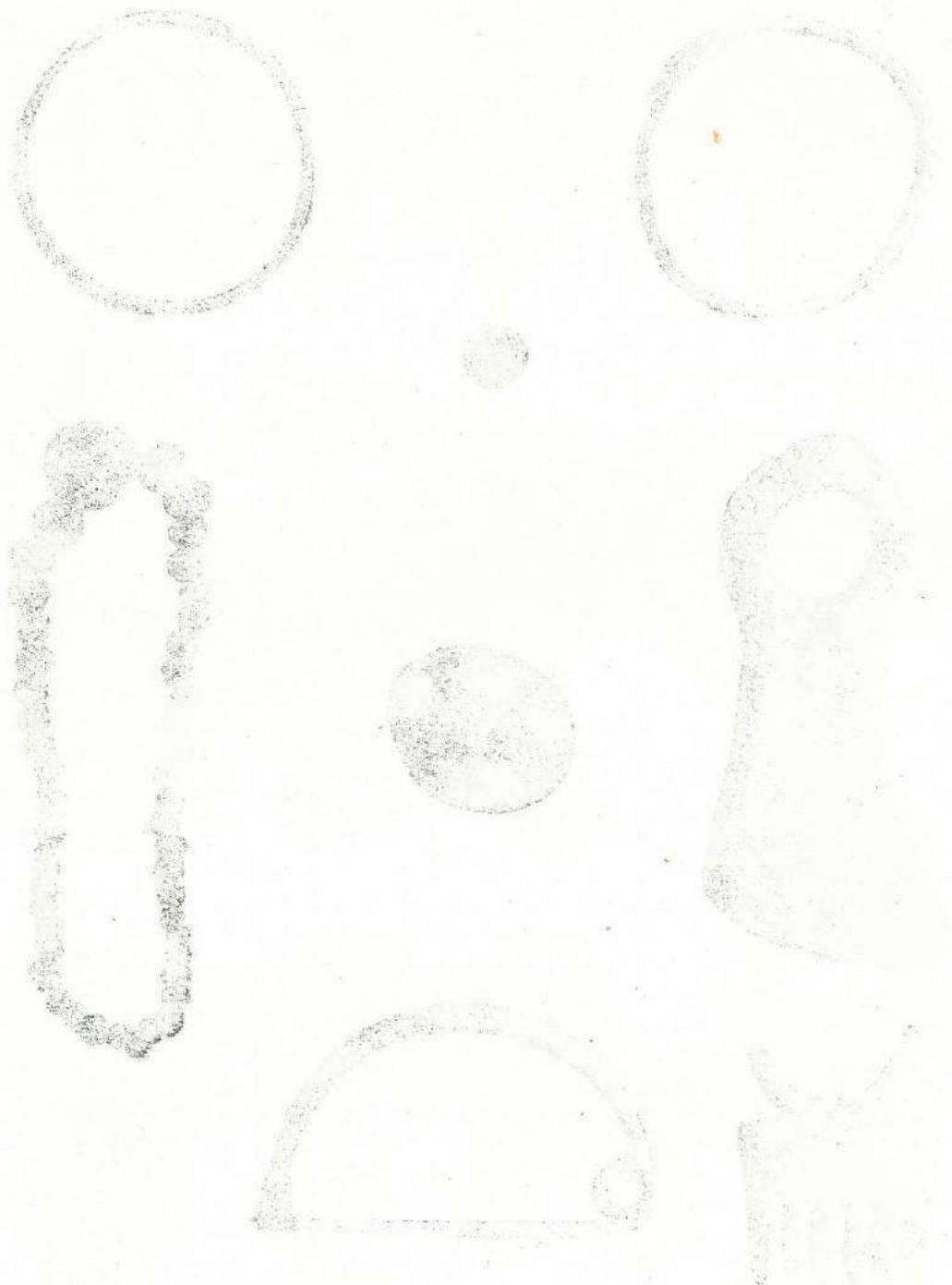
Белый тальновый и светло-голубой матовый пастовый бисер и бусы урартской эпохи

Бусы бронзовой и железной эпохи из погребений в Триалети (в нат. вели.)

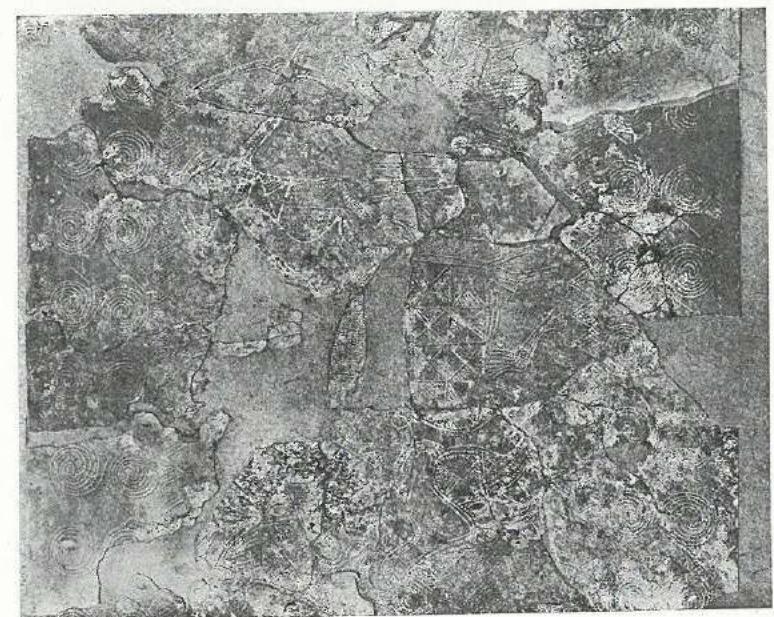
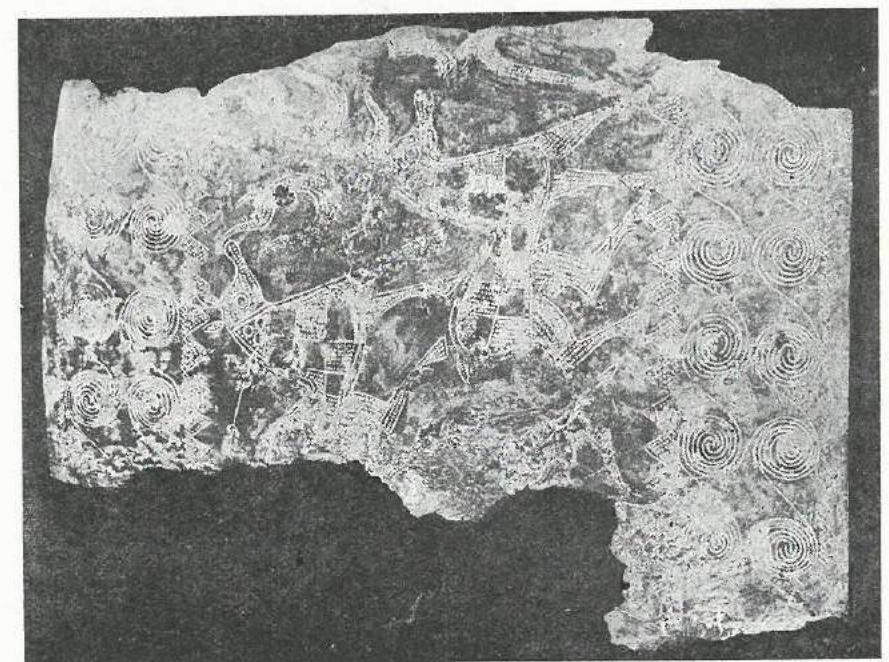

Инвентарь погребения № 4 могильника в Марал-Дереси (внат. вел.)

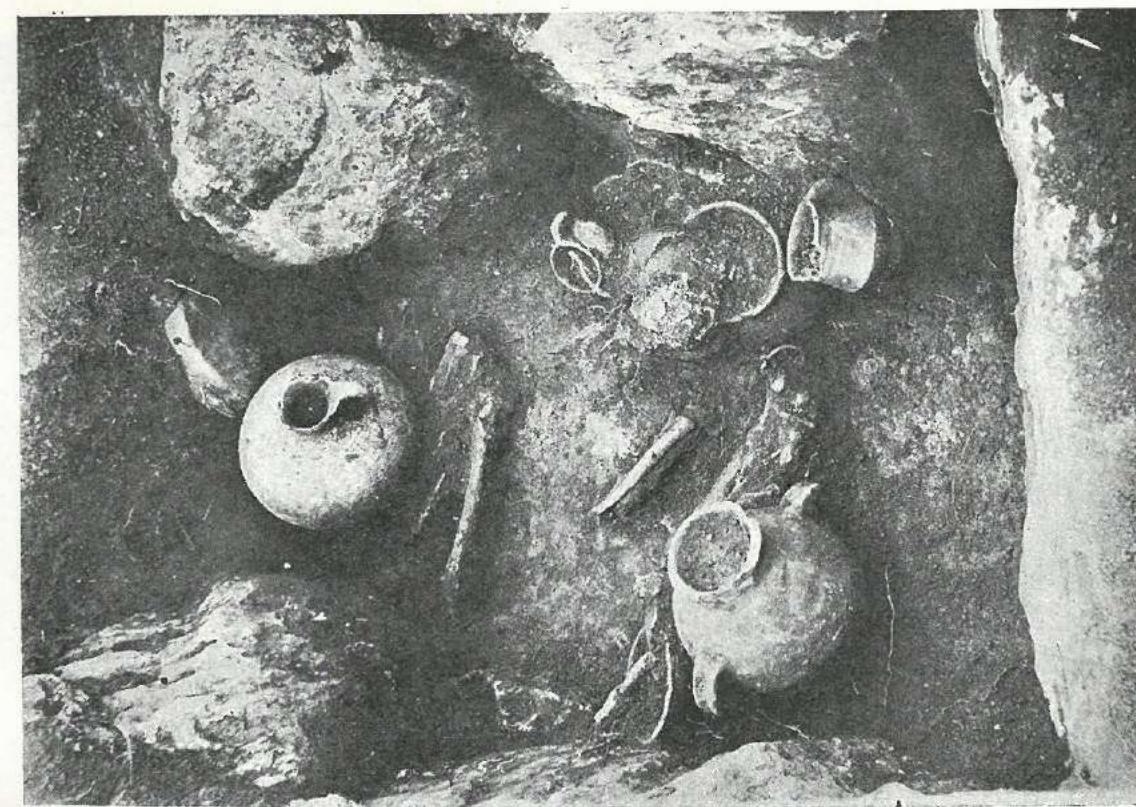
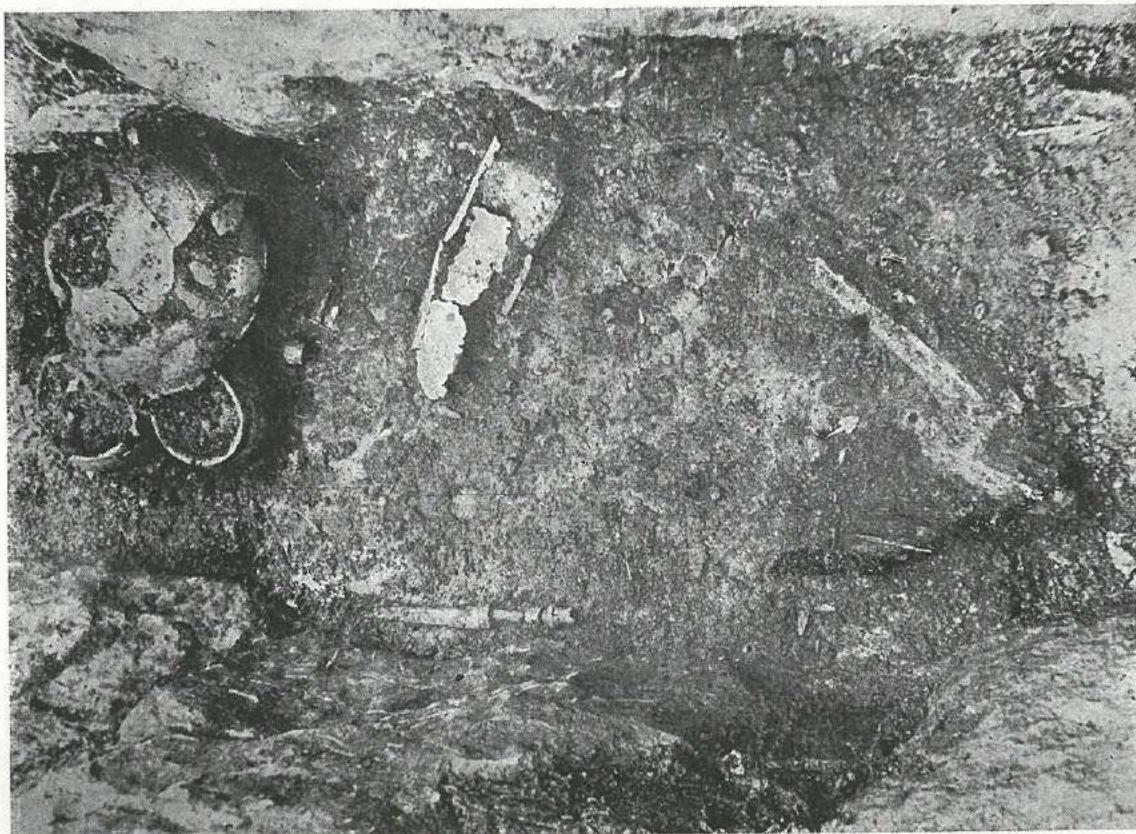

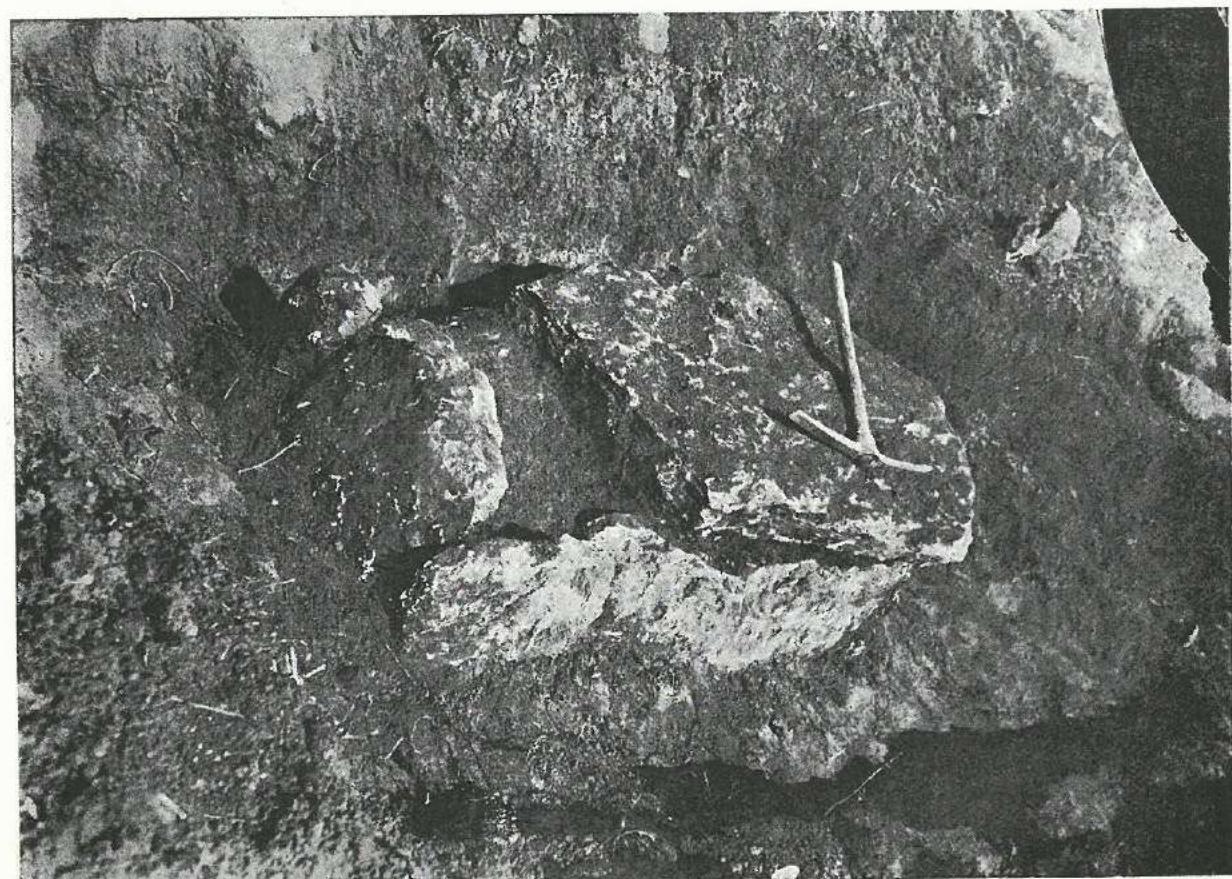
Мелкий инвентарь из погребения № 2 могильника Марал-Дереси (в нат. вел.)

Бронзовый пояс из погребения № 5 могильника Марал-Дереси

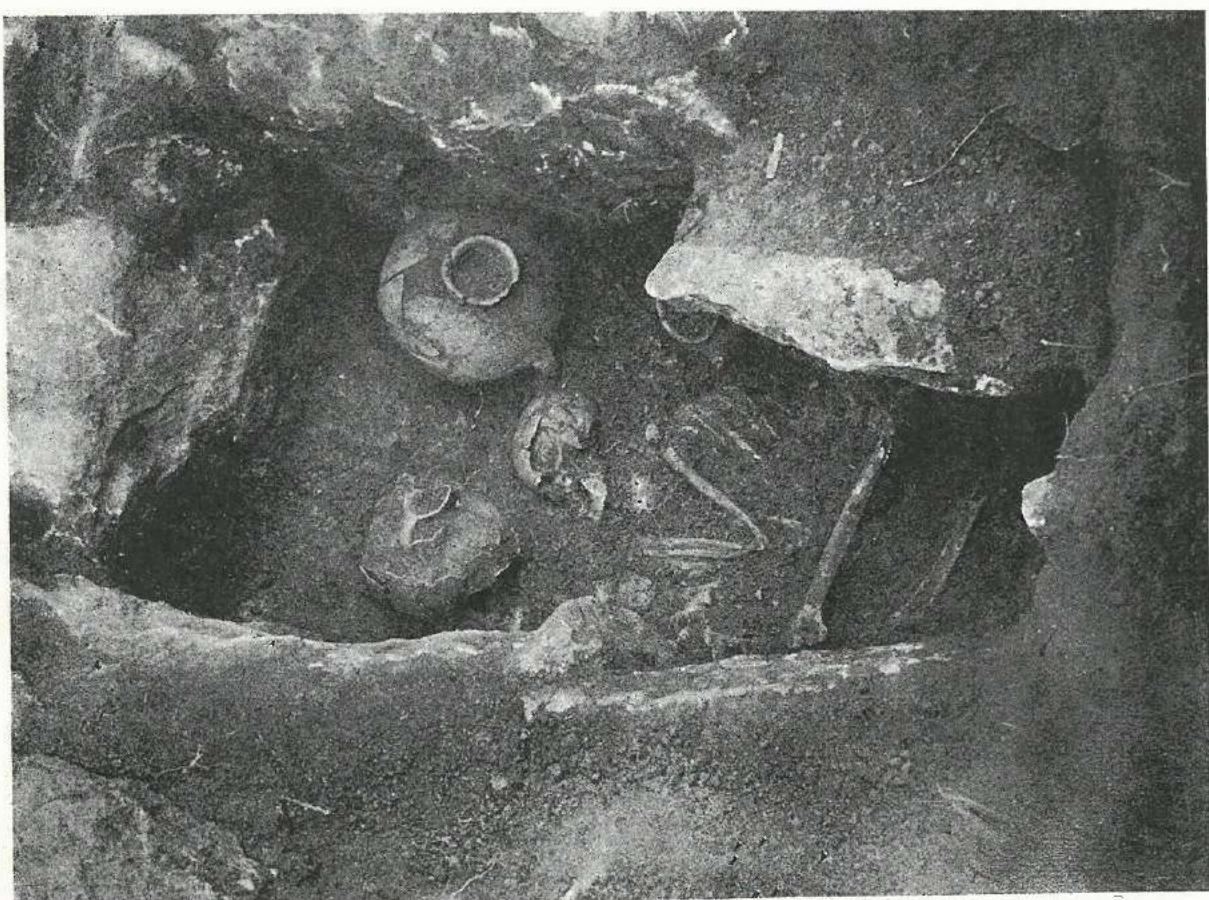

Ящичное погребение № 20 Тан-Киплинского могильника и № 55 Цинкаровского могильника

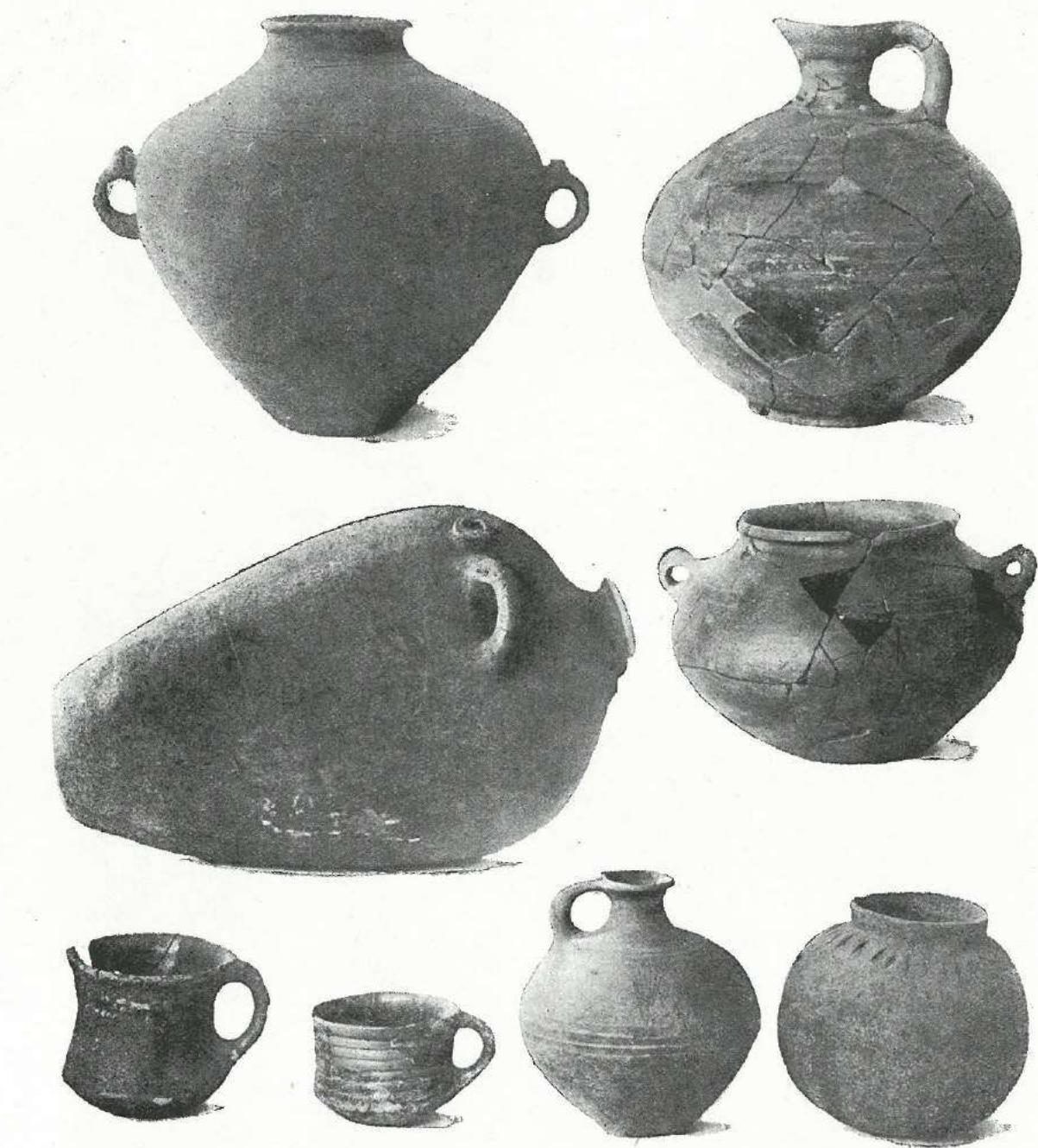

Ашичные погребения древне-железной эпохи на вскрытых и со скорченным ностряком вне могилы

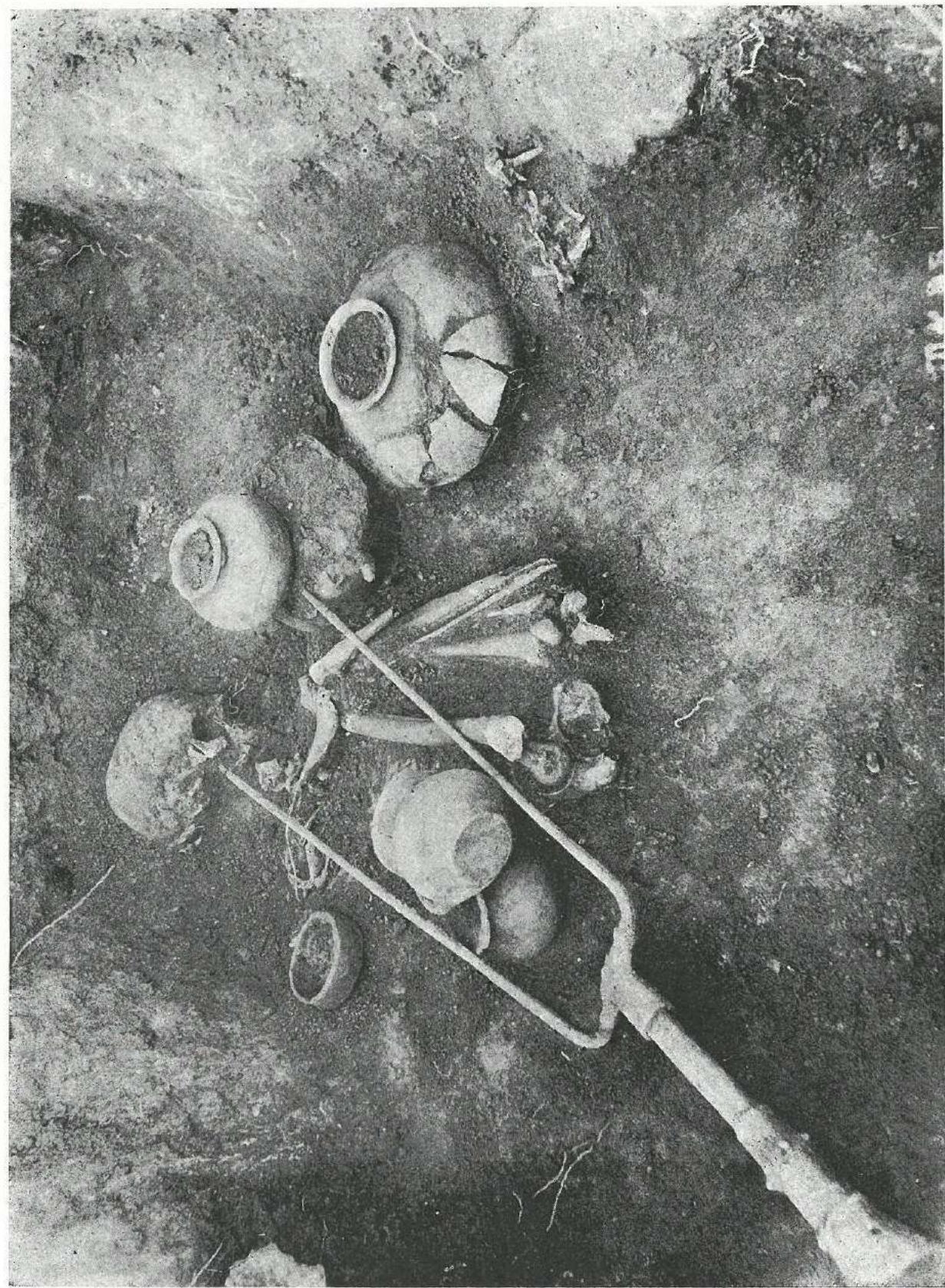

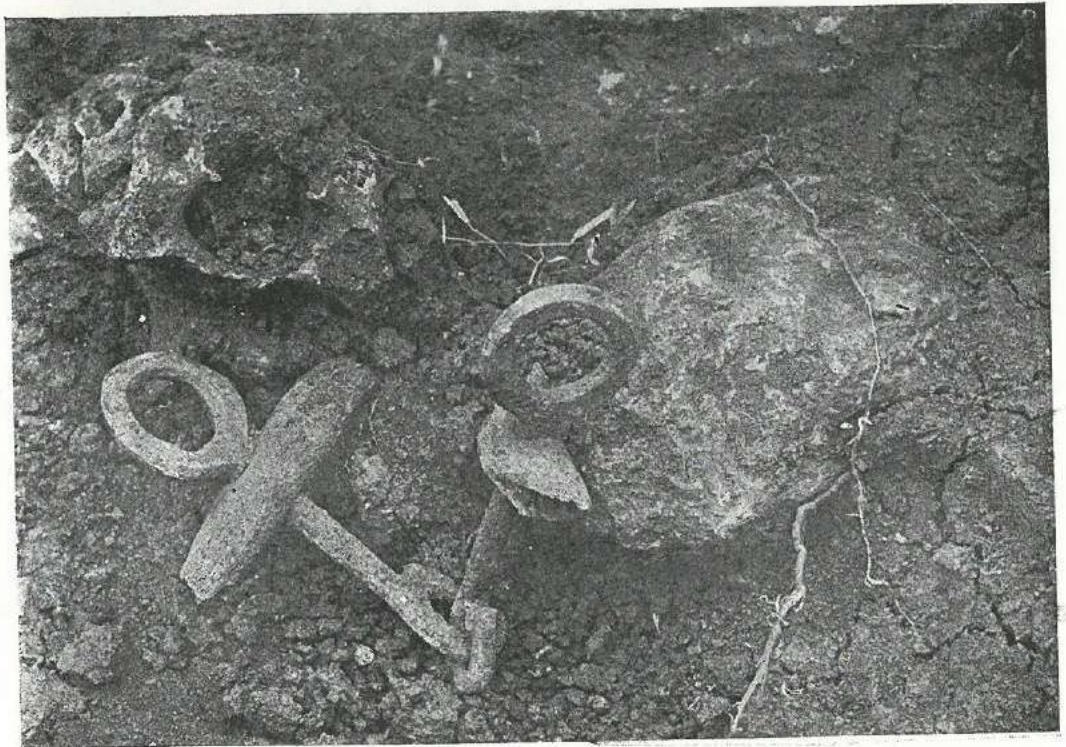
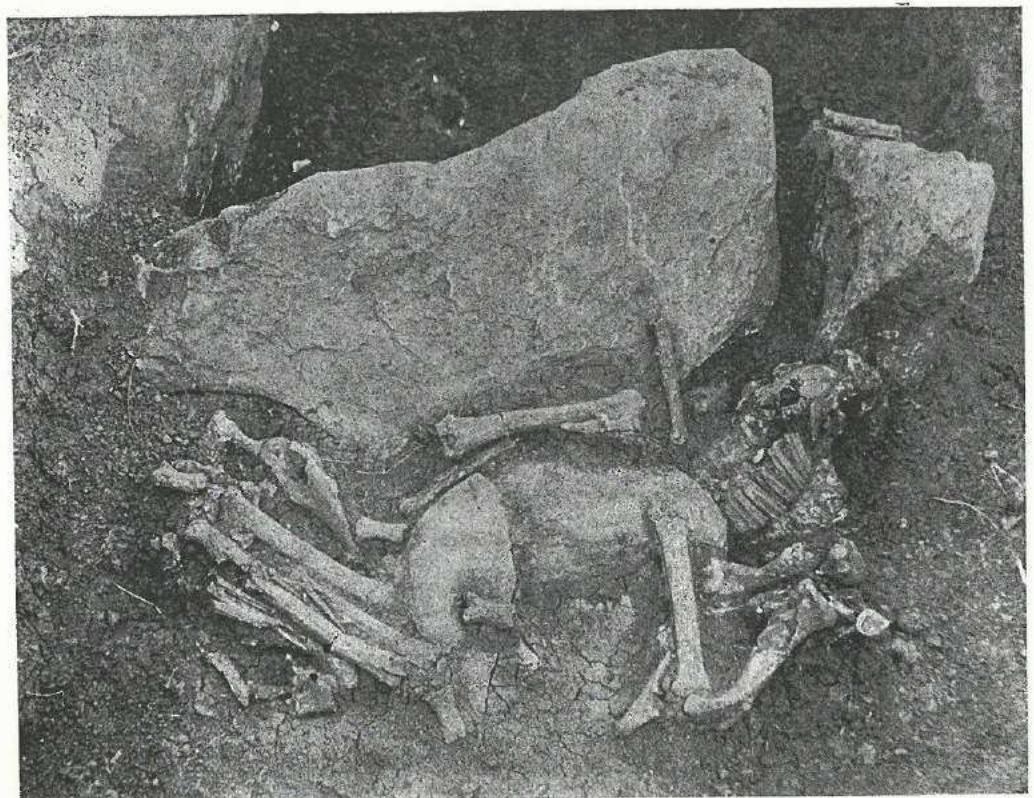
Накианные ящики со скорченными погребенными дреене-железной эпохи в Тан-Каписинском могильнике

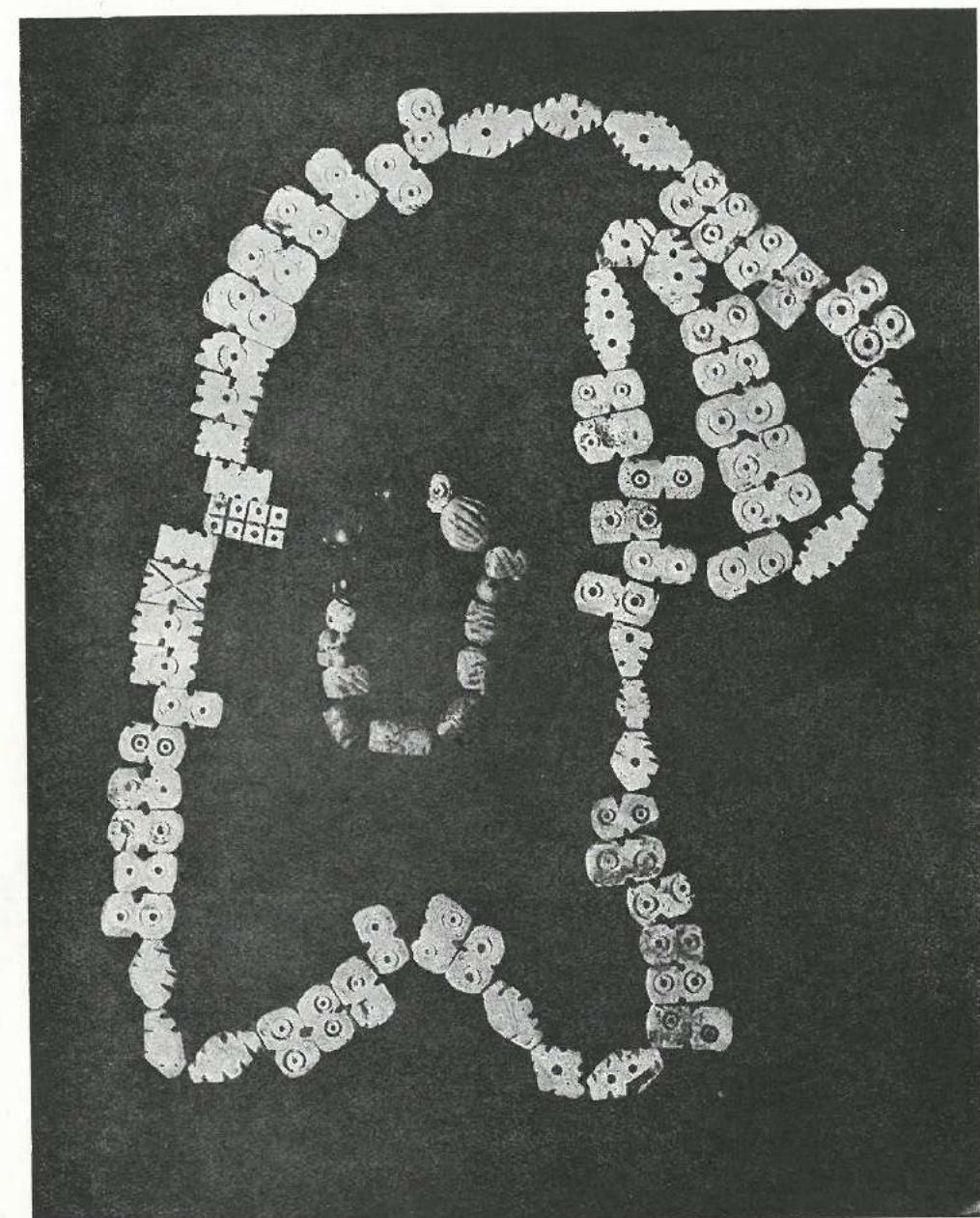
Образцы керамики из каменных ящиков древне-железной эпохи Цинцарийской и Тан-Килисинского могильников (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

Сильно скрученное погребение с бронзовыми сундуками в Так-Кипинском могильнике

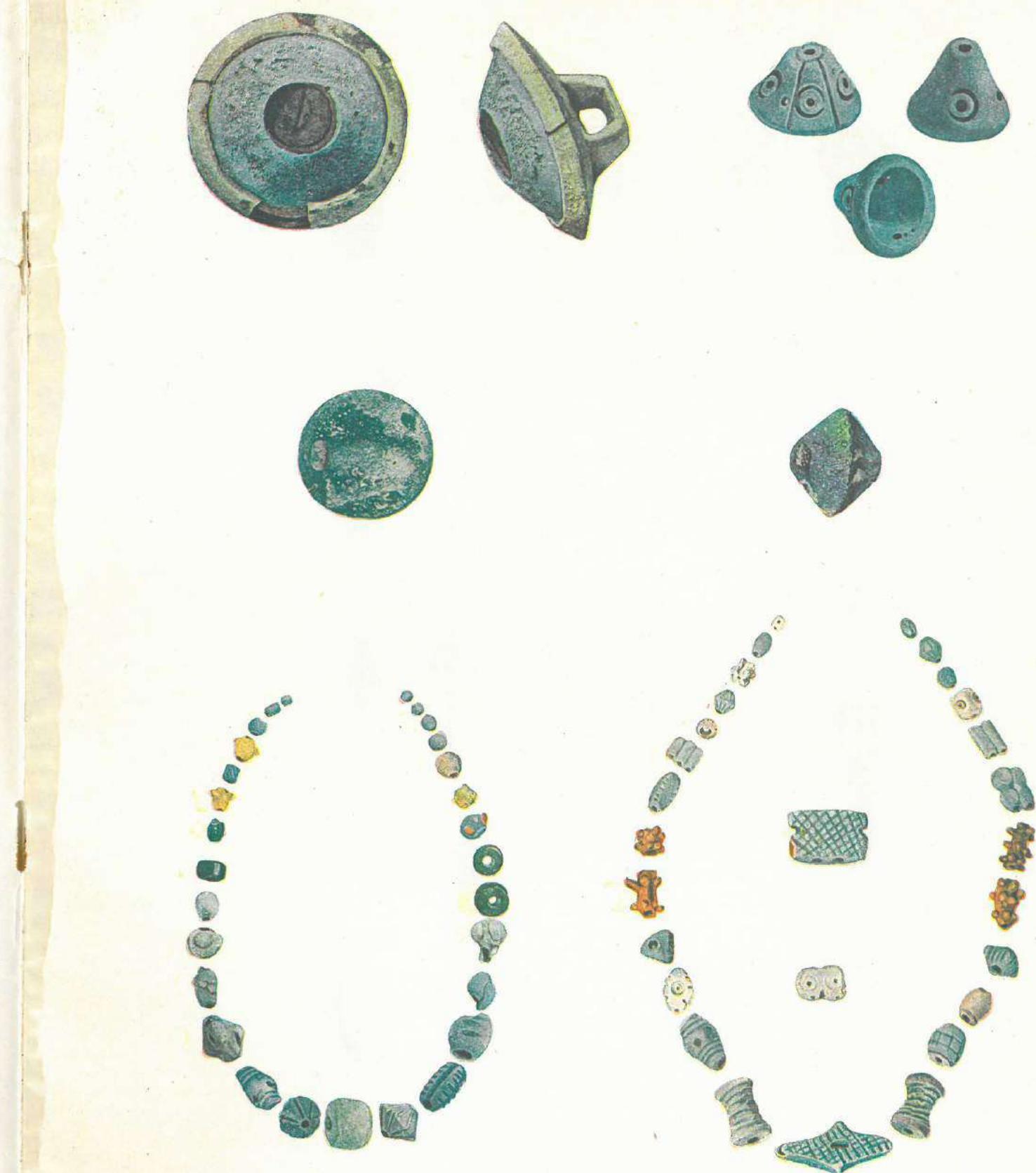

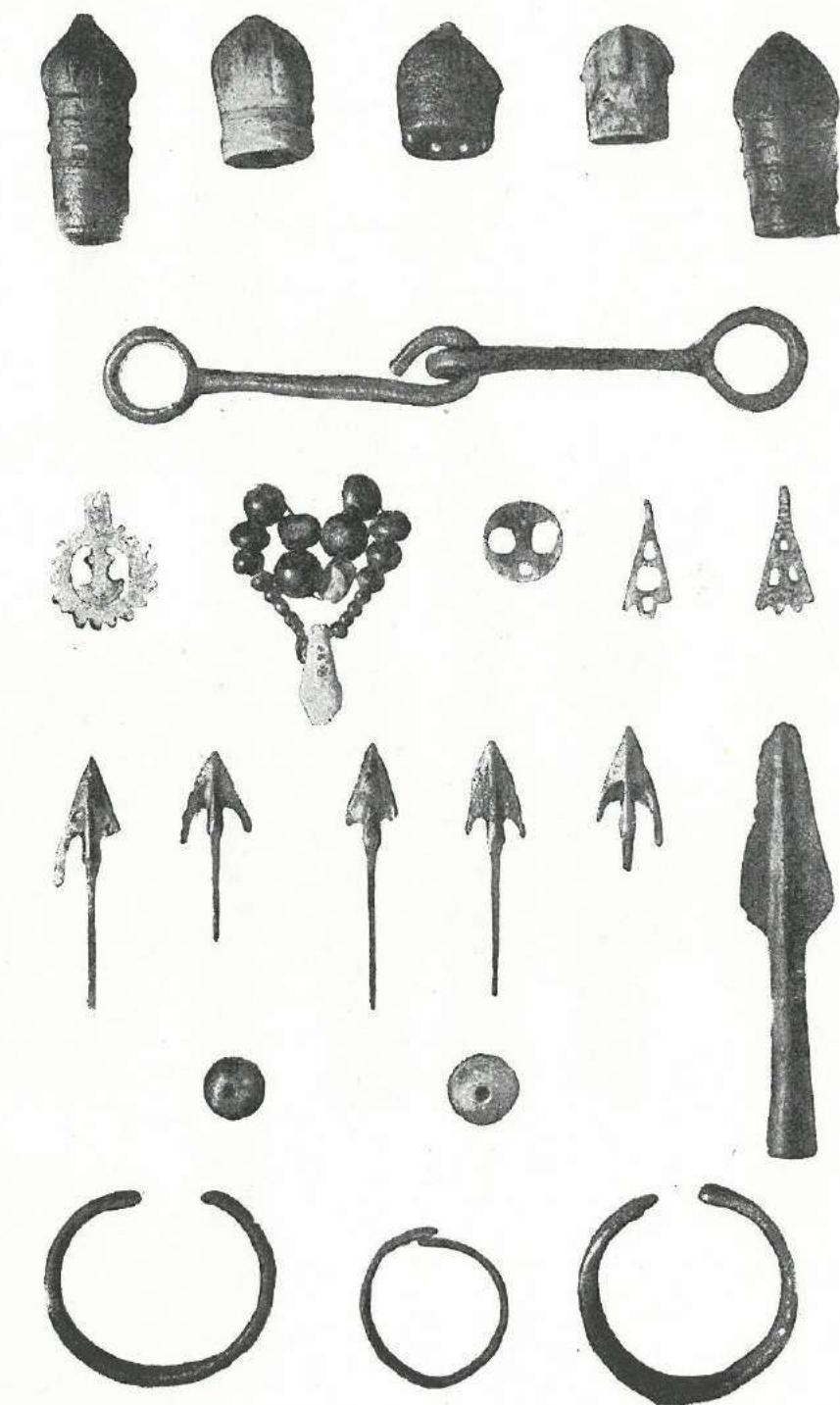
Погребение лошади и бронзовые удила с роговыми пасынками в Тан-Киписинском могильнике

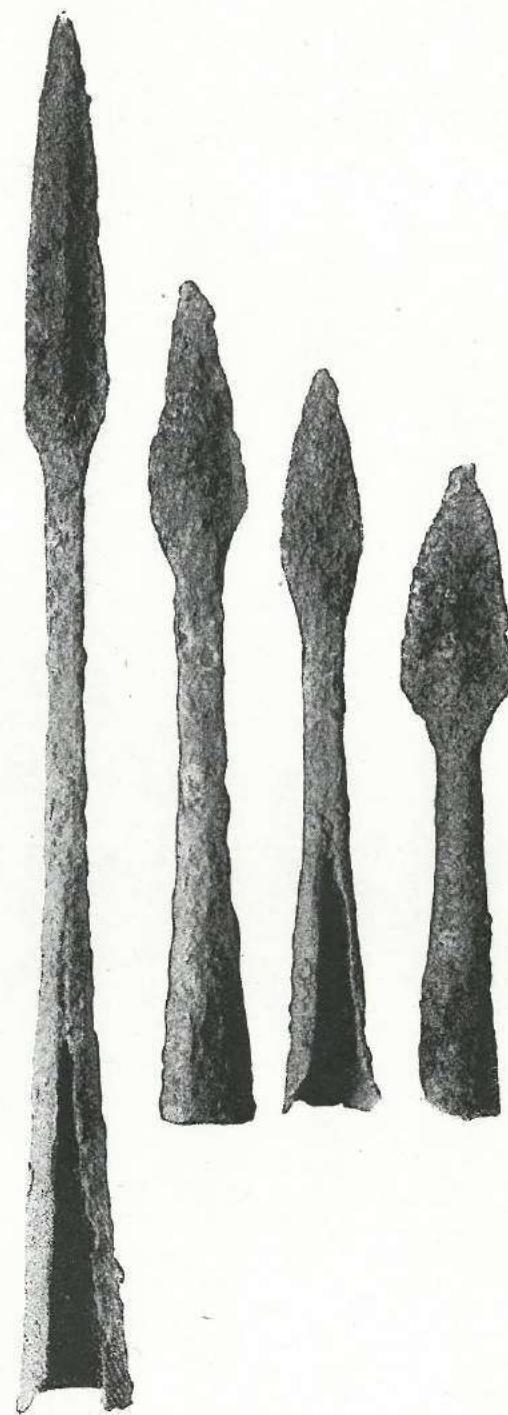
Белые тальковые бусы типа „домино“ и бусы из голубой пасты дреевне-железной эпохи

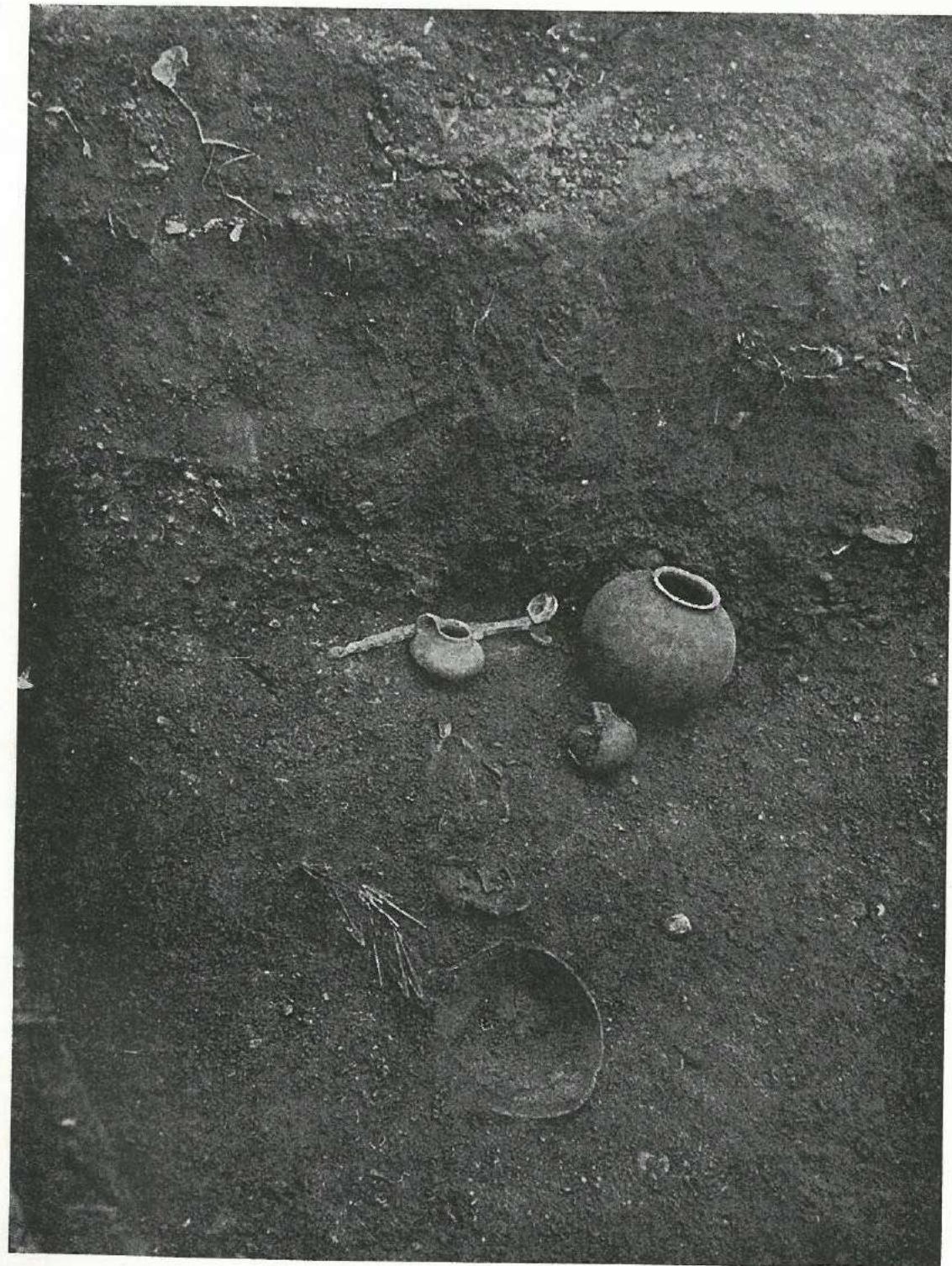
Латуневые и стеклянные предметы из погребений древне-железной эпохи
Цинкарайского и Тан-Килисинского могильников

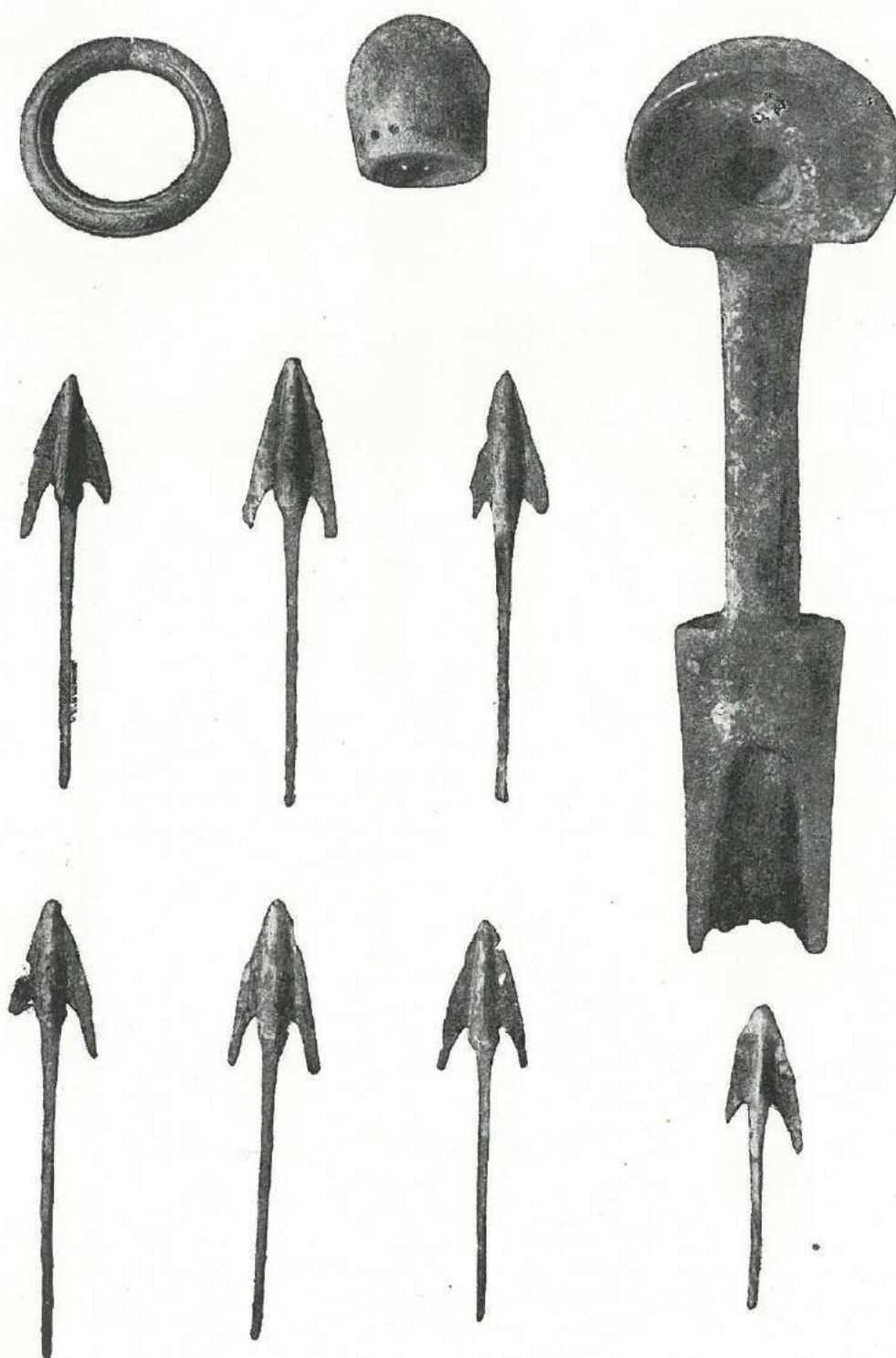
Инвентарь ящичных погребений древне-железной эпохи Цинцинаройского и Тан-Килисинского могильников (в $\frac{1}{2}$ nat. вел.)

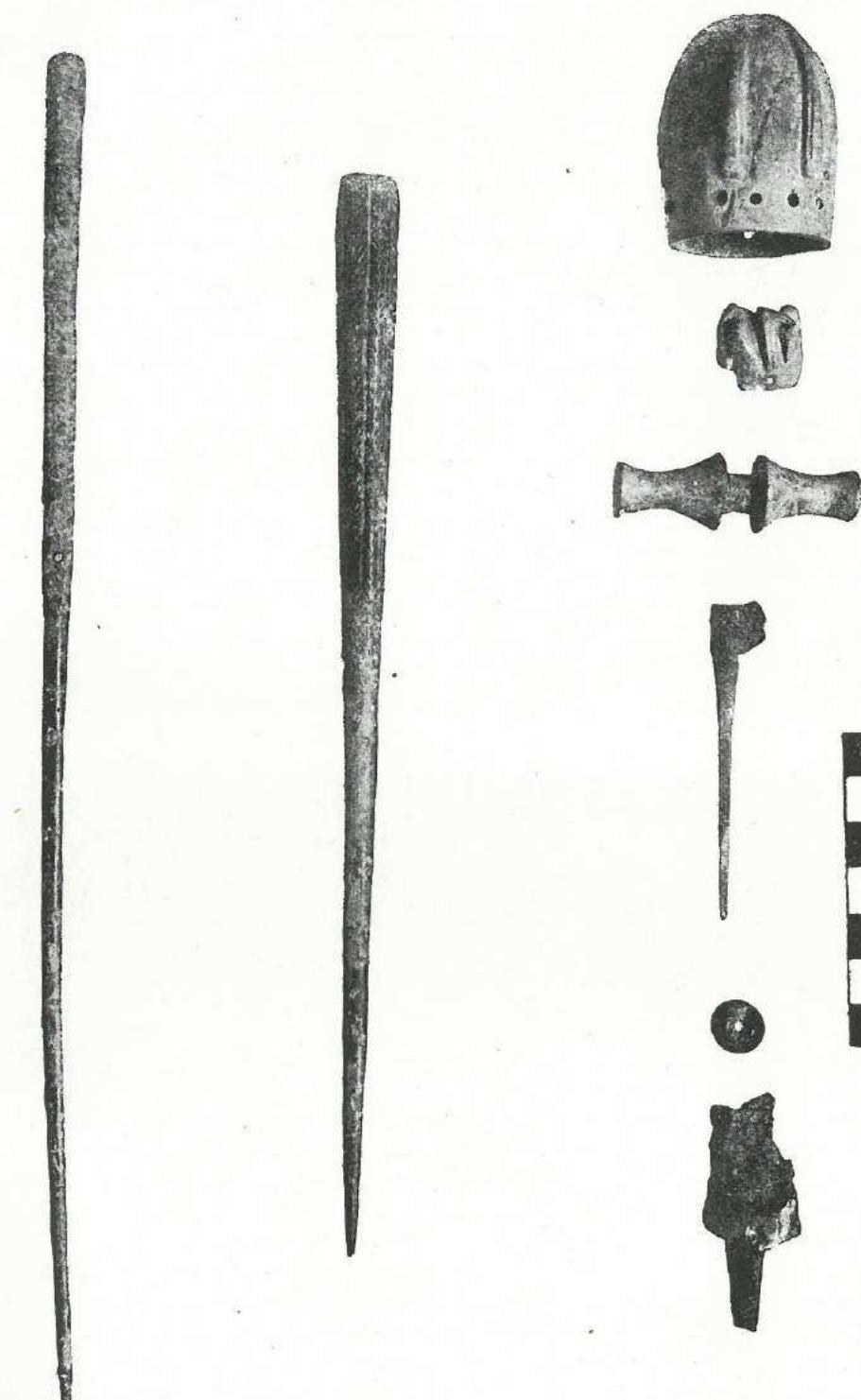
Железные наконечники копий из ящичных погребений деревне-железной эпохи
Цинцаройского и Тан-Килисинского могильников (в $\frac{1}{2}$ nat. vel.)

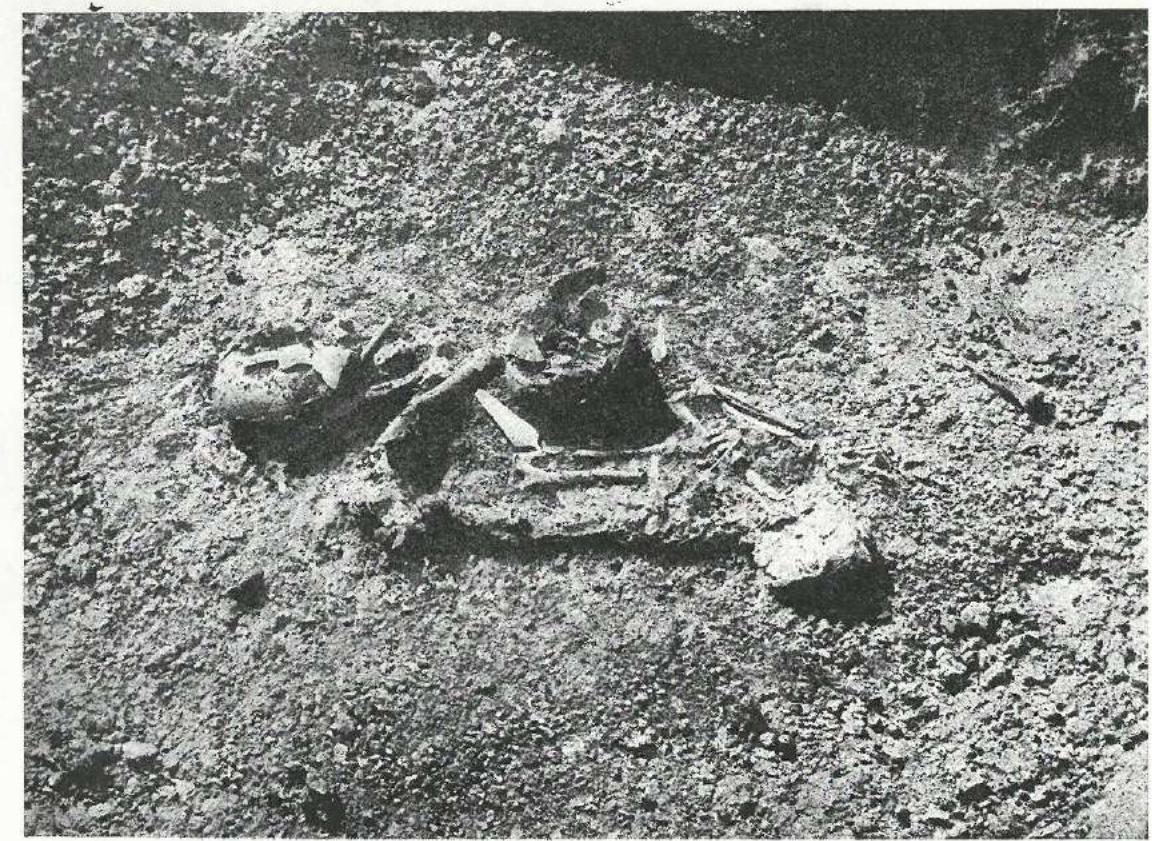
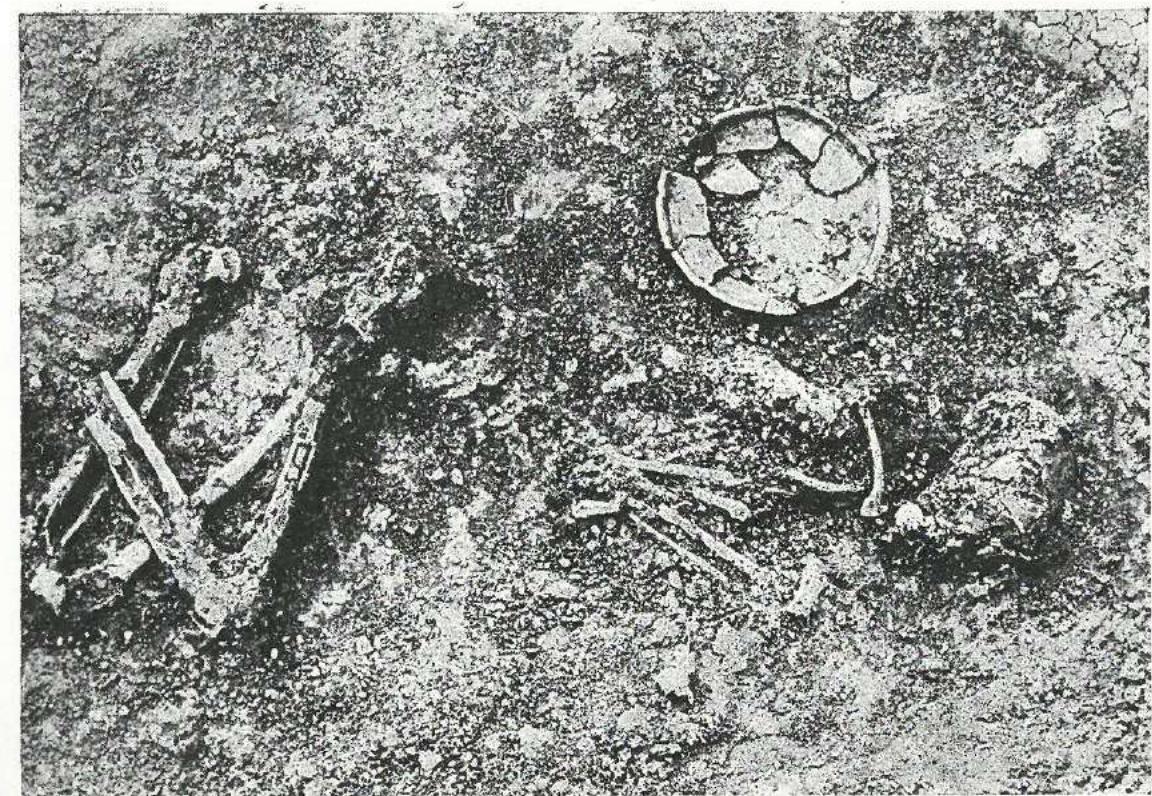
Грунтовое погребение древне-железной эпохи в сел. Кущи

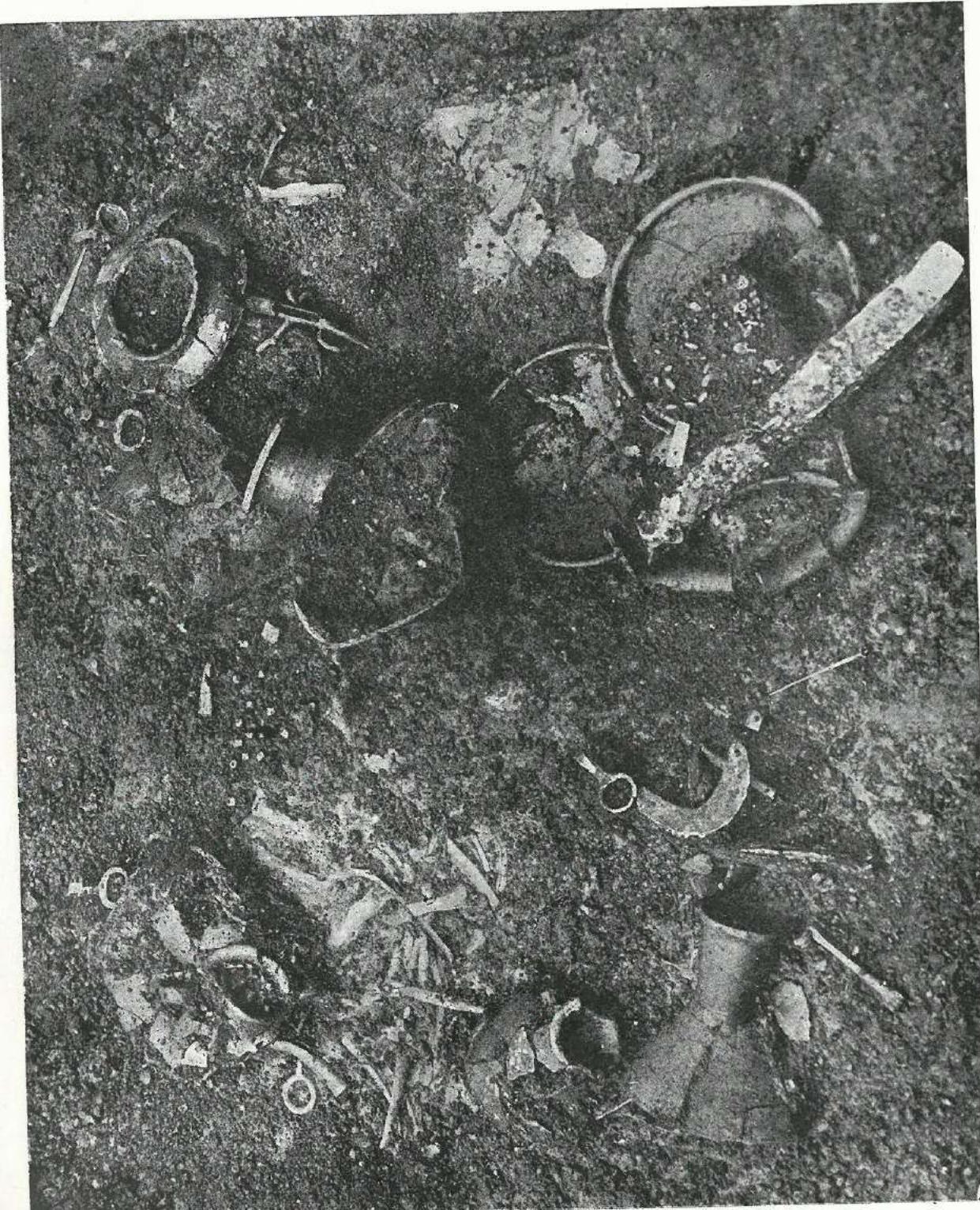
Инвентарь грунтового погребения в сел. Кущи

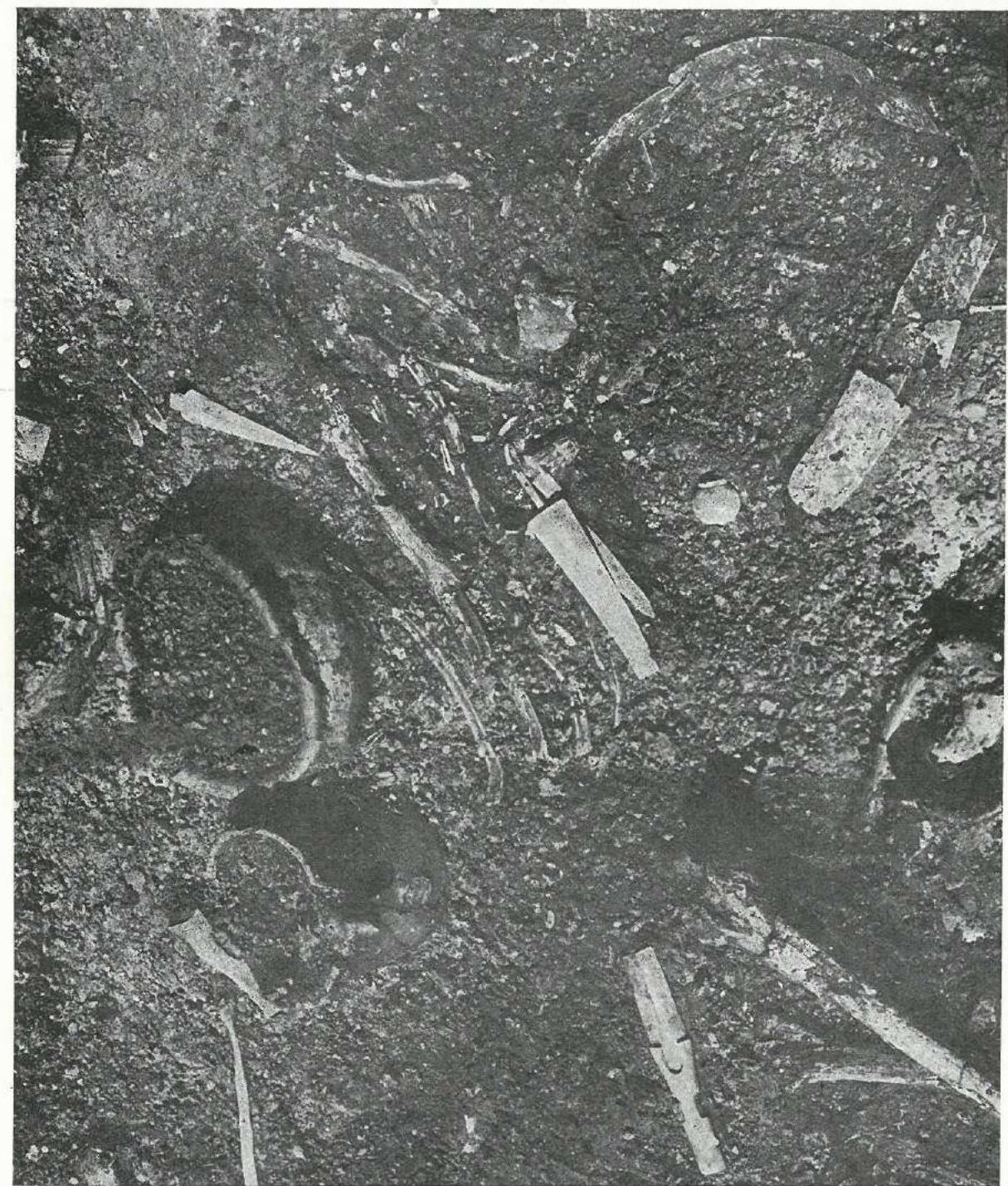
Инвентарь погребений из каменных ящиков броне-железной эпохи
(могильник у дороги из сел. Бешташени в сел. Сафар-Хараба).

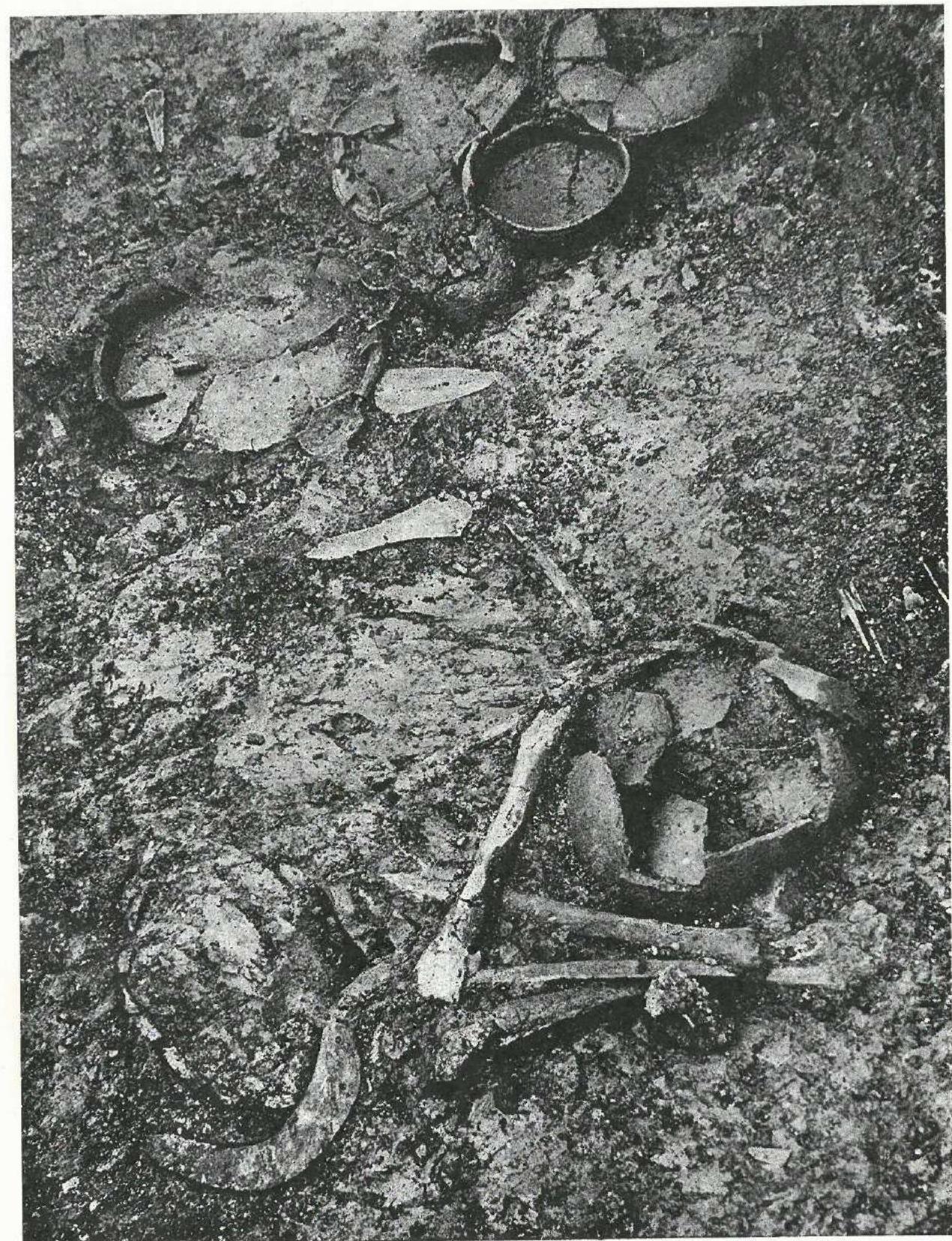
Скорченные грунтовые погребения поздне-бронзовой эпохи в могильнике
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

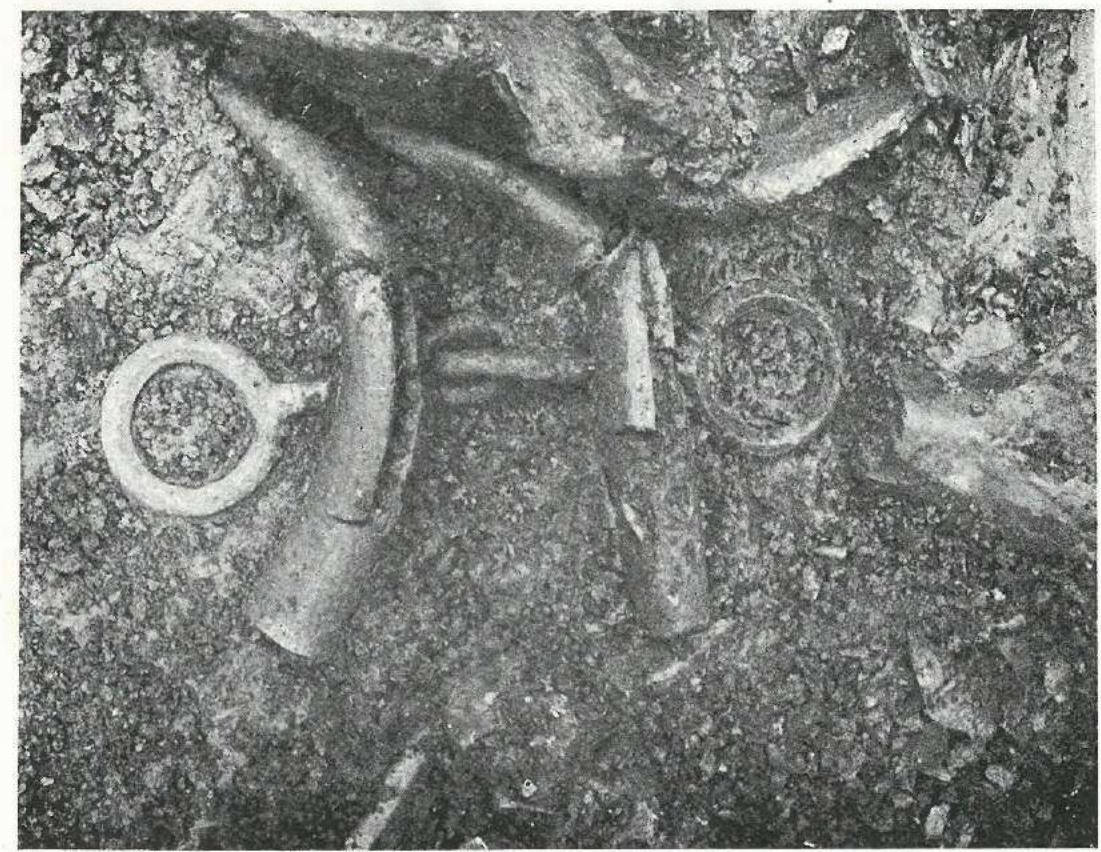
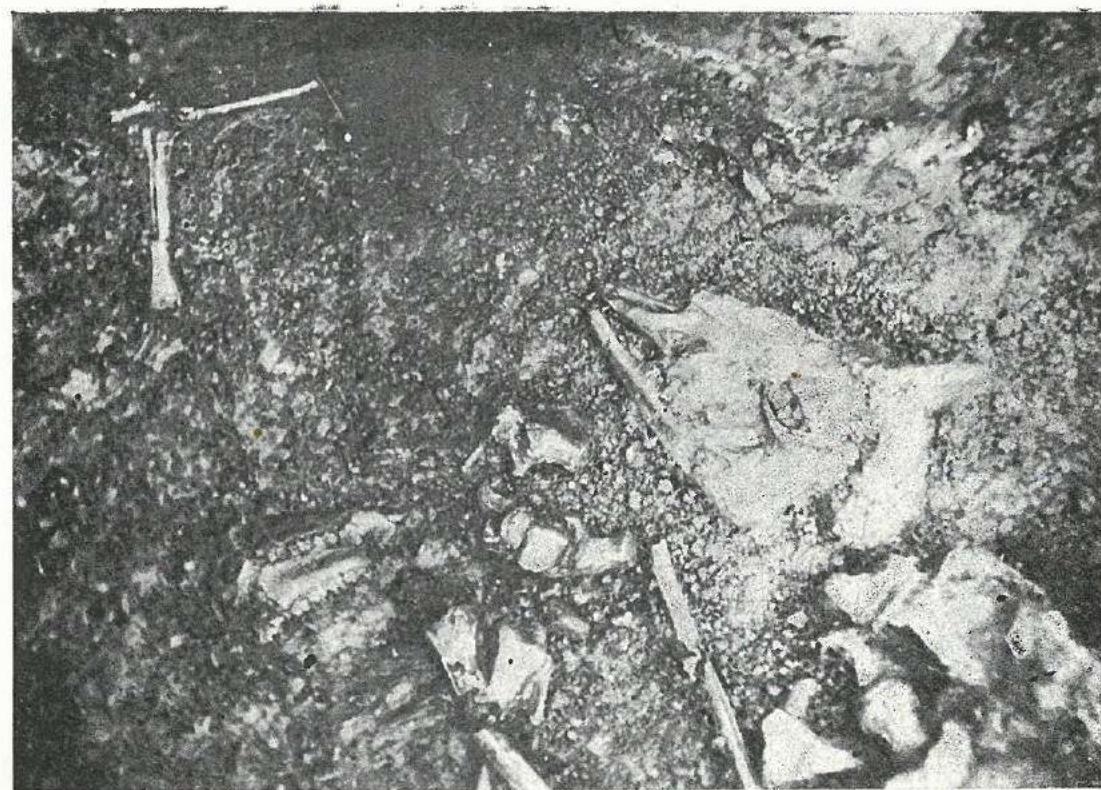
Грунтовое погребение № 13 могильника у дороги Бештауши—Саффар-Хараба, поэдне-бронзовой эпохи

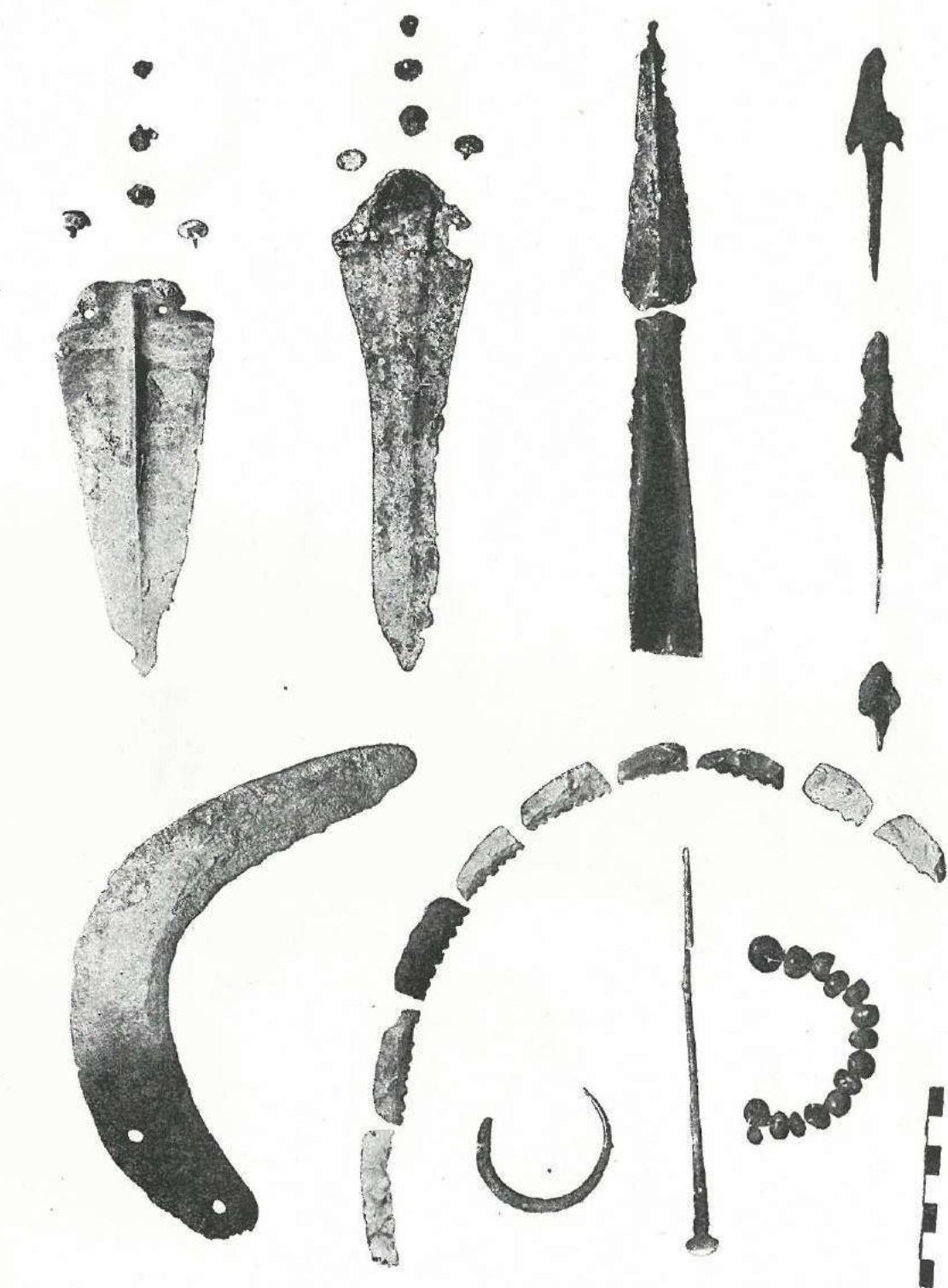
Деталь архитектурного погребения № 11 могильника у дороги Бешташни—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи, с намеренно поломанным инвентарем

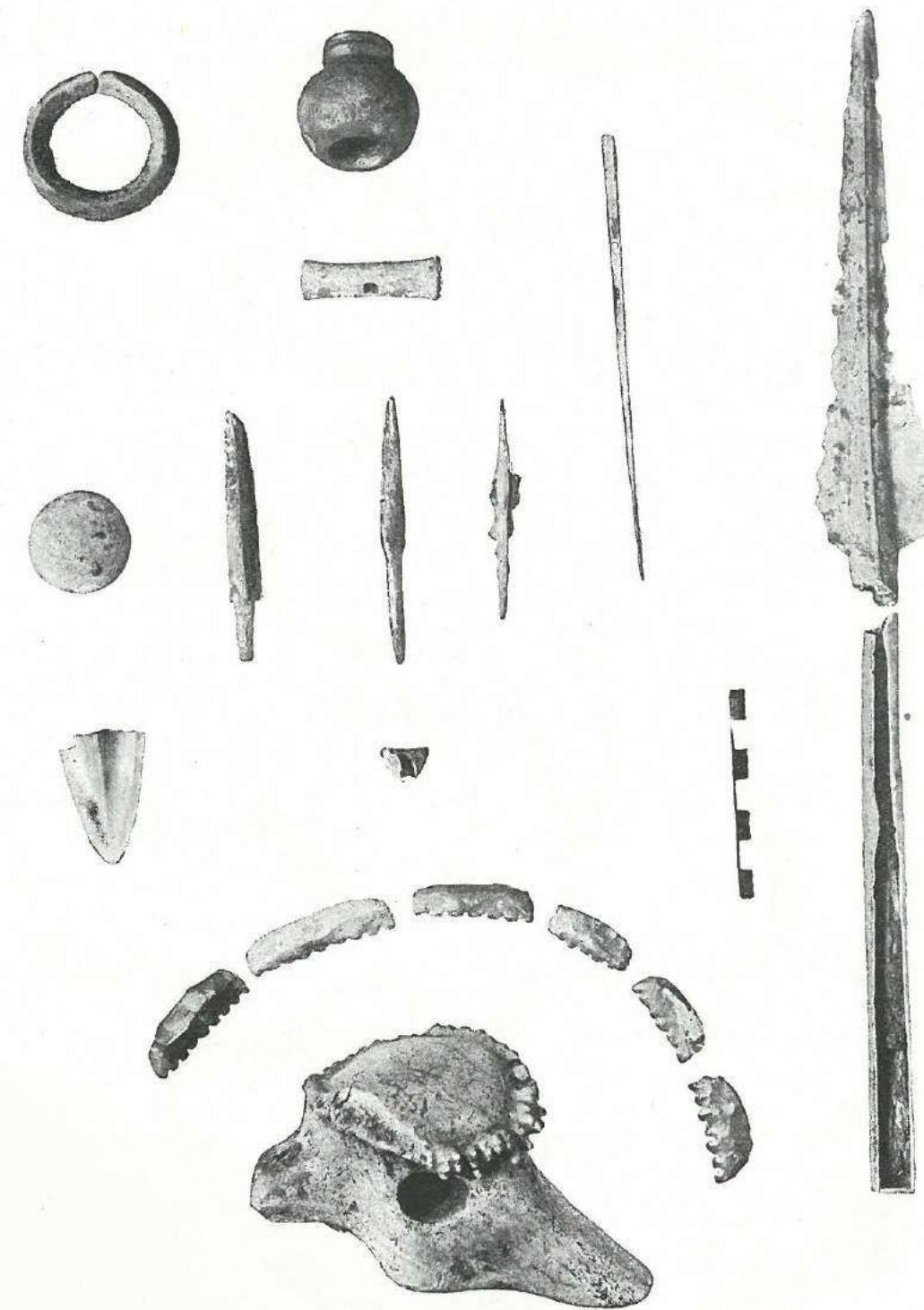
Грунтовое погребение № 4 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи

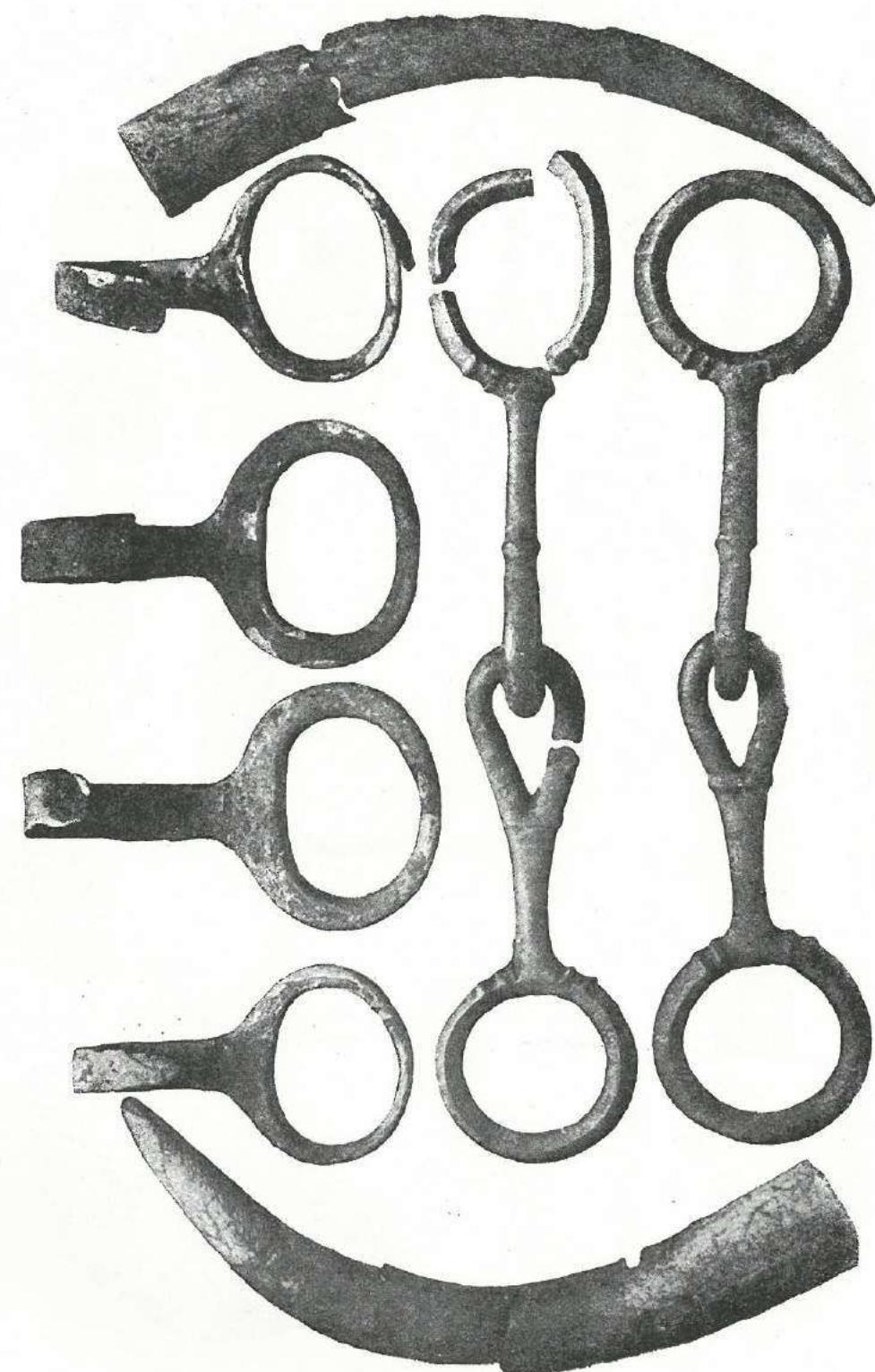
Детали погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

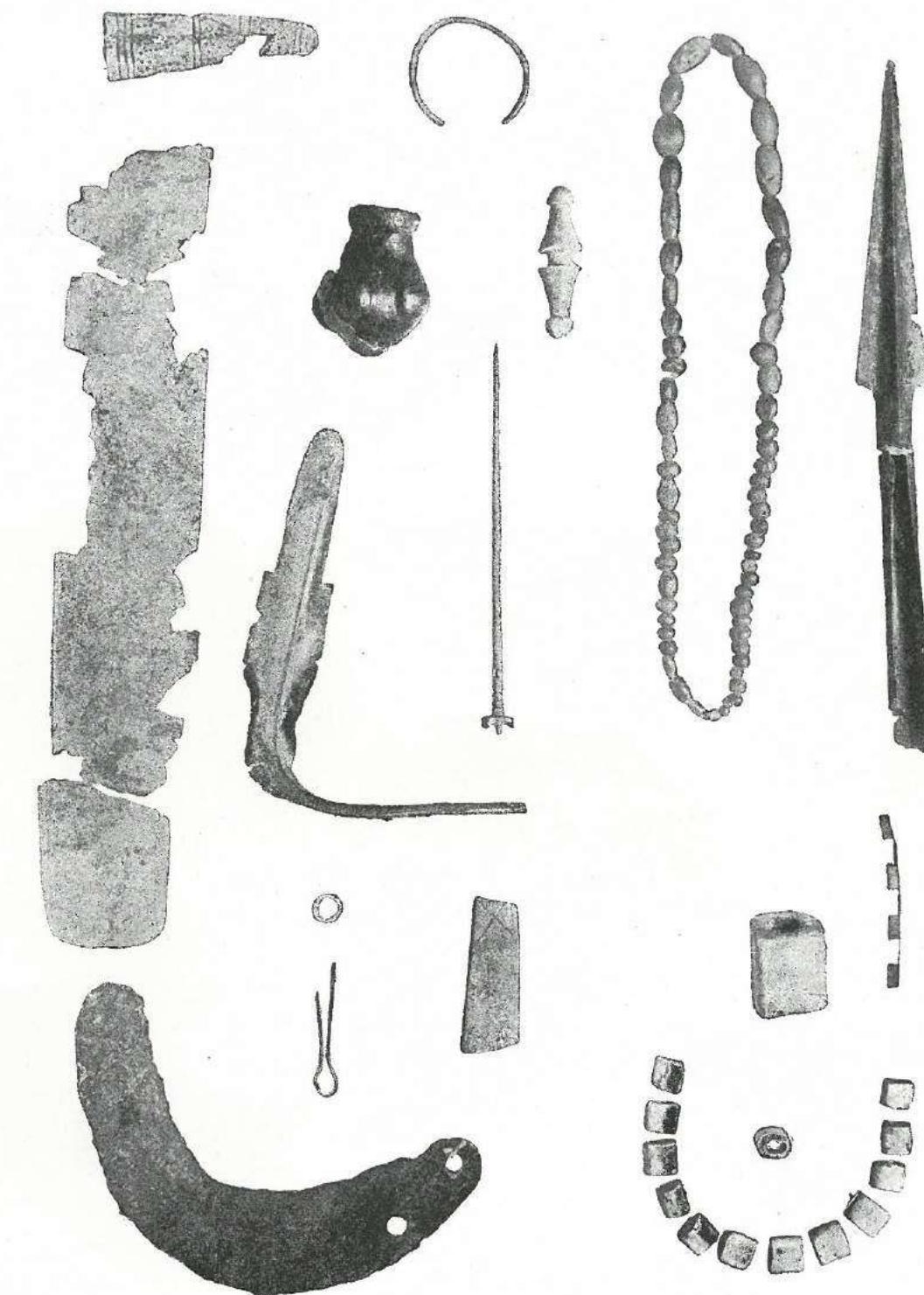
Инвентарь из грунтового погребения № 4 поздне-бронзовой эпохи
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

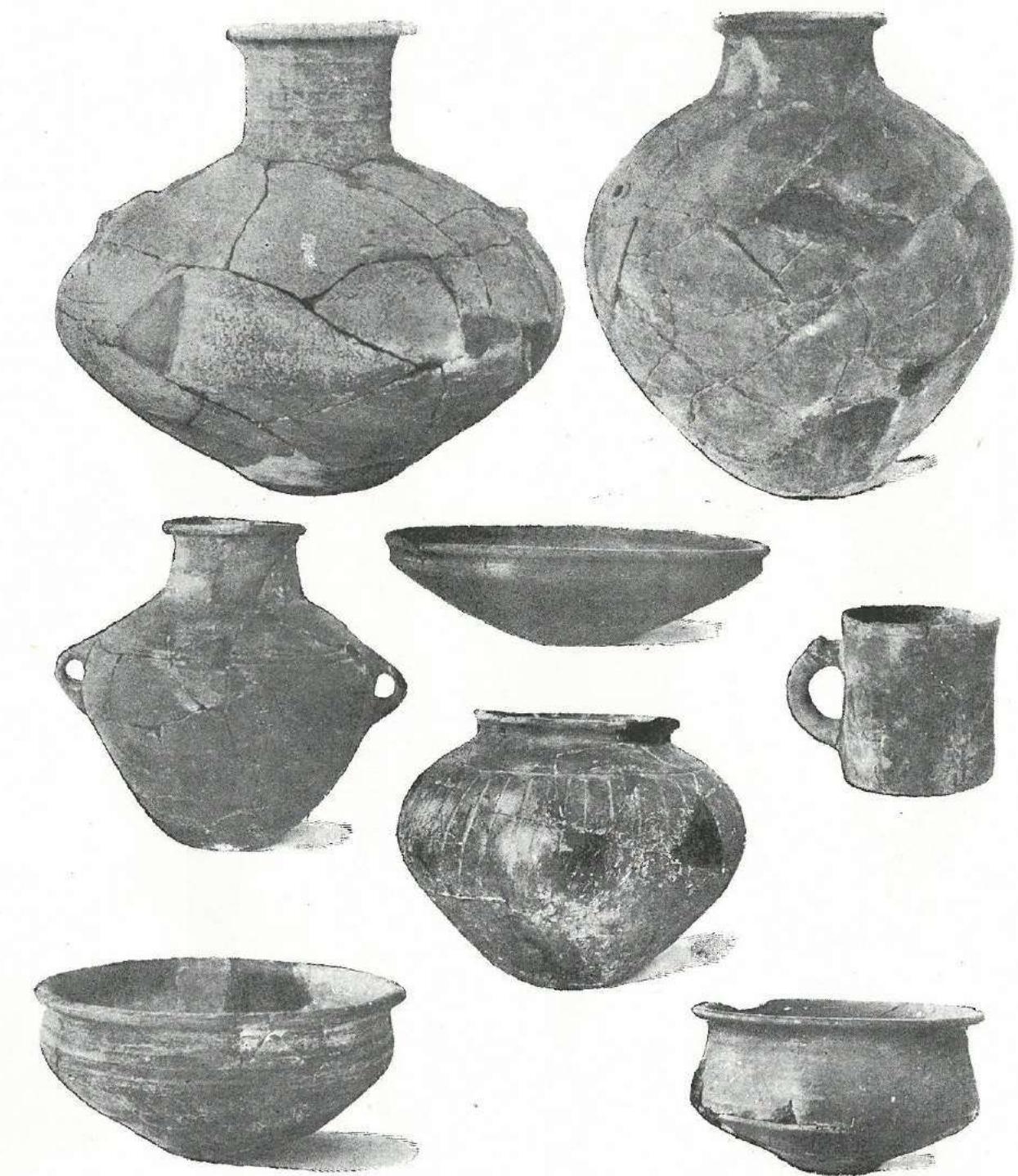
Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения № 19 могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

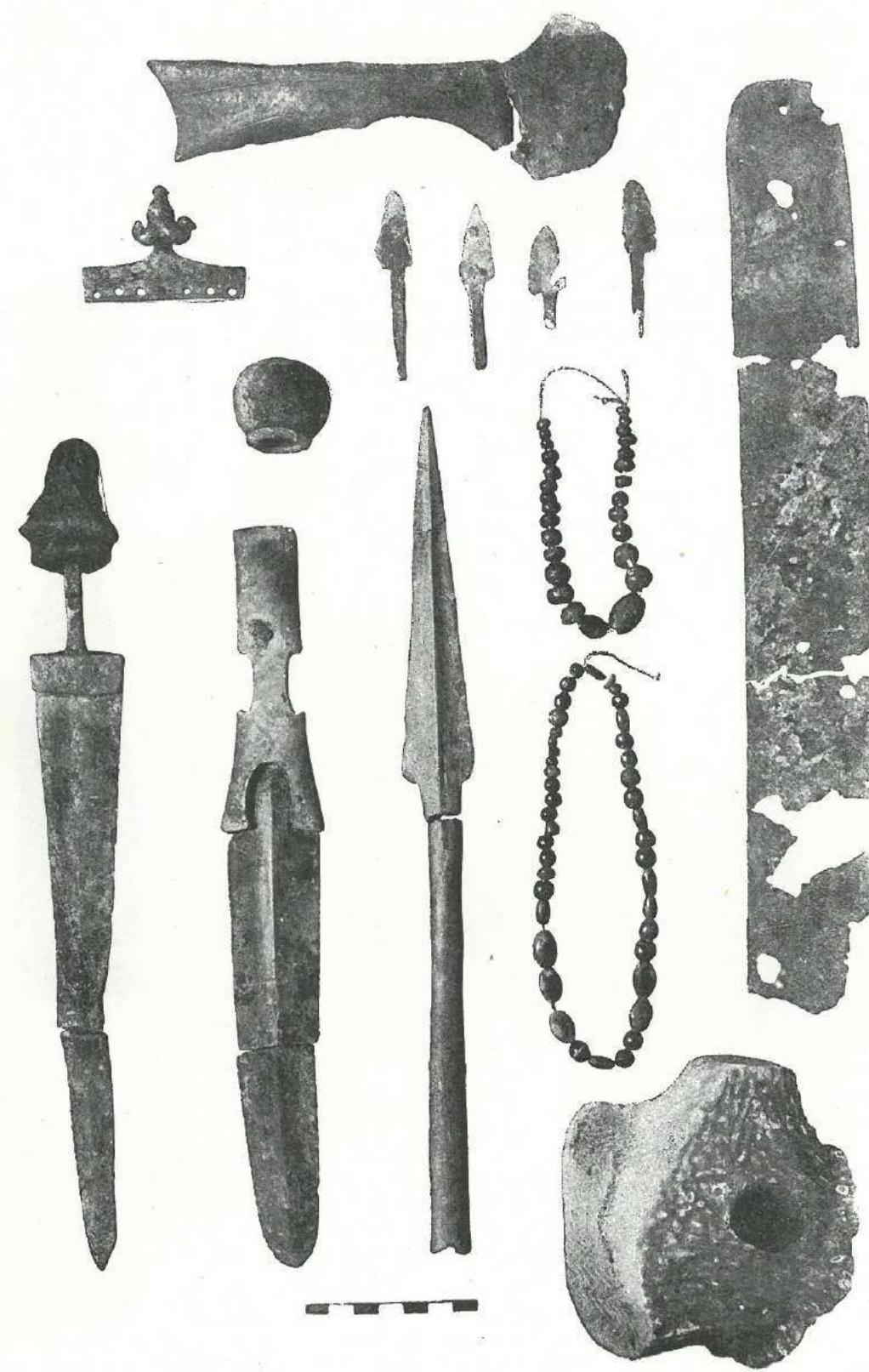
Пара бронзовых удила с роговыми трензелями и одним из них и две пары бронзовых крючьев из погребения № 13 могильника у дороги Бешташни—Сафар-Хараба

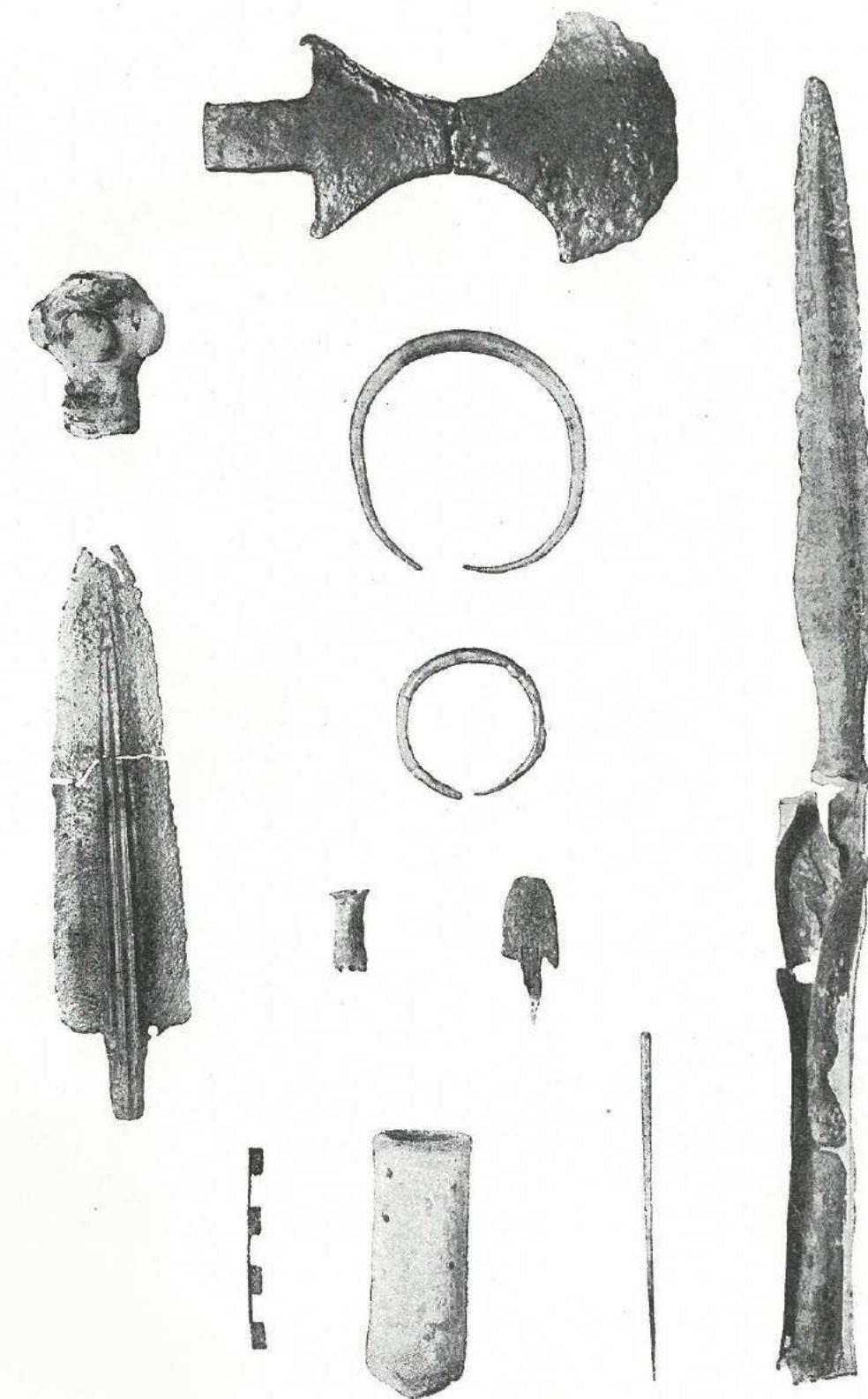
Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения № 13 могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

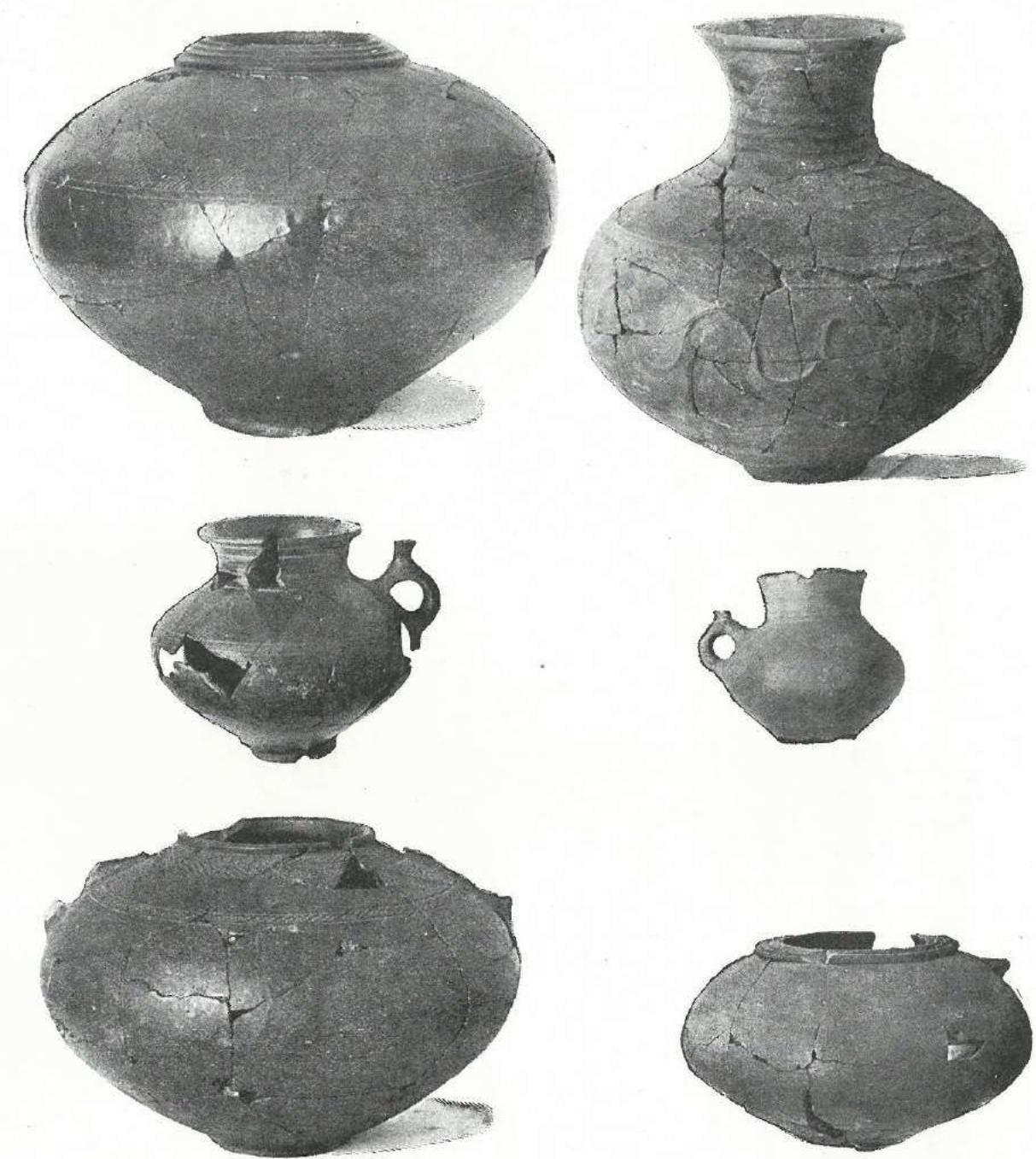
Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около $\frac{1}{6}$ nat. vel.)

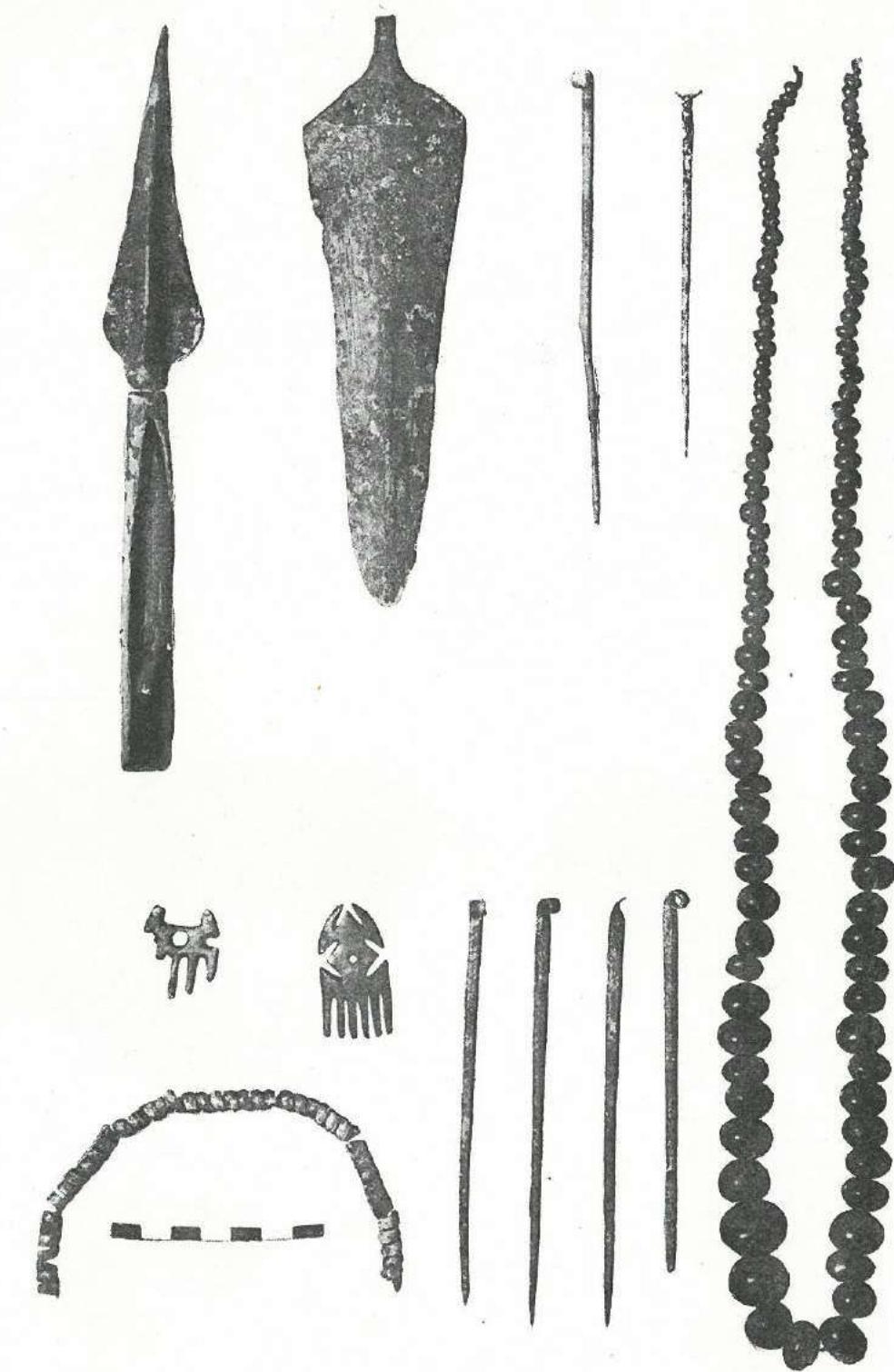
Инвентарь грунтового погребения № 11 могильника у дороги Башташени—Сафар-Хараба

Инвентарь грунтового погребения № 20 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (оноло $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

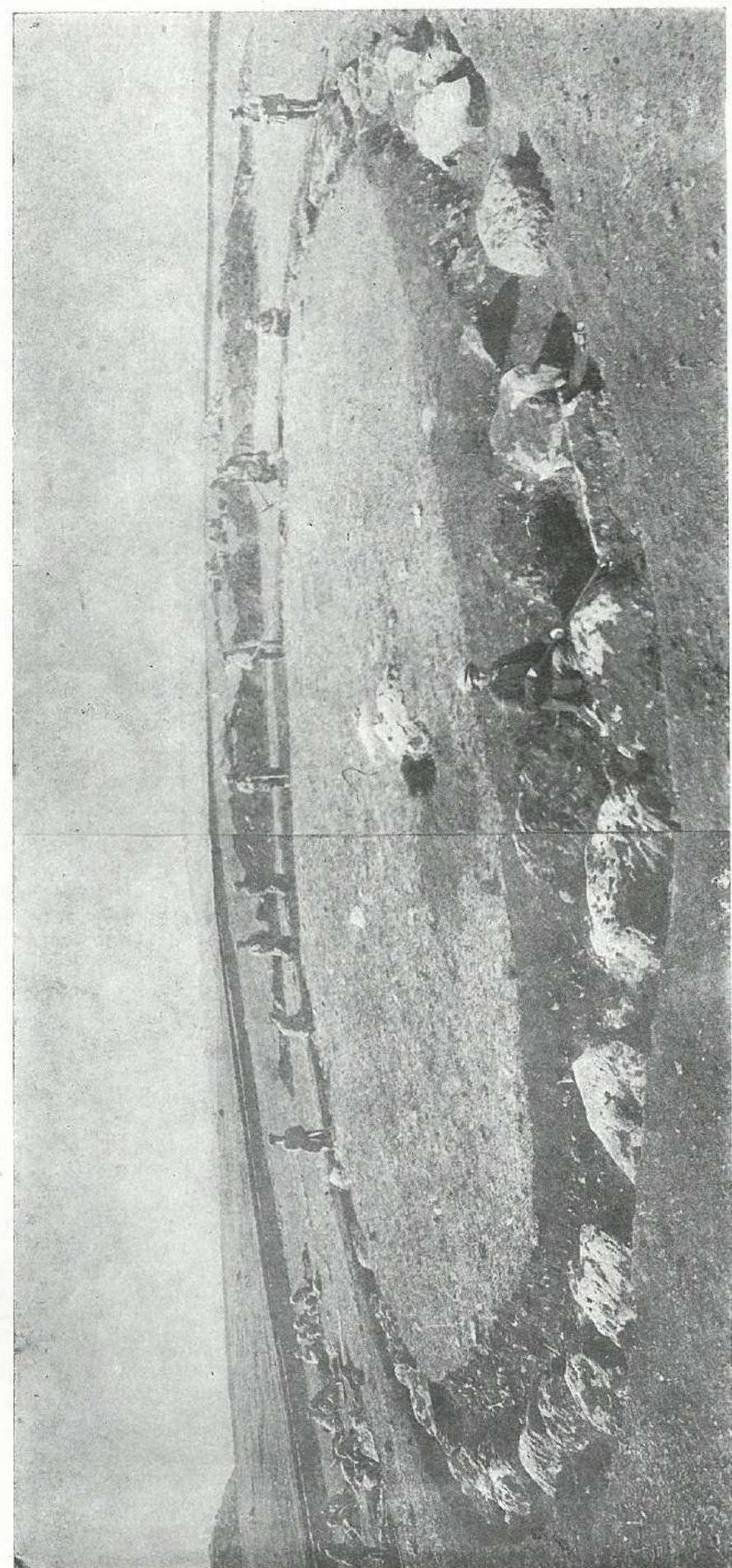

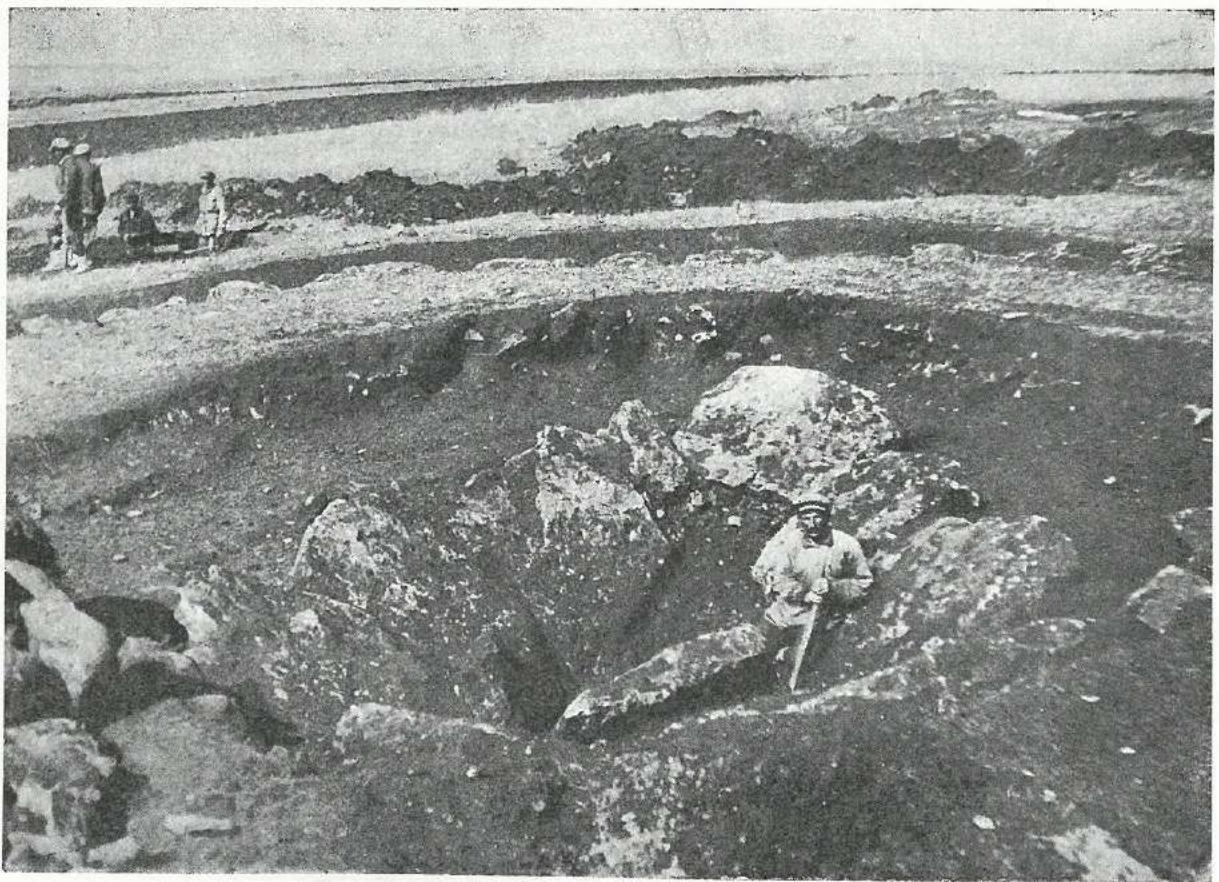
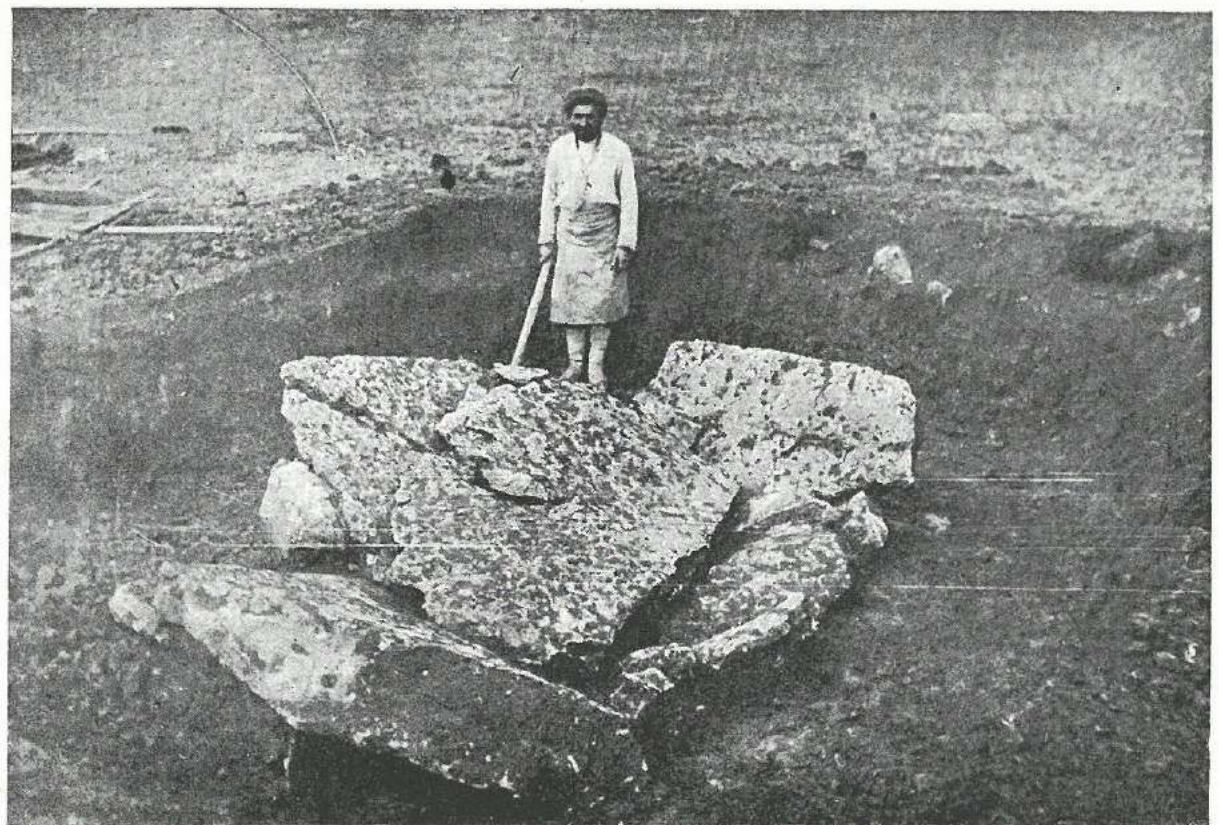
Инвентарь из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

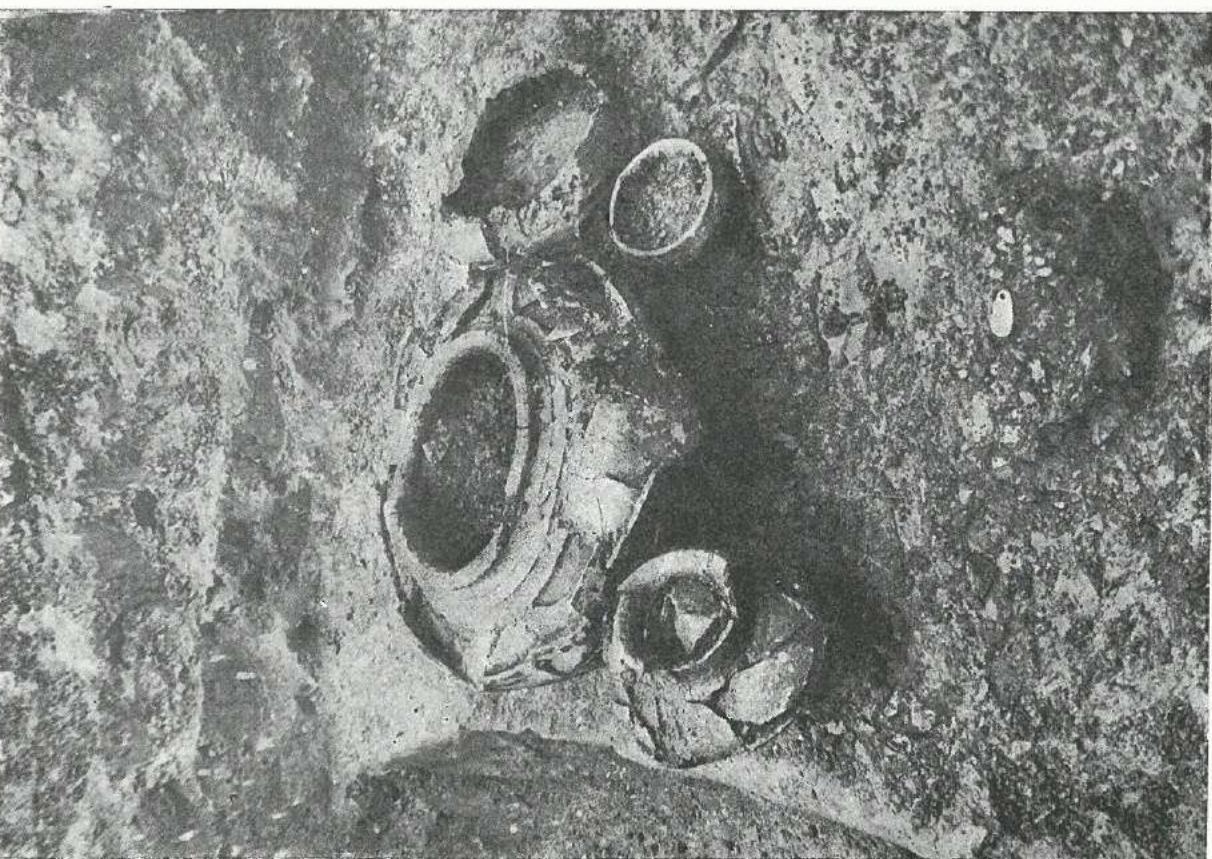
Глиняные орнаментированные кубки с полой ножкой из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташони—Сафар-Хараба (в $\frac{1}{3}$ nat. vel.)

Большой каменный круг в урочище Байдурт на р. Герян-Чай

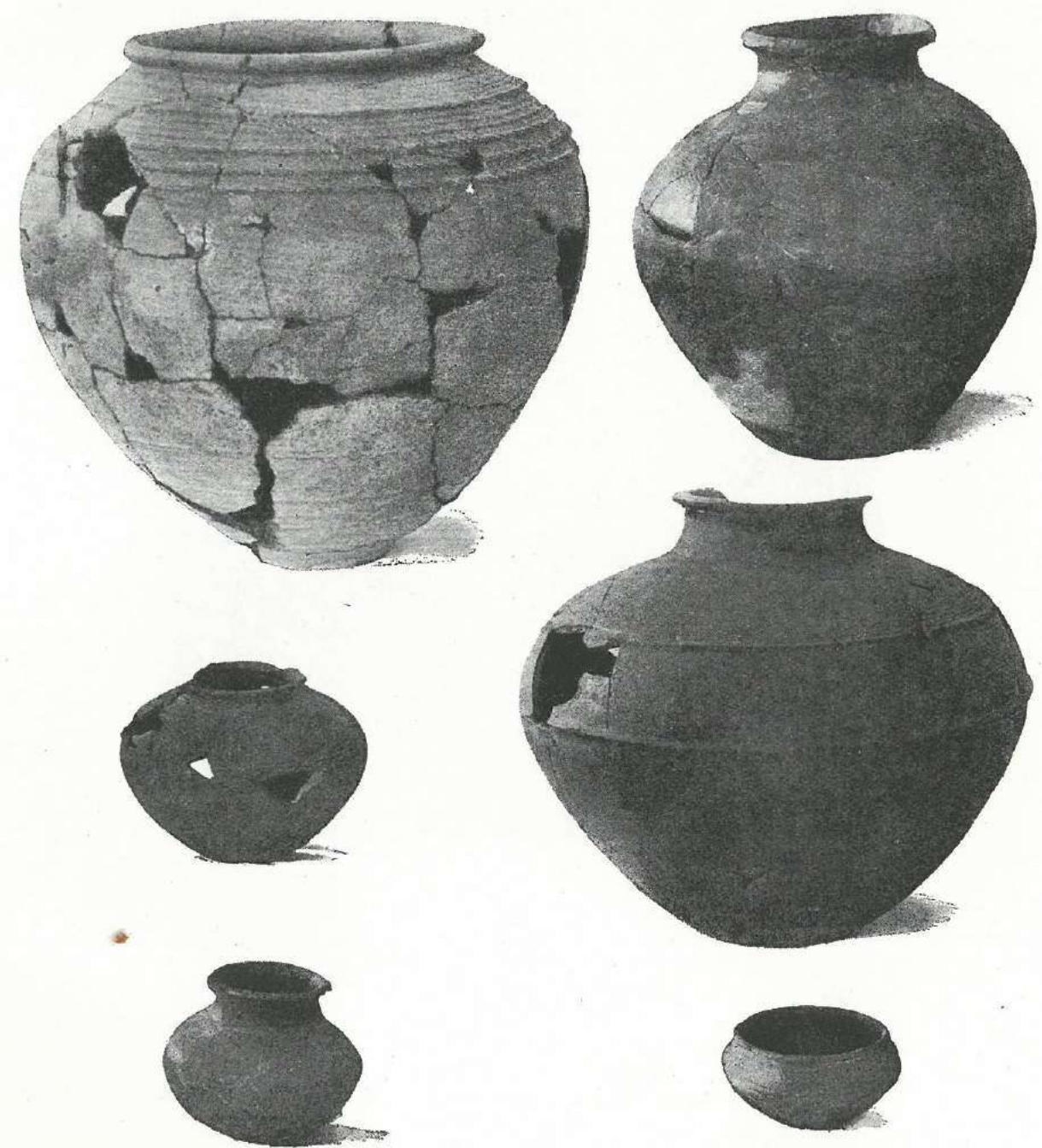

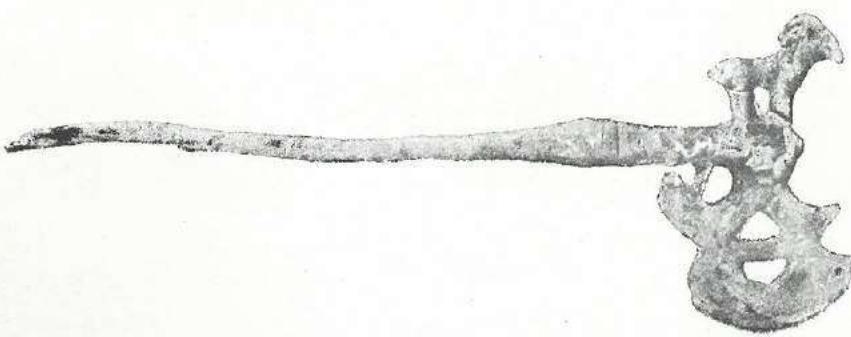
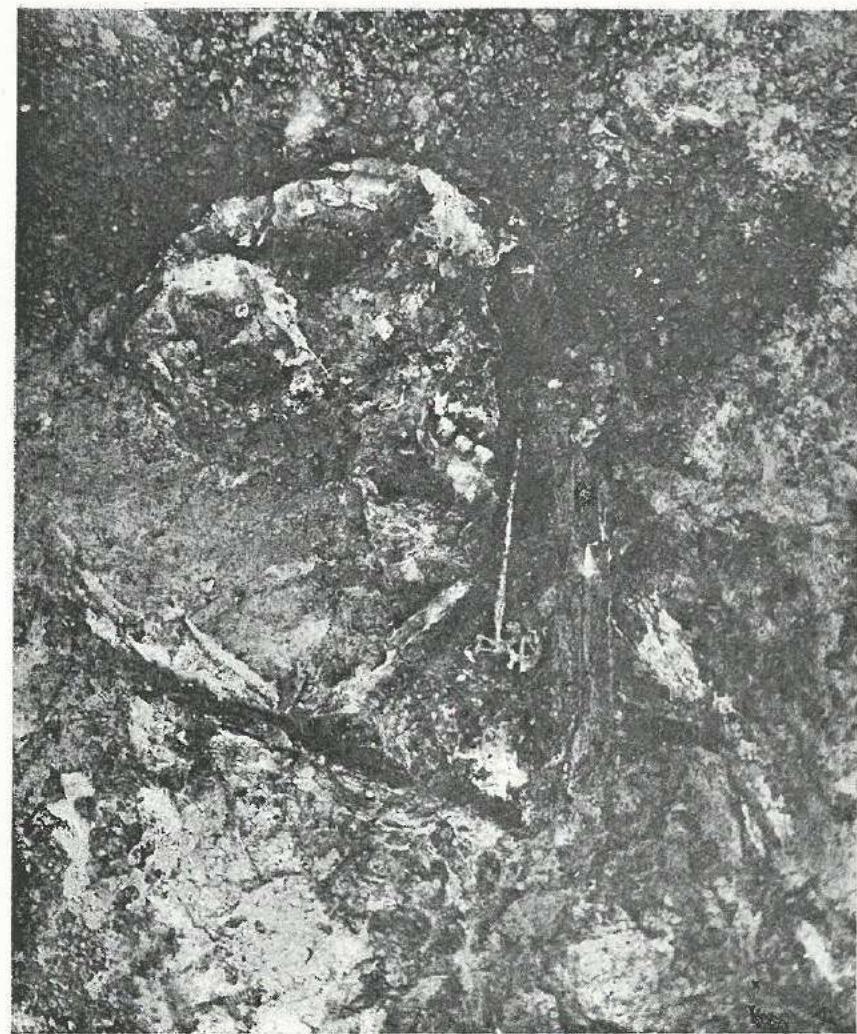
Каменные покровы погребальных ям в центре каменных кругов, малого и большого на р. Герян-Чай

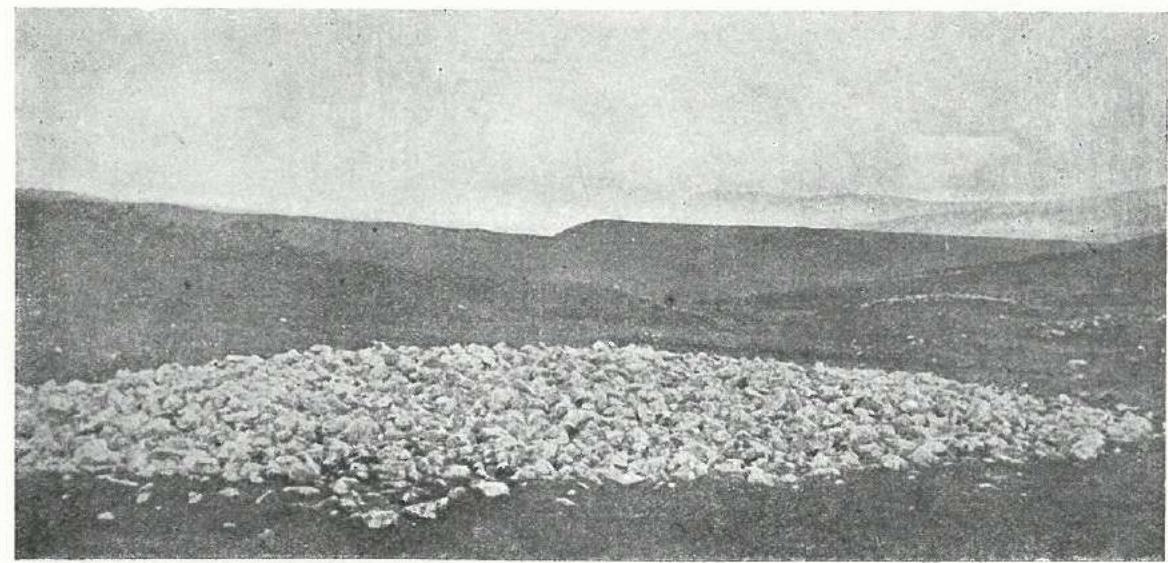
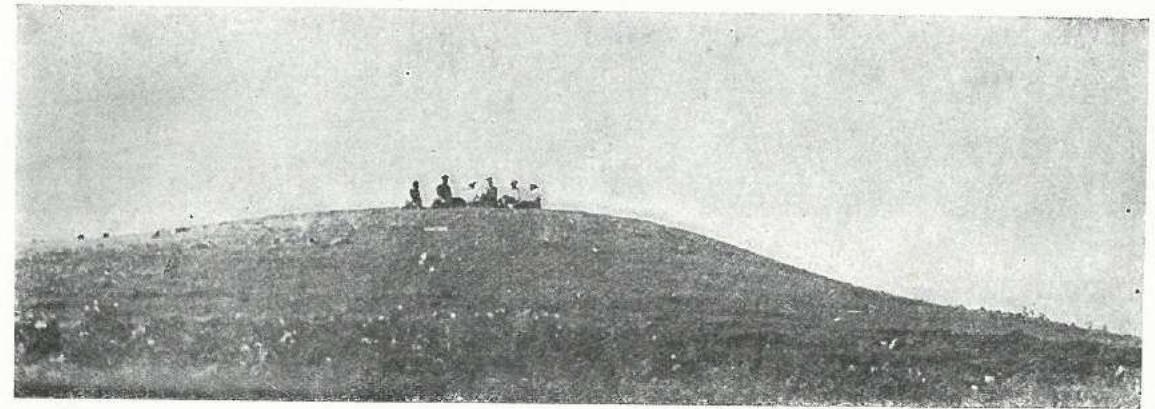
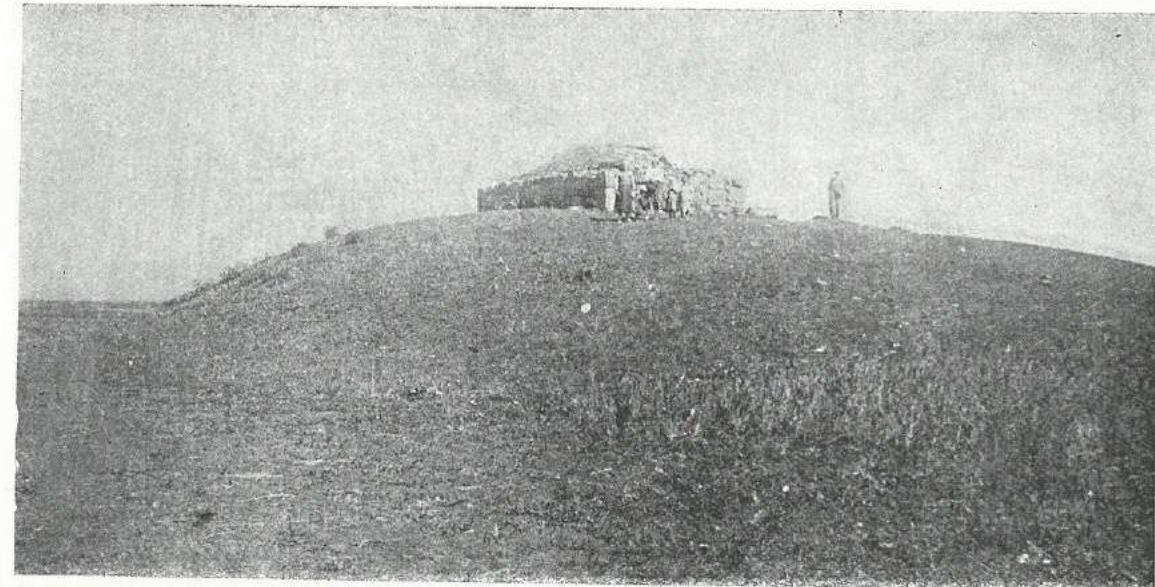
Погребения бронзовой эпохи могильника с каменными кругами в урочище Байдырот на р. Герек-Чай

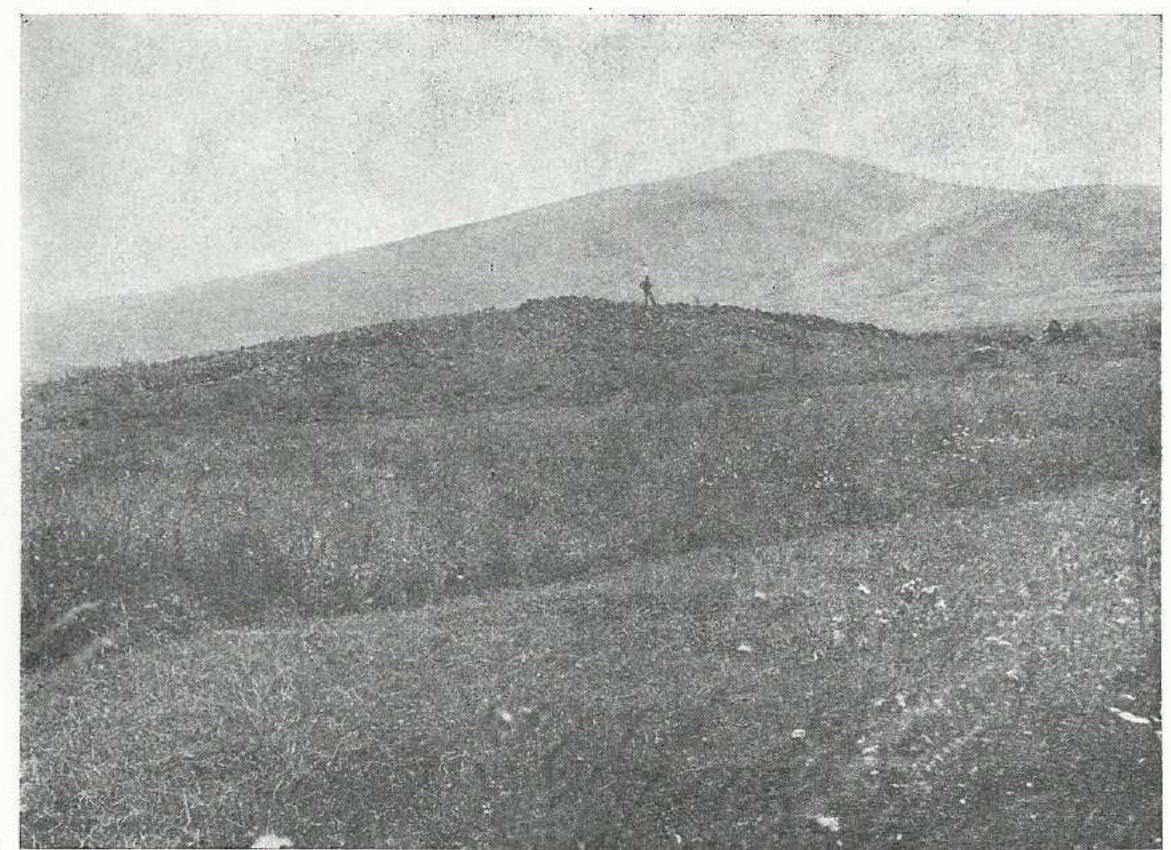
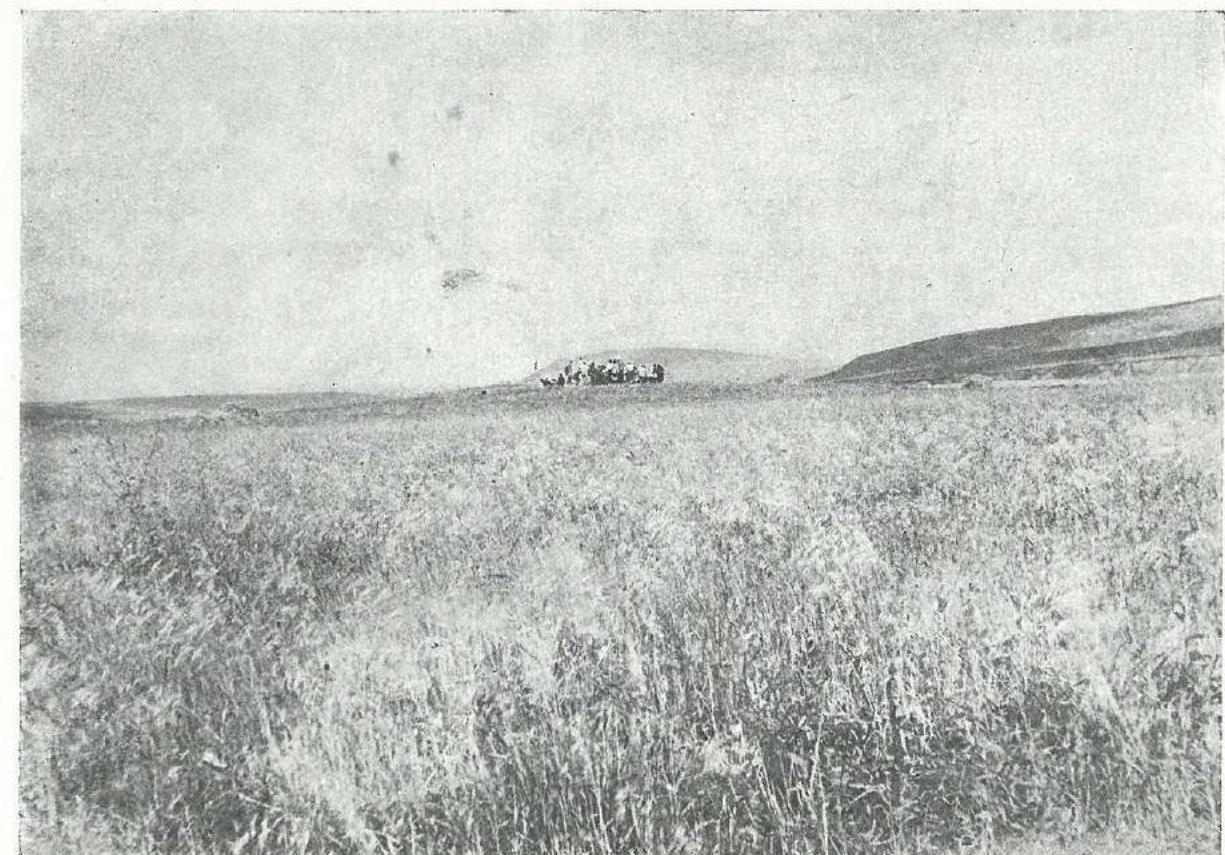
Образцы керамики из погребений в каменных кругах на р. Герян-Чай (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

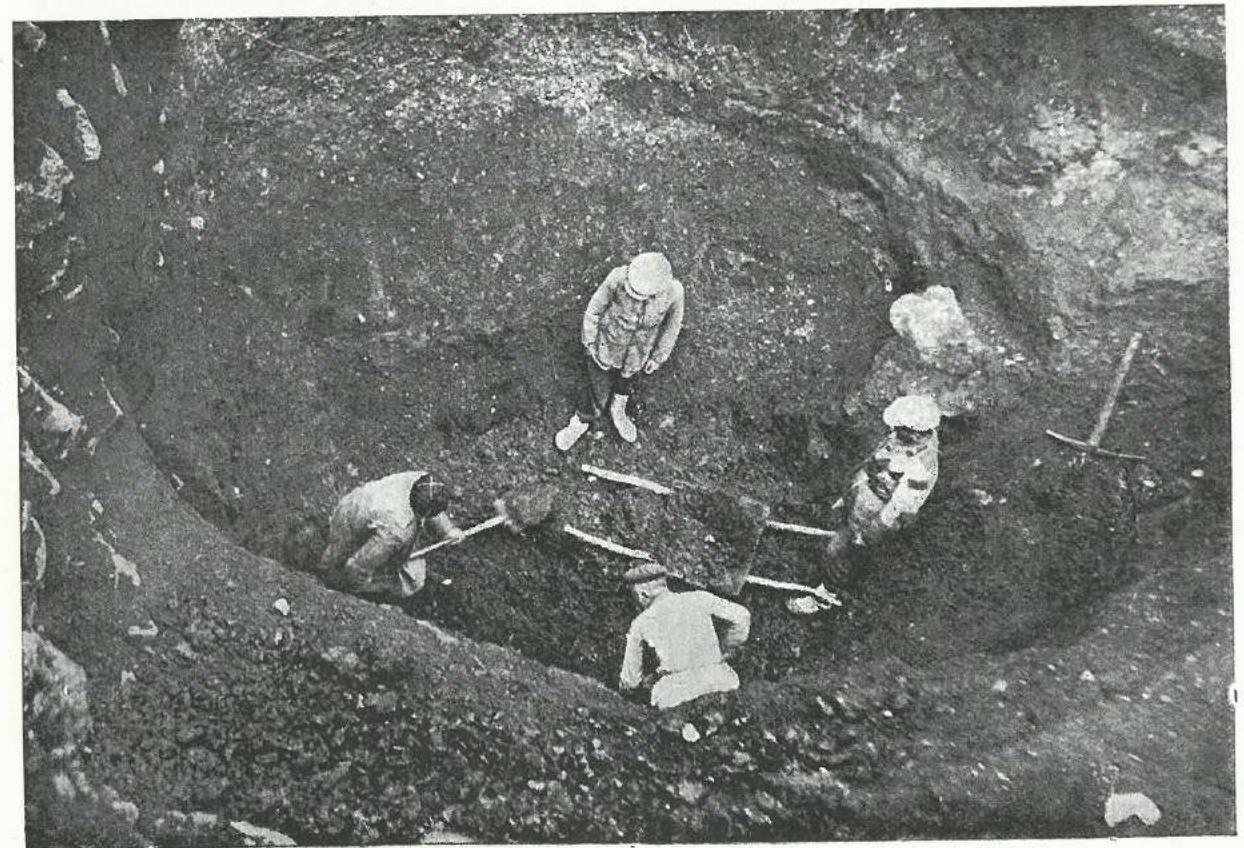
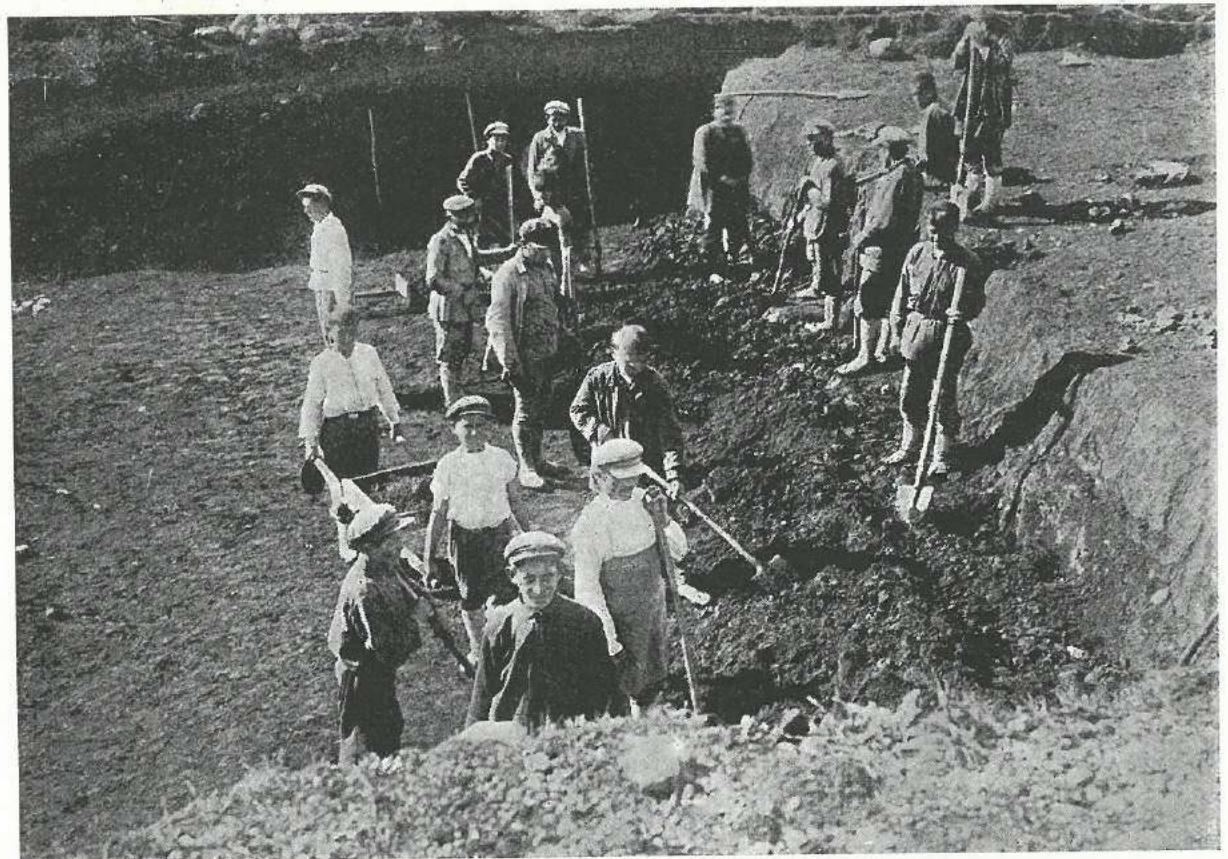
Погребение № 3 могильника с каменными кругами в урочище Байбурт на р. Геран-Чай

Внешний вид курганов „Карантин“, „Биюк-Тепе“ и кургана XXVIII в Триалети

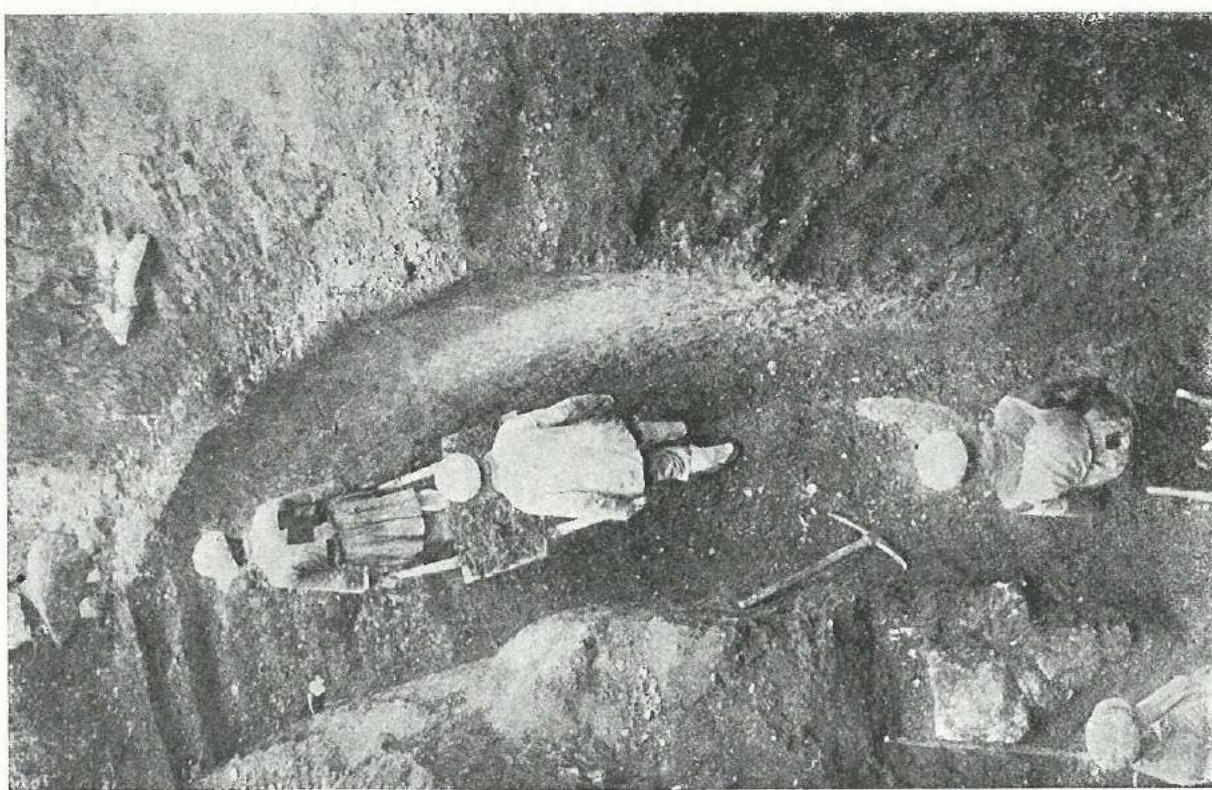
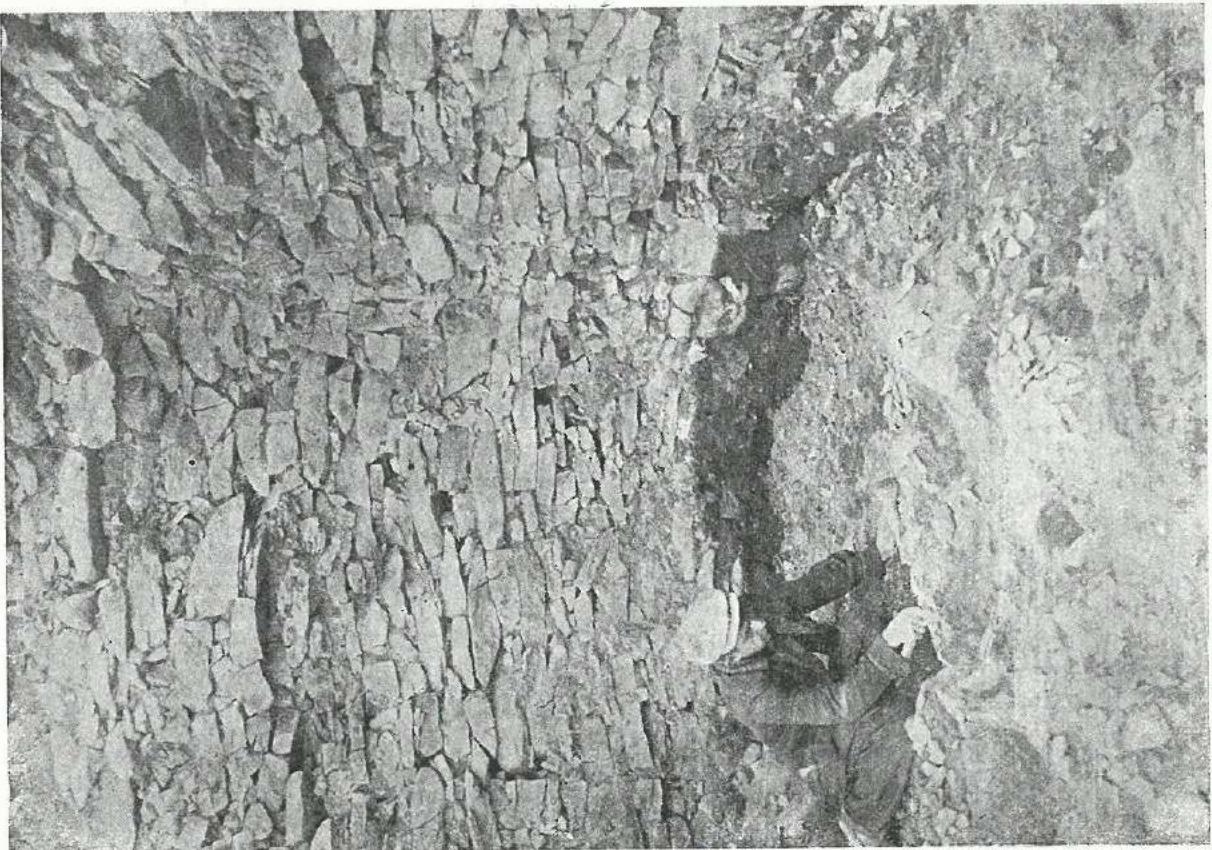

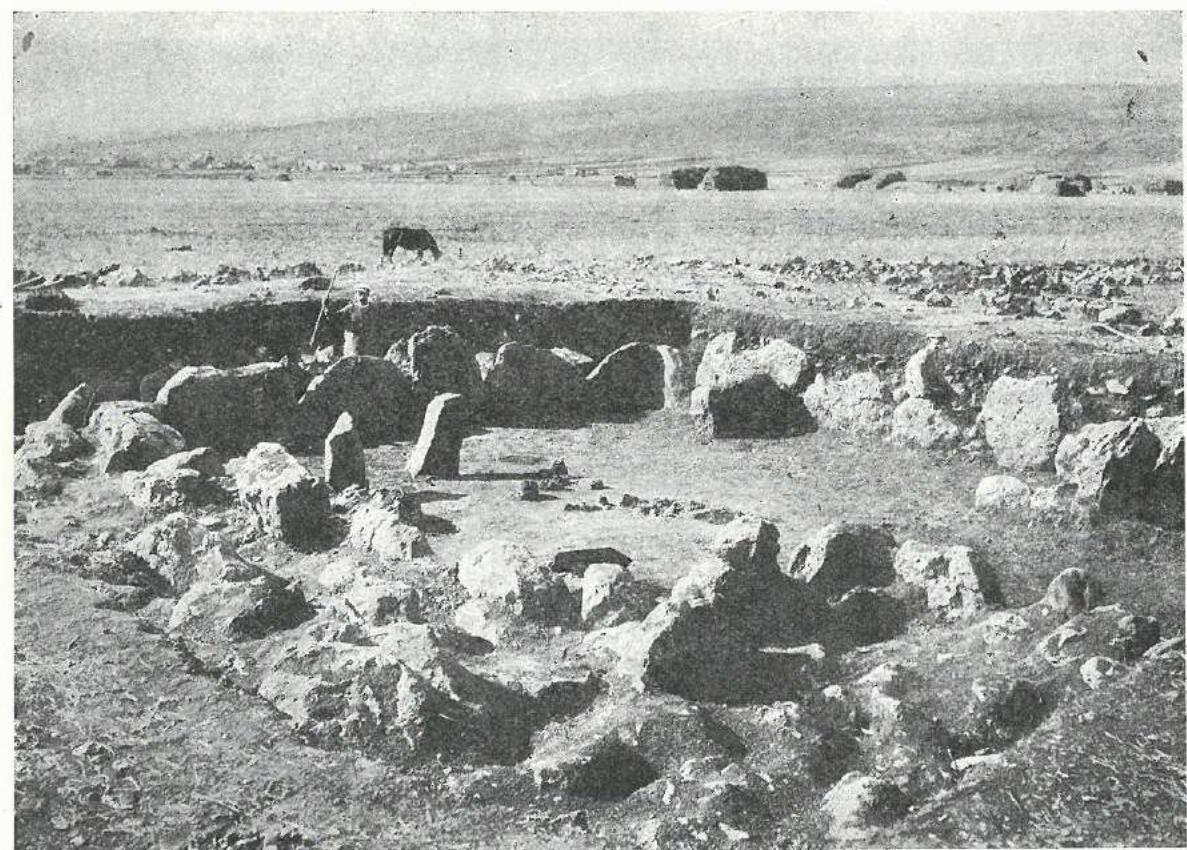
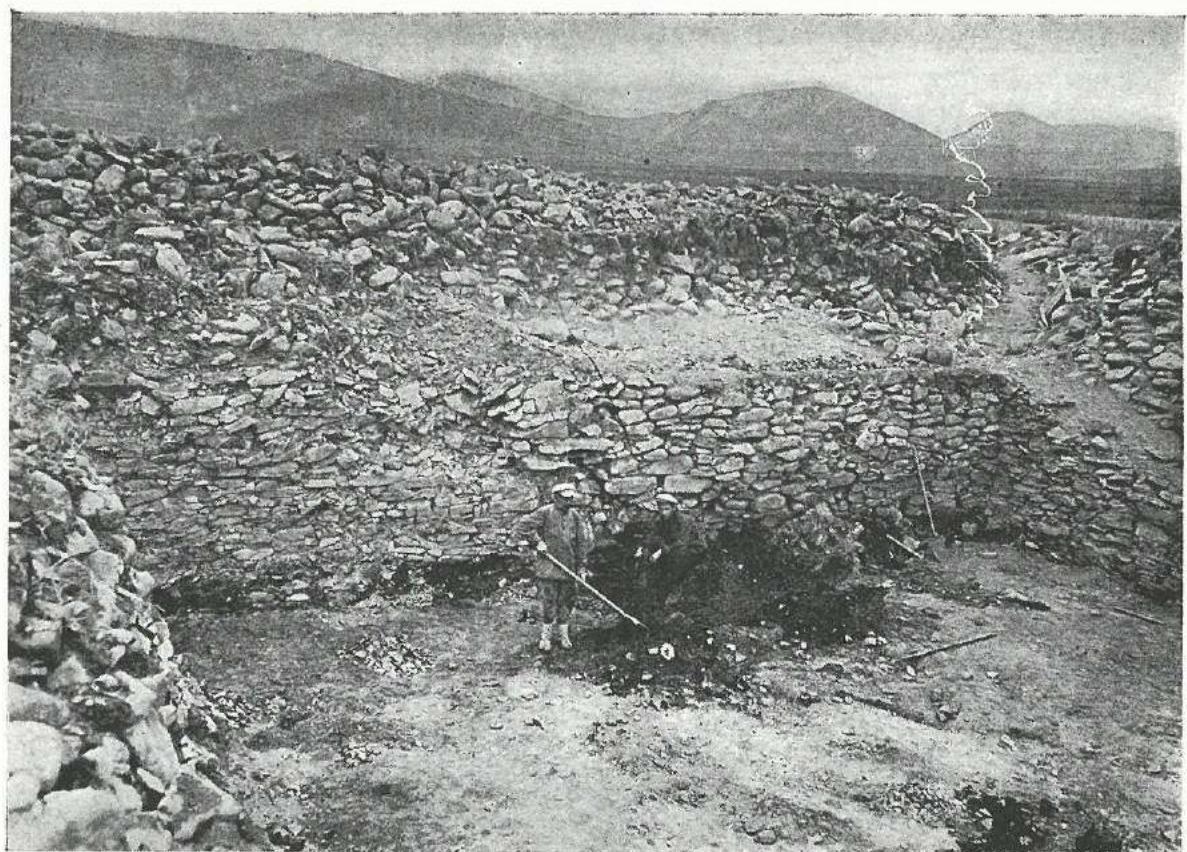
Внешний вид курганов XVII и XXXVI (Тон-Кар) в Триалети

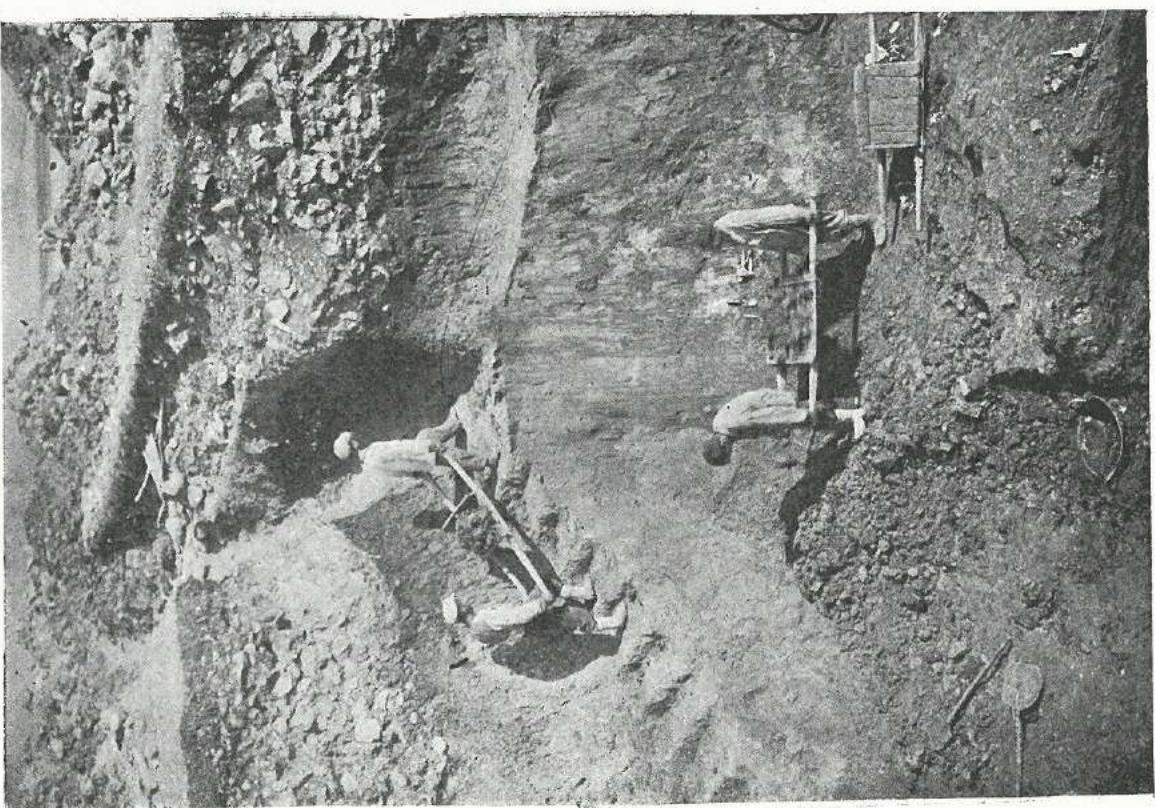
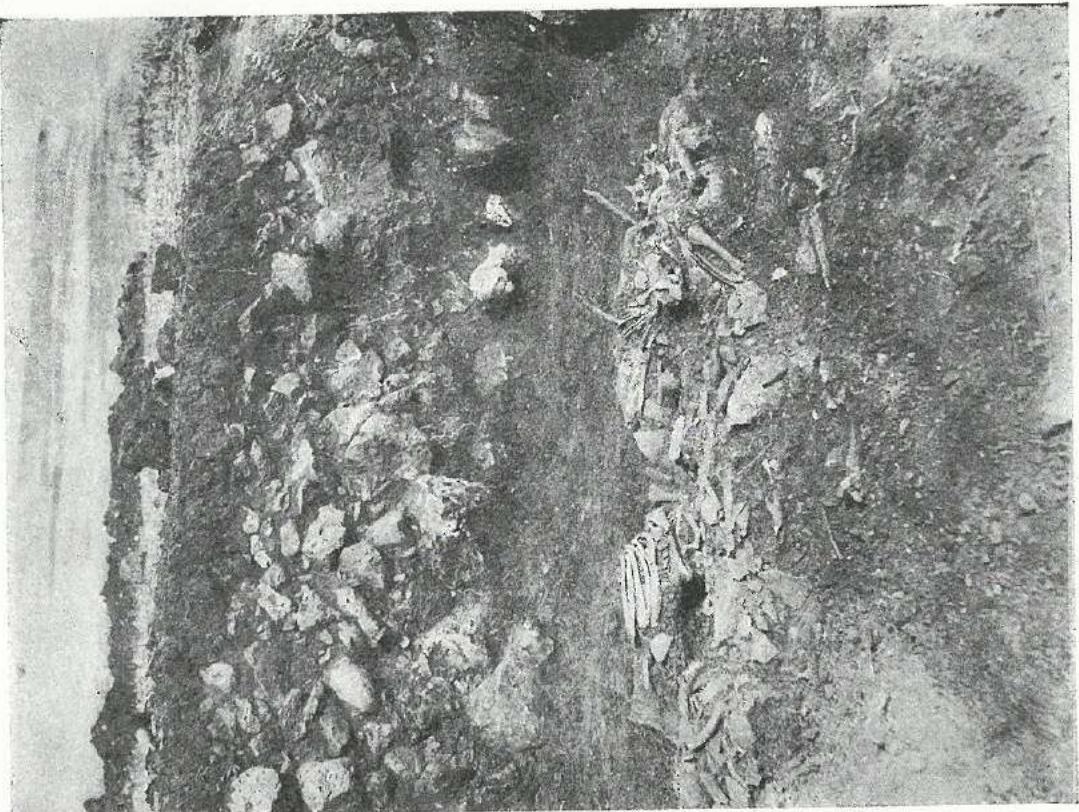
Процесс раскопки кургана „Карантин“

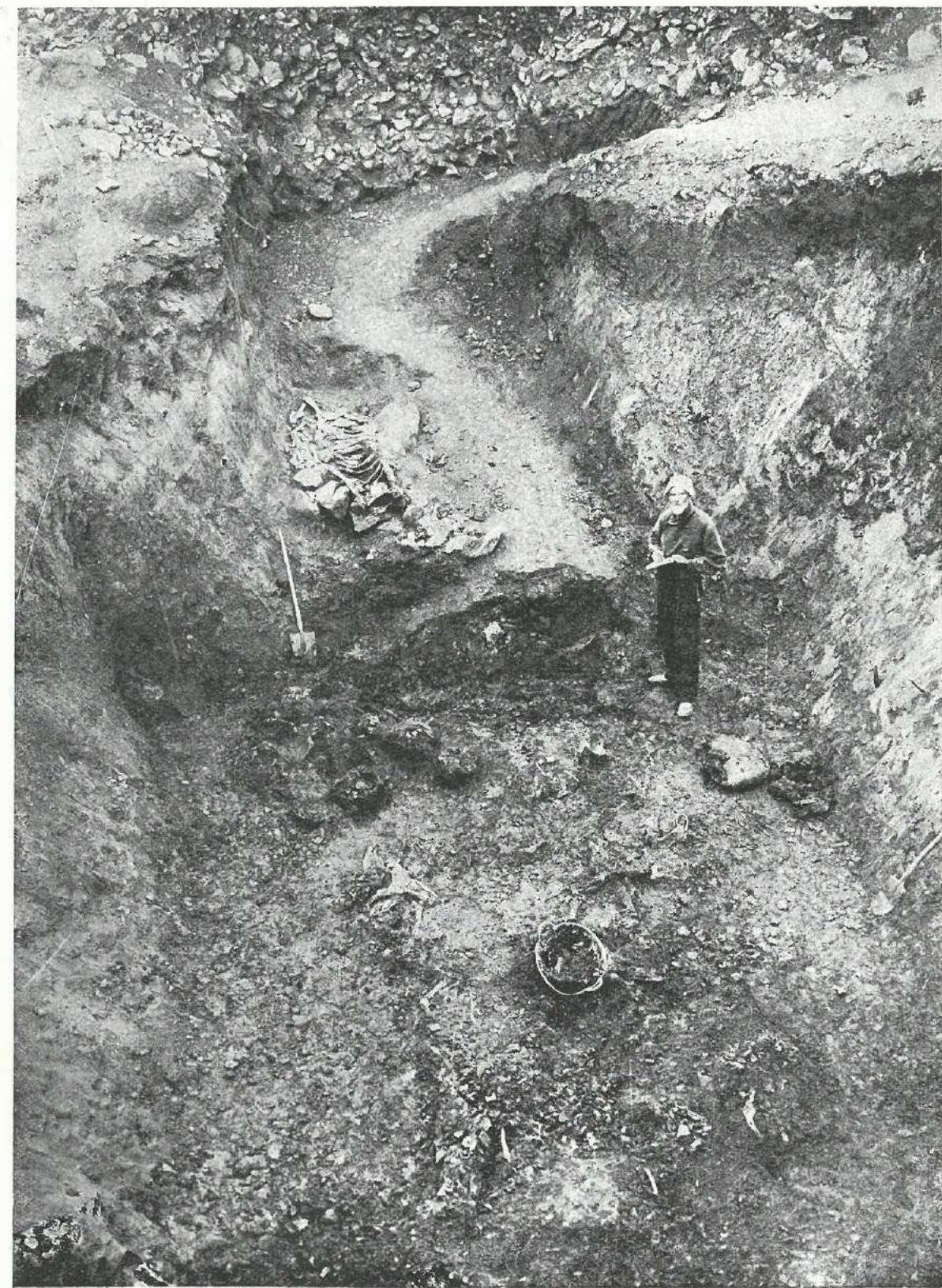
Процесс раскопки курганов "Карантин" и "Лон-Кар" в Триалети

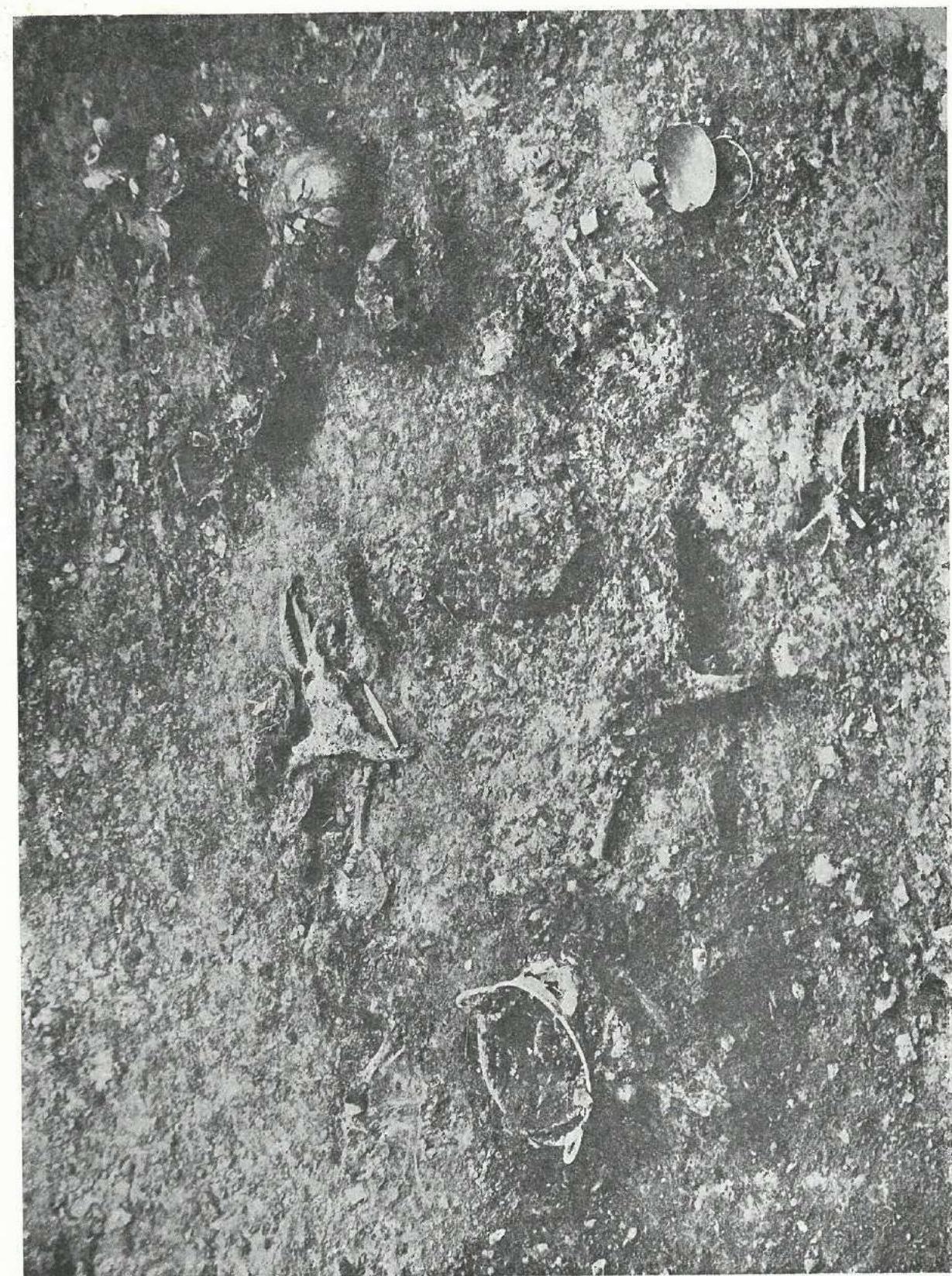

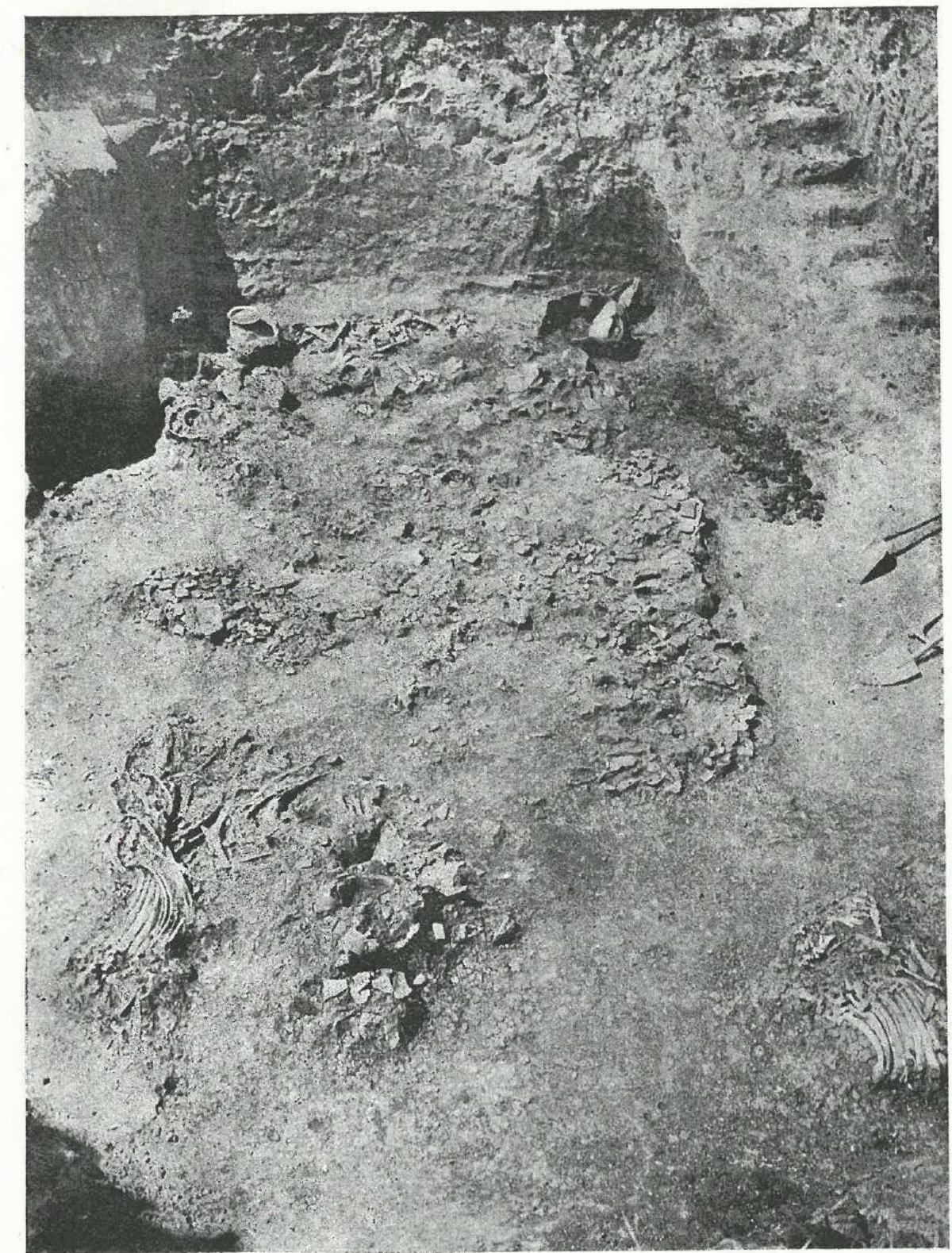
Погребальные площади безъямных курганов XXXVI (Топ-Кар) и XVIII в Триалети

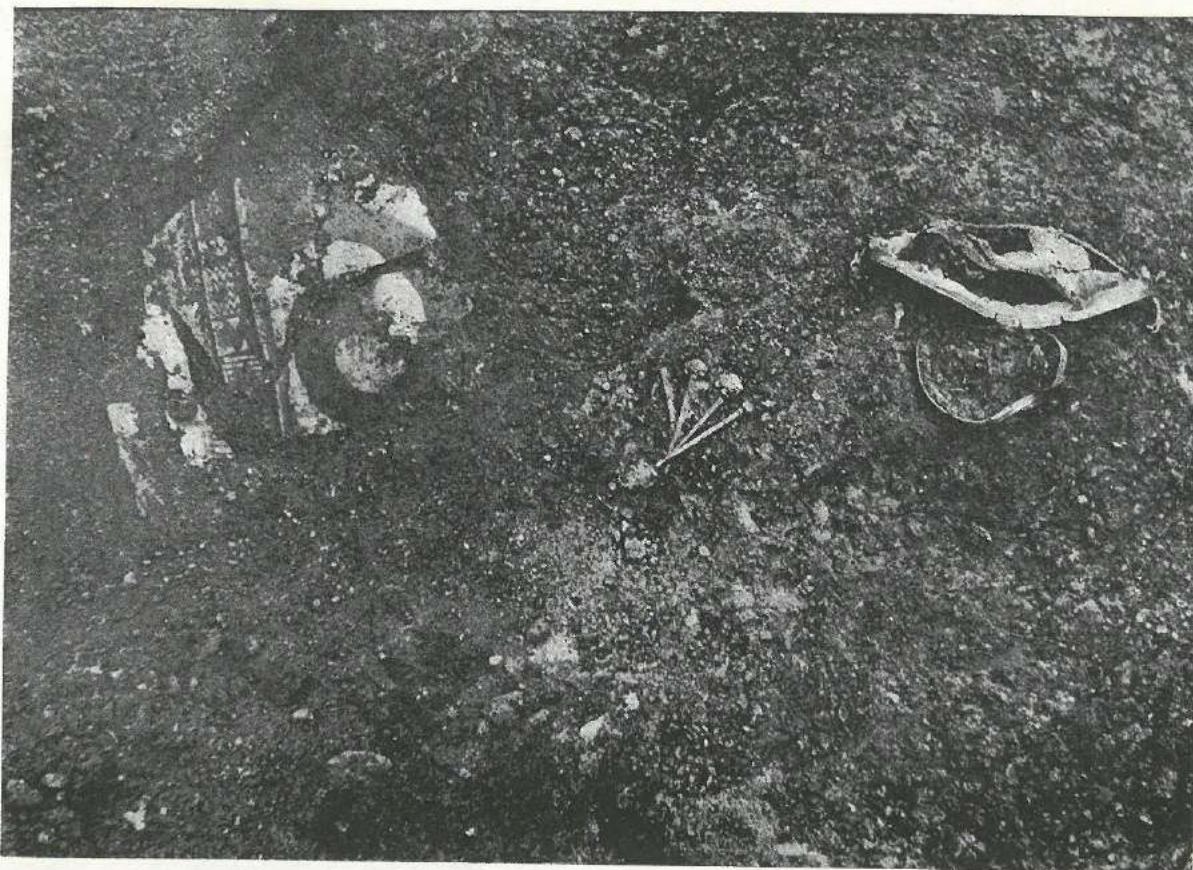

Раскрыта погребальная пам и дромос со скелетом быка в кургане XV (вид на восток)

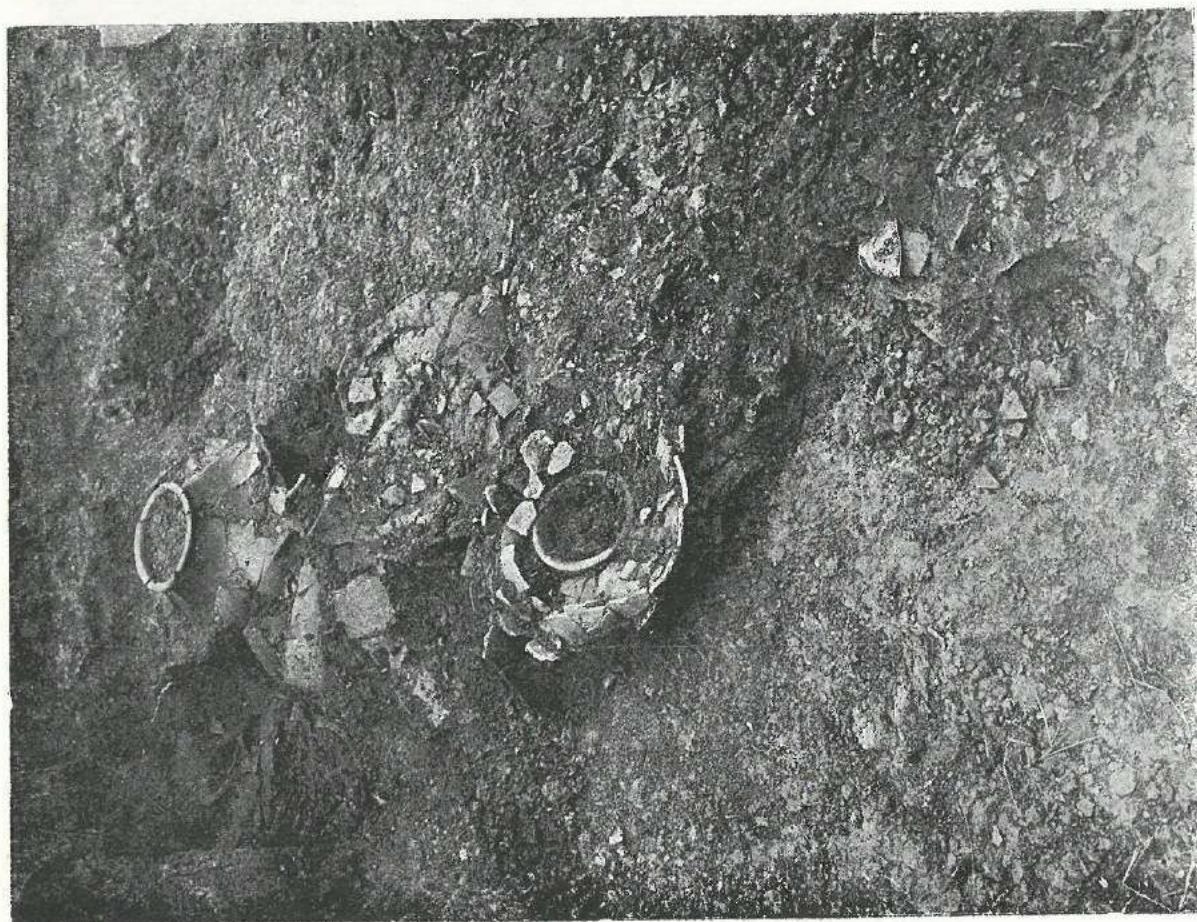
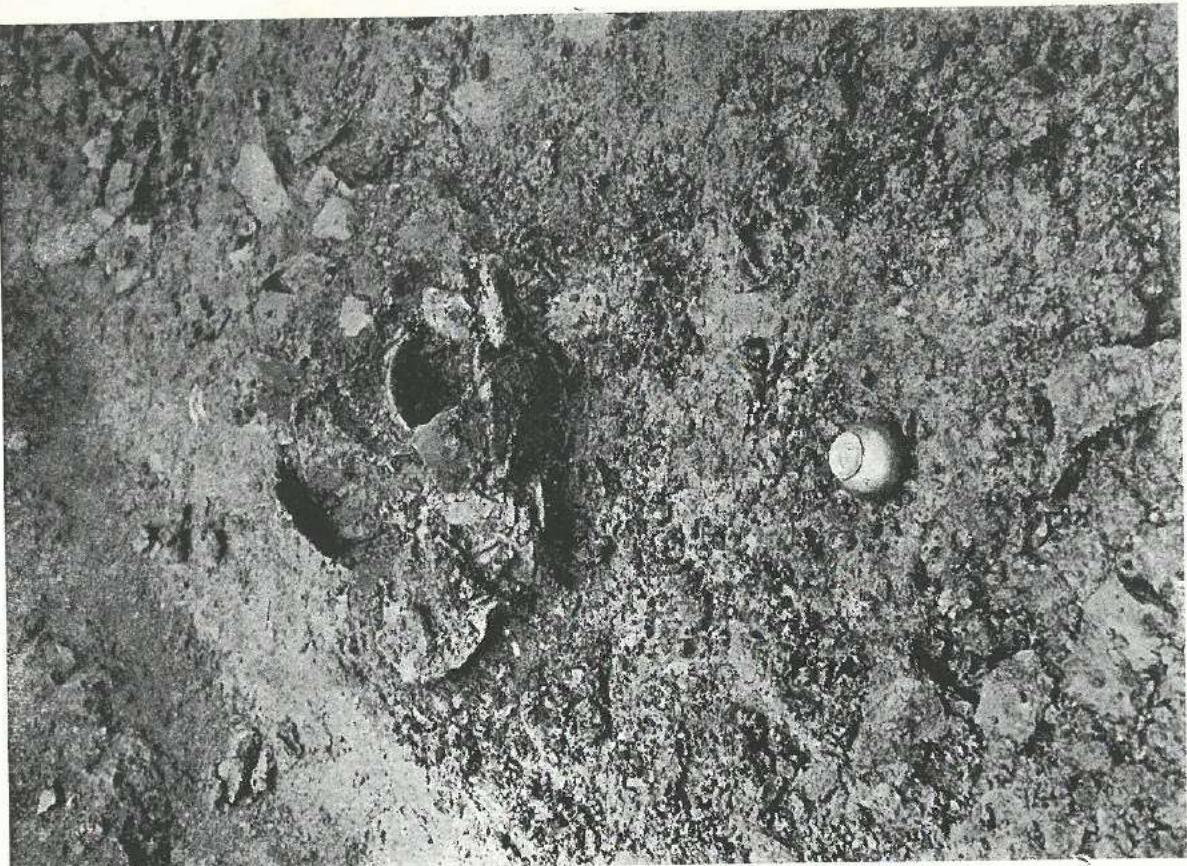

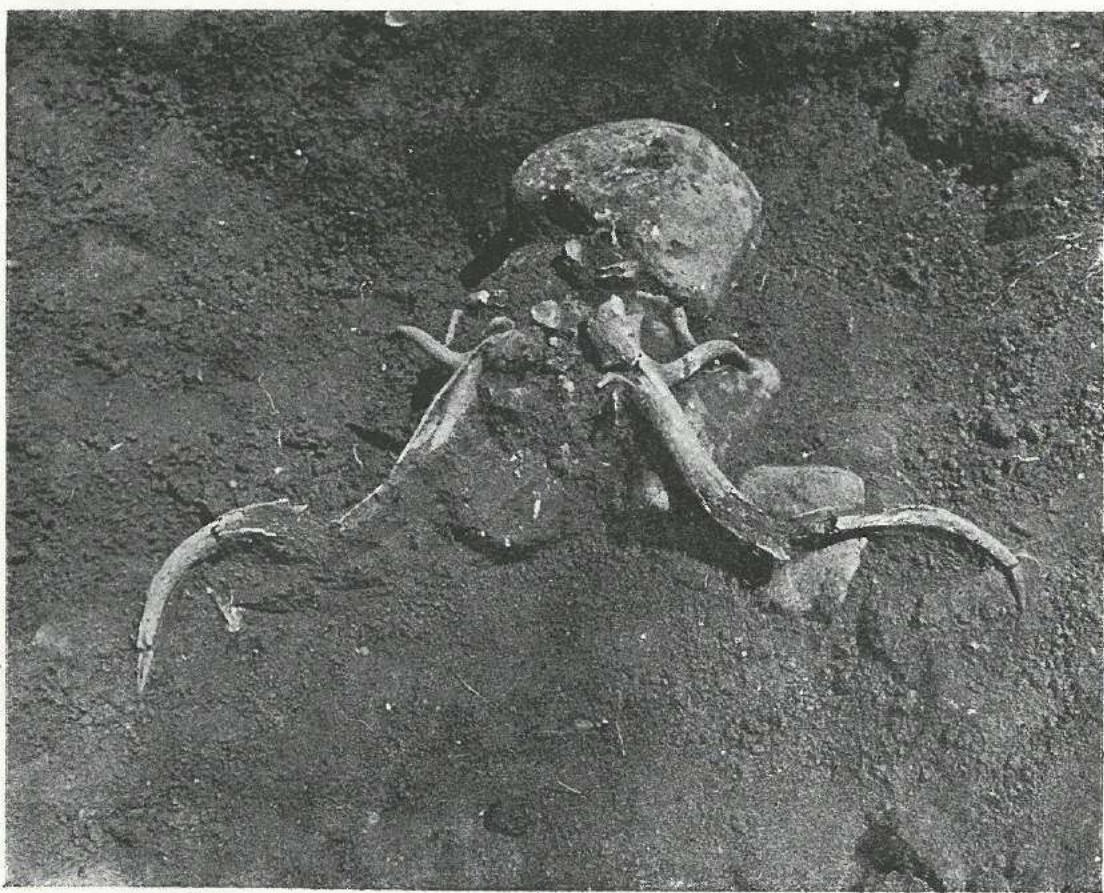
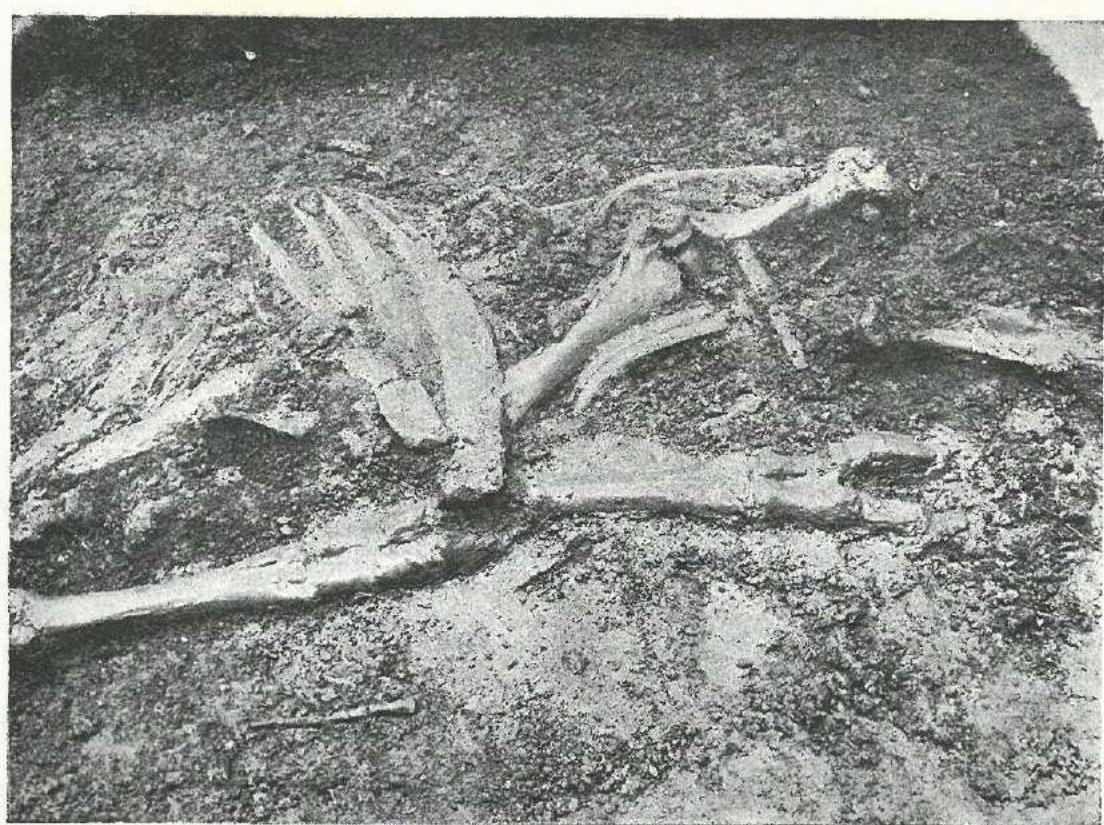
Отрепарированное дно погребальной ямы в кургане XVII

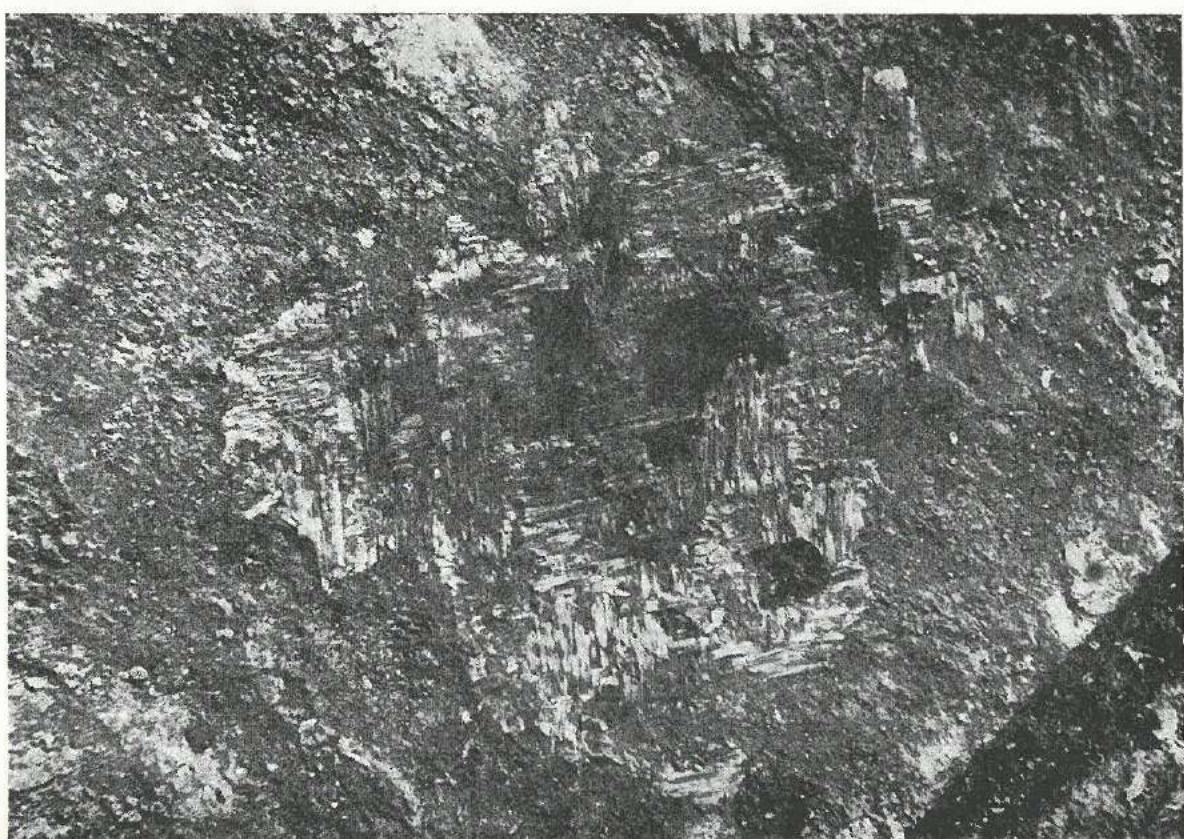
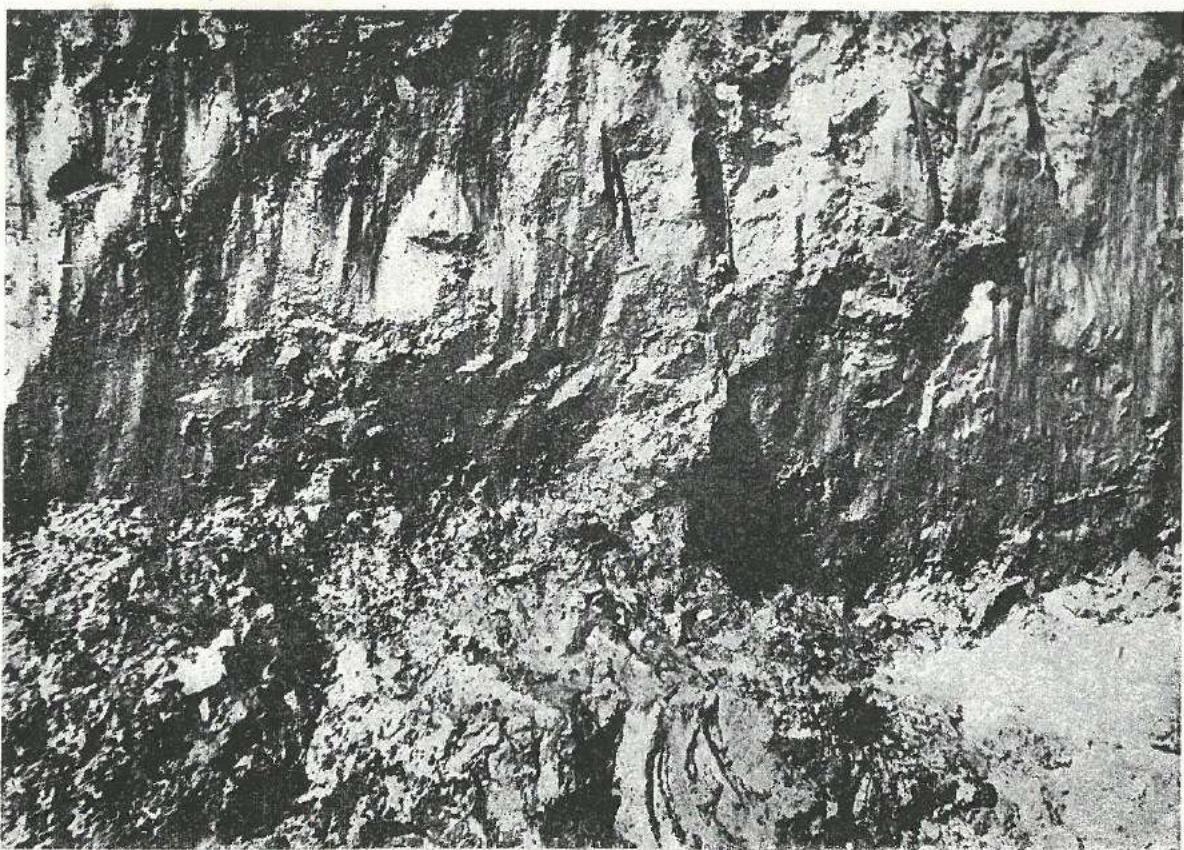
Детали отреставрированного дна погребальной ямы в кургане XVII

Детали отреставрированного дна курганных погребальных ям с золотым кубком и чашей в курганах XVII и VII

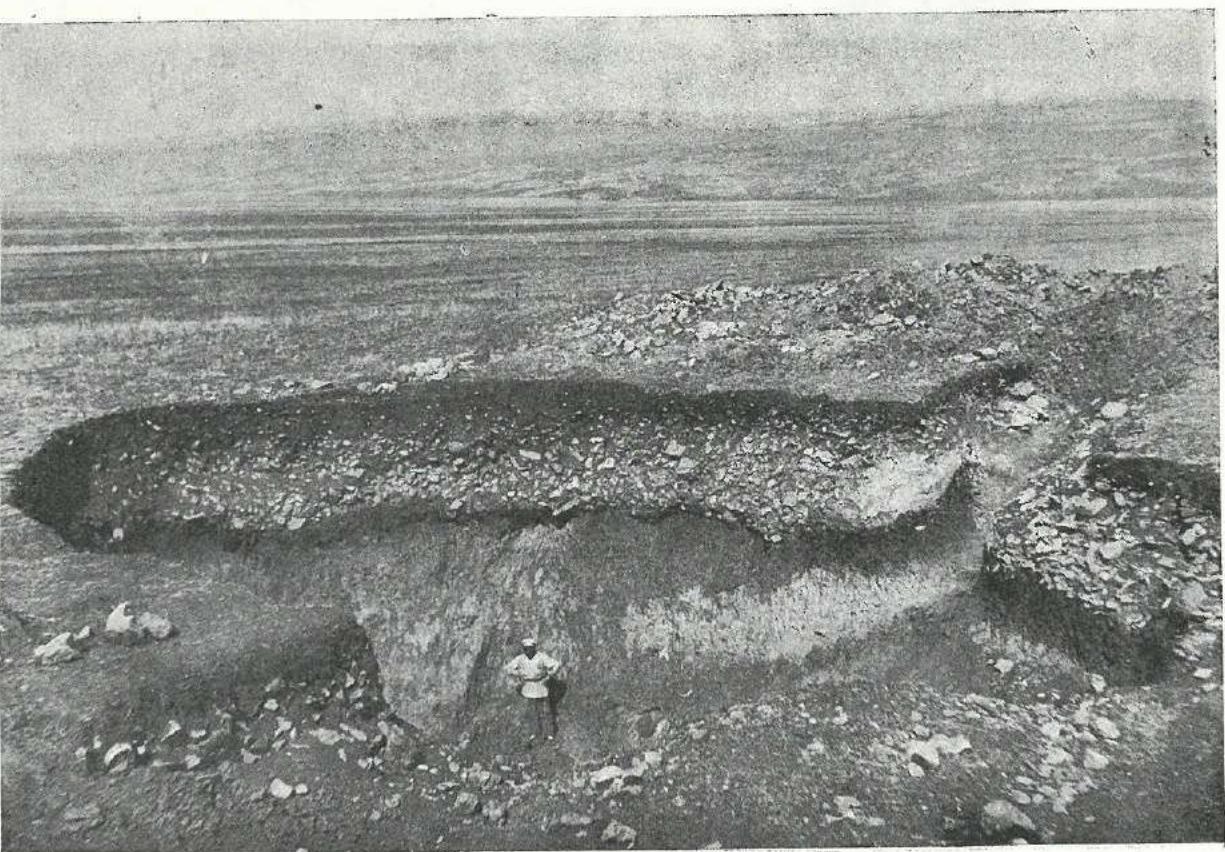
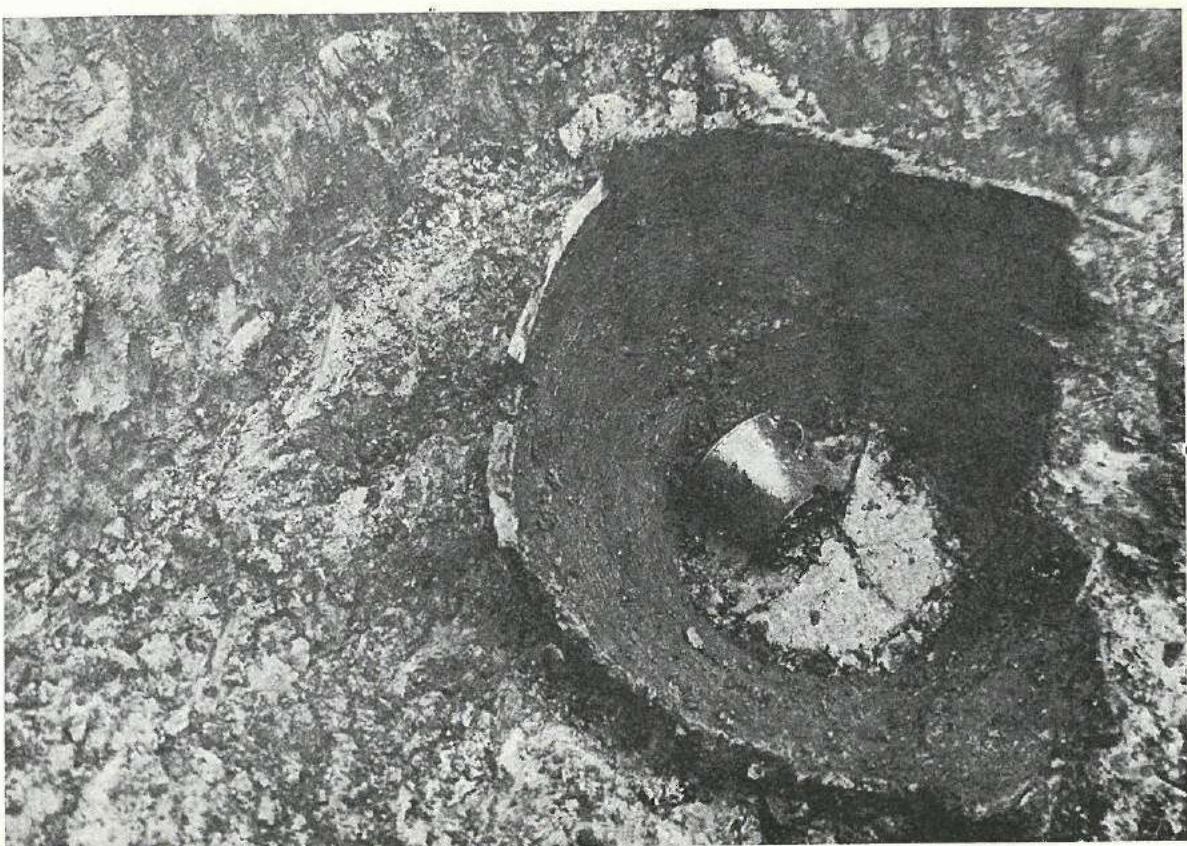

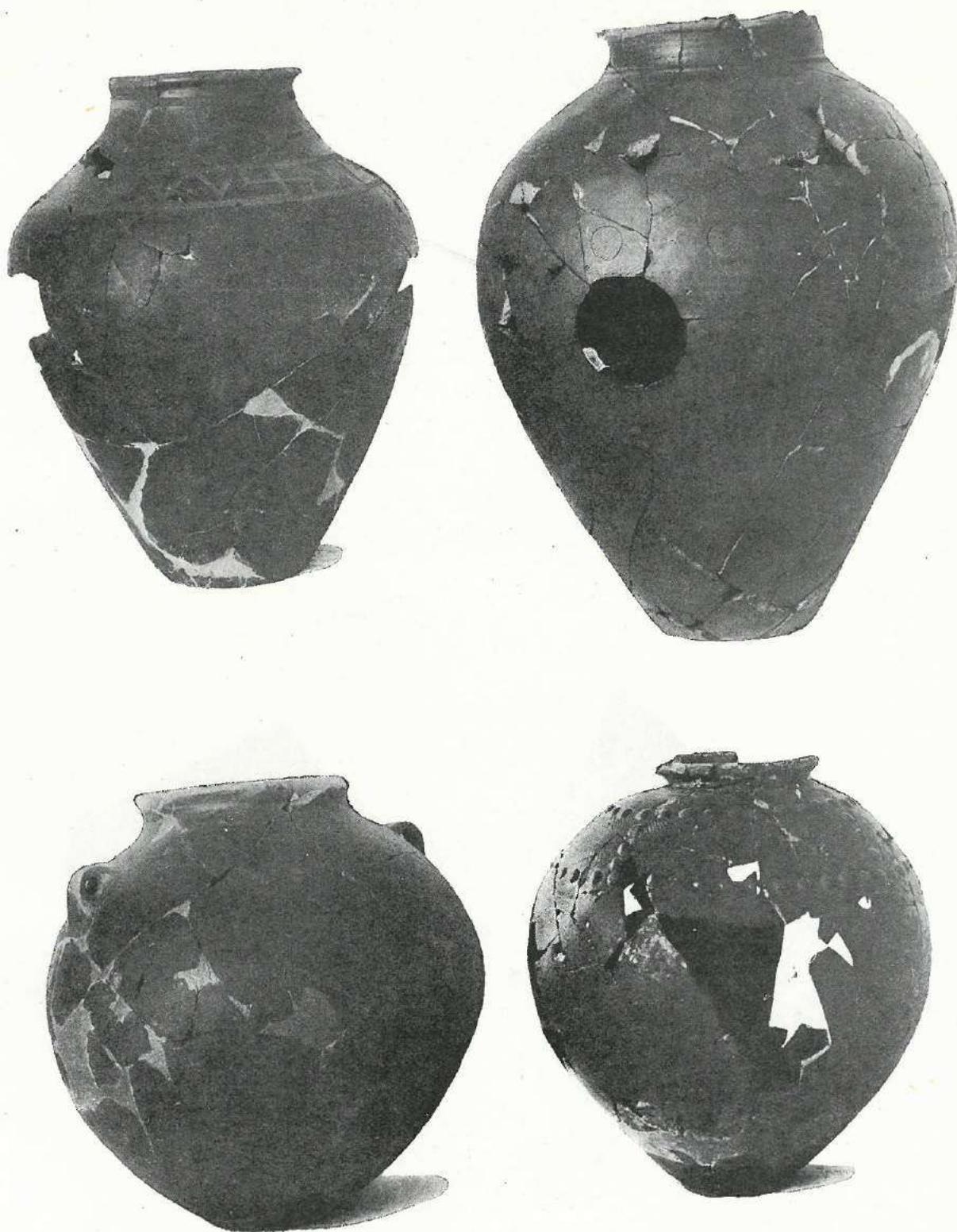
Остатки животных частей в нурганных погребениях VII и XXXIV

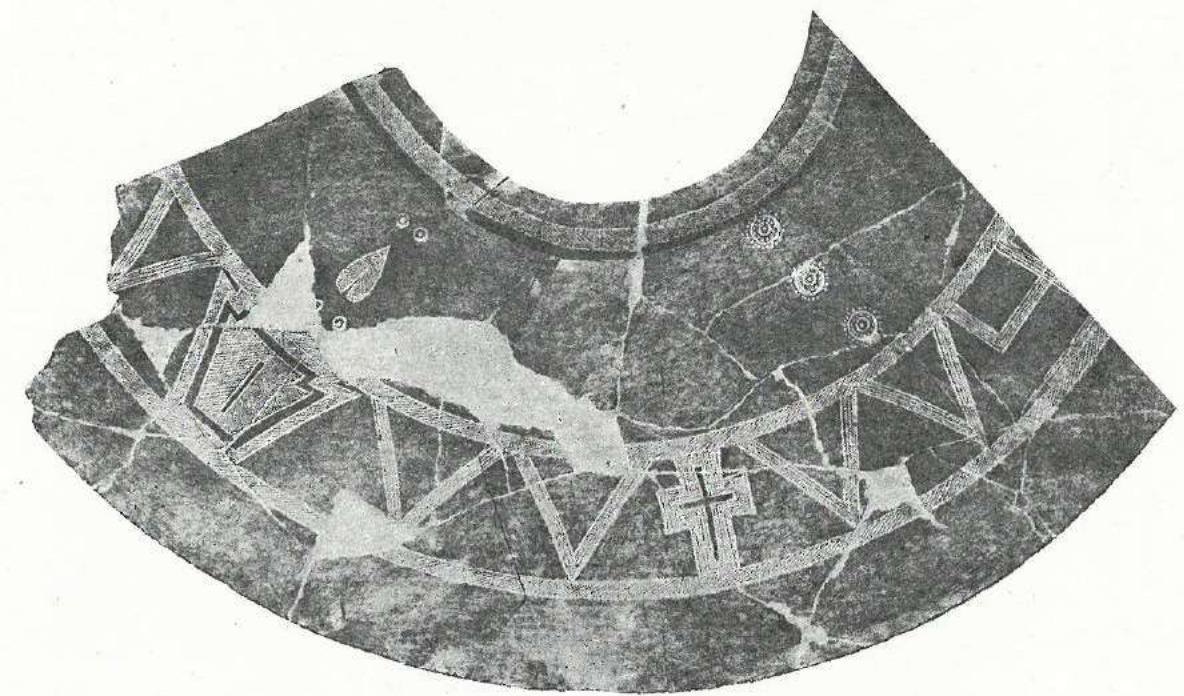
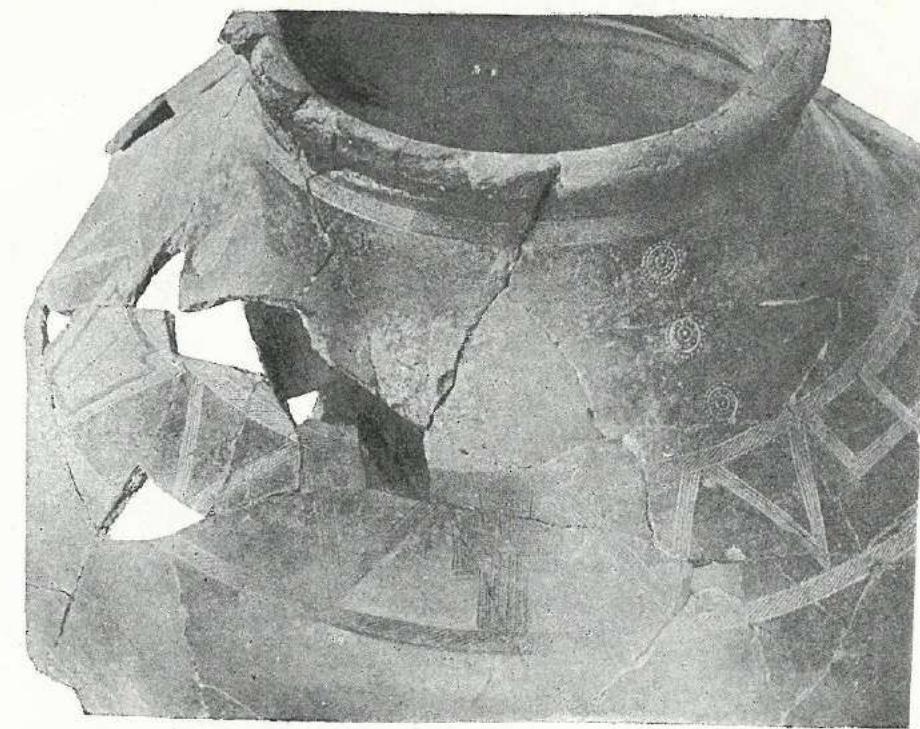
Детали пропарировни курганов XVI и XVII

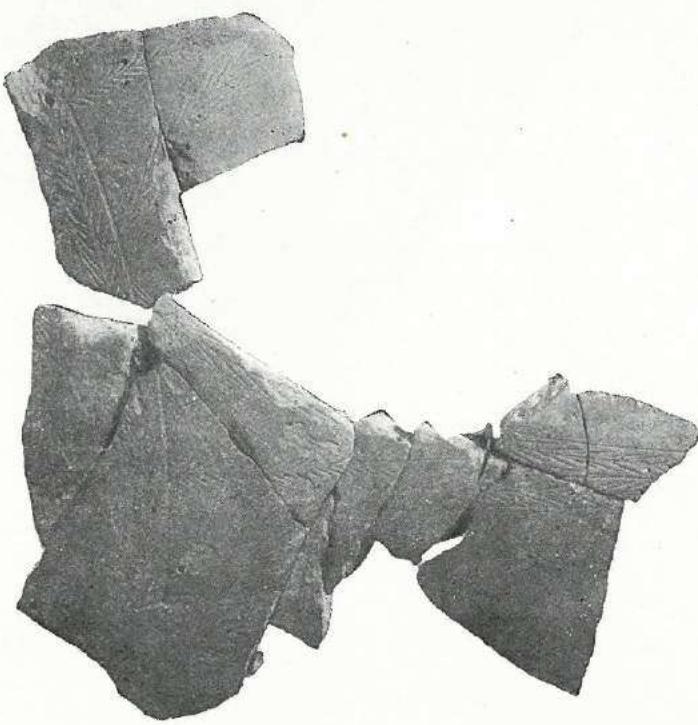
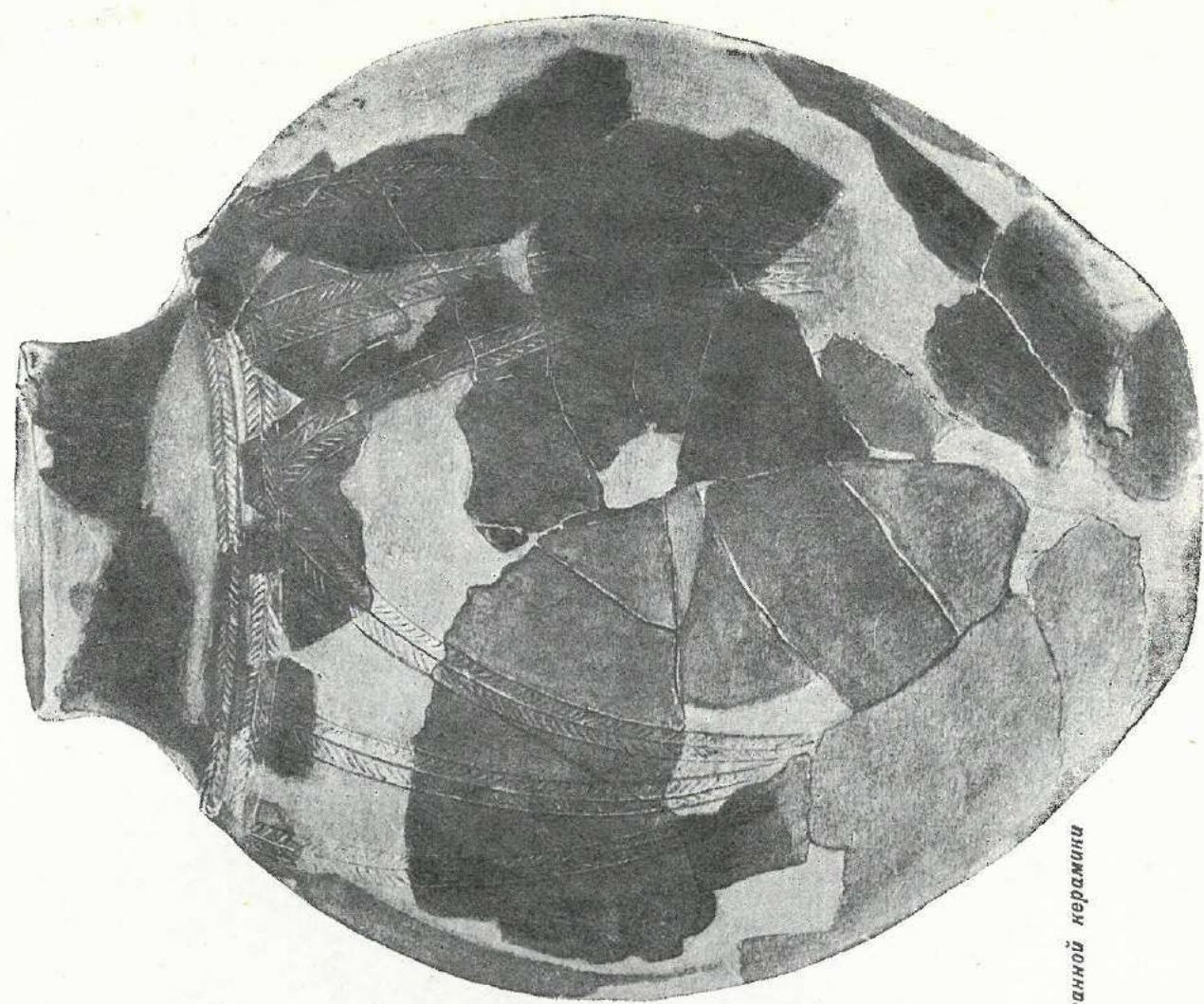
Серебряная кружка в кургане XVI и вид погребальной ямы в кургане XV

Нурганные чернолощёные крупные сосуды типа гидрий и лифосов (в $\frac{1}{6}$ нат. вел.)

Накольно-ленточная орнаментировка на чернолощеном с розовой подкладкой сосуде из кургана XVII

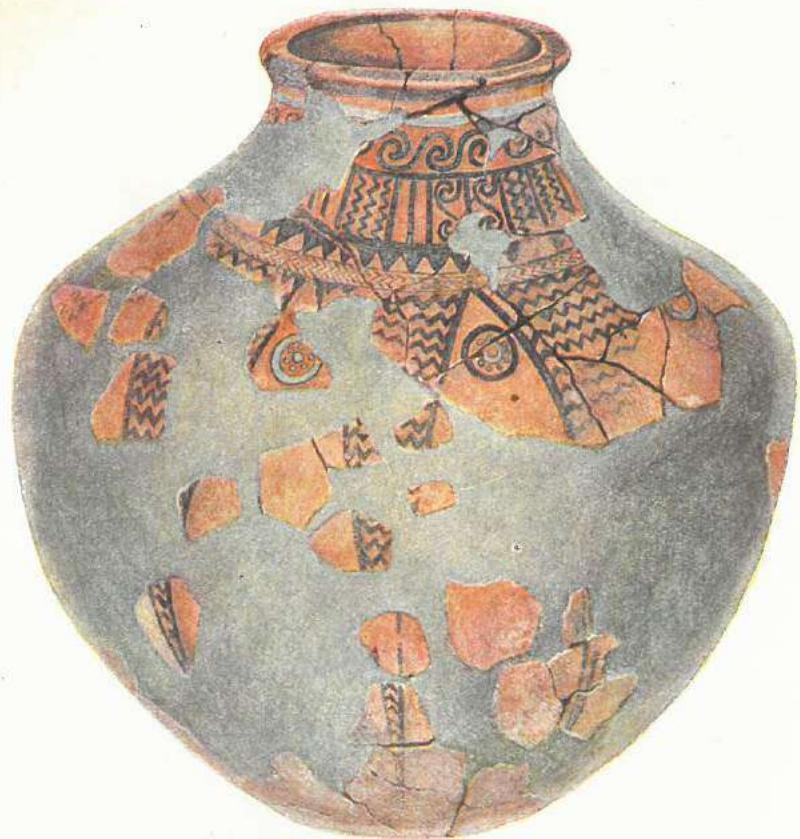
Образцы сероглинаной орнаментированной ленточными швейронами нурганской керамики
с пишущим черепком (в $1/3$ нат. вел.)

Красноглиняный с тонним светлым ангобом расписной сосуд из кургана XVII (в $\frac{1}{4}$ nat. vel.)

Красноглиняный с краевым плотным ангобом богато расписной сосуд из
нургана XVII (около $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

Красноглиняные с легким светлым ангобом расписные вазы из кургана V (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.)

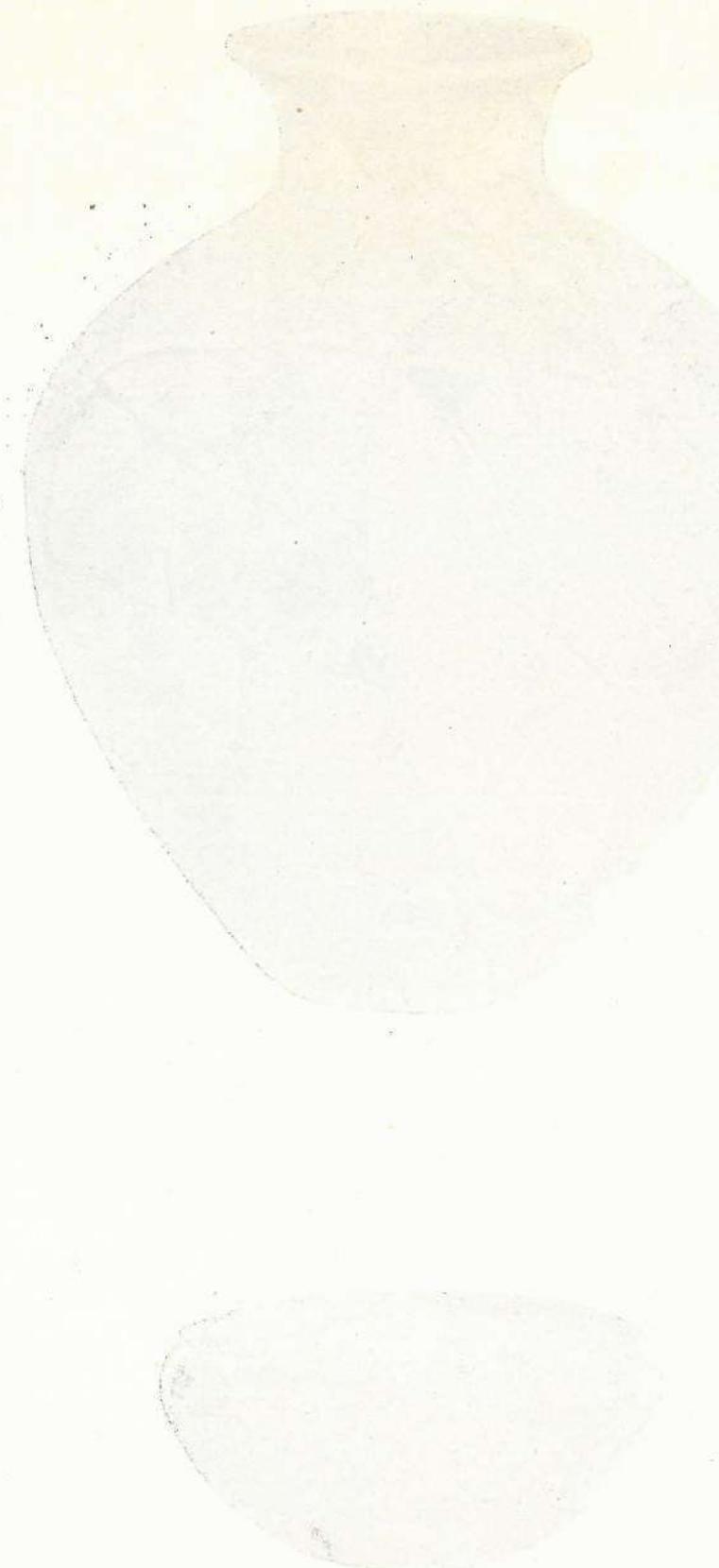
Фрагменты красноглиняного с кремовым ангобом расписного сосуда в форме пифоса из кургана V (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

Красноглиняный с кремовым ангобом расписной сосуд из кургана VI (около $\frac{1}{4}$ нат. велич.)

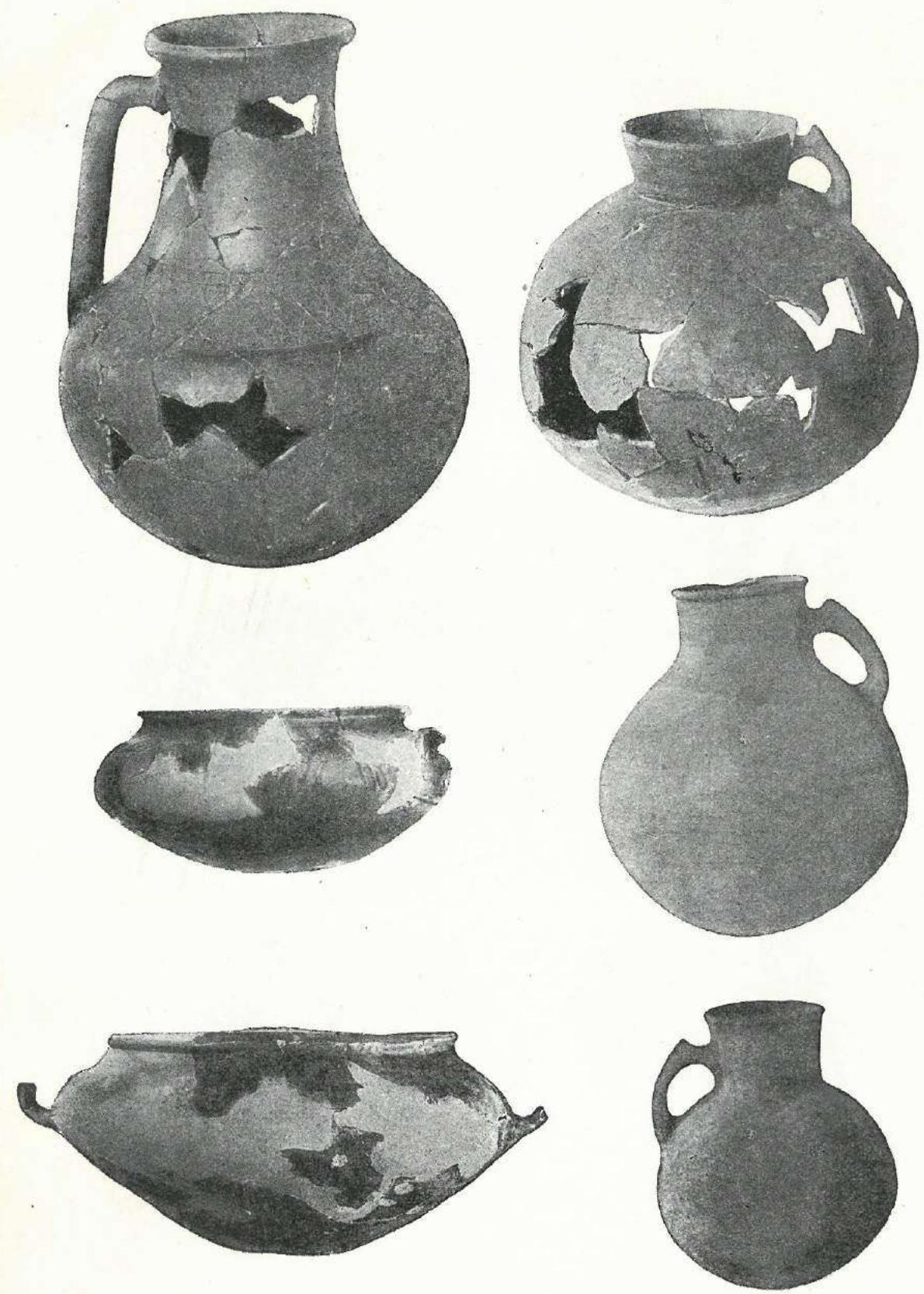
Красноокрашенная расписанная керамика ямных курганов: ваза из кургана VII
и миска из кургана XV (в $\frac{1}{3}$ nat. vel.)

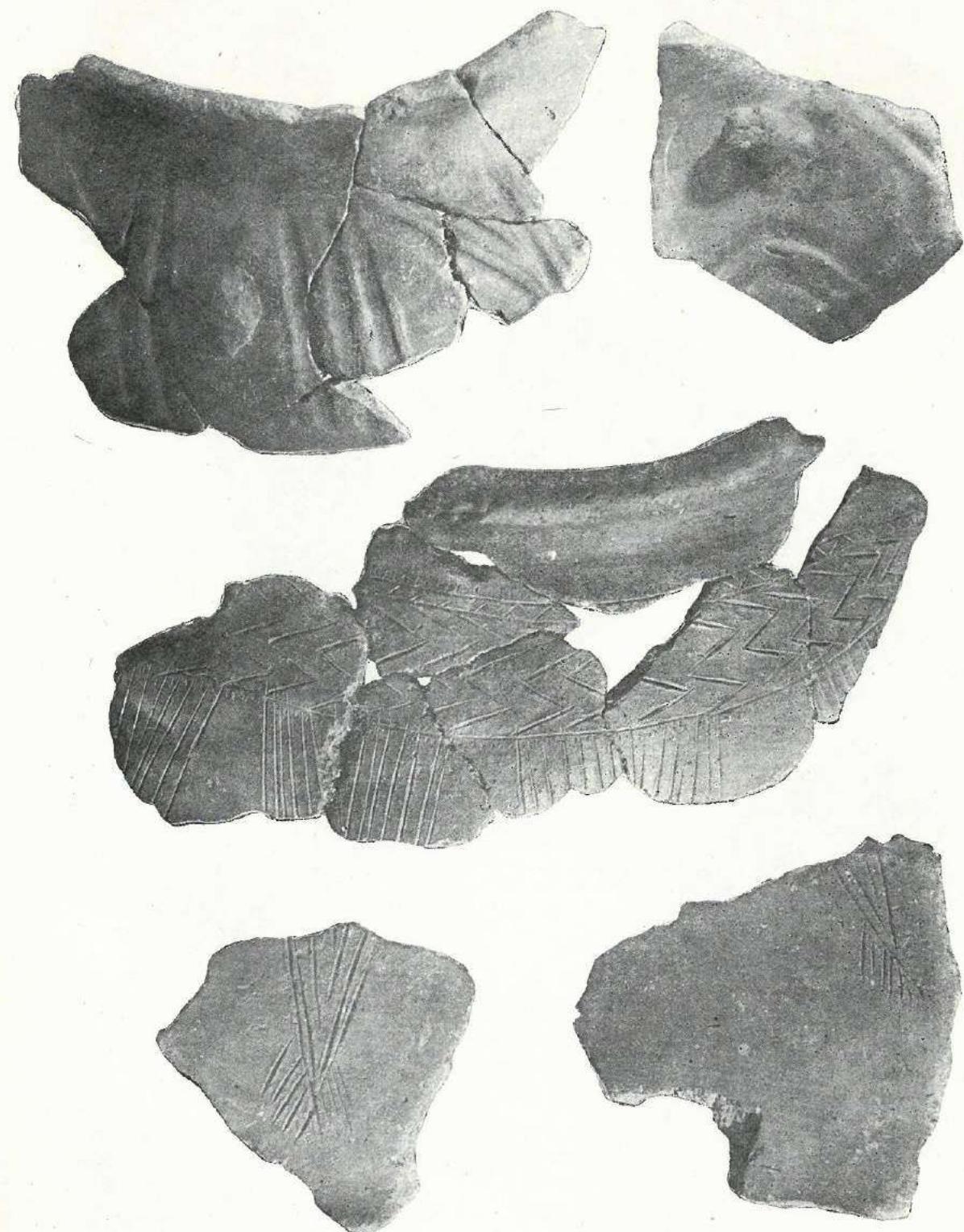
Красноокрашенный расписной сосуд из кургана VII (в $\frac{2}{3}$ nat. вел.)

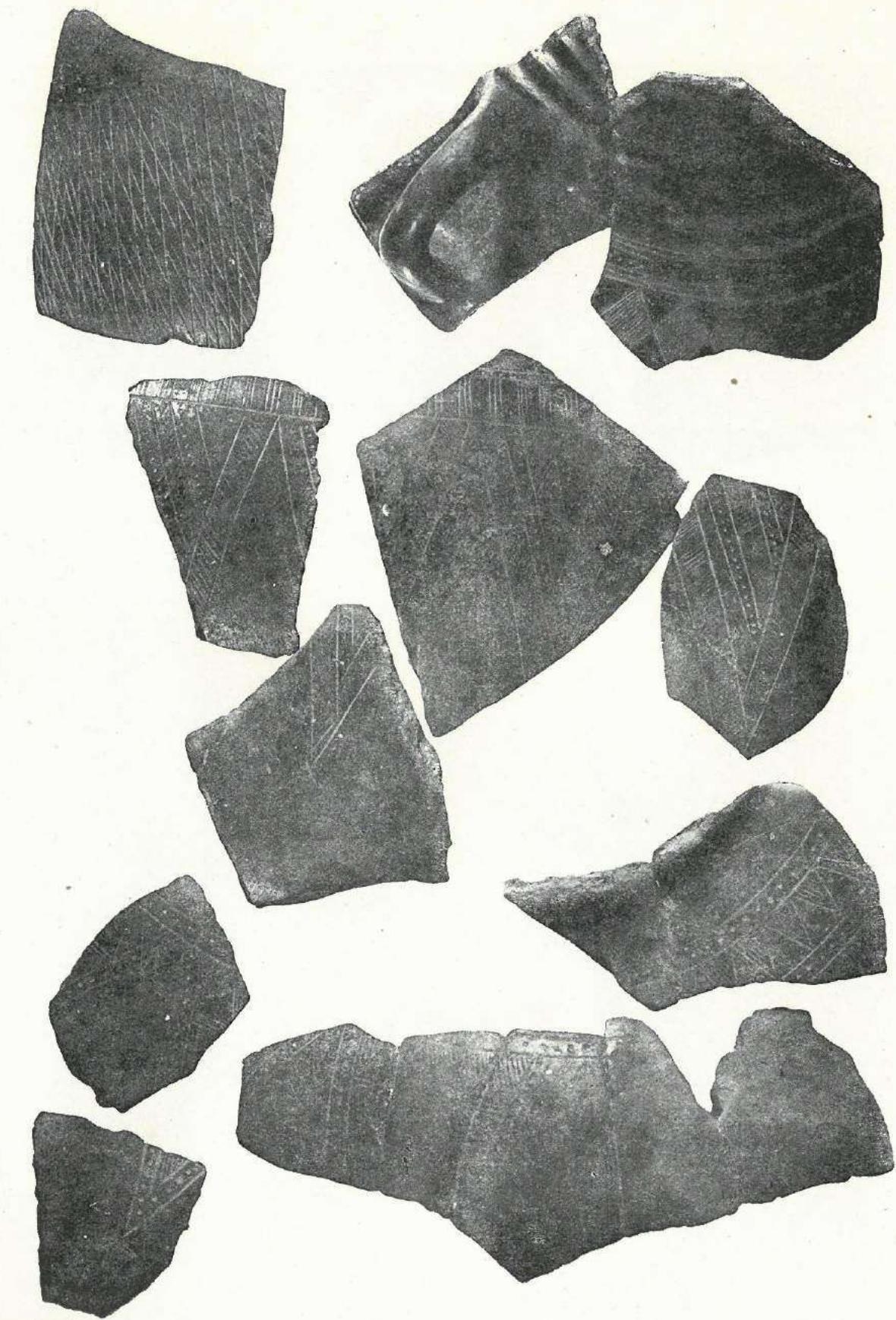
Фрагменты краснонаписанных расписных сосудов из ямных курганов Триалети ($\phi \frac{1}{2}$ nat. вел.)

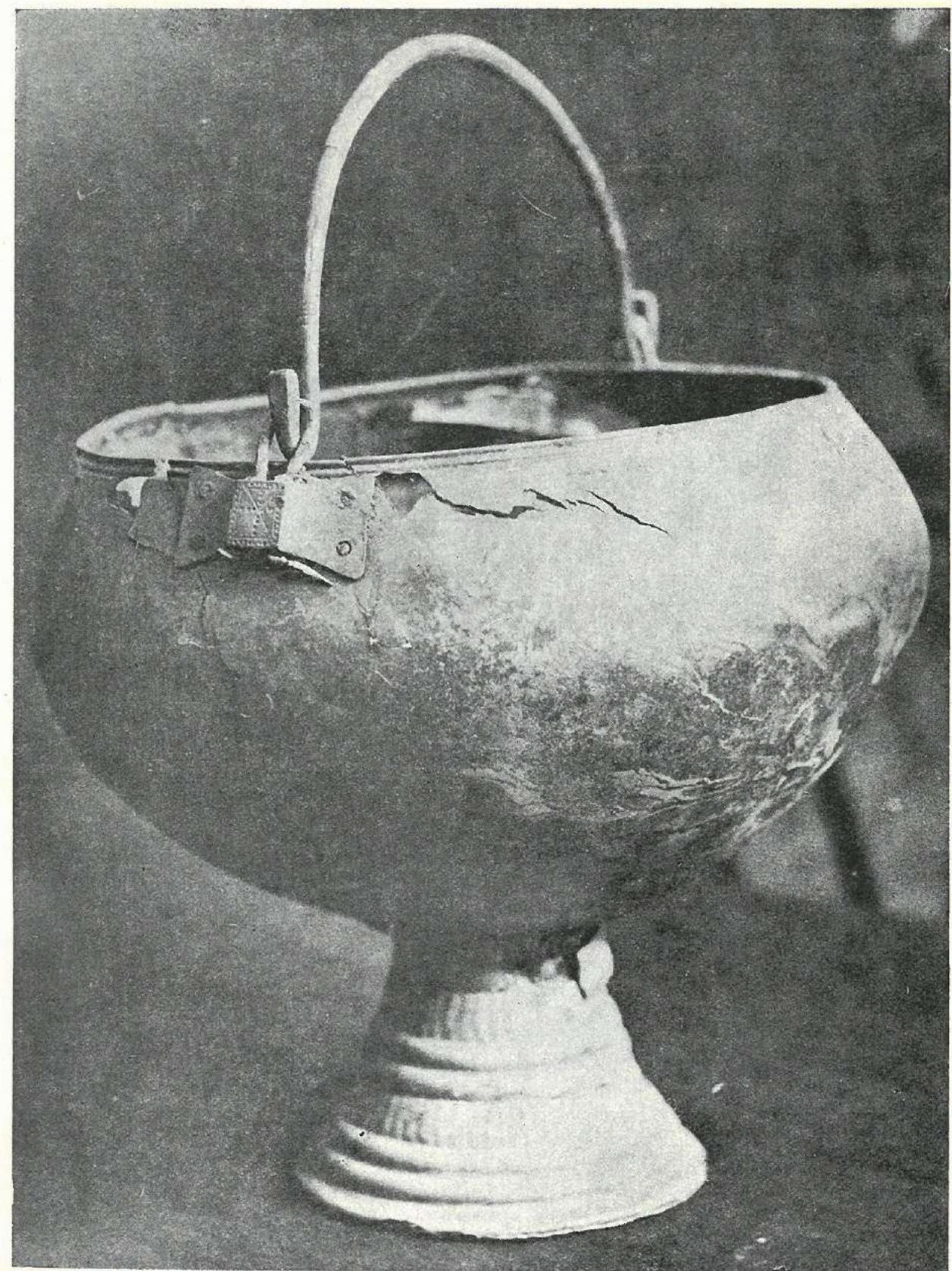
Мелкая глиняная посуда из курганных погребений (в $\frac{1}{3}$ nat. vel.)

Фрагменты керамики с погребальной площадки бывшего кургана VII („Тумасын-Тепеси“)

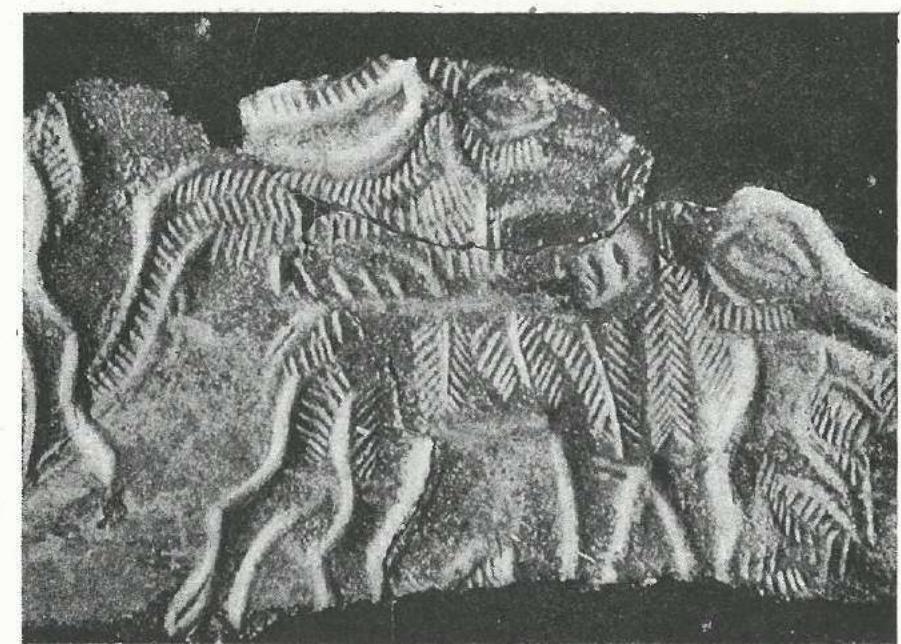
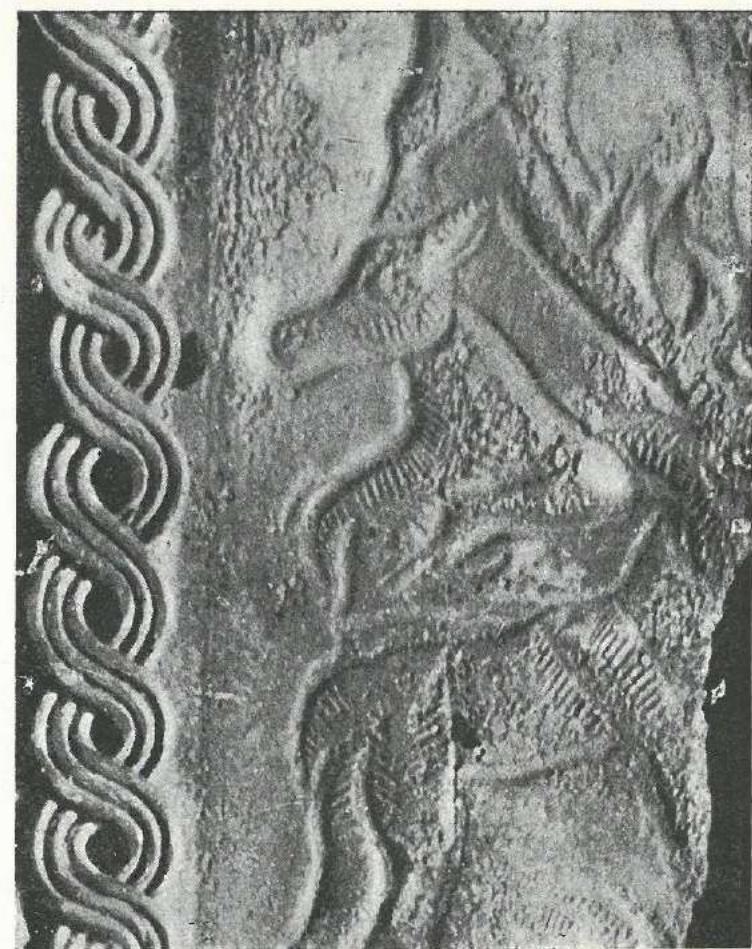
Фрагменты тонкоглиняной чернолощеной керамики из кургана XI (в $\frac{5}{6}$ nat. вел.)

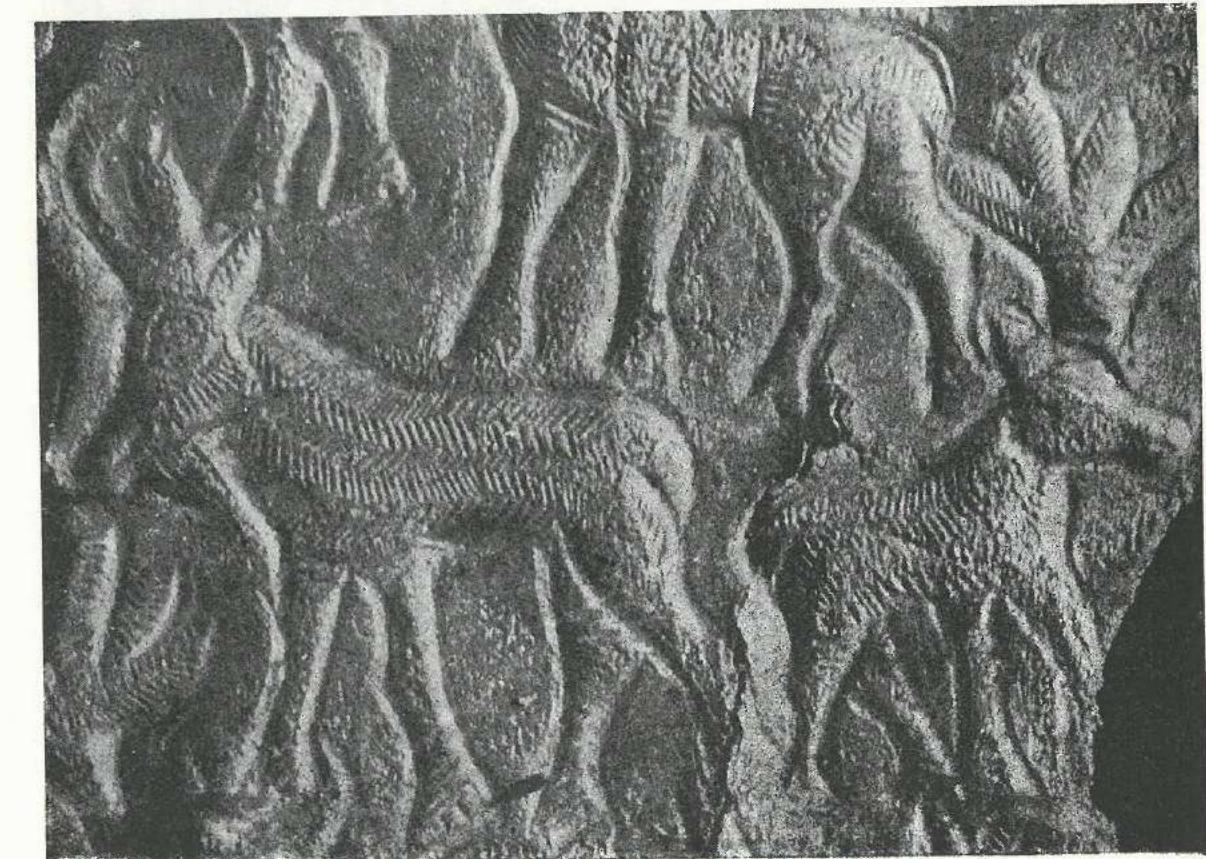
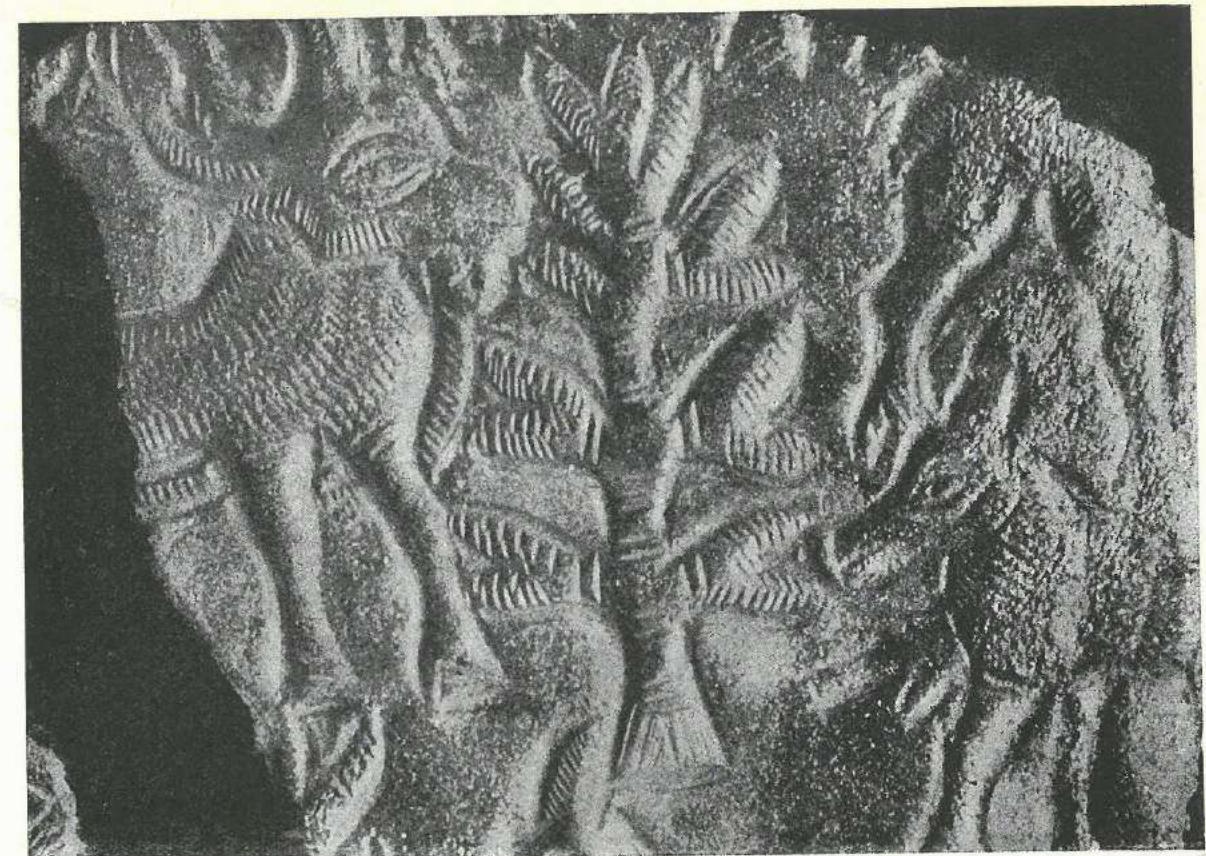
Бронзовая ваза на полой ножке из кургана XV (в $\frac{2}{3}$ nat. вел.)

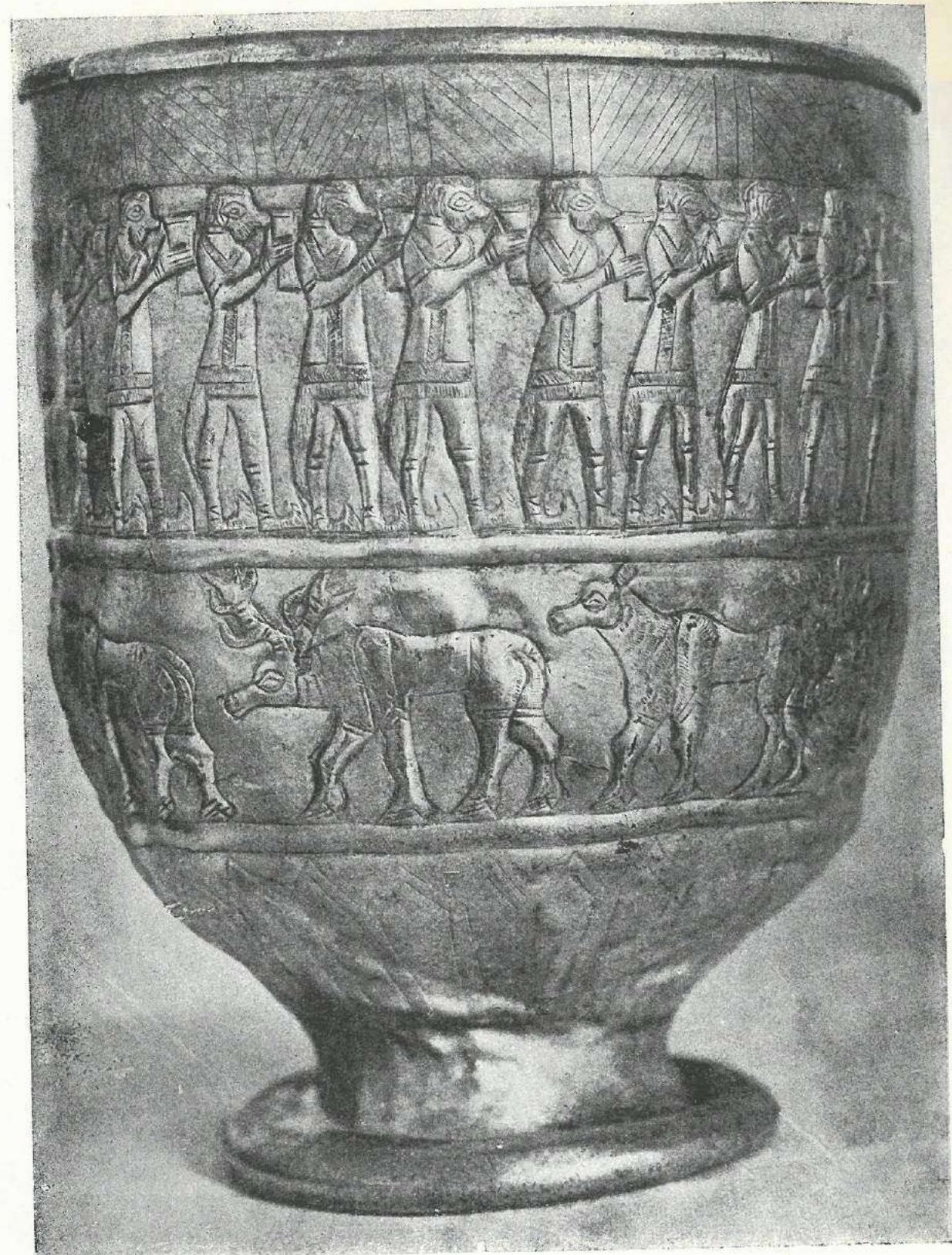
Серебряное в золотой оправе ведерно, орнаментированное чеканкой (в нат. вел.)

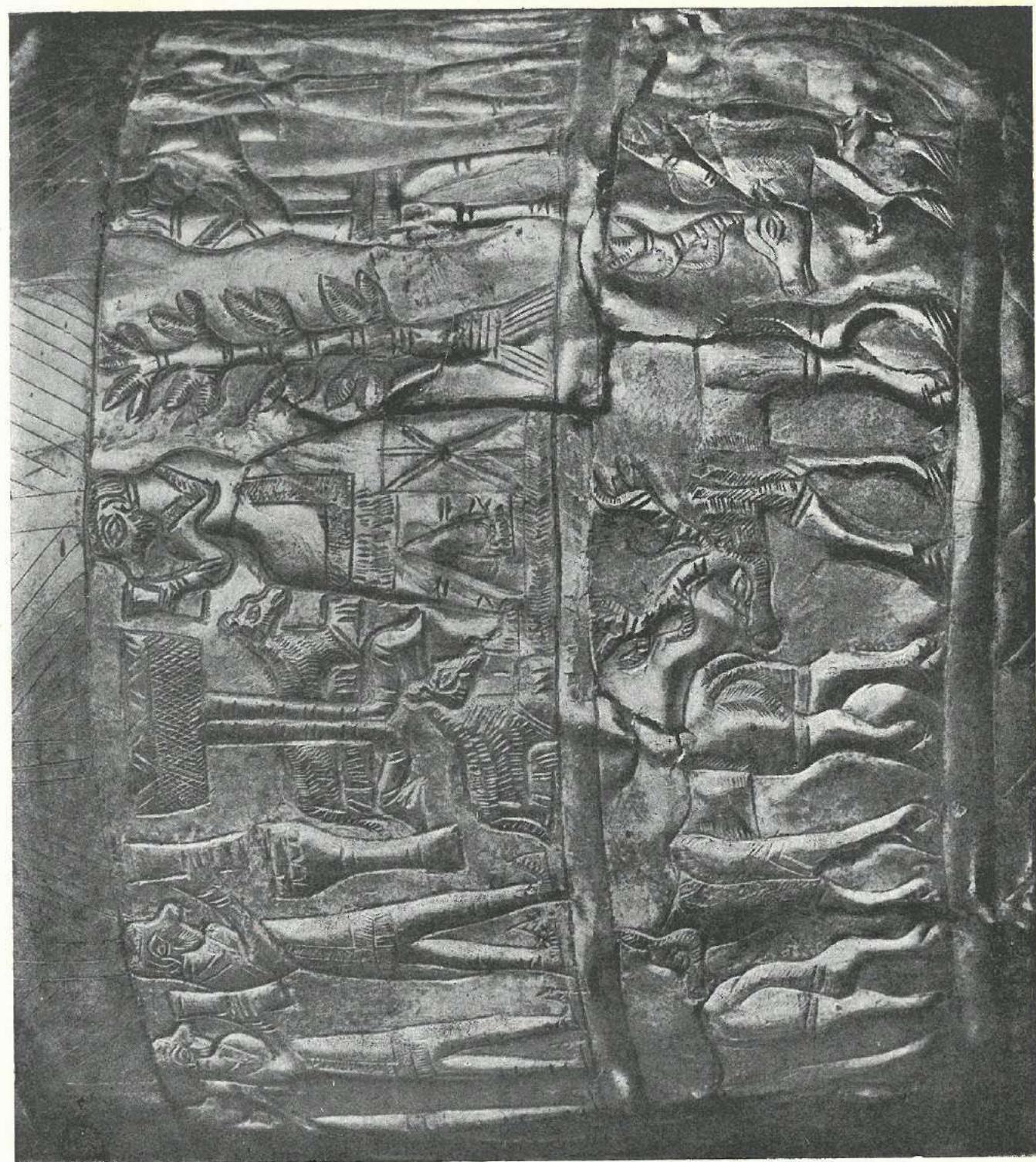
Детали чеканки на серебряном ведре в четырехкратном увеличении

Детали чеканки на серебряном ведорне в четырехкратном увеличении

Серебряный кубок орнаментированный чеканной из кургана V, большое чаша в полуторном увеличении

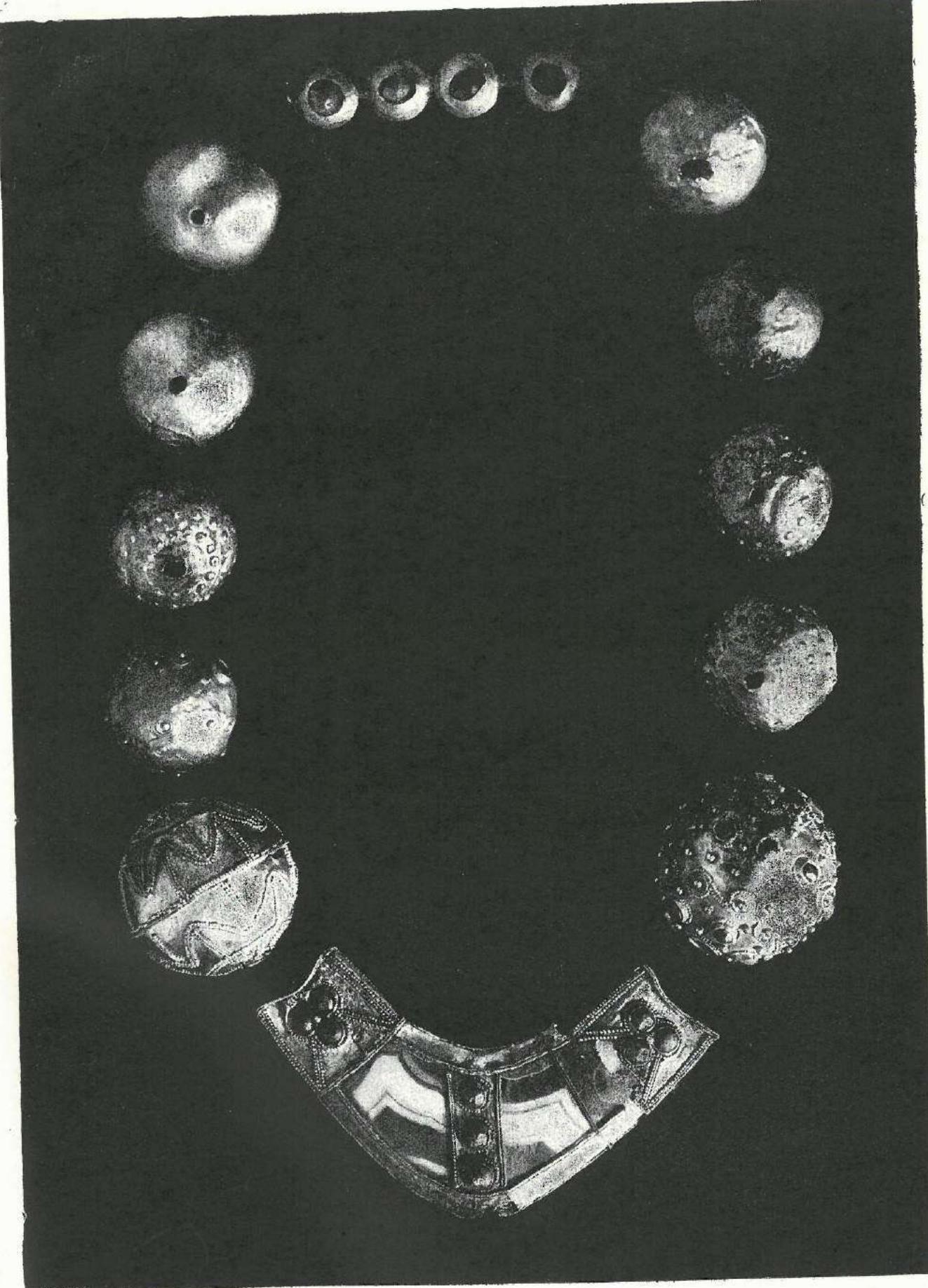
Деталь чеканки на серебряном кубке из кургана V (уменьшено в $2\frac{1}{2}$ раза)

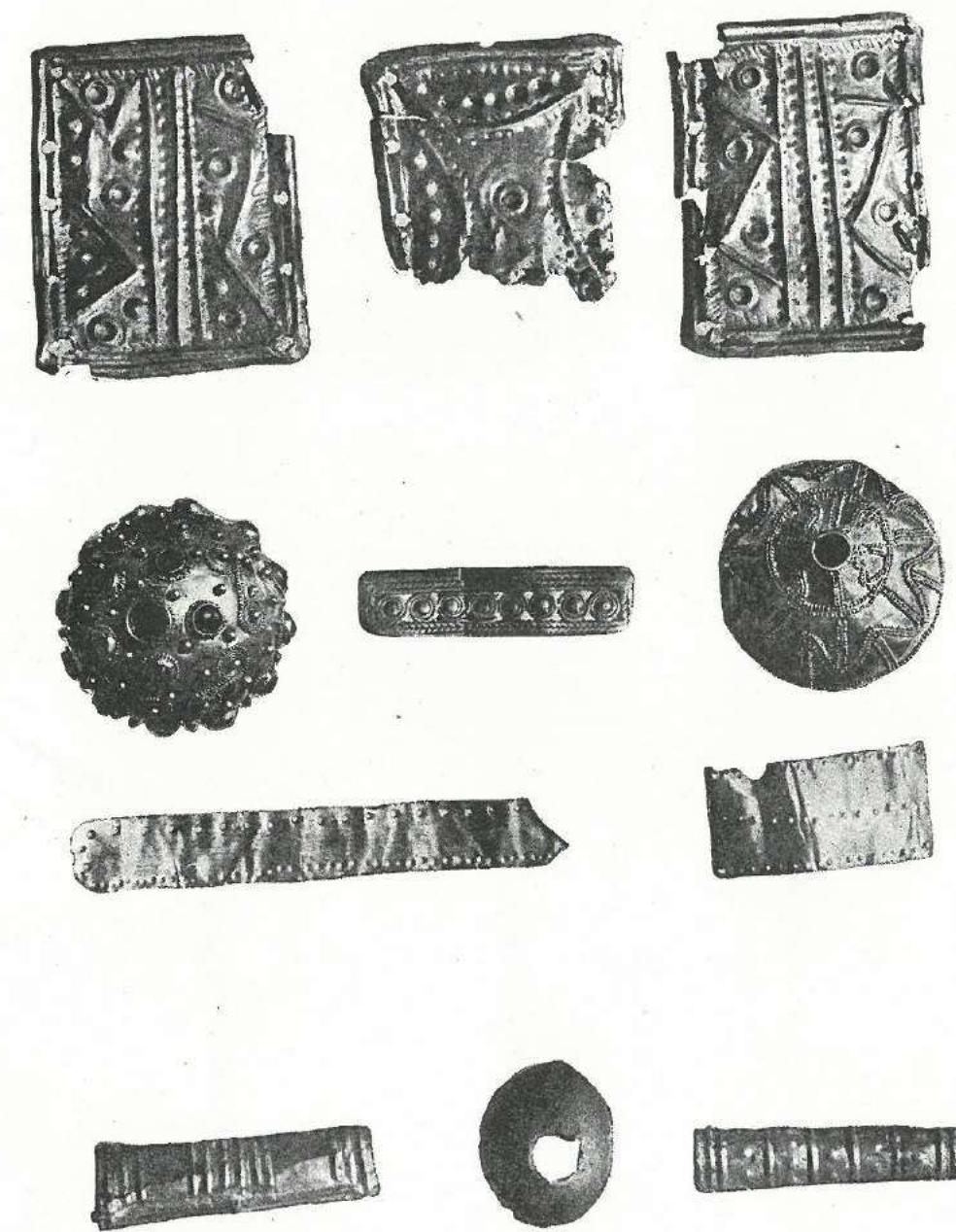
Кубон из червонного золота укращенный аппликацией, филигранью и вставными камнями (бирюза, сердолик) в натуральный размер

Детали золотого ожерелья из кургана VIII (Тумасын-Тепеси) в натуральный размер

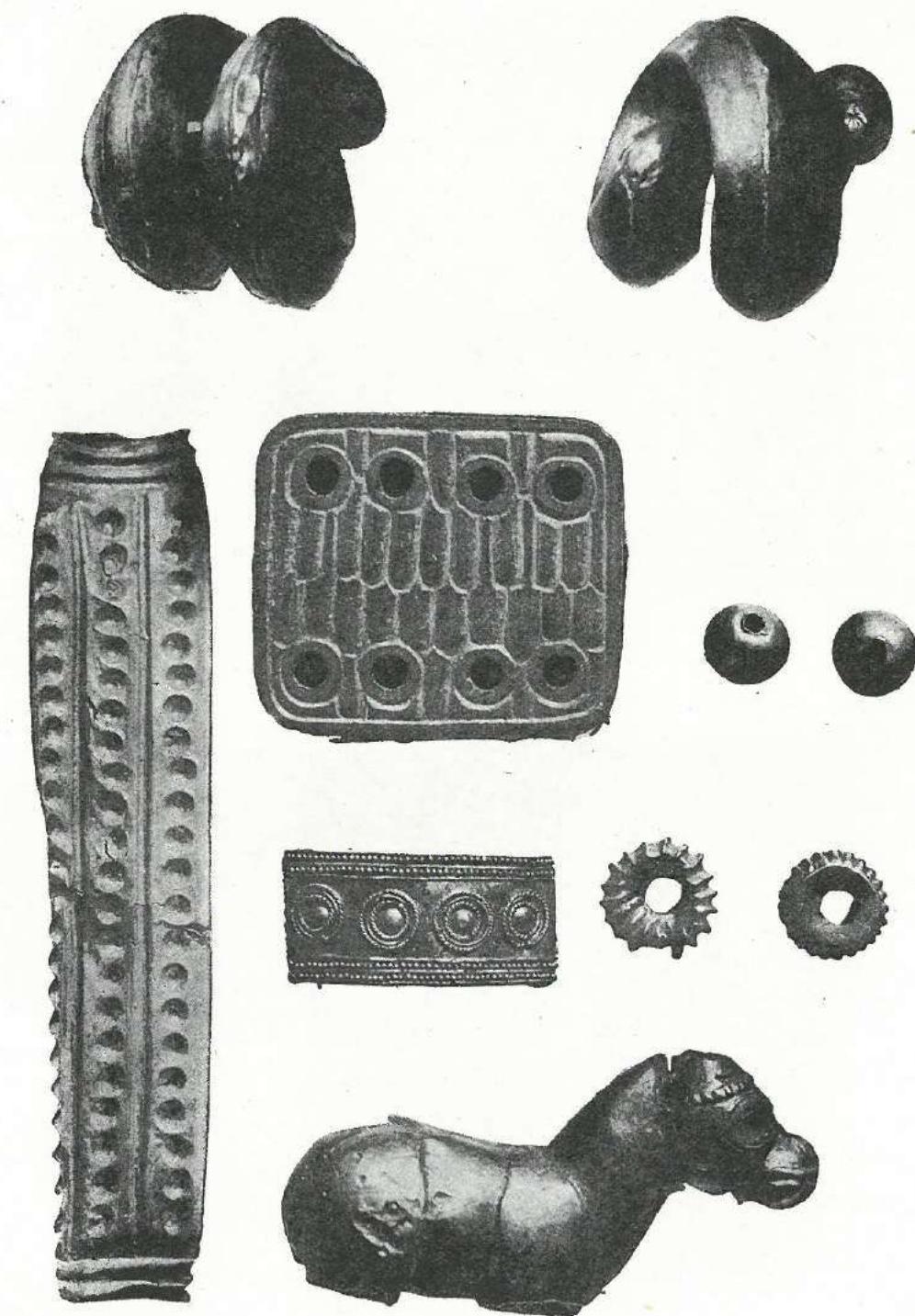
Золотое ожерелье с агатовым кулоном из кургана VII (в нат. велич.)

Золотой инвентарь из безъямных курганов Триалети (в нат. вел.)

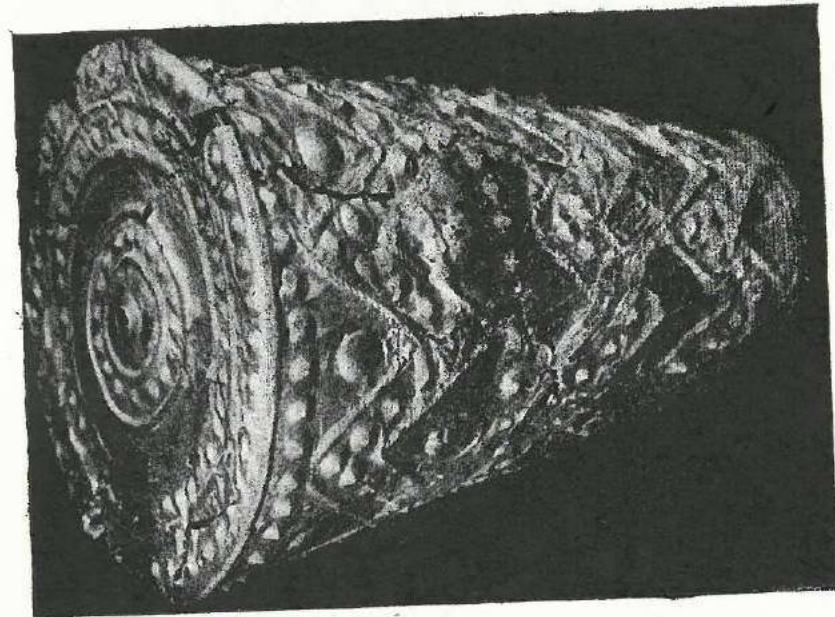
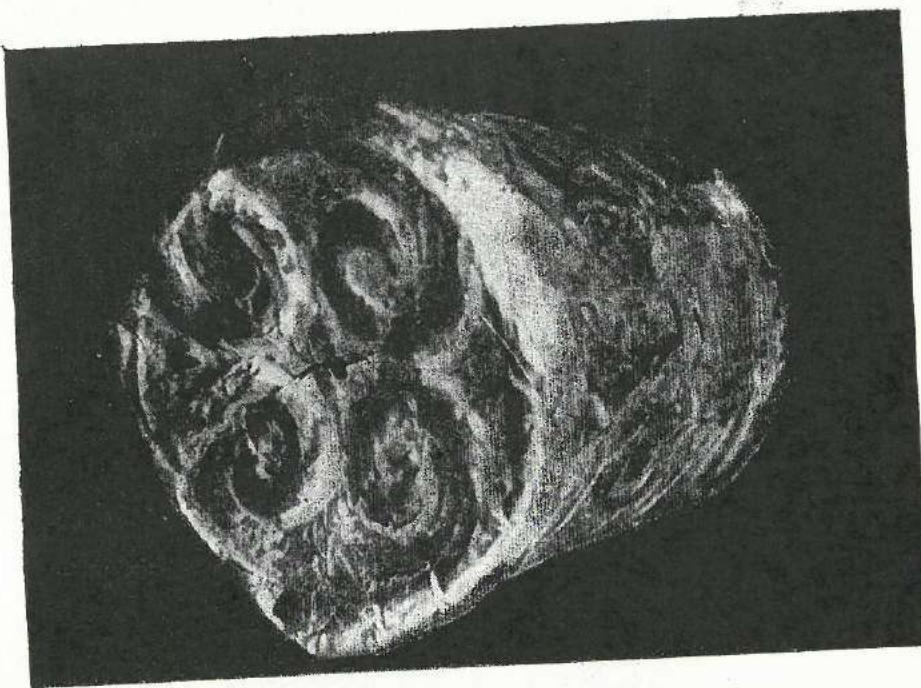
Золотой инвентарь из нурганов Триалети (слегка уменьшено)

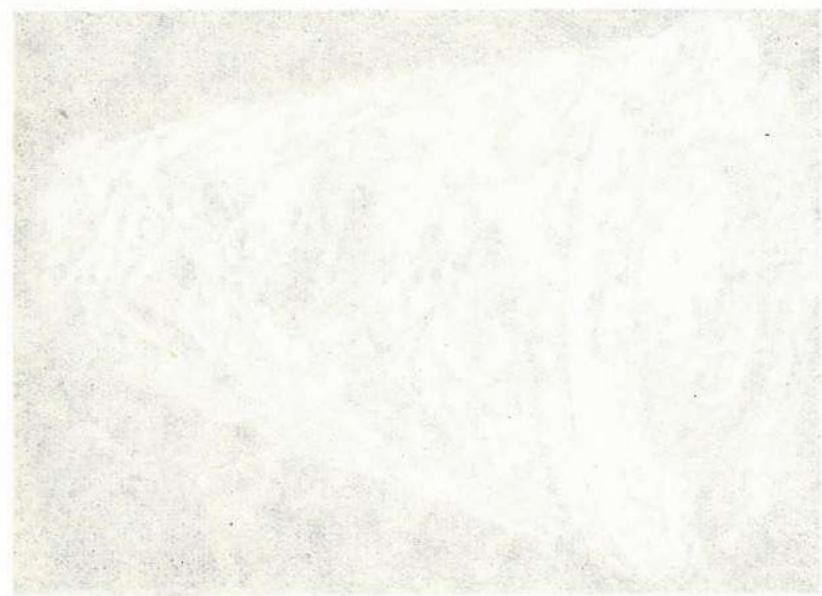
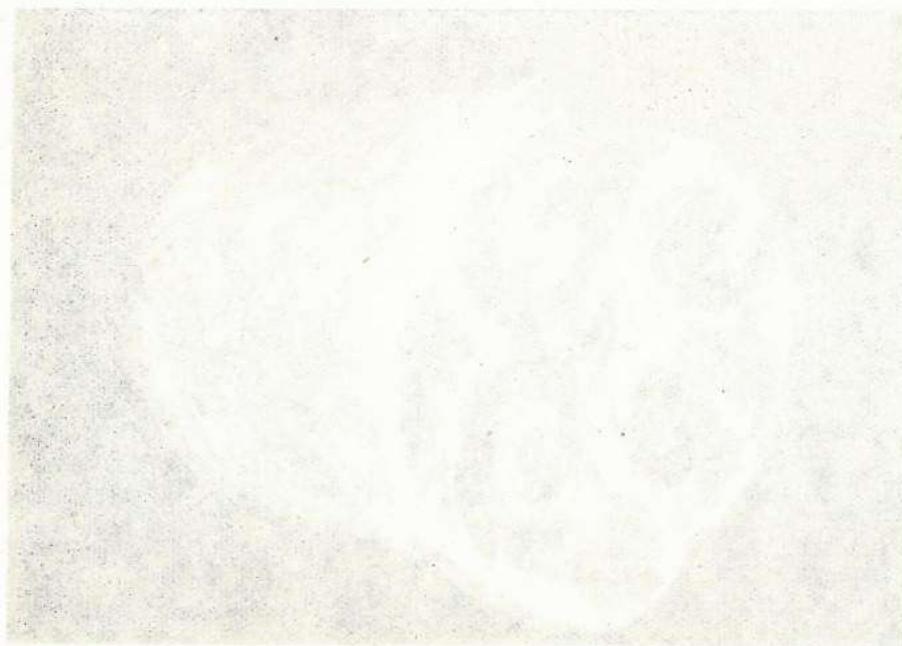

Золотой инвентарь из курганов Триалети

Собрание музея Таврической губернии из раскопок Д. Струве

Золотые орнаментированные барабанчики (около 111. вел.) для „штандартов“ из курганов VI и XV

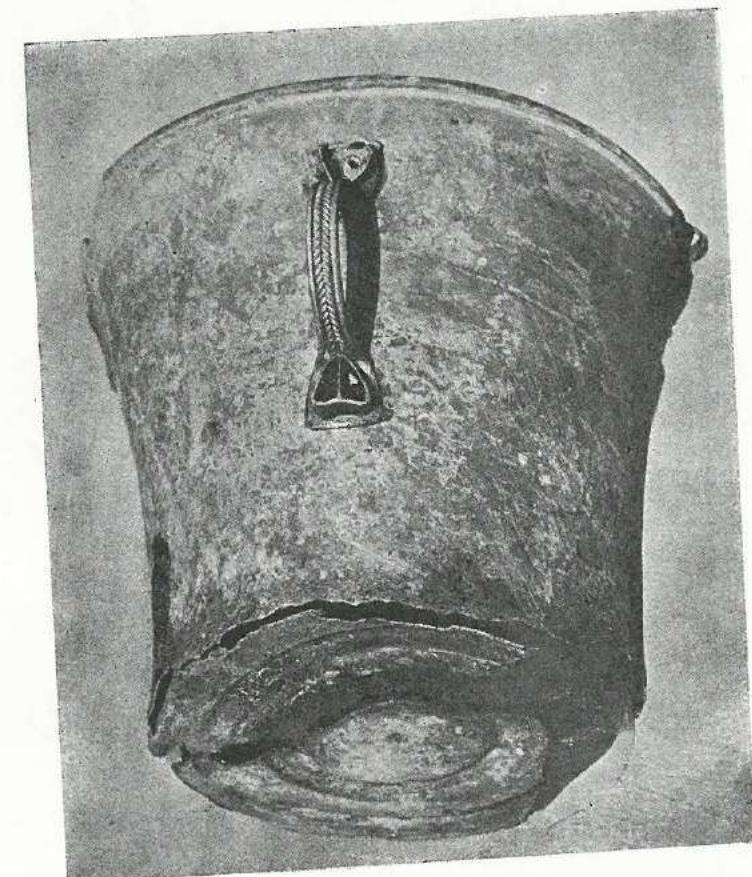
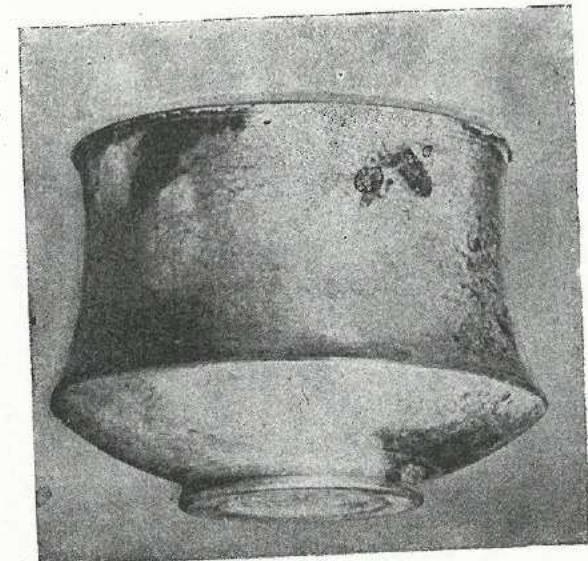
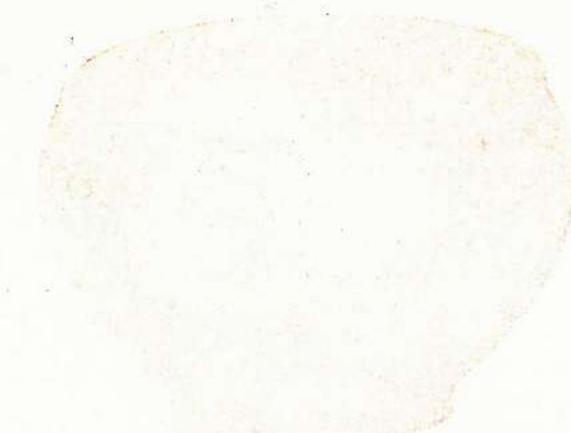

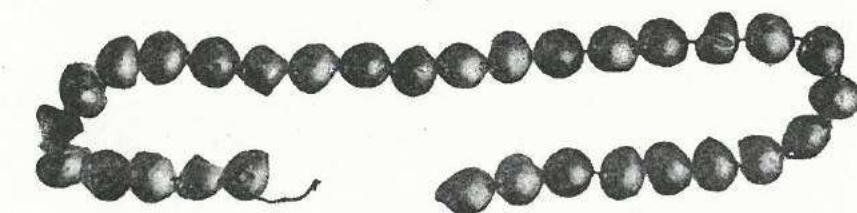
Золотое убранство погребального «штандарта» из кургана XV

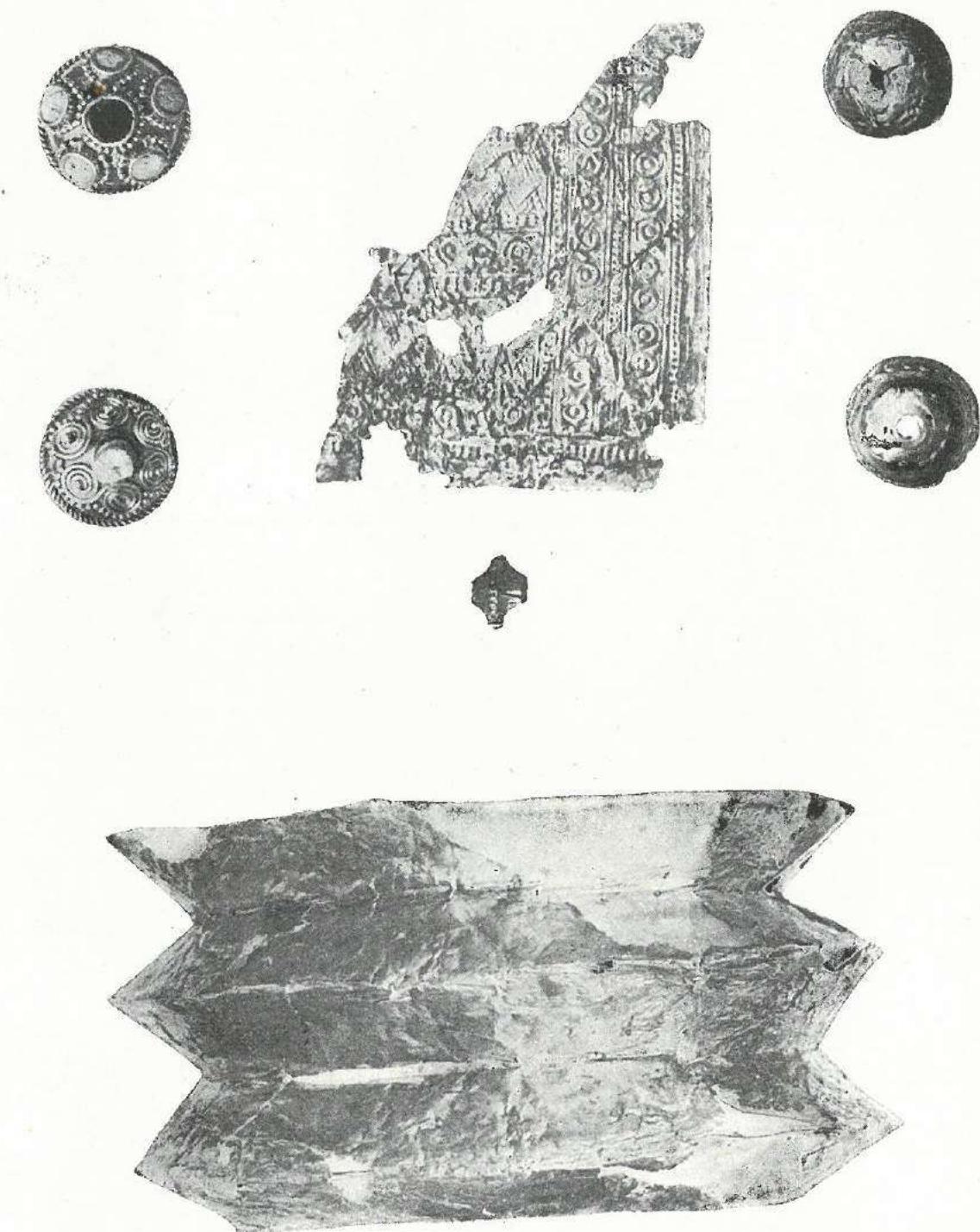
Золотая новая чашечка из кургана VII и привески из кургана XIII

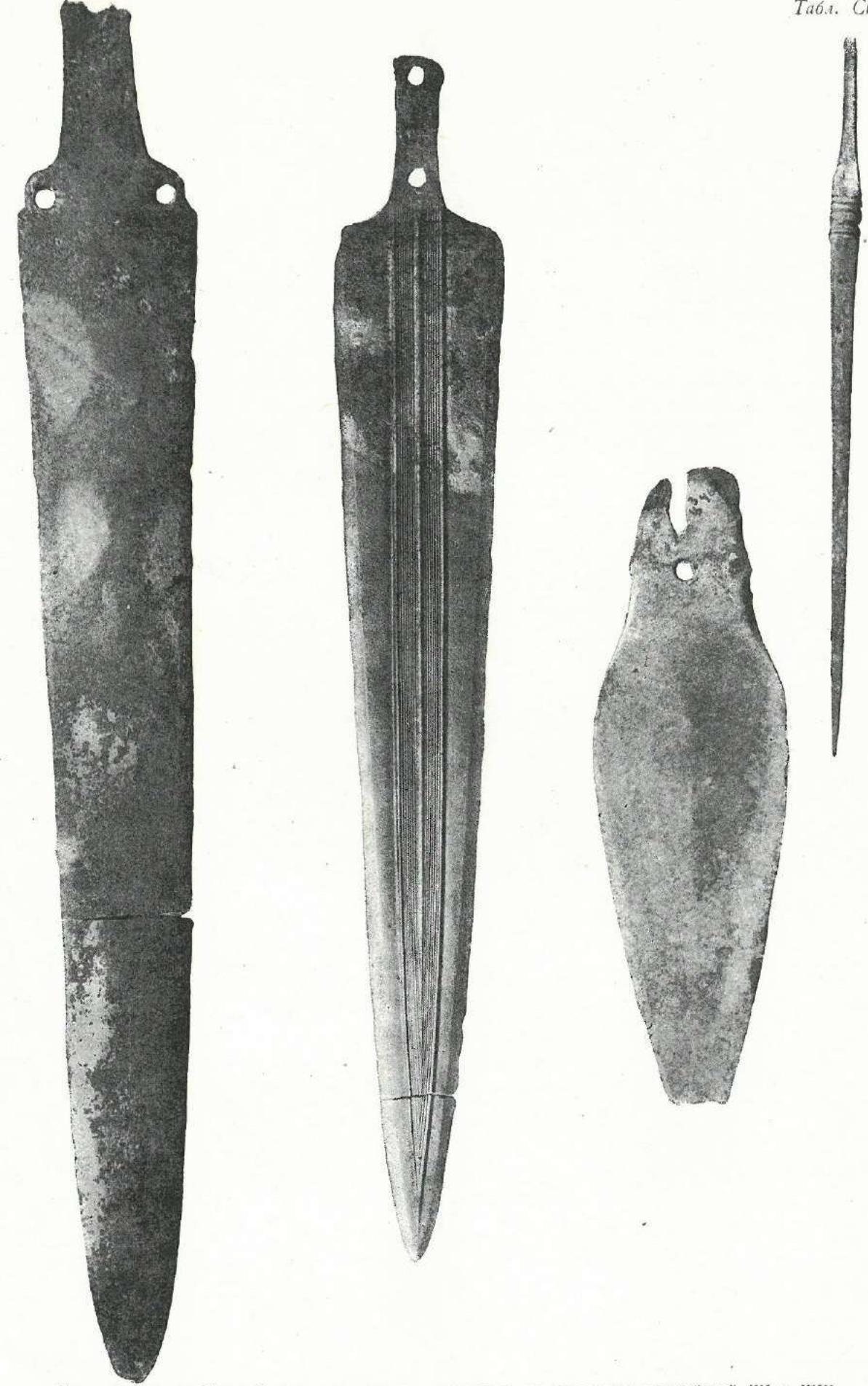
Серебряные чашечки (немного уменьшена) из кургана XV и кружка (внат. вел.) из кургана XVI

Золотые пластинчатые изделия из кургана XVII (в натуральную величину)

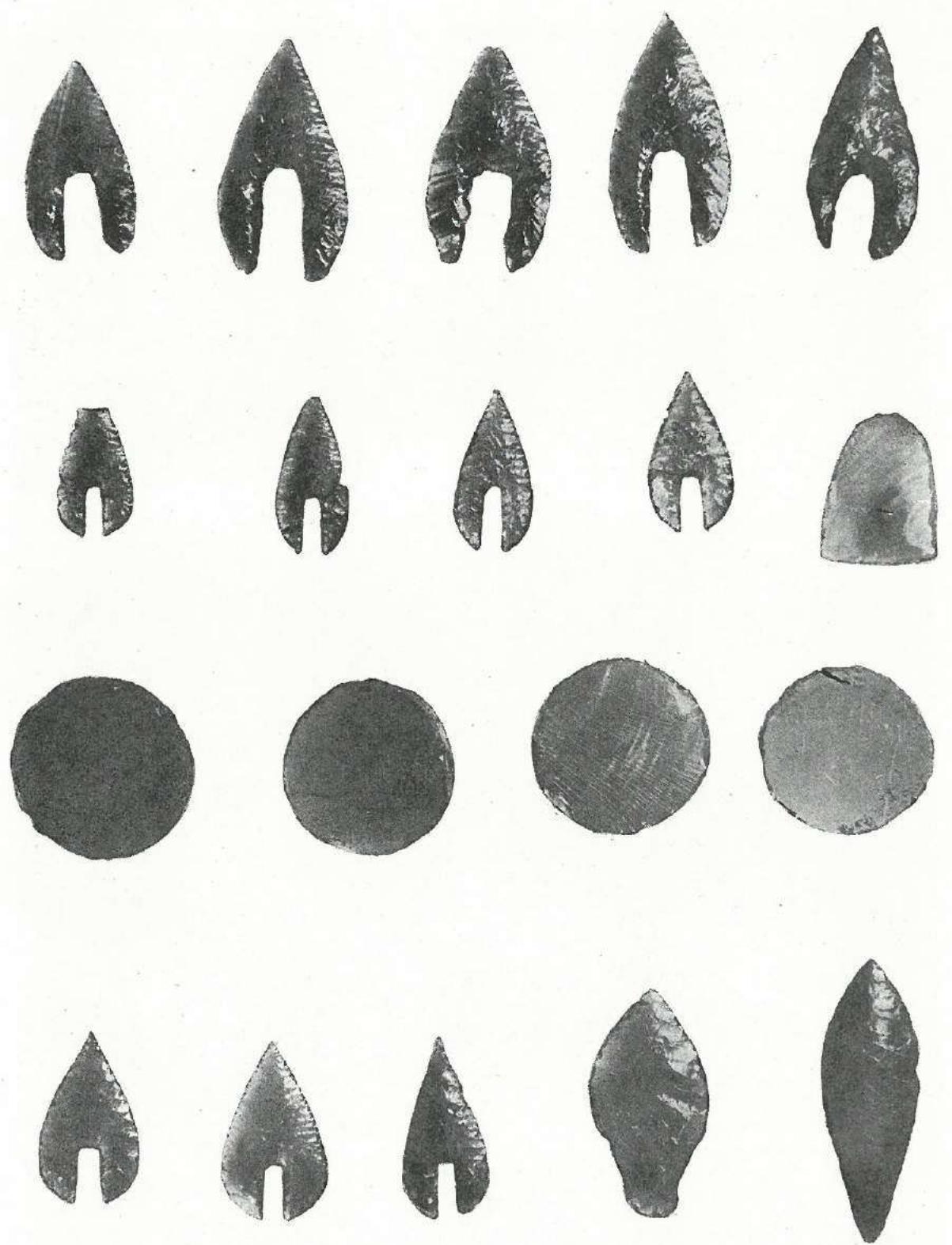
Золотые предметы из кургана XXXVI (Теп-Кар) в натуральный размер

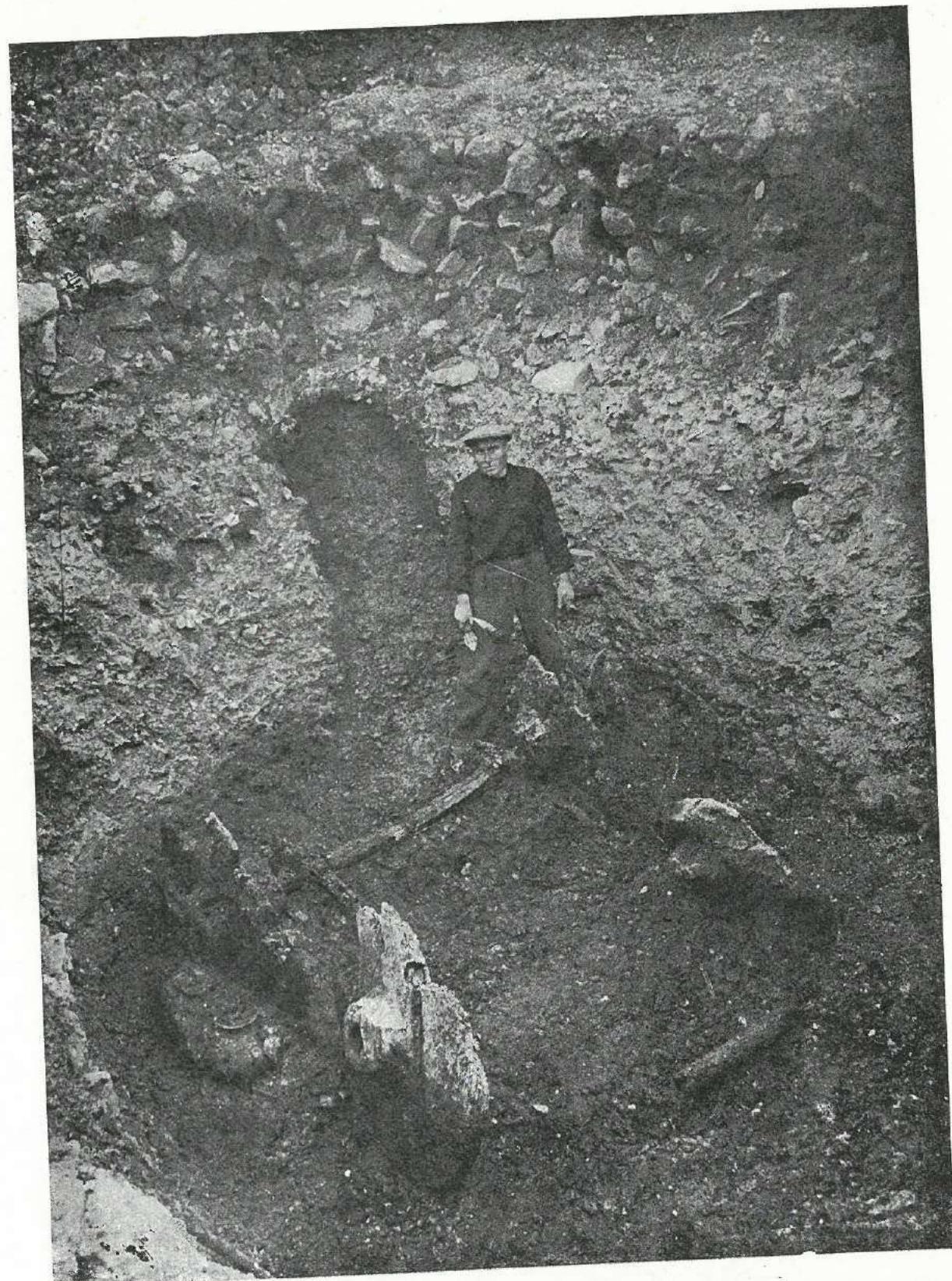
Бронзовый и серебряный нинзальные клинки и шило из курганных погребений XV и XVII

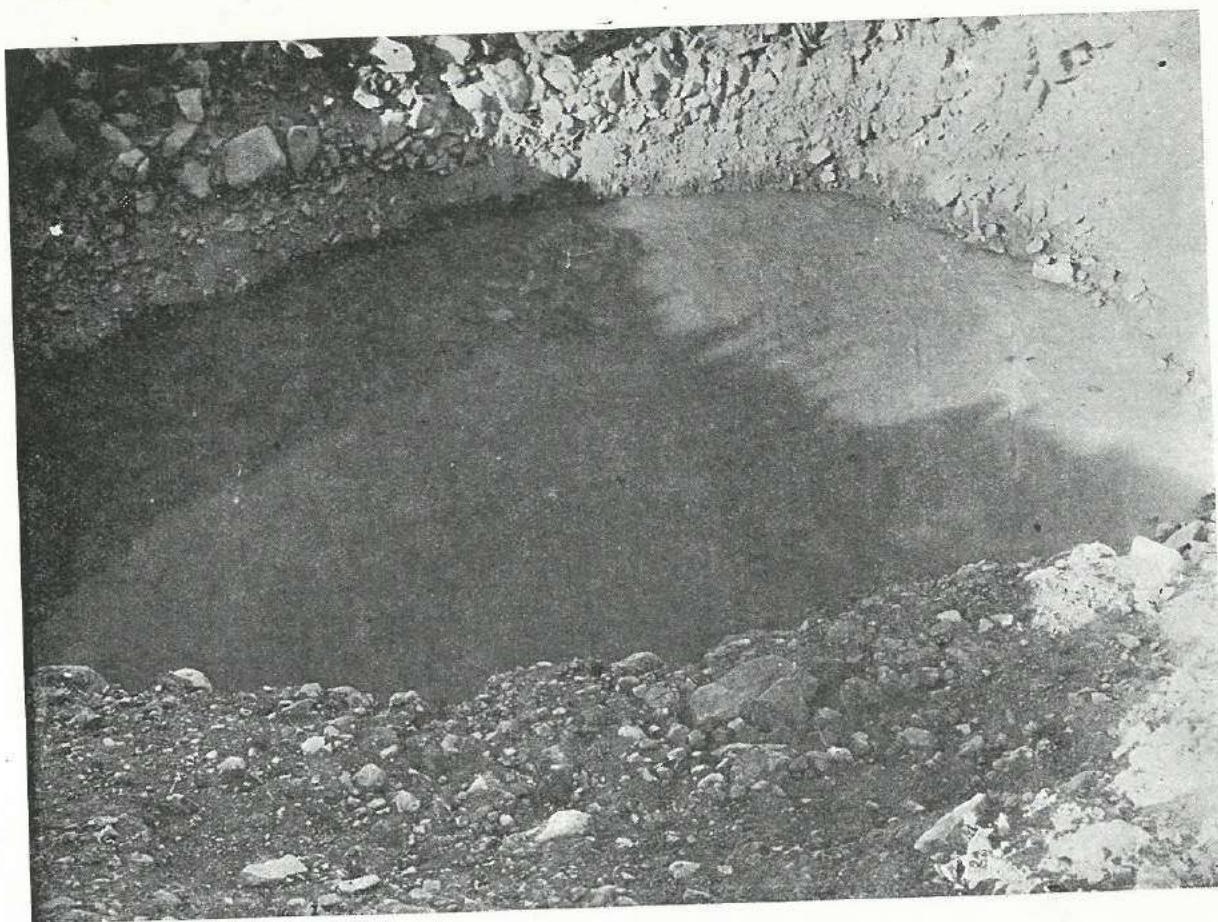
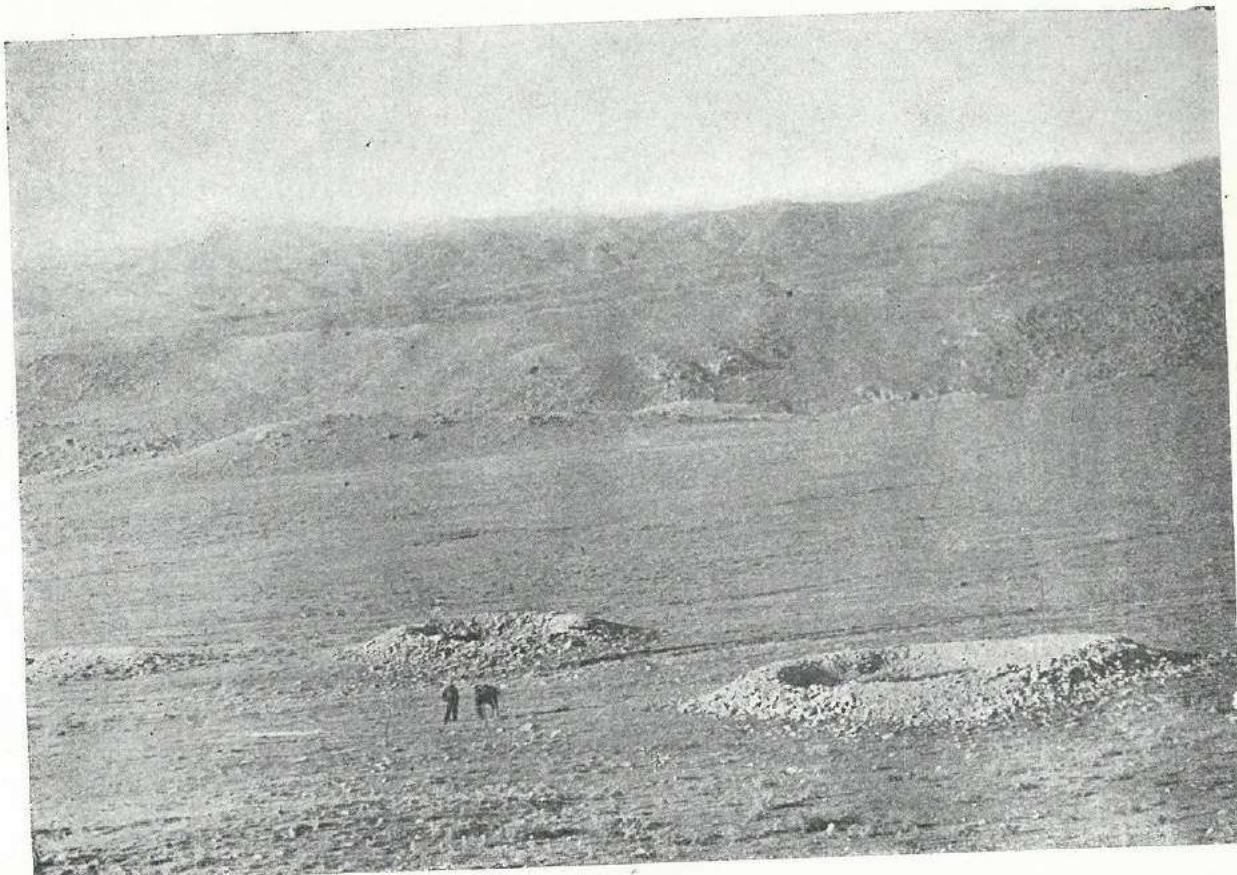
Бронзовое (волнолепно патинированное) с серебряной обоймочной копье из кургана XV

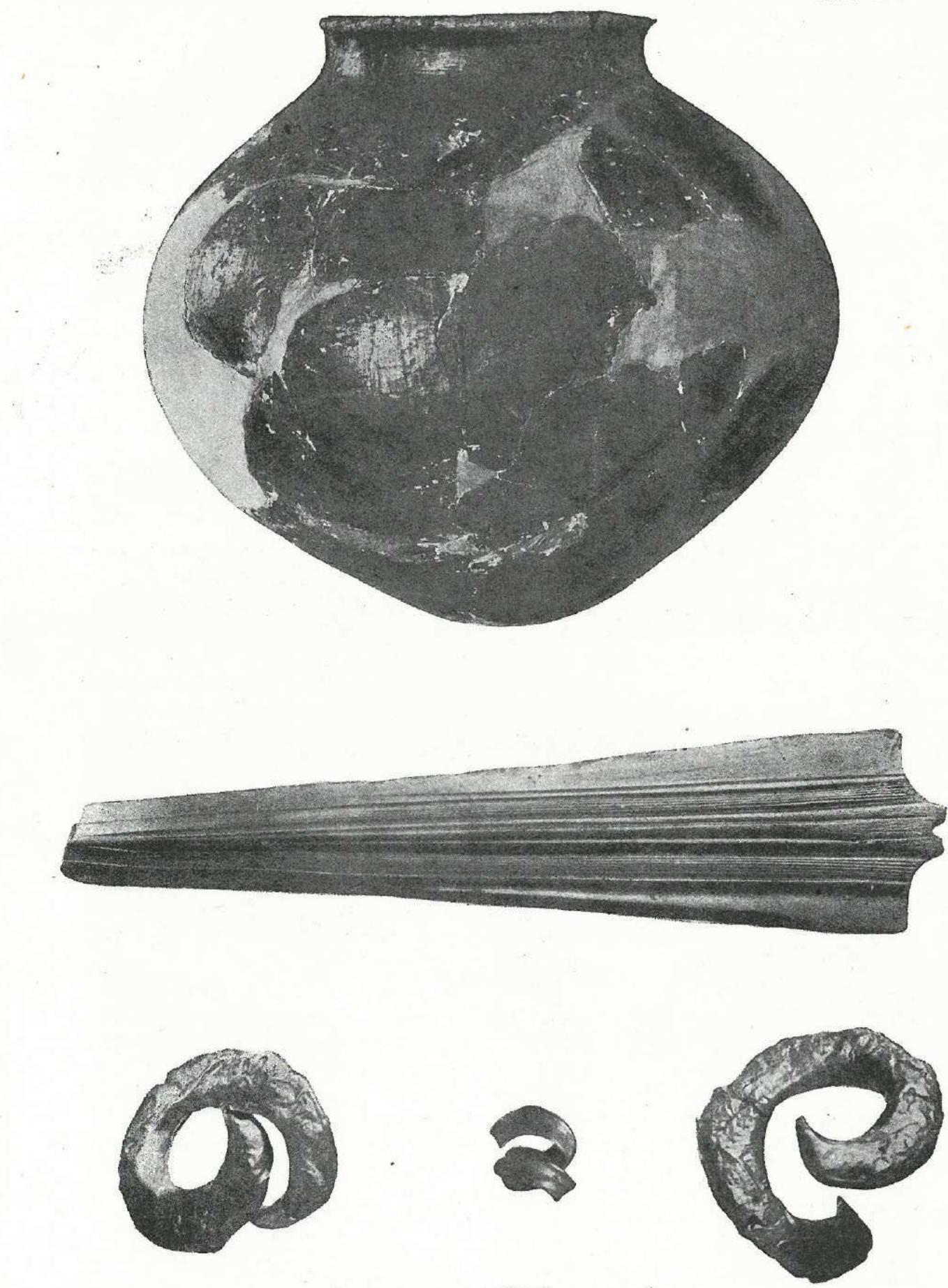
Обсидиановые наконечники стрел и „оношечки“ из курганов Триалети

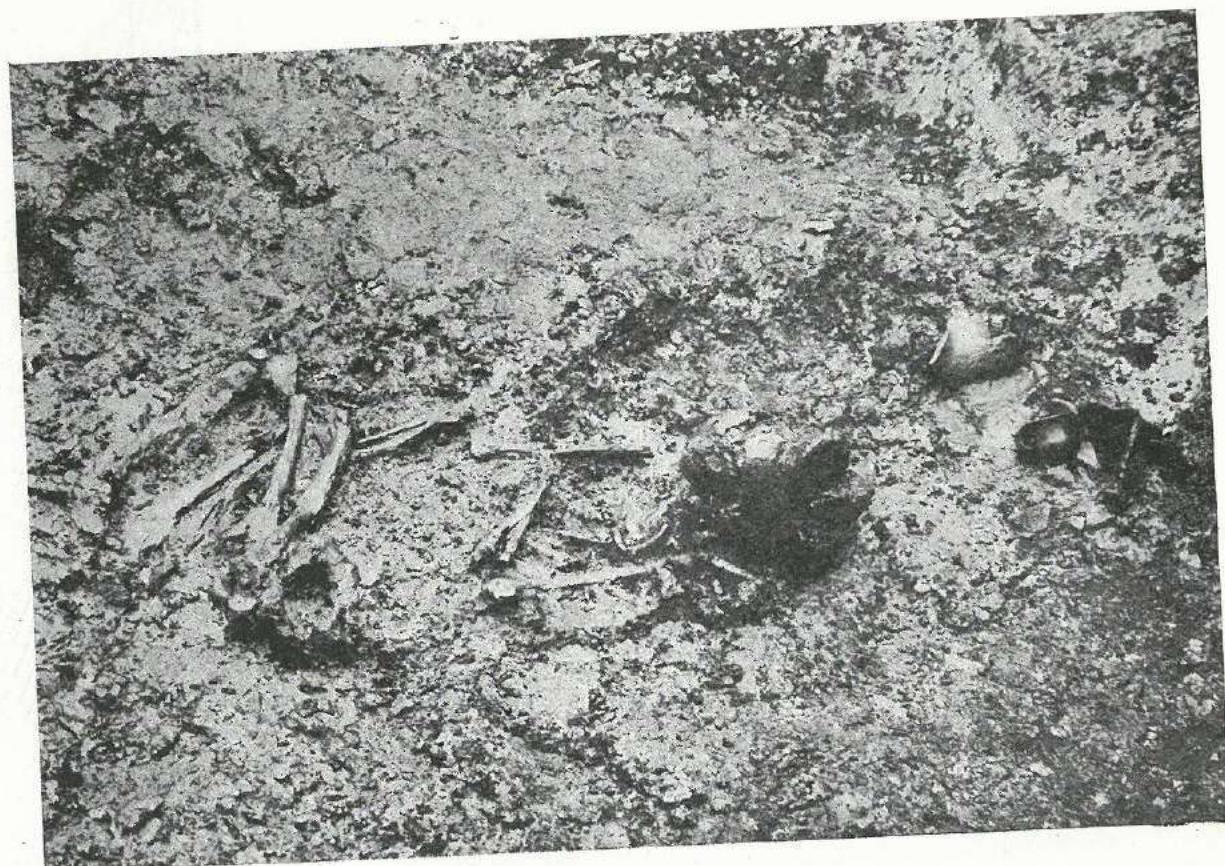
Деревянная четырехколесная повозка в кургане XXIX.
Сзади рабочего виден сочащийся по стене родник

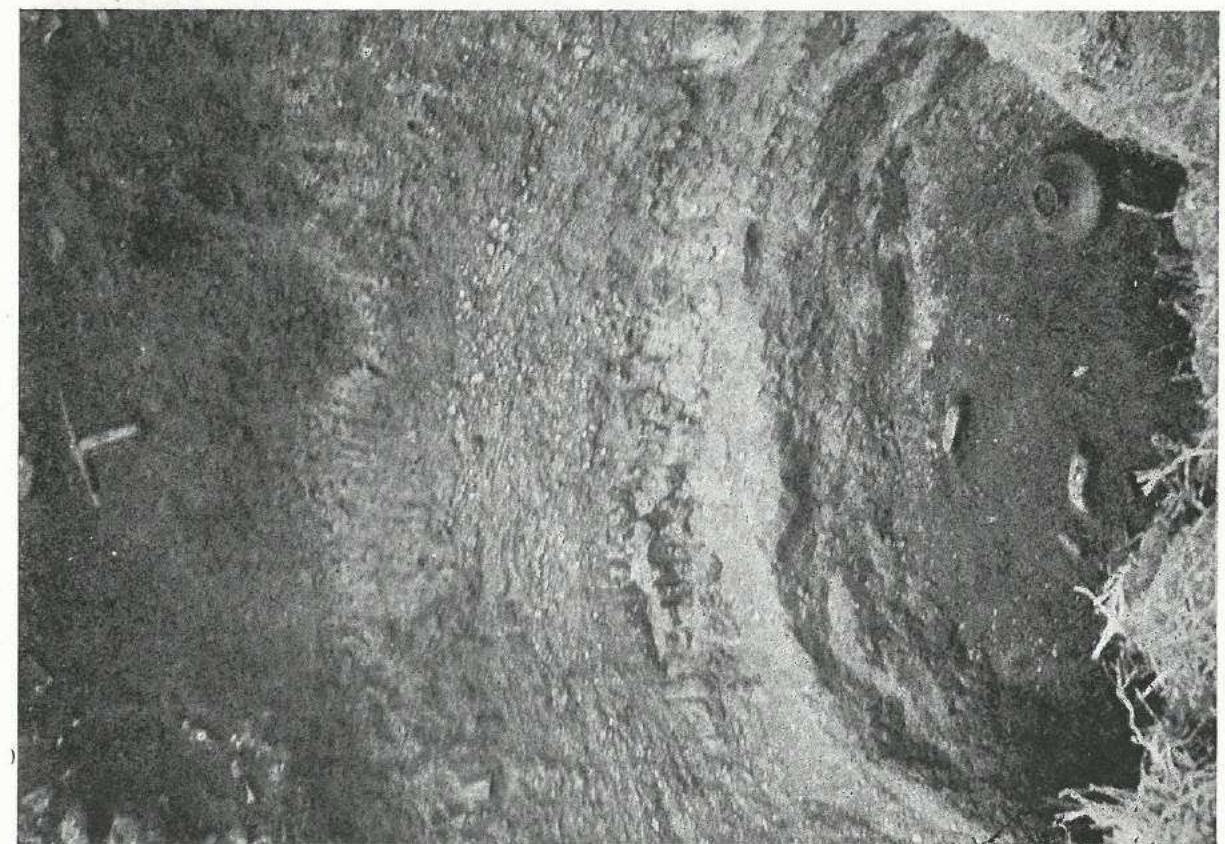
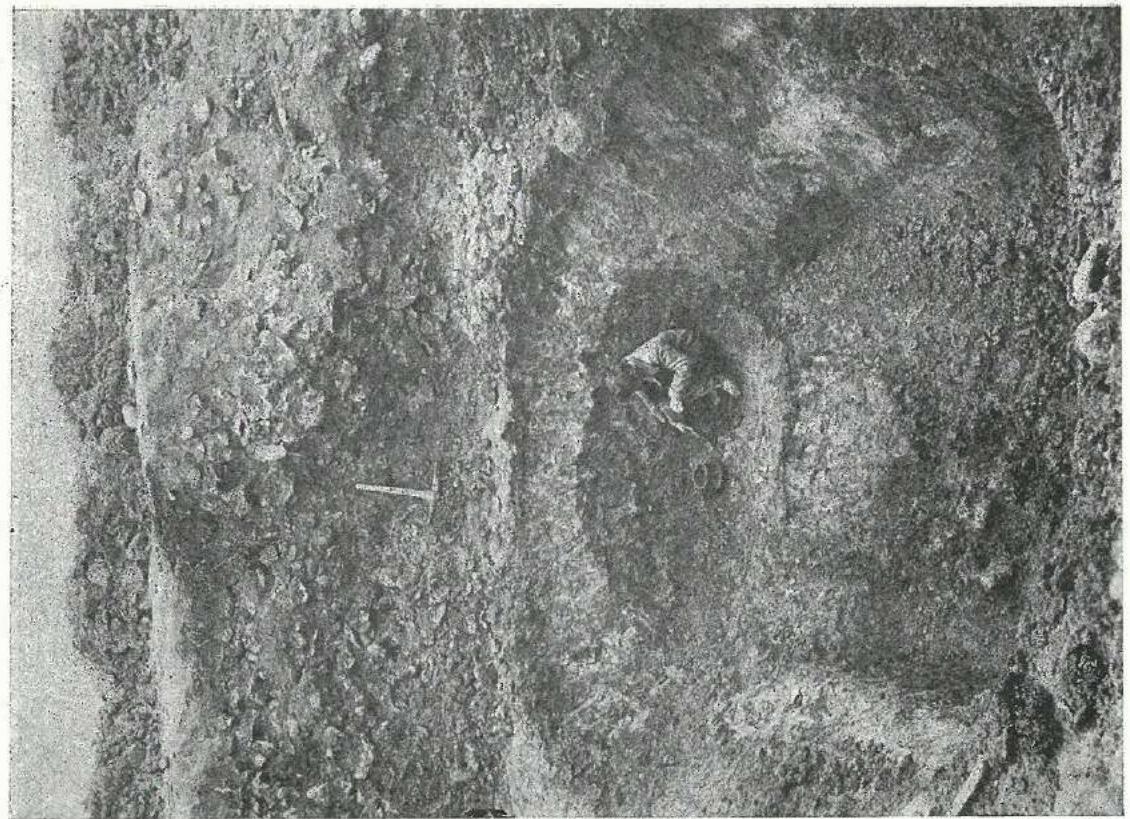
Курганы в уроцище Сабит Ахча: общий вид раскопанных курганов и родниковое озерко в погребальной яме кургана XXIX

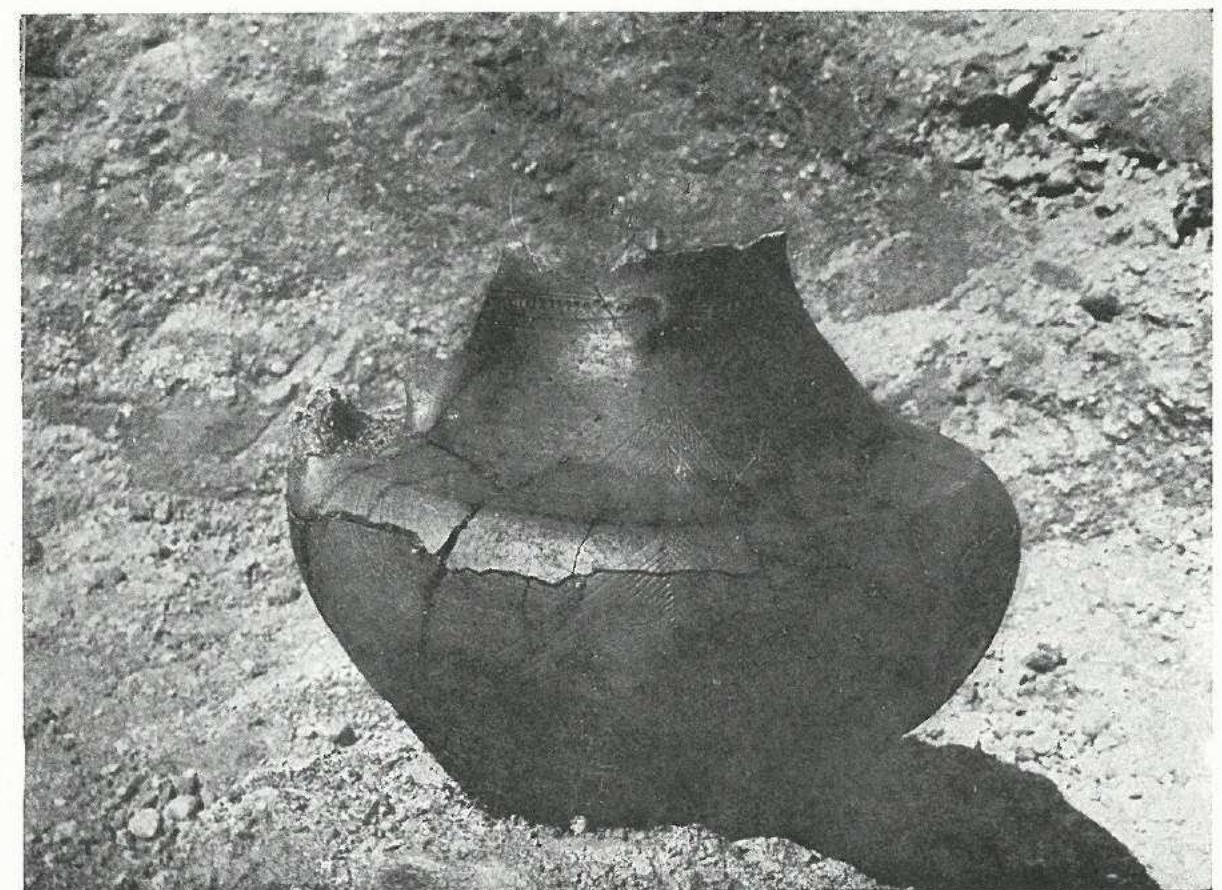
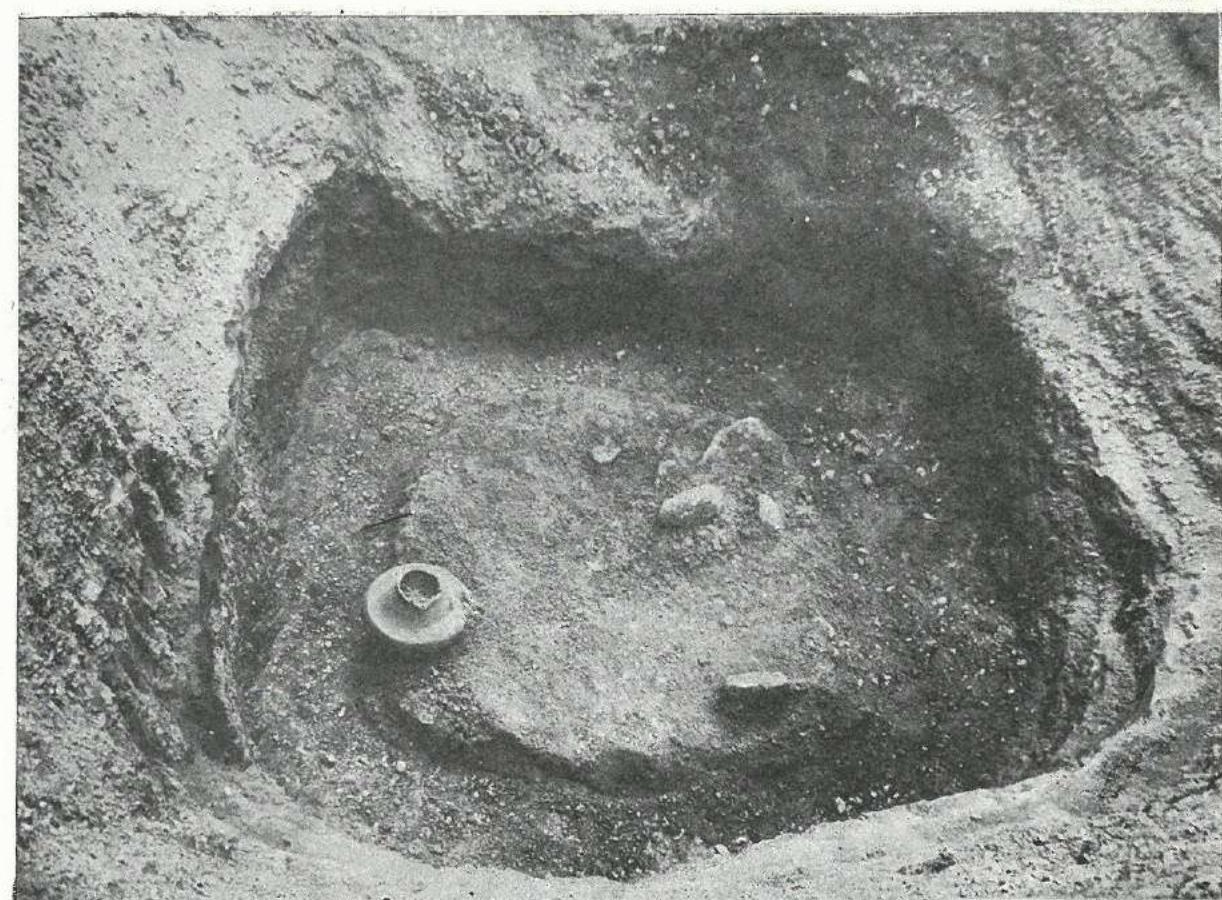

Инвентарь кургана XXIX (с колесницей)

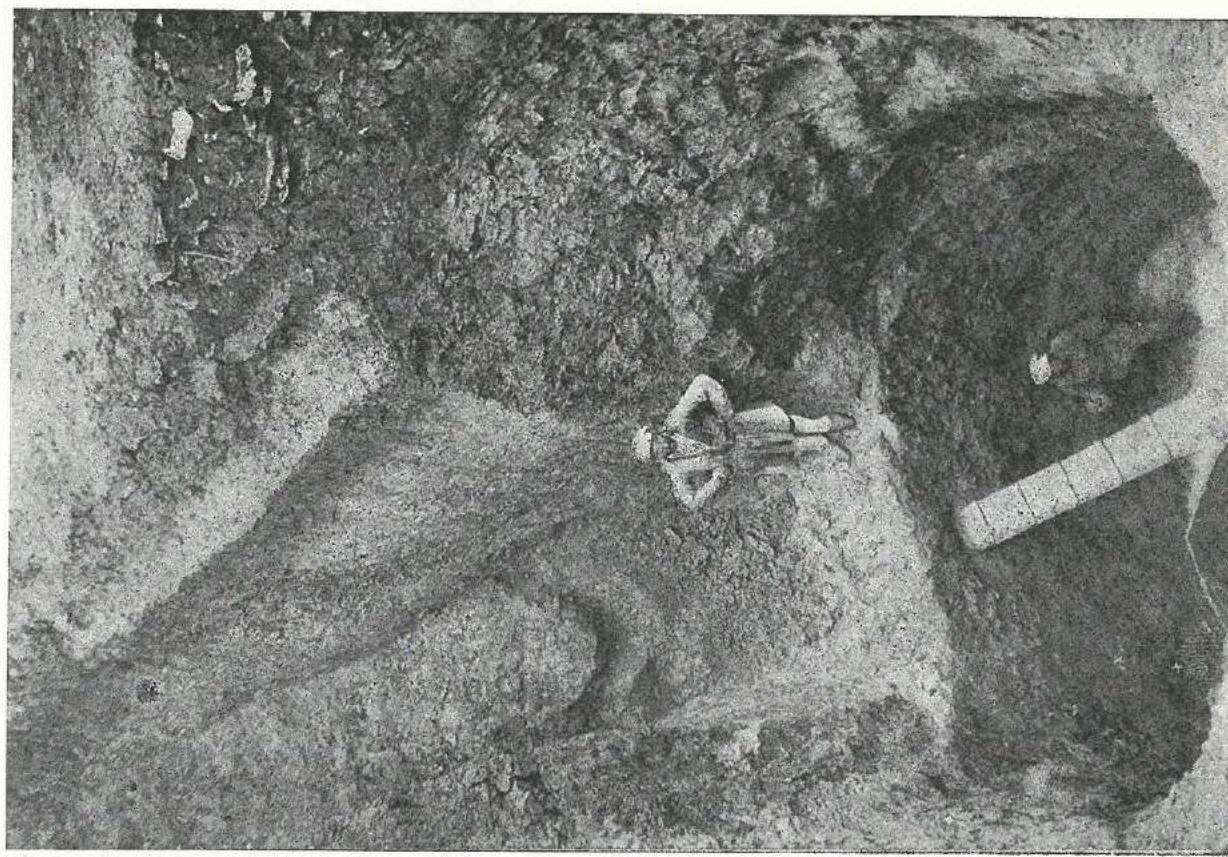
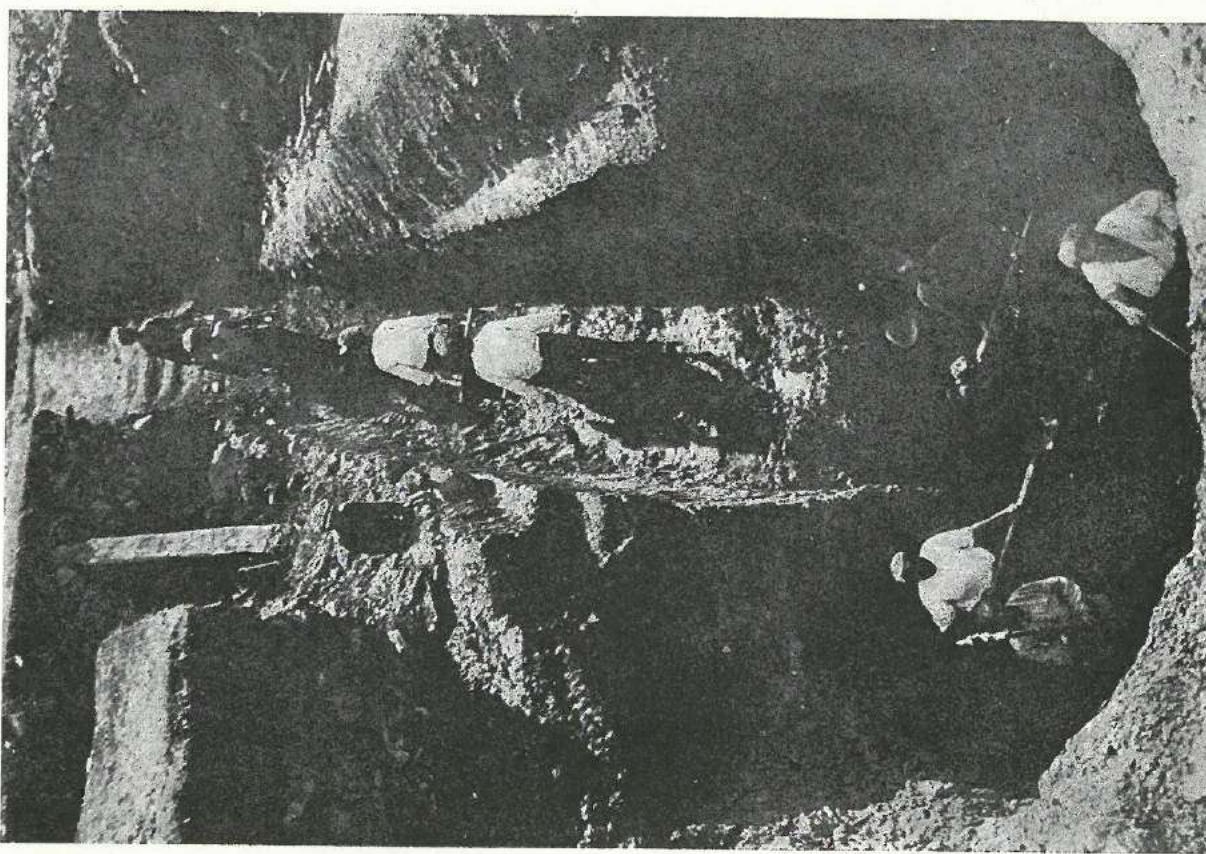

Погребения в ямных курганах XXII и XIII с сохранившимися костяками

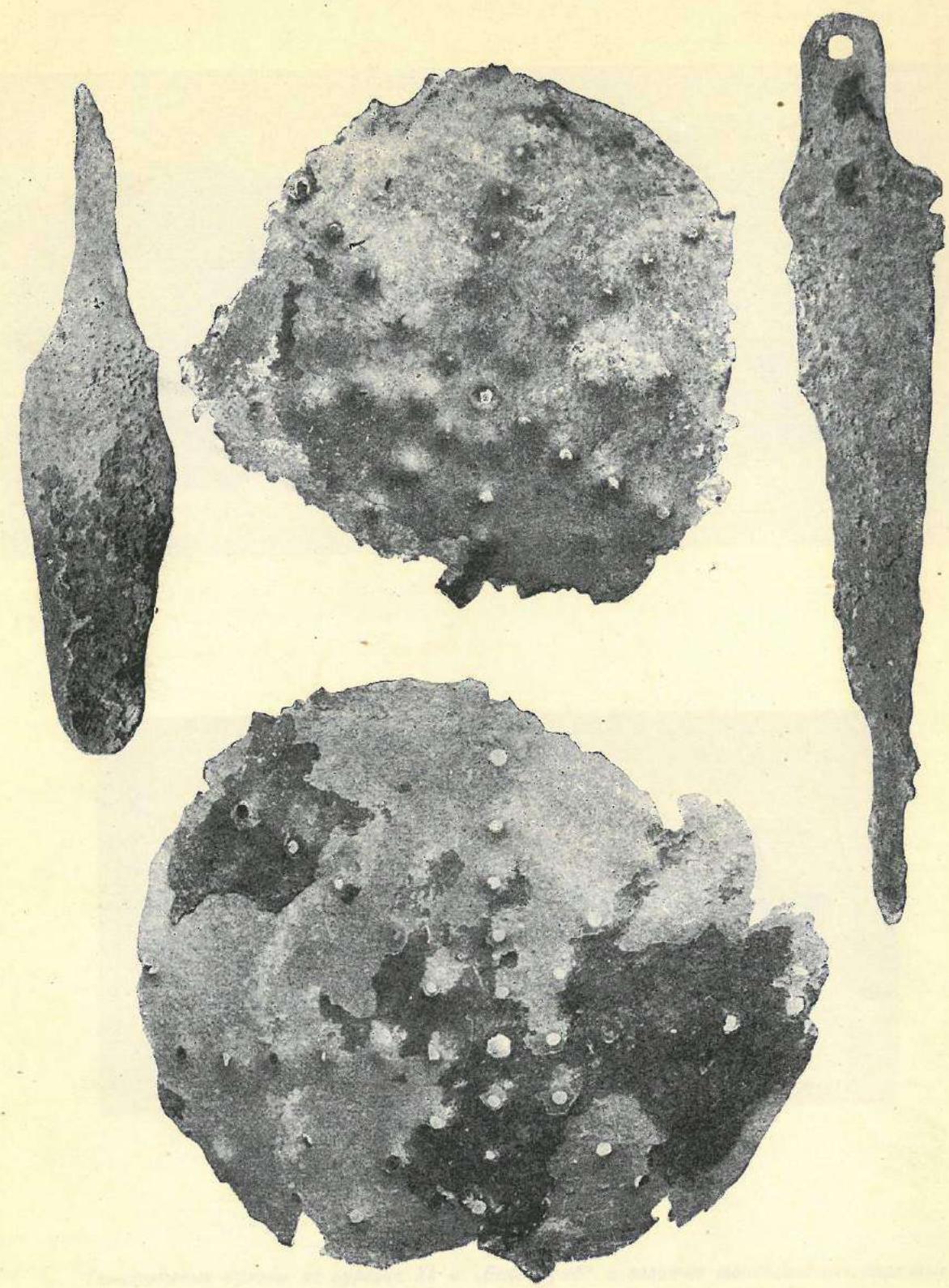
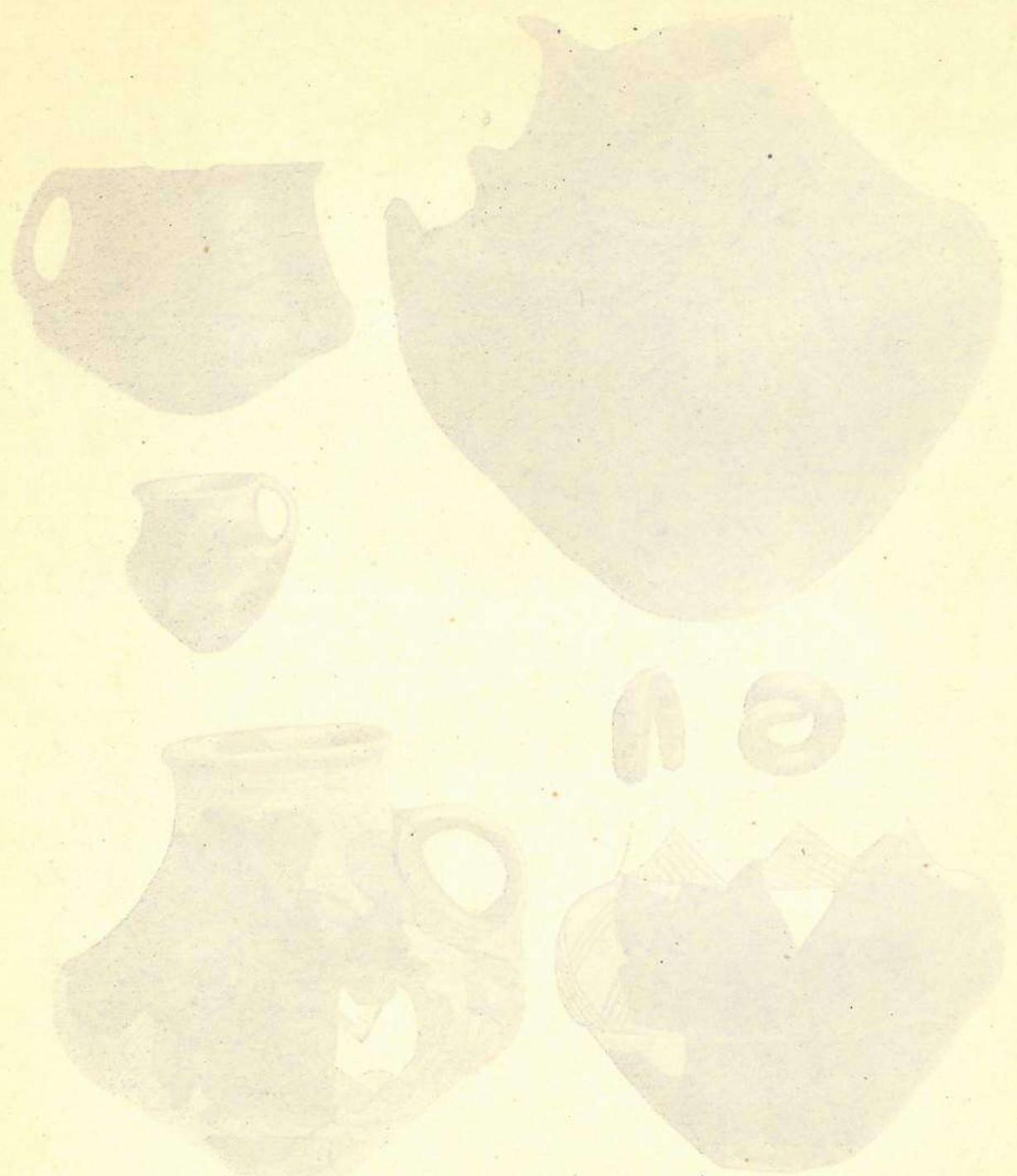
Погребение эпохи древней бронзы в кургане №18

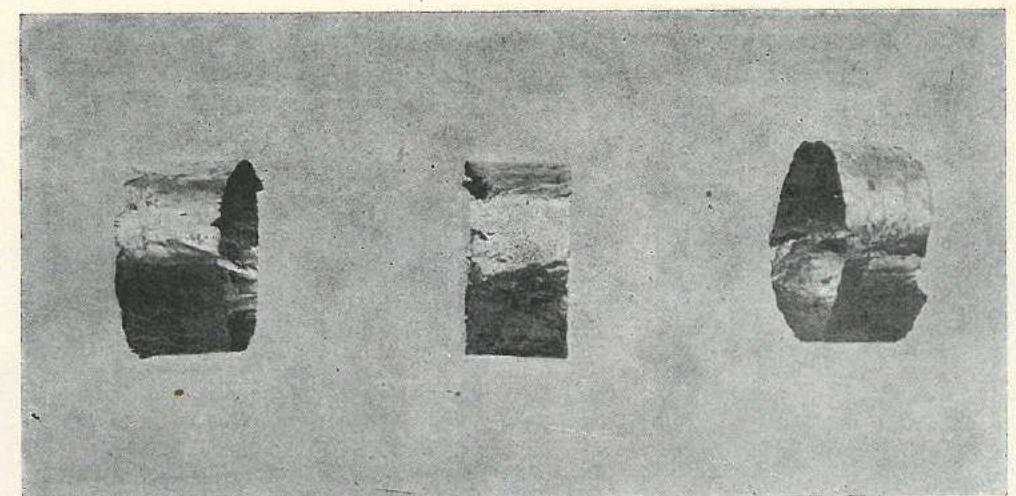
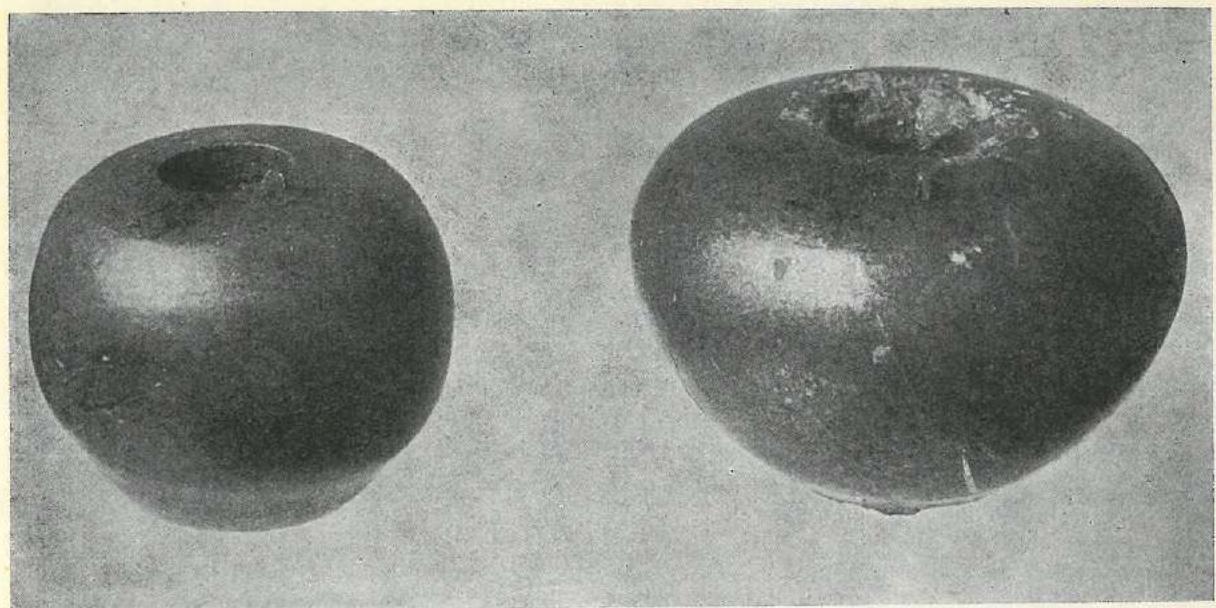
Погребальная яма в чургане X эпохи древней бронзы

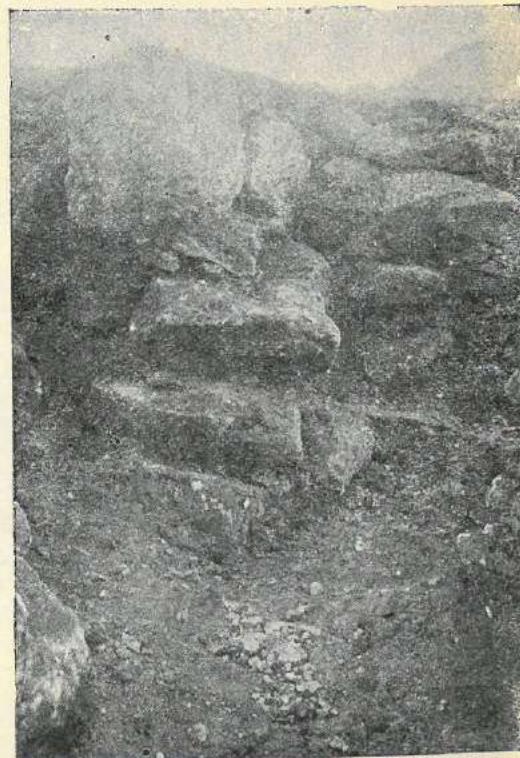
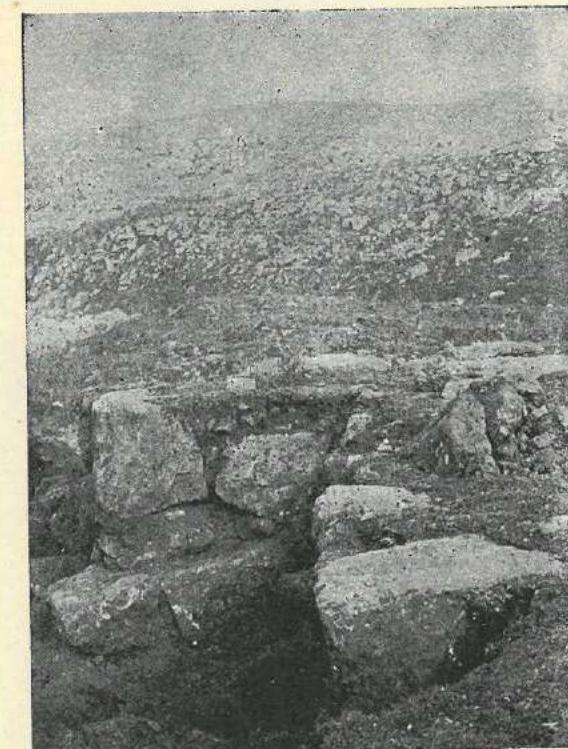
Образцы керамики деревянных курганов Триалети (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) и серебряный завитон (в нат. вел.)

Медный инвентарь „воина“ из погребения в кургане XL (в нат. вел.)

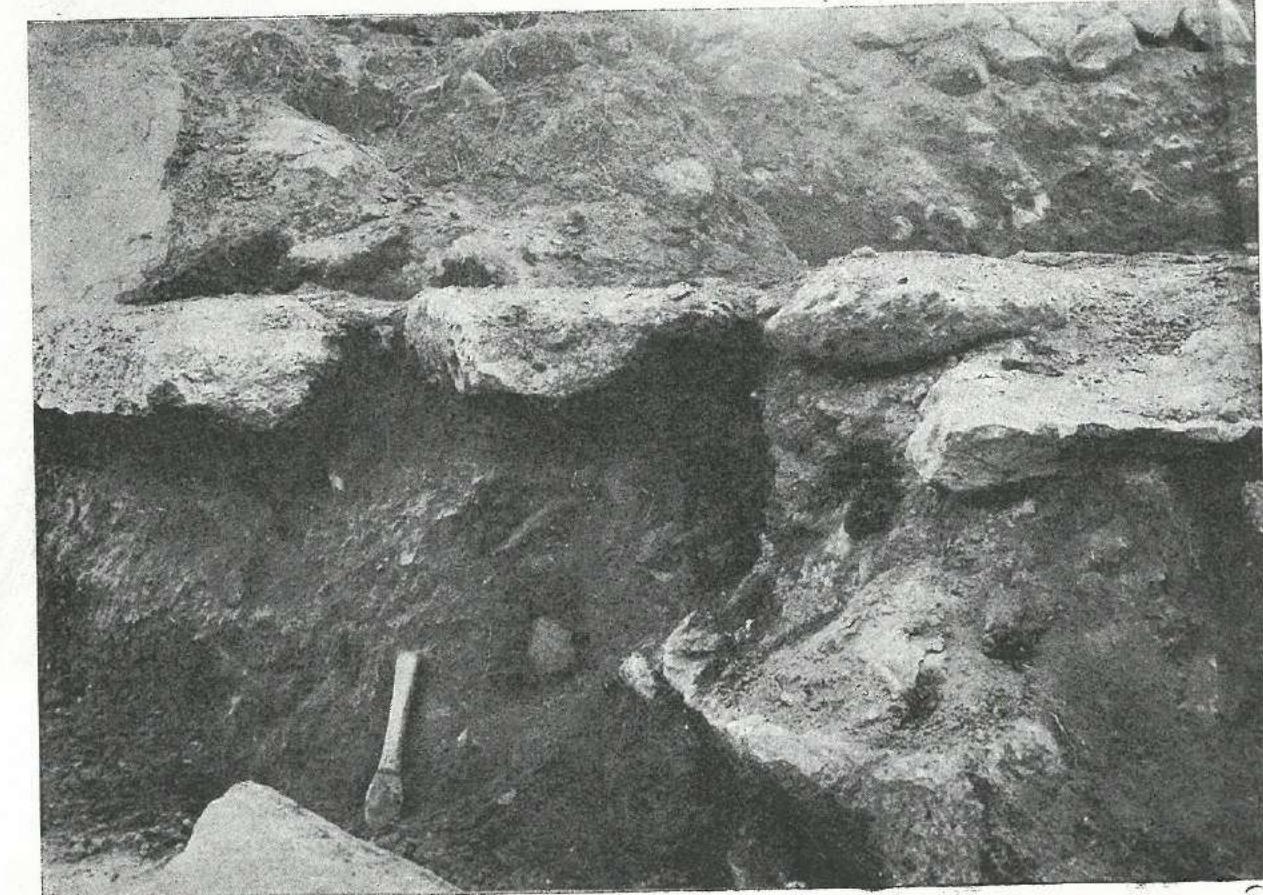
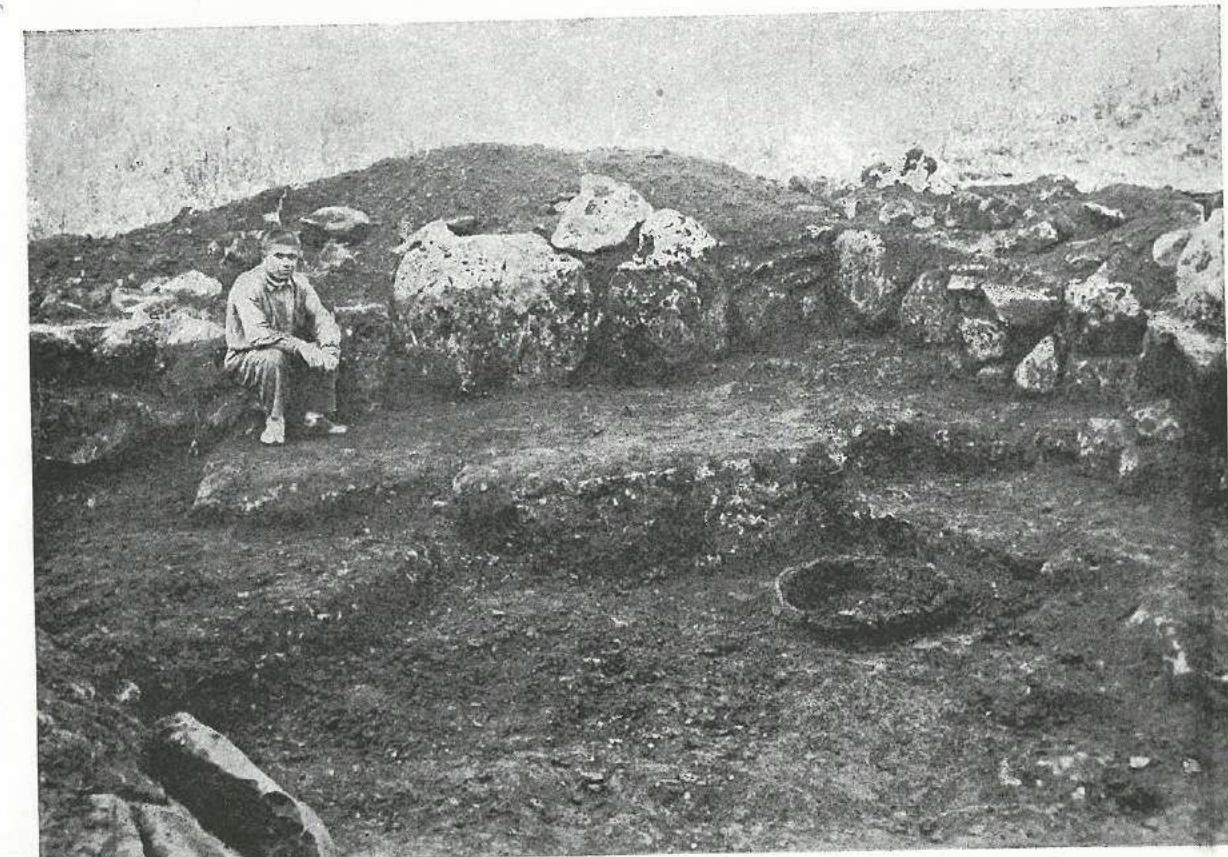

Гематитовые булавы из кургана XL и „Бююн-Тумб“ и золотые тоннолистовые спаянные золотом цилиндрические обкладки древка из кургана XL

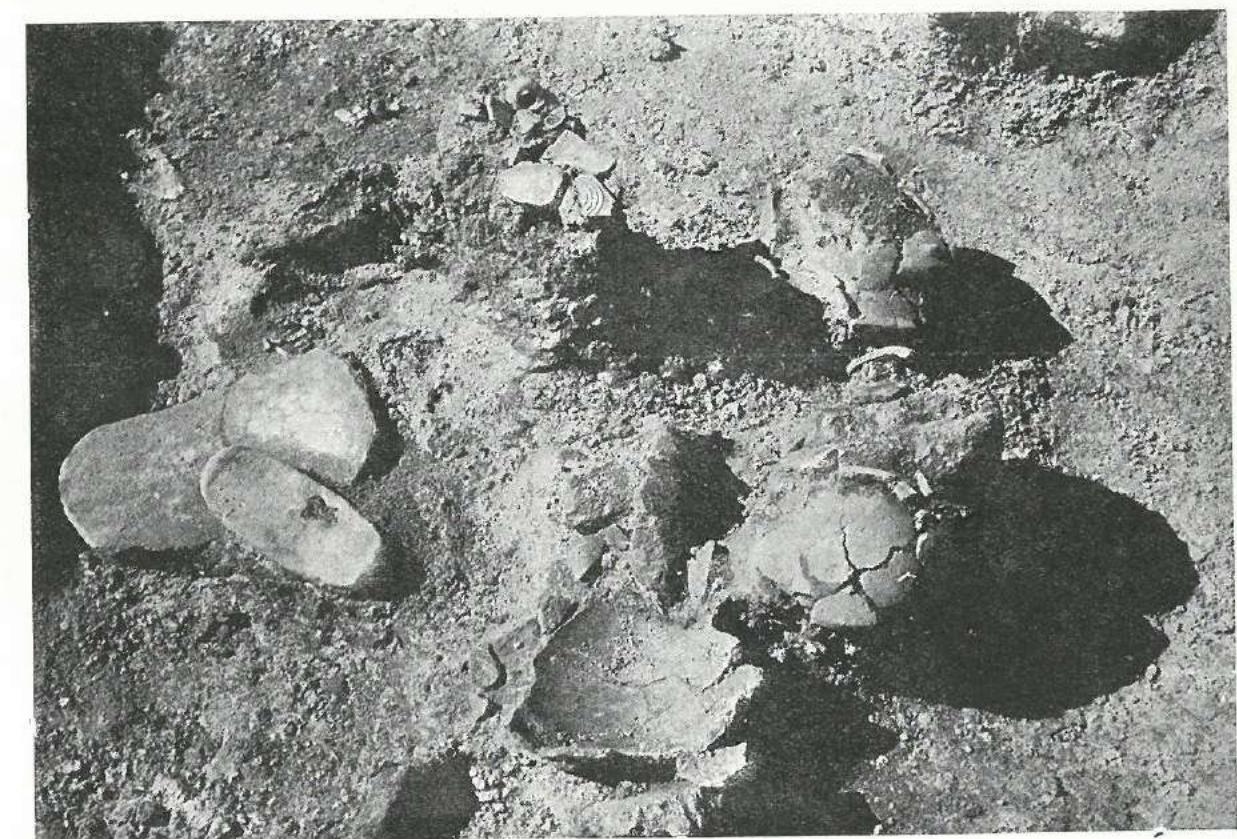
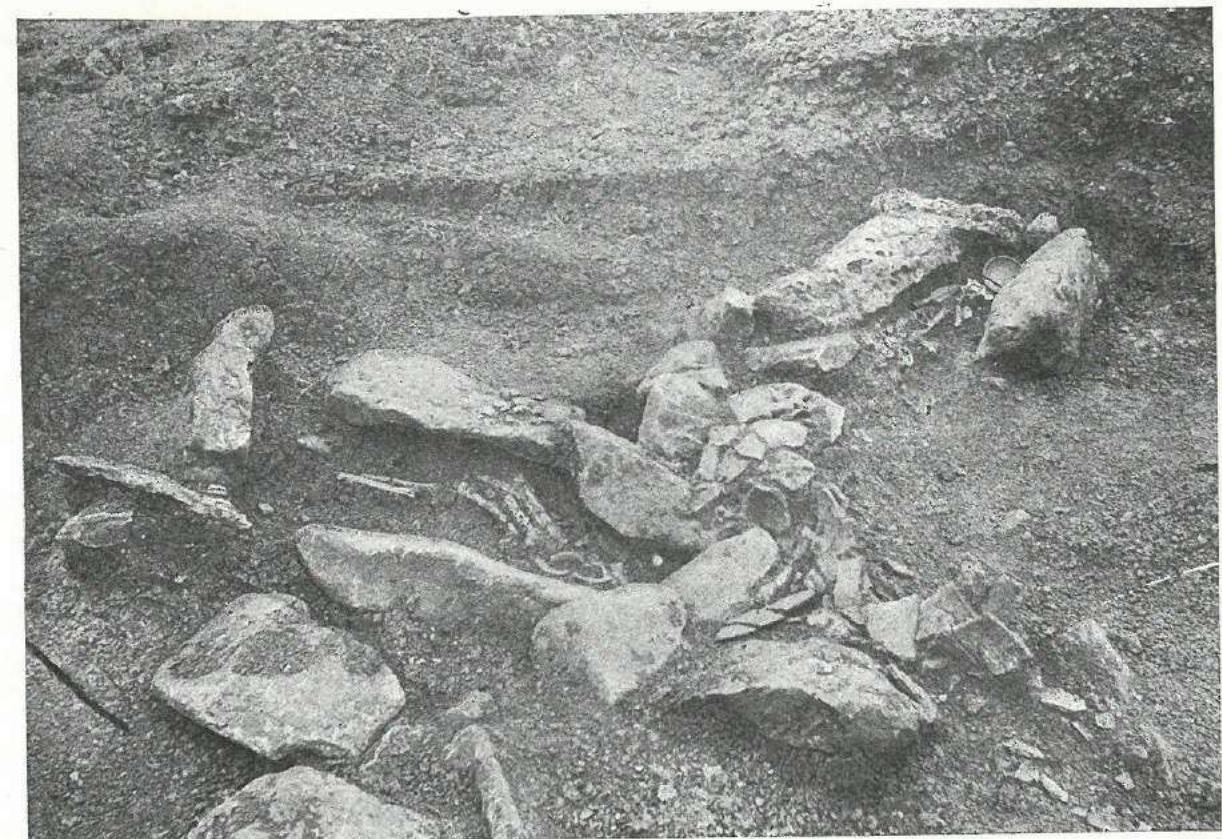

Вид на северо-восточный участок Бештаишской крепости с энеолитическим культурным слоем и остатками северной стены циклопической кладки

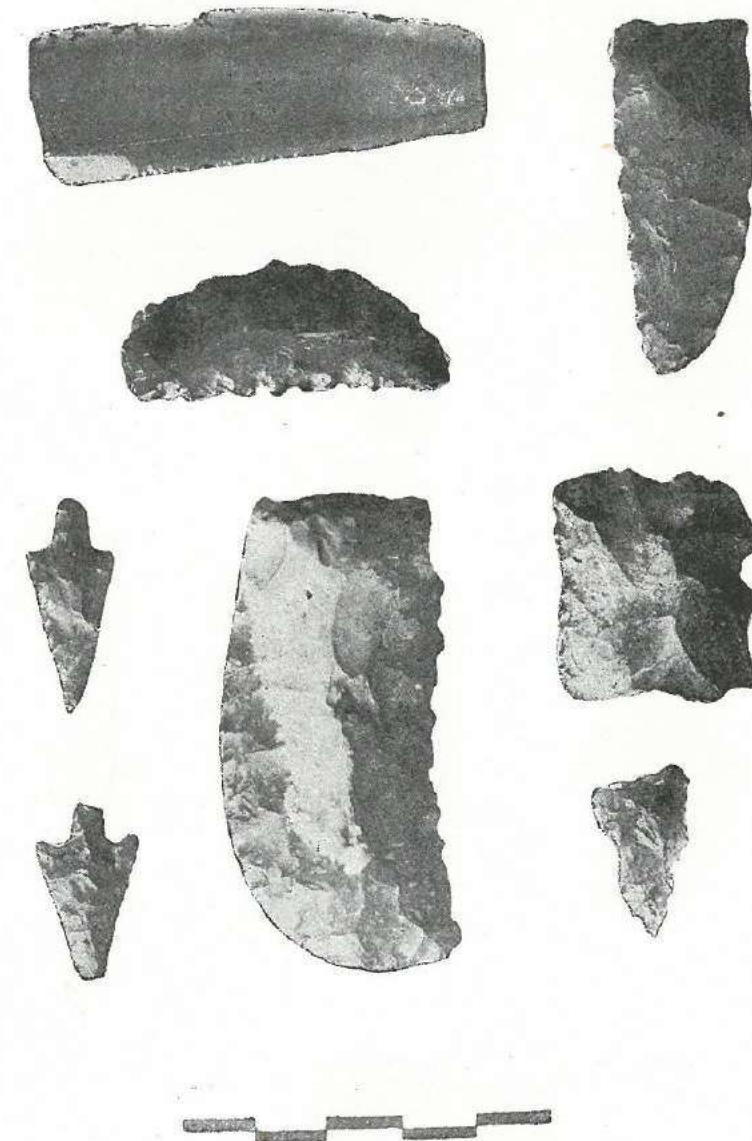
Общий вид на северо-восточный участок Бештаишской крепости с энеолитическим культурным слоем и остатками северной стены циклопической кладки

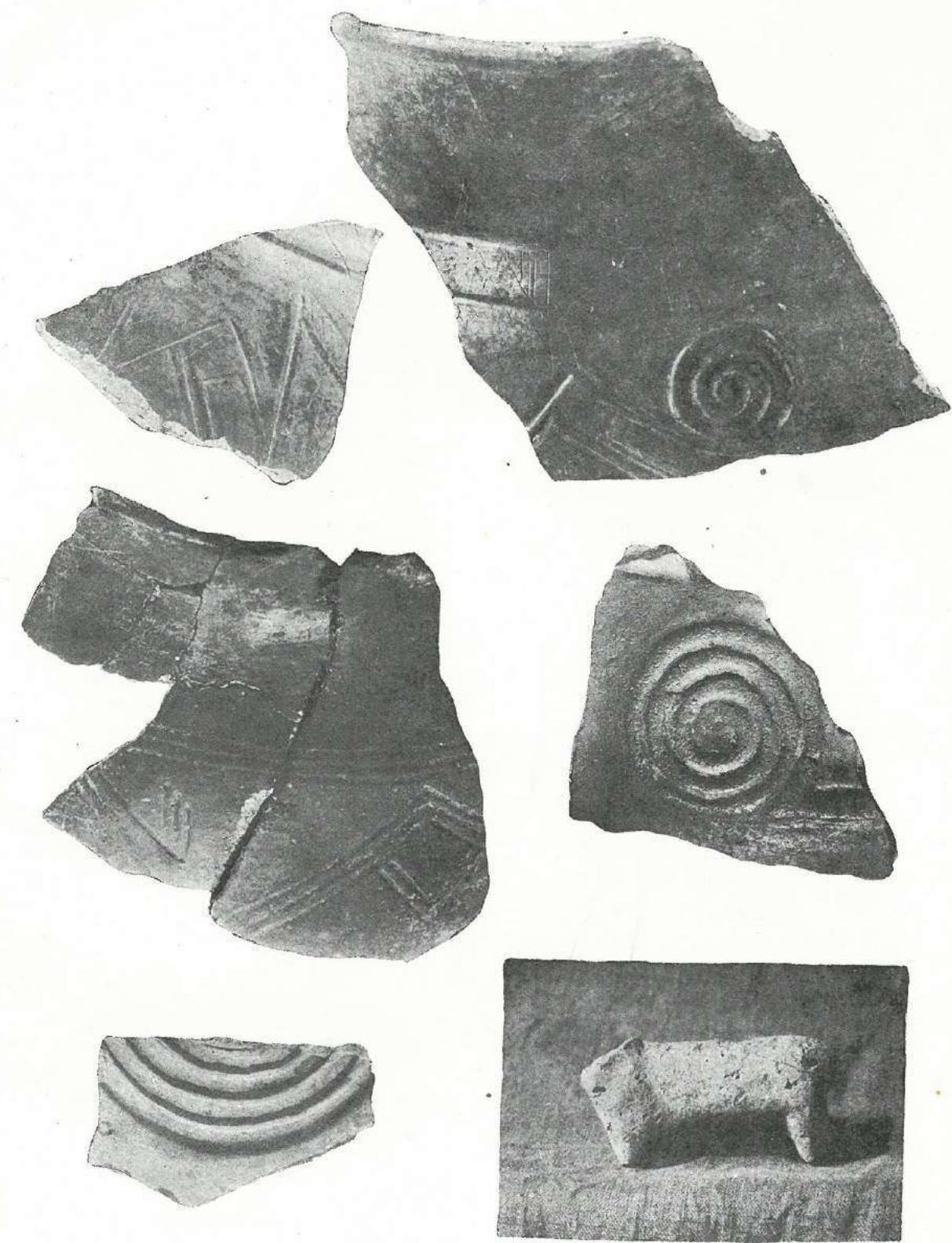
Четырехугольное жилище с глиняной «торнөй» в верхнем культурном слое Бешташечной крепости и нижний энеолитический культурный слой под настилом из каменных плит

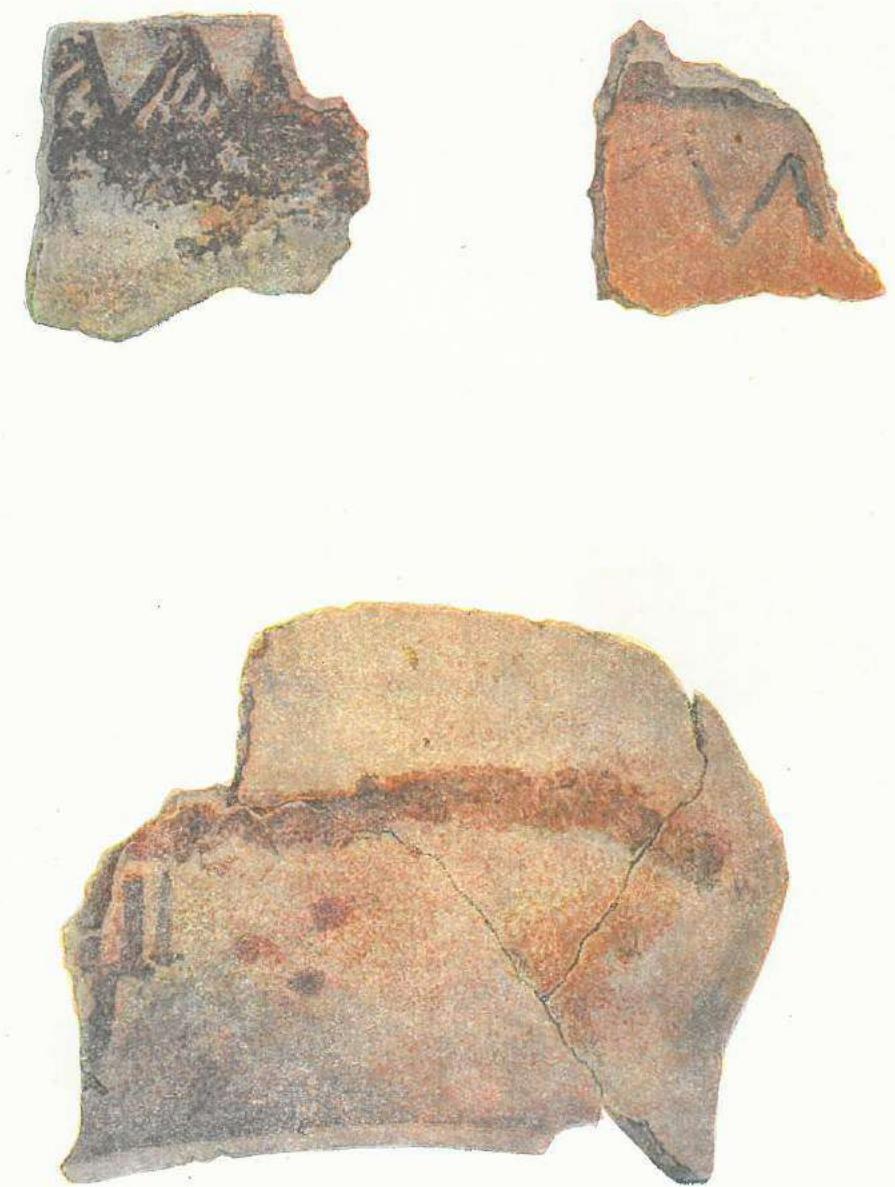
Энеолитический культурный слой, нарушенный ящичными погребениями середины I тысячелетия до нашей эры, и энеолитический очаг вне стэн Бешташской крепости

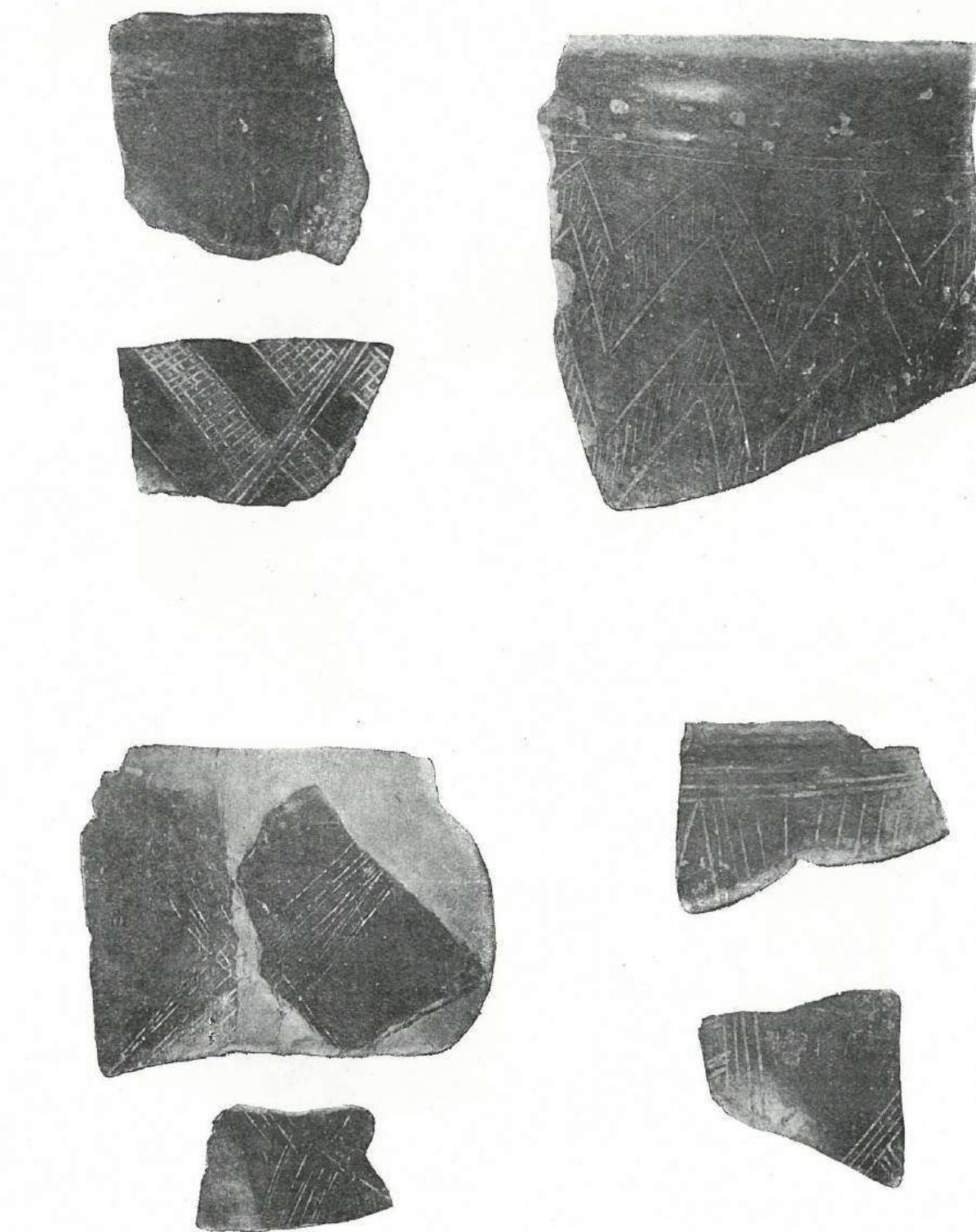
Кремневый инвентарь энеолитического слоя и древних курганов (в нат. вели.)

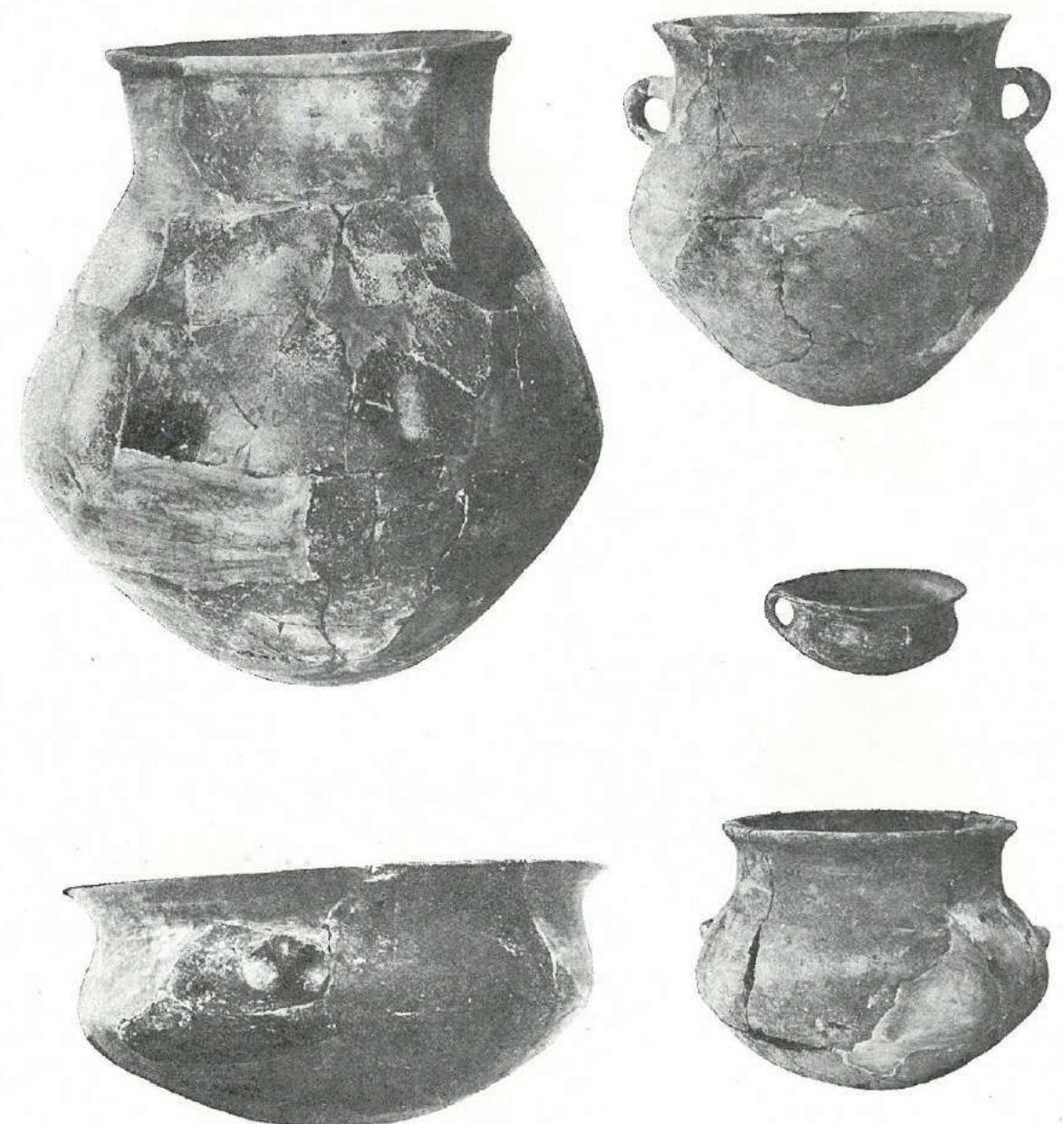
Образцы художественной керамики и фигурка животного из энеолитического слоя Бешташской крепости

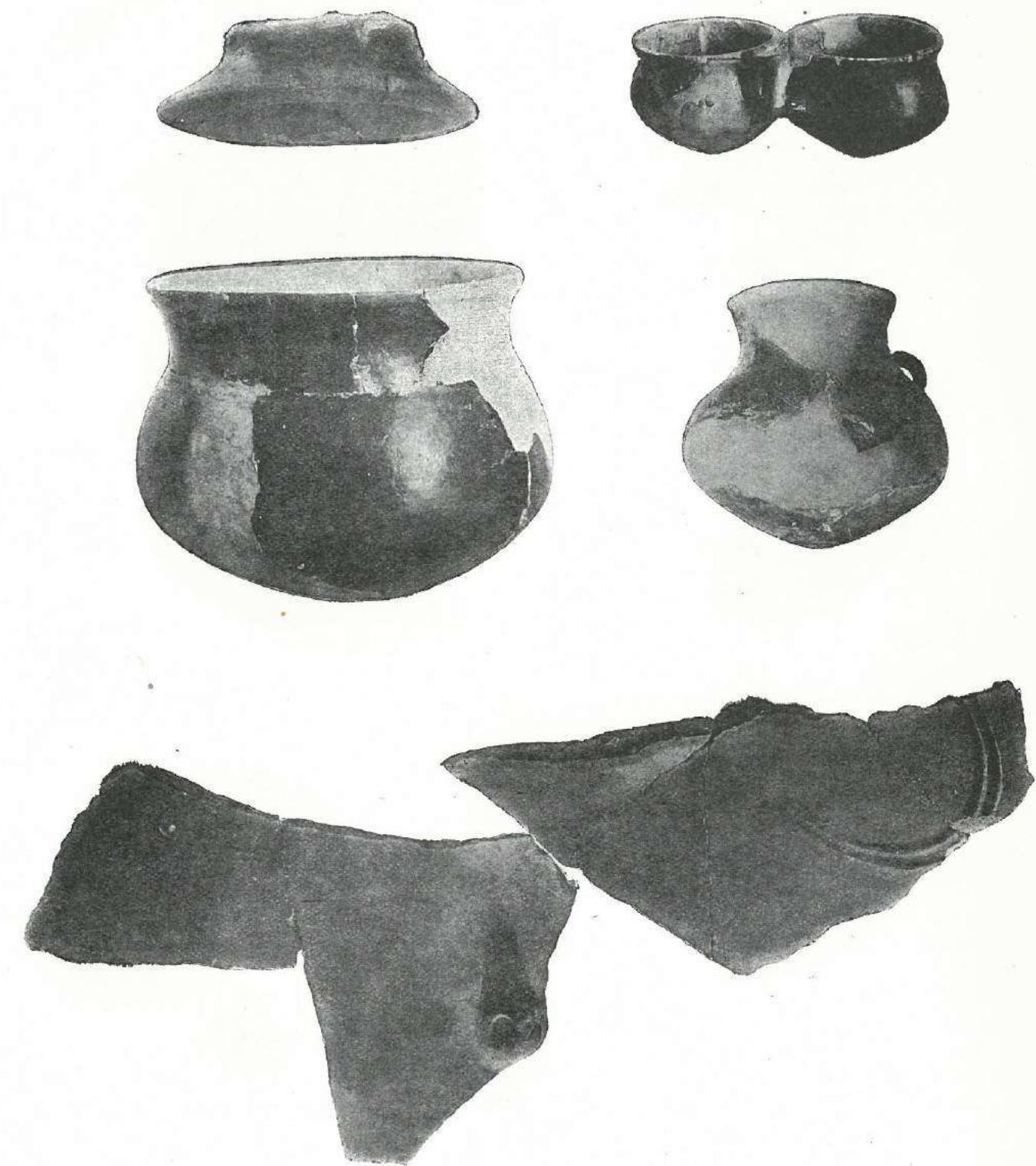
Образцы расписной керамики из верхних частей энеолитического слоя
Бешташенской крепости (в $\frac{3}{4}$ нат. вел.)

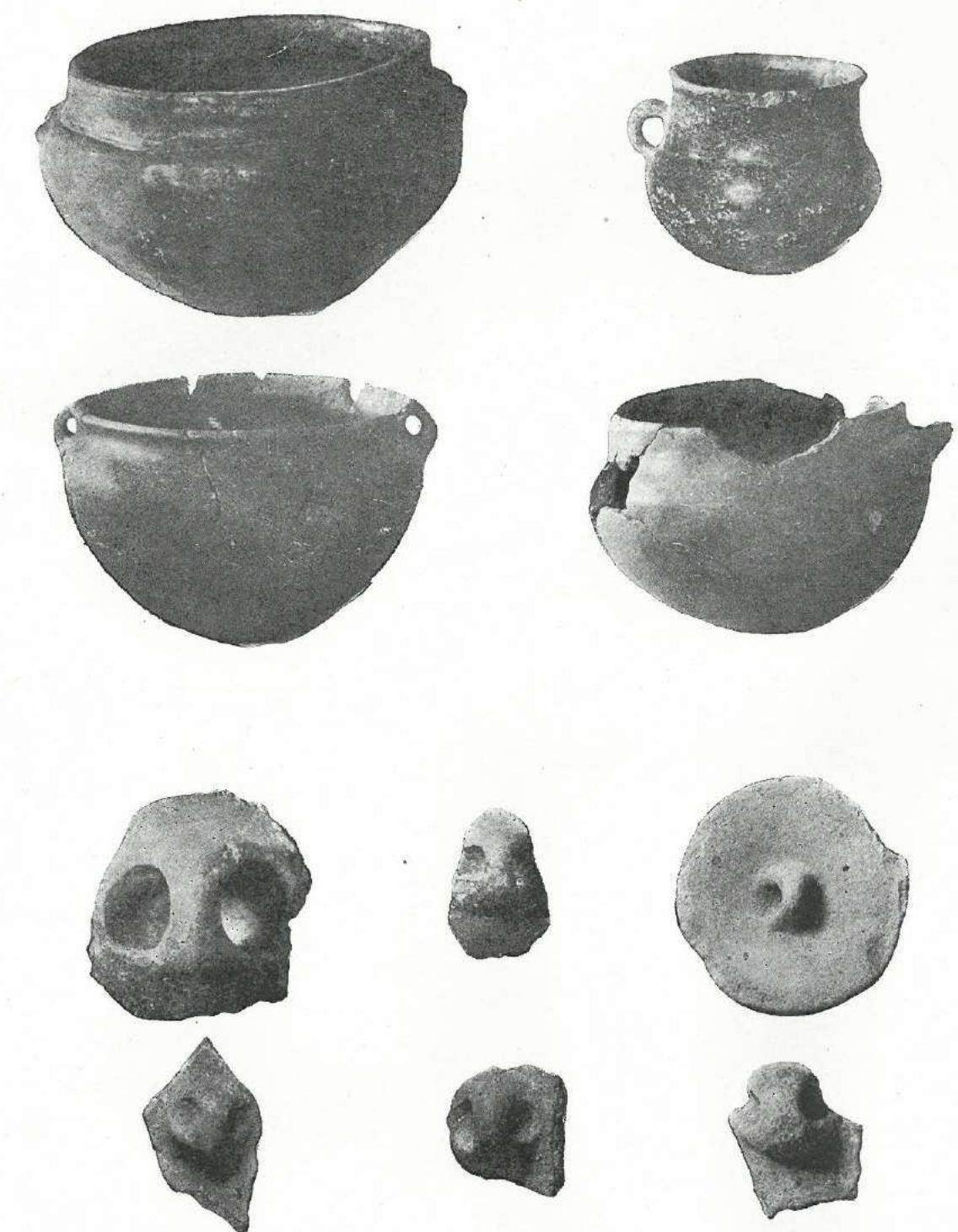
Образцы чёрнопощёноной керамики с вдавлено-резным ленточным орнаментом
из культурного слоя Бешташской крепости

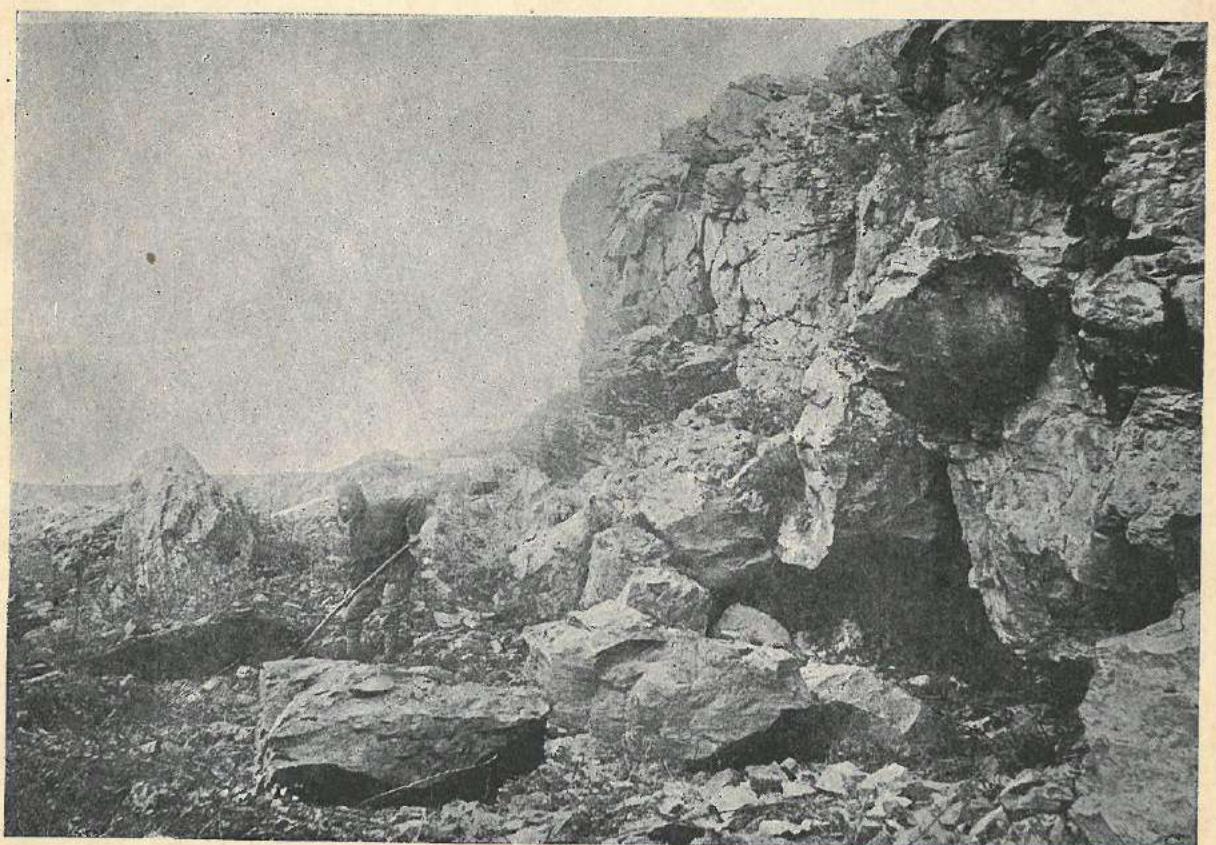
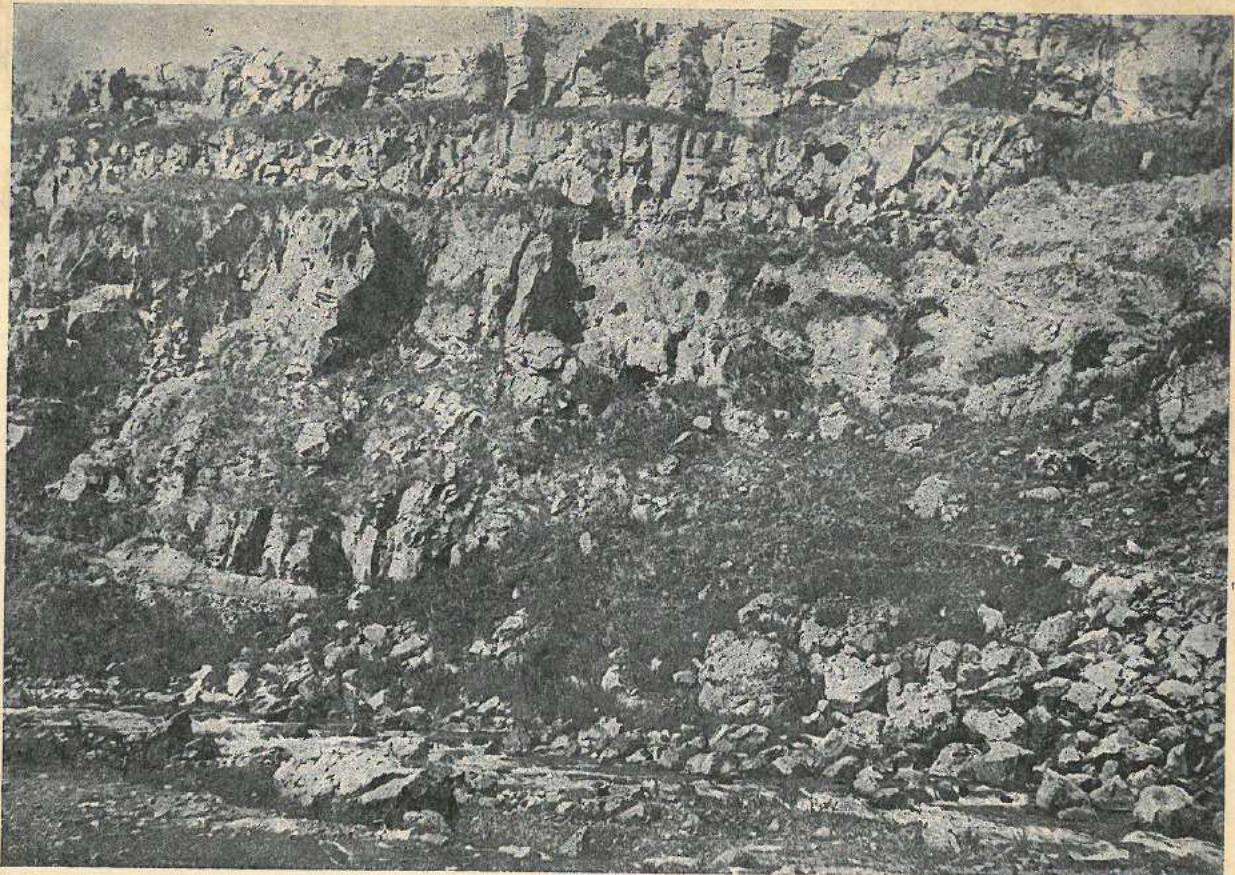
Керамика энеолитического очага и энеолитического культурного слоя
Бешташенской крепости (в $\frac{1}{5}$ nat. vel.)

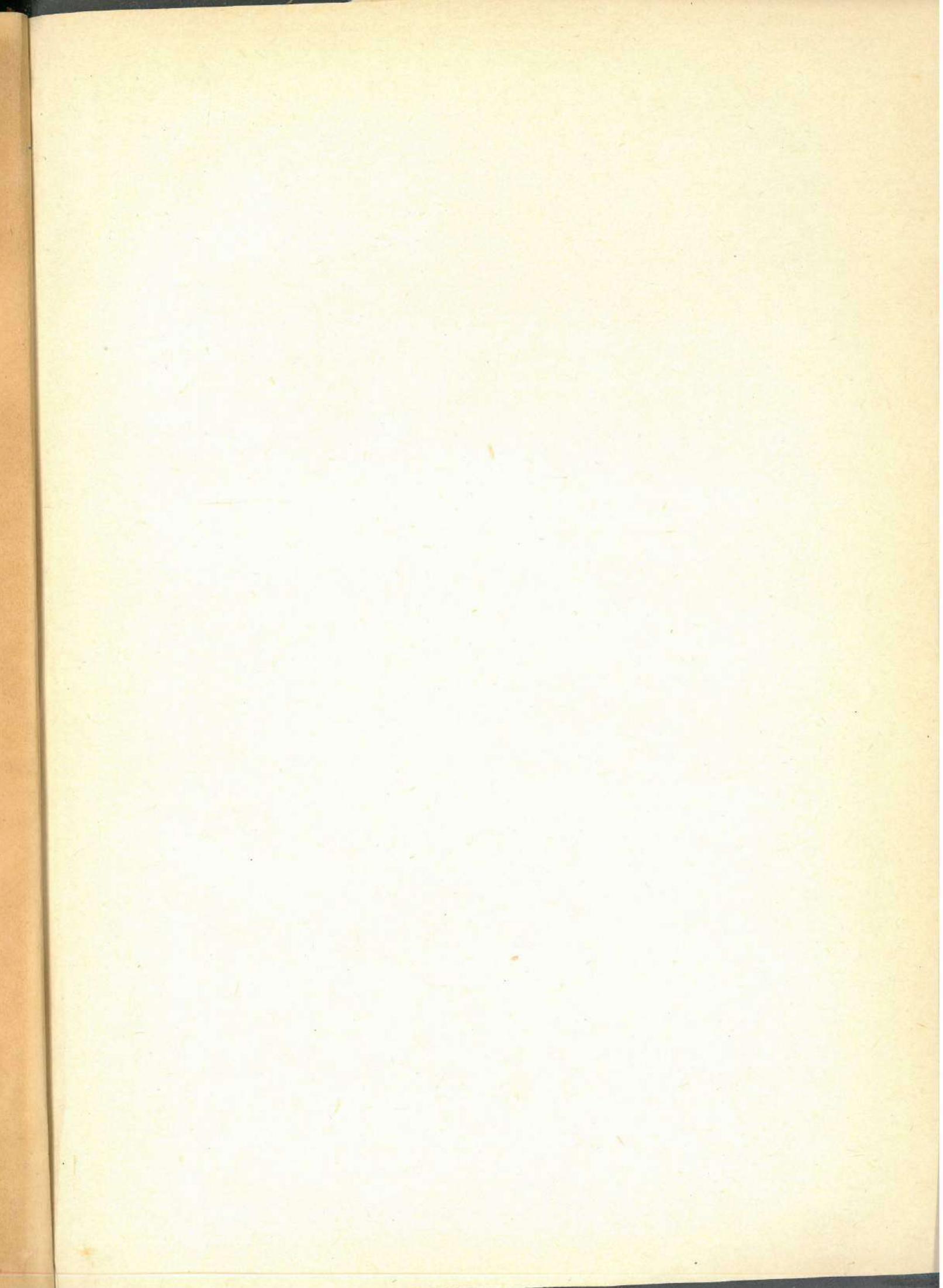
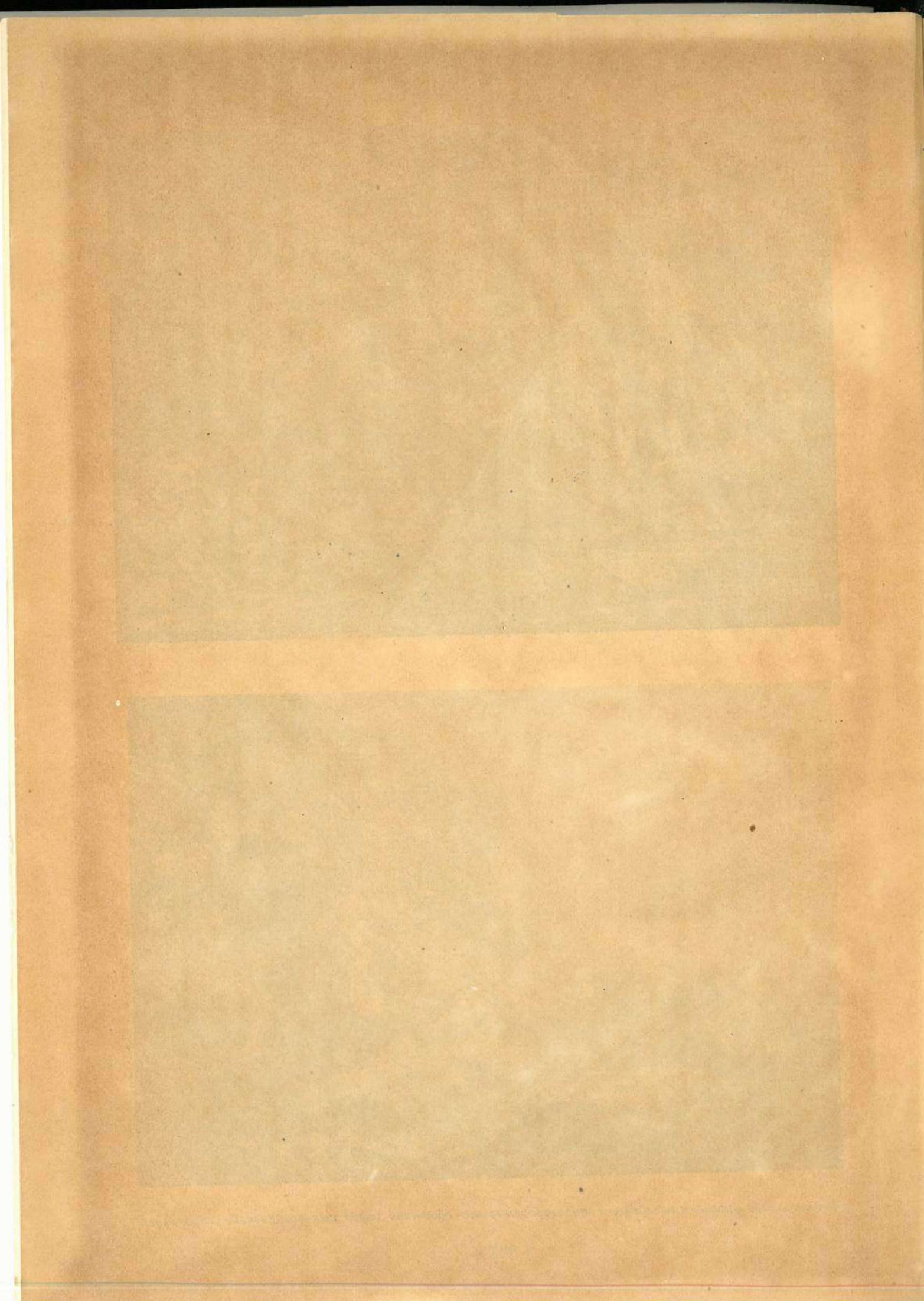
Образцы керамики из энеолитического слоя Бешташской крепости

Образцы керамики энеолитических погребений (в $\frac{1}{3}$ nat. вел.) и ручек из культурного слоя (в $\frac{1}{5}$ nat. вел.)

Бармансызское ущелье и площадка с эпипалеолитической стоянкой перед пещерообразным углублением

7-50.